

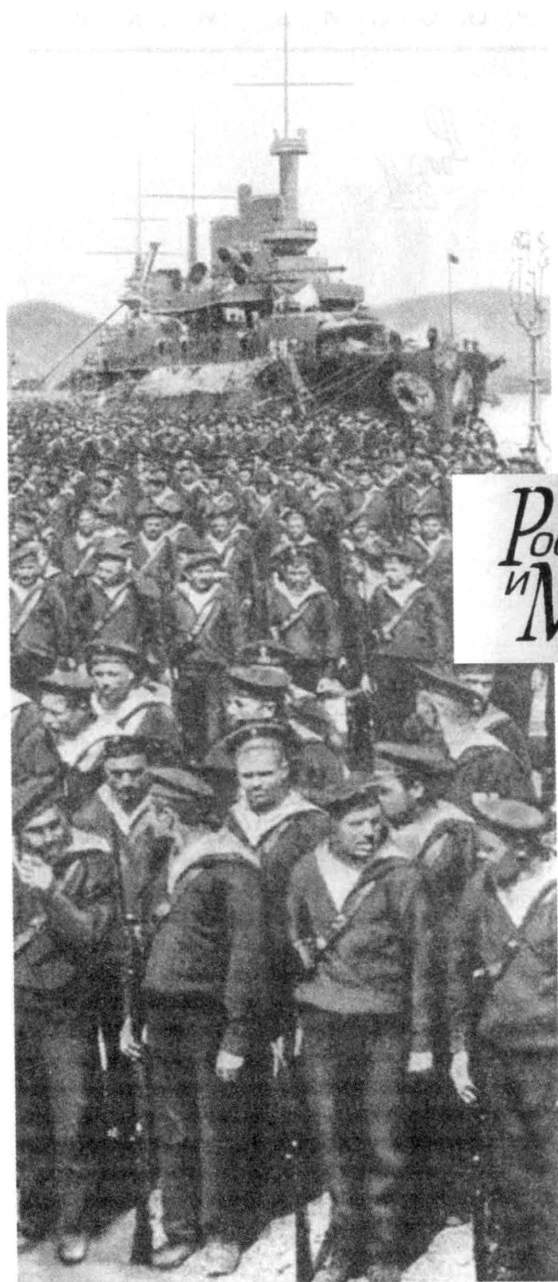
ВЯЧЕСЛАВ
ШАЦИЛЛО

ЛАРИСА
ШАЦИЛЛО

Россия
и Мир

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904 — 1905

Россия
и Мир

Вячеслав ШАЦИЛЛО
Лариса ШАЦИЛЛО

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ
ВОЙНА
1904 — 1905**

Москва
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)53
Ш 31

Серия основана в 2004 году

Серийное оформление
ИГОРЯ СУСЛОВА

ISBN 5-235-02665-9

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2004

ВВЕДЕНИЕ

Новый XX век в Санкт-Петербурге и Москве встречали с широтой и размахом, шампанское текло рекой. У российской элиты, казалось, не было серьёзных поводов для беспокойства: в экономике страны продолжался период бурного роста, внутреннее положение России, несмотря на отдельные проблемы, в целом оставалось относительно стабильным, на международной арене особых катаклизмов в ближайшем будущем также не предвиделось.

Однако эта стабильность и благополучие были кажущимися. Уже на следующий год Россию настиг жестокий экономический кризис, который вызвал невиданный доселе в истории страны подъём рабочего движения, по необъятным просторам империи прокатились стихийные бунты крестьян, требовавших ликвидации крепостнических пережитков на селе, все громче и громче о своих политических амбициях стала заявлять окрепшая национальная буржуазия, наиболее прогрессивные представители которой неустанно говорили о необходимости ограничения самодержавия, модернизации страны, создания гражданского общества и ответственного перед народом правительства. Перед «Царём всея Руси», его правительством встали острейшие задачи, требовавшие немедленного разрешения.

Однако ни сам Николай, ни многие члены его правительства, к сожалению, так и не поняли, что на карту поставлено будущее их Родины. Вместо проведения последовательных социально-экономических и аграрных реформ в интересах большинства населения Российской империи, вместо созыва представительного органа власти и принятия демократической конституции в Санкт-Петербурге решили сбить волну народного протеста, проведя «маленькую победоносную» войну на Дальнем Востоке. Так, следуя этой логике, начала осуществляться политика, нацеленная на обострение отноше-

ний с восточным соседом России — Японией. Именно эта в недавнем прошлом полуфеодалная страна царской верхушкой была выбрана в качестве некоего спарринг-партнёра, призванного наглядно продемонстрировать всему миру и собственному народу непобедимую мощь российского двуглавого орла и незыблемость вековых основ самодержавия.

В Токио же, предварительно заручившись поддержкой в Вашингтоне и Лондоне, от боя решили не уклоняться.

Сто лет тому назад ранним утром 24 января 1904 года японский Соединённый флот по приказу микадо отшвартовался из японских портов и на всех парах направился на север — к корейскому порту Чемульпо и главной русской военно-морской базе на Тихом океане — Порт-Артуру. Основной его задачей было нанести внезапное и решительное поражение российскому флоту и подготовить благоприятные условия для высадки японского десанта на Корейском полуострове. Так началась русско-японская война.

Это была, вслед за американо-испанской, классическая война нового типа, которая как в отечественной, так и в зарубежной исторической литературе получила название империалистической. Противники в этих войнах не ставили перед собой ни задачи обороны собственной территории от посягательств коварного врага, ни благородной цели освобождения от иноземного ига поработенных народов. Причина русско-японской войны была проста и очевидна — это стремление двух соперничающих держав к экономическому и политическому преобладанию в Корее и на севере Китая — Маньчжурии.

Русско-японская война не была изолированным, сугубо локальным событием в истории международных отношений начала XX века. Так или иначе, но ухудшение отношений между двумя странами в своих целях решили использовать почти все великие державы. За спиной Токио, например, явно просматривались Великобритания и Соединённые Штаты. Обе эти страны вели беспроигрышную игру: пытаясь японскими руками вытеснить Россию из Северного Китая и занять там её место, они рассчитывали, что при любом исходе битвы воюющие страны будут в одинаковой степени истощены и не смогут помешать реализации широкомасштабных американо-британских планов на Дальнем Востоке. Следуя рекомендациям своих правительств, банкиры Сити и Уолл-стрита предоставили Японии крупные денежные займы, которые не только позволили ей за короткий срок создать современную армию и флот, но и наполовину покрыть все расходы, связанные с войной против России.

В не меньшей степени в разжигании очага конфликта на Дальнем Востоке была заинтересована и Германия. Россия, завязни она в Маньчжурии, надолго вышла бы из игры в Европе, тем самым эффективность недавно созданного франко-русского союза была бы

поставлена под сомнение. Отсюда и бесконечные «дружеские» советы «адмирала Атлантического океана» — Вильгельма II своему кузену «адмиралу Тихого океана» — Николаю II как можно решительней разобраться с «жёлтой опасностью», грозящей основам христианского миропорядка.

Лишь одна французская дипломатия, опасаясь за судьбу своего союзника, выступала против планов царя ввязаться в дальневосточную авантюру.

В столь сложной международной обстановке русскому самодержцу требовалось проявить максимум предусмотрительности и дальновидности, дабы не дать возможности соперникам России втянуть её в безответственные действия. Но события в Санкт-Петербурге развивались с точностью до наоборот. К 1904 году при царском дворе приобрела невиданное влияние клика проходимцев во главе с отставным ротмистром А. М. Безобразовым. «Безобразовская шайка», имевшая значительные финансовые интересы в Корее и призывающая к немедленной войне против Японии, втянула в свои планы и Николая II. Российская дальневосточная политика была фактически выведена из-под контроля министерства иностранных дел и отдана на откуп беспринципным авантюристам. Закономерный итог этой политики хорошо известен.

В войне с Японией, противником не самым сильным и опасным, Россия потерпела не просто поражение, но поражение унижительное, оскорбительное. В ходе этой войны не было выиграно ни одного сражения — ни на суше, ни на море. Впервые за всю свою двухсотлетнюю историю был жестоко разгромлен русский флот, причём наряду с примерами мужества и героизма, которые проявили моряки «Варяга» и «Корейца», в ходе военных действий выявилось и немало случаев малодушия, трусости, а то и просто предательства среди высшего морского офицерства — элиты русской армии. Не лучше дело обстояло и в армии — в сознании русского народа Порт-Артур на долгие годы стал не только символом патриотизма и самоотверженности простых защитников крепости, но и синонимом коварного предательства высшего офицерства, одной из самых позорных страниц в истории российской армии.

Цусимская катастрофа, позорная сдача Порт-Артура и безвольные поражения нашей армии на сопках Маньчжурии низвели авторитет Российской империи на международной арене до самой низкой отметки за многие десятилетия. Но куда более значительные последствия русско-японская война оказала на внутрисполитическую ситуацию в России. Она явилась как бы катализатором первой русской революции, ярчайшим образом продемонстрировала отсталость государственного устройства самодержавной России, неспособность царского правительства справиться с острейшими внешними- и внутрисполитическими задачами. Необходимость коренных ре-

форм теперь была осознана всеми слоями российского общества — начиная от нищего безземельного крестьянина и кончая крупным банкиром. После Цусимы в прежнем виде Российская империя уже больше не могла существовать, это был вынужден признать и Николай II, издавший 17 октября 1905 года манифест, который даровал гражданам России главные общественные свободы — слова, печати, союзов, неприкосновенность личности, право избирать и быть избранным в законодательную Государственную думу.

В силу целого ряда причин — искусности российской дипломатии, тяжелого финансового положения Японии и истощения её людских резервов, опасения ряда держав, прежде всего Соединённых Штатов, чрезмерного усиления позиций Страны восходящего солнца на Дальнем Востоке — главе делегации России на мирных переговорах в американском Портсмуте графу С. Ю. Витте удалось достичь максимума возможного. Победители были вынуждены отказаться от ряда своих первоначальных требований, в том числе вынудить Россию заплатить какую-либо контрибуцию. Тем не менее впервые за много лет наша страна лишилась своей исконной территории — южной части Сахалина и прилегающих к ней островов. Пройдёт ещё долгих сорок лет, прежде чем утраченные в ходе русско-японской войны земли, благодаря героизму и мужеству советских солдат и моряков, вновь вернутся в состав государства Российского.

Авторы выражают надежду, что предлагаемая вниманию широкого читателя книга, в которой не только рассказывается о предыстории и важнейших событиях русско-японской войны, но и приводится немало разнообразных документальных материалов, заинтересует любителей истории нашего Отечества.

Глава I

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Китайские войны

К середине XIX века территория Китая, в котором уже более столетия безраздельно правила маньчжурская династия Цинь, постепенно стала превращаться в место острого экономического и политического соперничества европейских держав. Переживавшим бурный рост экономика Британской империи, Франции, Германии и других промышленно развитых стран требовались всё новые и новые рынки сбыта, что и обуславливало экспансию этих государств во многие части света — Ближний Восток, Африку, Южную и Юго-Восточную Азию.

В этом смысле Китай с его огромным населением, но крайне слабо развитой экономикой и отсталой феодальной формой государственного устройства представлял особо лакомый кусок для промышленно развитых европейских государств.

Первой в XIX веке свои позиции в Поднебесной империи решила усилить Великобритания. Именно Лондон развязал в 1840—1842 годах войну против Китая, которая получила название первой опиумной. Поводом к нападению англичан на Китай в районе Гуанчжоу послужило уничтожение китайским правительством запасов опиума, контрабандная торговля которым в те годы широко практиковалась английскими «бизнесменами». Военная и экономическая отсталость Китая предопределили его поражение в войне, и 29 августа 1842 года китайское правительство было вынуждено подписать кабальный Нанкинский договор, согласно которому страна обязывалась открыть англичанам для торговли 5 портов, передать Гонконг, уплатить немалую контрибуцию и установить для Лондона льготные таможенные тарифы. Иностранцы на территории Китая с тех пор стали обладать правом экстерриториальности и не попадали под юрисдикцию китайского суда. Через несколько лет подобные договоры Китай заключил с США и Францией. Так началось превращение некогда могучей державы с богатой культурой и историей в полуколониальную страну.

Последствия первой опиумной войны тяжким бременем легли на плечи основной массы китайского населения. Безудержный рост цен и бесконечное увеличение налогового бремени усиливало сопротивление китайцев иностранным угнетателям и местной коррумпированной чиновничьей верхушки. Так, в стране началось восстание, получившее название тайпинского. В 1853 году тайпины даже сумели овладеть крупным городом Нанкином, который и стал столицей нового государства.

Воспользовавшись неразберихой и хаосом в стране, Англия в октябре 1856 года вновь начала военные действия против Китая в районе Гуанчжоу, а в начале следующего года к ней присоединилась и Франция. Эта война получила название второй опиумной. Силы противников в этой войне вновь были неравны, и в 1860 году китайское правительство было вынуждено подписать с Лондоном и Парижем Пекинские договоры. По ним иностранцы в этой стране получили дополнительные привилегии, а Китай уступал в пользу противников часть своих земель, открывал для свободной торговли новые территории и обязался выплатить немалую контрибуцию. Одновременно циньская династия получила военную и финансовую помощь от Великобритании, Франции и США для борьбы против тайпинов. В результате событий, связанных с тайпинским восстанием и второй опиумной войной, Англия, Франция и США значительно усилили свои экономические и политические позиции в Китае.

Впрочем, в стороне от китайских дел не осталась и Россия. По Тяньцзиньскому русско-китайскому трактату об условиях двусторонних политических взаимоотношений от 1 июня 1858 года, на российских подданных распространялись те же привилегии и льготы, что и для граждан европейских стран и США.

Долгожданный мир не пришёл на китайскую землю и после окончания второй опиумной войны. В 70—80-е годы XIX века между пекинским правительством и западными державами постоянно происходили конфликты, наиболее крупный из которых привёл к китайско-французской войне 1884—1885 годов. И вновь эта война закончилась поражением циньского Китая.

В начале второй половины XIX века из соседей Китая, пожалуй, лишь Япония не проводила по отношению к нему агрессивной внешней политики. Это было связано, прежде всего, с экономической слабостью и политикой самоизоляции, проводимой в те годы японской феодальной верхушкой. Однако в 60-х годах XIX века в Стране восходящего солнца произошла буржуазно-демократическая революция Мэйдзи и Япония встала на рельсы бурного экономического развития и внешнеполитической экспансии. Вектор этой экспансии определялся, прежде всего, географией и был направлен в сторону Кореи и Китая. Уже в 1874 году японцы сделали

попытку захватить Тайвань, а затем прибрали к своим рукам острова Рюкю. В конечном итоге японо-китайские противоречия в 1894 году вылились в кровопролитную войну между двумя странами.

Непосредственным поводом к началу японо-китайской войны послужило народное восстание в Корее, возглавленное религиозной сектой «Тонхак» («Восточное учение»). Эта секта возникла на Корейском полуострове ещё в 1859 году, а её учение было своеобразным смешением конфуцианства, буддизма, даосизма и католицизма. Резкое ухудшение экономического положения народа Кореи, увеличение налогов и всевозможных повинностей вызвали рост недовольства в стране. В этих условиях учение тонхаков стало идеологическим знаменем народного протеста и вылилось в 1894 году в открытое восстание. Движение это было направлено не только против гнёта корейской верхушки, но и непосредственно против хозяйничавших в Корее как у себя дома японцев.

Наибольший размах движение тонхаков получило в Южной Корее. Правительственные войска здесь оказались не в состоянии справиться с восставшими, и руководство Кореи обратилось за помощью к своему покровителю — Китаю. По просьбе корейской стороны 6 июня 1894 года из Тяньцзиня на Корейский полуостров были посланы 1,5 тыс. китайских солдат, за которыми вскоре последовали ещё 750 штыков и три военных корабля. В соответствии с Тяньцзиньской конвенцией 1885 года, Китай информировал об этом Японию и официально уведомил японское правительство и русского посланника в Пекине о том, что войска из Кореи будут выведены немедленно после подавления беспорядков.

Однако посылка китайских войск в Корею была использована японцами для вмешательства в дела этой страны. Японское правительство тоже сразу начало направлять свои войска в Корею, и уже к середине июня японских войск в Корее было больше, нежели китайских. Под контролем японских войск находилась столица, в то время как китайские войска занимали предместья к югу от Сеула. В этих условиях корейское правительство, напуганное непрерывно возрастающим притоком японских войск, попыталось добиться отзыва китайских и японских военных сил.

Воспользовавшись очень непростой ситуацией в Корее, Япония решила начать здесь широкомасштабные военные действия и после того, как движение тонхаков было подавлено, Токио отказался вывести свои войска из Кореи. Более того, 16 июня 1894 года японское министерство предложило китайскому послу в Стране восходящего солнца воссоздать совместную комиссию для обследования положения и проведения «радикальных реформ» в области корейских финансов, администрации и т. д. Это означало фактический допуск Японии к решению внутренних корейских вопросов.

Токио предложил Корею разработанный японскими правящими кругами проект реформ, а китайскому правительству было при этом заявлено, что «интересы Японии в Корее, обусловленные близостью и торговлей с ней, столь значительны и столь далеко идут, что не позволяют Японии равнодушно смотреть на печальное положение этого королевства». События, таким образом, стали развиваться по восходящей, и уже к концу июня угроза японо-китайского вооружённого столкновения стала очевидной.

Китайские государственные деятели знали о неспособности своей страны противостоять Японии и поэтому обратились за помощью к США, призвав их к открытому вмешательству. Однако американцы отказались прийти на помощь китайцам, а официальная точка зрения США была выражена государственным секретарём Грешэмом, который в ответ на непосредственное обращение к нему корейского посланника 23 июня 1894 года заявил: «Наше влияние может быть употреблено в отношении Японии только дружеским образом, и мы ни в коем случае не вмешаемся совместно с другими державами»¹. Такая позиция Белого дома не была неожиданной: как раз в это время шли интенсивные переговоры о заключении нового японо-американского договора, который и был подписан 22 ноября 1894 г. Таким образом, правящие круги США не только не стали мешать развёртыванию японской агрессии на азиатском материке, но фактически поддержали её.

Последнюю попытку обращения к посредничеству США китайское правительство сделало 13 июля 1894 года, но уже 23 июля корейский королевский дворец в Сеуле был занят японскими отрядами. Венценосная семья вместе с детьми была переведена в японское посольство, а во главе правительства был поставлен бывший регент, отец арестованного короля 80-летний Те Уонь Гунь. 27 июля регент под давлением Японии был вынужден объявить войну Китаю и официально обратился к Японии с просьбой о «помощи» для изгнания китайских войск с корейской территории.

1 августа было официально объявлено о состоянии войны между Японией и Китаем, а вся корейская кампания завершилась быстрым занятием японцами Пхеньяна. Китайские части отступили за реку Ялу, а к концу сентября остатки китайских войск были окончательно вытеснены с территории Кореи.

Столь быстрые успехи Японии в войне с Китаем вскрыли глубокий кризис феодального Китая и правящей Поднебесной империей маньчжурской династии. Победы Японии создавали угрозу полного распада Китая, кроме того, в стране возникла реальная перспектива нового народного восстания. В этих условиях наиболее заинтересованным в Дальнем Востоке державам — Англии и России

---

¹ Treat P.J. Japan and the United States, 1853—1921. Stanford, 1928. P. 552.

было в одинаковой мере важно сохранить маньчжурскую циньскую династию.

Несмотря на то, что Англия уже в это время рассчитывала на Японию как на потенциальное орудие в борьбе с Россией, Лондон опасался, что, если японо-китайская война примет затяжной характер, она сможет усилить позиции Российской империи на Дальнем Востоке. Этим объяснялась активная деятельность английской дипломатии в подготовке объединённого выступления европейских держав на основе уступок Китая в пользу Японии уже в октябре 1894 года.

В то же время и для России, интересы которой в Маньчжурии в связи со строительством Транссибирской магистрали получали новый смысл, расчленение Китая также создавало угрозу появления Японии в непосредственной близости от русских владений. Царизм не мог надеяться на закрепление за Россией в случае раздела Китая Маньчжурии — возможность после поражения Китая в войне с Японией территориальных захватов Токио создавала угрозу усиления Японии не только в Корее, но и в Северном Китае. Всё это, несмотря на наличие серьёзных англо-русских противоречий во многих регионах мира, делало возможным временный союз англичан с русскими на Дальнем Востоке.

Однако возможность согласованного выступления Англии и России и организация ими демарша в отношении воюющих сторон ни в коей мере не отвечали интересам других заинтересованных сторон, в частности Германии. Для Германии, например, сохранение русско-английского антагонизма было, прежде всего, основным условием укрепления позиций рейха в Европе и успешного продвижения на Ближнем Востоке. Совместное выступление держав в связи с японо-китайской войной могло бы представить для Германии в отличие от Англии и России интерес только в том случае, если бы оно сопровождалось территориальными приобретениями в Китае. Документы свидетельствуют о том, что период, предшествующий началу японо-китайской войны, и обращение Китая к посредничеству держав кайзер Вильгельм II считал самым удобным моментом для захвата Тайваня в качестве «германской доли». Вильгельм весьма цинично заметил по поводу дальневосточной проблемы: «Мы должны продать нашу поддержку за высокую цену»².

Таким образом, первая попытка китайцев добиться при посредстве великих держав заключения скорейшего мира потерпела фиаско. Между тем японские силы, сосредоточенные в районе Ялу, 25 октября перешли через реку, а контроль над морем после битвы при Ялу обеспечил в тот же день успешную высадку десантной армии к северо-востоку от Порт-Артура. Крепость и исключительно

---

² Die Grosse Politik der europaischen Kabinette. B.IX. S. 253—258.

удобный военный порт были взяты японцами 21 ноября 1894 года. Захват Порт-Артура сопровождался чудовищными зверствами японской военщины и расправой над пленными китайцами.

Сторонники политики решительных военных захватов в Японии стремились максимально использовать разгром Китая в войне 1894—1895 годов. Они требовали приобретения новых обширных территорий на континенте — Маньчжурии и Корею, заявляли о своих привилегиях во Внутреннем Китае и об уравнивании во всех правах с европейскими великими державами, ставили вопрос об уплате громадной контрибуции Пекином. Апологеты этой агрессивной политики во главе с военным и морским министром маршалом А. Ямагата желали продолжения военных действий против Китая, а заведомо неприемлемые условия перемирия были одним из средств продолжения захватов в течение переговоров.

Более умеренные представители господствующих классов в Японии не считали пока возможным немедленное осуществление захватнических планов в таких грандиозных масштабах. В частности, японская дипломатия понимала, что военная экспансия неизбежно натолкнется на непреодолимое сопротивление ряда других держав.

Так или иначе, но слабый Китай был вынужден подписать с Японией 17 апреля 1895 года мирный договор. По Симоносекскому договору, Пекин признал полную независимость Кореи от Китая, уступил Японии Тайвань, Пескадорские острова и южную часть Маньчжурии — Ляодунский полуостров с прилегающими островами. Контрибуция исчислялась в громадной сумме — 200 млн таэлей, подлежавших уплате восемью взносами. Первые два взноса должны были быть произведены через 6 и 12 месяцев после обмена ратификационными грамотами. В качестве обеспечения уплаты контрибуции и процентов служили таможенные пошлины.

Не менее важное значение, чем громадная контрибуция и территориальные приобретения, имела для Японии статья, предусматривавшая для неё и её подданных те же права и привилегии, которыми пользовались в Китае европейские державы и США. Это уравнивание Японии с европейскими державами сочеталось с предоставлением ей преимуществ системы наибольшего благоприятствования. В качестве гарантий выполнения всех статей договора Япония временно оккупировала Вейхайвэй.

США и европейские государства самым внимательным образом следили за переговорами в Симоносеки, и их отношение к уступкам Китая было далеко не одинаковым. Для них дальнейшее «раскрытие» Китая и право основывать в нём промышленные предприятия были, по существу, выгодны. Американский и английский капитал рассчитывал использовать создавшуюся обстановку для дальнейшего активного проникновения в Корею. Территориальные же приобретения Японии расценивались правящими кругами Англии и

США как направленные против России и не угрожавшие коренным британским и американским интересам. Более того, США, давно широко использовавшие японский рынок, рассчитывали с помощью этой страны расширить и своё проникновение в Китай.

Из всех великих держав интересы России в японо-китайском конфликте оказались затронуты больше всех ввиду захвата Японией Ляодуна. Этот захват не только давал Японии исключительно выгодное положение для дальнейшего проникновения в Маньчжурию, но и ставил под угрозу будущее Сибирской магистрали и русский Дальний Восток. В связи с этим в апреле 1895 года обсуждение дальневосточной проблемы стало предметом «особого совещания» под председательством министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского, при участии морского министра Н. М. Чихачёва, военного министра П. С. Ванновского и министра финансов С. Ю. Витте. Витте особенно энергично отстаивал необходимость не допускать Японию в Маньчжурию и рекомендовал решительно действовать в этом направлении — вплоть до объявления ей войны. «Нам выгоднее, — говорил Витте, — решиться на войну теперь, ибо иначе России придётся в будущем нести гораздо большие жертвы».

В этой непростой международной ситуации Россия, Франция и Германия рекомендовали Японии отказаться от захватов в Маньчжурии. Хотя Франция не была заинтересована в активизации политики царизма на Дальнем Востоке, она не могла не присоединиться к выступлению, чтобы не допустить русско-германского сближения и поставить под сомнение свои союзнические обязательства по отношению к России.

Совместная «рекомендация» трёх держав — России, Франции и Германии — была дана Японии 23 апреля 1895 года, незадолго до обмена ратификациями Симоносекского договора. «Дружеский совет» подкреплялся и решительным мероприятием — демонстративной посылкой флотов к берегам Японии. Япония не могла пойти на риск войны, тем более что в то время ещё она не рассчитывала на реальную военную поддержку ни со стороны Англии, ни Соединённых Штатов. Таким образом, Токио пришлось уступить и Пекинское соглашение от 8 ноября 1895 года зафиксировало отказ Японии от Ляодуна, который был компенсирован добавочной контрибуцией в 30 млн тазелей.

Япония, вынужденная временно отказаться от своих завоеваний в Маньчжурии, в то же время «отыгралась» в Корее. Признанная «независимой» Корея быстро оказалась под властью японских оккупантов. Опираясь на военную силу и используя своих ставленников, японцы, прежде всего, пытались расправиться со всеми сторонниками прокитайской ориентации, группировавшимися вокруг королевы Минь.

Они не остановились перед зверским убийством королевы, являвшейся в глазах корейских патриотов символом сопротивления японским захватчикам. В ночь на 8 октября 1895 года японские сол-

даты ворвались во дворец и учинили расправу над королевой и её сторонниками. Запуганный король И Хый превратился в бесправную марионетку.

Беззастенчивое хозяйничанье японцев вызывало рост антияпонских настроений в стране, и Россия тогда казалась многим государственным деятелям Кореи естественным защитником от японского засилья. Это обстоятельство было успешно использовано русской дипломатией.

В феврале 1896 года королю удалось бежать из-под японского надзора. Укрывшись в русской миссии, он дезавуировал все проводившиеся от его имени японскими ставленниками мероприятия и сменил прояпонский кабинет.

По соглашению от 14 мая 1896 года (Вебер—Комура) Япония вынуждена была фактически признать произведённую смену кабинета и согласиться на совместное с Россией «преподавание советов» корейскому королю. Это соглашение дополнялось протоколом Лобанов-Ростовский—Ямагата, подписанным в Москве в июне 1896 года и предусматривавшим совместное русско-японское содействие Корее в получении иностранных займов и ликвидировавшим исключительные права японцев в этой сфере.

Направленные по просьбе корейского короля русские военные и финансовые советники пользовались в Корее всё возрастающим влиянием. 26 октября 1897 года король назначил К. А. Алексеева главным советником министерства финансов и управляющим таможенным ведомством. В тот же день с этой должности был уволен англичанин Браун. Всё это открывало широкие возможности для дальнейшего закрепления российского экономического и политического влияния на Корейском полуострове. Экономические позиции нашей страны в Корее значительно усилились после учреждения Русско-Корейского банка.

Несмотря на большую выгоду, которую могло иметь для России закрепление её влияния в Корее, особенно с точки зрения получения здесь доступа к незамерзающим портам, царское правительство в конечном итоге так и не сумело эффективно противодействовать интригам Японии, поддерживаемой в Корее Англией и США. К тому же борьба за влияние в Корее постепенно отступала на второй план из-за непрерывно обострявшихся противоречий в Китае и особенно в приграничной с Россией Маньчжурии.

В борьбе за сферы влияния

Японо-китайская война 1894—1895 годов и Симоносекский мир ещё раз наглядно продемонстрировали всему миру экономическую и политическую слабость феодального Китая. И хотя безуспешная попытка Японии приобрести владения на материке

кончилась неудачей, она стала признаком нарастания угрозы расчленения китайской территории между великими державами. Захват Японией Тайваня и Пескадорских островов означал начало раздела Китая. Вместе с тем отступление Японии перед «дружеским» демаршем России, Франции и Германии показало также ограниченность силы Японии по сравнению с главными европейскими державами.

Надо также отметить, что после японо-китайской войны влияние России в Китае существенно усилилось. Отношения между Петербургом и Пекином после вмешательства России, сохранившего Китаю Ляодунский полуостров, заметно улучшились. Русское правительство выступило в качестве гаранта крупного русско-французского займа в 400 млн франков, предоставленного Китаю на основе соглашения от 6 июля 1895 года между русским министерством финансов, французскими и русскими банками. Вслед за предоставлением займа был открыт и Русско-Китайский банк, устав которого предусматривал широкий круг деятельности.

Каждая из великих держав стремилась использовать сложившуюся в результате войны 1894—1895 годов обстановку в своих интересах. Пользуясь ослаблением Китая, они заключили ряд договоров и соглашений, закреплявших их позиции на подступах к этой стране. Французские и английские колониальные захваты в пограничных с Китаем странах, которые ещё совсем недавно были китайскими вассальными территориями, стали использоваться для подготовки раздела уже собственно территории Поднебесной империи.

В июне 1895 года Франция двумя специальными конвенциями, заключёнными в Пекине, добилась ряда выгодных привилегий в пограничных с Тонкином районах. Этим был сделан решительный шаг к проникновению Франции в южные провинции Китая. В интересах Франции, кроме того, была пересмотрена граница между Китаем и Тонкином, для её торговли открыт ряд городов в пограничных провинциях Китая. Париж получил привилегии в горнодобывающей промышленности Юньнани, Гуандуна и Гуанси, а также право продолжить на китайскую территорию железные дороги из Юго-Восточной Азии.

Франко-китайская конвенция обозначила ту область Китая, которую французы рассматривали как сферу своих интересов. Уже в этом соглашении видно начало той системы закрепления за державами особых прав и привилегий в различных областях Китая, которая в последующие четыре года отчётливо вылилась в своеобразную форму дележа Китая. Формально исходившая из признания суверенитета Китая на определённой договором территории, эта система предусматривала исключительные права на концессии и уступку территории какому-либо иному государству. Своё дальнейшее развитие эта система получила в последующих договорах Китая с раз-

личными державами, по которым Китай обязывался не предоставлять концессий и не уступать территорий в данной области третьим странам.

Процесс раздела Китая на сферы влияния шёл путём взаимных уступок. В острой конкурентной борьбе великие державы, чтобы обеспечить за собой преимущественные права в наиболее интересовавших их областях Китая, должны были идти на признание аналогичных прав других стран в менее важных для себя районах.

Так, непосредственной реакцией Англии на франко-китайскую конвенцию 1895 года стало англо-китайское соглашение от 4 февраля 1897 года, исправлявшее границу между Бирмой и Китаем путём передачи части территории Юньнани и расширявшее английские права в пограничных районах. Вступительная статья конвенции от 4 февраля прямо связывала приобретения Англии с тем, что она не возражала против уступок Китая Франции.

В свою очередь Россия после японо-китайской войны предложила Китаю заключить союз, направленный против новой возможной агрессии Японии, связывая его заключение с проведением части Транссибирской магистрали через Маньчжурию. Переговоры эти были начаты в Пекине русским посланником А. П. Кассини, но коронация Николая II в 1896 году была использована для перенесения этих переговоров непосредственно в Россию, куда был послан Ли Хунчжан в качестве представителя китайской императрицы на торжествах.

Направление, которое приняли переговоры, должно было укрепить ориентацию Ли Хунчжана на Россию. Они велись на основе признания целостности Китая и необходимости заключения между двумя странами оборонительного союза. Китай, стоявший перед угрозой раздела его территорий, возлагал большие надежды на результаты такого союзного договора с крупной европейской державой. Это придавало особый характер и экономическим концессиям в связи с проведением Великого Сибирского пути через Маньчжурию: маньчжурская дорога приобретала для Китая особую важность как средство для быстрой переброски русских войск в случае необходимости совместных военных действий против японской агрессии.

3 июня 1896 года был подписан секретный русско-китайский договор. Политический смысл его заключался в создании оборонительного союза России и Китая против возможного нападения со стороны Японии. В случае нападения Японии на территорию Китая или Кореи, или на русские владения в Восточной Азии договаривающиеся стороны обязывались прийти на помощь друг другу и не заключать сепаратного мира с Японией после начала совместных действий. Русские военные суда получали доступ во все порты Китая, где им оказывалась необходимая помощь. Для облегчения военных

операций Россия получала право провести через Маньчжурию железную дорогу на Владивосток.

Конкретизация условий московского договора, относившихся к постройке КВЖД, явилась предметом особых переговоров, в которых Китай был представлен посланником при берлинском и петербургском дворах Сюй Цзюньчэнем. Подписанный в Берлине 8 сентября 1896 года окончательный договор о концессии соответствовал основным требованиям России: ширина колеи совпадала с колеей русских дорог, таможенные пошлины с ввозимых по КВЖД товаров снижались на одну треть, китайское правительство отказывалось от всякого вмешательства в установление тарифов железной дороги, её доходы с дороги освобождались от налогов.

Сближение между Россией и Китаем достигло своего высшего, хотя и кратковременного, подъёма в связи с нападением Германии на Шаньдунское побережье.

Устранение германских финансовых кругов от займа 1895 года вызывало недовольство в Берлине и способствовало его сближению по этому вопросу с Англией. Германия поддержала энергичные, хотя и безрезультатные, протесты английского посольства в Пекине против русско-французского займа. Второй заём Китая в 1896 году для очередного взноса в счёт контрибуции Японии был заключён уже английским и германским банками, но такая подчинённая второстепенная роль не удовлетворяла амбициозных немцев.

Вильгельм II добивался более существенных компенсаций Германии. Он настаивал на захвате порта Вейхайвэй, не считаясь с тем, что там согласно Симоносекскому договору ещё находились японские вооружённые силы. Ещё в августе 1895 года Вильгельм распорядился, чтобы германская эскадра была наготове, «крейсируя вблизи Вейхайвэя где-нибудь в Чжилийском заливе»¹. Поскольку всё ещё оккупированный японцами район Вейхайвэя отпадал как объект для захвата, внимание германских империалистов обратилось на бухту Цзяочжоу. Уже в июле 1896 года сюда была послана германская канонерка «Ильтис».

В ноябре 1897 года в Шаньдуне, поразительно «кстати» с точки зрения интересов Германии, были убиты и ограблены два немецких миссионера. «Теперь или никогда», — строго заявил Вильгельм II, лишь только сведения об убийстве миссионеров достигли Германии. Находившийся с германской эскадрой в районе Филиппин адмирал О. фон Дидерихс немедленно высадил десант и занял Циндао, а кайзер потребовал передачи Германии в долгосрочную аренду побережья бухты Цзяочжоу. Китайское правительство, избегая военных осложнений и надеясь ликвидировать конфликт путём уплаты денежной компенсации за убийство мис-

---

¹ Die Grosse Politik der europaischen Kabinette. B. XIV. T. I. S. 12.

сионеров, отдало распоряжение местным властям не оказывать Германии сопротивления.

Занятие германским десантом Цзяочжоу стало неожиданностью как для китайского правительства, так и для иностранных держав. Ссылаясь на русско-китайский договор, китайское правительство попыталось обеспечить себе поддержку России и обратилось к русскому поверенному в Пекине А. Павлову с просьбой о присылке русских судов для наблюдения за немцами. Со стороны Павлова были получены соответствующие обещания.

Несмотря, однако, на некоторые дипломатические шаги России, вызвавшие беспокойство в Берлине⁴, русский министр иностранных дел М. Н. Муравьев был сторонником активных территориальных захватов России в Китае. Он полагал возможным использовать обращение Китая за помощью к России для получения от него соответствующих уступок. Речь шла, прежде всего, о Порт-Артуре. Но в конце концов тогда российское правительство пришло к решению не занимать Порт-Артур.

К началу 1898 года выяснилось, что Германия не намерена отказываться от оккупированной территории. Этот захватнический акт Германии был прикрыт договором об аренде, который давал преимущества для Германии в Шаньдунской провинции. Окончательный договор был подписан в марте 1898 года в Пекине. Он предусматривал передачу Германии побережья бухты Цзяочжоу в аренду на 99 лет с правом постройки укреплений, отказ Китая от осуществления на срок аренды своих суверенных прав на уступленную территорию. Германия получила преимущественное право участия во всех предприятиях в Шаньдуне, к которым будет привлекаться иностранный капитал, и право постройки железных дорог. Таким образом, Германии принадлежала инициатива первого шага в разделе Китая путём аренды.

Начатый раздел Китая, усиление борьбы великих держав в Маньчжурии и Корее вызывали крайнюю активность англичан, претендовавших на сохранение и расширение своих позиций в Китае. Осуществление английских планов требовало, однако, в новой международной обстановке и нового политического курса.

Английская политика «блестящей изоляции» в конце XIX века изживала себя. В условиях обострения дипломатической борьбы она грозила Англии опасным одиночеством. Внешнеполитические противоречия сталкивали Англию с большинством держав, в том числе и с Россией. Прежние англо-русские противоречия на Ближнем Востоке и Средней Азии сохраняли свою силу, но к старым точкам столкновения интересов теперь ещё прибавлялся и дальневосточный район.

---

⁴ British Documents on the Origins of the war, 1898—1914. V. I. L., 1927. P. 5.

Кроме того, Африка в те годы продолжала оставаться местом соперничества Лондона с Францией, а с трудом достигнутое разграничение сфер влияния в Индокитае, превратившее Сиам в буфер между колониальными владениями Англии и Франции в Юго-Восточной Азии, полностью не снимало всей остроты англо-французских противоречий и в этом регионе. Об этом свидетельствовало хотя бы зафиксированное в конвенциях с Китаем соперничество двух стран в Юньнани, русско-французское выступление с участием Германии против Японии в 1895 году, франко-русский заём Китаю и так далее.

Появление Германии на мировой арене ещё не казалось угрожающим Англии в такой мере, как это обнаружилось через несколько лет. Однако вмешательство Вильгельма II в южноафриканские дела, острое соперничество в Мозамбике и других районах Экваториальной Африки, усиление проникновения Германии на Ближний Восток, интриги и захватнические планы немцев в Океании — всё это уже намечало превращение Германии в наиболее опасного соперника Англии. Появление Германии на китайской территории создавало ещё большую угрозу английским интересам.

В Лондоне опасались возможности совместных действий России и Германии. Настойчиво проводимая Германией, и в частности Вильгельмом II, политика на провоцирование столкновений царизма со своими соперниками на Дальнем Востоке часто достигала своих целей и способствовала обострению русско-английских противоречий на Дальнем Востоке, тем самым обеспечивая Германии свободу рук для экспансии в Европе и на Ближнем Востоке.

Одним из путей борьбы против европейских соперников, угрожавших позициям англичан на Дальнем Востоке, могло быть сближение Англии с Японией, в которой в Лондоне видели прямое оружие для борьбы с Россией. Но сближение с Японией не способно было разрешить для Англии европейскую и ближневосточную проблемы. Обстоятельства заставляли английскую буржуазию искать союза с одной из великих держав.

К концу 1897 года и началу 1898 года относят обычно проявление нового этапа в развитии английской внешней политики. Международные отношения на Дальнем Востоке в 1898 году отражали этот новый курс. Несмотря на остроту англо-русских противоречий, некоторые руководители английской политики считали возможным соглашение с Россией. Одним из принципов, которые Англия хотела положить в основу возможного соглашения, было временное сохранение существовавшего соотношения сил под видом незыблемости «договорных прав». Это вполне отвечало интересам Англии, поскольку действовавшей системой договоров Англия сумела обеспечить себе наиболее выгодные позиции в странах Востока. Целью предполагаемого сближения с Россией лондонские политики счи-

тали не только сохранение завоёванных англичанами позиций, но и их расширение — в силу экономического отставания России по сравнению с Англией.

Контуры раздела сфер влияния в Китае намечались так: к северу от Хуанхэ — сфера русского влияния, от Хуанхэ к югу и долина Янцзы — английская сфера. Однако разговоры об англо-русском соглашении не могли в тот период привести к тем результатам, которые стали возможны через десять лет. Основная причина этого заключалась в том, что англо-германский антагонизм еще не достиг такого развития, чтобы побудить Англию к достаточным уступкам России.

Вместе с тем до японо-русской войны царское правительство не желало отказаться от реализации своих обширных планов на Дальнем Востоке. Отношение России к английским предложениям откровенно выразил Николай II в письме к Вильгельму II. «Эти предложения, — писал он, — были столь нового характера, что, я должен признаться, мы были совершенно поражены, но именно сама их природа показалась нам подозрительной, никогда раньше Англия не делала таких предложений России. Это ясно показало нам, что Англии в тот момент нужна была наша дружба, чтобы в замаскированной форме пресечь наше продвижение на Дальнем Востоке»⁵.

Как бы то ни было, англо-русское соперничество в Китае продолжалось. Один из острых конфликтов развернулся в связи с займом, в котором Китай нуждался, чтобы выплатить последний взнос Японии по Симоносекскому договору. Ещё в конце 1897 года китайское правительство обратилось к России с просьбой гарантировать китайский заём в 100 млн лан, но царское правительство обусловило своё согласие серьёзными уступками со стороны Китая. Помимо предоставления гарантий оплаты займа и различных льгот КВЖД китайское правительство должно было обязаться не допускать представителей третьих держав к строительству железных дорог и эксплуатации промышленных предприятий в Маньчжурии и Монголии, предоставить КВЖД одновременно с подписанием займа концессии на сооружение железнодорожной ветки от главной магистрали к побережью Жёлтого моря. Здесь Китай должен был предоставить возможность России построить закрытый для других стран порт.

Английский посланник в Пекине со своей стороны всячески препятствовал получению Китаем займа у России, предлагая заём, официально гарантированный английским правительством. Соответствующие льготы Англия хотела получить сама.

В январе 1898 года английский посланник К. Макдональд предложил Китаю заём в 12 млн таэлей, одновременно выдвинув требования предоставить Англии железнодорожную концессию

---

⁵ Николай II Вильгельму II. «Die Grosse Politik...». Т. XIV. В. 1. S. 251.

Бирма—Юньнань, обязаться не отчуждать территории в районе Янцзы, превратить Даляньван в открытый порт и некоторые другие требования.

Однако уже в феврале 1898 года вопрос о приобретении Порт-Артура и Даляньвана Россией и о постройке железнодорожной ветки от Порт-Артура к Харбину принял совершенно иной оборот. На специальном совещании царских министров под председательством великого князя Алексея Александровича восторжествовала точка зрения, требовавшая занятия Россией Порт-Артура и Даляньвана. Это обосновывалось тем, что «Япония в самом начале уже тогда замышлявшей ею войны против нас легко вторично овладеет Порт-Артуром, в то время как у нас не закончена ещё Сибирская железная дорога...» Совещание признало исключительное значение Порт-Артура с точки зрения обороны дальневосточных областей России. Требования уступки порта и разрешения на постройку железнодорожной ветки уже не связывались с займом. В связи с этим русское правительство решило отказаться от переговоров о займе и не стало чинить препятствий заключению Китаем займа у англо-германской финансовой группы. 1 марта 1898 года Китай подписал договор о займе с англо-германскими банкирами.

Британское правительство поспешило использовать переговоры о предоставлении Китаю займа, прежде всего, для того, чтобы закрепить своё преобладающее положение в долине реки Янцзы. Это было достигнуто в результате обмена нотами между Макдональдом и китайским министерством иностранных дел в феврале 1898 года. В итоге Китай обязался не отчуждать ни в каких формах территорий, прилегающих к бассейну реки Янцзы.

В это же время царский поверенный в делах получил инструкцию в ультимативной форме предложить Китаю удовлетворить требования Петербурга относительно Ляодунского полуострова. Срок подписания договора был намечен на 27 марта.

Следует отметить, что английские дипломаты, в частности посол в Петербурге, были в курсе планов нашего правительства на Дальнем Востоке. Более того, приобретение Россией Порт-Артура давало туманному Альбиону дополнительный повод добиваться соответствующей компенсации в тех районах, которые при переговорах с Россией расценивались как не входящие в английскую сферу интересов. Англия начала энергично добиваться у Китая получения в аренду порта Вейхайвэй.

Что же касается Японии, то без поддержки Англии никаких шагов против аренды Порт-Артура Россией она предпринять не могла. К тому же вопрос о Маньчжурии тесно переплетался с вопросом о Корее. Россия в этот момент была уже готова идти на значительные уступки Японии и отказаться от тех бесспорных преимуществ, которые она сумела получить в Корее в первые два года после окончания

японо-китайской войны. Именно в этот период шли русско-японские переговоры относительно Кореи, закончившиеся 25 апреля 1898 года подписанием так называемого токийского протокола Ниси—Розен. Первой его статьёй Россия и Япония окончательно признали полную независимость Кореи и взаимно обязались воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства во внутренние дела этой страны. Второй статьёй обе страны обязались не назначать никаких военных и финансовых советников в Корею без согласования друг с другом. Россия также обязалась не препятствовать развитию торговых и промышленных отношений Японии с Кореей. Токийский протокол, особенно его третья статья, несомненно свидетельствовал об отказе России от уже полученных ею фактически преимуществ в Корее. Русские военные и финансовые советники были отозваны из Сеула. Прекратил свою едва начавшуюся деятельность и Русско-Корейский банк.

В намеченный день, 27 марта 1898 года, был подписан русско-китайский договор. Порт-Артур и Даляньван передавались в арендное пользование России на двадцать пять лет. Россия получила на арендованной территории права юрисдикции. К северу от арендованной территории создавалась нейтральная зона, на которой сохранялась китайская юрисдикция, но без согласия России Китай не мог содержать войска в этой зоне. Порт-Артур был открыт только для русских и китайских судов. Россия получила право на тех же условиях, которые были предоставлены КВЖД, построить ветку от КВЖД к побережью Ляодунского полуострова.

Почти одновременно Франция добилась права на проведение железной дороги из Вьетнама по китайской территории — железная дорога Хайфон—Юньнаньфу. Франции была передана в аренду территория Гуаньчжоувань на побережье Гуандунской провинции, что наряду с данным ещё в 1897 году обязательством Китая не уступать никому острова Хайнань укрепляло позиции Франции в Южном Китае и защищало подступы к индокитайским французским колониям через Тонкинский залив. Так была окончательно оформлена французская сфера влияния в провинциях Гуандун, Гуаньси и Юньнань. Заключённая в конце мая 1898 года конвенция относительно Гуаньчжоуваня была построена по германскому образцу. Она предусматривала французскую юрисдикцию на данной территории, право возводить укрепления, содержать французские военные силы, построить железную дорогу от Гуаньчжоуваня до Лейру. Срок концессий — девяносто девять лет.

В этой ситуации английское правительство ещё более решительно поставило вопрос не только о Вейхайвэе, но и о территории на юге против Гонконга—Коулун. Необходимость аренды Вейхайвэя аргументировалась как перед китайскими властями, так и перед Германией русско-китайским договором. То, что Англия считала нуж-

ным получить согласие Германии на занятие Вейхайвэя, было не только связано с попытками сговора на более широкой основе с Германией, но и свидетельствовало о том, что Англия считает Шаньдун сферой влияния Германии. Система сфер влияния становилась формой дележа Китая и временного разграничения интересов держав. 30 мая над Вейхайвэем, а 9 июня над уступленной территорией близ Гонконга был поднят английский флаг.

Наконец, 26 августа 1898 года Япония заручилась обязательством Китая не отчуждать в пользу третьей державы территории в провинции Фуцзянь.

Даже Италия, соблазнённая примером более мощных европейских держав, пыталась приобрести морскую базу на побережье провинции Чжэцзян. Однако соответствующая нота, вручённая Китаю, осталась безрезультатной: китайские правители уже научились разбираться в силах европейских держав и на уступки Риму пойти не пожелали.

Раздел Китая на сферы влияния отнюдь не означал примирения интересов мировых держав. Борьба и соперничество на китайской арене, где всё плотнее завязывался один из важнейших узлов противоречий, обострялись. Соперничество, подчас весьма острое, имело место и в пределах сфер влияния. В частности, в Маньчжурии, несмотря на обязательства Китая по дополнительному протоколу от 7 мая 1898 года не предоставлять иностранцам никаких железнодорожных концессий во всём районе КВЖД, в том же 1898 году появляется английский капитал. Правительственная китайская железная дорога Шанхайгуань — Инкоу как гарантия по займу, сделанному у Гонконг-Шанхайского банка, оказалась фактически под руководством и управлением Лондона. Царское правительство тшетно боролось против появления английского капитала в районах КВЖД. Таким образом, сферы влияния не устраняли противоречий между державами, возникавшие новые конфликты вызывали новые переговоры и столкновения.

И всё же длительные переговоры между Лондоном и Санкт-Петербургом закончились 28 апреля 1899 года подписанием соглашения между русским министром иностранных дел Муравьёвым и английским послом Ч. Скоттом. По нему Англия обязалась не домогаться каких-либо железнодорожных концессий к северу от Великой Китайской стены и не препятствовать там русским интересам, а Россия дала соответствующие обязательства Англии в отношении района бассейна Янцзы. Однако для соглашения, уже состоявшегося между Китаем и английским Гонконг-Шанхайским банком по поводу Шанхайгуань-Инкоуской железной дороги в Южной Маньчжурии, делалось исключение. Оно сохраняло свою силу и было признано русской стороной.

Соглашение от 28 апреля 1899 года подтверждало, что ареной железнодорожного строительства России была признана вся об-

ласть Китая к северу от Великой Китайской стены, а не только Маньчжурия, но в нём оставался незатронутым вопрос о тарифных и налоговых преимуществах, полученных Россией по прежним договорам с Китаем, касавшимся КВЖД. В то же время Англия добилась признания своих интересов в Маньчжурии. Это свидетельствовало о наличии далеко идущих английских планов в отношении и северных провинций Китая.

К 1899 году все великие державы Европы и Япония обеспечили себе сферы влияния, но в поделённом таким образом Китае борьба между участниками этого процесса стала ещё больше обостряться. Из всех крупных стран в разделе Китая непосредственно не участвовали лишь США. Опоздавшие по ряду внутри- и внешнеполитических причин к разделу «свободных» территорий Китая, американцы смогли принять участие лишь в дележе остатков. Все попытки американцев реализовать более широкие планы не приводили к практическим результатам. Однако подготовка США условий для эффективного внедрения на Дальний Восток непрерывно усиливалась.

Завершившаяся победой США испано-американская война стала началом активной внешнеполитической экспансии Вашингтона на Дальнем Востоке. За захватом Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин и Гуама, присоединением Гавайских островов последовало приобретение Белым домом в 1899 году тихоокеанской базы на Самоа и ещё одного опорного пункта на острове Уэйк.

Но одной из основных внешнеполитических задач Белого дома в конце XIX века стало обеспечение проникновения американского капитала на китайский рынок. Решению этой важной задачи должна была послужить так называемая доктрина «открытых дверей»⁶.

Захват американцами Филиппин резко усилил позиции Вашингтона в регионе Юго-Восточной Азии и создал неплохой плацдарм для проникновения в Китай. Однако процесс раздела Китая на сферы влияния к этому времени уже подошёл к концу, и занятые войной с испанской короной американцы не успели в нём принять непосредственного участия. Именно поэтому раздел Китая противоречил интересам США, и в этих условиях американский капитал принял решение распространить свои интересы не на какую-либо часть Китая, а на всю великую страну в целом. В будущем США рассчитывали подчинить себе Китайскую империю в качестве одной огромной сферы влияния.

---

⁶ Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900. М.; Л., 1956. С. 110—112, 145; Ефимов Г. Внешняя политика Китая. М., 1958. С. 328; Горелик С. Б. Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1960. С. 45—46; Campbell Ch.S. Special business interests and the open door Policy. New Haven, 1951.

Таким образом, Белый дом поставил себе задачу: предотвратить дальнейшее растаскивание Китая по кускам другими мощными в экономическом отношении европейскими странами и Японией. Такая политика, помимо всего прочего, позволяла Соединенным Штатам выступить в роли «защитника» униженного Китая. Особое недовольство в Вашингтоне вызвал захват Цзяочжоу и Порт-Артура, русские концессии в Маньчжурии, англо-германское и англо-русское соглашения о разграничении сфер железнодорожного строительства.

Следуя такой политике, государственный секретарь США Дж. Хэй 6 сентября 1899 года поручил американским послам обратиться к правительствам Англии, Германии, Франции и России, а несколько позднее — Японии и Италии с нотами, в которых провозглашал так называемую доктрину «открытых дверей» в Китае. Хэй приглашал своих коллег присоединиться к этому принципу и предлагал каждому из правительств заявить:

«1. Что оно не будет никоим образом покушаться на права какого-либо договорного порта или нарушать какие-либо законные интересы (других держав) в пределах любой из так называемых «сфер интересов» или арендованных территорий, каковые оно (т. е. данное правительство) может иметь в Китае.

2. Что ныне существующий китайский договорный таможенный тариф будет применяться ко всем товарам, выгруженным или доставленным во все такие порты (за исключением «свободных портов») безотносительно к тому, какой бы стране они ни принадлежали; следующие при этом пошлины будут взиматься китайским правительством.

3. Что оно не будет взимать с судов иной национальности, заходящих в какой-либо порт в подобной «сфере», более высоких судовых сборов, чем те, которые будут взиматься с судов его собственной национальности, а равно и более высоких железнодорожных тарифов на линиях, сооруженных, контролируемых или эксплуатируемых в его сфере»⁷.

Английское, германское, французское, японское и итальянское правительства ответили на ноту Хэя согласием. По большей части это было, впрочем, сделано в мало чему обязывающих общих выражениях. Более того, правительство Его Величества, заявившее о своей приверженности принципу «открытых дверей», категорически отказалось распространить его на арендованную Англией китайскую территорию на материке напротив Гонконга.

Что же касается Токио, то японская торговля в Корее и в Китае даже и без тарифных льгот имела огромные преимущества вследствие географической близости к месту событий. Ввиду этого Япония имела возможность без особого ущерба для себя воздержаться от возражений на ноту Хэя.

---

⁷ «Foreign Relations of the United States, 1899». P. 134.

В Петербурге же мнения разделились. Муравьев считал, что Россия не может идти «наперекор общепринятому державами политико-экономическому началу». Иначе она может «дать повод к образованию весьма опасной для интересов наших коалиций держав на Дальнем Востоке»⁸. Министр иностранных дел полагал, что согласие на «открытые двери» в Маньчжурии может оказаться даже полезным: оно позволит добиться в обмен признания со стороны США преобладающего влияния России в этой части Китая. Из разговора с Хэем русский посол в Вашингтоне вынес впечатление, что договоренность в этом смысле вполне возможна.

Против подобной точки зрения свои возражения высказал Витте, ближе всех других царских министров связанный с Русско-Китайским банком и другими русскими предприятиями в Маньчжурии. Витте считал недопустимым связывать себе руки в отношении железнодорожных тарифов. При этом он опирался на юридический довод, не лишенный формальной убедительности: концессионный договор на КВЖД предоставляет право установления тарифов акционерному обществу этой железной дороги. Правительство не может изменять договор «русских частных людей с китайским правительством». По остальным вопросам, поставленным в американской ноте, и он готов был занять гибкую позицию.

Белый дом был крайне заинтересован в успехе своей инициативы с провозглашением доктрины «открытых дверей» — в ноябре в стране должны были состояться президентские выборы. Принятие всеми державами доктрины «открытых дверей», с одной стороны, упрочило бы позиции республиканцев в деловом мире, заинтересованном в китайском рынке; с другой стороны, доктрина выглядела вполне «либерально» и «демократично» и могла бы способствовать отражению критики общей политики США со стороны противников экспансионистской внешней политики Белого дома внутри страны — антиимпериалистов.

Положительные ответы на предложение госсекретаря сразу же дали пять держав. На содержащиеся в них оговорки в госдепартаменте предпочли закрыть глаза, чтобы не умалять масштабов своего достижения. Не хватало ответа одной России, и вот в конце декабря 1899 года американский посол посетил российское министерство иностранных дел и обратился с просьбой дать ответ безотлагательно, хотя бы и «в самой уклончивой форме»⁹.

Просьба американской стороны была удовлетворена царским правительством. Смысл его ответа сводился к согласию на принцип «открытых дверей» во всех портах Китая, за исключением

---

⁸ Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая... С. 119.

⁹ Там же. С. 162.

арендованной Россией территории на Ляодунском полуострове. Но русская нота обходила молчанием вопрос о железнодорожных тарифах.

Доктрина «открытых дверей» составила важный этап в выработке новых методов внешней политики США. Либеральная фразеология лишь слегка прикрывала притязания Вашингтона, а они были куда более грандиозные, чем у многих других, более откровенных участников борьбы за раздел Китая.

Боксёрское восстание: причины и последствия

Унизительные военные поражения Китая в войнах с Англией, Францией и Японией и последующее экономическое закабаление страны вызвали резкий рост антизападных настроений в Поднебесной империи. Беспардонное поведение европейцев, американцев и японцев, неуважение ими обычаев страны, в которой они проживали, тяжёлые экономические последствия, связанные с всё усиливавшимся проникновением в страну зарубежного капитала разжигали стихийную ненависть ко всем иностранцам. Наибольшей остроты эти настроения достигли в северных и северо-восточных провинциях Китая, являвшихся после японо-китайской войны местом наиболее интенсивного проникновения иностранного капитала. В первую очередь они проявились в Шаньдунской провинции, где коренное население подвергалось особо жестоким притеснениям со стороны германских властей, концессионеров, владельцев железных дорог и предприятий.

Движение против иностранцев возглавлялось тайными китайскими обществами, а наиболее массовое из них носило название «Ихэтуань». Проповедь борьбы с «заморскими дьяволами» участники этого тайного общества связывали с религиозным и мистическим моментами. Вместе с идеологической подготовкой населения «Ихэтуань» занималась и физической подготовкой своих последователей. В названиях и начертаниях тайных обществ фигурировал иероглиф, означавший кулак. На этом основании европейцы окрестили всё движение боксёрским. Главными виновниками всех своих несчастий китайцы считали иноземцев и решили им отомстить. Основную массу участников боксёрского движения составляли разорённые крестьяне, ремесленники, лодочники, кули и другие обездоленные слои населения.

Стихийное движение против европейцев постепенно принимало всё больший размах, хотя порой и носило весьма уродливые и дикие формы погромов и вандализма. Сигналом к всеобщему восстанию стало разрушение повстанцами железной дороги около Баодиньфу в мае 1900 года, а 14 июня отряды «боксёров» вошли в Пекин.

Мировые державы с большой тревогой следили за нараставшим движением. Требуя от пекинского правительства решительной борьбы с «Ихэтуанем» и другими тайными обществами, они послали свои вооружённые силы в Тяньцзинь — к концу июня здесь было сосредоточено до 14 тысяч солдат и офицеров. Затем под предлогом охраны дипломатических миссий эти войска были направлены к столице. Возглавлял объединённый отряд, составленный из иностранных солдат, английский вице-адмирал Ф. Сеймур. Однако натолкнувшись на сопротивление ихэтуаней отряд не смог достигнуть Пекина и отступил к Тяньцзиню. Здесь ему пришлось выдерживать длительную осаду до прибытия подкрепления.

16 июня 1900 года представители держав в Тяньцзине в ультимативной форме предложили китайским властям сдать им форты Дагу, однако захват китайских укреплений европейскими десантными частями вызвал новый подъём движения. В столице Поднебесной вокруг растерявшейся императрицы Цы Си шла борьба придворных клик. В то время как одни требовали решительных мер против повстанцев, принц Дуань и его сторонники рассчитывали устранить угрозу со стороны народного движения путём официальной поддержки восстания и объявления войны иностранным державам.

20 июня Цы Си подписала эдикт, объявлявший иностранцам войну. Их миссиям было предложено покинуть столицу, но те отказались это сделать из-за невозможности пробраться к побережью. Так дипломаты оказались изолированными в Пекине.

В этот же день германский посланник фон Кеттлер был убит маньчжурским солдатом. Вскоре весь посольский квартал оказался осаждён отрядами повстанцев и правительственными войсками. Началось 56-дневное «сидение» иностранных миссий.

Между тем иностранные державы спорили о том, которая из них должна играть ведущую роль в интервенции в Китае. Япония пыталась первоначально взять на себя карательные функции единолично; Англия, занятая войной в Африке, всячески содействовала этому и обратилась с соответствующим заявлением к державам. Но её предложение не встретило сочувствия. Все великие европейские державы и США желали принять участие в интервенции, с тем чтобы непосредственно участвовать в решении китайской проблемы.

Белый дом, например, объяснял необходимость интервенции защитой принципа «открытых дверей». Так, письмо статс-секретаря Хэя послам европейских держав и Японии в Вашингтоне от 3 июля указывало на необходимость сохранения «территориальной и административной целостности» Китая, договорных прав и принципа «открытых дверей».

Восстание боксёров сразу же обнаружило слабость центрального правительства в Пекине. Вице-короли Южного Китая в Учане и Нанкине отказались выполнить распоряжение Пекина о начале

войны с иностранцами и вступили в переговоры с иностранными консулами. Они заявили о том, что берут на себя гарантию жизни и собственности иностранцев. Ли Хунчжан в Кантоне и Юань Шикай в Шаньдуне заняли ту же позицию. В своих областях они беспощадно подавляли вспышки выступлений против иностранцев.

Наиболее широкий размах восстание приняло в провинциях Чжили и в Шаньси, а также в Маньчжурии. Выступления вандалов в Маньчжурии привели к разрушению значительных участков русской железной дороги. Введённые в Маньчжурию царские войска уже к концу июня фактически установили свой контроль в Северной и Центральной Маньчжурии, а в начале августа российский флаг был поднят и в Ньючжуане.

6 августа отряды иностранной объединённой армии выступили из Тяньцзиня в направлении Пекина. Силы насчитывали около 19 тысяч человек, в числе которых было 8 тысяч японских и около 5 тысяч русских солдат. Англия выставила 3 тысячи индийских солдат, американских войск было свыше 2 тысяч солдат. Франция была представлена почти исключительно 800 аннамитскими стрелками, а участие Австро-Венгрии и Италии в этой экспедиции носило формальный характер (около 50 человек от каждой). Германия, несмотря на приказ кайзера немедленно мобилизовать для отправки в Китай 7 тысяч человек, не имела к началу похода сколько-нибудь значительных отрядов.

14 августа 1900 года иностранные войска вошли в столицу. Цы Си и её двор бежали. Захватив столицу, войска союзников разделили её на зоны, но до прибытия германских сил не трогали «запретного города» и императорских дворцов, удовлетворившись лишь демонстративным парадным прохождением через эту часть столицы.

Под предлогом того, что был убит немецкий посланник, Германия заявила претензии на руководящую роль в объединённой интервенции. Вильгельм назначил фельдмаршала графа А. Вальдерзее командующим всеми карательными войсками. Вальдерзее прибыл в Тяньцзинь 27 сентября, снабжённый инструкцией в стиле знаменитой «гуннской» напутственной речи, которой кайзер провожал в Бремене 27 июля первые немецкие отряды. «Никакой пощады, — говорил кайзер, — никаких пленных... Так же, как гунны тысячу лет тому назад под руководством Атиллы завоевали себе славу, живущую в истории, так и Германия должна показать себя в Китае таким образом, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не осмелился косос взглянуть на германца».

Хотя Вальдерзее прибыл в Пекин уже после занятия столицы иностранными войсками и подавления восстания, он сразу же стал претендовать на роль главнокомандующего объединёнными силами. Вальдерзее был главным вдохновителем многочисленных карательных экспедиций, расправлявшихся с повстанческими отрядами.

ми. Даже после того как начались переговоры с китайскими представителями, Вальдерзее продолжал свою карательную деятельность. В период между 12 декабря 1900 годом и концом апреля 1901 года им было организовано 45 экспедиций, из которых в 35 участвовали только немецкие солдаты.

Переговоры с китайским правительством начались через некоторое время после взятия Пекина, но тут же выявились разногласия держав между собой. Россия фактически оккупировала Маньчжурию, что вызвало недовольство у других держав. Именно это обстоятельство заставило другие страны выступить в защиту принципа сохранения целостности Китая. Англии это казалось верным способом помешать закреплению русских позиций в Маньчжурии, а Германия, согласившись поддерживать территориальную целостность Китая, рассчитывала на контрибуцию. Для США помимо особых интересов в Маньчжурии, где американская торговля во много раз превышала русскую, провозглашение целостности Китая было связано с использованием основного орудия американской политики — принципа «открытых дверей». Для Японии противодействие России в Маньчжурии было связано с тем, что японские правящие круги считали эти районы, так же как и Корею, первоочередным объектом своей экспансии.

Различные цели, которые ставили себе державы, приводили к различным формам отношений с Китаем. Русская дипломатия, несмотря на то, что наиболее агрессивные круги царской России выдвигали далеко идущие захватнические планы, делала ставку на установление дружественных отношений с Китаем. Министерство иностранных дел, например, возражало против участия русских войск в походе на Пекин.

Русское правительство стремилось как можно скорее перевести события в плоскость дипломатических переговоров. Вывод русских войск из Пекина начался в августе 1900 года, и к приезду Вальдерзее в октябре 1900 года на пекинском театре не было русских войск. Россия была первой державой, выразившей готовность признать полномочия Ли Хунчжана как представителя китайского правительства в переговорах.

Державы не сразу могли выработать совместные требования. Только 4 октября 1900 года французские представители предложили как базу для переговоров ряд основных пунктов, включавших: 1) наказание виновников восстания и убийств иностранцев, 2) запрещение Китаю ввозить оружие, 3) надлежащую компенсацию державам, компаниям и частным лицам, 4) образование в Пекине постоянной охраны посольств, 5) срытие фортов Дагу, 6) военную оккупацию трёх пунктов на дороге Пекин — Дагу, с тем чтобы эта дорога всегда была свободна для проезда посольств к морю и военных отрядов к столице.

Эта нота, так же как сентябрьская нота германского правительства, выдвигавшая ещё более жестокие требования, была положена в основу при выработке совместных требований, обсуждение которых заняло свыше двух месяцев и отражало противоречия между великими державами. Главным тормозом явились обсуждение количества китайских сановников, подлежащих казни, германский проект процедуры принесения Китаем извинений, постройка памятника Кеттлеру и т. п. В результате совместная нота держав была подписана в середине декабря и 22 декабря передана китайским представителям. До принятия китайским правительством выдвинутых державами требований иностранные оккупационные войска должны были оставаться в Пекине.

28 декабря из Сиани, где находился китайский двор, было получено согласие на требования держав. Условия капитуляции Китая были тяжелы. Уступки в процессе переговоров и заключительный протокол были свидетельством дальнейшего закабаления Китая и завершали процесс превращения Китая в полукOLONиальную страну.

Переговоры о Маньчжурии велись Россией с Китаем сепаратно и параллельно с происходившими при участии русских представителей общими переговорами держав. Эти сепаратные переговоры руководители страны хотели использовать, чтобы за счёт обещанных России уступок в вопросе о Маньчжурии обеспечить дружественную позицию русских представителей в общих переговорах. В то же время, противопоставляя требованиям России общий антирусский фронт европейских держав, Японии и США, китайцы стремились свести на нет свои обещания, данные России. Но эта игра не смогла укрепить положение Китая.

Заключительный протокол был подписан 7 сентября 1901 года. Общая сумма гигантской контрибуции, которую должен был уплатить Китай, определялась в 450 млн таэлей, не считая процентов.

Камень преткновения — Маньчжурия

Ко времени подписания договора великих держав весьма обострилось соперничество России с Англией и Японией в Маньчжурии. Это было вполне объяснимым: после поражения боксёрского восстания наиболее сильными позициями в Поднебесной империи обладали Россия и Англия, но их геостратегическое положение в этом регионе существенно различалось. Лондону было весьма непросто добиться новых привилегий в районе реки Янцзы, тем более когда речь заходила о прямых захватах. Да и в Шанхае британские войска остались не одни, а в окружении соперников из других европейских стран. В Маньчжурии, кроме русских, других войск не было, а сама эта сфера российских интересов непосредст-

венно граничила с империей. Это давало царскому правительству возможность проводить в Китае куда более активную политическую и экономическую экспансию.

Используя свои сильные позиции в Китае, российское правительство втайне от других держав начало с китайцами сепаратные переговоры по поводу компенсации ущерба от действий «Ихэауня». Причём наиболее активными они стали после того, как в 1900 году американский президент отклонил просьбу китайского богдыхана о посредничестве. С этой целью в сентябре 1900 года для переговоров в Пекин прибыл председатель правления Русско-Китайского банка князь Э. Э. Ухтомский.

В тот период в недрах царского правительства существовали две точки зрения на проблему с Маньчжурией. Если министр финансов Витте и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф полагали возможным за соответствующие и немалые уступки со стороны центрального китайского правительства вывести русские войска из Маньчжурии, то военный министр А. Н. Куропаткин предлагал вообще аннексировать северную часть Маньчжурии, а остальное вернуть Пекину.

Миссия Ухтомского, однако, не привела ни к какому результату — в Санкт-Петербурге пришли к общему мнению, что в условиях царящего в Китае политического хаоса и неразберихи заключать какие-либо сделки с кем-нибудь из центрального правительства вообще бессмысленно.

На берегах Невы решили действовать по-иному: главе Квантунской области адмиралу Е. И. Алексееву было дано указание начать переговоры с мукденским цзянцзюнем (командующим военным округом и фактическим наместником северо-восточных провинций). 9 ноября между ними было заключено временное соглашение, по которому в регионе восстанавливалась китайская администрация, но она должна была находиться под полным контролем русских. Русские войска оставались в Маньчжурии, а китайская армия разоружалась и распускалась. При этом почти одновременно Витте, Ламздорф и Куропаткин совместно разработали проект общего соглашения с центральным правительством. Этот проект предусматривал восстановление суверенитета Пекина в Маньчжурии, но при этом выдвигались условия, которые значительно усиливали роль России в этом регионе Китая.

Договор, казалось, устраивал обе стороны, но тут в Пекине кто-то решил сыграть на противоречиях между великими державами, и китайцы передали в лондонскую газету «Таймс» условия соглашения между Алексеевым и цзянцзюнем, которое и стало в январе 1901 года достоянием мировой общественности. Тогда же всем стало известно и о проекте соглашения между российским и китайским правительствами. Разглашение этих документов вызвало бурю не-

годования в европейских столицах, но особенное недовольство высказывалось в Лондоне. Впрочем, даже Британия по накалу антирусской истерии не могла сравниться с тем, что происходило в Японии.

Это не могло никого удивить — русско-японские отношения резко ухудшились после пересмотра Симоносекского договора, и Токио, в отличие от Санкт-Петербурга, не мешкая, деловито приступил к подготовке войны с Россией. Сдерживало японцев лишь опасение того, что России на помощь могут прийти Франция и Германия. Собственно, это однажды не так уж давно и случилось — в 1895 году.

Российское правительство не желало ухудшения отношений с Японией, хотя и не рассматривало её как серьёзного и достойного противника. Когда корейское правительство в январе 1901 года предложило рассмотреть вопрос о нейтрализации Кореи под гарантии великих держав, в Петербурге не стали этому противиться и даже согласились на значительное усиление японского влияния на полуострове. Но представитель крайних милитаристских кругов в Японии министр иностранных дел Като сообщил послу России в Токио А. П. Извольскому — будущему министру иностранных дел России — об отказе от переговоров по этому поводу. 17 января 1901 года японцы официально заявили, что до тех пор, пока из Маньчжурии не уйдут русские войска, никаких переговоров о судьбе Кореи они вести не намерены¹⁰.

Но даже после подобного заявления Витте в начале июля 1901 года, неофициально дал понять Японии, что он готов «в любую минуту устроить японскому правительству большой заём в Париже» и готов признать за Японией «право держать при корейском правительстве административных и финансовых советников, равно как высших полицейских чиновников и их агентов» при условии «официального признания со стороны Японии преимущественного положения России в Маньчжурии»¹¹.

Однако против сепаратных переговоров России с Китаем выступили все великие державы, кроме Франции, с которой Россия была связана союзническими отношениями. Впрочем, в данном случае с Францией за её поддержку российских планов в Маньчжурии в Петербурге обещали расплатиться всемерной поддержкой французских интересов на юге Китая.

Согласованное выступление великих держав против России свидетельствовало о зарождении на Дальнем Востоке нового очага международной напряжённости. Особенно далеко в противодействии планам России решила идти Япония. Собственно, именно конфликт интересов в Маньчжурии и привёл к русско-японской войне. Но пока до этого ещё было далеко.

¹⁰ Гальперин А. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М., 1947. С. 81—82.

¹¹ Die Grosse Politik. T. 17. № 5040 и 5041.

Воспользовавшись возникшими серьёзными спорами между великими державами, 24 марта 1901 года китайское правительство, ссылаясь на возражения Японии, Англии и Германии, отказалось подписать соглашение с Россией. Этот отказ последовал даже после того, как из Петербурга пришло сообщение о готовности учесть в новом договоре все изменения, предложенные китайской стороной. Таким образом, российско-китайские переговоры были прерваны, но русские войска так и остались в Маньчжурии.

Ситуацию, которая сложилась между европейскими державами на Дальнем Востоке, нельзя рассматривать без учёта всего комплекса международных отношений. Несведущего человека, например, может удивить весьма жесткая антирусская позиция, занятая немецким канцлером Вильгельмом II в отношении Маньчжурии, — ведь он в своих письмах Николаю II и в публичных выступлениях говорил о том, что эта отдалённая северо-китайская провинция его страну совершенно не интересует, что рейх никогда не будет таскать каштаны из огня для Лондона, и, вообще, русским давно уже пора бы разобраться со всеми «желтолицыми» врагами европейской цивилизации — как китайцами, так и японцами.

Объяснение такой позиции кайзера можно найти, если на минутку обратиться к международной ситуации в Европе. Главная цель циничной политики Германии заключалась в разжигании войны на Дальнем Востоке, что отвлекло бы русские вооружённые силы от германской границы и сковало бы их на далёкой восточной окраине. Это нанесло бы мощный удар по франко-русскому союзу и укрепило бы позиции рейха в европейских делах. Вот почему, с одной стороны, германское правительство всеми силами поощряло царизм к экспансии на Дальнем Востоке против «жёлтой опасности» и одновременно обещало всемерную поддержку «желтолицым» японцам. Канцлер, например, дал устное заверение официальному Токио, что в случае русско-японской войны его страна сохранит благожелательный нейтралитет и не позволит повторения ситуации 1895 года. В истории дипломатии тех лет трудно найти примеры более двуличной политики.

С другой стороны, в Лондоне тоже были крайне заинтересованы в том, чтобы столкнуть на поле боя Россию и Японию — помимо дивидендов в самом Китае для англичан такая война означала бы существенное ослабление русских позиций в Средней Азии и Персии. Однако сами воевать в Китае британцы не собирались — сначала им надо было разобраться с бурами в Южной Африке. Вот если бы японцы начали войну против России — тогда другое дело.

Возможность дальнейшего русского проникновения в Северный Китай умышленно преувеличивалась английской пропагандой. Особенно широко использовались для возбуждения общественного мнения против России планы сооружения ею новых железнодорож-

ных линий с севера к Пекину. Всё это способствовало дальнейшему сближению Англии с Японией. Дипломатическая борьба против русско-китайской конвенции в Маньчжурии проводилась обеими странами в тесном контакте.

На сближение с Японией толкали Англию и её неудачные попытки нащупать путь для союза с Германией и США. Временное совпадение целей Лондона и Берлина на Дальнем Востоке привело к улучшению отношений между двумя странами. Дипломаты двух стран даже стали вести переговоры о возможности заключения некоего союза. Но хотя возглавлявшаяся Д. Чемберленом группировка английских политиков в 1901 году не прочь была договориться с Германией, непрерывно углублявшиеся англо-германские противоречия делали соглашение невозможным. Таким образом, союз с Японией являлся наилучшим в данный момент выходом Англии из «блестящей изоляции». Такой союз давал возможность использования Японии в качестве орудия для борьбы с Россией и развязывал Англии руки для укрепления своих позиций не только в Китае, но и в других регионах мира.

9 марта 1901 года министр иностранных дел Японии Като через своего посланника в Лондоне запросил главу британского внешнеполитического ведомства Г. Ленсдауна о том, «в какой мере Япония может рассчитывать на помощь Великобритании в случае, если Япония найдёт необходимым оказать противодействие России»¹². Так начались переговоры между двумя сторонами о заключении договора.

16 марта того же года английское правительство ответило, что Британия намерена сохранять нейтралитет, однако 17 апреля японцы повторили свой вопрос. Лондон долго хранил молчание, и его позиция изменилась только летом 1901 года. Именно в это время Витте предпринял новые попытки добиться соглашения с японцами, предложив им уступки в Корее. Такая перспектива никак не входила в планы англичан, и те 14 августа заявили о возможности достижения соглашения между двумя странами.

6 ноября 1901 года Ленсдаун встретился с посланником Японии в Лондоне Хаяси и передал ему английский проект союзного договора. Британское правительство в этом документе предложило расширить сферу действия двустороннего союза за пределы Дальнего Востока — так оно стремилось использовать японскую военную машину и на случай возможной войны из-за Индии. Зато в отношении Кореи английский проект предусматривал совместные действия только в целях предотвращения захвата ее Россией.

Правительство Японии возразило против такой постановки вопроса и не согласилось расширить сферу союзных обязательств да-

---

¹² British Documents. V.II. P. 41.

леко за пределы Китая и Кореи. Оно желало распространить «casus foederis» не только на случай покушения третьей державы на Корею, но и на войну из-за любых попыток какой-либо державы ограничить господствующее влияние Японии в этой стране. Другими словами, Япония хотела получить поддержку Англии на тот случай, если Россия будет мешать Японии самой произвести фактический захват Кореи¹³.

Токийское правительство предвидело возражения со стороны осторожного английского кабинета, но тут японской дипломатии очень большую услугу оказало беспокойство, вызванное в Лондоне миссией, с которой прибыл в Европу крупный японский сановник, бывший премьер-министр Х. Ито.

Свое дипломатическое турне по Старому Свету Ито начал с Парижа, куда прибыл 13 ноября 1901 года, и сразу же встретился с Т. Делькассе. Французский министр иностранных дел был в высшей степени заинтересован в примирении Японии с Россией и стремился избавить союзницу Франции от необходимости отвлекать свои силы от германской границы на Дальний Восток. Делькассе энергично высказывался перед Ито в пользу соглашения с Россией. Французский дипломат рассчитывал, что Япония нуждается в средствах и Ито будет просить о предоставлении займа. Этого, однако, не случилось.

Ито был сдержан и только, выразив надежду на то, что соглашение между Россией и Японией будет достигнуто, пообещал в случае необходимости прибегнуть к посредничеству Франции.

14 ноября по поручению своего правительства в Париж из Лондона прибыл Хаяси. Он информировал Ито о состоянии переговоров с Англией. Поездка Хаяси была дипломатическим приемом японского правительства: доклад посланника бывшему премьеру, которого считали сторонником сделки с Россией, призван был обеспокоить Форин Оффис.

Через десять дней после этого Ито прибыл в Петербург. Японский чиновник был принят царем, беседовал с Ламздорфом и Витте. Он требовал полноты влияния в Корее, но ему было заявлено, что интересы России требуют обеспечения свободы плавания по Корейскому проливу. Если это условие будет принято, Россия признает промышленные и коммерческие интересы Японии в Корее. Царское правительство готово было предоставить Японии преимущественное право «давать советы» и оказывать «помощь» корейскому правительству, включая военную. Правда, признавая за Японией право вводить в Корею свои войска, русское правительство настаивало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены и чтобы Корея не использовалась Японией «для

---

¹³ British Documents. V.II. P. 99—100, 102.

стратегических целей» против России. Кроме того, японские войска не должны были переступить определенную зону вдоль русско-корейской границы. В обмен от японцев требовалось признание русского преобладания в Маньчжурии и в других областях Китая, граничащих с Россией¹⁴.

В российской столице к Ито снова был послан сотрудник японского посольства в Лондоне, который привез ему проект англо-японского договора. Информировать Ито об этом можно было бы гораздо проще — по телеграфу из Токио. Но нарочито был избран способ более демонстративный.

Ито советовал своему правительству отложить подписание союза с Англией, пока не выяснится полностью вопрос о возможности заключить выгодное соглашение с Россией. Но лидеры милитаристов в Токио Ямагата и Т. Кацура не последовали его совету. Начиная переговоры с Петербургом, они вовсе не стремились довести их до благоприятного конца. Миссия маркиза Ито была для них только средством нажима на Англию: страх перед русско-японской сделкой должен был побудить ее заключить союз на условиях, наиболее выгодных для Японии. Следует отметить, что крайние милитаристы в Японии одержали верх — 7 декабря правительство Японии приняло решение подписать союзный договор с Англией, а 19 декабря английский кабинет в свою очередь обсудил вопрос и постановил заключить союз с Японией.

Таким образом, японские милитаристы, ратующие за решительные действия против России, достигли несомненного успеха: 30 января 1902 года Ленсдаун и Хаяси подписали союзный договор между двумя странами.

В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуются интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных». Соответственно договорные обязательства касались не только действий для осуществления отпора стремлениям третьей державы на захват Кореи или Китая, но предусматривали также право на противодействие любым попыткам третьей державы — разумеется, здесь имелась в виду только Россия — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах. В высшей степени растяжимые формулировки статьи 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась

---

¹⁴ Красный архив. 1934. Т. 2 (63). С. 44—53; Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. С. 333—339.

каким-либо агрессивным действиям Японии в Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки первой статьи англо-японского договора. Оно могло бы заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Статья 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлечённой в войну с третьей державой.

В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор согласно статье 3 обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Англо-японский союзный договор был крупной победой японской дипломатии. Индия в нём не упоминалась, а в отношении Кореи и Маньчжурии договор обеспечивал Японии все, чего добивалось её правительство. Он давал ей возможность начать войну против России, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооруженной поддержки из опасения столкнуться уже не с одной Японией, но и с её союзницей Англией.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что Англия и Япония предоставят друг другу взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого из союзников в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы, и тем не менее обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства.

Подписание союзного договора принесло Японии не только политические, но и экономические дивиденды — теперь в Токио могли рассчитывать на финансовую помощь лондонского Сити.

Англо-японский союз был направлен одновременно и против России, и против Китая, и против Кореи. Он должен был служить, с одной стороны, подавлению национального движения в Корее и Китае, а с другой — интересам борьбы английских и японских экспансионистов против российского влияния на Дальнем Востоке. Согласно статье 3 союзного договора Англия фактически обязывалась не допустить образования против Японии коалиции, какую бы авантюру Япония ни затеяла против России. Таков был смысл союза, и нет сомнения, что его создание означало курс Японии на подготовку войны против Российской империи.

Англо-японский союз напугал царское правительство. Русская дипломатия немедленно обратилась к Франции с предложением

совместно выступить с ответом на него, но французское правительство не одобряло отвлечения сил России на Дальний Восток. Всё же оно согласилось на то, чтобы 20 марта 1902 года оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. Она гласила: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае... оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов». Декларация намекала Японии и Англии на возможность франко-русского сотрудничества на Дальнем Востоке, но она оставляла открытым вопрос, примет ли это сотрудничество военные формы, а потому имела малообязывающий характер. Франция на этот раз не оказала своей союзнице существенной политической помощи на Дальнем Востоке.

Одновременно царское правительство пыталось привлечь к участию в декларации Германию и восстановить антияпонский континентально-европейский блок 1895 года. Но это совершенно не входило в планы кайзера и его советников: поощряя царизм на дальневосточные авантюры, они вовсе не собирались втягиваться в них сами. Германское правительство отказалось примкнуть к франко-русскому выступлению против англо-японского союза, подобно тому, как раньше оно уклонялось от присоединения к англо-японскому блоку, направленному против России.

Зато немцы с удовольствием учинили антианглийскую демонстрацию в виде свидания кайзера с царём в Ревеле 24—26 июля 1902 года. При расставании Вильгельм постарался поощрить честолюбие царя и в своей излюбленной театральной манере послал Николаю морским кодом прощальный привет как «адмиралу Тихого океана» от «адмирала Атлантики».

Характерно, что пока шли переговоры между Лондоном и Токио о заключении союза, начался второй тур русско-китайских консультаций — в начале августа 1901 года глава китайского правительства Ли Хунчжан предложил своему северному соседу вновь сесть за стол переговоров. Надо отметить, что возглавляемый теперь Ламздорфом российский МИД решил пойти на значительно большие уступки китайцам и выступил с предложением как можно быстрее вывести из Маньчжурии войска, не требуя взамен от китайцев каких-либо крупных уступок, зафиксированных в отдельном двустороннем договоре. Глава внешнеполитического ведомства страны довольно правильно оценил обстановку на Дальнем Востоке и понял, что дело быстро идёт к войне между Россией и Японией, для которой, по его словам, война является не средством, «а скорее, прямо намеченной целью»¹⁵. Более того, в случае вывода русских войск из Мань-

¹⁵ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С.146.

чжурии Ламздорф полагал даже возможным достичь взаимоприемлемого соглашения и с Японией. Оппоненты Ламздорфа из военного министерства и министерства финансов — Куропаткин и Витте — продолжали полагать, что российскому правительству надлежит подписать с Китаем сепаратный договор, хотя и они смягчили свои требования.

Впрочем, Витте, как и Ламздорф, тоже полагал, что российские войска из Маньчжурии во избежание дальнейшего осложнения международной обстановки на Дальнем Востоке целесообразно эвакуировать. При этом он, однако, настаивал на том, чтобы Китай ещё до подписания соглашения о выводе русских войск из северо-восточных провинций дал обязательства Русско-Китайскому банку не предоставлять без согласия его правления каких-либо концессий иностранцам.

Однако русско-китайские переговоры осложнила смерть в ноябре 1901 года их инициатора Ли Хунчжана, а вскоре под давлением Англии, Японии и Соединённых Штатов китайское правительство отвергло все предложения со стороны России. Более того, 3 февраля 1902 года Вашингтон заявил Пекину и России официальный протест против предоставления монополии Русско-Китайскому банку и расценил это как грубое нарушение доктрины «открытых дверей». В Белом доме опасались, что подобный пример может оказаться заразительным и в случае подписания русско-китайского финансового соглашения подобных привилегий потребуют для себя и другие страны в их сферах влияния. Этот демарш Соединённых Штатов свидетельствовал о том, что в лице самой мощной в экономическом отношении страны мира Россия начинает приобретать ещё одного соперника на Дальнем Востоке.

Как бы то ни было, но заключение англо-японского договора, протест американцев и отказ китайцев от подписания нового варианта договора заставило российское правительство прервать переговоры о дальнейшей судьбе Маньчжурии.

В этих крайне неблагоприятных для России условиях Витте решил пойти на очередную уступку и снял своё требование об обязательстве китайской стороны не предоставлять концессии в Маньчжурии иностранным компаниям. Уступка эта удовлетворила Пекин и 8 апреля 1902 года двумя государствами было подписано соглашение о порядке вывода русских войск из Маньчжурии. Вывод должен был состояться в течение 18 месяцев в три срока — таким образом, русские должны были покинуть Китай к осени 1903 года. Единственное, что могло помешать эвакуации — это внутренние смуты в Маньчжурии или действия иностранных держав, которые не позволят вывести войска. Одну привилегию Россия все-таки получила — это обязательство Китая относительно железной дороги Шаньхайгуань—Синминтин — любое продолжение этого пути китайцы обязались согласовывать с российской стороной.

К осени 1902 года, в определенный срок был завершён первый этап вывода русских войск из Маньчжурии. Кризис в отношениях между Японией и Россией, казалось, миновал. Однако к этому времени в правящих кругах России началась острая подковёрная борьба. На недалёкого русского императора стала всё большее и большее влияние оказывать так называемая «безобразовская шайка» — придворная клика авантюристов и проходимцев, не только выступавшая против вывода войск из Маньчжурии, но и требовавшая от царя более активной политики в Корее. Эта подстрекательская политика имела под собой экономическую подоплёку — клика А. М. Безобразова приобрела в Корее в бассейне реки Ялу обширную лесную концессию.

Против проходимцев выступили все министры, имевшие какое-либо отношение к дальневосточной политике, но влияние самого авторитетного из них — Витте — заметно пошатнулось.

Следующий срок вывода войск из Маньчжурии, согласованный с китайским правительством, наступал 8 апреля 1903 года. В связи с приближением этой даты 7 февраля в Петербурге состоялось особое совещание под председательством Ламздорфа с участием Витте, Куропаткина, управляющего морским министерством Тыртова и трех посланников — в Китае, в Японии и в Корее. На совещании встал вопрос о гарантиях русских интересов в Маньчжурии, которые, перед тем как выполнить обязательство об эвакуации русских войск, вновь было решено потребовать от китайского правительства.

Китай должен был дать твёрдую гарантию не уступать никакой державе на началах аренды или концессий территорий, возвращённых ему Россией. От китайского правительства также решено было потребовать, чтобы в случае приглашения иностранцев для руководства тем или иным ведомством Поднебесной империи дела Северного Китая были бы изъяты из ведения того учреждения, во главе которого предполагалось поставить иностранца. Эти дела надлежало выделить в ведение особого органа, во главе которого Китай должен был поставить русского подданного.

Кроме того, Пекин не должен был открывать в Маньчжурии новых пунктов для международной торговли. Пекинскому правительству планировалось предъявить и другие условия: военный министр Куропаткин, например, потребовал задержки эвакуации. К договорному сроку, то есть к 8 апреля 1903 года, он предлагал ограничиться освобождением одной только Мукденской провинции. Эвакуацию же Гиринской и Хэйлуцзянской провинций он требовал обусловить согласием Китая на сохранение там относительно небольшого контингента российских войск, которые должны были дислоцироваться вдоль железной дороги, а также по течению рек Амура и Сунгари. Совещание приняло все эти требования, но оно решительно отклонило притязания военного министра на аннексию Северной Маньчжурии. И Витте, и Ламздорф выступили против этого самым категорическим образом.

Решения совещания были утверждены Николаем II и 5 апреля 1903 года предъявлены Китаю, но уже через несколько дней из Пекина пришёл отказ. Так ситуация на Дальнем Востоке стала принимать для царского правительства новый оборот.

Очень серьёзным фактором, осложнявшим положение России на Дальнем Востоке, стали всё более и более натянутые отношения с Соединёнными Штатами. В Вашингтоне к этому времени окончательно решили усилить своё экономическое и финансовое присутствие в Маньчжурии. По заключённому 8 октября 1903 года договору США с Китаем, китайцы обязались открыть в своей стране новые пункты для международной торговли, причём два из них должны были находиться именно в Маньчжурии. Это решение было явно направлено против России и означало попытку активного проникновения американского капитала в северо-восточные провинции Китая в ущерб интересам Русско-Китайского банка.

Российское правительство попыталось было противиться такому неблагоприятному для себя повороту дел, но это вызвало только ухудшение русско-американских отношений. Надо отметить, что к началу 1903 года Белый дом смог решить все свои внешнеполитические проблемы на Филиппинах, Кубе и в Панаме, и теперь у него оказались развязаны руки для того, чтобы вести более активную политику в Китае. После недолгих раздумий в Вашингтоне в этом регионе решили сделать ставку на Японию — в тот момент американским внешнеполитическим стратегам она казалась менее опасным и сильным соперником.

Правительство США официально заверило Японию, что в случае войны американская политика будет благожелательной к Японии. В январе 1904 года в Японию направился бывший губернатор Филиппин, ныне военный министр, а в будущем президент США У. Тафт. В переговорах с премьером Кацуры и другими руководителями японского правительства американской стороной было обещано: в случае, если при русско-японском столкновении на стороне России будут участвовать Франция и Германия, Япония получит помощь США.

О позиции США в русско-японском конфликте наглядно свидетельствуют документы более позднего времени. «Война, — писал президент США Т. Рузвельт своему сыну на второй день после начала военных действий, — началась, конечно, весьма катастрофично для русских, но, между нами, — об этом не должна знать ни одна душа — я был бы в высшей степени доволен японской победой, так как Япония ведет нашу игру»¹⁶. «Я с самого начала благоприятствовал Японии, — признавал Рузвельт в 1905 году, — и делал все, что мог, чтобы содействовать ее интересам»¹⁷.

---

¹⁶ Pringle H. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931. P. 375.

¹⁷ Dennett T. Roosevelt and Russo-Japanese War. New York, 1925. P. 160—161.

Не подлежит сомнению, что всесторонняя поддержка со стороны США являлась одним из важных условий, сделавших возможным развязывание этой войны. Вряд ли Япония осмелилась бы напасть на Россию, если бы она не была в союзе с Англией и не имела заранее полученных твердых заверений со стороны США.

Между тем к лету 1903 года англо-русские отношения стали принимать новый оборот. После завершения англо-бурской войны, во время которой немецкий кайзер Вильгельм II однозначно выступил в поддержку противников Лондона, после принятия Берлином второй морской программы, которая была нацелена на ликвидацию британской морской гегемонии, правительство Георга V постепенно стало приходить к выводу о том, что основная угроза их стране идёт от немцев, а не от русских. Англичане в этих условиях всерьёз задумались о сближении как с Францией, так и с Россией.

В 1903 году Лондон начал переговоры по спорным колониальным вопросам с Парижем, которые закончились на следующий год подписанием договора о «сердечном согласии» — Антанте. На берегах туманного Альбиона всё чаще стали слышаться речи политиков о необходимости поиска компромисса и с Россией, статьи подобного содержания появились в самых солидных периодических изданиях. Во всех этих речах и статьях сквозила одна мысль — после заключения англо-японского союза Россия умерит свои амбиции и будет более сговорчивой за столом переговоров.

Крайне заинтересованной в англо-русском сближении была и французская дипломатия. Министр иностранных дел Франции Делькассе развил на этой почве немалую активность и не раз намекал царскому правительству, что Англия готова заключить с Россией взаимовыгодный договор. На призыв Делькассе откликнулся Ламздорф, и, таким образом, русско-английские переговоры начались.

Однако англо-русское сближение осложнялось тем, что основные проблемы между двумя странами были не в Китае, а в Афганистане, Персии и Тибете. Маньчжурия, вообще, волновала Лондон только в той мере, в какой Северо-Восточный Китай мог бы стать плацдармом для дальнейшего проникновения России в глубь Поднебесной. В связи с этим глава Форин Оффис сразу же после начала переговоров потребовал у российского посла в Лондоне А. К. Бенкендорфа признать Афганистан полностью находящимся в сфере влияния английских интересов, то же самое должно быть и в отношении Тибета, куда России запрещалось посылать своих агентов. Что же касалось Персии, то её предполагалось разделить на две части: юг был бы сферой влияния Британии, а север переходил бы под контроль России.

Российское правительство посчитало требования Лондона явно завышенными: от своего влияния в Афганистане Санкт-Петербург

отказываться не собирался, а на севере Персии Россия доминировала уже и так. Впрочем, на берегах Невы были готовы продолжать консультации с Лондоном.

Переговоры между англичанами и русскими дипломатами крайне насторожили японцев и побудили их форсировать военную развязку русско-японского конфликта. Но, маскируя свои агрессивные намерения, 12 августа 1903 года японское правительство возобновило переговоры с Россией. Помимо признания Кореи как своей сферы влияния и фактического протектората Японии над этой страной, японцы требовали от России согласия на продолжение их корейской железной дороги на Нючжуань до соединения с китайской линией Шаньхайгуань—Синминтин. Они настаивали также на соблюдении в Маньчжурии принципа «открытых дверей» для торговли всех заинтересованных государств.

Россия, хотя на упомянутом особом совещании четырех министров и трех посланников и приняла постановление о прекращении эвакуации русских войск из Маньчжурии, тут же высказалась в пользу соглашения с Японией, «принимая за исходную базу последние японские предложения».

Новое решение имело свою внутреннюю логику: если брался курс на осложнения с Китаем, то при неготовности к крупномасштабной войне России необходимо было застраховать себя посредством сделки с Японией. А для этого надо было в чем-то пойти ей навстречу. Витте и Ламздорф предлагали царю изменить курс и принять японские предложения, за исключением пункта о продолжении корейской дороги на Нючжуань.

Ламздорф, Куропаткин и Витте считали необходимым идти на уступки Японии, дабы избежать войны. В начале лета 1903 года Витте, как и Ламздорф, склонился к безоговорочной эвакуации войск из Маньчжурии, но в августе он был уволен с поста министра финансов.

Николай был не способен понять обстановку и не согласился с предложением своих министров. К этому времени в кулуарах царского правительства произошли крупные перемены — группа Безобразова брала верх над Витте. В августе 1903 года на Дальнем Востоке было создано особое наместничество, а наместником назначен адмирал Алексеев, близкий к Безобразову. Наместничество было изъято из подчинения каким бы то ни было министерствам, а в столице все дела дальневосточной политики возложены на вновь созданный Особый комитет по делам Дальнего Востока под председательством самого царя. Его заместителем был назначен новый министр внутренних дел В. К. Плеве, сменивший убитого Д. С. Сипягина — друга Витте. Таким образом, министерство иностранных дел было фактически отстранено от дальневосточных вопросов.

Плеве, будучи одним из лидеров крайне реакционной группировки внутри петербургских правящих кругов, сблизился с безобра-

зовцами. Новый министр внутренних дел считал войну полезной с точки зрения предотвращения надвигавшейся революции. Это ему принадлежит ставшая крылатой фраза: «Нам нужна маленькая победоносная война!»

Деятельность Безобразова и Плеве еще больше осложнила положение России. «Новый курс», подсказанный Безобразовым, требовал усиленной военной подготовки, но время для неё было безвозвратно упущено.

Как бы то ни было, ответ японскому правительству был дан 3 октября. В Петербурге по-прежнему готовы были признать японский протекторат над Кореей, но с оговорками относительно свободного плавания по Корейскому проливу и запрета вводить японские войска в пограничную с Россией и Китаем зону севернее 39-й параллели. За это требовали, чтобы Япония признала Маньчжурию областью, находящейся «во всех отношениях вне сферы ее интересов»¹⁸. В дальнейшем русская дипломатия все время настаивала на том, что маньчжурский вопрос касается исключительно России и Китая и что Япония вообще не должна вмешиваться в маньчжурские дела. С этим японцы никак не могли согласиться — они хотели, чтобы положение Маньчжурии тоже стало предметом русско-японского соглашения.

23 декабря 1903 года японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть свое предложение в этом смысле»¹⁹.

Царское правительство пошло и теперь на уступки: оно, включая самого Николая, наконец, поняло серьезность положения и осознало свою военную неподготовленность. 28 декабря особое совещание под председательством царя приняло почти все японские требования. Но уступка оказалась бесполезной. Японские милитаристы твердо решили воевать, и 13 января 1904 года Япония выставила новые претензии.

Чувствуя военную слабость, царское правительство сделало новые уступки и дало примирительный ответ. Он был послан по телеграфу 3 февраля. Об этом было официально сообщено японскому посланнику в Петербурге. Однако на японском телеграфе русскую депешу задержали до 7 февраля²⁰.

Тем временем 6 февраля японское правительство разорвало дипломатические отношения с Россией, но ещё до этого японские эс-

---

¹⁸ Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. I. СПб., 1910. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 57—58.

²⁰ Там же. С. 77.

кадры вышли в открытое море. В ночь с 8 на 9 февраля без объявления войны Япония начала военные действия внезапным и неспровоцированным нападением на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо. Военные действия с японской стороны были начаты с грубым нарушением норм международного права, без предварительного объявления войны.

Так началась война между Россией и Японией.

ДОКУМЕНТЫ

Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки (Бакан)

17 (5) апреля 1895 г.

Ратификации обменены в Чифу 8 мая (26 апреля) 1895 г.

Статья I

Китай признает окончательно полную и безусловную независимость и автономию Кореи, и, вследствие сего, уплата дани Китаю Кореею и исполнение ею церемоний и обрядов, нарушающих такую независимость и автономию, совершенно прекращаются на будущее время.

Статья II

Китай уступает Японии навсегда и в полное верховенство нижеследующие территории вместе с находящимися в оных укреплениями, арсеналами и всем государственным имуществом:

а) Южную часть провинции Фын-тянь²¹ (Мукден) в следующих границах:

Разграничительная черта начинается близ устья реки Ялу и идет вверх по течению до устья реки Ань-пин; отсюда черта идет на (город) Фын-хуан, оттуда на Хай-чэн, оттуда на Инкоу, образуя линию, огибающую южную часть территории. Вышепоименованные пункты включаются в уступленную территорию. Достигнув реки Ляо у Инкоу, черта следует течению этой реки до ее устья, где и кончается. Тальвег реки Ляо должен быть рассматриваем как демаркационная линия.

В эту уступленную территорию включаются также все острова, относящиеся или принадлежащие провинции Фын-тянь (Мукден), лежащие в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря.

б) Остров Формоза со всеми относящимися или принадлежащими ему островами.

в) Пескадорский архипелаг, т. е. все острова, лежащие между 119 и 120° восточной долготы от Гринвича и между 23° и 24 северной широты.

Статья III

Проведение пограничной черты, описанной в предыдущей статье и показанной в приложенной к сему договору карте, должно подлежать проверке и разграничению на месте соединенною Разграничительною комиссией,

---

²¹ Все китайские, равно как японские и корейские, географические названия и личные имена в книге даются согласно транскрипции, использованной в конкретном публикуемом документе.

состоящую из двух или более японских и двух или более китайских делегатов, которые будут назначены безотлагательно по обмену ратификаций этого акта. В случае если границы, установленные в этом акте, окажутся в каком бы то ни было смысле неудовлетворительными — в отношении или топографическом, или удобства управления — Разграничительная комиссия будет также обязана сделать надлежащие исправления.

Разграничительная комиссия начнет свою деятельность в возможно непродолжительном времени и закончит работу в течение годового срока со дня назначения.

Разграничение, установленное настоящим актом, будет считаться, однако, действительным, пока исправления Разграничительной комиссии, если таковые последуют, не будут утверждены правительствами Японии и Китая.

Статья IV

Китай обязуется уплатить Японии 200 000 000 купинских лан (таэлей) в качестве военного вознаграждения. Уплата означенной суммы должна быть произведена восемью взносами.

Первый взнос в 50 000 000 лан (таэлей) должен быть сделан в течение шести месяцев, а второй взнос в 50 000 000 лан должен быть сделан в течение двенадцати месяцев по обмену ратификаций настоящего акта. Остальная сумма распределяется на шесть одинаковых ежегодных взносов, уплата коих производится следующим образом: первый из этих одинаковых ежегодных взносов уплачивается до истечения двух лет, второй — до истечения трех лет, третий — до истечения четырех лет, четвертый — до истечения пяти лет, пятый — до истечения шести лет, шестой — до истечения семи лет по обмену ратификаций настоящего акта. Исчисление процентов в размере пяти годовых на все неуплаченные части означенной контрибуции начнется с того дня, когда первый взнос будет подлежать уплате.

Китаю предоставляется, однако, право уплатить досрочно во всякое время часть или всю сумму означенных взносов. В случае, если вся сумма означенной контрибуции будет уплачена в течение трех лет, считая со дня обмена ратификаций настоящего акта, то проценты не будут насчитаны, а проценты, уже уплаченные за два с половиною года или за меньший промежуток времени, будут включены в капитальную сумму контрибуции.

Статья V

Жителям территорий, уступленных Японии, желающим поселиться вне уступленных областей, предоставляется право продать свое личное имущество и удалиться. Для сего будет дан срок в два года со дня обмена ратификаций настоящего акта. По истечении такового срока те из жителей, которые не покинули упомянутых территорий, будут, если того пожелает Япония, считаться японскими подданными.

Каждое из двух правительств, немедленно по обмену ратификаций настоящего акта, пошлет одного или более комиссаров на Формозу для производства окончательной передачи этой провинции, и в течение двух месяцев после обмена ратификаций настоящего акта таковая передача будет закончена.

Статья VI

Так как все договоры между Япониею и Китаем утратили силу вследствие войны, то Китай обязуется, немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, назначить уполномоченных для заключения с японскими уполномоченными договора о торговле и мореплавании и конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли. Договоры, конвенции и постановления, ныне существующие между Китаем и европейскими державами, послужат основанием для означенных договора и конвенции между Япониею и Китаем. Со дня обмена ратификации настоящего акта до введения в действие означенных договора и конвенции японское правительство, его должностные лица, торговля, мореплавание, пограничные сношения, промышленность, суда и подданные будут во всех отношениях пользоваться со стороны Китая правами наиболее благоприятствуемой нации.

В дополнение Китай делает следующие уступки, действие которых начнется через шесть месяцев со дня настоящего акта:

1. Следующие населенные места, города и порты, в дополнение к уже открытым, будут открыты для торговли, пребывания, промышленности и производств японских подданных на тех же условиях и с теми же привилегиями и льготами, какие существуют в ныне открытых населенных местах, городах и портах Китая:

- (1) Ша-ши, в провинции Ху-бэй.
- (2) Чун-цин, в провинции Сы-чуань.
- (3) Су-чжоу, в провинции Цзян-су.
- (4) Хан-чжоу, в провинции Чжэ-цзян.

Японское правительство будет иметь право назначать консулов в любом из вышеназванных мест или во всех них.

2. Паровое судоходство для судов под японским флагом для перевозки пассажиров и груза будет распространено на нижеследующие места:

- (1) на верхнее течение реки Ян-цзы от И-чана (провинция Ху-бэй) до Чун-цина (провинция Сы-чуань);
- (2) На реку Вусун и канал от Шанхая до Су-чжоу и Хан-чжоу.

Правила и постановления, коими регулируется ныне плавание иностранных судов по внутренним водам Китая, будут, насколько это возможно, применяться по отношению к вышеназванным путям, пока совместно не будут установлены новые правила и постановления.

3. Японским подданным, покупающим товары или продукты внутри Китая или перевозящим ввозные товары во внутрь Китая, предоставляется право временно арендовать или нанимать пакгаузы для склада таким образом купленных или перевезенных предметов без уплаты каких бы то ни было налогов или взысканий.

4. Японским подданным предоставляется свобода заниматься всякого рода обрабатывающею промышленностью во всех открытых населенных местах, городах и портах Китая и ввозить в Китай всякого рода машины, уплачивая по ним лишь установленные ввозные пошлины.

Все предметы, выделяемые японскими подданными в Китае, будут, по отношению к внутреннему транзиту и внутренним налогам, пошлинам, сборам и взысканиям всякого рода, а также по отношению к приспособлениям для склада и хранения внутри Китая, приравниваемы к товарам, ввозимым японскими подданными в Китай и будут пользоваться теми же привилегиями и льготами.

В случае, если в связи с этими уступками понадобятся дополнительные правила и постановления, таковые будут включены в договор о торговле и мореплавании, упомянутый в настоящей статье.

Статья VII

При соблюдении условий следующей статьи эвакуация японскими войсками Китая будет вполне закончена в течение трех месяцев после обмена ратификаций настоящего акта.

Статья VIII

В обеспечение добросовестного исполнения условий настоящего акта Китай соглашается на временное занятие военными силами Японии Вейхай-вэя в провинции Шань-дун.

По уплате первых двух взносов военной контрибуции, сим договором установленной, и по обмене ратификаций договора о торговле и мореплавании названный пункт будет эвакуирован японскими войсками с тем условием, что китайское правительство соглашается предоставить, на подходящих и достаточных основаниях, таможенные доходы Китая в обеспечение уплаты капитала и процентов по остальным взносам сказанной контрибуции. В случае, если это соглашение не состоится, таковая эвакуация будет произведена только по уплате окончательного взноса сказанной контрибуции.

Нарочито, однако, постановляется, что таковая эвакуация не состоится ранее как после обмена ратификаций договора о торговле и мореплавании.

Статья IX

Немедленно по обмене ратификаций настоящего акта все находящиеся в плену военные будут возвращены, и Китай обязуется не подвергать дурному обращению или наказанию военнопленных, таким образом возвращенных ему Японией. Китай также обязуется немедленно освободить всех японских подданных, обвиненных в военном шпионстве или в каком-либо ином военном проступке. Китай далее обязуется никаким образом не наказывать и не допускать наказания тех китайских подданных, которые каким бы то ни было образом скомпрометировали себя сношениями с японскими войсками в течение войны.

Статья X

Все наступательные военные операции прекратятся по обмене ратификаций настоящего акта.

Статья XI

Настоящий акт будет ратифицирован их величествами императором Японии и императором Китая, и ратификации будут обменены в Чифу в восьмой день пятого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что соответствует четырнадцатому дню четвертого месяца двадцать первого года Гуан-Сюй.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные подписали оный и приложили к нему печати своих гербов.

Учинен в Симоносеки в двух экземплярах сего семнадцатого дня четвертого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что соответствует двадцать третьему дню третьего месяца двадцать первого года правления Гуан-Сюй.

Подписали:

Граф Ито Хиробуми, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Павлония», министр-президент, уполномоченный его величества императора Японии.

Виконт Мутсу Мунемитсу, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Священного Сокровища», министр иностранных дел, уполномоченный его величества императора Японии.

Ли-хун-чжан, уполномоченный его величества императора Китая, старший попечитель наследника престола, старший государственный секретарь, министр главнoзаведывающий торговлю северных портов Китая, вице-король провинции Чжили и граф первой степени.

Ли-цзин-фын, уполномоченный его величества императора Китая, бывший посланник дипломатической службы, имеющий вторую степень.

Отдельные статьи

Статья I

Японские военные силы, которые, согласно статье VIII мирного договора числа подписанного, должны временно занимать Вэй-хай-вэй, не будут превышать одной бригады, и, со дня обмена ратификаций сказанного мирного договора, Китай будет ежегодно уплачивать одну четвертую часть расходов таковой временной оккупации, а именно по 500 000 купинских лан (таэлей) в год.

Статья II

В территорию, временно занимаемую в Вэй-хай-вэе, будут включены остров Лю-гун и полоса земли, в пять японских ри шириною, вдоль всего побережья залива Вэй-хай-вэй.

Никаким китайским войскам не будет позволено приближаться к каким-либо местам или занимать их, в пределах зоны шириною в пять японских ри за границами занимаемой территории.

Статья III

Гражданская администрация занимаемой территории останется в руках китайских властей. Но таковые власти будут обязаны в случае нужды сообразоваться с приказами, которые командующий японскою оккупационною армиею может счесть необходимым отдавать в интересах здоровья, содержания, безопасности, распределения или дисциплины войск.

Все военные проступки, совершенные в занятой территории, будут подчинены юрисдикции японских военных властей.

Вышеизложенные отдельные статьи будут иметь ту же силу, значение и

действие, как если бы они были слово в слово внесены в подписанный сего числа мирный договор.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные подписали оные и приложили к ним печати своих гербов.

Учинено в Симоносеки в двух экземплярах сего 17-го дня 4-го месяца 28-го года Мейджи, что соответствует 23-му дню 3-го месяца 21-го года правления Гуан-Сюй.

Подписали:

Граф Ито Хиробуми, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Павлония», министр-президент, уполномоченный его величества императора Японии.

Виконт Мутсу Мунемитсу, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Священного Сокровища», министр иностранных дел, уполномоченный его величества императора Японии.

Ли-хун-чжан, уполномоченный его величества императора Китая, старший попечитель наследника престола, старший государственный секретарь, министр главнoзаведывающий торговлей северных портов Китая, вице-король провинции Чжили и граф первой степени.

Ли-цзин-фын, уполномоченный его величества императора Китая, бывший посланник дипломатической службы, имеющий вторую степень.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С.1—13.

**Протокол обмена деклараций
о заключении 4%-го китайского займа,
подписанный в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 г.
представителями России и Китая**

Нижеподписавшиеся собрались сегодня в императорском министерстве иностранных дел для размена деклараций касательно китайского 4%-го золотого займа 1895 года, подписанных в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 года между Россией и Китаем.

По прочтении представленных обеими сторонами подлинников, кои признаны были составленными в правильной и надлежащей форме, размен деклараций состоялся согласно обычаю.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся составили настоящий протокол и снабдили печатями своих гербов.

Учинено в двух экземплярах в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 года

Подписали: князь Лобанов-Ростовский. Шу. Сергей Витте.

Декларация

Ввиду заключения китайского 4%-го золотого займа 1895 года, императорское российское правительство и императорское китайское правительство учинили с общего согласия нижеследующие постановления:

I

Императорское российское правительство принимает к сведению данные, сообщенные ему 24 июня (6 июля) 1895 года китайским посланником в С.-Петербурге касательно: китайских займов, заключенных до настоящего времени и обеспеченных доходами с морской таможни; взносов, ежегодно уплачиваемых в счет процентов и погашения по этим займам, и суммы, составляющей ежегодный доход китайской морской таможни.

II

Китайское правительство обязуется назначать на уплату процентов и погашения займа 1895 года в 400 миллионов франков золотом номинально часть доходов от морской таможни, остающуюся в его распоряжении после уплаты по китайским займам, ранее обеспеченным помянутыми доходами. Таковое назначение будет иметь преимущество перед всяким другим. Особо постановляется, что ежегодно впредь до окончательного погашения китайского золотого 4%-го займа 1895 года ни по одному другому китайскому займу, заключенному после этого, не могут быть производимы уплаты из доходов китайской морской таможни ранее чем не будет произведена полностью уплата процентов и погашения по вышеупомянутому займу.

III

В случае, если бы, по каким бы то ни было обстоятельствам, платежи по займу были приостановлены или были замедлены, или запоздали, императорское российское правительство, по соглашению с императорским китайским правительством, принимает на себя, по отношению к договаривающимся банкам и торговым домам, обязательство, с своей стороны, возмещать и предоставлять в их распоряжение своевременно по мере наступления сроков погашения все суммы, необходимые для платежей по погашаемым купонам и ценностям настоящего займа, при условии, однако, предоставления впоследствии китайским правительством русскому правительству дополнительного обеспечения. Условия означенного дополнительного обеспечения составят предмет особого соглашения, которое имеет быть заключено между обоими правительствами через посредство их представителей в Пекине.

IV

Ввиду настоящего займа, китайское правительство заявляет о принятии им решения не предоставлять никакой иностранной державе никаких прав или преимуществ какого бы то ни было свойства, кои касались бы наблюдения за доходами Китайской империи или управления ими. Но в случае, если бы китайское правительство предоставило какой-либо державе права подобного рода, постановляется, что, в силу одного уже факта такого предоставления, они будут распространены также на русское правительство.

V

Настоящая декларация будет иметь такую же силу и значение, как договор. Она вступит в действие, начиная со дня подписания контракта китай-

ского правительства с банкирами, принимающими на себя реализацию настоящего займа, и будет существовать до окончательного его погашения.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежащим образом на сей предмет уполномоченные, подписали настоящую декларацию и приложили к ней печати своих гербов.

Учинено в С.-Петербурге, в двух экземплярах, 24 июня (6 июля) 1895 года, по китайскому же летосчислению в 14-ый день 5-ой луны 21-го года правления Гуан-Сюй Дайцинской династии.

Подписали: князь Лобанов-Ростовский. Шу. Сергей Витте.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С.56—60.

Обмен нотами

между российским и японским правительствами касательно возвращения полуострова Фын-Тянь (Ляодун) и мореплавания в Формозском проливе.

Сентябрь—октябрь 1895 г.

Памятная записка, переданная 25 сентября (7 октября)

1895 года и. о. японского министра иностранных дел посланникам России, Франции и Германии

Маркиз Саионзи, исправляющий обязанности министра иностранных дел, в ответ на памятную записку, переданную ему их превосходительствами посланниками Германии, Франции и России, имеет честь сообщить им от имени своего правительства нижеследующее:

Императорское правительство, приняв во внимание мнения, выраженные тремя Державами, и желая быстрым и окончательным образом разрешить вопрос касательно возвращения полуострова Фын-тянь (Ляодун), постановило:

- 1) сократить сумму вознаграждения до тридцати миллионов лан;
- 2) не делать из заключения с Китаем договора о торговле и мореплавании условия эвакуации означенного полуострова и совершить таковую эвакуацию в течение трехмесячного срока со дня полной уплаты Китаем упомянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 63—64.

Нота исправляющего обязанности

японского министра иностранных дел российскому посланнику.

Токио. 19 (7) октября 1895 г.

Нижеподписавшийся, исправляющий обязанности министра иностранных дел, имеет честь уведомить его превосходительство г. Михаила Хитрово, чрезвычайного посланника и полномочного министра его величества

императора российского, об исправном получении его ноты от вчерашнего 18 октября, в коей он сообщил ему об удовольствии его правительства по поводу двух деклараций следующего содержания, сделанных ему нижеподписавшимся от имени своего правительства:

А. — от 19 июля: «что императорское правительство признает за Формозским проливом значение большого международного морского пути и что посему он находится вне сферы его исключительного контроля или пользования. Правительство его величества императора Японии обязуется не уступать никакой державе островов Формозы и Пескадорских»;

и Б. — от 7 октября: «что императорское правительство приняло решение: 1) уменьшить сумму вознаграждения за возвращение Ляодунского полуострова до 30 миллионов лан и 2) не ставить заключение с Китаем договора о торговле и мореплавании условием эвакуации названного полуострова и выполнить таковую эвакуацию в трехмесячный срок со дня полной выплаты Китаем помянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан».

Нижеподписавшийся пользуется настоящим случаем, чтобы возобновить его превосходительству г. российскому посланнику уверения в отличном своем почтении.

Подписал: маркиз Саионзи.

Токио, 19 октября 1895 года.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 56—57.

Конвенция

**о возвращении Ляодунского полуострова,
заключенная Китаем и Япониею в Пекине**

8 ноября (27 октября) 1895 г.

Статья I

Япония возвращает обратно Китаю на вечные времена и в полный суверенитет южную часть провинции Ляодун (Фын-тянь), которая была уступлена Японии согласно статье II Симоносекского договора от 17 дня 4 месяца 28 года Мейджи, что соответствует 23 дню 3 месяца 21 года Гуан-суй, вместе со всеми укреплениями, арсеналами и государственным имуществом, в ней находящимися, и в то же время обратно уступаемая территория окончательно эвакуируется японскими войсками, согласно постановлениям статьи III настоящей конвенции, а именно: южная часть Ляодунской провинции от устья реки Ялу до устья реки Ань-пин, оттуда до Фын-хуан-чэна, оттуда до Хай-чэна и оттуда до Инкоу, равно и все населенные места и города к югу от этой границы и все острова, относящиеся или принадлежащие к провинции Ляодун, расположенные в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря. Статья III упомянутого Симоносекского договора вследствие сего отменяется, равно как и постановления того же договора, касающиеся заключения конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли.

Статья II

В возмещение за обратную уступку южной части Ляодунской провинции китайское правительство обязуется уплатить японскому правительству 30 000 000 купинских лан в шестнадцатый день или ранее, 11-го месяца 28-го года Мейджи, что соответствует 30-му дню 9-го месяца 21-го года Гуан-Сюй.

Статья III

Через три месяца со дня уплаты Китаем Японии возместительной контрибуции в 30 000 000 купинских лан, оговоренных в статье II настоящей конвенции, обратно уступленная территория будет окончательно эвакуирована японскими войсками.

Статья IV

Китай обязуется не наказывать каким бы то ни было образом и не допускать наказания тех китайских подданных, которые были каким-либо образом скомпрометированы в связи с занятием японскими войсками обратно уступаемой территории.

Статья V

Настоящая конвенция подписана в двух экземплярах на японском, китайском и английском языках. Все эти тексты имеют одинаковый смысл и значение, но в случае каких-либо разногласий в толковании японского и китайского текстов сомнения будут разрешены обращением к английскому тексту.

Статья VI

Настоящая конвенция будет ратифицирована его величеством императором Японии и его величеством императором Китая, и ратификации оной будут обменены в Пекине через двадцать один день от настоящего числа.

В удостоверение чего оба уполномоченные подписали оную и приложили к ней печати своих гербов.

Учинена в Пекине, сего восьмого дня одиннадцатого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что соответствует двадцать второму дню девятого месяца двадцать первого года Гуан-суй.

Подписали: барон Гаяши Тадасу. Ли-Хун-Чжан.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 89—92.

Меморандум между Россией и Японией, заключенный и подписанный в Сеуле 2 (14) мая 1896 г.

Представители России и Японии в Сеуле, по совещании между собою, в силу тождественных инструкций своих правительств, пришли к следующим заключениям:

I

Предоставляя собственному усмотрению и решению корейского короля вопрос о возвращении его в свой дворец, оба представителя дружески посо-

ветуют его величеству возвратиться туда, как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности.

Японский представитель дает со своей стороны заверение в том, что самые полные и действительные меры будут приняты для надзора за японскими «соси».

II

Министры, составляющие настоящий кабинет, были назначены по свободному выбору его величества и большею частью уже занимали министерские или иные высокие должности в течение последних двух лет, будучи известны за людей просвещенных и умеренных.

Оба представителя всегда будут стараться советовать его величеству назначать министров из лиц просвещенных и умеренных, а также выказывать милосердие к своим подданным.

III

Представитель России вполне разделяет мнение представителя Японии, что при настоящем положении вещей в Корее по-видимому необходимо содержать в некоторых местностях японскую стражу для охраны японской телеграфной линии между Фусаном и Сеулом, а также, что охрану эту, состоящую ныне из трех строевых рот, следует отозвать при первой возможности и заменить жандармами, распределенными следующим образом: пятьдесят человек в Тайку, пятьдесят в Кахыне и по десяти человек в каждом из промежуточных постов между Фусаном и Сеулом. Хотя распределение это может подлежать некоторым изменениям, но общее число жандармов никогда не должно превышать двухсот человек, которые впоследствии будут постепенно отозваны из местностей, где мир и порядок будут достаточно восстановлены корейским правительством.

IV

Для охраны японских поселений в Сеуле и в открытых портах против возможности нападения со стороны туземной черни японские войска могут быть расположены в составе: двух рот в Сеуле, одной — в Фусане и одной — в Генсане, причем численность каждой роты не должна превышать двухсот человек. Эти войска будут размещены вблизи поселений (settlements) и имеют быть отозваны, как скоро опасность подобных нападений исчезнет.

Для охраны русской миссии и консульств русское правительство может также содержать стражу, не превышающую количества японских войск в тех же местностях; она будет отозвана, как скоро спокойствие внутри страны восстановится.

Сеул, 2-го (14-го) мая 1896 года.

Подписали: К. Вебер, представитель России.
Ф. Комура, представитель Японии.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 146—148.

**Договор о союзе,
заключенный Россией и Китаем
22 мая 1896 г. в Москве**

Его величество император всероссийский и его величество император китайский, желая укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового иностранного вторжения, решили заключить между собою оборонительный союз и назначили для этой цели своими уполномоченными:

Его величество император всероссийский — князя Алексея Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел, статс-секретаря, сенатора и действительного тайного советника, и г. Сергея Витте, министра финансов, статс-секретаря и тайного советника, и Его величество император китайский — графа Ли-Хун-Чана, старшего государственного секретаря, Чрезвычайного посла и уполномоченного при его величестве императоре всероссийском, которые, обменявшись полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующих статьях:

Статья I

Всякое нападение Японии как на Русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи, будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора.

В этом случае обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и если возможно помогать друг другу в снабжении их обоюдных сил.

Статья II

Как только обе высокие договаривающиеся стороны предпримут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной не может быть заключен одною из них, без согласия другой.

Статья III

Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов, которые встретят со стороны китайских властей всякое содействие, какое понадобится.

Статья IV

Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гиринскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права его величества императора китайского. Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут предоставлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в С.-Петербург и Русско-Китайским банком.

Статья V

Постановлено, что во время войны, предусматриваемой статьей I, Россия будет свободно пользоваться железной дорогой, упомянутой в статье IV, для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия будет иметь тоже право транзита своих войск и припасов, лишь с теми остановками, которые вызываются требованиями транспортной службы.

Статья VI

Настоящий договор войдет в силу с того дня, когда контракт, обусловленный в статье IV, будет утвержден его величеством императором китайским. С тех пор он будет иметь силу и действие в течение пятнадцати лет. За шесть месяцев до истечения этого срока, обе высокие договаривающиеся стороны войдут в соглашение о продлении этого договора.

Учинен в Москве 22 мая 1896 г.

Подписали: Лобанов. Витте. Ли-Хун-Чан.

Протокол, составляющий неотъемлемую часть договора

Уполномоченные обеих высоких договаривающихся сторон, установив статьи договора, заключенного сего дня между Россией и Китаем, подписали оный в двух экземплярах на китайском и французском языках и приложили свои печати.

Из двух текстов, надлежащим образом сверенных и признанных соответствующими, французский будет руководящим при толковании настоящего договора.

Учинен в Москве 22 мая 1896 г.

Подписали: Лобанов. Витте. Ли-Хун-Чан.

Борьба классов. № 1—2. Л., 1924. С. 102—104.

Соглашение между Россией и Японией о Корее

Москва, 28 мая (9 июня) 1896 г.

Российский министр иностранных дел статс-секретарь кн. Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол е. в. императора Японии маршал маркиз Ямагата, обменявшись взглядами относительно положения дел в Корее, согласились о нижеследующих статьях:

I

Русское и японское правительства, в видах устранения финансовых затруднений Кореи, будут советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы и установить равновесие между расходами и доходами. Если бы, вследствие неотложности некоторых реформ, оказалось необходимым прибегнуть к иностранным займам, то оба правительства окажут Корее общими силами свое содействие.

II

Русское и японское правительства попытаются совершенно предоставить Корее, насколько дозволит финансовое и экономическое положение

страны, формирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи.

III

В видах облегчения сообщений с Кореей, японское правительство сохранит управление телеграфными линиями, находящимися ныне в его руках.

России предоставляется установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее собственной границей.

Эти линии могут быть выкуплены корейским правительством, когда оно будет располагать необходимыми для сего средствами.

IV

Если потребуются более точное и подробное определение вышеизложенного или возникнут иные вопросы, требующие переговоров, то на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение прийти по таковым предметам к полюбовному соглашению.

Учинен в Москве, 28 мая/9 июня 1896 года.

Подписали: Лобанов. Ямагата.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 295—296.

**Протокол по Корейским делам,
подписанный в Москве 28 мая (9 июня) 1896 г.
между Русским и Японским правительствами**

Российский министр иностранных дел, статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол его величества императора Японии, маршал маркиз Ямагата, обменявшись взглядами относительно положения дел в Корее, согласились о нижеследующих статьях:

I

Русское и японское правительства, в видах устранения финансовых затруднений Кореи, будут советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы и установить равновесие между расходами и доходами. Если бы, вследствие неотложности некоторых реформ, оказалось необходимым прибегнуть к иностранным займам, то оба правительства окажут Корею общими силами свое содействие.

II

Русское и японское правительства попытаются совершенно предоставить Корею, насколько дозволит финансовое и экономическое положение страны, формирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи.

III

В видах облегчения сообщений с Кореей, японское правительство сохранит управление телеграфными линиями, находящимися ныне в его руках.

России предоставляется установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее собственной границей.

Эти линии могут быть выкуплены корейским правительством, когда оно будет располагать необходимыми для сего средствами.

IV

Если потребуются более точное и подробное определение вышеизложенного или возникнут иные вопросы, требующие переговоров, то на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение прийти по таковым предметам к полюбовному соглашению.

Учинен в Москве 28 мая (9 июня) 1896 года.

Подписали: Лобанов. Ямагата.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 159—162.

Правительственное сообщение (касательно Кореи)

Печатаемые ныне соглашения между Россией и Японией состоялись в Москве и Сеуле, вследствие желания нашего устранить всякое недоразумение с японским правительством по поводу корейских дел. Соглашения эти являются прямым последствием китайско-японской войны и созданного последнею в Корее положения. Ими вовсе не нарушается основное начало корейской независимости, высказанное в 1-й статье Симоносекского мирного договора, заключенного между Япониею и Китаем. Корейское правительство сохраняет за собою полную свободу действий по всем вопросам как внутренней, так и внешней политики. Россия и Япония в подписанных ими соглашениях свидетельствуют только о своей взаимной готовности содействовать корейскому королю в деле прочного обеспечения порядка, временно нарушенного вследствие сотрясений, вызванных китайско-японским столкновением. Единственным верным средством для достижения этой цели может служить формирование туземных войск и полиции, упомянутых в протоколе 28-го мая (9-го июня) и коих не существует в стране.

Меморандум, подписанный в Сеуле нашим поверенным в делах, действительным статским советником Вебером и японским представителем г-ном Комура, хотя по времени он несколько предшествовал вышесказанному протоколу, является, однако, необходимым пополнением сего последнего. Меморандум этот ясно указывает на общую цель, которая преследуется обеими договаривающимися сторонами, а именно: очищение Кореи от всякого, хотя бы даже незначительного по численности войск иноземного занятия в ближайшем по возможности времени.

Секретные статьи приведенного протокола гласят

«I. Если спокойствие и порядок в Корее были бы нарушены или подверглись серьезной опасности вследствие какой-нибудь внутренней или внеш-

ней причины и если русское и японское правительства, по взаимному соглашению, сочли бы необходимым прийти на помощь местным властям посредством посылки войск сверх того количества, которое необходимо для безопасности их подданных и для охраны телеграфных линий, то оба императорских правительства, желая предотвратить всякое столкновение между их военными силами, определяют район действий, назначенный для каждого так, чтобы между войсками обоих правительств оставалось пространство, свободное от всякой оккупации.

II. До сформирования в Корею нужных войск, упомянутых в ст. II гласных постановлений сего протокола, предварительное соглашение, подписанное д. с. с. Вебером и г. Комура касательно права России и Японии содержать равное количество войск в королевстве, остается в силе; что касается личной безопасности короля, то установленный для этой цели порядок будет равным образом сохранен, впредь до сформирования отряда туземных войск, специально предназначенного для этой службы».

Ответные пункты Корейскому послу

I. Король во время пребывания своего в русской миссии охраняется русской стражей. Он может оставаться в миссии, сколько сам сочтет нужным и удобным; если же впоследствии возвратится король в свой дворец, то русское правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность. Русский отряд, находящийся ныне в миссии, останется там в распоряжении русского посланника и, в случае надобности, может даже быть усилен.

II. Для решения вопроса об инструкторах в Сеул будет отправлен в ближайшем времени высокопоставленный и опытный русский офицер, которому русское правительство поручит вступить в переговоры с корейским по сему предмету; сказанному офицеру будет, прежде всего, поручено заняться вопросом о сформировании отряда телохранителей короля. Такое же опытное лицо будет командировано из России для изучения экономического положения Кореи и для выяснения необходимых финансовых мер.

III. Вопрос о присылке русских советников, для оказания содействия корейскому правительству, разрешается предшествующим пунктом. Подобными советниками, очевидно, будут служить, под руководством русского посланника, упомянутые выше доверенные лица по военной и финансовой частям.

IV. Заключение займа корейским правительством будет иметься в виду, как скоро выяснится экономическое положение страны и потребности правительства.

V. Русское правительство соглашается на соединение своих сухопутных телеграфных линий с корейскими и окажет этому делу зависящее от него содействие.

Контракт на постройку и эксплуатацию Китайской Восточной железной дороги

Между нижеподписавшимися, его превосходительством Сюй-Цзин-Ченем, полномочным министром его величества императора китайского в С.-Петербурге, действующим на основании Императорского указа от 22 года, 2-го месяца 20-го дня царствования Гуан-Сюй (16/28 августа 1896 г.), с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, было установлено нижеследующее:

Китайское правительство внесет сумму 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей в Русско-Китайский банк и будет участвовать, пропорционально этому вкладу, в прибылях и убытках банка, на условиях, предусмотренных особым договором.

Китайское правительство, решив построить железнодорожную линию, устанавливающую прямое сообщение между городом Читой и русской Южно-Уссурийской железной дорогой, вверяет постройку и эксплуатацию этой линии Русско-Китайскому банку на следующих условиях:

1

Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплуатации означенной железнодорожной линии компанию под названием: «Общество Китайской Восточной железной дороги».

Печать, которой это Общество будет пользоваться, будет дана ему китайским правительством. Устав общества будет согласован с русскими уставами железнодорожных обществ. Акции Общества могут быть приобретаемы только китайскими или русскими подданными. Председатель этого Общества будет назначаться китайским правительством, но получать содержание от Общества. Он может иметь местопребывание в Пекине.

Председателю вменяется в особую обязанность наблюдать за строгим исполнением обязательств Банка и Общества железной дороги по отношению к китайскому правительству; независимо от сего, на него возлагаются сношения Банка и Общества железной дороги с китайским правительством и центральными и местными властями.

На председателе Общества Китайской Восточной железной дороги будет равным образом лежать обязанность по проверке всех расчетов китайского правительства с Русско-Китайским банком.

Для облегчения всех переговоров на месте Русско-Китайский банк будет содержать агента в Пекине.

2

Направление линии будет установлено представителями председателя Общества, назначенного китайским правительством, по взаимному соглашению с инженерами Общества и местными властями. При трассировке этой линии кладбища, могилы, равно как города и деревни, должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне.

3

Общество обязано начать работы в течение 12-месячного срока, считая со дня санкционирования настоящего контракта императорским указом, и вести их таким образом, чтобы вся линия была окончена в течение 6 лет с того дня, когда направление линии будет окончательно установлено и необходимые земли будут отведены Обществу. Ширина колеи должна быть та же, как и на русских железных дорогах (5 русских футов соответствуют приблизительно 4 китайским футам и $2\frac{1}{2}$ дюймам).

4

Китайское правительство даст приказания местным властям о содействии Обществу всеми мерами в получении по существующим ценам потребных для постройки железной дороги материалов, равно как рабочих, средств для водной и сухопутной перевозки, необходимого продовольствия для людей и лошадей и пр.

Китайское правительство обязуется, по мере надобности, принимать меры к облегчению этих перевозок.

5

Китайское правительство примет меры к обеспечению безопасности железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всякого нападения.

Общество будет иметь право нанимать по своему выбору иностранцев или туземцев, как оно признает необходимым в интересах управления и т. п.

Преступления, процессы и пр. на территории железной дороги должны быть урегулируемы местными властями на основании постановлений трактатов.

6

Земли, действительно необходимые для постройки, эксплуатации и охраны линии, равно как и земли в окрестностях линии, потребные для добычи песка, камня, извести и пр., будут переданы Обществу бесплатно, если эти земли составляют собственность государства, если же они принадлежат частным лицам, то они будут отведены Обществу за единовременное вознаграждение или ежегодную наемную плату владельцам по существующим ценам.

Земли, принадлежащие Обществу, будут свободны от всяких поземельных налогов.

Обществу предоставляется право безусловного и исключительного управления своими землями.

Общество будет иметь право воздвигать на этих землях всевозможные постройки, а также соорудить и эксплуатировать телеграф для нужд линии.

Точно так же доходы Общества, все его поступления и тарифы для перевозки пассажиров и товаров, телеграфы и т. д. освобождаются от всяких пошлин и налогов. Исключением являются копи, относительно которых последует особое соглашение.

7

Все предметы и материалы, необходимые для сооружения, эксплуатации и ремонта линии, освобождаются от оплаты всякими таможенными пошлинами и сборами, а равно всякими внутренними пошлинами и налогами.

Общество ответственно за то, чтобы войска и русские военные материалы, отправляемые транзитом по этой линии, направлялись прямо с одной русской станции на другую, без остановки в пути под каким бы то ни было предлогом дольше, чем это вызывается крайней необходимостью.

Пассажиры, не состоящие в китайском подданстве, в случае желания проехать за пределы территории дороги, должны быть снабжены китайскими паспортами. Общество ответственно за то, чтобы пассажиры, не китайские подданные, не оставляли территории железной дороги, если у них нет китайских паспортов.

Багаж пассажиров, равно товары, перевозимые транзитом от одной русской станции до другой, не будут подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах, которые по прибытии на китайскую границу опечатываются китайской таможей и могут оставить китайскую территорию лишь после того, как таможня установит целостность печатей; если будет доказано, что эти вагоны открывались без разрешения в пути, то товары конфискуются.

Товары, ввозимые из России в Китай по означенной железной дороге, а также вывозимые из Китая в Россию тем же путем, будут уплачивать соответственно ввозную или вывозную пошлину в размере на одну треть меньше пошлины, взимаемой в китайских морских таможнях.

Если товары отправляются внутрь страны, то они подлежат, кроме того, оплате транзитной пошлиной, равной половине взысканной с них ввозной пошлины, что освобождает их от всякого дополнительного обложения.

Товары, за которые не будет уплачено транзитной пошлины, будут подлежать оплате всеми установленными внутри страны заставными и лицензионными пошлинами.

Китайское правительство обязано учредить в двух пограничных пунктах линии свои таможни.

Тарифы на перевозку пассажиров, товаров, а также на нагрузку и выгрузку товаров устанавливаются Обществом. Но оно обязано перевозить бесплатно китайскую официальную почтовую корреспонденцию и за половину платы — китайские сухопутные и морские войска, а также китайские военные материалы.

Китайское правительство передает Обществу полное и исключительное право эксплуатации линии за его собственный счет и риск, с тем что китайское правительство ни в коем случае не является ответственным за какой-либо дефицит Общества на время постройки и затем еще в течение 80 лет с

того времени, когда линия будет окончена и по ней будет открыто движение. По прошествии этого срока линия со всем относящимся к ней перейдет бесплатно к китайскому правительству.

По прошествии 36 лет со времени окончания сооружения всей линии и открытия по ней движения китайское правительство имеет право выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с наросшими процентами.

Если чистая прибыль превысит дивиденд, назначенный акционерам, и часть означенных капиталов и т. д. будет погашена, то на эту часть будет уменьшена выкупная стоимость.

Ни в коем случае китайское правительство не может вступить во владение этой линией ранее чем соответствующая сумма будет внесена в Русский Государственный банк.

По окончании сооружения дороги и по открытии по ней движения Общество внесет китайскому правительству сумму в размере 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей.

Царствования Гуан-Сюя

22-й год 2-й день 8-го месяца

(подписал) Сюй.

27 августа (8 сентября) 1896 г., Берлин

Подписали:

Русско-Китайский банк — Ротштейн.

Князь Ухтомский.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895 — 1907. М.; Л., 1947. С. 430—434. Приложения.

Конвенция, заключенная между Россией и Китаем

15 (27) марта 1898 г.

Его величество император и самодержец всероссийский и его величество император китайский, желая еще более скрепить существующие между обеими империями дружеские отношения и взаимно обеспечить средства для оказания обоюдной поддержки, назначили для соглашения по этому предмету своими уполномоченными:

Его величество император всероссийский — своего поверенного в делах при правительстве его величества императора китайского, камер-юнкера высочайшего двора, Александра Павлова, и его величество император китайский — члена министерства иностранных дел, старшего наставника наследника престола, канцлера графа Ли и члена министерства иностранных дел, в звании министра, товарища министра финансов Чжана.

Означенные уполномоченные, снабженные полномочиями, найденными достаточными, постановили нижеследующие условия:

Статья I

В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая его величество император китайский

соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люшунь-коу) и Та-лянь-вань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендою этою, однако, никоим образом не нарушаются верховные права его величества императора китайского на вышесказанную территорию.

Статья II

Граница предоставляемого на означенном основании в арендное пользование участка пройдет к северу от бухты Та-лянь-вань на расстоянии, необходимом для должной обороны сказанного участка со стороны суши. Точная демаркационная линия и другие подробности, касающиеся постановлений настоящей конвенции, будут установлены отдельным протоколом, который имеет быть заключен в С.-Петербурге с сановником Сюн-цин-чэном безотлагательно по подписании настоящей конвенции. По установлении этой демаркационной линии вся ограниченная ею площадь арендуемой территории, вместе с прилегающим к этой площади водным пространством, поступает в полное и исключительное пользование русского правительства.

Статья III

Срок аренды устанавливается в двадцать пять лет со дня подписания настоящего соглашения и может быть затем продолжен по обоюдному соглашению между обоими правительствами.

Статья IV

В течение означенного срока на арендуемой русским правительством территории и на прилегающем к оной водном пространстве все военное командование сухопутными и морскими силами, а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям и будет сосредоточено в руках одного лица, но без присвоения ему звания губернатора или генерал-губернатора. Никакие китайские военно-сухопутные силы на означенной территории не будут допущены. Китайским жителям предоставляется, по их желанию, выселиться из пределов арендуемой России территории или же остаться в оной, без препятствия со стороны русских властей. В случае совершения китайским подданным преступления в пределах арендуемой территории виновный будет препровожаем ближайшим китайским властям для суда и наказания по китайским законам, как сказано в восьмой статье Пекинского договора 1860 года.

Статья V

К северу от обозначенной выше границы арендуемого участка устанавливается нейтральная зона. Границы этой зоны будут установлены сановником Сюн-цин-чэном с министерством иностранных дел в С.-Петербурге. На пространстве означенной нейтральной зоны гражданское управление будет всецело в руках китайских властей; китайские же войска будут допускаться только по согласию с русскими властями.

Статья VI

Оба правительства соглашаются, что Порт-Артур, как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китай-

ским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом. Что касается до Та-лянь-ваня, то кроме одной из внутренних бухт, которая наравне с Порт-Артуром будет назначена исключительно для нужд русского и китайского военных флотов, остальное пространство этого порта будет считаться открытым для иностранной торговли, и свободный доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Статья VII

Русское правительство принимает на себя, на свой собственный счет и своими средствами возвести на уступленной ему в арендное пользование площади и, в частности, в портах Артуре и Та-лянь-ване все необходимые для флота и сухопутных сил сооружения, возвести укрепления, содержать в них гарнизон и вообще принять все необходимые меры для действительной обороны означенной местности от неприятельского нападения. Равным образом русское правительство обязуется за свой счет поставить и содержать маяки и другие предохранители и знаки, необходимые для безопасности мореплавания.

Китайское правительство соглашается дарованную им в 1895 году Обществу Китайской Восточной железной дороги концессию ныне же, со дня подписания настоящего соглашения, распространить на соединительную ветвь, имеющую быть построенною от одной из станций магистральной линии до Та-лянь-ваня, а также, если в том окажется необходимость, от той же магистральной линии до другого более удобного пункта на побережье Ляодунского полуострова между городом Ин-цзы и устьем реки Ялу. К этим дополнительным ветвям должны быть точно применены все постановления контракта, заключенного китайским правительством с Русско-Китайским банком 27-го августа 1896 года. Направление и пункты, через которые пройдут упомянутые линии, будут установлены сановником Сюй-цзин-чэном с управлением Китайской Восточной железной дороги. Согласие на постройку железной дороги на изложенных выше основаниях никогда и ни под каким видом не должно служить предлогом для захвата китайской территории или для посягательства на верховные права Китая.

Статья IX

Настоящая конвенция войдет в законную силу со дня размена экземпляров ее уполномоченными того и другого государства.

Размен ратификаций последует в С.-Петербурге в возможно непродолжительном времени.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные обеих сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра настоящего договора на русском и китайском языках. Из двух текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководящим при толковании договора будет служить русский текст.

Составлено в двух экземплярах в Пекине, марта пятнадцатого дня тысяча восемьсот девяносто восьмого года, а по китайскому летосчислению, в двадцать четвертый год правления Гуан-суй, третьей луны шестой день.

Подписали: А. Павлов. Ли-чжан. Цзун-ли-ямынь.

**Правительственное сообщение по поводу уступки
Китаем России в арендное содержание
Порт-Артура и Та-лянь-ваня.
17(29) марта 1898 г.**

15-го текущего марта в Пекине состоялось подписание уполномоченными России и Китая особого соглашения, в силу коего императорскому правительству уступлены в пользование на 25-летний срок, который, по обоюдному согласию, может быть затем продолжен, — порты Артур и Та-лянь-вань с соответствующими территориями и водным пространством; а равно предоставлена постройка железнодорожной ветви на соединение этих портов с великою сибирскою магистралью.

Соглашение это является прямым и естественным последствием установившихся дружественных отношений между обширными соседними империями, все усилия коих должны быть направлены к охранению спокойствия на всем огромном пространстве их пограничных владений на обоюдную пользу подвластных им народов.

Обусловленное дипломатическим актом 15 марта мирное занятие русскою военно-морскою силою портов и территории дружественного государства как нельзя лучше свидетельствует, что правительство богдыхана вполне верно оценило значение состоявшегося между ними соглашения.

Обеспечивая неприкосновенность верховных прав Китая и удовлетворяя насущным потребностям России, как соседней великой морской державы, соглашение это отнюдь не нарушает интересов какого-либо иностранного государства; напротив того, оно дает всем нациям мира возможность в недалеком будущем войти в общение с этим замкнутым доселе краем на побережье Желтого моря; открытие же коммерческим флотам всех иностранных держав порта Та-лянь-ваня создает в Тихом океане новый обширный центр для торговых и промышленных предприятий этих держав, при посредстве великого сибирского сооружения, призванного отныне, благодаря дружественному уговору между Россией и Китаем, соединить крайние пределы двух материков Старого Света.

Таким образом, подписанное в Пекине соглашение имеет для России глубокое историческое значение и должно быть радостно приветствуемо всеми, кому дороги блага мира и успехи на почве взаимного общения народов.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 338—339.

**Дополнительный протокол
к пекинской конвенции 15 марта 1898 г.,
подписанный 25 апреля (7 мая) 1898 г.**

Ст. 1. Северная граница предоставленного на основании 2-й статьи соглашения 15 марта 1898 года в пользование русскому правительству земельного участка на Ляодунском полуострове с портами Артуром и Да-

ляньваном простирается: начиная от северной части бухты Адамс, на западном берегу Ляодуна, через Адамс Пик, со включением этого пика в русские владения, до северной оконечности бухты у местечка Бицзыво на восточном берегу Ляодуна, причем в пользование России поступает и все прилегающее к арендуемому участку водное пространство со всеми окружающими материк островами. Оба правительства назначат особых комиссаров для более точного определения граничной черты арендуемой территории на месте.

Ст. 2. От описанной в 1-й ст. северной границы арендуемого Россией участка к северу простирается условленная в 5-й статье Пекинского соглашения 15 марта 1898 года нейтральная зона, крайние северные пределы коей простираются до линии, идущей от устья реки Гай-чжоу-хэ на западном берегу Ляодунского полуострова, оставляя на юге Сю-янь, до реки Да-ян-хэ и следуя по левому берегу этой реки до ее устья, которое войдет в состав нейтральной зоны.

Ст. 3. Императорское российское правительство соглашается, чтобы конечными пунктами железнодорожной линии, долженствующей соединить сибирскую магистраль с Ляодунским полуостровом, служили порты Артур и Далайвань, а не какой-либо пункт на побережье означенного полуострова. При этом, по взаимному уговору, во всем районе, имеющем быть обслуживаемым проектированной железной дорогой, не будет предоставлено иностранцам никаких железнодорожных концессий. Российское императорское правительство соглашается лишь не препятствовать сооружению продолжения Шанхай-Гуаньской железной дороги до ближайшего пункта новой ветви, упомянутой выше, если бы китайское правительство пожелало построить эту линию на свои средства.

Ст. 4. Российское императорское правительство, во внимание к просьбе его величества богдыхана, соглашается предоставить находящемуся на арендуемой Россией территории городу Цзинь-чжоу-тин автономное муниципальное управление с необходимым количеством чинов городской полиции. Само собой разумеется, что китайские войска очистят Цзинь-чжоу-тин и будут заменены русскими войсками. Жители означенного города будут иметь право пользоваться путями сообщения между Цзинь-чжоу-тином и северной границей уступленной территории. Они могут пользоваться прилежащим к городу и отошедшим к России водным пространством для обыденных надобностей, но отнюдь не будут иметь каких-либо прав на береговую полосу.

Ст. 5. Правительство богдыхана обязуется:

1. Не уступать ни одного участка земли нейтральной зоны в пользование иностранцев без согласия России;

2. Не открывать для иностранной торговли ни одного из портов, находящихся на восточном и западном берегах нейтральной зоны;

3. Не предоставлять на всем пространстве нейтральной зоны без согласия русских властей каких бы то ни было концессий на постройку железных дорог, разработку минеральных богатств и всяких промышленных предприятий.

MacMurray A. Treaties and agreements with and concerning China. N.Y., 1921. V. I. P. 127—128; Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, М., 1927. С. 120—121.

Правительственное сообщение о независимости Кореи

29 апреля (11 мая) 1898 г.

Со времени окончания китайско-японской войны все стремления императорского правительства направлены были к ограждению неприкосновенности и полной независимости Кореи.

На первых порах для водворения прочного порядка в области как военной, так и финансовой политики юное государство, естественно, не могло обойтись без посторонней поддержки, вследствие чего в 1895 году корейский король обратился к государю императору с настоятельной просьбой о командировании в Сеул русских инструкторов и финансового советника. Благодаря своевременной оказанной Россией помощи Корея вступила ныне на путь вполне самостоятельного государственного управления.

Обстоятельство это открыло для России и Японии возможность приступить к дружескому обмену мыслей в видах ясного и точного определения обоюдных отношений этих государств к вновь созданному порядку вещей на Корейском полуострове.

Результатом этих переговоров явилось нижеследующее, по высочайшему повелению подписанное нашим посланником в Токио, соглашение, составляющее продолжение московского протокола 1896 года.

Основным положением состоявшегося соглашения оба государства окончательно подтверждают признание державных прав и полной независимости Корейской империи при взаимном обязательстве воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны. На случай же, если бы Корея встретила надобность в поддержке одного из договаривающихся государств, то Россия и Япония обязуются не приступать в Корею ни к каким мероприятиям без предварительного между собою соглашения.

Протокол

Действительный статский советник и камергер барон Розен, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора все-российского, и барон Нисси, министр иностранных дел его величества императора Японии, на основании IV статьи протокола, подписанного в Москве, 28-го мая (9-го июня) 1896 года, статс-секретарем князем Лобановым и маршалом маркизом Ямагата, и надлежаще к сему уполномоченные, согласились о нижеследующих статьях:

Статья I

Российское и японское императорские правительства окончательно признают державные права и полную независимость Кореи и взаимно обя-

зуются воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства во внутренние дела этой страны.

Статья II

Желая избежать всякого повода к недоразумениям в будущем, российское и японское императорские правительства взаимно обязуются, в случае, если Корея обратится за советами и помощью либо к России, либо к Японии, не принимать никаких мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников без предварительного между собою соглашения по сему предмету.

Статья III

Ввиду широкого развития торговых и промышленных предприятий Японии в Корее и значительного числа японскоподданных, проживающих в этой стране, российское императорское правительство не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Япониею и Корею.

Составлен в Токио в двух экземплярах 13-го (25-го) апреля 1898 года.

Подписали: Розен. Нисси.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 345—348.

Соглашение между Россией и Великобританией о сферах железнодорожных интересов в Китае С.-Петербург, 16 (28) апреля 1899 г.

I

*Нота Российского Министра иностранных дел Муравьева
великобританскому послу Скотту от 16 (28) апреля 1899 г.*

Нижеподписавшийся российский министр иностранных дел, надлежаще на сие уполномоченный, имеет честь сообщить его превосходительству сэру Чарльзу Скотту, великобританскому послу в С.-Петербурге, нижеследующее:

Россия и Великобритания, будучи одушевлены искренним желанием избегать в Китае всяких поводов к столкновениям по вопросам, в коих их интересы приходят в соприкосновение, и принимая во внимание существующее в некоторых частях названной империи экономическое и географическое к ним тяготение, согласились о нижеследующем:

1) Россия обязуется не домогаться за свой счет или в пользу русских подданных или иных каких-либо железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемым великобританским правительством.

2) Великобритания, со своей стороны, обязуется не домогаться за свой

счет или в пользу британских подданных или иных каких-либо железнодорожных концессий на север от Великой Китайской стены, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемым российским правительством.

Обе договаривающиеся стороны, отнюдь не имея в виду какого-либо нарушения верховных прав Китая, а также существующих трактатов, не преминут довести до сведения китайского правительства о настоящем соглашении, которое, устраняя всякий повод к недоразумениям между ними, может лишь служить к упрочению мира на Дальнем Востоке и соответствовать первостепенным интересам самого Китая.

Текст дополнительных нот, обмененных между Муравьевым и Скоттом 16/28 апреля 1899 г.

В дополнение к обмененным сего дня нотам касательно распределения сфер концессий на сооружение и эксплуатацию железных дорог в Китае, условлено изложить в настоящей дополнительной ноте соглашение, состоявшееся относительно линии Шань-хай-гуань — Нью-Чжуан, для постройки коей китайское правительство уже заключило заем у Шанхай-Гонконгского банка, действующего от имени «Британско-Китайского общества».

Общее соглашение, установленное вышеупомянутыми нотами, ни в чем не нарушит прав, приобретенных в силу контракта означенного займа, и китайскому правительству будет предоставлено назначить как английского инженера, так и бухгалтера-европейца для наблюдения за сооружением названной железнодорожной линии и за расходованием сумм, для сего назначенных.

Но само собой разумеется, что сие обстоятельство не должно создавать права собственности и иностранного контроля и что помянутая линия должна оставаться китайской, подлежащей контролю китайского правительства, и не может служить обеспечением или быть отчуждена какому-либо не китайскому обществу.

Что же касается ветви, направляющейся от Сяо-хей-шаня к Синь-минь-тину, то, помимо вышеприведенных оговорок, условлено, что ветвь эта будет сооружена самим Китаем, который может допускать европейских инженеров, необязательно английских, для периодического осмотра оной, проверки и засвидетельствования правильного исполнения работы.

Настоящее особое соглашение, естественно, никоим образом не умаляет права русского правительства поддерживать — если оно признает это нужным — ходатайства русских подданных и учреждений о концессиях на железные дороги, кои, исходя от главной маньчжурской линии и направляясь к юго-западу, пройдут по области, где будет построена китайская линия, примыкающая к Синь-минь-тину и Нью-Чжуану.

Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952. С. 315—318.

**Русско-китайское соглашение
относительно китайских железных дорог
в направлении к русской границе
20 мая (5июня) 1899 г.**

*Сообщение китайских министров
на имя русского посланника в Пекине М. Гирса
(20 мая 1899 г.)*

При личных объяснениях с вашим превосходительством по вопросу о проведении железной дороги от Восточной железной дороги до Пекина, имевших место несколько дней назад, министерство уже подробно заявило вам о том, что китайское правительство затрудняется согласиться на это, а равным образом и о том, что оно не разрешит никакой другой державе постройку линии до Пекина.

Ныне, желая еще более положительным образом выразить это, китайское правительство признает, что, если впоследствии будет строиться железная дорога от Пекина в северном или северо-восточном направлении—в направлении к русской границе, то, за исключением того случая, когда она будет строиться на китайские деньги и самими китайскими чиновниками, если возникнет мысль обратиться с переговорами о постройке ее к чужому государству, оно непременно должно предварительно условиться с российским правительством или синдикатом о предоставлении им постройки ее и никоим образом не согласится предоставить постройку ее другому государству или иностранному синдикату.

Министерство считает долгом сообщить о сем вашему превосходительству для передачи почтенному Министерству иностранных дел.

*Нота русского посланника в Пекине М. Гирса
на имя китайских министров
5 июня 1899 г.*

Мною было в свое время получено, почтенные князь и сановники, сообщение ваше от 20 мая с. г., в коем вы заявили мне, что китайское правительство не разрешит никакой другой державе постройки линии до Пекина, что оно признает, что, если впоследствии будет строиться железная дорога от Пекина в северном или северо-восточном направлении, или вообще от Пекина в каком бы то ни было направлении к русской границе, то за исключением того случая, когда она будет строиться на китайские деньги и самими китайскими чиновниками, если возникнет мысль обратиться с переговорами о постройке ее к чужому государству, оно непременно должно предварительно условиться с российским правительством или синдикатом о предоставлении им постройки ее и никоим образом не согласится предоставить постройку ее другому государству или иностранному синдикату.

Вышеприведенное заявление было сообщено мной, согласно вашей просьбе, императорскому правительству.

Ныне мной получен из С.-Петербурга ответ по этому предмету, в котором граф Муравьев сообщает мне, что, вполне ценя сказанные положительные уверения почтенного правительства и во внимание к нему, русское правительство готово не настаивать на немедленной постройке железнодорожной линии от Восточной дороги по направлению к Пекину. Тем не менее Россия никоим образом не может отказаться от предъявленного ею требования о концессии на эту линию, которая является необходимой компенсацией за бесспорное и прямое нарушение китайским правительством положительных обязательств, принятых им на себя в сообщении от 19 июля м[инувшего] г[ода].

О вышеизложенном я считаю долгом уведомить вас, почтенные князь и сановники, в ответ на сообщение ваше от 20 минувшего мая.

Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 80—81.

**Соглашение между Китаем и Россией
о предоставлении последней концессии в Тяньцзине
18 декабря 1900 г.**

Великого Российского государства чрезвычайный посланник и полномочный министр высочайшего двора камергер Гирс и великого Дайцинского государства уполномоченный, генерал-губернатор Чжилийской провинции Ли ныне, вследствие постоянного возрастания российской торговли в Тяньцзине и необходимости для России иметь в нем участок арендованной земли, на котором могли бы селиться и устраивать свои торговые дома русские подданные, с согласия китайского правительства отводится русская концессия на северо-востоке от названного города и постановляются следующие статьи:

I

Русская концессия в Тяньцзине занимает участок земли на восточном берегу реки Бэйхэ, приблизительно в тех границах, которые уже обозначены столбами. Но находящаяся в этом участке под соляными складами прилегающая к реке земля, ввиду важности ее для соляного промысла, должна быть изъята от включения в концессию.

II

Для осмотра концессии и могущего потребоваться изменения границ, а равно и для решения различных вопросов, касающихся частных собственников земель, сообразно с правилами и практикою для всех иностранных концессий и для установления правил для устройства русской концессии обе договаривающиеся стороны назначают особых чиновников.

Вышеизложенные статьи, составляющие соглашение относительно

русской концессии в Тяньцзине, подписаны и скреплены печатями в двух экземплярах.

Подписали: М. Гирс. Ли Хун-чжан.

Пекин, декабря 18-го дня 1900 года.

Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 81—82.

Соглашение между Великобританией и Японией 17 (30) января 1902 г.

Правительства Великобритании и Японии, движимые исключительно желанием поддержать *status quo* и общий мир на Дальнем Востоке и будучи, кроме того, особенно заинтересованы в поддержании независимости и территориальной неприкосновенности Китайской империи и Корейской империи и в обеспечении равных условий в этих странах для торговли и промышленности всех народов, сим соглашаются о нижеследующем:

Статья I

Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят какие бы то ни было агрессивные стремления в той или другой стране. Имея в виду, однако, свои особые интересы, из коих интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована в политическом, равно как и в торговом и промышленном отношениях, в Корее, высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных.

Статья II

В случае, если Великобритания или Япония, в защиту своих обоюдных интересов, как то выше указано, будет вовлечена в войну с другой державою, то другая высокая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

Статья III

Если, при вышесказанных обстоятельствах, какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая высокая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир в взаимном с нею согласии.

Статья IV

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другою, в отдельное соглашение с другою державою в ущерб вышеописанным интересам.

Статья V

Когда, по мнению Великобритании или Японии, вышеназванным интересам будет угрожать опасность, оба правительства сообщат о том друг другу с полнотой и откровенностью.

Статья VI

Настоящее соглашение войдет в силу немедленно со дня его подписания и останется в силе в течение пяти лет с этого дня.

В случае, если бы ни та ни другая из высоких договаривающихся сторон не заявила за двенадцать месяцев до истечения сказанных пяти лет о намерении прекратить его, оно останется в силе до истечения одного года со дня отказа от него той или другой из высоких договаривающихся сторон. Но, если, когда наступит срок, назначенный для прекращения его действия, одна из союзниц будет уже находиться в войне, то союз, *ipso facto*, останется в силе до заключения мира.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими обоюдными правительствами, подписали сие соглашение и приложили к нему свои печати.

Учинено в двух экземплярах в Лондоне 30 января 1902 года.

Подписали:

Лэнсдоун, его британского величества главный статс-секретарь по иностранным делам.

Хаяши, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора Японии при С. Джемском Дворе.

Дополнительная к соглашению дипломатическая нота

В отношении соглашения, заключенного нами сегодня от имени наших правительств, я имею честь сообщить Вам, что британское/японское правительство признает, что морские силы Великобритании/Японии должны, в меру возможности, действовать в согласии с морскими силами Японии/Великобритании во время мира, и соглашается, что должны быть предоставлены взаимные облегчения по ремонту и снабжению углем морских судов одной стороны в портах другой, равно как и иные преимущества, способствующие благосостоянию и эффективности флотов обеих держав.

В настоящий момент японское и великобританское правительства каждое содержит на Дальнем Востоке морские силы, превышающие силы любой третьей державы. Великобритания/Япония не имеет намерения оставлять свои усилия поддерживать, по мере возможности, готовые к концентрации в водах Дальнего Востока морские силы, превышающие силы любой третьей державы.

British documents on the Origins of the War. V. II. L., 1927. P. 119; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 527—530.

Официальное сообщение.

С.-Петербург, 7 (20) марта 1902 г.

Договор, заключенный в минувшем январе между Англией и Японией, возбудил самые противоречивые толкования и разнообразные догадки, особливо ввиду того, что этим актом две из одиннадцати держав, еще недавно подписавших Пекинский протокол при завершении их совокупных действий в Китае, как будто отделялись от других и становились в особые отношения к Поднебесной империи, где общими усилиями водворен исконный порядок вещей и ныне восстановлена законная центральная власть.

Императорское правительство, оценив дружественные сообщения, сделанные России по этому поводу как японским, так и великобританским правительством, отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного договора. Начала, руководившие русскою политикой с самого возникновения смуты в Китае, оставались и остаются неизменными: Россия требует независимости и неприкосновенности соседнего дружественного Китая, а равно и Кореи; Россия желает сохранения нынешнего положения вещей и полного умиротворения на Крайнем Востоке. Постройкою великого сибирского пути с ветвью, направленною к незамерзающему порту, через Маньчжурию, Россия содействует распространению всемирной торговли и промышленности в этих областях. В ее ли интересах всему этому ныне создавать препятствия?

Изъявленное Англиею и Япониею намерение способствовать достижению тех же самых целей, неукоснительно преследуемых Россией, могло лишь вызвать искреннее ее сочувствие, вопреки толкам некоторых политических сфер и органов иностранной печати, стремившихся представить в совершенно ином свете невозмутимое отношение императорского правительства к дипломатическому акту, в его глазах несколько не изменившему положения вещей на политическом горизонте.

Ныне, ввиду непрекращающейся агитации по поводу англо-японского договора, союзные дружественные правительства России и Франции сочли необходимым в нижеследующей тождественной декларации вполне определенно заявить державам, представители коих вместе с русским и французским уполномоченными подписали Пекинский протокол 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, о взгляде их на означенный договор.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 531—535.

**Тождественная декларация от 3 (16) марта 1902 г.,
одновременно врученная представителями России и Франции
правительствам Австро-Венгерскому, Бельгийскому,
Великобританскому, Германскому, Испанскому, Итальянскому,
Китайскому, Нидерландскому, Северо-Американскому и Японскому**

Союзные правительства России и Франции, получив сообщение об англо-японском договоре 17-го (30-го) января 1902 г., заключенном как в ви-

дах обеспечения status quo и общего мира на Крайнем Востоке, так равно и с целью охранения независимости Китая и Кореи, долженствующих оставаться открытыми для торговли и промышленности всех наций, — с полным удовольствием усматривают в нем подтверждение существенных начал, кои, согласно неоднократным заявлениям обеих держав, составляли и составляют основу их политики.

Оба правительства полагают, что поддержание этих начал является вместе с тем обеспечением их собственных интересов на Дальнем Востоке.

Вынужденные, однако, с своей стороны, не терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целость и свободное развитие Поднебесной Империи в ущерб их взаимным интересам, — оба союзные правительства предоставляют себе в таком случае озаботиться принятием соответствующих мер к охранению этих интересов.

С.-Петербург, 3-го (16-го) марта 1902 года.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 531—535.

Официальное сообщение.

С.-Петербург, 30 марта (12 апреля) 1902 г.

Внезапно возникшие в 1900 г. во всем Китае тяжкие внутренние потрясения, подвергшие опасности императорскую миссию и русскоподданных, вынудили Россию принять решительные меры для ограждения своих государственных интересов. С этой целью, как известно, императорским правительством командирован был значительной силы военный отряд по направлению к Пекину, покинутому богдыханом и правительственными властями, и введены российские войска в пограничную Маньчжурию, куда из Бэй-чжилийской провинции быстро распространились беспорядки, выразившиеся в нападении мятежных шаек и войск на русские пределы, с формальным объявлением местными китайскими властями войны России.

Тем не менее императорское правительство предупредило правительство богдыхана, что принятие Россиею таковых мер отнюдь не имеет враждебных целей против Китая, независимость и неприкосновенность коего положены были в основу русской политики на Крайнем Востоке.

Верная этим началам, Россия, как только миновала непосредственная опасность, грозившая императорской миссии и русскоподданным, ранее всех прочих держав отозвала отряд свой из Бэй-чжи-ли и при первых же признаках восстановления спокойствия в Маньчжурии заявила о готовности особым соглашением с Китаем установить способ и ближайшие сроки эвакуации этой провинции, конечно, с некоторыми гарантиями временного характера, которых требовало смутное положение дел в упомянутой области.

Заключение такового соглашения затянулось на многие месяцы, вследствие тяжелых условий, в кои поставлены были высшие китайские сановники, не решавшиеся за отсутствием двора действовать, как подобает представителям вполне независимого государства.

За последнее время, однако, умиротворение Китая сделало значительные успехи. Вслед за подписанием протокола 25 августа (7 сентября) 1901 года богдыханский двор возвратился в столицу; центральная законная власть вступила в свои права; во многих частях империи восстановлены местные административные органы. На первом приеме дипломатического корпуса в Пекине китайская императрица, выразив иностранным представителям благодарность за оказанное державами содействие в подавлении смут, заверила их в непоколебимом решении принять все меры к водворению в стране существовавшего до восстания нормального порядка вещей.

В сущности, этим достигалась главная задача, которую Россия поставила себе с минуты возникновения беспорядков в соседней империи. Не преследуя никаких завоевательных целей, императорское правительство настаивало на том, чтобы и другие державы не нарушали независимости и неприкосновенности Китая; чтобы законное правительство, с которым Россия заключила многообразные соглашения, было восстановлено, и, таким образом, по окончании смут явилась бы возможность продолжения искони дружественных отношений с Китаем.

Имея в виду, что лишь с этими целями посланы были российские войска в пределы Поднебесной Империи и что принятыми Китаем письменными обязательствами обеспечивается как сохранение порядка в стране, так и полное возмещение России материальных затрат, вызванных военными действиями в Китае, Императорское правительство отныне не видит более надобности к дальнейшему оставлению своих вооруженных сил в пределах соседней территории. Вследствие сего, по высочайшему государя императора повелению, 26-го сего марта российским посланником в Пекине, действительным статским советником Лессаром, совместно с китайскими уполномоченными подписано было следующее соглашение об условиях отзыва русских войск из Маньчжурии.

Соглашение между Россией и Китаем относительно Маньчжурии

Его величество император и самодержец всея России и его величество император китайский, в целях восстановления и укрепления добрых соседственных отношений, нарушенных происшедшим в 1900 году восстанием в Поднебесной Империи, — назначили своих уполномоченных для соглашения по некоторым вопросам, касающимся Маньчжурии:

его величество император всероссийский — своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при его величестве императоре Китая Павла Лессара, действительного статского советника,

и его величество император китайский — его высочество И-гуана, князя первой степени Цина, председателя министерства иностранных дел, и его превосходительство Вань-вэнь-шао, члена Государственного совета, статс-секретаря залы Вэнь-юань, вице-председателя министерства иностранных дел.

Означенные уполномоченные, снабженные полномочиями, найденными достаточными, постановили нижеследующее:

Статья I

Его императорское величество император всероссийский, желая явить новое доказательство своего миролюбия и дружественных чувств к его величеству богдыхану, невзирая на то, что с пограничных пунктов Маньчжурии сделаны были первые нападения на мирные русские поселения, соглашается на восстановление власти китайского правительства в названной области, которая остается составной частью Китайской империи, и возвращает китайскому правительству право осуществлять там правительственную и административную власть, как это было до занятия означенной области русскими войсками.

Статья II

Приступая к осуществлению правительственной и административной власти в Маньчжурии, китайское правительство подтверждает, как относительно срока, так и относительно всех прочих статей, обязательство строго исполнять постановления контракта, заключенного с Русско-Китайским банком 27 августа 1896 года, и принимает на себя (по силе 5-й статьи упомянутого контракта) обязательство всеми мерами охранять железную дорогу и находящихся на ее службе лиц, а равно обязуется оградить безопасность в пределах Маньчжурии всех вообще находящихся там русских подданных и учреждаемых ими предприятий.

Русское же правительство, ввиду такого, принимаемого на себя правительством его величества богдыхана обязательства, с своей стороны, соглашается, буде не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствует, вывести постепенно все свои войска из пределов Маньчжурии с таким расчетом, чтобы:

а) в течение шести месяцев по подписании соглашения очистить от русских войск юго-западную часть Мукденской провинции до реки Ляохэ с передачею Китаю железных дорог;

б) в течение последующих шести месяцев очистить остальную часть Мукденской провинции и провинцию Гири от императорских войск;

в) в течение следующих шести месяцев вывести остальные русские императорские войска, находящиеся в провинции Хей-лун-цзян.

Статья III

Ввиду необходимости предотвратить на будущее время возможность повторения беспорядков минувшего года, в коих принимали участие китайские войска, расположенные в пограничных с Россией провинциях, императорское и богдыханское правительства озаботятся предписать русским военным властям и цзянцзюням совместно условиться относительно чис-

ленности и определения мест расположения китайских войск в Маньчжурии в течение того времени, пока не выведены русские войска. При этом китайское правительство обязуется сверх установленного русскими военными властями и цзянцзюнями количества войск, каковое должно быть достаточным для уничтожения разбойников и усмирения страны, не формировать других войск. По окончании полной эвакуации русских войск китайскому правительству предоставляется право обсудить численность находящихся в Маньчжурии войск, подлежащую увеличению или уменьшению при своевременном о сем оповещении русского правительства, ибо само собою разумеется, что содержание таковых в названной области в излишнем количестве неминуемо повело бы к усилению русских военных частей в соседних округах и таким образом вызвало бы крайне невыгодное для обоих государств увеличение расходов на военные надобности.

Для полицейской же службы и поддержания внутреннего порядка в сей стране вне земель, отведенных обществу Китайской Восточной железной дороги, при местных губернаторах (цзянцзюнях) образуется исключительно из подданных его величества богдыхана китайская конная и пешая полицейская стража.

Статья IV

Русское правительство соглашается возвратить собственникам занятые и охраняемые с конца сентября 1900 года русскими войсками железнодорожные линии Шань-хай-гуань—Ин-коу—Синь-минь-тин. Ввиду сего правительство его величества богдыхана обязуется:

1) что если понадобится охрана названных железнодорожных линий, то эта обязанность будет возложена лишь на китайское правительство, причем не должно приглашать другие державы участвовать в охране, постройке и эксплуатации их или позволять иностранным державам занимать возвращенную русскими территорию;

2) что означенные железнодорожные линии будут достраиваться и эксплуатироваться на точном основании как соглашения между Россией и Англией от 16 апреля 1899 года, так и состоявшегося 28 сентября 1898 года договора с частною компаниею относительно займа на постройку означенных линий и, кроме того, при соблюдении обязательств, принятых на себя этою Компаниею, а именно не вступать во владение или каким бы то ни было образом распоряжаться линиею Шань-хай-гуань—Ин-коу—Синь-минь-тин;

3) что, если впоследствии будет приступлено к продолжению железнодорожных линий в южной Маньчжурии или прокладке к ним ветвей, равно и к сооружению в Ин-коу моста или переносу существующего здесь конечного пункта железной дороги, то по этим вопросам надлежит вступить в предварительное взаимное соглашение между русским и китайским правительствами;

4) вследствие того, что затраты, произведенные русским правительством на восстановление и эксплуатацию возвращаемых железных дорог Шань-хай-гуань—Ин-коу—Синь-минь-тин, не были внесены в общую сумму убытков, китайскому правительству надлежит возместить таковые, по обсуждению с российским правительством суммы, подлежащей возвращению.

Постановления всех прежних договоров между Россией и Китаем, не измененные настоящим соглашением, остаются в полной силе.

Соглашение войдет в законную силу со дня подписания его уполномоченными того и другого государств.

Размен ратификаций последует в С.-Петербурге в течение трех месяцев со дня подписания соглашения.

В удостоверение чего уполномоченные обеих договаривающихся сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра соглашения на русском, французском и китайском языках. Из трех текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководствующим при толковании соглашения будет считаться французский текст.

Совершено в Пекине в двух экземплярах 26 марта 1902 года, что соответствует первому дню 3-й луны, 28-го года царствования Гуан-суй.

Подписали: Лессар. Цин. Вань-вэнь-шао.

Из вышеизложенного явствует, что императорское правительство, строго придерживаясь неоднократно сделанных заявлений, приступает к постепенной эвакуации Маньчжурии с тем, чтобы завершить ее в указанных условиях, если тому не воспрепятствуют какие-либо неожиданные действия других держав или самого Китая; что передача гражданского управления в Ню-чжуане в руки китайской администрации состоится согласно переданному правительству богдыхана письменному заявлению, лишь когда из названного порта удалены будут иностранные отряды и десанты и если к тому же временно окончательно решен будет вопрос о возвращении китайцам Тянь-цзиня.

Китайское правительство, с своей стороны, подтверждает все ранее принятые им по отношению к России обязательства, а стало быть и постановления договора 1896 года, долженствовавшего служить основанием взаимных дружественных отношений соседних империй. Этим оборонительным соглашением уже в 1896 году Россия обязалась поддерживать начало независимости и неприкосновенности Китая, который, в свою очередь, предоставил ей право постройки магистрали через Маньчжурию и пользование существенными преимуществами, находящимися в прямой связи с означенным предприятием.

После поучительных событий минувших двух лет представляется возможным надеяться на полное умиротворение Дальнего Востока и дальнейшее развитие дружественных соседских отношений с Китаем в интересах обеих империй. Но нет сомнения, что если бы китайское правительство, вопреки данным им положительным заверениям, по той или другой причине нарушило какое-либо из вышеупомянутых условий, — то императорское правительство не считало бы себя более связанным ни постановлениями Маньчжурского соглашения, ни предшествующими по сему предмету заявлениями и вынуждено было бы сложить с себя ответственность за все могущие возникнуть последствия.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906. С. 538—543.

Русско-Китайское соглашение

о железнодорожном строительстве в Китае к северу от Пекина

10—11 июня 1902 г.

И. Нота князя Цина Русскому послу в Пекине П. Лессару

(10 июня 1902 г.)

Несколько времени тому назад мы имели честь получить сообщение вашего превосходительства, в коем вы заявляли, что 2-я и 3-я статьи первоначального соглашения, заключенного сановниками Юань и Ху с английским посланником о передаче железнодорожной линии Пекин — Тяньцзинь — Шанхайгуань, гласящие об учреждении должности железнодорожного содиректора, а равно и 5-я статья относительно железнодорожных веток заключают в себе различные многочисленные препятствия и прочее.

Тогда же наше Министерство не преминуло испросить высочайшего повеления о том, чтобы означенные выше сановники дополнительно урегулировали и проч., и о вышеизложенном мы имели честь предварительно сообщить вашему превосходительству.

Вчера мы получили отношение сказанных выше сановников, в коем значилось:

«Статья 2-я и 3-я соглашения относительно передачи железнодорожной линии Пекин — Тяньцзинь — Шанхайгуань касаются необходимости иметь иностранных военных содиректоров в вопросах, относящихся до перевозки военных обозов.

Мы, сановники, желаем, чтобы по всем вопросам, касающимся перевозки иностранных обозов и необходимых отрядам предметов, начальники охраненных отрядов иностранных миссий в Пекине, а равно и высшие военные власти, заведующие свободным сообщением между столицей и морем, сносились бы своевременно и непосредственно с главною железнодорожною администрацией.

Относительно пятой статьи заключенного в тот же день соглашения о преимуществах железнодорожной линии, гласящей о том, что постройка всех боковых линий должна производиться сановниками, главнoзаведующими северными железными дорогами, мы, сановники, желаем постановить, что ветви на север из Пекина, а равно и линия из Пекина на Чжанцзякоу (Калган) должны быть построены китайским правительством без касательства до сего иностранцев и на китайский капитал, без применения для этой цели иностранных капиталов; при сем линии эти, а равно и доходы, с оных поступающие, никогда не должны служить гарантией займов в иностранных государствах.

Согласно изложенному в отношении, мы просим снестись с английским посланником на предмет исследования и ответа и прочее».

Наше Министерство не замедлило официально сообщить обстоятельство дела английскому посланнику.

6-го минувшего июня Министерством был получен ответ английского посланника нижеследующего содержания:

«Разбирая все пункты, изложенные в сообщении почтенного Министер-

ства на основании обсуждений сановников Юань и Ху, я считаю долгом заметить, что таковые согласны с моими воззрениями и, что, само собою разумеется, можно дать согласие на приведение их в исполнение и прочее».

Наше Министерство, по получении ответа, удостоверилось, что означенные сановники и английский посланник урегулировали статьи в желаемом вашим превосходительством смысле, и мы, по новом рассмотрении, изменили 2-й и 3-й пункты китайско-английского соглашения так, что в железнодорожную администрацию не будут допущены иностранные военные содиректора; вместе с сим 5-й пункт дополнительного соглашения изменен, как сказано раньше.

Мы надеемся, что ваше превосходительство, издавна укрепляя дружеские отношения, искренне пожелаете передачи Англией железнодорожной линии Пекин — Тяньцзинь — Шаньхайгуань и с удовольствием окажете свое содействие, дабы подтвердить искренность дружеских отношений между Китаем и Россиею.

Что же касается сообщения Цзунлямыня к бывшему посланнику Гирсу от 20 мая 1899 г., в коем значилось: «Китайское правительство обязуется, что, если впоследствии будет приступлено к дополнительной постройке железных дорог на север от Пекина или на северо-восток, по направлению к русской границе, то за исключением тех случаев, что железные дороги будут построены на китайские капиталы и китайскими чиновниками, если и возникнет намерение вести переговоры о предоставлении постройки другому государству, то намерение сие должно быть первоначально обсуждено с русским правительством или синдикатом на предмет предоставления концессии; при сем никоим образом концессия не должна быть предоставлена другому государству или синдикату другого государства» и прочее.

Наше Министерство сохраняет по-прежнему первоначальное решение и вместе с сим не вносит в оное изменений.

Сообщая о вышеизложенном вашему превосходительству на рассмотрение, мы имеем честь просить Вас ответить и дать согласие на приведение в исполнение.

II. Нота русского правительства на имя князя Цина, переданная русским послом в Пекине П. Лессаром (11 июня 1902 г.)

Я имел честь получить ваше сообщение, почтенные князь и сановники, от 10-го сего июня, по поводу изменения некоторых статей китайско-английского соглашения 16/29 апреля с. г., касающегося северных железных дорог, против которых я счел долгом 29 апреля (12 мая) протестовать от имени своего правительства.

Я очень высоко ценю чувства истинной справедливости почтенного Министерства, которое поспешило испросить высочайшего повеления для восстановления нарушенных этими статьями прав России. Как вы меня извещаете, вследствие последовавшего высочайшего указа, сановники Юань

и Ху выработали надлежащие изменения, которые были вами, почтенные князь и сановники, сообщены английскому посланнику, и он изъявил на них согласие. Из приведенной в вашем сообщении ко мне ноты к английскому посланнику и дальнейшей части вашего сообщения я усматриваю с удовольствием, что в администрации северных железных дорог не будет допущено иностранных военных или гражданских содиректоров. Я искренно этому радуюсь, так как, если бы были иностранные военные или гражданские содиректора, то я мог бы изъявить согласие на передачу дороги из Пекина в Шаньхайгуань лишь при условии назначения также русского военного или гражданского содиректора.

Изложенным в вашем сообщении изменением 5-й статьи особого договора, заключенного в тот же день, вполне правильно установлен вопрос о линиях железной дороги к северу от широты Пекина и особенно линии от Пекина к Калгану. Вы признаете также в полной силе сообщение Цзунлиямыня, отправленное бывшему посланнику камергеру Гирсу 20 мая 1899 года относительно дорог к северу от Пекина к русской границе.

Ввиду сего я не премину без замедления донести своему правительству о счастливом окончании возникших недоразумений. Теперь снова является возможность продолжать без препятствий укрепление дружественных отношений, и я, со своей стороны, готов содействовать скорейшей передаче китайской администрации ныне занятых железных дорог.

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1842—1925 гг. С. 158—159.

**Условия возвращения русскими военными властями
линии Шаньхайгуань — Инкоу — Синьминтин
главноуправляющим китайскими Северными железными дорогами
9 сентября 1902 г.**

Ввиду наступления 26-го сего сентября, согласно договору, подписанному 26-го марта сего года, срока возвращения означенной дороги китайской администрации, следующие условия были установлены по соглашению российско-императорского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае, действительного статского советника Лессара с великого Дайцинского государства князем первой степени Цин, главноуправляющим Министерством иностранных дел, и Ван Вэнь-шао, членом Государственного совета, канцлером залы Вэньюань, товарищем главноуправляющего Министерством иностранных дел.

I

Для сдачи и приемки железной дороги будут назначены российским и китайским правительствами уполномоченные, которые могут иметь достаточное, по усмотрению каждой стороны, число помощников. Эти уполномоченные выработают между собою порядок и подробности передачи.

II

Китайская администрация не в праве отказаться от приема по действи-

тельной стоимости сооружений и заготовок, сделанных русскою администрациею для нужд дороги и охраны.

III

На все то время пока, согласно Заключительному протоколу 25 августа (7 сентября) 1901 года, в Пекине будут находиться отряды для охраны миссий и в провинции Чжили отряды, поддерживающие сообщение Пекина с морем — на линии Шаньхайгуань — Инкоу, русским войскам, назначенным для замены этих отрядов и для перевозки запасных чинов и новобранцев, будут предоставлены права и привилегии, коими пользуются и будут пользоваться войска держав на линии от Пекина до Шаньхайгуаня. Пристань на станции Инкоу будет преимущественно перед другими перевозками открыта для судов, перевозящих русские войска и их грузы, по предварительному сообщению.

IV

Русские войска для своих передвижений и перевозки своих грузов будут пользоваться на линии Шаньхайгуань — Инкоу теми же тарифами, какие будут в то же время существовать на линии от Пекина до Шаньхайгуаня.

V

Железнодорожные помещения, занятые русскими почтово-телеграфными учреждениями на станции Шаньхайгуань, будут возвращены китайской администрации одновременно с возвращением на станции Тяньцзинь и Шаньхайгуань зданий, принадлежащих китайской железнодорожной администрации и ныне занятых английскими военными властями для своих надобностей.

VI

На все то время, как указано в статье III, по линии от Инкоу до Шаньхайгуаня и Пекина, относительно подвески провода к столбам железнодорожного телеграфа, русское правительство будет пользоваться теми же правами и привилегиями, которые представлены державам на линии от Пекина до Шаньхайгуаня, согласно статье 8-й Англо-китайского железнодорожного соглашения 16 (29) апреля сего года.

VII

Для перевозки почт от Пекина до Инкоу российскому правительству будут предоставлены те же преимущества, коими пользуются державы на участке от Пекина до Шаньхайгуаня. Но если при развитии обмена корреспонденции потребуются целый отдельный вагон, то администрация обязуется предоставлять в распоряжение русского почтового ведомства между Пекином и Китайскою Восточною железною дорогою в обоих направлениях по одному вагону в день, столько раз в неделю, сколько потребуется, за плату по тарифу, не выше существующего для военных перевозок.

Постановив вышеприведенные статьи, представители обеих сторон подписали и скрепили своими печатями по два экземпляра настоящих условий на русском и китайском языках. Из двух текстов, оказавшихся по сличению согласными, руководствующим при толковании условий будет служить русский текст.

Заключено в Пекине, сентября 9-го дня, 1902 года.
Подписали: П. Лессар. Цин. Ван Вэнь-шао.

Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы.
М., 1958. С. 95—97.

Переписка Вильгельма II с Николаем II

Телеграмма Вильгельма
5 апреля 1895 г.

Только что получил через мое министерство иностранных дел копию посланных тобой в Токио распоряжений, касающихся китайского вопроса. Я немедленно отправил моему посланнику в Токио инструкцию действовать согласованно с твоими распоряжениями. Очень рад, что могу быть тебе полезным в таком интересном и серьезном вопросе иностранной политики.

Виллиам.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 6.

Телеграмма Николая
Подана 5 (17) апреля 7 час. 10 мин. вечера.

Очень рад и признателен тебе за поддержку нашего решения на Дальнем Востоке. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 6.

Телеграмма Вильгельма
6 (18) апреля 1895 г.

Германский адмирал, командующий крейсирующей в водах Китая эскадрой, получил приказ сконцентрировать свои суда в порту Северного Китая и завязать сношения с русским адмиралом.

Был бы очень благодарен тебе, если бы ты не отказал предписать своему адмиралу сообщить нашему свое местопребывание, а также заранее уведомлять меня о тех действиях, которые ты желал бы предпринять, чтобы я мог дать своему адмиралу соответствующие инструкции.

Виллиам.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 6.

Телеграмма Николая

Дам приказ нашему адмиралу войти в сношение с германским, но сильно надеюсь, что наша интервенция кончится миром.

Н.

На подлиннике приписано Н. Романовым синим карандашом: «В. К. Алексеев Александрович об этом уже все знает от меня».

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 7.

Письмо Вильгельма

Кальтенбронн-Шварцвальд, 26. IV. 1895.

Милейший Ники.

Князь Радолин едет скоро в Петербург, и я посылаю тебе с ним эти строки. Это мой близкий, испытанный друг, проявивший себя на деле во время краткого царствования моего папá, когда, будучи министром двора (Chief of the Household), он упорно сопротивлялся всяким попыткам интриг, откуда бы они ни исходили. Ты можешь относиться к нему с полным и безграничным доверием, так как сдержанность его вошла в поговорку. Он жаждет сделать все возможное, чтобы угодить нам обоим и укрепить традиционные узы, уже почти столетие связывающие наши семьи и страны. Он ненавидит поляков и интересуется ими не больше, чем какими-нибудь туземцами Сандвичевых островов.

От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии. Давно пора приступить к энергичным действиям, они должны произвести прекрасное впечатление как в самой Японии, так и повсюду. С полной очевидностью обнаруживается, как важно нам быть заодно, и то обстоятельство, что Франция примкнула к нам обоим, показывает, что существуют общие основные интересы, на основе которых все европейские нации могут объединиться для совместных действий на пользу всех. Пусть только прочнее укрепится убеждение, что такое совместное действие возможно без того, чтобы была затронута чья-либо национальная честь, — тогда, без сомнения, страх перед европейской войной постепенно рассеется.

Твои добрые пожелания и ценные сообщения, доставленные мне через Остен-Сакена, при посредстве графа Эйленбурга в Вене, являются превосходным доказательством твоей верности и откровенности по отношению ко мне. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке. Ибо несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником. Ты прекрасно понял это указание свыше и быстро уловил момент; это будет иметь огромное политическое и историческое значение и наилучшие последствия. Я с интересом буду ожидать дальнейшего развития нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не «стеснит» тебя. Я боюсь, что из-за норвежцев,

которые пришли в состояние, близкое к сумасшествию, мое летнее путешествие у берегов Норвегии не состоится и мне придется плавать у шведского берега в Балтийском море. Нельзя ли в таком случае устроить так, чтобы наши яхты встретились где-нибудь в удобном для тебя месте, и мы немного поболтали бы. Это было бы так хорошо. А теперь, милейший Ники, передай сердечный привет Алисе и глубокое почтение твоей мамá от твоего преданного и любящего друга

Вилли.

Р. С. Радолин вполне «eingeweiht» (посвящен. — *Авт.*) во все те мысли, которые я только что развивал тебе.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 7—8.

*Письмо Вильгельма
Стора Сундби, 10.VII. 1895*

Милейший Ники.

Во время своего путешествия в Швецию и вдоль ее берегов я оказался поблизости к твоим владениям и к твоему «buen retiro» (прекрасному уединению), и вот, находясь от тебя на расстоянии одного короткого переезда, я не могу упустить случая, чтобы не отправить тебе несколько строк, потому что мне, к несчастью, не удастся встретиться с тобой на море. Позволь мне еще раз от всей души поблагодарить тебя за то, что ты прислал такие великолепные суда — они являлись достойными и могущественными представителями русского флота в Киле. Алексей был воплощением любезности и веселости и всеми силами старался, чтобы наше общение с нашими русскими товарищами не оставляло желать ничего лучшего. Твое любезное разрешение включить его в состав нашего флота чрезвычайно льстит нашим офицерам и, кажется, доставило ему удовольствие. Мне удалось поговорить об очень важном вопросе (по поводу Восточно-Азиатских дел) с Алексеем и с его старым добрым бароном Шиллингом, большим другом моего деда. Я думаю, что он уже сообщил тебе об этом. Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Что Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; что если Россия занялась этим гигантским делом, — то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно и тебе не грозила бы опасность в тылу; и что, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе, в то время как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом. — Все это так же бесспорно, как «аминь» в церкви (as sure as amen in church).

[...]

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 9.

*Письмо Вильгельма
Новый Дворец, 4.1.1898*

Милейший Ники.

[...] Поручение, данное Генриху, имеет целью поддержать твои возвышенные идеалы (без которых не может существовать ни один властитель) в деле поощрения цивилизации, т. е. христианства, на Дальнем Востоке. Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке. Я сделал этот набросок на рождественской неделе при сиянии елочных огней. [...]

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 23.

*Письмо Вильгельма
Берлин, 28.III.1898*

Милейший Ники.

[...] Я от всей души поздравляю тебя с достигнутым тобой у Порт-Артура успехом; мы вдвоем будем хорошими стражами при входе в Печилийский залив и внушим к себе достойное уважение, особенно желтым.

Мастерское соглашение в Корее, которым тебе удалось успокоить чувства сердитых японцев, я считаю замечательным образцом дипломатии и предусмотрительности; какое это было счастье, что благодаря своему великому путешествию ты на месте смог изучить вопрос Дальнего Востока; теперь, собственно говоря, ты хозяин Пекина.

Радолин передал мне твой очень интересный разговор о Китае и твоё желание поставить инструкторов в те области, которые считаются состоящими под русским влиянием. Я приготовил приказ германским офицерам, но не мог выпустить его из-за того, что нельзя было точно определить границу территории, не отметив ее на карте. Маленькая черта, проведенная тобой на клочке бумаги, успокоила бы меня, потому что мне было бы в высшей степени неприятно, если бы, по недоразумению, офицеры, без всякой вины со своей стороны, перешли бы на русскую территорию единственно из-за отсутствия действительной, точно установленной пограничной линии. Та мысль, которую стали распространять в прессе с того берега канала, мысль о том, что китайские дела должны решаться на международной конференции, встретила здесь с моей стороны суровую отповедь, потому что я сейчас же понял, что это было скрытой попыткой связать тебе руки на Дальнем Востоке, тогда как, по моему мнению, твои отношения к нему прежде всего твоё дело и вовсе не касаются других народов. [...]

Вилли.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 23—24.

Милейший Ники.

Совершенно внезапно и для меня неожиданно я должен принять очень серьезное решение, имеющее для моей страны огромную важность; последствия его могут пойти так далеко, что я совершенно не могу их предвидеть. Ты, конечно, согласишься сам, что в отношениях, касающихся наших двух домов и стран, я всегда хранил традиции, в которых воспитал меня мой дед, хранил как его священное наследие и льщу себя надеждой, что моя верность в отношении тебя и твоей семьи выше всяких подозрений. Поэтому я и обращаюсь к тебе, как к другу, которому все поверяешь, чтобы изложить тебе суть дела, как человек, ожидающий честного и откровенного ответа на честный и откровенный вопрос.

В начале апреля сыпавшиеся до того времени со стороны британской печати и британского народа на мою страну и на меня лично нападки внезапно прекратились, и, как ты это сам, вероятно, заметил, наступило временное затишье. Нас это несколько удивило, и мы не могли уяснить себе в чем дело. Частным образом я узнал, что ее величество, сама королева, через одного своего друга дала понять британским газетам, что ей «желательно прекращение подлой и предательской потехи». Это «в стране свободной печати»! Такой необычайный шаг, конечно, заставил нас прийти к заключению, что что-то носится в воздухе. Около пасхи один видный политический деятель *propter motu* (по собственному почину) вдруг пригласил моего посла и прямо предложил ему заключить союзный договор с Англией! Крайне удивленный граф Гатцфельд сказал, что ему неясно, как это может быть после всего того, что произошло между нами с 95 года? В ответ было сказано, что предложение сделано совершенно серьезно и искренно. Посол ответил, что передаст, но что он сомневается в том, чтобы парламент такой договор ратифицировал, ведь Англия до сих пор давала понять всем, кто только хотел ее слушать, что она никогда, ни в каком случае не заключит союза ни с одной из континентальных держав! Потому что она желает сохранить за собой свободу действий. В 1897 г. (юбилейный год) принцип этот нашел себе даже выражение в стихах, где говорится, что Англия не нуждается в союзниках и может, если понадобится, сражаться против целого мира одна, а припев гласит: «We've got the ships, we've got the men, we've got the money too!» (мы обладаем кораблями, мы обладаем людьми, мы обладаем также и деньгами). В ответ на это нам возразили, что точка зрения теперь совершенно изменилась (?), результатом чего и является данное предложение. После пасхи запрос был возобновлен в спешном порядке, но по моему приказу на него ответили холодно, с промедлением и неопределенно. Я полагал, что дело кончено. Теперь, однако, запрос возобновлен в третий раз и в форме очень определенной, причем окончательный ответ требуют от меня в очень короткий срок, и сверх того, запрос сопровождался такими огромными предложениями, обещающими широкую и великую будущность моей стра-

не, что я считаю своим долгом перед Германией основательно обдумать свой ответ. И вот, прежде чем сделать это, я прямо и откровенно обращаюсь к тебе, мой уважаемый друг и кузен, и сообщаю тебе об этом, так как я чувствую, что это, так сказать, вопрос жизни и смерти. Мы оба мыслим одинаково, мы желаем мира и мы его до сих пор поддерживали! Какова цель союза, ты поймешь хорошо, так как мне сообщено, что он должен быть заключен с Тройственным союзом, с присоединением к нему Японии и Америки, с которыми уже открыты предварительные переговоры! Ты можешь сам вообразить, какие тут заключаются возможности, в зависимости от того, откажемся ли мы или примем это предложение! Так вот, мой старый и верный друг, я прошу тебя, скажи мне, что ты можешь предложить мне и что ты сделаешь, если я откажусь? В этом трудном положении, прежде чем я приму окончательное решение и дам ответ, необходимо, чтобы мне было все ясно, а потому и предложения твои должны быть ясны, открыты и без каких-либо задних мыслей, чтобы я, согласно с моим долгом, мог обсудить и взвесить в своем уме и перед богом, что нужно для поддержания мира, для блага моего отечества и всего мира. Относительно своей союзницы ты не беспокойся, ей будет отведено подобающее место в комбинации, согласно твоему желанию, каково бы ни было твое предложение. Отправляя это письмо, милейший Ники, я вполне полагаюсь на твое молчание и скромность в отношении всех и каждого и пишу совершенно так же, как и в старые времена мой дед написал бы твоему прадеду Николаю! Да поможет тебе бог прийти к правильному решению! Это для будущего поколения! Но время не терпит, и я прошу, отвечай поскорее.

Твой преданный друг
Вилли.

P. S. Если ты пожелаешь где-нибудь со мной встретиться, чтобы переговорить словесно, я готов в любое время, на море или на суше!

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 26.

Письмо Николая

Сердечно благодарю тебя за твое интересное и длинное письмо, содержание которого меня сильно удивило. Я тебе весьма признателен за лояльность и искренность, с которой ты, по обыкновению, спрашиваешь мое мнение, прежде чем решить какой-либо вопрос.

Три месяца тому назад, во время наших переговоров с Китаем, Англия вручила нам меморандум, содержащий много заманчивых предложений, пытаясь побудить нас прийти к полному соглашению по всем пунктам, где наши и ее интересы соприкасаются. Предложения эти носили столь необычайный характер, что я должен признаться, мы были поражены и даже их истинный смысл показался нам подозрительным; никогда еще Англия ничего подобного России не предлагала. Это нам ясно показало, что Англия в

это время нуждалась в нашей дружбе, чтобы иметь возможность скрытым путем помешать нашему развитию на Дальнем Востоке. Мы, не задумываясь, отклонили ее предложение.

Двумя неделями позже Порт-Артур был наш. Как тебе известно, мы пришли с Японией к соглашению по поводу Кореи, а с Северной Америкой у нас еще задолго до того установились прекрасные взаимоотношения. Я, право, не вижу причины, почему последняя обратилась бы вдруг против старых друзей только ради «les beaux yeux» (прекрасных глаз) Англии.

Мне очень трудно, если не совсем невозможно, ответить на твой вопрос: полезно ли будет для Германии принять эти часто повторяемые предложения Англии, ибо я не имею ни малейшего представления об их ценности. Ты, конечно, должен сам решать, что лучше и что более необходимо для твоей страны!

Германия и Россия издавна в мире, как добрые соседи, и, даст бог, останутся и впредь близкими и лояльными друзьями. К счастью, между нашими государствами нет никаких политических трений и наши интересы нигде не приходят в столкновение.

История с Кио-Чау служит прекрасным тому примером, и я вполне уверен, что так будет и впредь.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 26—28.

Письмо Вильгельма

Берлин, 3. I. 1904

[...] Здесь всякий прекрасно понимает, что Россия, подчиняясь законам экспансии, должна стремиться выйти к морю и иметь незамерзающую гавань для своей торговли. В силу этого закона она вправе претендовать на полосу берега, где находятся такие гавани (Владивосток, Порт-Артур). Hinterland (лежащие за ними земли) должен быть в твоих руках для того, чтобы можно было построить железные дороги, необходимые для подвоза товаров к портам (Маньчжурия). Между двумя портами есть полоса земли, которая, попади она в руки противника, может сделаться чем-то вроде новых Дарданелл. Этого ты не можешь допустить. Эти «Дарданеллы» (Корея) не должны быть угрозой для твоих путей сообщения и помехой твоей торговле. Так обстоит дело на «Черном Море», но на Дальнем Востоке ты не можешь примириться с подобным положением. Поэтому для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской. Когда и как — до этого никому нет дела и касается только тебя и твоей страны. Таково мнение нашего народа здесь, и потому здесь нет ни возбуждения, ни «emballement», ни бряцания оружием или чего-либо подобного. Что Корея когда-нибудь будет твоей, здесь считается вещью само собой разумеющейся, так же, как и оккупация Маньчжурии, поэтому здесь никто об этом не беспокоится. [...] Привет Алисе.

Вилли.

*Телеграмма Вильгельма
Сигнал «адмиралу Тихого океана».*

Дальнейшая информация из частного и достоверного источника гласит следующее: 1) британское правительство послало извещение крупной лондонской фирме, снабжающей углем твой флот, что воспрещается продолжать отпуск тебе угля; 2) японский адмирал Мутсу, ныне в Генуе командующий двумя броненосными крейсерами, купленными у Аргентины, сказал при одном интервью, что Япония не покупала этих двух судов, а что их тайно купила Англия одновременно с двумя чилийскими военными кораблями, с целью не дать им попасть в русские руки, и не только поднесла их Японии, но снабдила английскими офицерами и матросами, которые при отъезде из Лондона были предметом демонстративных оваций; 3) в чилийский парламент был внесен билль, уполномочивающий адмиралтейство продать Японии два броненосных крейсера, 7 минных крейсеров, 2 миноносца, 2 транспорта и несколько бронированных башен с пушками, построенных Грузоном (Магдебург), вероятно, для фортов или усиления обороны, для базы в Корее. Кажется, нет сомнения, что деньги, так щедро расточаемые Японией, должны иметь источником «очень дружескую» услугу, так как японское казначейство не может дать в них отчета. Большие количества консервов в жестянках заказаны в Америке для японских армий и флота. Надеюсь, что Алисе лучше и что ей понравился ящик от Зальбургов с римскими подсвечниками; это — точные копии с найденных Якоби во время раскопок. Остаюсь верным другом. Только что получил от Остен-Сакена официальное сообщение о положении. Ты выказываешь самообладание и самую великодушную готовность облегчить задачу поддержания мира. Поздравляю тебя. Если тебе удастся заставить Японию не нарушать мира, то этим одержишь бескровную, но значительную победу.

Вилли.

«Адмирал Атлантического океана».

Подана в Новом Дворце, 9 января 1904 года 7 ч 48 мин пополудни.

Получена в Царском Селе, 27 декабря 1903 г. 11 ч пополудни.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 53.

*Письмо Вильгельма
Новый Дворец, 9.1.1904*

Милейший Ники.

Только одну строчку, чтобы сказать тебе, насколько мои мысли постоянно заняты тобой в это серьезное время. Дай бог, чтобы все прошло гладко и чтобы японцы вняли голосу разума, несмотря на ожесточенные усилия подлой прессы некоей страны. Кажется, она решила без конца валить деньги в бездонный колодезь японской мобилизации. Я очень благодарен тебе за communique (сообщение), присланное мне тобой официально через Остен-Сакена. Оно очень ясно и несомненно приведет к укреплению мира. Я на-

деюсь, что оно охладит пыл нахальной военной партии в Японии, так как, конечно, удовлетворит беспокоящиеся за свою торговлю остальные державы, которым были обещаны «открытые двери».

Посылаю тебе экземпляр «*Marine Rundschau*» («Морского обозрения») со статьей о «броненосных крейсерах», написанной Л. Под этим Л скрываюсь я сам, так как автор ее — я, но никто и не подозревает об этом, кроме Тирпица. В качестве материала для моей статьи, написанной в ноябре, — мне удалось получить интересные детали относительно «*Rivadaria*» («Ривадария») и «*Mogeno*» («Морено»), строившихся для Аргентины. Теперь Англия подарила их Японии.

Совершенно «секретные» проекты их были предоставлены мне, согласно непосредственному разрешению президента Аргентинской республики, и присланы мне Амальдо. Так как суда эти могут представить для тебя некоторый интерес, то я посылаю тебе атлас для твоего личного пользования. По моему мнению, суда являются совершеннейшим типом броненосного крейсера, так как, несмотря на незначительный тоннаж, они «*multum in parvo*» (многое в малом) обладают многими серьезными качествами.

Они стоят 15 миллионов франков каждый — это немного. Только бы твоим людям не довелось сражаться против них; как жаль, что ты не купил их. Газетные вырезки покажут тебе, что некоторые люди называют нейтралитетом. Наилучшие пожелания счастья и мира в новом году; надеюсь увидеть тебя в течение его. Сердечный привет Алисе. Вечно твой преданный

Вилли.

P.S. Прости, что беспокою тебя так часто телеграммами, но в Вольфсгартене ты сказал, что был бы благодарен за всякое сообщение, которое я нашел бы нужным и смог тебе сделать. Конечно, я вполне полагаюсь на твою скромность, так как новости эти предназначаются только для тебя.

«Адмирал Атлантического океана».

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 54—55.

Телеграмма Вильгельма

Сигнал адмиралу Тихого океана.

Печать и частные сообщения показывают, что японский ответ от двенадцатого не имеет окончательного характера; тем не менее я знаю из двух абсолютно достоверных источников, что не только все японские государственные люди решительно стоят за войну, но они действительно склонили маркиза Ито на сторону военной партии.

Вилли, адмирал Атлантического океана.

Подана в Новом Дворце, 14 января 1904 г. 10 ч 35 мин пополудни.

Получена в Петербурге, 1 января 1904 года 12 ч 55 м. дня.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 55.

Телеграмма Вильгельма

Сигнал от адмирала Атлантического океана адмиралу Тихого.

Получены известия из достойного доверия китайского источника; губернаторы долины Ян-тзы-кианга уведомлены Японией, что так как война с Россией неизбежна, то им придется взять под свое покровительство иностранные торговые интересы. Китайское министерство иностранных дел приказало всем губернаторам приморских провинций оставаться строго нейтральными. Японская колония в Чили получила с родины предупреждение, что следует ожидать начала войны в конце этого месяца.

Вилли.

Подана в Берлине, 19 января 1904 года 10 ч 10 мин пополудни.

Получена в Петербурге, 6 января 1904 года 1 ч 5 мин пополудни.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 55.

Секретная телеграмма Николая

Царское Село, 8 января 1904 г.

Сердечно благодарю за сообщение. Я очень надеюсь, что буду в состоянии прийти к соглашению с Японией, последние предложения которой сделаны в умеренном и примирительном тоне. Все тревожные известия относительно приготовления к войне на Дальнем Востоке исходят из некоего источника, в интересах которого поддерживать это возбуждение. [...]

Ники.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 56.

Глава II

РОССИЙСКАЯ И ЯПОНСКАЯ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX веков

Россия накануне войны 1904—1905 годов

К концу XIX века, закончив период своего территориального расширения, Россия превратилась в крупнейшую страну мира, а её необъятные земли простирались на два континента — Европу и Азию — от балтийских дюн до тихоокеанских скал. Российская империя в те годы занимала большую часть Европейского континента, но две трети страны было расположено в Азии — лишь четвертая часть её границ приходилась на экономически развитые европейские страны — Швецию, Германию и Австро-Венгрию. И это при том, что 82% населения России проживало в европейских губерниях²². Таким образом, исторически сложилось одно из самых видимых противоречий состояния страны — демографической ситуацией и географическим положением. России ещё только предстояло во всех отношениях освоить свои огромные восточные окраины, что было чревато неизбежными политическими, экономическими и социальными издержками.

Отмена крепостного права в России и последовавшая за тем эпоха великих реформ во многих сферах общественной и экономической жизни страны ознаменовали собой начало нового периода в истории крупнейшего государства мира. Буржуазно-капиталистические отношения, много десятилетий исподволь вызревавшие в недрах феодализма, получили теперь несравненно более широкий простор для своего роста и дальнейшего интенсивного развития.

Но и после великих реформ 1860—1870 годов сохранились значительные пережитки крепостничества, наложившие свой отпечаток на общественно-экономическое развитие Российской империи в последующие десятилетия. Наиболее вопиющие пережитки феодализма сохранялись в аграрной сфере.

---

²² Россия в начале XX века. М., 2002. С. 20.

Это имело особо важное значение, если принять во внимание социальный состав Российской империи — 86,6% из 125,7 млн человек её населения жило в сельской местности, в то время как лишь 13,4% были жителями городов. При этом в стране с великой культурой к началу XX века было только 21,1% грамотных граждан, а в деревне три четверти жителей не могли ни читать ни писать — это был самый низкий показатель во всей Европе. Следует при этом отметить, что наиболее высокая грамотность населения наблюдалась на западе Европейской России, а чем дальше на восток, тем более безграмотно было её население²³. Меньше всего грамотных было среди инородцев.

На рубеже XIX—XX веков Россия оставалась страной крупнейшего в мире помещичьего землевладения. Например, по данным земельной переписи 1877 года, в руках дворян находилось 73 млн десятин — более трёх четвертей всей частновладельческой земли; большая и лучшая часть этой земли была собственностью немногочисленной группы владельцев крупных имений — латифундий. Более того, около 30 млн десятин земли принадлежало всего лишь одной тысяче земельных магнатов, что было ярчайшим свидетельством сохранения в стране пережитков феодализма. И это при том, что Россия к началу XX века продолжала оставаться преимущественно аграрной страной, а это значит, что от такого положения дел страдало большинство населения.

Господство дворянского землевладения сочеталось с острейшим малоземельем крестьян, не получивших никакой компенсации при освобождении и придавленных тяжестью выкупных платежей и налогов. Крестьяне находились в экономической зависимости от помещиков, которые широко применяли кабальные, полукрепостнические формы эксплуатации. В качестве платы за арендуемый у помещика клочок земли, за полученные в ссуду хлеб или деньги крестьянин обрабатывал господскую пашню с мощью своего примитивного инвентаря и истощённого рабочего скота. Эта система, известная под названием «отработок», являлась, по существу, скрытой барщиной. К концу 80-х годов XIX века отработочная система преобладала в 17 из 43 губерний Европейской России, особенно в её черноземном центре, густо заселённом и наиболее освоенном земледельцами.

Крепостнические пережитки подрывали производительные силы крестьянского хозяйства. Урожайность крестьянских полей оставалась крайне низкой, неудивительно поэтому, что неурожаи были в этих условиях хроническим явлением. С конца 70-х годов XIX века Россия вступила в полосу затяжного аграрного кризиса, который основной своей тяжестью лег на плечи крестьян, вынужден-

---

²³ Россия в начале XX века. С. 23.

ных, для того, чтобы расплатиться с помещиком и казной за кредиты, продавать хлеб на рынке по заведомо убыточным ценам. Одновременно увеличились размеры отработок, ухудшились условия аренды²⁴.

Таким образом, в начале XX в. российскую деревню, как и века назад, опутывал целый ряд пережитков, которые вызывали резкие противоречия между основной массой крестьянства и помещиками, между жителями села и государством. Это положение усугублялось тем, что на рубеже XIX—XX веков в стране происходил настоящий демографический взрыв, Россия стояла на первом месте по уровню рождаемости, была одной из самых молодых стран мира. Взрыв этот происходил исключительно за счёт жителей деревни, и, таким образом, в стране постоянно увеличивалось число изгоев и парий, коими в России всегда было безграмотное и забитое крестьянство. Так возникала основа для будущих социально-экономических катаклизмов в стране.

И всё же остатки крепостничества могли только отсрочить проникновение новых капиталистических отношений в сельское хозяйство. Даже в латифундиях кабальная аренда и отработки на большей части земли нередко сочетались с устройством на остальной земле рационального, предпринимательского хозяйства. Нередко помещики открывали в своих имениях винокуренные, консервные, сахарные и другие заводы, приобретали современные сельскохозяйственные машины, привлекали наёмных рабочих — батраков.

На рубеже веков в российской деревне шёл процесс «вымывания» среднего крестьянства — выделялись немногочисленная прослойка сельской буржуазии и масса пролетаризирующей бедноты, фактически сельскохозяйственных рабочих с земельным наделом. Уравнилельное общинное землепользование с периодическими переделами наделной земли прикрывало растущее неравенство внутри общины. Бедняки всё чаще забрасывали свои наделы, сдавали их в аренду своим более удачливым соседям-крестьянам, а те увеличивали свои земли с помощью покупок и аренды у крупного землевладельца-помещика. Уже в 80-х годах XIX века относительно зажиточные хозяева, составлявшие примерно пятую часть крестьянского населения, сосредоточили по разным губерниям от 34 до 50% всей находившейся в пользовании крестьян земли, тогда как бедняки, составлявшие половину населения деревни, имели от 19 до 32% земли.

Закономерный, хотя и болезненный, процесс социальной дифференциации деревни и разложения старого, патриархального кре-

---

²⁴ Подробнее см.: Анфимов М. А. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX — начало XX в. М., 1969.

стьянства далеко не сразу приобрел в России отчетливые формы, но он составлял наиболее глубокую основу для роста капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Расслоение крестьянства самым непосредственным образом способствовало расширению внутреннего рынка. Зажиточные крестьяне реализовали на рынке товарную часть сельскохозяйственной продукции, приобретая взамен как предметы личного потребления, так и средства производства — улучшенные орудия, машины, удобрения и т. п. Бедняки, которых не могло прокормить их малопродуктивное полунатуральное хозяйство, тоже обращались к рынку, продавая свою рабочую силу.

В целом сельское хозяйство России на рубеже XIX—XX веков всё более приобретало торгово-предпринимательский характер. Рост промышленности и городов повышал спрос на сельскохозяйственные продукты. Углублявшаяся в связи с железнодорожным строительством специализация экономических районов в свою очередь содействовала повышению товарности земледелия и скотоводства. В Европейской России посевы зерновых хлебов и картофеля за сорок пореформенных лет увеличились к началу XX века почти в полтора раза, а чистый сбор — в два с половиной раза. Особенно быстро росло производство льна, сахарной свеклы и других культур, служивших сырьем для промышленности. Как бы то ни было, но к началу XX века по объёму валовой хлебной промышленности и по производству зерна на душу населения Россия вышла на одно из первых мест в мире, хотя это и происходило за счёт экстенсивных методов хозяйствования и распашки новых пахотных площадей.

Великие реформы способствовали заселению южных губерний — Херсонской, Таврической, Екатеринославской, составлявших в прошлом вместе с Бессарабией так называемую Новороссию, степных районов Заволжья и Приуралья (Самарская, Саратовская, Оренбургская губернии), а позже и степного Предкавказья, началось освоение свободных земель Забайкалья и Дальнего Востока. Только с 1863 по 1897 год население всей Европейской России увеличилось на 53%, а южных и юго-восточных районов — на 92%.

Широкие масштабы крестьянской колонизации, благоприятные природные условия, близость черноморских и азовских портов, возникновение новых промышленных очагов и установление железнодорожного сообщения с центром империи — всё это способствовало распашке целинных степей Причерноморья, Заволжья и развитию торгового земледелия. Аграрный кризис, сильнее всего поразивший центральные губернии с их пережитками феодализма в деревне, ускорил перемещение главного центра производства зерна на юг и юго-восток. Процесс разложения крестьянства происходил здесь особенно интенсивно. Сельская буржуазия в этих регионах оттеснила на второй план дворян-помещиков.

Сопоставление особенностей развития сельского хозяйства в центральных районах Российской империи, с одной стороны, и южных и юго-восточных — с другой, позволяет говорить о том, что здесь наиболее наглядно проявляются два основных типа аграрной эволюции, происходящей в стране: в первом случае это медленное и крайне болезненное перерастание помещичьих барщинных хозяйств в капиталистические, сопровождаемое разорением массы крестьян, их переселением в города и постепенным ростом зажиточных производителей продукции, а во втором случае — быстрое развитие земледельческого капитализма, наименее отягощенного остатками крепостничества.

Рубеж веков для России был периодом капиталистической индустриализации страны. Крупная машинная индустрия в те годы одержала решающую победу над мелким производством и мануфактурой. Техника производства в ведущих отраслях промышленности совершенствовалась быстрыми темпами. Существенное значение имело при этом то, что Россия, вступив позднее развитых европейских стран на путь капитализма и промышленной индустриализации, могла использовать уже имевшийся немалый технический опыт и организационные формы промышленно-капиталистического развития своих соседей.

Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса было внедрение в промышленность паровых машин. Так, если в 1875—1878 годах на фабрично-заводских и горных предприятиях Европейской России работали паровые котлы и машины мощностью около 100 тыс. л. с., то к началу 90-х годов их мощность выросла уже до 256,5 тыс. л. с., увеличившись за шестнадцать лет в два с половиной раза.

Тогда же в хлопчатобумажной промышленности фабрика окончательно оттесняет капиталистическую мануфактуру и тесно связанную с ней раздаточную систему, а также мелкие крестьянские промыслы. К началу XX века машины полностью заменили ручной труд в суконной, пищевкусовой и в других отраслях промышленности. В металлургии вместо отсталого способа производства железа пришли новые, намного более продуктивные, быстро стало развиваться сталелитейное производство, основанное на применении сначала бессемеровских, а затем и мартеновских печей.

Таким образом, в течение двух-трёх десятилетий после падения крепостного права в России завершился промышленный переворот, начавшийся еще в дореформенный период.

Главными центрами развивавшейся в России промышленности были Петербург и Москва. При этом Петербург выдвигался по преимуществу как центр машиностроения, а Москва и окружающий её промышленный район оставались главным очагом текстильной промышленности.

В первые годы после реформы серьезные затруднения пережила горно-металлургическая индустрия Урала, основанная в прошлом на принудительном труде подневольных рабочих. Тысячи рабочих, освобожденных от крепостной зависимости, покинули заводы. Только спустя десять лет уральская металлургия достигла уровня 1860 года. Однако и в дальнейшем промышленность этого региона развивалась крайне медленно.

С другой стороны, с 70-х годов XIX века на юге страны начал формироваться новый район горной и металлургической промышленности. Сооружение двух железнодорожных магистралей, связавших Москву с Ростовом-на-Дону, дало выход к донецкому углю и значительно повысило спрос на него. В районе Донецкого кряжа стали один за другим возникать новые рудники. После того как в конце 80-х годов угольный Донбасс был соединён железной дорогой с районом Кривого Рога, где находились большие запасы богатой железом руды, начался особенно быстрый подъем южной металлургии. На полпути между Донбассом и Криворожем возник новый металлургический район с центром в Екатеринославе. Молодая южная металлургия, не знавшая феодальных традиций и отличавшаяся более высоким техническим уровнем, стала быстро обгонять старый Урал.

Почти совершенно новой отраслью экономики России явилась нефтяная индустрия. В дореформенный период добыча нефти была ничтожной, спрос на неё невелик. Развитию нефтяной промышленности в районе Баку мешало существование откупной системы — сдача нефтяных колодцев на откуп на определённый срок. С отменой в 1872 году этой системы и с переходом к сдаче нефтеносных участков с торгов в долгосрочную аренду вокруг Баку стали расти леса вышек, и вблизи от старого города возник новый с десятками нефтеперегонных заводов. За двадцать лет — с 1870 по 1890 год — добыча нефти здесь выросла в 140 раз — с 1,7 млн до 242 млн пудов. Выдающиеся открытия и изобретения русских ученых и инженеров расширили возможность применения нефтепродуктов в качестве топлива, смазочных масел и обеспечили бакинской нефти выход на мировые рынки. Уже к концу XIX века Россия выдвинулась на первое место в мире по добыче нефти, опередив США.

Развитию промышленного капитализма в значительной мере способствовало железнодорожное строительство. В 1860 году Россия имела всего 1,5 тыс. км железных дорог, а в 1892 г. — уже 31,2 тыс. километров. Железные дороги связывали земледельческие районы с промышленными, окраины с центром, ускоряя процесс общественного разделения труда и рост всероссийского рынка. Вместе с тем железные дороги, являясь крупными потребителями угля и металла, машин и механизмов, содействовали подъему тяжелой промышленности.

После великих реформ Россия вступила в полосу ускоренного учредительства предприятий, банков, акционерных обществ. Большая часть акционерных капиталов была вложена при этом не в промышленность, а в торговые предприятия, банковское дело и особенно железнодорожное строительство. Правда, во время кризиса 1873—1875 годов многие из этих акционерных компаний, возникших в обстановке биржевого ажиотажа, обанкротились.

Наступивший после кризиса подъем промышленности оказался кратковременным и сменился ещё более сильным кризисом 1882—1886 годов. Только с 1887 года вновь обозначилось некоторое экономическое оживление, но в 1890—1891 годах ряд отраслей промышленности опять переживал состояние застоя. Выходу из кризиса и из депрессии мешали узость внутреннего рынка, переплетение промышленного кризиса с затянувшимся до середины 90-х годов финансовым, сохранение устаревших способов и форм организации производства.

Только в 1892—1893 годах в Российской империи начался новый промышленный подъем — самый значительный за весь период рубежа веков. Строительство Сибирской магистрали, ряда других железных дорог, рост судостроения, более широкое использование машин и сельскохозяйственных орудий в помещичьих и крестьянских хозяйствах, собственные потребности промышленности вызвали усиленный спрос на металл, уголь, нефть, паровозы, машины. Рост производства, особенно в отраслях тяжелой индустрии, происходил не столько путем расширения старых предприятий, сколько за счёт строительства новых, главным образом в недавно освоенных районах. К концу XIX века южная металлургия давала более половины всей выплавки чугуна, Донбасс — свыше двух третей общероссийской добычи угля; вся добыча нефти в стране была сосредоточена в Баку.

В конце XIX — начале XX века в стране быстро росли города: только с начала 60-х до конца 90-х годов позапрошлого века городское население России увеличилось вдвое. Крупные города отличались наибольшей концентрацией предприятий и рабочих. Население Петербурга достигло к 1897 году 1,2 млн человек, свыше 40% которых составляли рабочие и их семьи, население Москвы превысило один миллион. Значительно увеличилось население Одессы, Киева, Риги, Варшавы, Лодзи, Баку²⁵. Многие промышленные поселки близ крупных городов превратились в новые индустриальные центры, примеры чему Орехово-Зуево под Москвой, Юзовка в Донбассе, Нижний Тагил на Урале. Однако процесс роста жителей городов шёл за счёт миллионов крестьян, которых из деревни выталкивала крайняя нужда, безземелье и полная беспросветность. Следствием этого, помимо роста числа городских жителей, стало превращение городов в носителей деревенской культуры, традиций, менталитета и быта.

---

²⁵ Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 440.

Миграционные процессы в Российской империи на рубеже веков шли не только из города в деревню, но и запада на восток. Например, что касается Сибири, то русское население за последнюю треть XIX века там удвоилось. С постройкой Сибирской железнодорожной магистрали, проложенной к 1897 году до Иркутска, приток переселенцев в Сибирь ещё больше увеличился²⁶. Сибирь стала поставлять в Европейскую Россию хлеб, мясо, шерсть, масло, предъявляя растущий спрос на промышленные изделия. Развивались и быстро росли новые города — Новониколаевск, Омск, Томск, в регионе увеличилась добыча золота, угля и руд.

Рост крупной индустрии стимулировал развитие банковского кредита. Коммерческие банки стали охотнее вкладывать средства в промышленность, началось сращивание банковского капитала с промышленным. Особенно увеличились в 90-х годах иностранные капиталовложения в промышленность России: в 1890 году иностранный капитал составлял примерно одну четверть, а к 1900 году — свыше 40% всех акционерных капиталов. В российской экономике тех лет преобладали французские и бельгийские капиталы, а германские были оттеснены с первого места, которое они занимали в 80-х годах, на третье²⁷.

Иностранные промышленники и финансисты не только приобретали акции русских предприятий, но и сами основывали в России заводы и фабрики. Английские, французские и бельгийские капиталисты заняли ключевые позиции в горно-металлургической индустрии юга России, английский капитал обосновался и в нефтяном Баку. Приток иностранных капиталов несомненно способствовал ускорению темпов развития промышленности нашей страны.

Новые отрасли капиталистической промышленности, отличающиеся высокой концентрацией производства и капиталов, явились и очагом первых монополий в России. Еще в начале 80-х годов появились картельные соглашения между владельцами крупных рельсопрокатных и мостостроительных заводов. В 1887 году возник синдикат сахарозаводчиков, охвативший к началу 90-х годов почти девять десятых всех предприятий этой отрасли. Синдикат керосиновозаводчиков, организовавшийся в 1893—1894 годах, контролировал фактически всю нефтедобычу Бакинского района. Однако эти ранние монополии были неустойчивы и быстро распадались.

Наряду с крупной машинной индустрией сохраняло своё значение, а местами значительно выросло мелкое товарное производство. Огромные пространства и неравномерность экономического развития способствовали этому. Если в одних районах крупная про-

---

²⁶ Тихонов Б. В. Переселения России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 53.

²⁷ Подробнее см.: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970.

мышленность вытесняла и поглощала мелкую, то в других районах, особенно в отсталых отраслях промышленности, развитие капитализма проявлялось лишь в его начальных формах.

Таким образом, начало XX века Россия встретила на путях бурного индустриального развития, и за десятилетие к 1900 году объём промышленного производства в стране удвоился, а по протяженности железных дорог страна вышла на первое место в мире. Достаточно высокие показатели были и в других отраслях промышленности. Однако приходится констатировать, что несмотря на весьма высокие темпы индустриального развития, Россия, всё ещё отягощенная крепостническими пережитками, продолжала отставать от развитых европейских стран и США как по абсолютному объёму производства, так в еще большей степени по размерам производства на душу населения.

Пожалуй, нигде более в Европе не проявились столь ярко, как в России, социальные контрасты: города с огромными современными фабриками, электростанциями, большими и красивыми зданиями соседствовали с маленькими глухими деревнями, обитатели которых ходили в лаптях и домотканой одежде, пахали прадедовской сохой и убирали урожай серпом. Огромные естественные ресурсы страны, особенно в Сибири, продолжали оставаться практически неиспользованными. Даже в наиболее развитых отраслях промышленности передовая для того времени техника сочеталась с широким использованием дешевого ручного труда. Выдающиеся достижения русской научно-технической мысли, получившие широчайшее мировое признание, во многих случаях оставались невостребованными на родине.

Аграрный характер экономики определял и место России в мировом хозяйстве. В страну импортировались машины, готовые изделия и металлы. Вывозила же Россия прежде всего хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. К концу XIX века страна была крупнейшей житницей Европы, являясь также крупным поставщиком леса, льна, пеньки и других видов сырья.

Развитие капитализма в России конца XIX — начала XX века характеризовалось двумя тесно связанными между собой процессами: дальнейшим ростом сложившихся уже капиталистических отношений и распространением их на новые территории, то есть развитием капитализма вглубь и вширь.

Оба эти процесса проявлялись и в экономике национальных районов: первый — сильнее всего на западных окраинах, прежде всего в Прибалтике и Польше, второй — на Кавказе и в Средней Азии.

Королевство Польское принадлежало к экономически наиболее развитым частям Российской империи. Относительно быстрому росту капитализма способствовала здесь аграрная реформа, прове-

денная в период восстания 1863—1864 годов. Существенным моментом являлось также отсутствие общины в польской деревне, а потому расслоение крестьянства здесь шло интенсивно.

Одним из главных центров земледельческого капитализма в пореформенной России стала Прибалтика. Для аграрного строя Эстонии и Латвии были характерны огромные земельные имения немецких остзейских баронов, массовое обезземеливание крестьян, быстрый рост зажиточных крестьянских хозяйств. Последние скупали землю у крестьян, а также у помещиков, которые распродавали часть своих имений в целях мобилизации средств для вложения в предпринимательское хозяйство с животноводческим направлением.

Промышленность Прибалтики развивалась как составная часть общероссийской капиталистической системы в непосредственной связи с ростом петербургского промышленного района. Наиболее быстро росла капиталистическая промышленность в Латвии, особенно после упразднения в 1877 году цехового устройства. В Риге и некоторых других городах строились металлообрабатывающие, вагоностроительные, химические предприятия со значительным участием иностранного, главным образом германского, капитала; росла текстильная промышленность. Крупные прибалтийские города, связанные с внутренними районами развитой железнодорожной сетью, являлись одновременно портами, имевшими большое значение во внешней торговле России.

Для восточных окраин Российской империи определяющим моментом было переплетение развивающегося капитализма с сохранившимися громадную силу феодальными и патриархальными отношениями. Прогрессивный процесс втягивания этих районов и областей в общероссийское, а тем самым и мировое товарно-капиталистическое хозяйство принимал особенно мучительные, уродливые формы.

Закавказье все более превращалось в рынок сбыта и сырьевую базу для российской капиталистической промышленности. Этому способствовало сооружение в 70—80-х годах Закавказской железной дороги, соединённой в начале XX века с железнодорожной сетью России.

Русских и иностранных капиталистов привлекали богатейшие месторождения в Баку и на Северном Кавказе, залежи медной руды в Армении, марганца в Грузии. Но возникшие в этот период индустриальные центры почти не были связаны с местным рынком, а были, по существу, промышленными оазисами в крае, где преобладало примитивное сельское хозяйство. Аграрные реформы в Закавказье сохранили пережитки феодализма в ещё большей степени, чем во внутренних губерниях России.

Что же касается Средней Азии, то она стала новым рынком сбыта и хлопковой базой текстильной промышленности. За последние

15 лет XIX века плотность хлопковых плантаций, главным образом в Узбекистане, расширилась с 41 тыс. до 356 тыс. десятин, а вывоз хлопка в центр России достиг к 1900 году почти 5 млн пудов. Русские текстильные фирмы и банки здесь занимались скупкой хлопка. Включение Средней Азии в общероссийскую капиталистическую систему и, в частности, строительство железных дорог способствовали разрушению старых, натуральных форм хозяйства, вызреванию капиталистических отношений, росту городов.

Вообще, для понимания облика России в начале XX века важное значение имеет её национальный состав. Многонациональность России придавала империи её специфические черты — 140 различных народов проживало в начале XX века в Российской империи, подавляющую часть из которых составляли славяне — русские, поляки, украинцы и белорусы. 70% населения страны были православными, 8,9% — католиками и 8,7% — мусульманами²⁸. Конечно, наиболее комфортно в стране чувствовали себя православные, но до поры до времени царским властям удавалось проводить довольно взвешенную и толерантную политику в сфере национальных и конфессиональных взаимоотношений. Однако в условиях пробуждения мощного общественного движения на национальных окраинах империи, запоздалых попыток некоторых национальных элит вернуть или сформировать заново собственную государственность, по разным причинам не состоявшуюся или утерянную в прежние времена, политика центрального правительства стала делать всё больший крен в сторону великодержавного шовинизма. Но надо отметить, что и великодержавные, и националистические тенденции в самом начале XX века в Российской империи носили сугубо верхушечный характер и не затрагивали основной части населения.

Под влиянием быстро развивающегося капитализма произошли значительные изменения в социальной структуре русского общества. Дворянство хотя и продолжало оставаться господствующим классом, но оно уже не было столь однородным, как прежде, и в экономическом, и в политическом отношении. Многие помещики не сумели приспособиться к новым условиям, быстро прожили выкупные суммы, распродали или заложили свои земли и усадьбы. С 1877 по 1905 год площадь дворянского землевладения сократилась на 25%; особенно быстро этот процесс развивался во время аграрного кризиса конца XIX века. Одновременно росли помещичьи хозяйства капиталистического типа и сохраняли своё доминирующее положение в центральных районах полукрепостнические латифундии. Крупные землевладельцы являлись наиболее реакционной силой, именно из их среды выходили крупнейшие представители царской администрации.

---

²⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 2—19.

Помещики нового, капиталистического типа представляли значительно менее влиятельную в политическом отношении группу. Их опорой были созданные великими реформами земства, функции которых ограничивались вопросами местного благоустройства, здравоохранения и просвещения. Дворяне-земцы играли ведущую роль в либерально-оппозиционном движении, пытаясь способствовать дальнейшему развитию демократических реформ и создания представительных учреждений.

Русская буржуазия начала складываться ещё в крепостную эпоху, но в пореформенные десятилетия этот процесс ускорился. Вчерашние купцы, откупщики, хлеботорговцы, разбогатевшие деревенские кулаки и ростовщики превращаются в железнодорожных, промышленных, банковских воротил. Экономической силе торгово-промышленной буржуазии не соответствовали её слабый политический вес и отсутствие какой-либо организации. Возникшие в 60—70-х годах общества и съезды промышленников (Совет съезда горнопромышленников юга России, Постоянная совещательная контора железозаводчиков, Совет съезда бакинских нефтепромышленников и т. п.) представляли только узкие интересы отдельных групп и слоёв крупной буржуазии.

В свою очередь царизм вынужден был учитывать во все большей мере потребности капиталистического развития страны. Без крупной промышленности и железных дорог царская Россия не могла сохраниться как великая держава, не могла участвовать в обостряющейся борьбе капиталистических государств за раздел мира. Содержание армии и полицейско-бюрократического аппарата требовало огромных средств. Старые источники доходов, унаследованные от крепостного времени, приходилось дополнять новыми. Быстро росли косвенные налоги — акцизы на сахар, табак, керосин, связанные с развитием промышленности. Однако этот рост налогов, разорявший широкие массы населения, не поспевал за непрерывным увеличением расходов. Выход искали во внешних займах. Задолженность России её иностранным кредиторам выросла с 537 млн руб. в 1861 году до 3966 млн руб. в 1900 году. Царизм всё больше зависел от европейских бирж: в 60—70-х годах — главным образом берлинской, а с середины 80-х годов — парижской, значение которой для России быстро возрастало по мере ухудшения русско-немецких отношений²⁹. Превращение Франции в банкира царизма ускорило оформление политического и военного союза двух стран.

На рубеже веков царизму во всё большей степени приходилось считаться с объективными требованиями экономического развития страны. Направляя львиную долю денежных ресурсов России на во-

---

²⁹ См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997.

енные и административные расходы и субсидирование помещиков (для чего в 80-х годах был учреждён, в частности, специальный Дворянский банк), царское правительство стремилось одновременно расширить промышленное развитие страны с помощью иностранных капиталов. Это была одна из основ финансово-экономической политики пореформенной монархии, с особенной настойчивостью проводившейся в жизнь министром финансов С. Ю. Витте. Интересам русского и обосновавшегося в России иностранного капитала отвечали введение высоких таможенных пошлин, денежная реформа 90-х годов — то есть переход к золотому обращению, экспортные премии, государственные гарантии доходов частных железнодорожных обществ, щедро оплачивавшиеся казенные заказы и т. д.

Важнейшим явлением социальной жизни России тех лет было формирование и рост нового класса — промышленного пролетариата.

Ещё при проведении реформы 1861 года подверглись обезземеливанию, по крайней мере, 4 млн крестьян. В дальнейшем неуклонно росло число безлошадных дворов, семей, лишенных собственного инвентаря и вовсе забросивших хозяйство. Миллионы крестьян вынуждены были уходить из деревни в города в поисках заработка. Отчасти они поглощались капитализирующимся сельским хозяйством в качестве батраков. В 80-х годах XIX века в Европейской России насчитывалось не менее 3,5 млн сельскохозяйственных рабочих. Но в большинстве случаев резерв рабочей силы, накапливавшийся в результате пролетаризации деревни, направлялся в промышленность. В состав пролетариата влилась и значительная часть рабочих дореформенного периода, разорившихся кустарей, ремесленников и выходцев из городской мелкой буржуазии.

Формирование промышленного пролетариата в России происходило в обстановке быстрого развития машинной индустрии. В связи с этим и концентрация рабочих на крупных и крупнейших предприятиях в России была выше, чем в ряде старых капиталистических стран Европы. К 1890 году три четверти всех рабочих, занятых в фабрично-заводской и горной промышленности России, были сосредоточены на предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина — на предприятиях с числом рабочих 500 и больше. В горнозаводской промышленности крупнейшие предприятия с числом рабочих свыше 1000 человек составляли 10% всех промышленных предприятий России, но сосредоточивали 46% общего числа рабочих. Переход от мануфактуры к фабрике явился, таким образом, важным рубежом в складывании пролетариата и старый мануфактурный рабочий сменялся потомственным пролетарием, для которого единственным источником существования становилась продажа рабочей силы.

В металлообрабатывающей, машиностроительной промышленности уже в 80-х годах абсолютное большинство рабочих составля-

ли пролетарии. Однако этот процесс задерживался сохранением остатков крепостничества. Характерная особенность капиталистического развития России — быстрый рост фабричных центров, расположенных в сельских местностях, ближе к источникам дешевой рабочей силы, — также затрудняла разрыв связи с землей даже у кадровых рабочих прежде всего в таких отраслях, как текстильная, обработка сельскохозяйственного сырья.

К 1900 году в стране насчитывалось уже 12,1 млн наёмных рабочих, в процентном отношении они составляли цифру 13,5%, но с каждым годом они представляли собой всё более весомую силу.

Положение рабочего в России было тяжёлым. Никаких законодательных ограничений рабочего дня не существовало, пока в 90-х годах рабочие своей борьбой не принудили к этому царизм. В 80-х годах рабочий день измерялся, как правило, 12—14 часами тяжелого труда, а во многих случаях превышал и 14 часов. На сибирских золотых приисках, на плантациях сахарных заводов он продолжался «от утренней зари до вечерней». Женщины и дети работали столько же, сколько мужчины. Реальный заработок рабочих был значительно меньше номинального: предприниматели заставляли покупать продукты в фабричной лавке по грабительским ценам, взыскивали высокую плату за место в тесных и грязных бараках, взимали штрафы, доходившие подчас до половины заработка³⁰. Любое проявление недовольства рабочих невыносимыми условиями труда и быта представители царской администрации расценивали как бунт.

В начале XX века в России созрели предпосылки народной революции. Противоречия, обусловленные пореформенным развитием России, достигли к этому времени особой остроты, а экономический кризис 1900—1903 годов потряс всю систему российского хозяйства.

Кризис начался в лёгкой промышленности, но с наибольшей силой он поразил новые отрасли тяжелой индустрии. Бездействовало около половины домен и до 45% всех нефтяных скважин. Особенно резко сократилось производство рельсов, паровозов, вагонов. Лишь в начале 1904 года в ряде отраслей промышленности появились первые признаки оживления, не перешедшего, однако, в общий подъем.

Кризис сопровождался массовой безработицей, ухудшением условий труда, разорением множества мелких и средних предпринимателей. Одновременно усилилась концентрация производства, увеличилась мощь крупных и крупнейших предприятий, поддерживаемых банками — иностранными и русскими.

Характерной чертой этого периода является возникновение монополистических объединений преимущественно в форме синди-

---

³⁰ Шацилло К. Ф. Первая русская революция в России. 1905—1907. М., 1985. С. 18.

катов. Число монополий в начале XX века было невелико — около тридцати, но они утвердились в главных отраслях промышленности и постепенно овладели важнейшими источниками сырья и топлива. Таковы были «Продамет» — объединение южных металлургических заводов, «Продуголь», в состав которого вошли крупнейшие угольные предприятия Донбасса, «Продвагон», паровозостроительный синдикат, и другие. В нефтяной промышленности господствовало несколько фирм — Нобеля, Ротшильда, Манташева, связанных между собой, а также с другими международными монополиями соглашениями о разделе внутренних и внешних рынков.

Необходимо отметить, что негативные последствия, связанные с сохранением в начале XX века в России практически единственной в Европе, за исключением Черногории, неограниченной самодержавной монархии, оказывали самое негативное влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику империи.

Так, накануне войны с Японией в окружении самодержца усилились позиции сторонников твердой в отношении Токио линии, причём на первый план выступили лица явно авантюристического склада. В отечественную историю они вошли под названием «безобразовская клика» или «шайка» по имени некоего отставного ротмистра Кавалергардского полка А. М. Безобразова, который мнил себя крупным политиком и стратегом и сочинял эффектные, но оторванные от реальности планы действий по защите интересов России на Дальнем Востоке. Вокруг Безобразова собралась группа дельцов из числа предпринимателей, военных, представителей высшей аристократии. На безобразовских проектах они рассчитывали сделать себе карьеру и состояние.

Покровительство министра двора И. И. Воронцова-Дашкова и великого князя Александра Михайловича открыло Безобразову доступ к царю. В более позднее время немалую помощь оказал Безобразову авторитетный в глазах Николая II министр внутренних дел В. К. Плеве. Он надеялся, что громкие внешнеполитические успехи — «маленькая и победоносная война», отвлекут страну от внутренних трудностей и ослабят революционное движение.

Безобразов и его сподвижники — контр-адмирал А. М. Абаза, военный агент в Пекине генерал-майор К. И. Вогак, бывший поверенный в делах в Корее Н. Г. Матюнин, помещик и предприниматель В. М. Вонлярлярский — предлагали не только не идти на уступки японцам и западным державам на Дальнем Востоке, но и расширить здесь сферу влияния России.

При финансовой и политической поддержке правительства «безобразовцы» намеревались учредить частные акционерные общества для получения концессий в Корее. Таким способом они надеялись восстановить позиции России на Корейском полуострове, а затем и вообще вытеснить оттуда японцев. Особое значение «безоб-

разовцы» придавали лесным концессиям вдоль реки Ялу. Им отводилась роль опорного пункта, прикрывающего подступы к Порт-Артуру с востока. Под видом лесорубов и охраны предполагалось направлять на Ялу солдат.

С экономической точки зрения эти проекты вызывали большие сомнения. Что же касается политических последствий, то затеи «безобразовцев» в случае их поддержки государством означали резкое обострение русско-японских отношений. Такой поворот событий сторонников Безобразова не пугал. Они были уверены в превосходстве русской армии над японской, а главное, считали, что Япония никогда не осмелится воевать, если не дать ей повода усомниться в могуществе России.

Оппонентами «безобразовцев» выступали Витте, министр иностранных дел Ламздорф и отчасти Куропаткин. Главы финансового и внешнеполитического ведомств призывали продолжать вывод войск и переговоры с Китаем. Куропаткин требовал установить военный и политический контроль России над севером Маньчжурии, но совместно с Витте и Ламздорфом высказывался против активных действий в Корее. Однако усилия министров оказались напрасны.

К середине 1903 года «безобразовцы» окончательно взяли верх в окружении царя. Витте получил отставку, а Безобразов стал статс-секретарем. Его сторонник адмирал Е. И. Алексеев был назначен наместником на Дальнем Востоке с широкими полномочиями по управлению краем, командованию войсками и флотом. Наместник получил право самостоятельно вести дипломатические сношения с Китаем, Японией и Кореей. Тем самым дальневосточное направление фактически изымалось из ведения министерства иностранных дел.

«Новый курс», одобренный Николаем II, предусматривал отказ от договора 1902 года, если Китай немедленно не примет меры по «закрытию» Маньчжурии для всех иностранных держав, кроме России. Эвакуация была остановлена, более того, русские войска вернулись в некоторые районы. Продолжалось и покровительство лесным предприятиям на реке Ялу.

Таким образом, переплетение нарождавшегося монополистического капитализма с многочисленными пережитками крепостничества, с полицейским произволом и деспотизмом самодержавия составляло главную особенность общественного строя России начала XX века. Сохранение вопиющих пережитков феодализма в сельском хозяйстве, архаичное государственное устройство, нерешённость многих социальных проблем, недостаточно высокий по сравнению с другими развитыми странами уровень экономического развития самым негативным образом сказались на подготовке Российской империи к русско-японской войне и в конечном счёте на её результате.

Япония после революции Мэйдзи: становление великой державы

Буржуазная революция 1867—1868 годов, или, как её называют историки, «Рестаурация Мэйдзи», открыла новую историческую полосу в жизни Японии. Сильные феодальные пережитки в этой стране еще сохранились, однако ликвидация феодальной раздробленности, уничтожение крупного феодального землевладения, упразднение сословного неравенства, легализация сделок на землю, политика поощрения предпринимательства создавали необходимые условия для сравнительно быстрого развития капиталистических отношений в Стране восходящего солнца.

Наиболее важные из буржуазных преобразований коснулись аграрных отношений. Крупное феодальное землевладение было упразднено раньше всего, но типично компромиссным путем. Земельные владения феодальной знати государство выкупило на исключительно выгодных для неё условиях: для бывших землевладельцев устанавливалась высокая пожизненная пенсия — до 10% условного валового дохода. В стране была успешно проведена и административная реформа: прежние удельные княжества были реорганизованы в провинции, непосредственно подчиненные центральной власти.

В начале 1872 года был легализован принцип частной собственности на землю: разрешена купля-продажа земли и проведена поземельная перепись, в ходе которой землю передавали в собственность её фактическим владельцам, получавшим от властей соответствующий документ. Проведение аграрной реформы в немалой степени вызывалось крестьянскими волнениями, не прекратившимися и после событий 1867—1868 годов. Но реформа призвана была удовлетворить прежде всего деревенскую верхушку, то есть богатых крестьян, купцов и ростовщиков, в руки которых фактически уже ранее перешла значительная часть земли на основе нелегальных сделок, осуществлённых под видом аренды или «дарения». Речь шла теперь о легализации этой частной земельной собственности.

Юридически всех крестьян, в том числе и держателей мельчайших земельных участков, на которые поделили землю, ранее принадлежавшую феодальным магнатам, японское правительство объявило собственниками. Однако эти карликовые крестьянские хозяйства были отягощены задолженностью, на них также ложилось бремя вновь введенного высокого денежного поземельного налога. Таким образом, обрабатываемая земля переходила в руки помещиков и богатых крестьян, а вчерашние крестьяне-собственники превращались в бесправных арендаторов.

Как и в России, этот мучительный процесс, происходивший в

японской деревне, видоизменял аграрные отношения, приспособляя их к потребностям интенсивно развивавшихся и побеждавших капиталистических отношений.

В своих реформах японские правящие круги пошли, однако, намного дальше своих российских коллег. Так, в 1872 году в Японии была провозглашена ликвидация сословных привилегий, всем гражданам разрешалось свободно передвигаться по всей стране и выезжать за границу. Были сняты и другие рогатки, препятствовавшие свободной предпринимательской деятельности.

Эти, по своей сути, буржуазно-демократические преобразования самым серьёзным образом затронули в прошлом наиболее привилегированное сословие военного дворянства Японии — самураев. Если крупные феодальные землевладельцы — князья получили щедрую денежную компенсацию за отказ от своих феодальных прав в пользу императора, то положение рядового самурая в целом ухудшилось. Часть самураев закрепилась в государственном аппарате, пополнив ряды чиновников, они по-прежнему составляли костяк офицерства и в армии. Некоторые самураи превратились в помещиков, но значительная часть осталась без какого-либо устойчивого источника доходов и не могла приспособиться к новым условиям денежного хозяйства. Беспокойные и тщеславные самураи, строго придерживающиеся своего особого кодекса поведения, не желали примириться с утратой своего привилегированного положения.

В 70-х годах XIX века в стране произошел ряд серьёзных самурайских мятежей, участники которых добивались восстановления прежних феодальных порядков, и в частности таких специальных самурайских привилегий, как право носить оружие. Введение всеобщей воинской повинности окончательно подорвало монополию самураев на военное дело; резкое сокращение государственных пенсий, выплачиваемых самураям, вызвало среди них особое возмущение. К этому присоединялось недовольство «слабой», то есть недостаточно агрессивной, по их мнению, внешней политикой японского правительства, не сулившей в ближайшем будущем никаких завоевательных походов, которые дали бы самураям возможность выдвинуться и обогатиться.

Недовольных возглавил военный министр Сайго Такамори. Он резко критиковал внешнюю политику правительства и требовал, чтобы Япония «показала себя». Сайго, в частности, настаивал на развязывании войны для завоевания Кореи. Подобного рода авантюристические настроения самурайской оппозиции не разделялись в те годы большинством правящих кругов. Принятие откровенно агрессивного внешнеполитического курса грозило отсталой, слабой в экономическом и в военном отношениях Японии опасными последствиями. Поэтому представленным в правительстве сторонникам военных авантур во главе с Сайго не удалось побороть сопро-

тивление более осторожных элементов, группировавшихся вокруг Окубо Тосимити. Окубо, как и Сайго, принадлежал самурайству. Однако Окубо был лидером наиболее обуржуазившихся слоев феодального дворянства, вся деятельность которых направлялась на поиски компромисса с целью проведения относительно либерального внутривнутриполитического курса и скорейшей модернизации Японии.

Тем не менее японское правительство решило предпринять сравнительно небольшую по масштабам захватническую экспедицию на китайский остров Тайвань, что явилось своеобразной уступкой сторонникам энергичной завоевательной политики. Экспедиция была призвана сыграть роль предохранительного клапана против возможного самурайского взрыва. Переброшенные в 1874 году на Тайвань японские войска встретили слабое сопротивление со стороны почти безоружного местного населения. Опасаясь осложнений с европейскими державами, Япония вскоре была вынуждена эвакуировать свои войска с Тайваня, выговорив, однако, у правительства Китая денежную «компенсацию».

Тайваньская экспедиция не удовлетворила самураев. В 1877 году вспыхнул новый крупный мятеж на юге Японии — в провинции Сацума. Во главе мятежа стал Сайго. Мятежники осадили гарнизон правительственных войск в городе Кумамото и в течение нескольких месяцев вели упорную вооруженную борьбу с правительством. На карту было поставлено сохранение проводимых реформ, но осенью 1877 года правительству удалось справиться с мятежом, а Сайго покончил жизнь самоубийством. Впрочем, отношение правящих кругов к этому мятежу и к самому Сайго было двойственным. Предводитель мятежников не только получил посмертное «прощение», но был канонизирован как «идеальный самурай»; в столице Японии Токио даже был сооружен памятник Сайго.

Как бы то ни было, но подавление самурайского мятежа укрепило в правящих кругах Японии позиции поборников буржуазных реформ.

80-е годы ознаменовались серьёзными сдвигами в экономике страны. На смену мануфактуре приходило машинное производство, и при этом государство активно содействовало возникновению крупной промышленности. Правительство вкладывало за счёт налогоплательщиков, главным образом крестьян, значительные средства в строительство новых фабрик и заводов. За время с 1863 по 1880 год оно построило несколько так называемых образцовых предприятий, преимущественно в легкой промышленности, и впоследствии передало их за небольшую компенсацию в руки частных владельцев — прежде всего немногих привилегированных фирм, близких к высшей бюрократии и выступавших нередко в роли правительственных банкиров. Такими, в частности, были фирмы Мицуи и Мицубиси, те самые, которые и сегодня определяют лицо современной индустриальной Японии.

Развитие промышленности в стране, однако, происходило неравномерно. При сравнительно быстром росте текстильного производства металлургия, например, развивалась замедленными темпами. До конца 90-х годов производство чугуна и стали оставалось на крайне низком уровне. В целом в стране всё еще преобладали мелкие и мельчайшие предприятия полукустарного типа. Япония оставалась во многом аграрной страной, сказывалась и острая нехватка сырьевых ресурсов.

Японская монархия тем не менее в конце XIX века целенаправленно проводила политику в интересах ускоренного развития собственных производительных сил. Поощрительная тарифная политика, например, являлась в большой мере результатом прямого давления со стороны промышленников, добивавшихся защиты от иностранной конкуренции: импортные товары всё же находились в выгодном положении благодаря низким таможенным пошлинам, установленным на основе заключенных ранее неравноправных договоров с иностранными державами.

Мероприятия правительства, направленные на то, чтобы преодолеть техническое и военное отставание Японии от передовых капиталистических государств, вполне соответствовали интересам буржуазии. К тому же крупные торговые и промышленные фирмы были связаны теснейшими узами с полуфеодальным государственным аппаратом. По всем этим причинам японская буржуазия активно поддерживала правительственные реформы.

Незавершенность аграрных преобразований препятствовала расширению внутреннего рынка и тем самым тормозила развитие капитализма. Однако предприниматели извлекали выгоду и из феодальных пережитков, используя их для усиления эксплуатации молодого, только ещё формировавшегося рабочего класса. Широко применялась контрактация рабочей силы, когда вербовщики заключали соглашения с крестьянами об «уступке» их детей фабриканту. Эксплуатация дешёвого женского и детского труда принимала огромные размеры. Так, в 1882 году в стране насчитывалось немногим более 50 тыс. промышленных рабочих, среди которых женщины составляли 69%. В 1895 году из общего количества 425 тыс. промышленных рабочих было около 250 тыс. женщин. Средняя продолжительность рабочего дня равнялась 14 часам, однако численность рядов японского пролетариата постоянно росла³¹.

Между японскими помещиками и буржуазией нередко возникали разногласия по различным вопросам внутренней политики. Например, помещики добивались снижения поземельного налога, демагогически выступая в качестве «защитников» крестьянства, а

---

³¹ Гольдберг Д. И. Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868—1908). М., 1976. С. 53.

буржуазия отстаивала высокое поземельное обложение, так как значительная часть государственных поступлений шла на поощрение развития промышленности. Однако эти разногласия имели второстепенное значение — и те и другие проводили политику увеличения косвенных налогов, роль которых в государственном бюджете неуклонно возрастала.

Японские промышленники очень рано начали стремиться к захвату внешних рынков — страна была крайне бедна ресурсами и сырьём. Агрессивные устремления буржуазии находили поддержку со стороны японской монархии. Авантюризм самурайства сохранял исключительную живучесть, ибо питался стремлением японского капитализма к экспансии и поддерживался влиятельными милитаристскими кликами в правительстве.

Характерно, что государственный аппарат японской монархии, в основном унаследованный от феодальных времен, отличался косностью и бюрократизмом. Чиновничество, военщина и полиция обладали огромной властью в стране.

Политические партии, отражавшие интересы оппозиционных кругов помещиков и капиталистов, возникли в Японии 1881—1882 годов и по своей политической окраске они были либеральными. Поводом для критики действий правительства — в особенности со стороны либеральных помещиков — были главным образом высокий поземельный налог, снижавший доходы аграриев, и то, что узкий слой бывшей «клановой» бюрократии фактически монополизировал государственную власть. Резкая критика ими политического режима нередко привлекала к оппозиции широкие круги недовольных. Первая из таких помещичьих партий — «Дзююто» («либеральная партия»), основанная в 1881 году, пользовалась поддержкой и со стороны городских мелкобуржуазных слоев, а также значительной части крестьянства.

Представители либеральной оппозиции в отличие от помещиков требовали от правительства проведения конкретных мер, направленных на ускорение темпов развития промышленности. Главное внимание уделялось таким вопросам, как скорейший пересмотр неравноправных договоров, поощрение экспорта и активная внешняя политика. Либерально-буржуазная партия «Кайсинто» («партия реформ»), основанная в 1882 году, была более осторожна в своих выступлениях против правительства, чем «Дзююто». Это объяснялось тесной связью вождей «Кайсинто» с высшей бюрократией.

В 80-х годах в Японии началось широкое буржуазно-демократическое движение за предоставление политических прав широким массам населения, получившее название «движение за народные права». Будучи разнородным в социальном отношении, оно включало в себя как оппозиционные партии имущих классов, так и представителей народных низов и носило боевой характер, временами

принимая весьма бурные формы. Участники движения, особенно из среды передовой интеллигенции, выдвигали демократические, антифеодальные лозунги, встречавшие сочувственный отклик крестьянства. Вожди оппозиционных партий «Дзюто» и «Кайсинто» стремились ограничиться давлением на правительство, с тем чтобы побудить его ввести конституцию. Они всячески тормозили политическую активность народных масс. Однако «движение за народные права» нередко выходило из рамок, установленных для него официальными руководителями, и переплеталось с борьбой крестьянства против пережитков феодализма в деревне.

«Движение за народные права» продолжалось около 10 лет. Оно показало, что в стране обостряются классовые противоречия, и серьёзно беспокоило господствующие классы. Правящие круги были особенно встревожены размахом движения, обозначившейся активностью его левого крыла. Усилились политические репрессии. Однако некоторые видные руководители правительства считали целесообразным сделать следующий шаг по пути превращения абсолютной монархии в конституционную и согласиться на установление парламентаризма. В 1881 году правительство официально дало обещание созвать через 10 лет парламент. Десятилетний подготовительный период был использован, в частности, для тщательного изучения конституционной политики в европейских странах и в Соединённых Штатах Америки. В конце концов правящими кругами было признано, что наиболее подходящим для японских условий образцом представительного строя может служить прусско-германская система, введенная Бисмарком. Она и была положена в основу японской конституции, дарованной императором в 1889 году. Таким образом, политический строй конституционной Японской империи в значительно большей мере соответствовал современному этапу развития страны, нежели неограниченное самодержавие в России.

Тем не менее японская конституция 1889 года сохраняла и ограждала огромную власть императора. Согласно конституции, императору принадлежало право утверждения и опубликования законов, созыва и роспуска парламента, назначения и смещения всех гражданских и военных чинов, объявления войны и заключения мира. Император являлся верховным главнокомандующим. Специальная глава была посвящена правам и обязанностям подданных империи, а провозглашённые в конституции буржуазные свободы ограничивал ряд оговорок. Конституция устанавливала ответственность министров только перед императором, право парламента осуществлять контроль над государственными финансами было относительным: правительство могло утвердить бюджет и в том случае, если он не получил одобрения парламента.

В верхнюю палату парламента входили принцы, высшая титулованная знать и персонально назначавшиеся императором предста-

вители богатых слоев. Нижняя палата избиралась на основе высокого возрастного и имущественного ценза, при этом женщины вовсе не имели избирательных прав.

Японская конституция в целом носила достаточно ограниченный характер и не оправдала надежд многих участников «движения за народные права». Однако ещё в результате полицейских репрессий 1887 года оппозиция была резко ослаблена, а официальное руководство политических партий «Дзидзюто» и «Кайсинто» приспособилось к обстоятельствам. Либеральные вожди оппозиции удовлетворялись предоставленными им ограниченными парламентскими возможностями и стали усиленно рекламировать конституцию.

В условиях японского полуфеодалного государственного строя конституция 1889 года была значительным событием и имела некоторое прогрессивное значение, открывая возможность гласного обсуждения правительственной политики.

Первые годы существования парламента отмечены шумными столкновениями либеральной оппозиции с правительством. Оппозиция высказывала возмущение бюрократическим произволом властей и осуждала непроизводительные расходы, в особенности на расширение армии и флота. В ответ на резкие выступления депутатов правительство систематически прибегало к досрочному роспуску парламента: так случилось в 1891, 1893 и 1894 годах. Однако каждые выборы давали большинство сторонникам оппозиции. Бесплодными оказывались и усилия правительства, старавшегося с помощью подкупа расколоть оппозицию.

Развитие внешнеполитических событий показало вскоре, что нападки либеральной оппозиции на правительство по поводу проводимого им милитаристского курса носили демагогический характер. Внешнеполитическая экспансия Японии, отвечавшая интересам влиятельных капиталистических кругов, по существу, ликвидировала либеральную оппозицию в парламенте, укрепила союз помещиков и молодой буржуазии, ещё теснее связала их с монархией. Агрессивность внешней политики Японии усиливала территориальная близость слабых во всех отношениях феодальных Кореи и Китая — именно на эти страны были устремлены внешнеполитические амбиции Страны восходящего солнца.

Сильный толчок экономическому развитию Японии дали результаты японо-китайской войны. Кроме того, накануне её японскому правительству удалось добиться частичного пересмотра неравноправных договоров, в частности отмены экстерриториальности иностранцев. С 1899 года были сняты наиболее стеснительные для Японии ограничения таможенной автономии. Хотя полная ликвидация неравноправных договоров тогда не была ещё достигнута и завершилась лишь в 1911 году, основные требования япон-

ской буржуазии об устранении внешних рогаток, препятствовавших более успешному экономическому развитию страны, получили удовлетворение.

В 90-х годах XIX века в Японии появились первые монополистические объединения. Процесс концентрации производства и централизации капитала был ускорен тем, что крупнейшие промышленные компании и банки развивались на базе нескольких старинных торговых домов, существовавших ещё в феодальную эпоху. Война 1894—1895 годов явилась важным фактором укрепления позиций крупных фирм, особенно близких к правительству, — всё тех же Мицуби, Мицубиси, Сумитомо. Например, если в 1893 году капитал японских акционерных компаний составлял 108,2 млн иен, то в 1896 году он вырос почти вдвое — до 189,3 миллиона. За те же три года количество банков в стране увеличилось — со 135 до 1197, а их капитал вырос с 62,9 млн иен до 211 миллионов.

Таким образом, хотя накануне войны с Россией Япония ещё не вошла, как сейчас, в число наиболее экономически развитых и процветающих стран мира, по тем меркам это была вполне современная динамично развивающаяся страна, по многим параметрам опередившая Российскую империю.

Вооруженные силы Российской империи на рубеже XIX—XX веков

Качественные изменения в сфере внешней и внутренней политики развитых европейских государств во второй половине XIX века, в особенности технический прогресс в сфере вооружения и переход к активной колониальной политике, вынудили многие страны перейти к формированию на основе всеобщей воинской повинности многомиллионных армий. В стороне от этого процесса не стояла и Россия. Общая численность российской армии на 1 января 1904 года составляла 1135 тыс. человек. Ещё около 3,5 млн человек насчитывалось в запасе и ополчении.

Основным видом стрелкового вооружения в русской армии были 7,62-мм магазинные винтовки образца 1891 года конструкции С. И. Мосина, скорострельные 76-мм полевые пушки образца 1900 и 1902 годов. По своим боевым и техническим качествам они не только не уступали заграничным аналогам, но и превосходили их³².

Тем не менее общая слабая материально-экономическая база страны и техническая отсталость России и её военного производства тормозили процесс производства новых современных видов вооружения. Так, к началу 1904 года полевая артиллерия была перевооружена лишь на треть, по той же самой причине вооружён-

---

³² История русско-японской войны 1904—1905 гг. М., 1977. С. 66.

ные силы России не имели горной, гаубичной и тяжёлой артиллерии новых образцов. Более того, в начале XX века российская армия стояла на последнем месте в Европе по степени оснащённости войск полевой артиллерией. Если на пехотный батальон во французской армии приходилось 4,22 орудия, в германской — 3,01, в австро-венгерской — 2,85, то в русской — 2,52 орудия³³. Современное автоматическое оружие — пулеметы в нашей армии начали появляться только после того, как в 1902 году у английской фирмы «Виккерс» было закуплено право на их изготовление на русских заводах и к началу русско-японской войны их счёт шёл на штуки.

Техническая отсталость российской военной промышленности сказывалась на обеспечении армии боеприпасами, а также другими видами военного снаряжения и вооружения. Патронные заводы всей страны могли дать в год не более 150 патронов на винтовку, и, таким образом, к началу русско-японской войны недостаток патронов составил 28 млн. На складах и в войсках, вместо установленной нормы 840 патронов на винтовку, имелось лишь по 400. В стране совершенно не производилась телефонная и телеграфная аппаратура, что отрицательно повлияло на организацию связи в ходе военных действий. Явно недостаточно было в армии оптических приборов: биноклей, стереотруб, дальномеров. Всё это крайне негативно отразилось на исходе русско-японской войны.

Однако, несмотря на слабость военно-экономического развития, организационная структура русской армии в целом удовлетворяла уровню требований своего времени. Накануне русско-японской войны в состав сухопутной армии входили пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные войска, местные войска, иррегулярные части и государственное ополчение. Высшим тактическим соединением русской армии являлся корпус.

Отсталая социальная система Российской самодержавной империи оставила свой след на облике армии, которая была зеркальным отражением всего российского общества. 90% нижних чинов были выходцами из крестьян, рабочих и ремесленников. При этом, по данным на 1900 год, на каждые 1000 новобранцев приходился 521 неграмотный (в Германии эта цифра составляла 0,06 человека, Швеции — 0,8, Великобритании — 10 человек, во Франции — 40)³⁴. Это крайне негативно сказывалось на военной подготовке и обучении русских войск.

В комплектовании русской армии офицерским составом продолжал господствовать сословный принцип, который ещё более укрепился в конце XIX века. На 15 мая 1895 года офицеры из потомственных дворян в частях составляли 50,8%. Наиболее высокий про-

³³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 356.

³⁴ Россия в начале XX века. С. 34.

цент офицеров из потомственных дворян был в гвардейской кавалерии, в то время как в армейской пехоте их насчитывалось лишь 39,6%. Офицеры Генерального штаба также являлись в основном потомственными дворянами. 85,4% генерал-майоров Генерального штаба и 74,2% полковников составляли выходцы из дворян³⁵.

Главную роль в обучении солдат играли унтер-офицерские кадры. Их подготовка велась через полковые учебные команды, которые создавались непосредственно при частях со сроком обучения 2 года для пехоты и кавалерии и 1—3 года для артиллерии и инженерных войск. Для привлечения на сверхсрочную службу предоставлялись определенные льготы. В целях увеличения в армии численности унтер-офицерского состава в 1890 году для сверхсрочников этой категории были введены оклады с процентной надбавкой, единовременное пособие и пенсии за выслугу лет. Для унтер-офицеров, готовившихся к сдаче экзаменов на офицерский чин, при полках создавались школы. Однако эти меры не ликвидировали острой нехватки унтер-офицерских кадров³⁶.

Плохо обстояло дело и с комплектованием армии офицерским составом. В 1902 году некомплект офицеров по штатам мирного времени составил 994 человека в пехоте и 331 в артиллерии. Для укомплектования войск по штату военного времени требовалось ещё 40 тыс. человек, а в запасе их было только 13 тыс³⁷.

Подготовка кадровых офицеров низшего и среднего звена велась через юнкерские и военные училища. Подготовка выпускников училищ могла считаться достаточной лишь для исполнения младших офицерских должностей в звене взвод — рота, но слабой для занятия более высоких должностей. В военные училища поступали в основном дети дворян, окончившие военные гимназии и кадетские корпуса. Обучение здесь продолжалось два года. Училища готовили пехотных и кавалерийских офицеров среднего звена, а лучшие выпускники направлялись в артиллерийские и инженерные войска. В 1902 году юнкерские училища страны выпустили 1173 человека, военные — 1468 человек.

Нерешённой оставалась и проблема укомплектования русской армии офицерами с высшим образованием, хотя подготовка их велась в четырех академиях: Академии Генерального штаба, Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской и Александровской военно-юридической. Всего офицеров, обучавшихся в высших учебных заведениях в 1903—1904 годах, было менее 2% от общего числа офицеров и генералов, состоявших на действительной

---

³⁵ Зайончковский П. А. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX веков // История СССР. 1972. № 1. С. 148.

³⁶ История русско-японской войны 1904—1905 гг. М., 1977. С. 68—69.

³⁷ История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. С. 16.

службе. На май 1902 года в армии числилось 2668 полковников, из них только меньше трети (29%) имели высшее образование. Даже генералов с высшим образованием было чуть больше половины — 57,1%³⁸.

Высший офицерский корпус из-за замедленного чинопроизводства был немолодым. Средний возраст генералов составлял 69,8 года и колебался от 55 до 92 лет. Более 78,3% всех начальников дивизий были старше 56 лет, а 34,8% — старше 61 года. 50% командиров армейских корпусов имели возраст от 61 года до 65 лет. Офицеры, как правило, получали полк после 46 лет.

Всё это имело крайне негативные последствия для русской армии как в период русско-японской, так и Первой мировой войн: новая военная техника неизбежно вызывала серьёзные изменения в организации армии и способах ведения войны, в вопросах управления войсками на театре военных действий, в тактическом, оперативном и стратегическом руководстве. Однако многие военачальники не постигли до конца сути назревавших изменений, были к ним не готовы и продолжали придерживаться устаревших взглядов на характер ведения современной войны.

Таким образом, боевая подготовка русской армии в начале XX века все более отставала от развития военного искусства. В этом в значительной мере была повинна русская военная наука, которая медленно перестраивалась в соответствии с новыми требованиями военной практики. В тактических приемах русская пехота, например, придерживалась устаревшего способа действий сомкнутыми массами, что было возможно лишь в условиях гладкоствольного оружия, но никак не автоматического, самоокапыванием в бою пренебрегали, а значение маскировки и прикрытие к местности недооценивались. Бессистемность, отрыв теории от практики отрицательно сказывались на боевой подготовке армии.

Всё это позволяет прийти к печальному выводу о том, что организация, комплектование, вооружение и боевая подготовка российских войск отставали от требований военного искусства начала XX века.

Кроме того, в России к началу русско-японской войны так и не имелось единой военной доктрины. Опасаясь войны с Германией и Австро-Венгрией, от которых можно было ожидать удара по важнейшим политическим и экономическим центрам государства, царское правительство основную массу своей сухопутной армии держало в европейской части страны — у западной, юго-западной границ и на Кавказе, а военно-морские силы наращивались прежде всего на Балтике. Обороне же дальневосточных границ до конца XIX века

---

³⁸Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881—1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1971. № 8. С. 42—43.

внимания почти не уделялось: наблюдение за побережьем Тихого океана в Приморье в 1885 году вели 2 батальона пехоты и казачья сотня, обеспеченные 2 артиллерийскими батареями.

В 1885 году после обострения противоречий с Англией в Средней Азии военным ведомством был поднят вопрос об увеличении русских войск на Дальнем Востоке. Поскольку Англия в случае войны с Россией могла здесь совершить высадку своих войск, командовавший Приамурским военным округом генерал А. Н. Корф разработал план мероприятий по укреплению безопасности дальневосточных границ России. Однако этот план реализован так и не был: в столице считали, что на Дальнем Востоке «всего более следует уповать на стойкость наших войск, которым выпадает славная доля показать миру, что русский дух и русская отвага равно сильны как в сердце самой России, так и на далеком востоке Азии»³⁹.

Японо-китайская война 1894—1895 годов показала необходимость принятия конкретных мер по усилению вооружённых сил России на Дальнем Востоке в связи с появлением здесь нового «игрока» и конкурента — Японской империи. К этому времени здесь дислоцировалось 30,5 батальона и 5 рот пехоты, 33 сотни кавалерии и 74 орудия (всего 30,5 тыс. человек), что было явно недостаточно.

Высшее военное командование, несмотря на победу Японии в войне с Китаем, явно недооценивало военную мощь Страны восходящего солнца. Русский военный агент в Японии подполковник Генерального штаба Г. Ванновский, например, давал японской армии в 1900 году следующую оценку: «...Японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства... Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав». А военный министр генерал А. Н. Куропаткин после инспекторской поездки на Дальний Восток тоже считал положение там вполне благоприятным и в июле 1903 году докладывал царю: «Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию». Такого же мнения придерживался и наместник Дальнего Востока адмирал Е. И. Алексеев, который заявил, что «мы ничего не упустили для достижения этой цели».

Не желая отправлять кадровые части из Центральной России и тем самым оголять западный фланг, военное министерство начало проводить усиление войск Дальнего Востока за счёт переформирования войск Приамурского военного округа и призыва на службу запасников. В результате этих мероприятий к началу русско-япон-

---

³⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. СПб., 1910. С. 280.

ской войны в составе Приамурского военного округа и Квантунского укрепленного района насчитывалось 68 пехотных батальонов, 35 сотен и эскадронов кавалерии, 13 инженерных рот, крепостной пехотный батальон, 5 крепостных инженерных рот, 4,5 батальона крепостной артиллерии. Они имели на вооружении 120 полевых, 16 горных и 12 конных орудий. При 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригаде была сформирована опытная пехотная пулеметная рота, вооруженная 8 пулеметами системы «максим».

Эти войска, разбросанные на больших пространствах, дислоцировались следующим образом: в Квантунском укрепленном районе — 20,5 пехотного батальона, 6 сотен кавалерии, 3 инженерные роты, 24 полевых орудия, 2 батальона крепостной артиллерии; в Приамурском военном округе и в крепости Владивосток — 16 батальонов, 6 сотен кавалерии, крепостной пехотный батальон, 5 инженерных рот, 24 полевых орудия, 8 горных орудий, 2,5 батальона крепостной артиллерии; в Северной Маньчжурии — 8 батальонов, 11 сотен кавалерии, инженерная рота, 8 горных орудий, 6 конных орудий; в районе предполагаемого сосредоточения главных сил (Ляоян, Хайчен, Шахэ) — всего 7,5 батальона пехоты, 6 сотен кавалерии, инженерная рота, 16 полевых и 6 конных орудий. В Южную Маньчжурию перевозилось 16 батальонов, 6 эскадронов, 3 инженерные роты, 56 полевых орудий.

Ни количество войск (98 тыс. человек регулярной армии и 24 тыс. человек охранной стражи), ни качество их подготовки не соответствовали времени. Организация войск также оставляла желать лучшего.

В конце 1903 года была предпринята попытка увеличить численность артиллерии на Дальнем Востоке. Однако к началу войны эти мероприятия оказались незавершенными: недостающие 19 батарей прибыли в августе 1904 года. Из тяжелой артиллерии на вооружении дальневосточных войск находилась лишь устаревшая 152-мм полевая мортира образца 1887 года, имевшая незначительную скорострельность и малую дальность стрельбы.

Конницу на Дальнем Востоке представлял только один регулярный Приморский драгунский шестизэскадронный полк. Этот полк совместно с 1-м Нерчинским казачьим полком и Уссурийским казачьим дивизионом составлял Уссурийскую конную бригаду. Всего же к началу русско-японской войны на службе в казачьих войсках находилось около 5 тыс. человек.

Экономическая слабость России, недостаточное внимание укреплению дальневосточных рубежей государства не способствовали усилению обороноспособности этого края. Сооружение крепости Порт-Артур — главного опорного пункта царизма на Ляодунском полуострове, не только не было завершено к началу войны, но даже и не планировалось на эти годы. Только в 1900 году окончательно был утверждён проект, составленный военным инженером полковником К. И. Величко.

По этому проекту оборона крепости делилась на две части: приморскую и сухопутную. На приморском 9-километровом фронте намечалось построить 27 батарей долговременного типа, а на сухопутном фронте создать 2 оборонительные линии. Внешняя оборонительная линия протяженностью около 24 км должна была включить 8 фортов, 9 укреплений, 6 долговременных батарей и 4 редута. Внутренняя оборонительная линия протяженностью около 7 км включала 4 редута. Постройку крепости планировалось завершить в 1909 году, выделив на её вооружение 552 орудия и 48 пулеметов⁴⁰.

Строительство крепости велось чрезвычайно низкими темпами. К началу войны на приморском фронте было возведено 9 батарей долговременного типа и 12 временных батарей, а на сухопутном фронте дело обстояло хуже: здесь в готовности находились форт, 3 временных укрепления и 3 литерные батареи, в стадии сооружения — 3 форта, укрепление и литерная батарея. Строившиеся и уже построенные сооружения были рассчитаны на снаряды и бомбы калибром не более 230 мм, тогда как у японцев имелись на вооружении 280-мм мортиры.

Так же вяло велись работы по усилению обороноспособности крепости Владивосток. Главная сухопутная оборонительная линия, проходившая на расстоянии 3—6 км от города, состояла из 4 фортов, 3 временных укреплений, 5 редутов и люнетов и 12 батарей, а в стадии строительства находились 4 батареи. Владивосток располагал 400 орудиями, из которых крепостных было всего 80.

На будущем Дальневосточном (Маньчжурском) театре военных действий никакой инженерной подготовки вообще не велось.

Не смогло царское правительство решить и все проблемы тылового обеспечения. Не учитывая огромной удаленности Дальневосточного театра военных действий от центральных промышленных районов страны, оно не приняло никаких мер к созданию в том районе предприятий военной промышленности, которые смогли бы обеспечивать действующую армию боеприпасами, снаряжением, производить ремонт вооружения. Потребность в военно-промышленной базе в этом регионе обуславливалась и наличием всего одной Сибирской железной дороги, связывавшей Дальний Восток с центром страны. Сибирская железная дорога еще не была достроена и обладала крайне низкой пропускной способностью. Поэтому мобилизацию всех войск, предназначенных для военных действий в Маньчжурии, намечалось провести в три этапа: сначала одновременно мобилизуются войска Приамурского, Сибирского военных

---

⁴⁰ Сорокин А. И. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1956. С. 34; Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. 1. С. 469—479.

округов и Квантунской области, затем — 1-й корпус в Киевском и 27-й корпус в Московском военных округах и в завершение — резервные дивизии в Казанском военном округе⁴¹.

Военный график движения поездов по Сибирской дороге предусматривал прохождение на восточном и западном участках КВЖД — 7, а на южном участке — 12—14 воинских эшелонов в сутки. Однако этот график не мог быть осуществлен из-за недостатка паровозов и вагонов. Например, на трех участках КВЖД вместо требуемых по графику 639 паровозов и 11 694 вагонов имелось на самый канун войны, 21 января 1904 года 8048 товарных вагонов и 236 пассажирских. После того как к февралю 1904 года пропускная способность КВЖД на участке Маньчжурия—Харбин была доведена до 4, а на Сибирской железной дороге до 5 пар поездов в сутки, на сосредоточение большой армии на Дальневосточном театре военных действий требовалось несколько месяцев. Продолжительность следования эшелона с военным грузом из Петербурга до Мукдена доходила до 50 суток, а использование имевшихся водных путей и грунтовых дорог для обеспечения снабжения войск не предусматривалось.

Крайне неудовлетворительно решались вопросы обеспечения армии всем необходимым. На Дальнем Востоке в Приамурском военном округе имелось 24 продовольственных магазина, в Порт-Артуре — 5, в Маньчжурии — 8. Хотя и здесь, вместо того чтобы расположить запасы продовольствия на линии Хайчен—Ляоян—Мукден, где должны были сосредотачиваться и главные силы русской армии, военное ведомство размещало их главным образом в Приамурском округе. В Порт-Артуре люди были обеспечены к началу войны мукой и сухарями на 279, крупую—на 209 и мясными консервами—на 10 дней.

В артиллерийском отношении вопрос решался гораздо хуже. К началу войны в Приамурском военном округе и в Квантунском укрепленном районе находилось лишь 2 артиллерийских склада — в Чите и Хабаровске с отделением в Никольске-Уссурийском. На этих складах имелся запас в 16 скорострельных, 16 горных орудий, 4 полевые мортиры, 50 400 винтовок, 500 револьверов и 1600 шашек.

Количество заготовленных снарядов на скорострельное и горное орудия и на мортиру превышало действовавшие нормы: так, на горное орудие вместо 360 снарядов приходилось 520. В то же время в Порт-Артуре запас снарядов для береговой и полевой артиллерии не был доведен даже до нормы. Береговая артиллерия Порт-Артура не имела бронебойных и фугасных снарядов, необходимых для ведения огня по броненосным кораблям. Запасенные чугунные снаряды оказались малоэффективными, а стрельба ими даже опасной, так как эти снаряды разрывались при вылете из канала ствола ору-

---

⁴¹ История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 78.

дия. К 1 января 1904 года в войсках и на складах Приамурского военного округа имелось 53,5 млн винтовочных патронов. Даже до установленной нормы не хватало 28 млн патронов. Пополнение запаса патронов, как, впрочем, снарядов и артиллерийских орудий, осуществлялось уже в ходе войны.

Таким образом, хотя идея тылового обеспечения и в теоретическом, и в практическом плане осуществлялась, она имела столько пороков в самой своей основе, что в значительной степени способствовала поражению русской армии в войне.

До японо-китайской войны 1894—1895 годов военно-морские силы России на Дальнем Востоке были также незначительными. Эскадра Тихого океана на 1 января 1895 года объединяла 7 крейсеров, 4 морские канонерские лодки, 2 минных крейсера и 3 миноносца. В составе Сибирской флотилии имелись крейсер 2-го ранга, 4 морские канонерские лодки и 4 миноносца.

В связи с резким обострением международных отношений на Дальнем Востоке российскому правительству пришлось срочно усилить свой флот. В ноябре 1895 года на специальном Особом совещании отмечалось, что рост военно-морских сил Японии представляет серьезную угрозу для России и было решено, что «России необходимо теперь же... выработать программу судостроения для Дальнего Востока с таким расчётом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японией наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский»⁴².

Через два года была разработана новая кораблестроительная программа, предусматривавшая постройку судов специально для Дальнего Востока, а в 1898 году она была утверждена Николаем II. Если программа 1895 года предусматривала строительство для Сибирской флотилии 2 канонерских лодок и 8 миноносцев, то новая программа — уже 5 эскадренных броненосцев, 16 различных крейсеров, 30 миноносцев и 4 минных транспортов — заградителей. Рассчитанная на 7 лет, программа должна была быть завершена в 1905 году.

Но увеличение морских сил России на Дальнем Востоке и создание необходимой ремонтной базы на Тихом океане шли медленно. Морское министерство вынуждено было в 1902 году для ремонта вывести из Тихого океана на запад эскадренные броненосцы «Наварин», «Сисой Великий», «Император Николай I», крейсера «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах» и «Адмирал Корнилов». Кроме того, правительство проявило неальтернативность, не купив у Аргентины 2 новейших крейсера. Эти корабли немедленно приобрела Япония.

К моменту нападения японского флота русская эскадра Тихого

---

⁴² История русской армии и флота. Вып. 15. М., 1913. С. 17.

океана на Дальнем Востоке состояла из 7 эскадренных броненосцев, 4 броненосных и 7 легких крейсеров, 37 эскадренных миноносцев и миноносцев и 2 минных заградителей. Хотя в русской эскадре на 1 броненосец было больше, она уступала японскому флоту по крейсерам и легким силам.

На первый взгляд количество вымпелов русской эскадры являло собой довольно внушительную силу. Но это были корабли самых различных типов, построенные по разным кораблестроительным программам, на разных верфях, в том числе и на иностранных. Так, 7 эскадренных броненосцев принадлежали к 4 различным типам, а из 7 легких крейсеров только 2 были однотипными. В состав эскадры вместе с новыми кораблями входили корабли устаревшие, имевшие слабое бронирование и недостаточную скорость хода. Площадь бронирования бортов у русских эскадренных броненосцев была почти в 2 раза меньше, чем у японских (33% против 60%). Тихоходность старых судов отрицательно влияла на боеспособность всей эскадры.

Разные тактико-технические данные в боевых условиях серьёзно затрудняли совместное использование кораблей. Кроме того, русские корабли были слабее противника по артиллерийскому вооружению, а их снаряды имели меньший вес взрывчатого вещества, которое по своим качествам уступало японскому, и на 20% были легче японских — поэтому при стрельбе на большой дистанции они уступали японским снарядам в пробивной силе. Для стрельбы на большие дальности артиллерия русских кораблей не имела оптических прицелов.

Боевая подготовка русской эскадры находилась на невысоком уровне: из 12 месяцев корабли находились в плавании только 4, а остальное время простаивали в вооружённом резерве. Манёвры производились нерегулярно, в небольших масштабах.

Некомплект личного состава и частая смена его, в том числе и командиров, были хроническими. В связи с тем что корабли мало плавали, офицеры слабо знали театр предполагаемых военных действий и не успевали сплаваться в составе эскадры.

Таким образом, российский флот, как и сухопутные войска, оказался плохо подготовленным к ведению боевых действий на Дальнем Востоке.

Армия и флот Японии накануне войны

Подготовка японской армии и флота к войне с Россией началась почти сразу же после заключения Симоносекского мирного договора, который обязал Японию возвратить Китаю Ляодунский полуостров с Порт-Артуром.

Программа усиления японских вооружённых сил была изложена в обстоятельной записке к проекту бюджета на 1897—1898 годы. На уси-

ление сухопутных сил намечалось израсходовать более 80 млн иен, но на 1 января 1903 года для военных целей было затрачено 120 млн иен. Таким образом, расходы на армию и флот за период с 1896 по 1903 год составили более 773 млн иен, в 10 раз превысив расходы за период с 1885 по 1895 год⁴³. По тем временам это были весьма значительные суммы.

Японская военная промышленность развернула массовое производство вооружения и боеприпасов, кроме того, большое количество вооружения закупалось за границей, главным образом в Германии, а из США ввозились запасы стратегического продовольствия и фуража. В торговом флоте, который имел огромное военное значение для островной Японии, к 1901 году насчитывалось 969 пароходов водоизмещением 577 тыс. тонн⁴⁴, с 1894 по 1904 год коммерческий флот страны увеличился более чем в 3 раза. Транспортные средства позволяли теперь Японии за 48 часов осуществить перевозку на Азиатский континент 6 мобилизованных дивизий.

С 1894 по 1904 год японская армия увеличилась почти в 2,5 раза. По темпам роста и по численности она превосходила русскую Дальневосточную армию. Японская армия была вооружена современным оружием: в пехоте на вооружение была принята винтовка образца 1897 года с прицелом 2000 м, она стреляла бездымным порохом и имела магазин на 5 патронов.

Кавалерия и обозные войска были вооружены саблями и магазинными карабинами образца 1897 года. В двух дивизиях на испытании находились пулеметы, их к началу войны в японской армии было 147 — значительно больше, чем в русской.

Японская полевая артиллерия уступала русской артиллерии в скорострельности и дальностью. Стреляла японская артиллерия шрапнелью с предельной установкой дистанционной трубки на 4500 м и гранатами. Русская артиллерия имела для шрапнели дистанционную трубку с установкой на 5500 м.

На вооружении крепостной и осадной артиллерии были новейшие пушки и мортиры различных калибров. Мощным огнем средством показали себя 280-мм мортиры.

В организационном отношении японская армия строилась по образцам европейских армий, главным образом германской. Сухопутные силы Японии делились на постоянную армию, территориальную армию и народное ополчение. Постоянная армия состояла из пехоты, артиллерии, инженерных, обозных и полицейских войск и делилась на войска, расположенные в самой Японии, и на войска острова Формоза (6 отдельных батальонов). Служба в постоянной армии продолжалась 12 лет и 4 месяца.

---

⁴³ История военного искусства: Сборник материалов. Вып. 3. М., 1952. С. 76.

⁴⁴ Виноградский А. Н. История русско-японской войны 1904—1905 гг. Вып. 1. СПб., 1908. С. 8.

На территориальную армию возлагалась оборона собственно японской территории. Служба в территориальной армии продолжалась 5 лет.

Нижние чины, числившиеся в запасе, дважды за время нахождения в запасе призывались на учебные сборы сроком от 60 до 150 дней. Все способные носить оружие мужчины в возрасте от 17 до 40 лет, но не проходившие службу в постоянной и территориальной армиях, составляли народное ополчение, которое предназначалось для вспомогательных целей.

Высшим тактическим соединением японской армии являлась дивизия. Она включала все 3 рода оружия и состояла из 2 пехотных бригад, полка конницы и полка артиллерии. Однако организация артиллерии японской армии была более целесообразна, чем русской. Японская артиллерия имела на вооружении полевую, горную и тяжёлую артиллерию; она делилась на дивизионную и армейскую. 37% батарей имели на вооружении горные орудия.

Японская армия комплектовалась на основе воинской повинности и по территориальной системе. Вся империя была разделена по числу армейских дивизий постоянной армии на 12 дивизионных округов, которые, в свою очередь, подразделялись на 2 бригадных участка. Бригадный участок делился на 2 полковых. Каждый полковой участок комплектовал пехотный полк постоянной армии, 13 запасных батальонов и пехотный полк территориальной армии.

В 1902 году в японскую армию из почти 430 тыс. человек, подлежащих призыву, в армию, на флот и в рекрутский резерв было зачислено 190 тыс. человек, или 44%. Из числа подлежащих призыву оказалось грамотных 57%, малограмотных 20% и совсем неграмотных 23%, то есть уровень грамотности здесь был выше, чем в русской армии.

Японская армия ощущала острый недостаток в унтер-офицерах и особенно в офицерских кадрах. Постоянная армия пополнялась унтер-офицерским составом за счет лиц, окончивших курс полковых учебных команд, рядовых и ефрейторов хорошего поведения, если они прослужили не менее 2 лет в строю и дали обязательство остаться на сверхсрочной службе. Унтер-офицеры служили на год больше, чем солдаты.

Офицерский корпус страны комплектовался преимущественно из самураев. На 1 июля 1903 года в японской армии числился на действительной службе 8791 офицер, в запасе около 6 тыс., в территориальной армии 3 тыс., а всего — 17 581 офицер.

Военная подготовка в японской армии проходила по уставу, пронизанному наступательным духом. Японская пехота обладала высокой тактической выучкой, а все части были полностью обеспечены средствами связи. Японский солдат был физически крепок и вынослив, воспитан на беспрекословном выполнении всех требова-

ний командования. Пропаганда превосходства всего японского и суровая дисциплина обеспечивали высокую боеспособность японских вооруженных сил.

В целом по уровню боевой подготовки японская армия превосходила русскую, однако тактика японской армии стояла на невысоком уровне. Оперативно-тактическая подготовка штабов и войск в японской армии находилась всецело под влиянием германской военной доктрины, а присутствие в японской армии в течение долгих лет германских инструкторов наложило отпечаток на характер ведения операций. Так, японское командование стремилось к тщательной и методичной подготовке операций и ведению их в наступательном духе.

Близость театра военных действий, наличие большого количества транспортных средств и знание удобных пунктов для десантирования создавали японской армии благоприятные условия для активных наступательных действий в Корее и Маньчжурии. К тому же Япония приступила к развертыванию постоянной армии по штатам военного времени ещё до объявления войны. Формирование резервных, запасных и территориальных войск также началось накануне войны. Наличие большого числа морских портов позволило Японии обеспечить скрытность сосредоточения войск и транспортных судов при посадке и тем самым ввести противника в заблуждение о времени и районах высадки войск.

Одновременно с подготовкой сухопутной армии началось усиленное строительство военного флота. В Токио была разработана кораблестроительная программа сроком на 7 лет, при этом слабость отечественной судостроительной промышленности заставила японское правительство заказать новые корабли за границей, прежде всего в Англии. Вследствие этого противник России смог существенно увеличить число своих эскадренных броненосцев, крейсеров и миноносцев.

Когда в Стране восходящего солнца узнали, что Россия тоже намерена увеличить свою эскадру на Дальнем Востоке, первая кораблестроительная программа была признана недостаточной. В 1896 году была разработана вторая кораблестроительная программа, предусматривавшая форсированное строительство японского флота и портов, на что отпусалось 118 млн иен. Хотя программа была рассчитана на 9 лет — по 1905 год включительно, основные капиталовложения должны были быть сделаны в первые годы. Поэтому завершить её можно было уже к 1902—1903 годам. Кроме того, в подготовке к войне с Россией Японии существенно помогли США и Англия, не желавшие усиления России на Дальнем Востоке.

Увеличивая флот, японское командование придавало большое значение подготовке командных кадров. При этом довольно широко практиковалась посылка офицеров за границу, в том числе в Гер-

манию. Рядовой состав комплектовать было нетрудно, так как благодаря развитому торговому мореплаванию и морским промыслам флот пополнялся за счет уже в некоторой степени подготовленных моряков.

В предвоенные годы значительная часть военного бюджета Японии (более 30%) шла на нужды флота. Всего на армию и флот с 1896 по 1903 год Япония израсходовала 773 млн иен.

Определенные цели, стоявшие перед японским флотом, требовали его реорганизации. Все боеспособные корабли были сведены в Соединённый флот. Командование поручено вице-адмиралу Х. Того, получившему опыт боевых действий на море во время японо-китайской войны. Соединённый флот делился на три боевые эскадры: первой командовал Того, второй — вице-адмирал Х. Камимура. Составленные из современных боевых кораблей различных классов: эскадренные броненосцы, крейсера и миноносцы — первая и вторая эскадры предназначались непосредственно для борьбы с русским флотом на Тихом океане. На третью эскадру под командованием вице-адмирала С. Катаоки, состоявшую из старых кораблей, возлагались охрана Корейского пролива и непосредственное конвоирование транспортов с войсками.

Эскадры, в свою очередь, делились на боевые отряды. В составе первой эскадры, в которую входили 1-й и 3-й боевые отряды, насчитывалось 6 эскадренных броненосцев, 4 легких крейсера, 19 миноносцев и посыльное судно. Вторая эскадра, состоявшая из 2-го и 3-го боевых отрядов, имела 6 броненосных крейсеров, 4 легких крейсера, 16 миноносцев и 18 различных вспомогательных кораблей. В составе третьей эскадры находились броненосец, 3 старых броненосных крейсера, 4 легких крейсера, более 20 канонерских лодок и миноносцев. Боевые корабли, входившие во вторую и первую эскадры, отличались однотипностью, имели хороший эскадренный ход и современное вооружение.

Таким образом, Россия и Япония, почти одновременно проводившие подготовку к войне, к началу боевых действий пришли с разными результатами. Япония смогла быстрее усилить и лучше подготовить свой флот, раньше провести мобилизацию, поэтому инициатива в ведении боевых действий, в том числе и на море, оказалась в руках японского командования.

Генштабы разрабатывают планы

Генеральный штаб русской армии до самой войны с Японией не имел разработанного плана войны на Дальнем Востоке — вопросами военного планирования на случай войны занимались в штабе Приамурского военного округа. Первый вариант плана войны с Японией был разработан в 1895 году, когда возникла гипотети-

ческая угроза нападения японских войск из Маньчжурии на Южно-Уссурийский край. План предусматривал осуществление мероприятий по защите этого региона.

В конце 1898 года был разработан новый вариант плана войны с Японией, так как после постройки КВЖД и занятия Квантунской области с Порт-Артуром для России на Дальнем Востоке создалась новая стратегическая обстановка. План предусматривал оборону Южно-Уссурийского края и крепости Порт-Артур. При этом задача русских войск на Дальнем Востоке состояла лишь в том, чтобы замедлить наступление неприятельских войск до прибытия главных резервов из центра России. Из района сосредоточения, т. е. Средней Сунгари, войска могли быть направлены или на выручку Порт-Артура, или в Корею.

Таким образом, войскам отводилась пассивно-оборонительная роль, а боевые операции сухопутных войск в обоих планах рассматривались отдельно от операций флота.

После оккупации русскими войсками Маньчжурии в 1900 году и перебазирования в 1901 году Тихоокеанской эскадры из Владивостока в Порт-Артур был разработан новый вариант плана боевых действий против Японии. Он состоял из четырех разделов: общие основания для действий русских войск в случае разрыва с Японией; первоначальное распределение войск по отрядам; распоряжение об объединении власти над войсками в Приамурском округе и в Маньчжурии; наименование частей, которые должны быть посланы из Центральной России и Сибирского округа на Дальний Восток.

В общих основаниях для действий против Японии, которые были утверждены Николаем II в августе 1901 года, боевые действия русской армии на Дальнем Востоке должны были развиваться в зависимости от действий противника: если японцы ограничатся только оккупацией Кореи, то русские войска не будут вести никаких боевых действий против японцев; в случае наступления японцев Южно-Уссурийскому и Квантунскому отрядам, опирающимся на крепости Владивосток и Порт-Артур, надлежало осуществить оборону русских дальневосточных владений. Остальные войска, сосредоточенные в районе Мукден—Ляоян—Хайчен, не принимая решающих сражений, должны постепенно отходить к Харбину, по возможности сдерживая наступление противника. Если выяснится, что главной целью японского наступления являются русские войска в Маньчжурии, то Южно-Уссурийскому отряду из района Владивостока предстояло передислоцироваться в Маньчжурию.

Таким образом, в отличие от плана 1898 года, план 1901 года предусматривал перенос района сосредоточения Маньчжурской армии от Сунгари к югу — в район Мукден—Ляоян—Хайчен и переброску войск Южно-Уссурийского отряда из района Владивостока в Маньчжурию, а также перевод военной эскадры в Порт-Артур.

Однако, как и в предыдущем плане, переход в наступление русских войск предусматривался лишь после того, как на Дальнем Востоке будет создано численное превосходство русской армии над японской, и поэтому русское командование планировало перебросить из Центральной России дополнительно на Дальний Восток 2 армейских корпуса и 4 резервные дивизии. Предполагалось, что только к концу седьмого месяца с прибытием указанных резервов будет создан на Дальнем Востоке достаточный перевес в силах: против 138 японских батальонов Россия сможет выставить 184 и при таком соотношении развернуть наступление своих войск и нанести решительное поражение Японии.

При составлении плана 1901 года авторы исходили из того, что главные операции японцев будут развёрнуты в Южной Маньчжурии, наиболее вероятным местом высадки японского десанта будет Корея, а русский флот не сможет помешать свободной высадке десанта. Основная идея плана заключалась в том, чтобы удержать Владивосток и Порт-Артур и сдержать наступление противника до прибытия подкреплений.

Что касается острова Сахалин, то в штабе Приамурского военного округа первоначально считали даже целесообразным «отказаться от обороны Сахалина и не только не увеличивать число войск, там расположенных, но, напротив того, уменьшить их до последней возможности». В дальнейшем решено было защищать остров силами 4 местных команд, сосредоточив 3 команды общей численностью 1162 человека в посту Александровском на северной половине острова и команду в количестве 331 человека в посту Корсаковском на юге.

Одновременно с разработкой плана войны в штабе Приамурского военного округа подобная же работа велась в штабе войск Квантунской области. Здесь, как и в Хабаровске, считали, что главный удар японцев обрушится на Южную Маньчжурию, в частности на Ляодун, и что главные силы русской армии не должны вступать в решающие бои с превосходящими силами врага. Их задача на первом этапе войны состояла в том, чтобы по возможности сдерживать и замедлять наступление японских войск.

Для противодействия вторжению японцев в Маньчжурию и их операциям против Порт-Артура с Ляодунского полуострова намечалось войска, расположенные в Квантунской области, разделить на две группы. Одна группа предназначалась для операции вне области, другая для её защиты, начиная с Цзиньчжоуской позиции. Обеим группам войск предписывалось удержать Квантунскую область, сосредоточив оборону на линии от Порт-Артура до Цзиньчжоуской позиции.

В сентябре—октябре 1903 года на основе объединения планов войны, разработанных в штабе Приамурского военного округа и в

штабе войск Квантунской области, был составлен последний вариант плана войны с Японией. Этот план содержал мероприятия, относившиеся только к периоду стратегического развертывания русской армии на Дальнем Востоке.

В окончательном виде план предусматривал сосредоточение главных сил русской армии в районе Ляоян—Хайчен и ведение оборонительных боёв до тех пор, пока там не будет достаточного количества войск для перехода в наступление, в результате которого японские войска будут вытеснены из Маньчжурии и Кореи. Война должна завершиться высадкой десанта в Японии и разгромом японских вооруженных сил непосредственно на Японских островах. Конкретно боевые действия планировались лишь на период развертывания русских войск в Маньчжурии⁴⁵.

План не учитывал возможности одновременного наступления японцев в двух направлениях. Предполагалось, что главные силы противника будут брошены или против Порт-Артура, или против Маньчжурского отряда. Не предусматривалась в плане и возможность того, что Япония еще до объявления войны произведет высадку в Корею, так же как и возможность внезапного нападения на русский флот в Порт-Артуре. В действительности японцы оказались в состоянии одновременно вести самым энергичным образом и атаку Порт-Артура, и операции против русских войск в Маньчжурии. При определении японских сил в расчет брались лишь полевые войска. В плане ни одним словом не упоминалось ни о резервных, ни о запасных частях японской армии. Предполагалось, что территориальная армия вследствие незавершённости организационного периода не сможет участвовать в боевых действиях. Кроме того, авторы плана ошибочно определили и темпы наступления японской армии, которые оказались более замедленными, чем предполагалось.

В основу плана была положена идея выигрыша времени для сосредоточения и развертывания главных сил русских войск на линии Мукден—Ляоян—Хайчен. Для достижения этой цели гарнизон Порт-Артура должен был во что бы то ни стало удержать крепость, а часть полевых войск из числа развертывавшихся в районе Ляоян—Хайчен должна была постепенным отходом на север задержать наступление японцев на рубеже: река Ялу—Феншуйлинский хребт—реки Хуньхе и Тайцзыхэ.

План стратегического развертывания русских войск на Дальнем Востоке, подписанный 5 ноября 1903 года Алексеевым, в декабре был рассмотрен военным министром Куропаткиным, а 14 января 1904 года был утверждён царем.

При разработке плана войны русское командование, казалось бы, в первую очередь должно было учитывать островное положение

---

⁴⁵ История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 95.

Японии, относительную близость Японского архипелага к театру военных действий, а также огромную удалённость русских баз Порт-Артура и Владивостока от Европейской России. Поскольку боевые действия японской армии на материке целиком зависели от путей сообщения, русское военное командование, планируя предстоящую войну, в первую очередь должно было готовить свои силы к встрече с противником на море. Даже при небольшом количестве войск в Маньчжурии в случае победы русского флота успех кампании оставался за Россией. Тем не менее планы войны на суше и на море разрабатывались независимо друг от друга и не были увязаны между собой.

Первый вариант плана войны с Японией на море был подготовлен в штабе начальника Тихоокеанской эскадры адмирала Н. И. Скрыдлова в 1901 году. Этим планом предусматривалось, что базирование главных сил эскадры будет во Владивостоке. Адмирал Е. И. Алексеев, ставший в 1903 году наместником императора на Дальнем Востоке, выступил против этого плана. Чтобы приблизить флот к театру военных действий, он добился пересмотра вопроса о базировании флота и отныне флот располагался в Порт-Артуре. Морским силам России на Тихом океане ставилась задача воспрепятствовать проникновению неприятельского флота в Жёлтое море и не позволить противнику высадить войска на западном берегу Кореи или в устье реки Ялу. Кроме того, предполагалось выделить отдельного крейсерского отряда, базировавшегося во Владивостоке, который смог бы отвлечь часть сил противника с главного театра военных действий.

Окончательный план войны на море был утвержден адмиралом Е. И. Алексеевым в 1903 году и состоял из следующих частей: общие положения по оценке обстановки и задачи флота, организация флота на время войны, мобилизационные распоряжения и план минных постановок. Однако никаких оперативных расчётов в плане не имелось.

Таким образом, перед русским флотом на Тихом океане была поставлена основная задача: при базировании главных сил в Порт-Артуре удерживать господство на Жёлтом море и в Корейском проливе и не допустить высадки японских войск на западном побережье Кореи. Отряду крейсеров предписывалось боевыми действиями в Японском море отвлечь часть морских сил противника с главного театра военных действий и воспрепятствовать высадке японского десанта в Приамурье.

Этот план с ярко выраженными оборонительными тенденциями недооценивал морскую мощь противника и изменение обстановки, которое произошло после выполнения Японией её кораблестроительных программ. Кроме того, он имел и другие существенные недостатки: русские силы на Дальнем Востоке из-за своей малочис-

ленности не могли выполнить поставленную перед ними задачу и удержать господство в Жёлтом море и Корейском проливе. В плане отсутствовала задача противодействия десантам противника на переходе морем и в период их высадки. Крайне отрицательно сказалось и то обстоятельство, что фактически флотом командовало не морское министерство, а наместник, не подчинявшийся министрам империи.

Японское командование в своих планах войны с Россией исходило из неподготовленности её к войне на Дальнем Востоке и из тех стратегических преимуществ, которые оно имело в связи с близостью Японии к театру военных действий.

Японский план основывался на точном учёте военных сил России на Дальнем Востоке. Задолго до начала войны генеральный штаб японской армии заслал в район размещения русских войск на Дальнем Востоке большое количество агентов, от которых получал все необходимые сведения о количестве войск, уровне их подготовки, материальных запасах, состоянии и работе транспорта. Шпионская сеть была весьма разветвленной. Японские шпионы проникали также в глубь страны, собирая сведения о политическом и военном положении России. Японскому генеральному штабу было известно, сколько сможет поставить та или иная русская губерния, уезд или волость солдат и продовольствия во время войны⁴⁶. В Китае и Корее японцы создали разветвлённую шпионскую сеть. В результате обработки всех поступающих агентурных сведений японцы имели подробные данные о сформированных воинских частях и о военномобилизационных возможностях России.

Таким образом, японский генеральный штаб при составлении плана войны с Россией учитывал ту реальную обстановку, в которой находились русские войска на Дальнем Востоке.

Что же касается конкретного плана войны, то он нигде до сих пор не обнародован, но суть его заключалась в следующем.

Решающее значение для Японии имело завоевание господства на море, но при подходе русских кораблей из Балтийского моря это первенство могло перейти к России. Чтобы не допустить подобного, японское командование планировало внезапным ударом эскадры адмирала Того уничтожить или блокировать Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артурской гавани и далее, используя свое господство на море, высадить десанты в портах Кореи — Пусан, Чемульпо и Цинанто (Нампхо). Для высадки в Корее предназначалась 1-я армия генерала Куроки в составе 3 пехотных дивизий и 2 резервных бригад общей численностью до 45 тыс. человек. После десантирования эта армия должна была наступать к реке Ялу и, форсировав её, занять

---

⁴⁶ Вотинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939. С. 13—21.

позиции в районе Фынхуанчена, чтобы создать угрозу русским коммуникациям по линии Ляоян—Порт-Артур и обеспечить высадку остальных японских армий на Ляодунском полуострове.

На Ляодунском полуострове намечалось высадить 2-ю армию генерала Оку в составе 3 пехотных дивизий общей численностью до 40 тыс. человек, чтобы овладев Цзиньжоуским перешейком, осадить крепость Порт-Артур с суши. После захвата Порт-Артура и высадки ещё трёх армий японское командование намечало развернуть одновременное наступление тремя армиями в сторону Ляояна против русской Маньчжурской армии. В дальнейшем совместными усилиями пяти армий планировалось разгромить русские силы у Ляояна, занять Мукден и всю Южную Маньчжурию до подхода русских войск из Центральной России. В качестве вспомогательной операции планировался захват острова Сахалин.

Можно предположить, что как в войне с Китаем, так и в русско-японской войне целью боевых операций своих войск японское командование первоначально ставило захват Кореи как базы, позволявшей организовать вторжение сначала в Маньчжурию, затем в Южную Маньчжурию и захват Порт-Артура.

Японский план мог быть выполнен только при условии успешных наступательных операций, пока русская армия не сосредоточилась. В противном случае японская армия втягивалась в губительную для неё длительную войну.

Готовясь к войне с Россией, японские правящие круги заблаговременно разрабатывали стратегический план войны, в котором значительное место отводилось действиям на море. В числе первоочередных задач этого плана были следующие: без объявления войны внезапным ударом уничтожить или серьезно ослабить русский флот на Тихом океане, добиться этим господства на море и высадить свои армии в Корею и на Ляодунском полуострове. Затем следовали захват Порт-Артура и уничтожение оставшихся русских кораблей.

Японский план боевых действий на море хотя и был построен на принципе сосредоточения всех сил на главном направлении, что позволяло решить основную задачу — овладеть господством на море, но в основе его лежал фактор внезапности нападения. Таким образом, только неподготовленность России к войне, в том числе и к войне на море, просчёты её военных руководителей позволили японскому командованию успешно начать боевые действия.

В соответствии с планами войны, принятыми в России и Японии, основным районом военных действий должна была стать Южная Маньчжурия с Ляодунским полуостровом. Географические условия будущего театра военных действий значительно влияли на характер их ведения. Серьезной преградой на пути из Кореи в Маньчжурию являлись горы, состоявшие из 3—4 параллельных хребтов, разделённых межгорными впадинами и долинами, а высота гор достигала 300—500 метров.

Ляодунский полуостров в северной части — это горное бездорожное пространство, по мере продвижения к берегам Ляодунского залива переходящее в равнину.

Сильнопереесечённая местность, специфичные климатические условия Южной Маньчжурии требовали наличия в войсках горной артиллерии, специального транспорта. Отсутствие всего этого в русской армии отрицательно сказывалось на ведении ею боевых действий, особенно в первый период войны.

Морским театром военных действий в войне явились Жёлтое и Японское моря и соединяющие их Корейский и Цусимский проливы. Жёлтое море в северной его части, омывая Ляодунский полуостров, образует три залива: Ляодунский, Печилийский и Корейский. На западном берегу этого полуострова располагалась главная база русского флота на Тихом океане — Порт-Артур. В силу этого во время войны Жёлтое море играло большую роль, так как через него проходили наиболее важные пути снабжения японской армии, высадившейся на материк.

Проливами, соединяющими Жёлтое и Японское моря, владел японский флот. В этом районе находилась база японских крейсеров, которые прикрывали от действий Владивостокского отряда японские перевозки в Корею. Этот же крейсерский отряд препятствовал осуществлению постоянной морской связи между Порт-Артуром и Владивостоком.

Японское море имело меньшее значение для ведения боевых действий из-за обилия туманов и частых штормов. Кроме того, в его северной части, где и расположен Владивосток, море замерзало на 2—4 месяца в году.

Базирование русского флота на Тихом океане было неудовлетворительным. На огромном океанском театре флот имел всего две базы — Порт-Артур и Владивосток, отстоящие друг от друга более чем на 2200 километров. Каждая из них годилась для действий на операционном направлении, не выходящем за пределы одного моря. Ни промежуточных баз, ни опорных пунктов между Порт-Артуром и Владивостоком создано не было. Сухопутное сообщение между ними также было затруднено, а в ходе войны и вовсе прервано.

Огромным недостатком главной базы флота — Порт-Артура было то, что из внутреннего бассейна на внешний рейд вёл один выход, доступный для крупных кораблей только во время прилива. Расположение главной базы русского флота в глубине Жёлтого моря не позволяло кораблям, базировавшимся в Порт-Артуре, эффективно действовать в тех районах, через которые японцы могли осуществить переброску своих войск на материк. Японские военно-морские базы располагались далеко от Порт-Артура, блокада их русским флотом исключалась. Удалённость этого района от главной базы русского флота давала ряд преимуществ противнику: позволяла использовать

малые миноносцы, не исключала возможности применять для обороны минные заграждения, создавала выгодные условия для преследования русской эскадры при её отходе к главной базе из района боя.

Более оборудованной базой был Владивосток. Там имелся док, способный принимать корабли водоизмещением более 6 тыс. тонн. Строились ещё два дока. Однако оборона Владивостока была слабей, чем в Порт-Артуре. Кроме того, порт в зимнее время замерзал, поэтому каждый выход и вход в него зимой требовал проводки кораблей за ледоколами.

Таким образом, расположение Японских островов по отношению к театру военных действий давало Японии ряд стратегических преимуществ. Она контролировала проливы, через которые русские корабли могли пройти во Владивосток или Порт-Артур, а японский флот имел многочисленные военно-морские базы, хорошо оборудованные и находившиеся близ театра военных действий. Равномерное распределение военно-морских баз между Жёлтым и Японским морями обеспечивало японскому флоту возможность вести боевые действия в любом из них.

Значительное преимущество японского флота в базировании было ещё более усилено тщательной подготовкой театра в инженерном отношении. После японо-китайской войны наряду с модернизацией старых Япония построила несколько новых портов, а на корейском побережье она подготовила ряд портов в качестве промежуточных и маневренных баз, а также использовала для этой цели некоторые острова.

К 1904 году обстановка на Дальнем Востоке сложилась таким образом, что избежать вооружённого столкновения между Россией и Японией было уже невозможно. Подготовка к нему шла с обеих сторон и не являлась секретом для противника, но в Японии была проведена целенаправленная и качественная подготовка к войне.

К началу войны обе стороны уже имели детально разработанные планы военных действий, однако план японского командования наиболее адекватно отражал расклад сил на Дальнем Востоке, основывался на хорошем знании состояния вооружённых сил России на Дальнем Востоке, был активным и тем самым дал Японии ряд преимуществ на начальном этапе войны.

ДОКУМЕНТЫ

Всеподданнейший доклад

Е. И. В. Великого князя генерал-адмирала

25 февраля 1898 г.

Высочайше утверждено.

Подписал: генерал-адмирал Алексей.

На совещании, бывшем 24 сего февраля под моим председательством и состоявшем из министра иностранных дел графа Муравьева, министра фи-

нансов тайного советника Витте, управляющего военным министерством генерал-лейтенанта Куропаткина, управляющего морским министерством вице-адмирала Тыртова 1-го, начальника Главного морского штаба вице-адмирала Авелана и начальника главного штаба генерал-лейтенанта Сахарова, были обсуждены вопросы по занятию нами Ляодунского полуострова, возбужденные телеграммой поверенного в делах в Пекине, причем совещание пришло к следующему заключению:

1) Требовать от китайского правительства в арендное содержание южную часть Ляодунского полуострова до линии, проведенной на приложенной при сем русской карте «Южная пограничная полоса Азиатской России, карта XVI» от Порты-Адамс, на западном берегу, — через Адамс Пик — до местечка Би-цзы-во, на восточном берегу этого полуострова.

Одновременно с этим совещание признало необходимым установить нейтральную зону, простирая ее от вышесказанной линии к северу до линии, идущей по прямому направлению от города Ин-цзы (Ин-коу), на западном берегу Ляодунского полуострова, через город Да-гу-шань к устью реки У-дао-хе, на восточном берегу полуострова.

В случае же необходимости сделать уступки в этих требованиях, допустить понижение вышеведенной северной границы нейтральной зоны до ее южной, отодвинув одновременно северную границу арендуемой территории к югу до линии, идущей от северной оконечности бухты Цзинь-чжоу (Кин-чау), на западной стороне Ляодунского полуострова, до мыса Робинсон, на восточной.

В арендуемой территории не должны быть допускаемы никакие китайские силы, за исключением полицейских чинов; на первое время, однако, по усмотрению русской власти, могут быть допущены китайские войска, но лишь в определенном размере и при непременном условии подчинения их той же русской власти. Китайские войска допускаются в нейтральную зону лишь с разрешения русской власти.

2) Совещание признало необходимым выговорить теперь же у китайского правительства право, при проведении от главной магистрали Сибирской железной дороги отдельной ветви на юг и в случае затруднительности направления ее к Порт-Артуру, иметь конечный пункт этой железнодорожной ветви в одном из наиболее для сего удобных мест Ляодунского побережья, начиная от города Ин-цзы (в Ляодунском заливе), до устья реки Ялу (в Корейском заливе).

3) Для поддержания, в случае надобности, приведенных выше требований военной силой, перевезти теперь же из Владивостока в Порт-Артур отряд войск, в составе 1 батальона пехоты, 4 орудий и взвода казаков, для чего изъять из ведения Добровольного флота пароход «Саратов», находящийся ныне во Владивостоке, с передачей его в распоряжение Морского министерства, без зачисления его в состав военного флота и с возмещением Добровольному флоту расходов, возникающих по нарушению принятых им на себя обязательств.

Перевезенные из Владивостока войска должны оставаться на пароходе Добровольного флота, в составе эскадры контр-адмирала Дубасова, до возможности явиться потребности высадить с эскадры десант.

Повергая вышеизложенное на ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ воззрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, испрашиваю, благоугодно ли будет соизволить на утверждение заключения совещания.

Алексей.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1912. Кн. 2. С. 179—181.

**Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину
(1900—1901 гг.)**

7-го [июля 1900 г.]

Дорогой Димитрий Сергеевич.

[...] Китайские дела все в том же мраке, как были, когда вы выезжали. Одно несомненно, что во всяком случае будет стоить много денег и много жизней. Главная беда в нашей неготовности: ни Сибирская дорога еще не кончена, ни Маньчжурская дорога уже совсем не кончена, ни коммерческого флота у нас нет, и потому при исполинской силе мы там сравнительно слабы. Я советовал на всякий случай сосредоточить побольше войск. Лучше деньги потерять, чем престиж. Мобилизовали, кроме Амурского, часть Сибирского округа, из России назначили около 25 тысяч человек. А доставить очень трудно. В Стретенске на Шилке, точно узкое горлышко, приходится проходить каплями. Морем из России 25 тысяч доставим (последняя партия) только в начале октября. Таким образом, приходится действовать горстями. Теперь говорят: смотрите, как Китай силен. Это пропагандирует и воен[ное] ведомство. Китай так же слаб, как и был, только лучше вооружился. 100—150 тысяч наших войск, если бы были на месте, его разгромили бы. Не Китай силен, а сильны стихии, дистанции, океаны и моря, а мы на это не обратили внимания.

Бедный государь, видимо, тревожится, но замечательно себя сдерживает. Эта выдержка весьма ободряющим образом действует на окружающую атмосферу. Дай ему бог хладнокровно перенести наступившие события, а также дай ему бог, чтобы его не сбили дурными советами! [...]

Ваш С. Витте.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 32—33.

Дорогой и милый Димитрий Сергеевич.

[...] Китайские дела сами по себе все в такой же неопределенности. Но в наших к нему отношениях в последнюю неделю были большие перипетии. Ал[ексей] Николаевич, как всегда, зарывается — сам начал вести перегово-

ры с дипломатами, мобилизовал до 150 тысяч войск и все хочет лезть вперед, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Гр. Ламздорф, конечно, всему этому не сочувствует и хочет действовать успокоительно, но куда довольно безуспешно. Ему оказывают мало внимания. Взявши Тянь-цзин, пришлось решать — идти ли в Пекин, или нет? Кур[опаткин], конечно, идти — и всех разгромить. Ламздорф — нет. Наконец, гр. Ламздорф пришел ко мне и объяснил, что его положение невозможно как для дела, так и лично для него, — что он хочет заявить, что здоровье его заставляет оставить (совсем) службу. Вследствие сего я прежде всего имел крупный разговор с Ал. Ник. Куро[паткиным], объясняя ему, что он в[оенный] м[инистр], а не м[инистр] и[ностранных] д[ел] и не м[инистр] ф[инанс]ов, а потому или пусть он назначит вместо нас своих генералов, или пусть не выходит из своей роли. Я также старался разъяснить ему, что все подобные увлечения только приведут Россию к новым бедам. Что, не говоря о том, что китайская история будет стоить нам массу денег и много жертв, но, что самое главное, если мы из этого дела скоро не выпутаемся и ослабим Россию, то, несомненно, этим воспользуется Европа и поднесет нам самые неожиданные сюрпризы, — и что таким образом мы пустим насмарку все цар[ствование] Александра III. По-видимому, мой разговор ему был неприятен, но произвел впечатление, хотя, конечно, на несколько часов. Ему быть корпусным командиром на войне, а не министром. Хотя я сегодня имел всеподданнейший доклад, но тем не менее вчера написал его ве[личеству] длинное письмо, высказав мое мнение по разногласию — идти ли в Пекин или нет. В этом письме я напомнил весь ход событий — от коронации до Тянь-цзина — и пришел к заключению, что нам следует идти в Пекин только тогда, если все другие меры не приведут к успокоению, что несомненно, как только мы подойдем к Пекину, все оставшиеся христиане там будут избиты, а законная власть подвергнется той же участи или уйдет вглубь. Значит, мы получим стены и цели не достигнем. Тогда Кур[опаткин] скажет, нужно идти далее. Европа нас науськивает, а сама посылает туда горсти и только поддерживает наши фалды. Необходимо не зарываться, а стараться локализовать болезнь, и, установивши порядок в нашем районе (Маньчжурии), удалиться восвояси. Сегодня же во время доклада я решил прямо говорить о м[инист]ре и[ностранных] д[ел]. Я высказал ту мысль, что теперь необходим м[инист]р и[ностранных] д[ел], что положение гр. Лам[здорфа] невозможно. Если есть кандидат, нужно его немедленно назначить, а гр. Лам[здорфа] освободить, — если нет, то назначить гр. Лам[здорфа]. Затем я высказал мое мнение о гр[афе] — это не Бисмарк, не Салисбюри, но он никогда государя не подведет, и из всех дипломатов я его считаю наиболее соответствующим. В результате его ве[личест]во сказал, что на днях назначит Лам[здорфа]. Это Кур[опаткину] будет неприятно, так как он думает, что совсем престиж Лам[здорфа] уничтожил.

[...] В городе многие говорят, что я ввел государя в Порт-Артур и что я виновник всего этого несчастья. Я даже побаиваюсь, что это говорили е[с] ве[личеству] Марии Федоровне. Я, конечно, беззащитен — не могу же я ог-

лашать все имеющиеся у меня несомненные документальные доказательства. Кстати, я их теперь собрал — для истории — и покажу вам по приезду.

[...] Крепко жму вашу руку.

Ваш С. Витте.

14 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 33—35.

Дорогой Дмитрий Сергеевич.

[...] У нас ничего нового нет. Теперь можно думать, что большинство дипломатического корпуса в Пекине живо. Думаю также, что Югович с большинством своих сотрудников будут спасены. Вопрос о движении к Пекину все еще окончательно не решен. Очевидно, во всяком случае, что, если мы пойдем, то не будем играть в этом движении доминирующей роли. Покуда все являются двойственные решения. О графе Ламздорфе еще решения не последовало, но я его ожидаю с дня на день. По-видимому, императрица Мария Федоровна не сочувствует движению в Пекин и вообще воинствующим тенденциям.

Ваш С. Витте.

19 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 35.

Дорогой Дмитрий Сергеевич.

Наконец, кризис с м-ром и. д. разрешился. Вчера его в[еличест]во объявил гр. Ламздорфу, что его назначает управляющим м[инистерством иностранных] д[ел], с добавлением «не временно, а постоянно». Вчера же гр. Ламздорф просил назначить кн. Оболенского товарищем. Я всему этому очень рад. Вчера же государь несколько осадил пыл А. Н. Куропаткина, высказавши, что спешить идти в Пекин не следует. Вместе с тем он согласился, чтобы командующим отрядом граф Вальдерзе, т. е. немец, а значит, во всяком случае, не мы пойдем в голову. Кроме того, гр. Вальдерзе будет ехать дней 40, а к тому времени может быть (дай бог) дело совсем поуспокоится. Таким образом, вчера произошел хороший поворот, а то в последнюю неделю А. Н. Куропаткин совсем ошалел, все и всех хотел громить и страшно интриговал против назначения гр. Ламздорфа. Ему, очевидно, хотелось это трудное время быть хозяином положения. Признаюсь, я был в отчаянии и несколько раз словесно и письменно старался отвратить его величество от этого опасного пути. Под этим влиянием даже написал маленькую заметку, которая будет напечатана кн. Мещер[ским] в «Гражданине» в четверг (если получаете «Гражданин», обратите внимание) и которая, наверно, вызовет бурю негодования у Ал[ексея] Николаевича, который, вероятно, будет требовать репрессалий. Но кн. Мещерский в данном случае рассчитывает на снисходительность нашего милого м[инист]ра внутренних дел, так как его товарищи вряд ли рискнут что-либо сами по себе предпринять. [...]

Ваш С. Витте.

25 [июля 1900 г.]

Дорогой Димитрий Сергеевич.

[...] Что касается китайских дел, то они все-таки еще путанные. Но, слава богу, назначение гр. Ламздорфа представляет в этом деле очень успокоительный факт. Я и гр. Ламздорф, серьезно говоря, более боимся Куропаткина, нежели китайцев. Он меня просто поражает своею государственною или недобросовестностью, или же ограниченностью. Не говоря уже о высылке массы войск, о громадных расходах, об ежедневных новых излишних мерах и по телеграфу и по путям сообщения и проч., — меня также возмущают все его реляции, все описания каких-то битв, в коих всегда у нас никто не убит и не ранен, или пострадали десятки человек, в то время когда китайцев убито сотни, всегда они бегут и бросают все оружие и доспехи. И, чтобы воевать или драться с таким противником, он поднял чуть ли не всю Россию, собрав более 200 тысяч войск. Если это глупость, то еще бог с ним, но я боюсь, что не затевает ли он чего-либо. В последнее время я имел с ним несколько раз неприятные объяснения, но без толку — говорит одно, а делает другое. Может быть, разгадкою его действий служит следующее. На днях он у нас обедал, и во время объяснений с ним после обеда он мне, между прочим, высказал, что в вопросе о нужном количестве войск компетентен лишь один главнокомандующий. Когда же я его спросил, кто же главнокомандующий, он ответил, что хотя многие (в том числе Ванновский, специально для сего сюда приехавший) и настаивают на необходимости назначения главнокомандующего, но что им и государем с самого начала дела решено, что главнокомандующий есть государь, а он его начальник штаба, и что теперь уже нельзя отменить это решение. Судите сами, что все это значит. После сего я понял жалобы гр. Ламздорфа, что он не имеет времени делать доклады — так как военный министр засиживается у государя, занимаясь военною игрою на карте. Конечно, это не игра, а расставление и перемещение войск в Китае. [...]

Ваш С. Витте.

31 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 37—38.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вот взяли и Пекин. Оказывается, что шли-шли, не встречая сопротивления, и дошли. Таким образом, история с Вальдерзе, вероятно, обратится в комический инцидент — конечно, прискорбный для герм[анского] имп[ератора]. Французы очень не хотели принять Вальдерзе, покуда гр. Ламздорф не шепнул им, что из этого командования ничего не выйдет, ибо до приезда его и войск или мы дойдем до Пекина, или явится китайское п[равительство] и начнутся переговоры. Все миссии остались почти невредимы; итак, оказывается, что, в сущности, у китайцев никаких войск нет, что все это — выдумки военных и преимущественно А. Н. Куропаткина. В последние 10 дней он, впрочем, стал податливее, и, по моему настоянию, его ве-

личество отменил отправку двух бригад (16 батальонов) из России морем. В общем потери наши самые ничтожные. Но все-таки у нас и теперь назначено под ружье более 200 тысяч человек. Все умоляю, чтобы поуменьшили.

Теперь, собственно, с Китаем кончено. Начнутся тяжкие переговоры. Ужасно боюсь, что разыграются аппетиты. Очень хлопочу, дабы мы показали пример сговорчивости и искреннего исполнения нашего обещания, громогласно заявленного государем, что мы ничего не хотим, кроме восстановления порядка. Опять гр. Ламздорфу придется бороться с А. Н. Куропаткиным, который предъявляет невозможные требования, приводящие, в сущности говоря, к уничтожению Маньчжурии как провинции Китая. Это особенно опасно потому, что в таком случае японцы могут потребовать, да и потребуют, себе Корею. Вообще, в этом деле будет труднее всего разделиться с Японией. Она играла выдающуюся роль — шла за европейцев — и по справедливости захочет вознаграждения, и если свои вожеления направит на север Китая, то мы можем с нею столкнуться. [...]

Искренно вам преданный С. Витте.

6 [августа 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 38—39.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Неладно все идет у нас. Поход на Пекин явился неожиданностью для гр. Ламздорфа. А. Н. Куропаткин все уверял, что Пекин теперь брать нельзя, что можно начать улажение только в начале сентября и что к тому времени будет и достаточно войск. Успокаивая все гр. Ламздорфа, который соответственно сему вел все переговоры, оказалось, что А[лексей] Николаевич устранил от дела адмирала Алексеева, коему все время Ламздорф давал инструкции, назначил Линевича и давал ему инструкции (сам или по повелению?) идти в Пекин, по секрету от гр. Ламздорфа. Вы можете себе представить, как теперь гр. Ламздорф взбешен и в каком он глупом положении. Что даст нам Пекин? Граф Ламздорф смотрит на это как на большую ошибку, ожидает массу осложнений. Признаюсь, что если я не смотрю на это так пессимистически, то все-таки предпочитал бы, чтобы Пекин не был взят. Думаю, что тогда дело уладилось бы скорее. Но это не все. Несмотря на самые гласные формальные уверения, что нам ничего не нужно, кроме порядка, вдруг Продеков объявляет, что правый берег Амура — наш. Государь благодарит, и это публикуется. Затем берут важнейший порт, Нью-чжан, и водворяют там русский флаг и русское управление. То же делают в Харбине. Все это возбуждает злобу и недоверие к нашим словам китайцев, ревность, злорадство Европы и тревогу в Японии. А тут А[лексей] Николаевич призывает к себе ежедневно иностранных военных агентов и, бог знает, что им рассказывает, что мы воюем, что мы хотим забрать весь север, что мы не допустим Японию в Корею и будем с ней воевать. Наконец, начинаются протесты англичан из-за Нью-чжана, и Япония говорит: вы берете Маньчжу-

рию, мы в таком случае возьмем Корею. На это резолюция: в таком случае идти в Корею. При таких обстоятельствах я вчера снова решился написать его в[еличеств]у, что Куропаткин его ведет к беде. Что нельзя государю от м[инист]ра и н[о]ст[р]анных дел говорить одно, а делать другое [sic]. Что мы не должны преследовать никаких корыстолюбивых целей. Что нам нужно только водворить в наших пределах порядок и уйти обратно. Что, громя мечом и огнем Китай, мы себе в нем готовим вечных врагов. Что нам нужно как можно скорее покончить с беспорядками на В[осто]чно-К[итайской] дороге и уйти обратно. Что если мы туда втянемся, то нам наверное что-нибудь поднесут на западной или азиатской границе. Что все происходящее на Дальнем Востоке не встречает увлечения в русском самосознании. Что это очень опасно — могут развиваться внутренние психические эпидемии. Что это обыкновенно так бывает. В заключение я умолял государя приказать военному ведомству бесхитростно и без честолюбивых замыслов выполнять его программу, с самого начала начерченную, а не вводить нас все в большие осложнения. Так как письмо это очень решительное, то я прочел его Победоносцеву. Он мне сказал, что мой долг его послать. Я послал третьего дня вечером. Вероятно, вследствие моего письма е[го] в[еличество] в тот же вечер приказал гр. Лам[здорфу] приехать на другое утро. Гр. Лам[здорф] развивал ему то же, жалуюсь на Ку[ропатк]ина, то, что мы влезем в чреватые события. Особенно жаловался на факт и способ занятия Пекина. Его в[еличество] был милостив, но перебивал гр. Л[амздорфа], выражая, что все-таки азиатов нужно было проучить. В конце концов он согласился дабы гр. Ламздорф подтвердил, что несмотря на последние события государь остается верным своей первоначальной программе. Гр. Лам[здорф] особенно настаивал на том, что нельзя говорить одно, а делать другое, что слова государя священны, что нельзя говорить именем государя неосторожно, но раз что-либо сказано, должно быть исполнено. Государь просил гр. Л[амздорфа] приехать еще в субботу (сегодня четверг) во время доклада в[оенного] м[инист]ра и сказал, что все, что вы мне говорите, вчера написал мне м[инист]р ф[инанс]ов. На это гр. Л[амздорф] заметил (что совершенно верно), что ему неизвестно, что писал м[инист]р ф[инанс]ов. Сегодня герм[анский] и м[п]ератор (Вильгельм) заявил, что он не хочет посредничества Ли Хунчана, так как он ему не верит (потому, конечно, что он к нам расположен). Мы послали за ним крейсер везти его в Таку, а герм[анский] и м[п]ератор заявляет, что если Л[и] Х[ун]-ч[ан] приедет в Тянь-цзин, он его предупредит, что он накажет китайцев, когда Вальдерзе приедет. Далее Куропаткин подал длинную записку г[осударю] о всех китайских событиях и о причинах и следствиях: нужно оккупировать северный Китай. Записка гладко написана, но, по моему мнению, показывает полное незнание дела. Я ему составил ответ, думаю завтра передать г[осударю]. Как видите, все неутешительно. Нет линии, нет твердости, нет слова, а Кур[опаткин] бесится. Все это наводит на грустные размышления. Государь уезжает в среду, не беря с собою ни Лам[здорфа], ни Кур[опаткина]. Я уеду [во] вторник вечером и приеду [в] Париж 19-го. Думаю, что государь будет рад от нас, а особенно

от меня, отвязаться. Я уезжаю с спокойною совестью. Все, что я мог сделать, чтобы Россию не впутать в беды, я сделал, я все сказал, хотя это и не нравится. Затем не от меня зависит ход дела. Что будет, того, значит, не миновать. Тяжкое время!

Ваш С. Витте.

10 [августа 1900 г.].

Если бы еще не было такого разумного м[инист]ра и[ностранных] д[ел], то совсем бы была беда.

Я говорил и писал его в[еличест]ву, что не вижу цели взятия Пекина. После оказались целыми, в последнее время с ними установились сношения, и, наверное, при терпении кончилось бы тем, что или в Пекине все умиротворилось бы, или они были бы нам сданы. С этой целью можно было бы подойти к Пекину и взять их. Что же касается китайского п[равительст]ва, то, как я писал, оно ушло. Что же теперь идти далее? А между тем, войдя в Пекин и без нужды разгромив его, нелегко оттуда уйти. Но все-таки нужно ожидать благоприятного случая, чтобы уйти. Не ожидать же нам Вальдерзе и его погрома.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 39—41.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вчера у нас, наконец, было совещание у его в[еличест]ва (я, гр. Ламздорф и Куропаткин). Были приняты решения, подтверждающие программу, с самого начала беспорядков заявленную его в[еличест]вом, т. е. полное бескорыстие, восстановление порядка, скорейшее возвращение домой и решение не соблазняться никакими соблазнами. Кур[опаткин], видя настояние его в[еличест]ва, во всем уступал, но я ему глубоко не верю. Он положительно сорвался с цепи и ежедневно без удержу юродствует. Как высказала императрица М[ария] Ф[едоровна], — хочет себе при жизни монумент Петра I.

[Во] вторник выезжаю и [в] воскресенье буду в Париже, буду стремиться скорее вернуться. Боюсь, очень боюсь, что Куропат[кин] в это время натворит.

Крепко кланяюсь.

Ваш С. Витте.

13 [августа 1900 г.].

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 41.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Китайские дела, как вам это видно из газет, идут хорошо. По крайней мере, острый период окончился — от китайцев ничего серьезного, в особенности на севере, ожидать нельзя. Как я всегда говорил, у них никакого

серьезного войска не оказалось. Таким образом, после взятия Мукдена (что, вероятно, последует на днях), вероятно, начнется демобилизация. Я это весьма прошу, и А. Н. Куропаткин обещает. Что касается переговоров, то они будут идти весьма и весьма долго. Очень жаль, что пошли в Пекин. Благодаря этому п[равительств]о (гидра, Куропаткину) ушло и, в сущности, не с кем говорить. Император, императрица — в руках шайки Двана, и извольте теперь их освободить. Куропаткин хотел сию гидру захватить, а вышло, как Ламздорф и я предсказывали, совершенно обратное. Это — неприятная сторона дела, которая, в конце концов, не грозит бедами, но крайне затянет все дело.

Я также не боюсь осложнений с евр[опейскими] державами, но остается черная точка — Япония. Боюсь, что она влезет в Корею, и хотя государь сказал, что он и тогда не двинется, но все-таки это будет очень неприятно. Это, по существу, неприятно и, пожалуй, может нас возбудить. Я советую сделать предложение о нейтрализации Кореи. [...]

Ваш С. Витте.

Пятница [ранее 18 сентября 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 42.

Сегодня, дорогой Дмитрий Сергеевич, получил ваше письмо. Я полагаю выехать отсюда в самом конце месяца, а, следовательно, если вы приедете сюда между 25 и 27, то меня застанете. Но о выезде моем с государем ничего не говорил. Уверен, что не встречу возражений. Но я не знаю, как будет с гр. Ламздорфом и Куропаткиным — скоро настанет момент формулировки наших условий по китайскому делу, и тогда мое участие почти по каждому пункту будет необходимо. Если мы будем врознь, будет большое замедление. Кур[опаткин] говорит, что в конце месяца выедет, гр. Ламздорф говорит, что ему надо ехать, но не знает, что скажет его величество. Таким образом, весь этот вопрос находится в неопределенном положении. [...]

Ваш С. Витте.

15 [октября 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 43—44.

Дорогой Дмитрий Сергеевич.

Вот писал тебе, что у нас все тихо и что только что-то творит Безобразов. В последние дни то, что он творит, начало обнаруживаться из различных разговоров государя с Ер[моловым], гр. Ламзд[орфом], Гессе — и различных эпизодов. Безобразов, за спиною которого стоит Вонлярлярский, впутанный в целую массу промышленных дел (вероятно, теперь теряет деньги), и Альберт пришли к заключению, что со мною кашу не сварить, а потому находят, что

нужно прежде всего очистить дорогу. Впрочем, кажется, Альберт в эту часть решения не посвящен. Так как Безобразов не менее двух раз в неделю сидит у государя, по часам, то, конечно, он ему рассказывает всякую чепуху и всякие эфемерные планы. Эти разговоры и выливаются иногда в действия. Так, недавно вдруг государь встревожился, что будто я продал англичанам все ископаемые Сибири для того, чтобы этою ценою заключить с Ротшильдом заем. Сначала мы ничего не понимали, потом оказалось, что дело идет об одном английском об[щест]ве в Сибири, устав коего прошел в апреле. Государь два раза говорил об этом с Ермоловым, наводил через гр. Ламздорфа справки; встретив в них отпор и совершенно определительные объяснения, перестал говорить. Со мною же ни слова. Потом вдруг Безобразов объявил Ермолову высочайшее повеление (проект указа), чтобы все ископаемые Приамурского края передать В. А. Об-ву, с тем чтобы существующие там компании признать уничтоженными. После объяснения с Ермоловым опять дело затормозилось. Но тем не менее государь все Ермолова не отпускает. Время экономическое переживаем мы дурное, вследствие известных причин много крахов, а тут еще неурожай. На эту тему государю внушают, что, мол, нужно в корне переменить политику финансовую — что вот, мол, результаты моей политики. А как переменить? Конечно, не знают. Вопрос для него только в том, чтобы очистить себе дорогу и в мутной воде рыбу половить. Тут на спину мне валят и земства. Под моим, мол, влиянием уничтожена самодеятельность России, мол, я хочу чтобы государь был отдален от народа, а власть перешла к чиновникам и, следовательно, министрам. Государь со мною ничего не говорит. Отбарабаню доклады и баста, да во время докладов и времени для разговоров нет, но я чувствую, что он находится в каких-то смущениях. Выяснилось тоже, что то желание его, чтобы я ехал в Маньчжурию, а то желание, чтобы я не ехал, основано на том же источнике. Кажется, ему внушено, что если я поеду, то приобрету еще больший ореол и значение и что нужно меня с Востока совсем устранить. Как-то раз государь мне мельком сказал: не следует ли передать В[осточно]-К[итайскую] дорогу министерству путей сообщения; я, не зная, откуда сие идет, ответил, что — да, года через три, может, это будет удобно. — Одним словом, Безобразов творит какую-то кашу, и благодаря характеру государя трудно выяснить правду. Государь же находится в смущении, и у него бродят какие-то мысли. [...]

Крепко тебе жму руку.

Твой С. Витте.

12 [июля 1901 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18). С. 45—46.

Письма И. Балашева Николаю II

12 марта 1902 г.

[...] В заключение, позвольте мне, государь, высказать вашему величеству почтительнейший мой совет и усердную просьбу: приезжайте сами сюда. Вы многое увидите такое, что покажет вам наглядно разницу между «докла-

дом» и «действительностью»; вы, между прочим, увидите, как построена интересующая вас железная дорога, которая уже теперь стоит 100 т. руб. верста, а будет, вероятно, стоять по окончании ее и все 120 т. При этом спросите, сколько подобные дороги обходятся в Америке и Канаде или хотя бы в нашей Финляндии; между тем большинство здешних работ исполнено крайне «легко», тогда как рабочие руки (китайцы), как известно, чрезвычайно дешевы. Теперь принято все валить на «боксеров», — даже, как рассказывают, уничтожение того, что никогда не существовало!

Ваше величество, у вас имеется под рукою человек, драгоценный по своей энергии, глубокому знанию дела, а главное, по своей неподкупности и прямоте: это — генерал фон Вендрих, которому покойный государь поручил в 1891 году трудное и неблагодарное дело, с которым он справился блестяще. Его после этого удалили, — конечно, те, кому он был «неудобен», но поверьте мне, государь, что для вас такие-то именно и нужны. Он скажет вам и докажет, что где хорошо по этой постройке и что и почему нехорошо и какого требует исправления. Притом здесь вопрос не в одной только технической части, но еще в общем оборудовании дороги, ввиду эксплуатации громадной транзитной артерии для международного пользования. Здесь требуется дешевизна, быстрота и аккуратность доставки, иначе товары, естественно, будут продолжать идти морским путем, тем более, что последний делает непрерывные успехи по всем трем этим условиям.

Но это — дело особое; возвращаясь к предмету этой записки: главное теперь — приезжайте сюда, чтобы самим убедиться в необходимости не медлить более присоединением Маньчжурии к вашим владениям, убедившись в этом, чтобы вы сами же и провозгласили это здесь, на месте.

Такой шаг упростит дело чрезвычайно и обеспечит сразу его успех, потому что покажет всем, что вы не намерены уступить в этом случае. Никто не станет противиться вам, так как никому нет расчета ссориться, я уже не говорю: воевать, — с Россией из-за Маньчжурии; всякий знает, что она фактически давно уж ваша и останется вашей навсегда, если вы сами от нее не откажетесь. Это будет стоить, как выше сказано, разве только некоторого усиления здесь (и то лишь временного) сухопутных и морских сил, и в видах чисто предупредительных, причем лишние расходы окупятся немедленно же, вследствие умиротворения всего края и скорейшего перехода его во владение России.

Все вышесказанное будет гораздо виднее вашему величеству здесь, на месте, чем в Петербурге, и, смею утверждать, будет видно именно в том свете, в котором я его представляю, — не по собственному, конечно, измышлению, а согласно действительности, которую засвидетельствуют вам все, могущие иметь здесь, в глазах ваших, достаточный авторитет, как знакомые с делом по опыту.

Но пусть, государь, в таком случае, «дипломатия», — наша, как и иностранная, — ничего об этом не знает до поры до времени: пусть она будет поставлена лицом к лицу с уже «совершившимся фактом», — иначе все она испортит. Посмотрите, как подобный прием облегчает другим государствам Европы и Америки их политические предприятия. Станем же и мы подражать им, и успех получится такой же и для нас.

Кончаю выражением глубокой уверенности, что более удобного времени не было, да вряд ли и будет, для разрешения разом всех вопросов, интересующих нас на Дальнем Востоке. Нам очень пора покончить с ними теперь же, дабы мы могли обратить должное внимание на действия Англии в Персии и Германии — в Малой Азии, принимающие для нас все более и более опасные размеры и характер. Между тем заботы наши в здешних краях препятствуют нам приняться за разрешение главной нашей задачи, завещанной самой историей, — на Черном море и в проливах, и нельзя не видеть, что благоприятное ее разрешение становится с каждым годом труднее. Но так как последнее составляет для России самый главный вопрос тысячелетней ее политики, — сперва инстинктивной, а потом сознательной, — от которого она не может ни в каком случае окончательно отказаться, то спрашивается: какой нам расчет откладывать такую неминуемую работу, с тем чтобы впоследствии ее было труднее, а быть может, и совершенно невозможно исполнить.

Наши противники понимают это отлично, и нет сомнения, что все настоящее движение на «Дальнем Востоке», начиная от японской войны, затем занятия Киаочао и кончая последнею китайскою смутою, было рассчитано и направлено главным образом на отвлечение нас от этого рокового вопроса на «Ближнем Востоке».

Не будь Россия занята теперь на этой окраине, руки были бы у нее развязаны и, благодаря войне англичан с бурами, ей удалось бы, вероятно, уже в настоящее время удалить их от границ Персии и Памиров, да, пожалуй, еще вытеснить и из Египта. Мы видим каждый день, как с ними легко справляются не только Германия и Америка, но и самые их колонии; одни мы, несмотря на союз с Францией (которой, кстати сказать, Англия тоже немало досаждала в последнее время), ничего не делаем, чтобы отбить ей когти, которыми она так часто и так больно нас язвила и впредь будет язвить, пока мы не решимся, наконец, обезопасить себя от нее раз навсегда. Мы имеем еще сейчас к этому полную возможность, если теперь же повернем круто дело в Китае и утвердимся в нем крепко, пока она еще занята в Южной Африке (потом будет поздно), и так как развязка там близится к концу, ваше величество, изволите сами рассудить, что нам надо торопиться.

Вашего императорского величества верноподданный Иван Балашев
Порт-Артур.

12 марта 1902 г.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 133—135.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу

7 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Государю императору благоугодно было назначить особое совещание для обсуждения исполнительных стороны некоторых мероприятий, намеренных высочайшей волею, по делам Дальнего Востока.

Имею честь об этом довести до сведения вашего сиятельства и сообщить, что вы призываетесь его императорским величеством в особое совещание, имеющее быть сегодня, 7-го мая, в 6 часов вечера, в Царском Селе в присутствии его императорского величества.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т. д.

Статс-секретарь Безобразов

7-го мая 1903 года,
гор. С. П. Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 135.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу

8 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Для облегчения и упрощения возложенного на меня государем императором в особом совещании от 7-го сего мая поручения вы были столь любезны, что приобщились к общему желанию всех присутствовавших на совещании лиц и хотели в возможно скором времени мне прислать письменное свое мнение. Об этом я имел счастье письменно доложить его императорскому величеству и жду обещанной вашей записки. От трех членов совещания письменное их мнение уже мною получено.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т. д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г. г. С. П. Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 136.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу

8 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

На основании вашего письма от 8-го мая позвольте принять к сведению и руководству нижеследующее:

1-е, что мнение ваше относительно нашего положения на Дальнем Востоке не расходится с принципиальной постановкой этого вопроса, имеющейся в записке, представленной свите е. в. ген.-майором Вогаком, и что вы имеете только по этому предмету представить его величеству записку, «основанную на документальных данных и касающуюся последовательного развития политических событий».

2-е, что вы изволите быть согласны со всеми пунктами дополнения жур-

нального постановления 26-го марта 1903 года, читанного мною в совещании, кроме редакции пункта № 2.

Эту редакцию, согласно выраженного вами желания, при сем препро-
вожжаю.

Примите, милостивый государь, уверение и т. д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г. г. С. П. Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 136.

Приложение к письму от 8-го мая 1903 г.

Выписка из проекта дополнения журнального постановления 26-го марта, представленного в особое совещание 8-го мая 1903 года.

Общее положение.

Новые фактические данные, разъясняющие общую обстановку на Д. Востоке и окончательно устанавливающие важное политическое и стратегическое значение района реки Ялу, приводят к необходимости соответственно дополнить журнальное постановление от 26-го марта 1903 года.

Пункт 2-й.

Отказаться от принятия министерствами иностранных дел и финансов мер к получению от центрального китайского правительства концессии на разработку лесных богатств на правом берегу реки Ялу, как по малой вероятности, при теперешних обстоятельствах, получения этой концессии путем переговоров с Пекином, так и вследствие выяснившейся возможности приобрести таковую соответственными мероприятиями на месте, что однако не снимает с министерства иностранных дел обязанности оказывать полное посильное содействие этому делу и по возможности предупреждать получение этой концессии кем-либо, кроме имеющих право первенства на нее.

С подлинным верно:

Статс-секретарь Безобразов.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 137.

Письмо А. Безобразова Николаю II

11 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, Абаза и я — мы два раза были у гр. Ламздорфа и в течение 7 часов времени вели переговоры. Вся фактически повествовательная сторона вопроса получила полное изложение и нравственная идейная сторона не менее полное освещение.

Граф Ламздорф никаких данных по существу нам противопоставить не мог; аргументацию же свою держал исключительно в сфере: а) точного исполнения приказаний вашего императорского величества, в) своей некомпетентности в вопросах военных и экономических и с) своих опасений осложнений от недостаточно полного и точного исполнения трактатов.

Против слов «политика уступок» он протестует, но против маскированных уступок, кажется, ничего не имеет, называя это не поражением, а успехом — своего рода шагами назад, чтобы затем лучше дать скачок вперед.

Вообще, форме дается все преимущество пред существом, и это, кажется, потому, что она прикрывает пустоту знания и убеждений.

В своем разговоре я позволил себе очень настойчиво проводить ясность постановок и суждения о вопросах по их существу; в аргументационной полноте я останавливался на границе, где мне пришлось бы гр. Ламздорфа обвинять в бездействии и непонимании дела. Я это сделал не потому, что желал бы сохранить с ним какие-либо личные отношения, но потому, что это мне не было приказано.

Граф Ламздорф несколько раз пробовал ставить дело на личную почву и обижаться против вторжения в дела его ведомства, причем ограничивал даже предмет ведения особых совещаний, в высочайшем присутствии разбирающих и устанавливающих принципиальные положения; прием этот, понятно, успеха не имел, и мне пришлось при этом разъяснить графу смысл и значение этого порядка, для всестороннего освещения вопросов государственной важности, именно в таких случаях, когда требуется особенная правильность и цельность в постановках.

Граф Ламздорф неоднократно во время наших переговоров давал понять и даже ясно говорил, что он имеет в виду поставить вопрос «о доверии», причем всякий раз я «это не понимал», так как абсолютно доверять можно только госуду богу, а для убежденных католиков — еще папе.

Вообще, насколько мог понять, мне кажется, что гр. Ламздорф остался очень недоволен нашим посещением, так как не имел успеха в своих стараниях доказать:

а) что он вообще безответствен в существе дипломатических неудач, как только точный исполнитель приказаний; в) что он не обязан знать и понимать существо дела, а только служит редакционным целям; с) что он многое упустил на Дальнем Востоке, что мог бы удержать, если интересовался бы реальной жизнью и заставил бы этим своих подчиненных работать; d) что он теперь неправ, что боится ясных постановок и злоупотребляет словами для затемнения дела.

Я лично вынес очень тяжелое настроение из этих разговоров, как совершенно ясное сознание необорудованности у нас целого ведомства для жизни и тех возрастающих трудностей, которые она представляет.

Со всеми остальными членами совещания затруднений пока нет никаких для ясной, простой и деловой постановки вопроса, обсуждавшегося в

совещании. К изготовлению журнала приступил и надеюсь его представить на благовоззрение вашего императорского величества в скором будущем.

Статс-секретарь Александр Безобразов.

11-го мая 1903 г. г. С. П. Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 137—138.

Письмо А. Безобразова Николаю II

23 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, я имел с министром финансов разговор касательно денежных средств, которые потребуются для приведения численности наших войск на Дальнем Востоке в соотношение с потребностями общей и частной охраны имперской границы. По военному существу этого вопроса, министр финансов принял к сведению сделанное ему сообщение, как разъяснение причины установившегося взгляда о необходимости на Дальнем Востоке постоянно держать известное более значительное количество войск как для местной нашей обеспеченности от разных случайностей, так и для усиления вашего положения на Западе, путем неотвлечения оттуда находящихся там сил.

Относительно финансовой стороны этого дела министр финансов высказал крайнюю нежелательность выходить из пределов ассигнованных на новые военные потребности добавочных средств (210 милл., разверстанных на 5 лет).

При этом министр финансов упомянул, что, по всем вероятностям, из намеченных к осуществлению на нашей западной границе военных обзаведений найдутся таковые, которые уступят в своей целесообразности тем мероприятиям, которые имеются так серьезно ввиду на Дальнем Востоке и должны удовлетворить широкой постановке задачи государственных интересов.

Министр финансов здесь, как пример, назвал новую проектируемую стратегическую дорогу, идущую вдоль реки Нарева и Бобра, на которую ассигновано около 22 милл. рублей.

Военное значение этой дороги очень спорное в среде специалистов, а наглядная сторона дела много говорит против нее.

Во всяком случае, едва ли может быть сомнение, что мы вообще и во всех отношениях будем сильнее, если, вместо Наревы-Бобровской железной дороги, будем располагать большой живою силой на Западе и тем больше еще, если эту живую силу перенесли бы на Дальний Восток, где у нас теперь находится Ахиллесова пята нашей государственной защиты.

Статс-секретарь Безобразов.

23-го мая 1903 г.

г. С.П.Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 139.

Записка А. Безобразова Николаю II
23 мая 1903 г.

В записке своей от 16-го мая сего года, представленной на высочайшее благоволение, генерал-адъютант Сахаров счел необходимым сначала резюмировать записку свиты е. в. ген. майора Вогака. Хотя он не входил в обсуждение этих выводов, но их подчеркнул именно в том, что министра иностранных дел более всего смущало.

Поэтому теперь очень отраднo видеть, что граф Ламздорф уже не находит для себя удобным отрицать факты прошлого и в своей записке на высочайшее имя от 21-го мая обходит этот пункт осторожным молчанием.

В военном своем отделе записка генерал-адъютанта Сахарова проводит параллель между сосредоточением наших сил вперед и назад, при их настоящей числительности. При сосредоточении назад получаются как будто бы некоторые преимущества, хотя в обоих случаях нам приходится плохо.

Очевидно, что сосредоточение назад безопаснее, так как этим мы отходим от преждевременного столкновения с противником, но зато противник в течение 4 месяцев может свободно хозяйничать на юге, все у нас разрушить и подготовиться нас с успехом встретить, когда мы соберемся с силами.

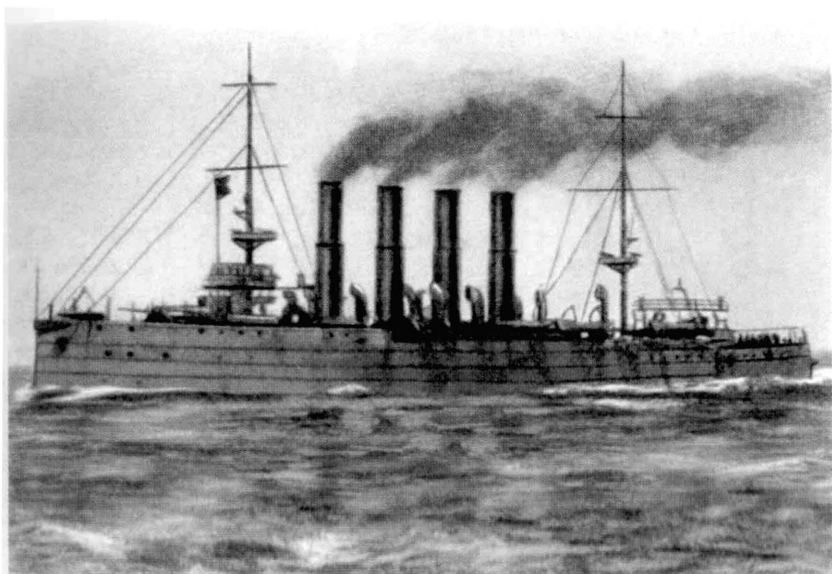
Если противник поступит правильно и за нами пойдет только народным восстанием, опирающимся на партизанские его отряды, то думаю, что пройдет добрых 6 месяцев, пока мы доберемся до юга и будем иметь большие затруднения в коммуникационных линиях (железная дорога, понятно, будет основательно разрушена).

При этих условиях, для успеха, 300 тыс. войск для нас будет, кажется, мало, так как наступающему для верного успеха нужно всегда располагать преимуществом сил. Японо-китайская же армия теперь имеет более 400 т. чел., а тогда тем паче будет иметь эти силы, при коротких операционных и коммуникационных линиях.

О падении П.-Артура сомнения быть не может; наш престиж и международное положение сильно пострадают, и если против нас тогда сформируется чисто дипломатическая коалиция, то и тогда мы вынуждены будем уступить.

При достаточности же у нас войска на Д. Востоке все эти условия совершенно меняются: мы сосредоточиваемся вперед, отбрасываем первый эшелон неприятельского десанта и вообще командуем положением в материальных и нравственных отношениях.

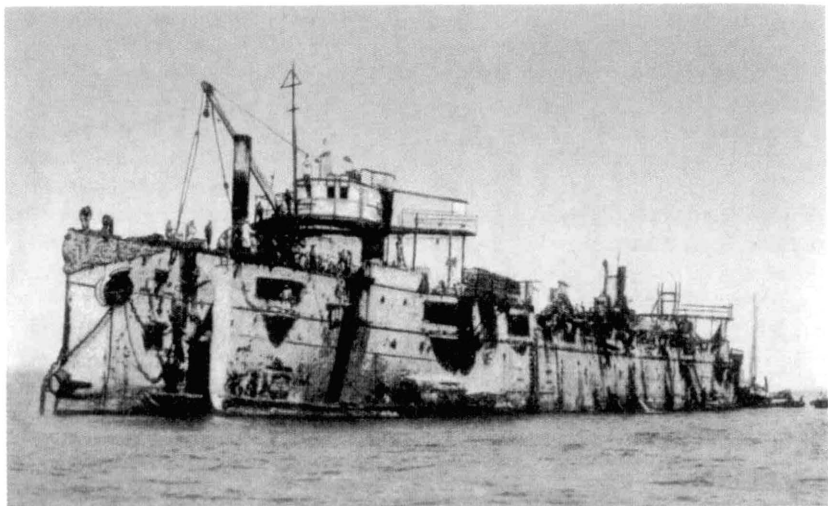
Говоря о военной части записки генерал-адъютанта Сахарова, нельзя пройти молчанием то обстоятельство, что он говорит о временной оккупации Хунчуна и совершенно умалчивает о Фун-хуан-чен. Значение последнего пункта несравненно выше первого как в мирное, так и в военное время; этот пробел возможно только объяснить перед решением вопроса — бросить весь юг и искать неверное спасение на севере. — Может быть также, что генерал Сахаров не желал слишком определенно высказаться против мнения военного министра, который очень авторитетно высказался о вопросе до своей поездки на Д. Восток и как будто бы все дело бесповоротно предрешил.

Крейсер «Варяг»

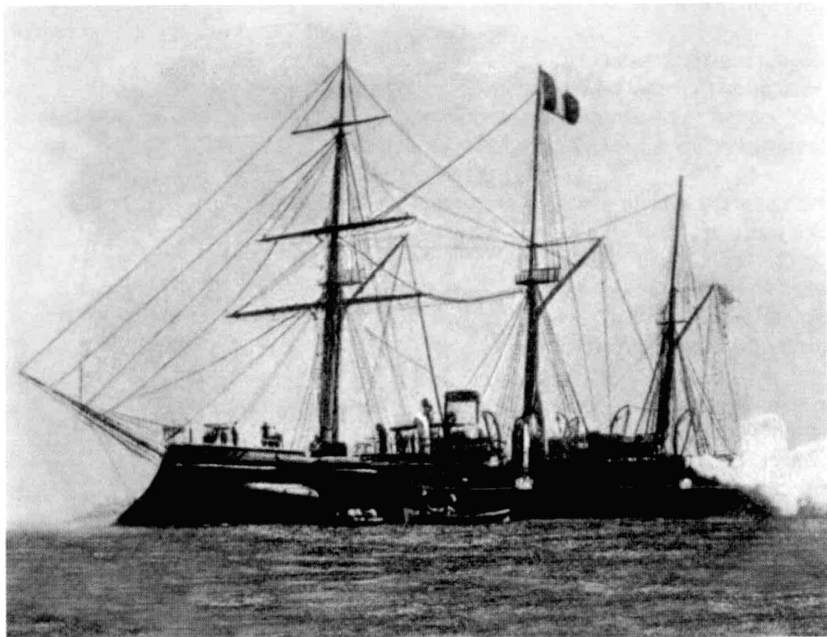

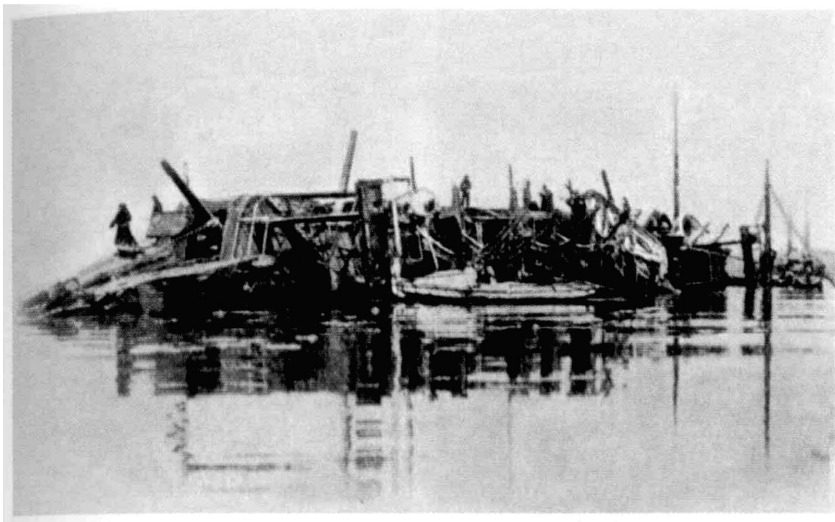
Командир крейсера «Варяг»
капитан 1-го ранга
В. Ф. Руднев

Крейсер «Варяг», поднятый со дна. 1905 г.

Канонерская лодка «Кореец»

«Кореец»
после взрыва

Командир
канонерской лодки
«Кореец»
капитан 2-го ранга
Г. П. Беляев

Адмирал, генерал-адъютант
Е. И. Алексеев

Генерал-адъютант
А. Н. Куропаткин

Генерал-адъютант Н. П. Леневиц

Вице-адмирал Н. И. Скрыдлов

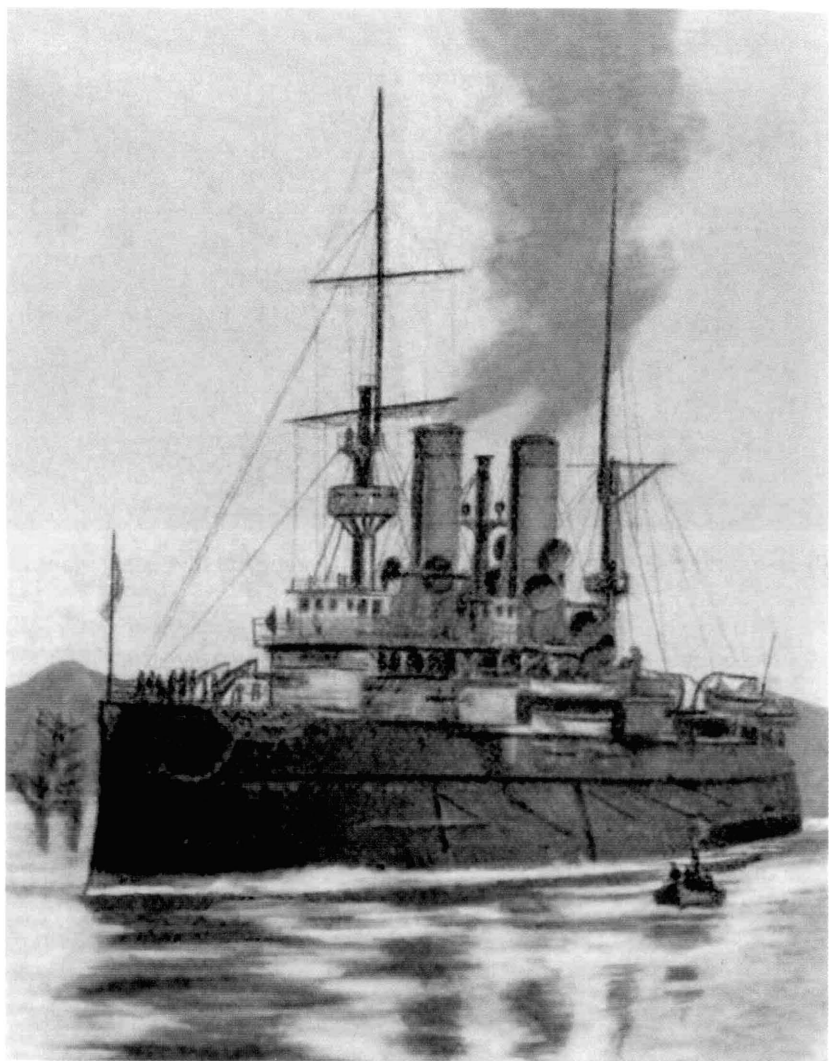
Вице-адмирал С. О. Макаров

Вице-адмирал О. В. Старк

Вице-адмирал Х. Того

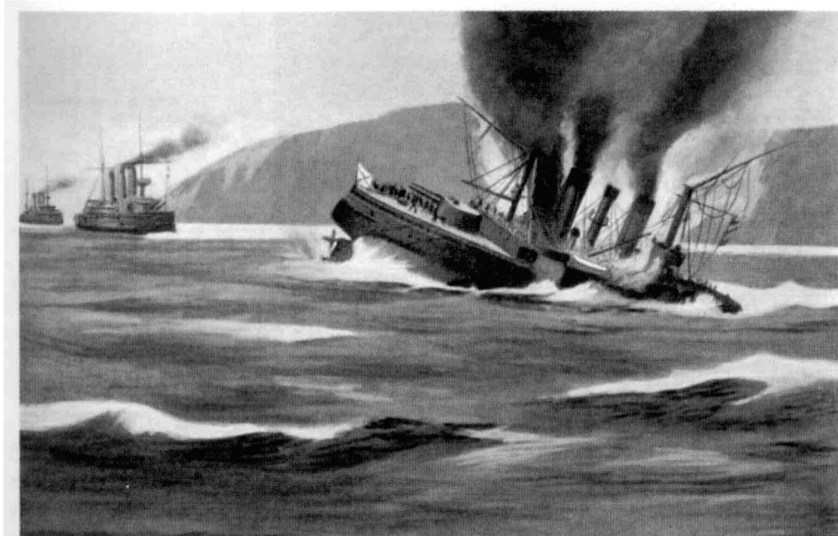

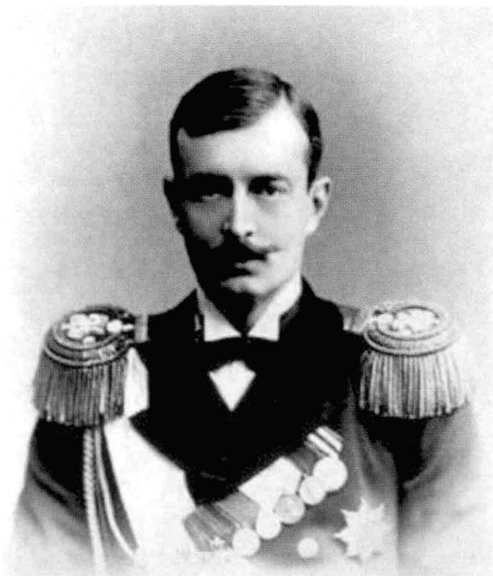
Эскадренный броненосец «Петропавловск»

Командир броненосца
«Петропавловск»
капитан 1-го ранга
Н. М. Яковлев

Гибель
«Петропавловска»

Великий князь Кирилл,
погибший при взрыве
«Петропавловска»

Погибший
на «Петропавловске»
художник-баталист
В. В. Верещагин

Отправка войск
из Иркутска
в Маньчжурию.
1904 г.

Спецагон
для перевозки солдат
русской армии
в Маньчжурию

Общий вид Порт-Артура

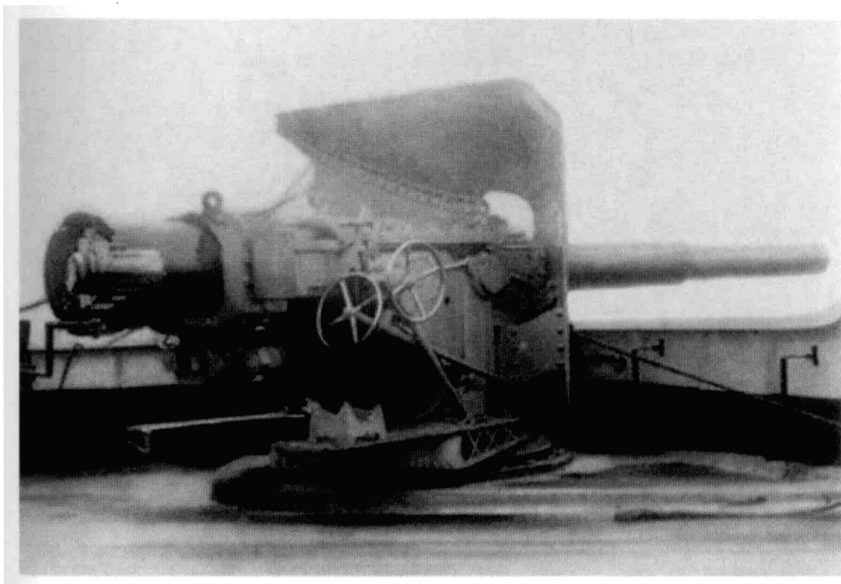
Вид на гавань Порт-Артура

**Генерал-лейтенант
Р. И. Кондратенко**

**Батарея
«Большого орлиного гнезда»
в Порт-Артуре**

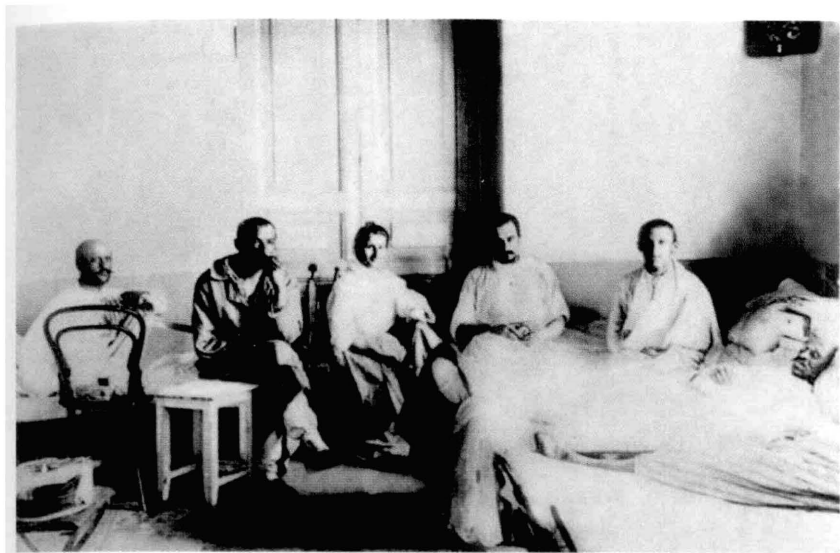

Русская
береговая
батарея

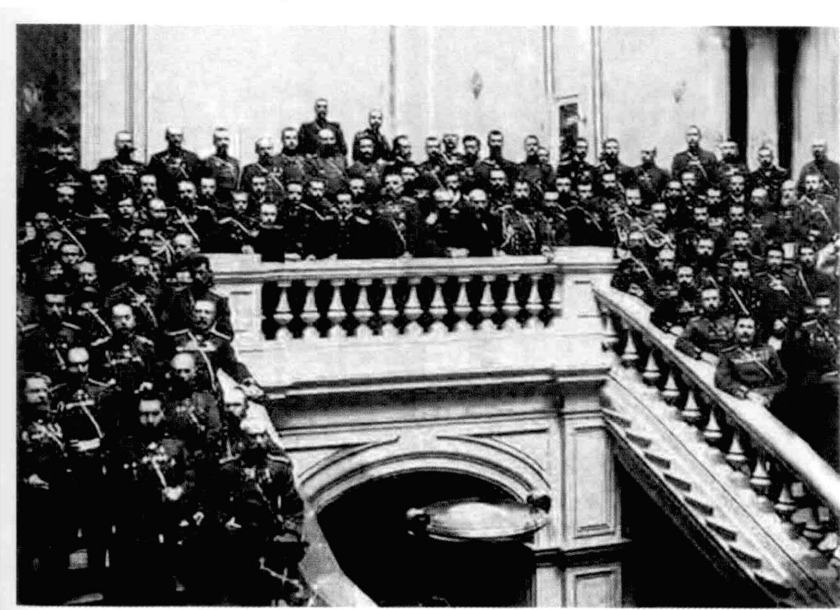
Русская
артиллерия

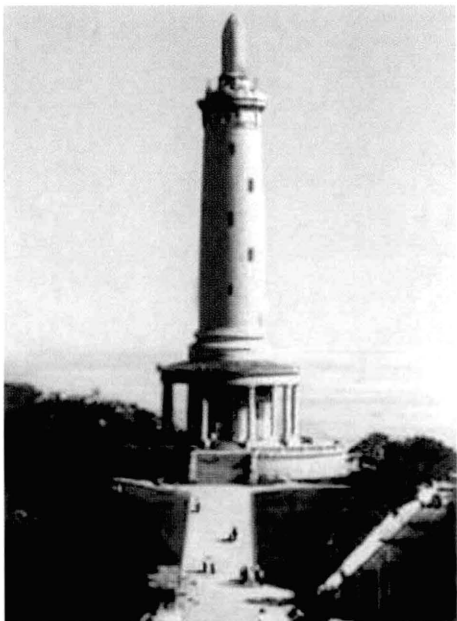

Раненые в госпитале Порт-Артура

Участники обороны Порт-Артура
на правительственном приеме в их честь

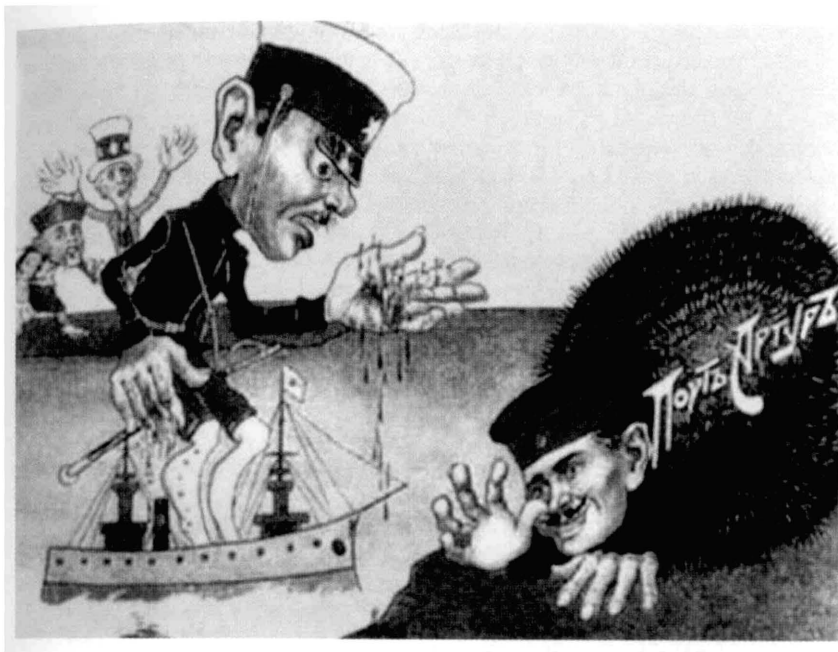

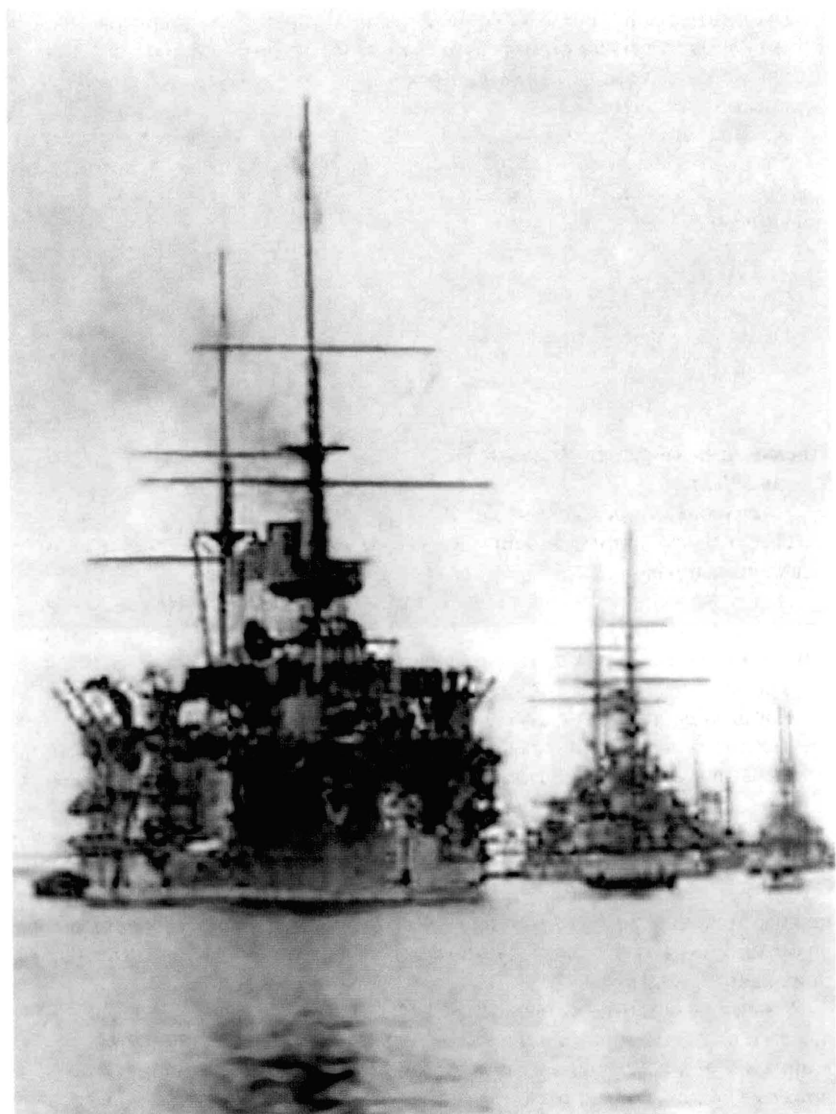
Памятник в Порт-Артуре
японцам, погибшим при
штурме крепости

Перепись китайцев
после поражения
русской армии при Лаояне

Плакаты времен
русско-японской войны

Вторая Тихоокеанская эскадра

Экономические и политические соображения записки генерала Сахарова имеют мало реальной почвы, но это совершенно понятно, так как эта сторона дела ему не может быть знакома, в чем он, впрочем, совершенно откровенно и признается.

Во всяком случае, записка генерал-адъютанта Сахарова есть серьезный вклад, разъяснение жгучего для нас вопроса и может быть резюмирована крайней для нас необходимостью быть в военном отношении лучше оборудованными.

Статс-секретарь Безобразов.

23-го мая 1903 года. г. С.П.Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 139—141.

Письмо А. Безобразова Николаю II

29 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Имею счастье при сем вернуть данную мне для ознакомления записку графа Ламздорфа.

Изложенную в этой записке программу я позволю назвать великолепной во всех отношениях, и если она послужит основой для наших дальнейших отношений к Китаю, то, по-моему, ничего лучшего желать невозможно, кроме успеха в выполнении.

Когда ваше императорское величество изволили вчера читать эту записку, то я от переутомления не вполне мог ее оценить; сегодня утром я был занят переговорами с гр. Ламздорфом и только сейчас ее прочел, восчувствовал и тороплюсь доложить о своем крайнем разумении.

Мне кажется, что, на основании этой записки, ваше императорское величество можете милостивее отнестись к неудачной записке графа Ламздорфа, где он торопится уходить. Я даже думаю, что он решился подать первую только потому, что была вторая. Прием этот, понятно, одобрить невозможно, но что во второй записке есть пробуждение, — это несомненно пока начерчено на бумаге.

У меня, ваше императорское величество, кроме этого, на сердце, что я, кажется от той же причины недопомогания, вчера очень неудачно представил вопрос об Абазе. Он меня за это ужасно бранил, что я будто бы ему дал положение какого-то искателя, тогда как он готов, по приказанию, на все и не думает о мелочах.

Благоволите, государь, когда это будет благовременно, милостивым словом успокоить Абазу.

Перед отъездом своим, который, надеюсь, состоится 1-го июня, представляю через Абазу на благовоззрение некоторые еще недоконченные детали по текущим надобностям дела.

Сегодня у ген. адъютанта Гессе будет собрание некоторых наличных членов товарищества, которым сделаю сообщение, чтобы воля вашего императорского величества и положение дела им были ясны.

Статс-секретарь А. Безобразов.

29-го мая 1903 г.

г. С.П.Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С.141—142.

Письмо А. Безобразова Николаю II

29 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, имею счастье донести, что сегодня, в 9 часов утра, был у графа Ламздорфа и сообщил ему телеграмму Гюнсбурга и проект ответа. Ламздорф начал с того, что хотел закинуться, принявши ответный проект за навязываемую ему редакцию; я его успокоил, сказавши, что здесь только выражается потребность и соображения к наилучшему ее удовлетворению. Тогда установилось соглашение, что он сегодня представит на благовоззрение то, что уже по этому поводу сделал, и то, что имеет им в виду еще сделать.

Хотя граф Ламздорф и хорохорился, но имел угнетенный вид.

К делу литья масла на волнения чувств Ламздорфа я приступил следующим образом: извинившись, что, может быть, вступаю по личной инициативе в область очень деликатных вопросов, я просил поверить в искренность доброжелательных своих стремлений и поэтому не отказать во взаимности. Затем сообщил свое наблюдение, что ваше императорское величество мне показались вчера очень гневными и непривычно суровыми, при этом я подметил недовольство по его адресу. Ничего не зная из случившегося и имея все-таки данные знать, что по существу ничего такого нет, что могло бы породить подобные явления, я все невольно приписываю какому-то недоразумению, которое после разъяснения само собою падет. Графу я тогда предложил свои слабые услуги, как услуги доброжелательного для него лица, с очень ограниченными средствами, но с доброй волею, исходящей из искреннего желания не усложнить, а упростить обстоятельства.

Граф Ламздорф тогда начал мне говорить о своей *profession de foi*, которая сводится к тому, что он правдив, прямолинеен и глубоко предан своему монарху, беспрекословно исполнителен, но просит лишь об одном: чтобы воля была бы ему непосредственно высказана и ему было бы позволено в том же порядке высказать свое мнение; что он заметил, что за последнее время он утратил доверие, и тогда он считал своим долгом, зная доброту вашего императорского величества, облегчить государю освободиться от неуютного слуги; что он не имеет сознания, что не делал бы все посильно и что, может быть, если бы он много знал ранее, то поступил бы лучше, но он не знал, а злой воли у него не было.

Из всего слышанного мною я мог понять, что гр. Ламздорф напуган тем, что сделал, но себе ложно представляет положение: он думает, что предreshено его совершенно (его ведомство) отстранить от дел Д. Востока, тогда как предначертано только собрать на месте сведения и распоряжения в одном центральном пункте, сам же этот пункт находится под руководством государя, которого сознательный секретарь по политическим делам есть министр иностранных дел. Этих разъяснений я графу Ламздорфу дать не мог, так как этим бы обнаружил знакомство с его запиской.

Статс-секретарь А. Безобразов.

29-го мая 1903 г. г. С.П.Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 142—143

Письмо А. Безобразова Николаю II

2 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Завтра, 3-го июня, надеюсь с божьей помощью выехать и 16-го числа прибыть в Артур. Военный министр должен там быть 17-го, так что я успею предварительно переговорить с адм. Алексеевым. Вчера кончил передачу журнала совещания участвовавшим членам и уговоры с ними.

С гр. Ламздорфом пришел к нижеследующему исполнительному конкрету: ему желательно получить перечень тех минимальных требований, которые вызываются намеченной целью, а именно — сохранением и сбережением нашего нормального политического и экономического положения на Дальнем Востоке. Эти требования должны составить существо тех гарантий, которые предъявятся Китаю и для аргументационной поддержки которых министерство иностранных дел располагает необходимыми средствами. С министром финансов я договорился, в присутствии Вонлярлярского, касательно вновь образовавшегося товарищества и согласования совместного образа действий по фушунским копиям, судоходству по Ляохе и вопросам текущих сношений. О том, что со мной едет жандарм, министр финансов уже знал и отнесся к этому довольно нервно; но я счел полезным его успокоить, сказавши, что специалиста по полицейской части я везу с собой для надобностей адмирала Алексева, который, во вновь намеченном своем положении, нуждается в сведущем в этом отношении человеке.

При прощании я просил министра финансов за Моисея Гюнсбурга от себя, чтобы он его представил бы в коммерции советники, на что получил согласие; мне кажется, что рассчитаться таким образом с Гюнсбургом — момент, для пользы дела, выбран удачный.

С министром внутренних дел я имел свидание в присутствии Абазы; разговор касался обстоятельств будущих особых совещаний по делам Дальнего Востока и организационных условий этого нового установления. То, что подлежало разъяснению, согласно высочайшей резолюции на журнальном

постановлении 7-го мая, было нами обсуждено, и статс-секретарь Плеве, по всем вероятностям, об этом и доложит вашему императорскому величеству в свой очередной доклад. В конечном выводе мы пришли к тому заключению, что чем раньше удастся придать более законченную форму вновь намеченным порядкам, тем это более желательно для дел местных и настроения в центре. Статс-секретарь Плеве указал, что общественное самосознание нуждается в понятной и привычной форме для дел, независимо от правильного их направления по существу. По этой части я имею привести письменное мнение адмирала Алексева касательно той административной задачи, которую ему наметила высочайшая воля.

Таким образом, в общем и по всем отделам все обстоит пока благополучно, и молю бога, чтобы он мне помог и на месте выполнить посылку волю моего государя.

Статс-секретарь А. Безобразов.

2-го июня 1903 года. г. С.П.Бург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 143—144.

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II

14 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Не знаю, правильно ли я поступил, так как не имел на то прямого разрешения, но я не нашел возможным умолчать перед генерал-адмиралом (вел. кн. Алексей Александрович. — *Авт.*) о мысли вашего величества отдать Корею японцам. Если я поступил неправильно, то каюсь и прошу меня простить. Я это сделал потому, что великий князь Алексей Александрович был до сих пор в курсе всего, а этот новый вопрос мог встретить в генерал-адмирале несочувствие.

Действительно, его высочество сразу указал, что, при водворении японцев в Корею, Квантун и Порт-Артур и весь наш тамошний флот будут заперты, а японцы, имея базы для своего флота как в Японии, так и в Корею, слишком легко отрежут наши владивостокские силы от выхода в море.

Я ответил, что это совершенно справедливо при недружественной к нам Японии, но что, водворившись в Корею, Япония не может иначе поступить, как стараться быть с нами в дружбе и согласии, потому что с севера, с запада и с юга японская Корея будет окружена нами, а при этих условиях она поймет, что находится совершенно в наших руках.

Генерал-адмирал тогда высказал, что если мы можем, действительно, с трех сторон окружить Корею, т. е. владеть не одним Квантуном, а и Маньчжурией, то тогда отдача Кореи японцам вполне возможна и целесообразна, но при условии, чтобы японцы не возводили против нас укреплений на корейском берегу.

Имею счастье при сем представить записку — программу наших отношений к Японии.

Очень боюсь, что я неправильно понял мысль вашего императорского величества. Записку я могу переделать на множество ладов, если получу на то указания. Мотивов решения вашего императорского величества я не выставил. Мне казалось, что мотивы здесь будут излишни, а нужна только суть будущего направления.

Ваше императорское величество изволите усмотреть, что я отметил сбоку карандашом один параграф. Возможно, что благоугодно будет не подчеркивать намерение исполнить договор 26-го марта, а, напротив, подарив Корею японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаемся в Маньчжурии, на что уже намекали и Алексеев, и гр. Ламздорф.

В этом случае отмеченное место нужно будет выпустить при переписывании.

Отдав Корею и не оговорив предварительно наше водворение в Маньчжурии, мы можем очутиться в затруднении и не «окружить» Корею. Поэтому я в конце поместил параграф об «экономическом водворении», который оставляет нам свободу действия.

Я прибавил также параграф о наших концессиях и об укреплениях.

Последнее вследствие слов генерал-адмирала, но иначе, чем его высочество говорил.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал Алексей Абаза.

14-го июня 1903 г.

Приложение к письму Абазы от 14-го июня 1903 г.

Основы наших будущих отношений к Японии.

Проект.

Россия отдает справедливость военным и морским успехам Японии. Россия готова признать за Японией значительную будущность, если отношения Японии к нам будут правильны.

Россия видит с сожалением, что нынешняя политика Японии, ее союз с Англией, постоянное бряцание оружием, протесты против законных действий России, тенденциозность прессы естественно ведут к противоположным результатам.

Россия принесла большие жертвы деньгами и людьми на Дальнем Востоке. Это было сделано не для одной своей пользы, а для пользы всех народов.

Естественно однако, что Россия заботится обеспечить возврат процентов на затраченный капитал.

Россия имела бесспорное право объявить Китаю войну в 1900 году, вследствие нападения китайцев на Благовещенск, но не только не сделала этого, а даже, по собственной инициативе, заключила договор 26-го марта 1902 года. Эти поступки России достаточны, чтобы определить ее миролюбие.

Россия готова довести до конца исполнение договора 26-го марта, если этому не воспрепятствуют обстоятельства и образ действий других держав.

Страстное и ничем не оправдываемое отношение Японии к нынешним действиям России может только замедлить исполнение договора 26-го марта.

Это же страстное и беспричинное отношение Японии к действиям России препятствует последней с желаемым сочувствием отнестись к жизненным интересам Японии, которые Россия никогда не намеревалась игнорировать.

При искренно доказанном желании Японии поддержать хорошие отношения с нами Россия будет готова признать безусловное водворение Японии в Корею.

Границы японской Кореи могли бы быть определены по водоразделу бассейна Тумень-Улы к северу и по водоразделу бассейна Ялу к западу.

Северный и западный склоны этих водоразделов входят в пределы русских концессий, на которых русские люди уже начали проявлять деятельность, а следовательно, эти области должны остаться в русских руках.

При таком широком признании Россией стремлений Японии должно воцариться полное согласие, так что укрепление японцами берегов Кореи должно быть произведено лишь в таких пунктах, где укрепления эти будут служить против общих врагов России и Японии, а следовательно, по соглашению этих двух держав между собою.

Экономическое водворение России в Маньчжурии, рядом с водворением Японии в Корею, создаст общность торгово-промышленных интересов и облегчит обеим державам установление добрых соседских отношений, к обоюдной выгоде.

Тон наших переговоров с Японией должен быть всегда любезный, но спокойный и твердый, без тени заискивания.

Можно начать говорить с Японией о Корее, как только посланные бригады дойдут до Забайкалья.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 144—146.

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II 16 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

По вопросу о порто-франко во Владивостоке министр финансов говорил следующее:

Это вполне в зависимости от решения маньчжурского вопроса. Неопределенность положения России в Маньчжурии и отсутствие ясной программы действий вселяют недоверие к России. Желательно твердо и ясно сказать, чего Россия в Маньчжурии хочет. Беспощадный ввоз иностранного товара в Приамурье и Маньчжурию может убить сбыт русского товара и лишит груза русские пароходы, которых бывает, однако, не более 20 в год. В общем лучше допускать иностранные капиталы, чем иностранные товары.

Если учредить порто-франко в Приамурье до Сретенска, то только на определенный срок. В Маньчжурии же лучше порта закрыть.

Вопрос о порто-франко следует рассматривать не только как подачку американцам, но как серьезный общий вопрос.

Теперешнее экономическое положение Приамурья невыносимое. С одной стороны, таможни в портах, а с другой — беспощинный ввоз по всей сухопутной границе согласно договоров с Китаем. Границу на пять тысяч верст охранить трудно. Подвоз товара, конечно, должен усилиться по Ляохе и Сунгари к нам.

Сам министр финансов колеблется: следует ли, вопреки трактатов и трудности исполнения, закрыть сухопутную границу, или же, оставляя ее открытой, открыть также и наши порты.

Над этим долго работала комиссия и только что кончила занятия. Следовательно, весь материал налицо, и казалось бы возможным, если государю угодно, назначить особое совещание из «сановников», поручив этому совещанию обсудить вопрос о порто-франко и представить свое заключение не далее как в десятидневный срок. На совещании, вероятно, будет разногласие, и тогда государь решит.

В 10 дней можно все это сделать, а нужно делать скоро, чтобы дать ответ Америке.

Министра иностранных дел я еще не видел; его не было дома. Увижу его вечером, но ввиду спешности вопроса осмеливаюсь доложить пока только разговор с министром финансов. Согласно приказанию вашего величества, представляю памятную записку об ответах Америки и Японии.

Расшифровка двух телеграмм Безобразова оказалась невозможной. Я потребовал повторения. Разобрана только первая половина одной из телеграмм. Ее я имею счастье при сем представить.

Осмеливаюсь просить разрешения на отправку прилагаемой телеграммы лично от меня к Безобразову.

Так как общее направление дела поручено ему, то мне показалось, что он должен быть в курсе того, что здесь происходит.

По вопросу о порто-франко он может дать свое мнение, которое будет и своевременно, и ценно.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал Алексей Абаза.

16-го июня 1903 г.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 146—147.

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II 16 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Я сейчас вернулся от графа Ламздорфа, которого на этот раз застал. Граф Ламздорф ставит вопрос о порто-франко в связь с вопросом Маньчжурии. Он уже три года того мнения, что Маньчжурию следует взять, и теперь на-

ходит нужным прийти к твердому и ясному решению. Если решиться взять Маньчжурию, то, объявляя Японии об этом решении, будет своевременно подарить им Корею, но не следует ждать, пока Япония «попросит» Корею «после» взятия нами Маньчжурии. Япония «просить» не станет, а будет резко требовать, и тогда получится с нашей стороны не подарок, а уступка.

Все это граф Ламздорф говорил с собственного почина. Я же не поднимал вопроса ни о Корее, ни о Японии.

В частности, о порто-франко во Владивостоке граф Ламздорф думает, что это едва ли удовлетворит американцев, а нас может связать.

Последняя телеграмма Кассини, которую он тут же прочел, успокоительного свойства, так что может быть и нет надобности сейчас предлагать Америке эту комбинацию.

Во всяком случае, вопрос о порто-франко может быть лучше обсужден там на месте Алексеевым при участии посланников, в особенности Тессара, присутствие которого в Порт-Артуре в эти дни желательно.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал Алексей Абаза.
16-го июня 1903 г.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 147—148.

Докладные записки А. Безобразова Николаю II

I

Япония занимает в настоящее время к Корее положение, которое со стороны кажется сильнее, нежели оно на самом деле есть.

Признаки, по которым можно вообще судить об этом положении, суть нижеследующие:

- 1) численность проживающих в Корее японцев;
- 2) разные их там торгово-промышленные предприятия;
- 3) военные мероприятия;
- 4) степень возрастания японского влияния и уступки, делаемые ему остальными государствами;
- 5) единодушие общественного мнения, проявляемое в Японии по корейским делам.

Все эти признаки, внушительные на расстоянии, вблизи значительно умалются.

По 1-му пункту. Численность японцев, проживающих в Корее, в точности неизвестна, но она не превышает 30.000 чел. В качественном отношении это в большинстве случаев подонки общества, которые не только не могут приобрести расположения коренного населения, но вызвали против себя общую ненависть. Чувство это высказывается при каждом удобном случае. Если же к этому прибавить то презрение, с каким японцы постоянно

относятся к корейцам, и ту традиционную жестокость, с какою они действуют во всяком покоряемом ими крае, то станет ясным, что даже привыкший к угнетению корейский народ должен стремиться поголовно восстать против своих притеснителей.

Конечная цель у японцев ясна: они рассчитывают упрощенным, кратчайшим способом сперва разорить страну, затем воспользоваться народным восстанием, чтобы ее обезлюдить, а потом заселить своими выходцами, т. е. сперва ограбить народ, а затем его убить. Насколько применение такой политической этики времен Тамерлана может удался, судить пока трудно, но следует сомневаться, чтобы легко удалось стереть с лица земли целый народ, как бы он ни был обессилен слабостью своего правительства.

По 2-му пункту. В Корее имеется много субсидируемых японским правительством частных предприятий, не дающих никакой коммерческой выгоды, а существующих исключительно для виду, как обстановка для японских правительственных агентов и как фикция для отвода глаз иностранцам.

Предприятия, доставляющие японскому правительству существенные выгоды, ниже перечисляются.

а) Сбыт денежных знаков (банкнотов и никелевой монеты), не имеющих никакого фактического обеспечения и потому вполне заслуживающих названия фальшивой монеты.

б) Покупка на эти деньги корейских товаров для вывоза их в Японию посредством японского же каботаж.

в) Насильственное навязывание корейскому правительству своих коммиссионных услуг по невыгодным для него покупкам.

г) Скупка земель на те же, фабрикуемые японцами, денежные знаки.

д) Наконец, приобретение разных концессий.

В общем Япония сильно зарабатывает в Корее (фальшивой монетой и основанной на такой монете торговлей), если только можно назвать заработком этот способ ограбления целой страны на глазах у всего мира.

По 3-му пункту. Военные приготовления японцев в Корее имеют целью не только занять страну, но сделать из нее обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России. Японцы, в своем национальном самонадеянности, нисколько не останавливаются перед мыслью вытеснить нас со временем из Маньчжурии и стать во главе желтокожей расы. Поэтому нельзя надеяться, чтобы они успокоились, удовлетворяясь занятием части или всей Кореи.

Если бы японцам удалось занять Северную Корею и укрепиться в бассейнах Ялу и Тумень, то их военное положение на полуострове было бы очень сильное. Под охраной такого надежного заслона они всегда могли бы отстоять свои позиции и удобно перейти в наступление против нас.

Наоборот, если эти стратегические позиции будут заняты нами, то все выгоды положения перейдут на нашу сторону.

Насколько отчетливо сознается в Японии вообще огромное значение, какое имеет для ее завоевательных целей на континенте обладание северной Кореей и бассейнами Ялу и Тумень, — сказать трудно, но кажется, что в военных сферах это понимают там лучше, нежели у нас.

Военное значение северной части Кореи имеет свое историческое прошлое, и только благодаря этой географической своей охране Корейское государство могло в разное время успешно бороться с иноземным вторжением. Непроходимость северной части страны охранялась в Корее законом и блюлась корейцами. С этой непроходимостью пытались бороться китайцы, построившие свою побережную Мандаринскую дорогу, с целью поддержания в крае своего господства. Этою же дорогой пользовались японцы для действий против Китая, и теперь еще эта дорога считается главным путем для их наступления на север со стороны их ближайшей базы Пеньян-Гензан. Следует иметь в виду, что путь этот находится под фланговым действием Ялу-цзянских позиций, и потому в будущем, если эти позиции будут нами сохранены, подобное наступление будет едва ли удобно и даже возможно.

По 4-му и 5-му пунктам. Рост японского влияния в Корее на счет влияния русского и других государств есть естественное последствие энергичного действия, которому не было противопоставлено никакое существенное противодействие. Поэтому России следует в Корее, не выступая единолично вперед далее сохранения за собою доминирующего положения в северной ее части, озаботиться образованием согласованных между собою частных коммерческих интересов других национальностей и выдвинуть их вперед, навстречу японским домогательствам.

В настоящее время есть случай, который, вероятно, больше не повторится. Именно, корейское правительство ищет заключить заем под обеспечение всех своих рудных богатств. Если через генерала Вогака поручить устроить этот заем американцу Пюнту, имеющему крупные золотопромышленные дела в Корее, причем условиться, чтобы американская эскадра пришла одновременно и совместно с нашей для поддержания прав этой концессии, то этим путем создастся бы та отрезвляющая для японцев обстановка, без которой они долго еще будут опьянены перспективой своих империалистических затей.

Следует принять во внимание, что, начиная при таких условиях деловую связь с Америкой, мы пойдем навстречу американским капиталам, которые ищут только удобного для себя помещения.

Если делу с Пюнтом мы сумеем придать вид хорошей для американцев приманки, то американский капитал войдет в наши дела со скромными требованиями, как вообще искательная часть является в дом именитого хозяина. Если же это привлечение сделать при менее внушительной обстановке, то запрос и вообще требовательность пропорционально возрастет.

Теперь есть случай импонировать, и этот случай очень желательно отнюдь не упустить.

Статс-секретарь А. Безобразов.

21-го июня 1903 г. С.-Петербург.

II

С начала прошлого столетия Англия одна пользовалась преимуществами всемирной торговли и через нее обогатилась.

Из континентальных государств выступила затем на путь активной колониальной политики Германия, и скоро кончается второе десятилетие почина, сделанного в этом направлении ее великим имперским канцлером. Прозорливость Бисмарка усмотрела в колониальных предприятиях единственный выход для Германии из трудного экономического положения, созданного тем усиленным вооружением, к которому Германия вынуждена была прибегнуть для целей своего внутреннего объединения и подъема своего международного значения. В настоящее время из числа всех великих держав, если не считать Америки, главным конкурентом Англии в деле колониальной политики является Германия.

Трудность задачи германской внешней политики заключается в настоящее время именно в том, что Германия должна проявлять одновременно одинаковую мощь как на суше, так и на море. Быть военной амфибией не по силам в настоящее время ни одному государству, даже при полном развитии его внутренних сил, вследствие тех огромных расходов, каких требует техника современного вооружения.

Политическая комбинация тройственного союза, вследствие противопоставления ей двойственного союза, не могла помочь Германии выйти из этого трудного положения, и поэтому господство на море и первенство в колониальных предприятиях сохранились пока за Англией.

Континентальная Европа для развития своей культурной жизни, очевидно, нуждается в крупном участии во всемирной торговле, и потому будущее экономическое благополучие возможно только при условии общего политического соглашения европейских континентальных государств между собою, в тех видах, чтобы, уменьшив расходы по сухопутным вооружениям, обратить их на вооружения морские.

Из всех континентальных государств Россия одна не имеет надобности в таком перераспределении своих вооруженных сил. Поэтому если бы двойственному союзу удалось войти в соглашение с тройственным об уменьшении количества войск вдоль сухопутных границ, то Россия, не заботясь об усилении флота, могла бы выполнить свое обязательство, переведя соответствующее количество войск с нашей западной границы на Дальний Восток.

Такое континентальное политическое соглашение представило бы следующие выгоды России и Германии.

Россия могла бы:

- 1) создать на Дальнем Востоке колониальную армию, не увеличивая имперских расходов на вооружения;
- 2) иметь все экономические выгоды от большей обеспеченности там наших интересов;
- 3) действовать на Востоке по соглашению с западными нашими соседями;

4) самостоятельно создать благодаря этому выгодные и серьезные соглашения с восточными народами.

Германия могла бы:

1) свести до минимума риск всех европейских политических недоразумений;

2) усилиться на море военным флотом, что дало бы ей возможность обеспечить свой торговый флот и сообщения с колониями;

3) избавиться от тревожной перспективы постоянного возрастания военного бюджета, что очень важно для соображения внутренней политики, в особенности ввиду социалистического движения;

4) обеспечить своей обрабатывающей промышленности сбыт товаров в настоящем и развитие его в будущем.

Россия и Германия, как главы двух союзов, имея почву для соглашения живых своих интересов, найдут в этой политической комбинации и все данные для привлечения к ней и своих союзников. Таким образом, задача, намеченная Гаагской конференцией, может осуществиться вполне реальным образом для целей культурного развития народов.

Насколько возможно представить себе успешный ход дипломатических в этом направлении переговоров, он может начаться только взаимным личным соглашением двух монархов, причем ввиду того, что здесь затрагиваются жгучие интересы Англии, сохранение полной тайны, в особенности в первом периоде переговоров, относительно конечной цели соглашения есть *sine qua non* успеха.

Статс-секретарь Безобразов.

20 июля 1903 г. С.-Петербург.

III

В истории всех наших имперских окраин замечается одна общая характерная черта: время их преуспевания всегда совпадало с деятельностью на месте сановников, которых верховная власть «признавала за благо» облачать «исключительными полномочиями». Таким образом, достигнутые результаты являлись каждый раз последствием оправдывавшегося личного доверия монарха.

Порядок этот, правильный и по существу, как исходящий из основного положения нашего государственного строя, должен быть признан целесообразным и в настоящее время, так как:

1) он дает возможность назревшую в государственной жизни потребность удовлетворять быстро и в желательной полноте;

2) менее всего вызывает перемен в установившейся практике государственного управления и не нарушает хода текущих дел;

3) как основанный на личном доверии государя и на его непосредственном руководительстве делом, может во всякое время быть легко прекращен, видоизменен и вообще приспособлен к обстоятельствам, т. е. обладает большою гибкостью;

4) наконец, этот порядок дает вообще наибольшее сближение центра с окраиной, притом путем не бюрократическим, а непосредственным перенесением на место объединенной власти ведомств.

Трудности, с которыми мы встречаемся теперь на Дальнем Востоке, во многом напоминают бывшие у нас и на других окраинах и благополучно пережитые нами, благодаря назначению наместников.

Аналогию эту можно свести к нижеследующим пунктам:

1) Отдаленность края от центра государственного правления служит естественной преградой для правильного и согласованного между собой управления, исходящего одновременно из разных ведомств. От этого получается децентрализация в центре, а на месте — разъединение власти при фактической безответственности как правящих, так и исполнительных органов.

2) В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников.

Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение.

Особенность нашего положения на Дальнем Востоке, а именно:

а) что главный наш противник есть морская держава (Япония); б) что два наших опорных пункта суть приморские крепости; в) что наши владения имеют значительную береговую полосу со слабой охраной; г) что военные операции наши на Дальнем Востоке будут иметь характер совместного действия флота с армией, причем умелое пользование флотом требует специальной подготовки, — все это заставляет желать, чтобы личность наместника стояла в служебном отношении близко к нашему флоту. Можно высказать то общее положение, что наши окраины до сих пор жили на счет центра. Желательно, чтобы в этом отношении Дальний Восток составил исключение, что возможно только при ясной постановке там нашей экономической задачи.

Формулировать эту задачу можно нижеследующим образом:

а) изыскать средства, чтобы край не только вернул государству произведенные им на его нужды затраты, но б) чтобы и в будущем он давал государственному казначейству постоянный доход; в) открыть русской частной предприимчивости поле деятельности.

Всех этих результатов возможно достигнуть только при умелом привлечении к делу иностранных капиталов. Привлечение иностранцев к кооперативному с нами на Дальнем Востоке труду, с условием, чтобы они в выгодах своих и в занимаемом положении не выходили из второстепенной роли, возможно только при правильной организации нашего положения на Дальнем Востоке и умелой постановке финансовых вопросов.

Для этих целей предполагается открыть деятельность: в центре — особого комитета, а при наместнике — отдельного совета.

23-го июля 1903 г. С.-Петербург.

Статс-секретарь А. Безобразов.

Выводы из всего положения.

По имеющимся сведениям, возможность нашего соглашения с Японией встречается в настоящее время следующие затруднения:

1) Англо-японский союз и участие англичан во всех японских дипломатических переговорах.

Естественно, что при этой обстановке англичанам очень удобно мешать всякому соглашению Японии с Россией, а антагонизм этих двух держав составляет основу английской политики на Дальнем Востоке.

2) Япония в настоящее время считает, что она фактически владеет южной Кореей и что северную часть этого полуострова ей также удастся со временем самостоятельно захватить.

При этом понятии у японцев трудно их убедить, что та уступка, которую мы имеем в виду им предложить в Корее, будет ценным для них приобретением и что из-за него они должны сойтись с нами на Дальнем Востоке.

Поэтому единственным выходом из настоящего положения считаю:

во 1-х: наше военно-политическое усиление на берегах Тихого океана, во 2-х: изолировку Японии от содействия остальных держав, кроме Англии, которая одна, как показало прошлое, фактически помогать Японии не будет, в 3-х: когда все эти мероприятия и комбинации удадутся и японцы поймут свое положение, созданное обманной политикой Англии, тогда можно будет рассчитывать на перемену понятий в Японии и на возможность с нею сговориться, но уже на более скромных для нее основаниях, нежели настоящие, нами предполагаемые уступки.

Статс-секретарь А. Безобразов.

23-го июля 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 154.

Письмо А. Безобразова Николаю II

30 июля 1903 г.

Ваше императорское величество.

В объемистой записке своей от 24-го июля генерал-адъютант Куропаткин сплошь повторяется, с прибавлением еще некоторых добавочных неточностей. Все эти аргументы, кроме неточностей, были мною на совещаниях опровергнуты, и мне кажется, что военный министр мог бы сознательно не утруждать ими высочайшего внимания. Позволяю себе вкратце всеподданнейше доложить суть дела:

1-е. Выработанные в 1901 году «основания для действий против Японии», по числительности наших сил на Дальнем Востоке и по дислокации их (2 корпуса в Приамурье и Порт-Артур с очень слабым гарнизоном и не укрепленным тылом), ставили нас в отчаянное положение. Это было учтено нашими противниками и составляло главную причину их воинственного пыла, с остатками которого еще теперь приходится считаться. Адм. Алексеев и все местные признавали себя обреченными на «бесславный Севастополь»; это было местной характеристикой положения и в связи с этим сложилось и настроение. Что эти основания сохранились теперь в силе (как говорится в записке), — это положительная неправда, так как Порт-Артур, по высочайшему повелению, усилился на 1 стр. бригаду с кавалерией и артиллерией, и это против упрямого желания военного министра, который теперь, кажется, не может серьезно спорить с бывшей беспомощностью этой важнейшей нашей крепости, с падением которой в первый период кампании создавалась такая военно-политическая общая для нас обстановка, которая могла бы нас заставить сделать невероятные уступки.

2-е. Перечень, сделанный в записке, успеха нашего вооружения на Дальнем Востоке никакого значения практического не имеет, так как противники ушли дальше вперед; это между строк в записке и признается, так как «мы должны держаться оборонительного образа действия». Странно, что такой знаток Азии, как генерал Куропаткин, опускает здесь из виду, что это есть лучший там способ, чтобы на нас неприятель бы наседал, — что он, впрочем, и делает, пока демонстрациями, а затем пойдет и дальше. Другими словами, если мы хотим довести дело на Дальнем Востоке до войны, то нам следует только продолжать образ действия, рекомендуемый ген. Куропаткиным. Что же касается рассуждений «об горячем материале, всюду скопленном», то это верно, как не менее верно, что поджог того материала будет сделан на Дальнем Востоке, как самым удачным для этого месте, а затем пожар и будет перекидываться в разные стороны.

3-е. Что же касается разбора моих военных записок, то это сплошь производится тенденциозным образом. Записки эти имели целью:

а) Обратит внимание военного министра на вопрос, в который он не вдумывался, так как я наверное знал, что, увлекаясь доктриной западной, он Дальний Восток почти игнорировал.

б) Обратит внимание на стратегическое значение Ялу и прилегающей местности, так как занятие этих позиций японцами не только обеспечивало их положение в Корее, но ставит наши маньчжурские условия в крайне тяжелое положение. После же занятия японцами бассейнов рек Тумень и Ялу поздно будет об этом говорить, выбивать их оттуда, это — новая Кавказская война.

с) Указать на то, что, нейтрализовать эту местность невозможно и что, действуя в этом направлении, мы устроим для себя только новый самообман.

д) Представить соображения, как, на законном основании, вполне правильно мы можем разными способами укрепиться на Тумень—Ялу.

Все это военный министр понять не хочет, но и оспорить по существу не может и в записке вынужден все-таки признать значение той местности, о которой он своевременно не подумал (дело это ведется уже 6 лет).

4-е. Затем идет уже явная неправда:

а) У адм. Алексеева 600 бессрочных для леса я не просил;

адм. Алексеев это генералу Куропаткину говорить не мог, так как в совещании я объяснил это чисто телеграфное недоразумение. У меня именно шифра не было, и я должен был писать иносказательно; я просил 600 человек команды охотников для Фун-Хуан-Чен, взамен находящегося там казачьего полка. Просьба эта была вполне основательная, и адм. Алексеев только посылкой туда 150 охотников мог остановить провокаторство японцев на Ялу.

б) Инцидент с телеграммой Балашова капитану Бодиско в записке доложен неправильно: Балашов ответил Бодиско, когда тот сообщил, что 20 вооруженных японцев хотят гнать 90 русских и что ему делать, — что он удивляется вопросу: «виновных в нарушении порядка переловить и представить по начальству». — Японцы, понятно, тогда ушли, а Куропаткин хотел воспользоваться этим, чтобы раздуть дело, но в совещании не мог другого сказать Балашову, как то, что он был прав.

Равно мне он не мог доказать, что в пограничной местности всегда подобные случаи ненормальны; об этом полная ясность была установлена и поэтому приведение этого факта (за неимением лучших) я позволяю себе назвать неудачной виньеткой для прикрасы.

Чтобы не утруждать милостивое внимание вашего императорского величества разбором остальных таких же подробностей записки, обращаюсь к выводу. Что же предлагает Куропаткин? Фактически бросить всю Ю. Маньчжурию и занять позицию на севере, в таежных местах. Не говоря здесь о потерянных затратах наших, об избытке вообще у нас таежных местностей, мы фактически на этих позициях удержаться не можем при войне, которая непременно будет при подобном образе действий.

Статс-секретарь А. Безобразов.

30 июля 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 155—156.

Письмо А. Безобразова Николаю II

2 августа 1903 г.

Ваше императорское величество.

Имею счастье всеподданнейше представить копию с телеграммы ответной, посланной адмир. Алексееву Вогаком.

Относительно проекта вчерашней редакции сделан вариант, чтобы не очень подчеркивать тон «строгости», который неудобен Вогаку по отношению к Алексееву.

Кроме того, имею счастье доложить:

1-е. Что я был сегодня у министра внутренних дел «для личной справки» относительно порядка и времени получения указа Алексеевым. (О назначении его наместником Дальнего Востока. — *Авт.*) Так как никаких еще официальных мероприятий здесь не принято, то статс-секретарь Плеве об этом имеет в виду испросить высочайших указаний.

2-е. Я был у министра финансов, чтобы узнать о вчерашнем совещании, бывшем у графа Ламздорфа, и вообще, чтобы ориентироваться во враждебном лагере.

В этом отношении военный министр считал нужным сказать, «что я согласен с редакцией в протоколе вопроса об Ялу». На основании будто бы этих слов совещание и постановило свой журнал и высказалось против этого дела. Если военный министр так поступил, то он снова, по-своему, обработал правду, так как о деле на Ялу есть в журнале совещаний подробное, фактами подтвержденное мое мнение о правильности и необходимости этого предприятия. Мои слова опровергнуты не были; протоколы же совещания я подписал по особой просьбе Алексеева, чтобы покончить с заседаниями, не имеющими никакого практического значения. Но при этом я сообщил Алексееву, что свое мнение буду иметь счастье отдельно телеграфировать государю, что и сделал. Поэтому приемлю смелость доложить, что если вашему императорскому величеству благоугодно будет, то могу к журналу настоящего совещания приложить мое отдельное мнение. Граф Ламздорф может мне этот журнал и не прислать, хотя это будет и неправильно, так как, по высочайшей воле, мне им же сообщенной, я призывался к обсуждению. Кроме того, министр финансов мне сообщил, что военный министр дислокацию войск по линии жел. дороги сообщил в заседании, как «дело конченное уже» по особому высочайшему повелению.

Так как это сопряжено с большим расходом по отчуждению земель, не вызывается необходимостью, а, наоборот, непременно создаст затруднения с китайским правительством, поэтому и имелось в виду сбор всех наших главных сил поместить на Квантуне. Расходы по осуществлению этой дислокации военный министр начинает немедленно, и есть основание опасаться, что это будет повторением непроизводительного израсходованных 3 милл. на казармы в Приамурье и Уссурийском крае.

Насколько вообще мог понять министра финансов, он не знает еще как построить! Я надеюсь для текущих надобностей его использовать, строго придерживаясь указания, данного мне вашим императорским величеством, а именно: считать его очень кратковременным деятелем. — Дай бог! При нем всякое дело в загоне.

Статс-секретарь А. Безобразов.

2 августа 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 156—157.

Письмо А. Безобразова Николаю II
4 августа 1903 г.

Ваше императорское величество.

При сем имею счастье представить на благовоззрение телеграмму Балашова; она запоздала по неисправности телеграфной линии от повреждения.

Балашова я в Порт-Артуре не считал себя в праве познакомить с протоколами совещания, так как дело, по крайнему моему разумению, деловой положительности не имело, а было естественным результатом прошлых порядков. Балашов мог только огорчиться, что и случилось теперь, когда адм. Алексеев счел нужным ему их показать.

Прием Алексеева я вполне понимаю, — он чувствует фальшивую постановку всего вопроса, ее еще не вполне уяснил себе и, кроме того, боится высказаться после подписания этих квази-документов.

Алексеев не верил, что будет наместником и, следовательно, ответственным за общий успех; поэтому он представителям министерств, военного и иностранных дел, давал ход в облюбованном им направлении.

Я один справиться с коалицией не мог, но подписал только для приличия и по просьбе настойчивой Алексеева, притом заявил, «что отдельное свое мнение телеграфирую государю отдельно». С мнением Балашова о Лессаре я согласен: это человек глубоко беспринципный, и свой личный успех, спокойствие и благополучие ставит выше успеха дела. Притом он сам творец договора 26-го марта и не может сам на себя поднять пята. Притом еще он не верил в твердость нового направления и это откровенно высказал Плансону и бар. Понсбургу. Из этого, ваше императорское величество, видно отчасти, как образовалась та нездоровая деловая атмосфера, которая создала эти отрицательные для нас протоколы.

В Петербурге хотят их ратифицировать и этим путем в политической программе связать Алексеева.

Все это, понятно, труды главаря тройственного министерского союза!

Соображения Балашова касательно оккупации Маньчжурии и протектората над Кореей есть название положения правильного неправильным именем.

Если мы, на вполне законном основании, будем действительно в военном отношении сильны на Квантуне, то все остальное само собой и без слов сделается. В противоположном же случае никакие слова и бумаги не помогут.

Когда, после устройства военной силы, обосновывается под ее охраной наша частная предприимчивость с участием иностранцев, то этим все естественно будет сказано и сделано.

Но здесь также, по глубокому моему убеждению, никакая частная предприимчивость серьезно работать не может при настоящем режиме в делах министра финансов. Это общий камень преткновения. Я, по болезни, свои переговоры с министром финансов временно прервал; но обстоятельства дела в скором будущем потребуют их продолжения, чтобы связать все ка-

зенные торгово-промышленные предприятия воедино. Объединение здесь необходимо, как в виду устранения очень вредной конкуренции, так и для создания таких твердых деловых постановок, при которых возможно правильное привлечение иностранцев.

Здесь у меня есть общий связный план, который я отчасти сообщил министру финансов и, кажется, его им очень заинтересовал. Но с уверенностью могу сказать, что чем план будет лучше, тем вернее постараются его украсть, и боюсь, что исполнить затем не сумеют. Хотя министр финансов это очень скрывает, но из всех разговоров с ним для меня совершенно ясно, что он в дышле со мной искренно никогда не пойдет.

Статс-секретарь А. Безобразов.

4 августа 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 158—159.

Письмо А. Безобразова Николаю II

14 октября 1903 г.

Ваше императорское величество.

Приемлю смелость всеподданнейше доложить, что если потребуется к открытию заседания комитета представление согласованной экономической программы для дел Дальнего Востока, то с предварительной совместной с управляющим министерства финансов разработкой вопросов необходимо поспешить.

Я не смел бы беспокоить ваше императорское величество этим напоминанием, если не имел бы верных данных, что тайный советник Плеске не может самостоятельно отрешиться от прежних деловых постановок благодаря влиянию прежних деятелей, а без этого невозможно будет вывести дело из заколдованного круга — казенного хозяйства, с его огромным дефицитом в конечном результате.

Если же финансовые постановки по делам Дальнего Востока будут неудачны, то никакие успехи в других направлениях это вознаградить не могут.

Сегодня получил всемилостивейшее повеление быть членом особого комитета Дальнего Востока. Это дает полную закономерную возможность для повеления: «совместно с управляющим министерством финансов разработать и внести нам в комитет доклад по финансовым, промышленным и торговым вопросам и проекты для будущих желательных улучшений».

Во время этих совместных разработок я могу иметь полную возможность без излишних спорных столкновений доказать бюрократам, что только фискальные организации им посильны и для государственного бюджета целесообразны.

Но для правильного насаждения фискальных порядков требуется создание благоприятных условий для процветания солидных субъектов и объек-

тов обложения, требуются, другими словами, хорошие тягловые единицы, коренящиеся на почве правильных политико-экономических условий и постановок. Самой же казне быть самоисточником своих доходов невозможно, так как казенные дела и предприятия бесхозяйственны, а без реального хозяина, заинтересованного непосредственно в результатах, никакое дело промышленное и торговое идти не может.

Фиктивные в этом отношении организации имеют свойство быть тем хуже для дела, чем они лучше, по своей форме, скрывают эту деловую пустоту и создают обман глаз. Для экономического общего благополучия Дальнего Востока требуется: а) сперва создание и обеспечение за собой известных ценностей и вообще прав на определенное состояние, б) затем помещение этих ценностей для создания полезностей в благонадежные частные руки и соблюдения благоприятных условий для эксплуатации правильных дел; эти ценности должны считаться государственным достоянием: орудия же действия, для обращения ценностей в полезности, должны функционировать в качестве арендаторов этого добра, верных фискальных плательщиков, но пользующихся действительной защитой своей личности и собственности.

При этих условиях только могут удовлетвориться элементы всякой собственности, а именно: право владеть, пользоваться и распоряжаться своим добром.

При этом создается порядок индивидуализации труда и капитала вместо принципа государственного социализма, который сознательно или бессознательно во всем проводился С. Ю. Витте.

Если вашему императорскому величеству благоугодно будет Плеве и мне приказать поработать вместе, то приемлю смелость доложить, что мне представляется для могущих случиться между нами спорных вопросов авторитетное мнение третьего лица (пока дело не поступит на высочайшее благовоззрение, до вноса в комитет) крайне желательным. Если статс-секретарь Плеве был бы назначен заместителем вашего императорского величества в комитете, то этим его арбитраж в текущих обстоятельствах естествен но бы установился.

Кажется, что взаимные нас трех друг с другом теперь отношения этому также благоприятствуют.

Статс-секретарь А. Безобразов.

14 октября 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 160—162.

Выписка из письма С. Ю. Витте С. Д. Шереметеву

20 мая 1904 г.

С войной все неважно. Будет ужасный удар, если возьмут Порт-Артур, тем более что занятие его будет сопровождаться ужасной бойней. Помогите бог несчастным русским людям, там находящимся и безвинно страдающим.

Я даже не сомневаюсь, что Куропаткин, в конце концов, расколотит врага, но все-таки ничего впереди хорошего от бойни для России не ожидаю. Что касается германского императора, то он с нами более чем любезен. Наш курс теперь сильно покосился по направлению к Берлину. Пожалуй, это в некоторых отношениях и хорошо. Но все-таки не следует забывать, что мы пролили много крови и потеряли много денег, чтобы сколотить Германскую империю без особой выгоды для нас. Уверен, что мы и теперь за любезности и дружбу германского императора заплатим большой счет. Но иначе и быть не может. Я почитаю, что Германия во многом виновата, что направила все наши помыслы и силы на Дальний Восток, так что Россия во всех остальных насущных вопросах как бы осиротела. Я уверен, что наедине германский император не без удовольствия потирает себе руки.

Кажется, поездка государя прошла очень удачно. Во-первых, потому, что не было никаких инцидентов. Во-вторых, потому, что государь остался очень доволен и население было радо видеть царя.

Я большею частью сижу дома и почти никого не вижу. Откровенно говоря, я чувствую род отвращения видаться с огромным большинством моих петербургских знакомых: из-за угла критикуют и завидуют, а в глаза подличают.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 72—73.

Выписка из письма А. М. Абазы Н. Ф. Абазе

25 мая 1904 г.

Был вчера у Плеве. Дал ему такое оружие в руки, рассказав про свой сильный доклад, что теперь он может побороть Ноздрю (Витте. — *Авт.*) и кого угодно. Вероятно, он сумеет воспользоваться подготовленной мною почвой.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 73

Выписка из письма А. М. Абазы А. М. Безобразову

26 мая 1904 г.

Когда есть что ответить, то я всегда отвечаю, но тут на все твои письма надо было ответить и можно было ответить только после разговора с Хозяином (Николай II. — *Авт.*) по всем пунктам твоих постановок. Конечно, тут многое происходит, о чем хотелось бы тебе сообщить и получить твое мнение, но почтою это невозможно, ибо все читают. Потому я и послал к тебе Наташу (Н. Ф. Абаза, жена А. М. Абазы. — *Авт.*), когда надо было, хотя это мне стоило тысячу рублей. Писание сейчас становится известным, а тут надо быть донельзя осторожным, чтобы враг не знал, что против него делается. И вчерашнее-то свое письмо я послал скрепя сердце, ибо в нем, несмотря на иносказательность, все-таки нетрудно понять, в чем дело и о ком идет речь, а что его прочли тут, в этом я не сомневаюсь.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 73.

Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
26 мая 1904 г.

В здешних газетах все время приходится читать, что брожение умов в С.-Петербурге очень сильное и что оно направлено лично против нашего Хозяина. Как ни глупо все это, но меня поражает здесь повторение разных слышанных уже фраз. Откуда может идти интрига, я довольно ясно догадываюсь. В одном своем письме, кажется, отправленном с Наташей, я обращаю внимание на одно лицо, которое настроено самым непримиримым образом. Теперь момент затяжек и временных как будто неудач; нужно кому следует хорошенько показать зубы, чтобы вся эта галдящая шваль замолкла бы. Толкуют все о слабости характера, не будучи способными понять и почувствовать все его благородство; вот и следует взять главного запевалу (Витте. — *Авт.*) и так ему накласть, чтобы всем другим это было доброй острасткой. Это, по-моему, просто теперь необходимо.

Прошу тебя сообщить В. К. (Вячеслав Константинович Плеве. — *Авт.*) о здешних слухах и что я им придаю значение. У меня в этих делах некоторый опыт, и я понапрасно не стану бить тревогу. Интрига здесь идет не снизу, а от разных гнилушек, недовольных утраченным положением.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 73—74.

Выписка из письма А. М. Абазы Н. Ф. Абазе
1 июня 1904 г.

Вчера состоялось-таки заседание комиссии Игнатьева, — слава богу, последнее. Пришли к относительному согласию относительно программы будущих прений. Эта программа будет доложена государю, и Игнатьев попросит передать ее Плеве. Он думает, что очень хитро придумал и что будет дальше вести дело, прячась за спиною Плеве. На самом же деле ему будет сказано передать дело Плеве, а он сам будет отстранен. Перед заседанием я имел крупное объяснение с Коковцовым. Он шибко на меня обиделся. После заседания я хотел сгладить обиду и подошел к нему, объясняя, что я иначе не мог поступить, но он сказал, что «оскорблен», и на мир не пошел. В сущности, тем лучше. Я ссориться не люблю, но теперь будет, по крайней мере, откровенная война.

В настоящее время я готовлю две вещи: первое, это — изгнание из Маньчжурии китайских чиновников для того, чтобы вызвать официальное нарушение Китаем нейтралитета. Второе, это — разработка вместе с Вогаком условий будущего мира и всего того, что надо для этого сделать. Три первые главы готовы и находятся у Хозяина, четвертая теперь обдумывается.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 75

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
1 июня 1904 г.**

Наш военный и дипломатический престиж, насколько я могу судить, упал уже за границей так сильно, что даже при будущем успехе с этим явлением придется считаться. Вот что значит глупость Птицы (Куропаткин. — *Авт.*) и Головастика (Ламздорф. — *Авт.*).

Относительно внутреннего положения нашего толкуют, что Ноздря с целой партией собирается сделать крупную перемену и что теперь к этому готовят и общественное мнение и разных лиц.

Вообще творится все то, чего я давно опасался и о чем говорил, умоляя не давать подлецам возможности создавать все новые и новые затруднения. Один слух об этом в настоящую минуту есть чистейший и огромнейший нравственный скандал.

Нельзя забывать, что все живет доверием и кредитом; это все — пугливые звери, и с ними нужно уметь обращаться, если желательно иметь успех в деле целой стадовой массы. Если не будет понято, что никто не может единолично крупного дела сделать и в особенности соблюсти общественный покой, то придется погубить много народа понапрасну.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 75—76.

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
3 июня 1904 г.**

Мнение швейцарских газет о нашем положении на театре войны довольно пессимистическое. Пессимизм этот не лишен основания. Что поведение Куропаткина непонятно никому, это совершенно естественно, потому что едва ли он сам понимал все те глупости, которые до войны и в начале ее он говорил и делал. Теперь мы от этого во всех отношениях страдаем — нравственно и физически. Теперь одна только забота: посылка больших сил, чтобы раздавить врага.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 76.

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
5 июня 1904 г.**

Государь серьезен и вдумчив, но, видимо, спокоен и тверд, и неудача при Вафангоу несколько не поколебала его веру в будущее. Я опасался, что он будет не в духе и встревожен, тем более что убили генерала Бобрикова. Но ничего этого не было. Государь спокойно обсуждал со мною вопросы, которые возникнут после разбития Японии. Одно меня обрадовало очень. Я начал докладывать, что для успеха мирных переговоров надо, чтобы Европейская Россия была сильна войсками, для того, чтобы западные соседи не посмели громко говорить против нас. Тут государь меня перебил, рассмеялся и сказал: «Понимаю, к чему вы ведете. Можете быть покойны, все это сде-

лано. К ноябрю в России будут сформированы всюду новые части, взамен ушедших на Восток, и число войск у нас здесь будет такое же, как было до начала войны».

Я так обрадовался этим словам, что и сказать не могу. Хотелось вскочить и обнять государя. Главное меня обрадовало, что он сам об этом подумал. Умница он, успевает все предусмотреть и, видимо, подготавливает все к тому, чтобы мир был не постыдный для России и чтобы не потеряли из-за дипломатов плодов наших побед, как бывало почти всегда до сих пор.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 76.

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
6 июня 1904 г.**

После неудачного дела Штакельберга в Вафандяне следует быть осторожным с Куропаткиным, так как он теперь будет все ошибки валить на других и уверять, что он жертва обер-гоф-кригсрата.

На эту гнусность он более всего способен, и этим специально занимался паршивый триумвират у меня на глазах эти последние пять лет (Витте, Ламздорф и Куропаткин. — *Авт.*). Как теперь усердно иностранные газеты, в особенности английские, нам советуют не рисковать наступлением на Палантин, чтобы японцы не отрезали нам обратную дорогу на север! Напротив, они советуют бросить юг и сесть спокойно выжидательно на севере. Это точь-в-точь, что хотел сделать Тетерька (Куропаткин. — *Авт.*), и как бы он этим угодил япошкам и их друзьям! Вообще я не сомневаюсь, что дурацкие мысли Тетерьки были известны нашим врагам и что они сильно надеялись в своих расчетах на феноменальную глупость нашего главнокомандующего. Никогда японцы не решились бы на войну с нами, если бы мы не имели на шее это тетерькинское сокровище. Замечательно еще одно, что япошки учили также одну особенность в глупости Тетерьки: это его абсолютизм, не терпящий у подчиненных ума.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 77.

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
21 июня 1904 г.**

Твое письмо и днем раньше от В. К. получил. Я буду очень охотно тебе и В. К. посильно помогать, для чего на время приеду. Очень понятно, что чиновники не желают уменьшения своей бюрократической власти, губительной для всякого живого дела. Если не удастся будущие дела на Дальнем Востоке поставить органически в лучшие условия, то наша роль не может быть иной, как очень жалкой. Органическая же постановка есть дело Хозяина, и только; после прямого и ясного его приказания можно будет присту-

пить к делу. Слава богу, что у нас есть еще хозяйская власть, а то мы с нашими подлецами и идиотами, приставленными к разным бюрократическим машинкам, просто даром погибли бы.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 78.

**Выписка из письма А. М. Безобразова В. М. Безобразову
8 июля 1904 г.**

Дело у вас из-за Ноздрева, Тетерьки и Головастика обстоит не особенно весело; этот паршивый триумвират много, много наделал бед. Я этих патентованных подлецов в свое время усердно обличал;

но у нас так мало знающих и вообще добросовестных, серьезных людей, что глас вопиющего в пустыне постоянно встречается. Хозяин дело понимает и всегда умно и тонко судит, но у него есть своя метода действовать, где он придерживается последовательной постепенности. При этой методе остается в меде много дегтя, и дело пакостится. От меня обстоятельства требуют теперь много спокойного терпения, чтобы не соваться, когда не спрашивают.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 79.

**Выписка из письма А. М. Безобразова А. М. Абазе
11 июля 1904 г.**

Я не вижу теперь другого выхода из положения, созданного Тетерькой, как морская победа, отрезающая все японские силы от их главной базы в самой Японии. Для этого нужно двинуть решительно все наши морские силы на Дальний Восток. Четыре броненосца из Черного моря следует взять на усиление всего того, что из Балтики мы можем послать вполне годных боевых судов. Если бы тебе удалось уговорить генерал-адмирала (вел. кн. Алексей Александрович. — *Авт.*) сделать этот гениальный подвиг, то этот блестящий конец покроет все начальные недочеты. Этим мы спасем на суше сто тысяч жизней наших славных солдатиков.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 79.

**Выписка из письма А. М. Абазы Н. Ф. Абазе
17 июля 1904 г.**

Смерть Плеве меня очень удручает во многих отношениях. Он был «союзник», а теперь я один! У него в руках была комиссия об учреждении наместничества и о финансовом устройстве, и я был спокоен, что это все пройдет в должном виде. Теперь я даже не знаю, кому следует все это передать. В самом комитете Д. Востока он был вице-председателем, а теперь кто будет? Очень боюсь, что лопнет все дело! Враждебный лагерь, очевидно, ликует, и я все думаю и думаю, и не могу найти, кто мог бы заменить Плеве!

Придется мне быть на докладе на этих днях, и я, право, не знаю, что говорить. Есть еще кн. Мирский, хороший человек и не красный, но ум у него так себе. Затем Воронцов, но он ленив, даже больше, чем я, и никогда гражданскими делами не занимался. Есть еще Горемыкин, но он, будучи министром, сам не подписывал ничего, а сделал печать со своей подписью и давал курьеру (!) все подписывать. Совсем беда. Если меня спросят, то я так все это и скажу.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 80.

Дневник Куропаткина

29 ноября. [1902]

Странное мы переживаем время. Смута растет. Растет и общее недовольство. К сожалению, с разных сторон доходят сведения, что это недовольство распространяется и на личность государя. С глубоким сочувствием и любовью относятся к личности царя, но удивляются и печалются теми разноречиями, кои происходят в действиях правительственной власти. Очень ненавидят советников штатных и нештатных государя (Мещерские, Победоносцевы, Александр Михайлович, Хлоповы, Филиппы и т. д.).

Мне дело представляется так: Россия должна управляться при гармоничном развитии трех сил: бюрократии, дворянства, земства. Это наши три кита. Армия должна охранять внешние пределы России. В действительности дело стало иначе. Бюрократия с Витте и Сипягиным во главе стала доминировать и все силы направила, дабы уничтожить земство и дворянство представительство обратить в чиновников. Успели в этом. Но вместе с сим приходится и армию обратить вместо защиты внешних пределов на охрану внутреннего спокойствия — обратить в полицейскую силу. Результаты могут получиться печальные. Девизы: побольше чиновников, и другой: полное ко всем недоверие, и третий: все пристегнуть к министерству финансов — до добра не доведут.

1 декабря.

Сегодня посетил меня д. с. с. Безобразов, один из нештатных советников по делам Дальнего Востока. Просил принять, так как он прямо из Ливадии и имел до меня дело по указаниям его величества. Удивительно развязный. В его объяснениях, очень туманных, слова я и государь идут одно за другим. Слова я, Витте, Ламздорф произносятся с осуждением деятельности сих министров. Все путают, никто ничего не понимает, и лишь он, Безобразов, спасает русское дело.[...]

17 декабря.

Сегодня на докладе государю говорил о разговорах со мной Безобразова и Абаза по корейскому предприятию. Требуется командировать подп. Мадритова для содействия неясным еще для меня целям нашим в этом деле. Говорил государю, что Мадритов не может быть подчинен Безобразову, но что я командирую его в распоряжение адм. Алексеева. Государь одобрил это. Затем я доложил государю мои советы Безобразову и Абаза: изображать со-

баку на сене, дабы из концессий в Корее, на корейской границе и в Маньчжурии на корейско-маньчжурской границе создать полосу земли пустынной и труднопроходимой для разделения сфер влияния русской и японской. Что самое главное — не создавать поводов к возможному столкновению нашему с японцами. Государь одобрил это и в свою очередь сказал: «Никоим образом дело это не должно создать нам затруднений».[...]

5 января. [1903 г.]

Вчера был у меня первый доклад у государя в этом году и первый доклад во второе пятилетие моего министерского служения. Представил государю подробный отчет о том, что нами сделано в минувшее пятилетие, дабы сообразно с новыми указаниями сообразить и наши денежные требования на пятилетие 904—909 годов. Усиленно доказывал государю, что политическое положение Европы за это пятилетие стало тревожнее, что возможность европейской войны стала вероятнее и что нам надо спешить возвратиться на забытый за делами Дальнего Востока запад. В числе причин, делающих положение более тревожным, я отметил:

1) Ослабление России на западе вследствие расхода огромных средств на Дальнем Востоке.

2) Активная политика на Дальнем Востоке, которая может привести к европейской войне.

3) Развитие македонского вопроса грозит весною вызвать европейскую войну.

4) Успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дорога, реорганизация турецких сил) могут ускорить столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и другою.

5) Пангерманистские стремления Германии. Хочет съесть чехов и других, дабы открыть себе путь от Берлина до Персидского залива.

6) Нескрываемое стремление Германии к всемирной, а в первую очередь гегемонии в Европе.

7) Внутренние неурядицы в России. Если они не будут остановлены, то докажут внутреннюю слабость России, а вместе с сим нашим врагам укажут, что минута для нападения удобна.

По всем этим причинам я доказывал необходимость перенести наше главное внимание от Дальнего Востока на запад. Государь формулировал это предварительно так: что нам, будучи бдительными на востоке, обратить главное внимание на запад.

Сегодня долго сидел и завтракал у меня наш дипломатический представитель в Корее — Павлов. В общем он высказал — корейский народ отживающий. Сам ничего не делает. Как войско, будет хуже китайского. Король и двор ничтожны. На них действовать можно только страхом.

Японцы действуют энергично и постепенно расширяют свою деятельность, но у них мало пока денежных средств. Они ненавидимы корейцами, особенно на севере. Могут каждую минуту создать причину для введения в Корею войск. Нам надо непременно сохранять свободу действий и пассивно протестовать, если они влезут в Корею. В конце концов, Корея должна

стать русской. Нам выгодно найти там японцев. Лучше вести с ними войну на Корейском материке. Сами японцы не посмеют напасть на нас в Маньчжурии или в приамурском военном округе.

Предприятие Алекс(андра) Мих(айловича) в Северной Корее заботит Павлова. Лучше вести его только как коммерческое предприятие. Там уже (есть) американское предприятие по добыче золота, идущее успешно. Можно соединить его с добычей леса из наших концессий. Павлов ставится в неловкое положение тем, что воротилы предприятия предъявляют к нему требования на такие концессии, которые им корейское правительство не давало. Павлов заключил, что если несомненны и чисто патриотичны желания и надежды вел. кн. Александра Михайловича, то стоящие непосредственно у дела лица об идеалах не думают, а извлекают себе личные выгоды.

[...] Сегодня же был у Лессара, нашего посланника в Пекине. Болен. Лежит во французском госпитале. Стал поправляться. И его и Павлова мне надо было видеть, чтобы возможно отвратить грозящую России опасность от уступки Китаю обратно Северной Маньчжурии. Ламздорф на днях собирает совещание из Павлова, Лессара и Розена (посланник в Японии, вместе Извольского) по вопросу, что нам делать в Маньчжурии.

Павлов согласился поддерживать твердо проводимое мною мнение не очищать Северной Маньчжурии, но с Лессаром было очень трудно. Он заявил мне, что теперь, если после всех сделанных заявлений мы останемся в Маньчжурии, то мы вооружим против себя китайцев и все державы, что китайцы устроят нам восстание, а когда в Китае восстание поддерживается правительством — оно опасно. Что японцы сейчас же займут Корею. Относительно германцев Павлов сказал, что они усиленно советуют ему не очищать от русских войск Маньчжурию, но что советы их коварны, ибо они желают посорить нас с китайцами. Затем Лессар говорил несурзные вещи о том, что оставление наших войск в Северной Маньчжурии поведет к восстанию против нас в Монголии, Кульдже и Кашгарии.

Он говорил, что переселение китайцев в Маньчжурию не опасно и быстро не пойдет, что земли там плохи, что для переселения требуются деньги, которых нет у китайцев. Наконец, он говорил, что американцы требуют впуска их с торговыми целями в Маньчжурию, что таможи должны быть только на границе наших владений, причем вся Маньчжурия в экономическом отношении будет эксплуатироваться американцами.

Я, в свою очередь, доказывал Лессару следующее: мы наделали много глупостей, раздавая разные обещания, которые никто у нас не просил. Но что все еще поправимо. Нападение на Бодуно, нападение несколько дней тому назад к северу от Агрехе, где мы потеряли убитыми офицера и нескольких нижних чинов и другие, указывают, что мы не можем с доверием относиться к охране в Северной Маньчжурии спокойствия, когда уйдем отсюда. В Северную Маньчжурию в 25—50 лет хлынет масса желтолицых, кои, пользуясь нашей железной дорогой, будут грозить нашим границам 2.400 верст. Что железная дорога — нитка, которую нетрудно перервать. Что Россия должна за все свои жертвы выиграть в более покойной охране границ.

Если мы оставим за собой Северную Маньчжурию, то протяжение границы будет сокращено вдвое. Что первоначально, не выводя из Северной Маньчжурии наши войска, мы должны сохранить там ныне действующие основания правительственного надзора. Что ранее Витте надеялся, что восточно-китайская железная дорога будет экономическая линия. Теперь он увидел, что она будет давать только огромные убытки. Поэтому первоначально стал называть ее политической. Убытки ежегодные с предприятий Витте составляют: 20 милл. процентов на затраченный капитал в 400 милл. руб., 10 милл. убытки эксплуатаций и 10 милл. содержание охранной (пограничной) стражи. Итого 40 милл. руб. в год убытка. Надо же, чтобы Россия сколько-нибудь умерила тяжелые последствия такого дефицита. Если мы Северную Маньчжурию отдадим, то все сделанные затраты будут впустую, и железную дорогу принять стратегической нельзя будет. Но если она будет проходить по зависимой от нас территории, то мы можем придать ей стратегическое значение, а самую страну, не пуская туда китайцев и вообще желтолицых и сохраняя эту территорию для русских, сделать безопасною, потом и выгодною для России.

Лессар согласился в конце нашего длинного разговора, что можно добиться расположения по линии дороги в полосе отчуждения даже 50.000 чел., только не трогать страны вне дороги. Что можно будет занять на левом берегу Амура и те 8 пунктов, которые были указаны Гродековым. И это уже уступка.

19 января.

В среду, 15 января, было заседание Сибирского комитета. [...] Я признал возможным не говорить приготовленную мною небольшую речь о крайней тяжести для России продолжать огромные расходы на предприятие Дальнего Востока. Что только предприятие Витте по устройству восточно-китайской железной дороги и связанных с ней предприятий стоили казне до 400 милл. руб., свыше 150 т. руб. за версту и дают убыток казне уже ныне свыше 25 милл. рублей, а убыток может дойти до 35—40 милл., в том числе — 15—20 милл. как процент на затраченный капитал, 10 милл. убытки по эксплуатации и 15 милл. содержание пограничной стражи Заамурского округа.

Вместо сего я заявил, что у меня возникло предположение настаивать, дабы не считать 39 милл. руб. свободным остатком от реализации китайского долга и уплатить из них нам 11 милл. руб., но что объяснениями с министром финансов я пришел к заключению о возможности наше требование хотя и не всех 11 милл., а лишь 6 милл. рублей отнести на другие кредиты, согласно с обещанием министра финансов. [...]

28 января.

[...] Сегодня государь утвердил мой доклад об эвакуации только Мукденской и Южной части Гиринской провинции и главное утвердил, чтобы наши войска оставались неопределенное время в северной части Гиринской и Цицикарской провинций.

1 февраля.

Много говорил с государем о флоте нашем, о необходимости не ослаблять наши сухопутные силы, ассигнуя много на флот. Говорил, что самое

важное иметь сильный флот в Балтийском море, что Тихоокеанская эскадра тоже может находиться, за исключением части судов, укрытых в устроенной Порт-Артурской бухте, в Балтийском море, что мы от Японии отстоимся и с сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее. Что Порт-Артур уже в сем году будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду 1 1/2 года. Что пока собирается наша сухопутная рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря.

Судьбы России зависят от успехов на сухом пути. Государь приказал все потребные по сухопутному и морскому ведомству кредиты рассмотреть в совещании трех министров: морского, сухопутного и финансов.

16 февраля.

Вчера докладывал государю полученную им расшифрованную депешу адмирала Алексеева. В ней он указывает на недостаточную обеспеченность Порт-Артура в случае очищения нами Мукденской провинции и просит находящиеся в сей провинции войска не уводить в Приамурский край, а подчинить ему, Алексееву, с переводом в Порт-Артур и на Квантун. В то же время Алексеев просит оставить в Маньчжурии против Корейской границы Читинский каз. полк, дабы наблюдать за границею. Государь, несколько стесняясь, объяснял мне происхождение этой депеши. Он и сам слышал от Алексеева о необходимости усиления квантунских войск ранее. Посылая по Корейским делам Безобразова в Порт-Артур, государь послал с ним письмо к Алексееву по вопросу об эвакуации Маньчжурии и теперь Алексеев присылает ответ. Я доложил государю свои соображения, что, уступая свободу действий Японии в Корее, мы уже не можем ожидать разрыва с Японией; что, имея сильный флот и желая еще усилить его, мы тоже уменьшаем опасность для Порт-Артура. Наконец, что в случае нужды мы успеем подвезти подкрепления, что оставление в Квантуне еще других частей увеличит расходы и болезненность. Потребуется увеличить и крепостные запасы. Теперь их на 1 1/2 года. На это государь с большим основанием возразил мне, что какая польза в этих запасах, если японцы быстро обложат и отрежут Порт-Артур от Приамурья при недостаточном гарнизоне. Что, усилив гарнизон, он хотя и менее будет обеспечен запасами, напр., на 6 месяцев, но будет в силах дать отпор.

Действительно, линия укрепления — с сухого пути 18 верст — чрезмерно велика для 10 батальонов, кои мы имеем для защиты их. Поэтому я охотно пошел навстречу просьбе Алексеева и доложил государю о том, чтобы в состав квантунских войск прибавить: 5 или 15 Вост. Сиб. стрелковые полки, 1 Читинский каз. полк и 2 Забайк. конную батарею (из них 1 бат-он, 2 сотни стоят в Шанхайгуане и Пекине). Одновременно государь одобрил развертывание двух батарей Порт-Артурского крепостного полка в 4-батальонный.

Тогда же государь говорил мне, что признает положение на Дальнем Востоке тревожным не столько из-за японцев, сколько из розни, которая существует на месте между представителями военного и финансового ве-

домств. Что он полностью присоединяется к военному ведомству. Государь несколько раз повторил о необходимости мне ехать возможно безотлагательно на Дальний Восток. Государь прибавил, что у него идет переписка с Безобразовым по особому шифру.

Сегодня в манеже Витте, к моему удивлению, хорошо был осведомлен о переписке между Безобразовым, Алексеевым и государем. Витте знает, что Безобразов его ругает, и очень огорчен, что государь более доверяет Безобразову, чем ему, Витте. Так, по его словам, государь до сих пор 6 месяцев не возвращает ему его доклада по его поездке на Дальний Восток. Витте удивляется и огорчается, что государь, по его словам, непременно «против кого-нибудь интригует, привлекая в свои помощники разных Хлоповых, Мещерских, Безобразовых». Так Витте говорил, что государь держит у себя постановление государственного совета относительно уничтожения круговой поруки и других мер по облегчению крестьянского населения уже год времени только потому, что Мещерский написал об опасности сих мер.

Я Витте объяснял, что государь держит у себя эти доклады только потому, что у него у самого нет ясной уверенности в полезности сих мер, а письмом Мещерского только подкрепило его сомнение.

Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России.[...]

19 февраля.

Вчера 2 1/2 часа сидел у меня Витте. Главным образом его тревожили дела на восточно-кит. Маньчжурской железной дороге. Читал мне депеши Безобразова и Покотилова, из которых было видно, как юлит там адм. Алексеев. [...]

Признал, что миллиард, израсходованный на восток, ослабил Европейскую Россию, но не убежден, что было бы лучше, если бы мы его не израсходовали. Признал, что мы 450 милл. израсходовали через дворянский банк и этим ко вреду для дела подняли цены на землю. Признал, что железнодорожное хозяйство идет очень плохо. Что Хилков справиться не может. Признал, что нам надо продолжать строить железные дороги, противно с выраженным мнением по сему вопросу государя. Что дороги строятся на займы. Наконец, горячо продолжал отстаивать пользу привлечения в Россию иностранных капиталов. Что иностранцы у нас только разорились, но оживление внесли.

3 марта.

Вчера сидел у меня, по поручению государя, адмирал Абаза. Передал желание государя:

1) Чтобы я вызвал в Петербург г.-м. Вогака, который предназначается для лесного дела на Ялу.

2) Чтобы я доложил государю о возможности усилить «рабочую артель» на Ялу с 300 на 600 нижних чинов. Иметь их в китайском платье и безоружными, а оружие везти за ними на повозках. Они будут рубить лес, а когда понадобится, то и сражаться. Я ответил Абазе, что мне ничего не известно о существовании рабочей артели из нижних чинов в 300 человек, но что если бы спросили моего мнения, то, конечно, я противился бы такому составу артели. Что буду противиться и теперь. То, что предлагает там на месте Безобразов, то опасно во всех отношениях, ибо может вызвать осложнения с Кореею и Японией и даже в пределах Маньчжурии наши нижние чины могут быть перебиты хунхузами или они могут отбить обоз с оружием. На это Абаза ответил мне, что год тому назад государю было доложено им, Абазою, мое мнение о возможности подкрепить из расположенных в Маньчжурии войск наше предприятие на правом берегу Ялу, если бы понадобилась защита против хунхузов, батальоном. Что теперь эти 600 человек и составят этот батальон. Пришлось разъяснять разницу между тем, что было год тому назад и теперь, когда мы согласились очистить Южную Маньчжурию к 26 марта. Разница в батальоне, двинутом на Ялу для известной военной или даже политической цели, и между готовящимся маскарадом.

Я дал совет Абазе противиться фантазиям Безобразова, скорее вызвать его. Указал, что он принял неподобающую ему роль. Разъезжает со свитой чинов всех ведомств, действует от имени государя и упраздняет распоряжения всех министров и не считается с китайским правительством. Хлестаков Гоголя — щенок и мальчишка с этим новым Хлестаковым начала XX столетия. Несомненно, что власть на месте подорвана, сказал я Абазе, и что предприятие на Ялу, которое могло бы стать государственно важным предприятием, этим вредным фантазером делается как бы личным предприятием государя, идущим в разрез с мероприятиями и приказами государя, отдаваемыми им своим министрам. Я прибавил Абазе, что Алексеев на месте юлит и играет двойную игру.

Дабы выйти из сего положения, я предложил Абазе составить рабочую артель из запасных нижних чинов, предложил дать им оружие и патроны. Предложил поддерживать действия этой артели, если понадобится, разездами наших казаков, пока чининцы будут стоять в Фын-Хуан-Чене.

Витте, Ламздорф и я с тревогою следим за действиями Безобразова и в особенности тревожимся личною перепискою государя с этим фантазером и авантюристом.

5 марта.

Вчера доложил государю свои сомнения относительно действий Безобразова в Маньчжурии и особенно по отношению к предположениям употребить наши войска в «артели рабочих», переодетыми и с ружьями в повозках. Абаза уже передал государю мой разговор с ним, и государь был подготовлен. Наш представитель в Сеуле тоже указывал на необходимость ограничиться в артели только нижними чинами запаса и то в возможно малом числе. Гр. Ламздорф не понял положения и в письме ко мне написал мнение, «что артель может быть составлена из воинских чинов». Государь

признал, что Безобразов увлекается, и сказал мне, что уже решил отозвать его. Относительно артели государь согласился с невозможностью иметь там чинов действительной службы и разрешил телеграфировать адм. Алексееву, чтобы «артель» была образована только из вольнонаемных чинов запаса. При этом государь согласился и с моим мнением, чтобы запасные рабочей артели всегда имели оружие при себе. Оружие, бердановские ружья, я указал, что будет выдано из склада в Порт-Артуре.

Государь приказал вызвать Вогака, на которого и предположено возложить общее руководство лесным делом. Наконец, государь сказал дорогие слова, что «надо возможно менее увлекаться лесным делом на Ялу». По-видимому, на государя повлияла и депеша к Витте, положенная мною государю, в которой представитель в Порт-Артуре по финансовой части, по поручению адм. Алексеева, доносит, что адмирал весьма тревожится затеями Безобразова.

16 марта.

Время бежит необычайно быстро. Уже 4 недели поста кончилось. За эти дни выяснилась моя поездка на Дальний Восток (15 апреля выезд). Выяснилось, что вследствие разных сложных причин поездка эта в(есьма) желательная для государя, желательна и его министрам Витте и гр. Ламздорфу. Кроме того, посланник Японии в Петербурге Курино получил приказание от своего правительства пригласить меня в Японию, дабы успокоить возникшее там движение против России. Безобразовщина с Безобразовым во главе дошла в это время до своего апогея. Адм. Алексеев телеграфировал мне, что он и не думал разрешать 300 нижних чинов в «рабочую артель», предприятия на Ялу. Что он разрешил нанять лишь 40 человек запасных. Безобразов, телеграфируя Абаза, что у него уже есть 300 нижних чинов и требуется еще 300, все врал. Третьего дня у меня снова сидел Абаза и сообщил совершенно диковинную новость: Безобразов решился обойтись без нижних чинов и нанял в свою артель «хунхузов».

Абаза считает это решение в(есьма) удачным. Неделию тому назад государь передал мне для доклада ему записку Безобразова, носящую название: «Расценка положений», и приказал доложить по ней. Какой сумбур. Набор разных слов из курса стратегии и придуманных лично: операционная база, коммуникационные и операционные пути, стратегические авангарды и проч.

В результате признается необходимым усилить наши войска на Дальнем Востоке еще 35.000 человек. Затем полагается необходимым наши силы расположить в предвидении войны с Японией так: 25.000 на Квантуне, 5.000 конных стрелков с горными орудиями в Северной Корее, «стратегический авангард» в Гирине и главные силы в Харбине. Разбросав так наши силы, выражается надежда, что наш 5.000 отряд в Корее будет так искусно действовать, что «нравственно» разматает японцев еще до начала военных действий.

В результате всех деяний Безобразова явились на Дальнем Востоке две политики — «императорская» и «безобразовская». Очевидно, японцы тревожатся, китайцы тоже и готовят протест.

20 марта.

Вчера сидел 2 часа у С. Ю. Витте. [...] Витте просил высказать государю трудность положения и попытаться добиться обещания: а) не развивать флот, 2) приостановить расходы на Дальний Восток.

Витте рассказал, что государь перестал относиться к нему хорошо с тех пор, как гр. Муравьев переслал государю перлюстрированную депешу Радолина Вильгельму, в которой Витте высказал свое мнение о захвате Вильгельмом Киао-Чжоу и нашим государем Порт-Артура в таких выражениях, что это детская игра, которая будет иметь, однако, роковые последствия.

[...] Витте говорил мне, кроме того, что теперь безобразовцы собираются основать одно общество для утилизации богатств Маньчжурии: привлечь туда американские и французские капиталы. Государь сочувствует. У Вонлярлярского ежедневно собираются Абаза и другие. Витте считает, что все это кончится крупным мошенничеством. Лярский, по его словам, умнее и плутоватее других. Что в результате Маньчжурия будет передана в руки иностранцев.

22 марта.

Вчера с Витте докладывали по вопросу о прибавке к предельному бюджету. Толковали мирно. Дружно убеждали государя в необходимости приостановить расходы на флот и на Дальний Восток. Государь выразил волю свою не расходовать ежегодно на судостроение более 12 милл. руб. в год, т. е. в размерах отпуска на сей год. Государь прибавил, что покойный Тыртов признавал это ассигнование вполне достаточным. Равно государь согласился и с необходимостью умерить расходы по Дальнему Востоку. [...]

28 марта.

В среду, 26 марта, было совещание у государя, на котором присутствовали: вел. князь Алексей Александрович, Витте, Плеве, Ламздорф и я. Предметом обсуждения было лесное дело на Ялу. По-видимому, государь сознал опасность действий г.г. Безобразовых в этом деле; сознал, что бряцание оружием и полное игнорирование всех властей и всех русских заявлений, проявленные Безобразовым, только вредят делу и могут вызвать осложнения с Японией. Государь просил высказаться всех с полной откровенностью.

Дружнее других проваливали безобразовские затеи Витте и я. Помог и Ламздорф. [...]

Государь согласился, чтобы придать делу частный характер, с поддержкой правительства, но без участия военной силы сухопутной и морской.

Несколько раз государь соглашался, что надо избегать повода в ссоре с Японией, что война с нею совершенно нежелательна. Выразил согласие и на то, чтобы предприятия на Ялу были в высшем ведении адмирала Алексева. Витте добился своего: ему будет поручено в Пекине через своих агентов добиться получения концессии в Маньчжурии на левом берегу Ялу. Вел. кн. Алексей Александрович высказывался определенно, чтобы это было частное общество, без участия пехотных и морских сил, но с поддержкой, особенно денежною, правительства.

10 апреля. Москва.

Сегодня приехал утром в Москву. В 11 часов был принят сперва государынею, потом государем с продолжительным докладом. [...]

Доклад начался с моей поездки на Дальний Восток. Утвердил мои предположения и прибавил свои указания. [...] Продиктовал, что я должен буду сказать японскому императору. Спросил, был ли у меня «этот» Безобразов. Ответил: нет, не был. Вероятно, — прибавил я, — у него нечиста совесть, ибо он совершенно пренебрег моими советами. Государь твердо повторил, что лесное дело на Ялу быть должно частным делом и вестись под общим присмотром адм. Алексеева. Утверждая проект формирования Заамурской железнодорожной бригады, государь очень сочувственно отнесся к моему заявлению, что это будет первый шаг, дабы и всю пограничную стражу Заамурского округа обратить в общего характера военную силу и подчинить ее военному министерству. Государь с живостью ответил: «Буду ждать по возвращении вашем доклада по сему важному вопросу». Я добавил, что Витте быстро готовится к мысли, что этим должно кончиться. Затем государь прибавил, что я должен ознакомиться с вопросом о заселении полосы железной дороги русским элементом.

Относительно Японии государь сказал мне с насмешкою, что я в императоре увижу довольно странную и неприятную фигуру. [...]

24 июля.

Более недели тому назад приехал в Петербург, и все не могу прийти в себя от изумления от всего, что слышу кругом.

Главною темою все же служит Безобразов. Витте говорил мне, что Мещерский написал государю очень хорошее письмо, в котором предупреждал государя, что составил заговор против государя и его министров, и что во главе заговора стоит Николай Александрович, а далее следуют Безобразовы, Абазы, Лярские и т. п. Он же писал письмо государю в защиту военного министра, в котором писал, что Куропаткин в России один и что нельзя с ним так поступать, как поступили по совету Безобразова, задержав в Японии, чтобы дать время Безобразову приехать ранее меня в Порт-Артур к Алексееву. Витте говорил, что раскрылось, что Безобразов ходил к Витте и ругал меня и Ламздорфа, и обратно, но, что хуже, говорил Ламздорфу, что его ругает Витте, а Витте говорил, что его ругает Ламздорф. На мне он тоже, что называется, вешал собак. Хвалился, что это он дал идею государю послать две бригады в Забайкалье и что это он указал источник для покрытия этих расходов — сокращение больших маневров в варшавском военном округе. Он же хвалился, что находит бесполезным строить Принаревскую железную дорогу. Ему же было разрешено получить в гл. штабе и в гл. управлениях самые секретные материалы. Он же у ген. Жилинского, который его товарищ по кавалергардскому полку, говорил: «Сахаров еще на хорошем счету у государя, но он может сильно испортить себе, если не отнесется должным образом к предприятию на Ялу». Он же говорил Жилинскому, что озабочен назначением начальника штаба к адм. Алексееву. Что Флуг молод. Когда же Жилинский указал ему на Вогака, то Безобразов ответил, что Вогак ему нужен здесь.

Сегодня обедал у Витте вместе с Н. В. Муравьевым. Оба они смотрят с тревогою на настоящее положение дел. Говорят, что теперь хуже, чем было при Сипягине, что этот хотя был убежден в пригодности того, что им проводилось в жизнь. Теперь же Плеве действует без убеждений, политическими мерами. Что будут серьезные беспорядки, что много прольется крови, что войска будут развращаться. Что надо скорей убирать таких деятелей, как кн. Голицын (на Кавказе). На мой вопрос: «Чего же они хотят?» — Муравьев ответил, что общее недовольство настоящим режимом охватило все слои общества. Что так долго длиться не может.[...]

1 августа.

Вчера в канцелярию военного министра, во время приема представлявшихся, ко мне приехал С. Ю. Витте, возбужденный, и привез номер «Правительственного Вестника», в котором неожиданно для всех министров, кроме Плеве и, думаю, кроме самого Витте, был напечатан указ о наместнике на Дальнем Востоке. Читали вместе и многое было нам непонятно. В особенности тяжело мне было прочесть, что, несмотря на мнение г. а. Алексеева, переданное мною государю, о том, что Алексеев просит не верить ему Приамурский край, таковой был ему вручен в главное управление с изъятием всей гражданской части из ведения министерств. Прежде всего исполнение указа ныне же и мне и Витте представлялось мало выполнимым, ибо у Алексеева нет ныне органов и лиц, которые могли бы помочь ему вступлению в должность наместника не по существу, а по форме.

В указе значилось, что Алексееву вверяется командование войсками в Приам. крае, кроме Квантуна. Такое решение государь принял, не выслушав моего мнения, поэтому я высказал Витте мнение, что мне снова придется поставить вопрос о доверии и, вероятно, оставить пост военного министра, ибо в таком решении государя я усматриваю недоверие к себе, а без доверия управлять с успехом военным министерством нельзя.

В тот же день я был у Плеве (мы ранее условились видиться в этот день) и, конечно, говорили об указе. Плеве успокаивает меня и говорит, что и он узнал об указе всего за два дня до его обнародования, причем ему даже приходилось спрашивать указание государя: кто должен контр-ассигнировать указ? Плеве мне рассказал следующее: черта недоверия к министрам и издание важных актов без их посредства обща всем государям, начиная с Александра I. [...]

31 октября.

Вчера сидел у С. Ю. Витте более двух часов. Говорили о наступившем затишье по делам Дальнего Востока. Витте высказал мысль, что государь, ударив по нем и доказав свою мощь и решимость не останавливаться ни перед чем для проведения своих идей по Дальнему Востоку, теперь успокоился. Что в особенности воинственное настроение в сентябре Алексеева встревожило государя. Что теперь он спокойнее будет смотреть и на окружающих. В числе их особенно занимает Витте Безобразов. Теперь, по словам Витте, вполне определилось, что Безобразов — негодяй. Но тут в отзыве С. Ю. Витте сквозило личное раздражение. Он с основанием счи-

тает, что Безобразов очень способствовал удалению его с места министра финансов. Тотчас после смены Витте Безобразов был у него и упрекал, что он, Витте, не хотел с ним идти и потому пал. Говорил и в других местах, что это он свалил Витте. Государю в Дармштадте передали похвальбу Безобразова, что это он свалил Витте, и государь, раздраженный, сказал: «Пора, однако, это окончить». Затем Витте говорил, что он не мог так прямолинейно действовать по отношению к Безобразову, как действую я, что он, Витте, связан с Безобразовым серьезными делами уже с 1900 года. При этом Витте достал из своего секретного шкапа документы, из которых показал мне два. В первом из них были изложены основания действий лесного предприятия на Ялу, а на обороте государь написал почти всю страницу карандашом. Тут значилось, что барыши с предприятия на Ялу должны поступать в доходы кабинета в соответствии с теми расходами, которые произведены на это предприятие из сумм кабинета. Что потом дальнейшие барыши должны идти на содержание войск на Дальнем Востоке и, наконец, на эти же барыши следует развить церковное строительство. Документ, по-видимому, 1900 года. Того же года Витте показал мне собственноручное письмо государя к нему, которое начиналось так: «Любезный Сергей Юльевич, сделайте распоряжение об открытии А. М. Безобразову в русско-китайском банке кредита в два миллиона рублей...» Витте прибавил, что эти два миллиона израсходованы без толка, что теперь сам Безобразов признает неудачу своих предприятий; что никакого отчета в этих двух миллионах он никому не дает; что дела ведутся очень темные; что из русско-китайского банка, по словам Ротштейна, к Безобразову на службу поступили все подозрительные люди и этим очистили личный персонал банка.[...]

26 ноября.

[...] Забыл написать, что гр. Ламздорф говорил мне о провале лесного предприятия на р. Ялу. Безобразов, обещавший нам в заседании в Порт-Артуре в этом году 5 милл. и будущем 10 милл. барышей казны, в действительности нагрузил лесом только одно из зафрахтованных им судов. На второе судно леса не хватило и лес купили американский!

28 декабря.

Приехал сейчас от Витте. Все его волнует вопрос: вспоминает ли его государь. [...] О делах Дальнего Востока продолжает надеяться на мирное улажение дела с японцами, но ценою больших уступок с нашей стороны: «подождем хвост и отступим», говорил Витте. По его словам, предложения японцев в августе были вполне приемлемы, за исключением одного пункта. Он так и написал государю, но его величество нашел, что подобные требования составляют «нахальство» со стороны японцев. Теперь мы уже согласились на гораздо большие уступки и согласились еще на новые. Войны не будет, но престиж государя будет потрясен. Государственные люди Европы увидят в нашем отступлении урок для себя и начнут щипать Россию. Впрочем, прибавил Витте, по последним сведениям представители черного комитета: Безобразов, Вонлярьский, Вогак переменили тон. До послед-

него времени они все твердили, что войны не будет и не может быть. Теперь галдят, так идти далее нельзя, что из нас «тянут жилы», что лучше идти на войну. Вогак подал какую-то записку государю.

Рассказал мне также Витте, что Безобразова дважды забаллотировали в новом клубе, и все же комитет: Абаза, Юсупов и кто-то третий повезли билет Безобразову. Многие возмутились этим поступком и грозят выйти из клуба. Граф Пален вернул свой билет, сказав, что он не хочет быть членом в клубе, где есть место Безобразову. Высказал мнение, что считает Безобразова преступным за то, что он тянет Россию в войну против мнения министров и, особенно, противно с мнением военного министра Куропаткина. Кстати, Витте сказал, что старый граф Пален часто вспоминает с большим уважением моего покойного отца, с которым служил, когда во Пскове был губернатором. Витте, когда говорил о войне и о неизбежности больших финансовых операций, чтобы достать деньги, сказал мне, чтобы я доложил государю о необходимости возвратить его, Витте, к должности министра финансов на время войны. Можно даже оставить в должности председателя комитета министров. А то все равно, по словам Витте, кто бы ни управлял финансами, все же будут приходиться к нему и руководствоваться его указаниями. Жажда власти по-прежнему мучит Сергея Юльевича, но тут он прав: в случае войны надо постараться поставить его во главе финансового ведомства, иначе мы запутаемся.[...]

31 декабря.

Вчера был важный доклад у государя. Его величество одобрил мой проект ответа адм. Алексееву, просившему при высадке японцев в Корею (вторым эшелонem) мобилизовать наместничество и сибирский в. округ или мобилизовать и прислать на Восток 10 и 13 арм. корпуса. Просил разрешения выставить отряд на Ялу, объявить крепости Порт-Артур и Владивосток на военном положении. [...] В общих чертах государь одобрил объявление крепостей на военном положении, лишь подготовку к мобилизации и к выставлению отряда на Ялу и одобрил ассигнование 3 милл. руб. на вызываемые чрезвычайными обстоятельствами расходы по заготовлению разных запасов, формированию транспортов, разработке дорог, устройству укреплений и увеличению готовности войск наместничества.

Государь лично вписал, чтобы отряд на Ялу не посылался, а только «подготовился».

Вчера же государь передал мой доклад по письму Абазы о том, чтобы наместник по всем без исключения делам сносился с государем и Абазою.[...]

13 января. [1904 г.]

[...] Несомненно, что государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нем все растет и растет вообще враждебное чувство к Японии. Он скрывает от всех нас с удивительным самообладанием. Растет неприязнь и к Англии. [...]

Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении военного министерства, и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по главному штабу военным советом.

15 января.

Сейчас возвратился из совещания, бывшего под председательством вел. кн. Алексея Александровича по составлению ответа на контр-предложения Японии. Участвовали Ламздорф, я, Авелан, Абаза. Продолжалось 2 1/2 часа.

Заседание открыл Алексей Александрович. Говорил между прочим: «что дальше с нашими уступками идти некуда». Указывал на «громадное миролюбие России».

Надо определить зону в Корее, где они (японцы) могут укрепляться. Если во всей Корее, то тогда и Порт-Артур теряет свое значение.

Гр. Ламздорф первый говорил, что лучше от зоны (ст. 6) отказаться, но настаивать на сохранении всей 5-й статьи, дабы японцы во всей Корее не имели права занимать какой-либо пункт со стратегич. целью.

Абаза говорил, что еще 12 июня прошлого года государем было предназначено решение по сему вопросу. Он, Абаза, подавал записку. Писал почти со слов государя. Границы Японского преобладания определить по водораздельным линиям бассейнов реки Тумень-улы и Ялу. Хребтовая линия, определяющая эти бассейны, и должна стать линией, разграничивающей сферы влияния России и Японии. У нас останется заслон. Важно решить и по береговой линии: все ли линии не допускать укреплять или только проливы. Стратегические сооружения вне зоны нашего влияния надо бы допустить или не допускать на побережье. «Дерзость и нахальство» японцев исчезнут. Можно также редактировать так, что укрепления береговой линии могут возводиться только по соглашению с Россией.

Позже Абаза говорил, что экономическое водворение японцев в Корее поведет и к военному занятию Кореи японцами. Государь еще 6 лет тому назад не хотел допускать японцев в северную Корею, желая, чтобы там был «заслон». Последняя уступка Абазы «пустить их до заслона».

Авелан говорил за сохранение зоны по 39 параллели, иначе Порт-Артуру трудно! Говорил неопределенно; дела не знает. Говорил и о последующем соглашении, чтобы русскому флоту выговорить в Корее Мозампо.

Я докладывал, что предложение Абазы, как совершенно новое, трудно приемлемо. Что идея понятна, но при отсутствии у нас теперь хороших карт нам теперь наметить линию водораздела оч. трудно, а верно наметить — невозможно.

Я указал, что 6-я статья о 39 параллели находится в противоречии с 3 и 4 статьями, что как она нам ни выгодна, но принять ее японцы не могут, ибо, принимая ее, следовало бы переделать весь договор и в сущности прийти к разделу Кореи на две части. Запрещение вводить в нейтральную зону войска поведет к анархии в этой местности, а в тоже время будет противоречить 3 статье, которая дает японцам право принимать меры к защите своих интересов во всей Корее, и противоречить статье 4-й, по которой японцы имеют право вводить войска во всю Корею для поддержания порядка или в случае волнений. Статья 5 в нашей прибавке также может вызывать большие затруднения при принятии ее. Прежде всего трудно разграничить, какие именно пункты будет Япония занимать с стратегич. целями, какие — без

этих целей. Второе — это то, что Япония в южной части Кореи без занятия стратегической важности пунктов обойтись не может. В-третьих, мы статьей 8 уже разрешаем Японии вести железную дорогу от Сеула до Ялу (у Виджу). Это есть наибольшее из всех предприятий, имеющих стратег. характер. Но все же в северной части Маньчжурии, если мы значение статьи 5-й ограничим 39 параллелью, мы можем наблюдать, чтобы японцы не заводили укрепленных пунктов, особенно вблизи нашей госуд. границы по Тумень-улу. Но если гр. Ламздорф берется провести всю 5-ю статью легче, чем проектированное ограничение мною 39 параллелью, то я согласен примкнуть к его мнению. Я сомневаюсь только в согласии японцев на наше требование относительно южной Маньчжурии.

Ввиду горячих споров я предложил представить государю два проекта ответа. Один, составленный и прочитанный нам гр. Ламздорфом, где мы отказываемся от 6 статьи, но сохраняем 5-ую. Другая, отредактированная мною, будет заключать в себе, примерно, следующее: 5-ую статью относительно стратег. пунктов мы будем редактировать так, что японцы и мы не будем иметь право вооружать какие-либо укрепления на побережье и гарантировать свободу сообщения по проливам. Но эта статья позволит японцам занимать с стратег. целью пункты внутри Кореи южнее 39 параллели. Статья 6-я будет отредактирована так, что 39 параллель отделит нейтральную зону, в которую японцы будут иметь право вводить для поддержания внутреннего спокойствия свои войска только по соглашению с Россией.

Абаза предложил редактировать и третий случай, если государь, вместо 39 параллели, примет мнение Абазы об водораздельной линии бассейнов Ялу и Тумень-улу. Гартунг записал все наши суждения и должен завтра прислать нам проект заключения совещания.

Я говорил, между прочим, что, если война неизбежна, то нам надо оттянуть ее на 1 год 4 месяца (окончание Кругобайкальской ж. дороги и усиление Восточно-Китайской дороги). Если же этого нельзя, то хотя бы на 4 месяца, пока мне удастся послать все подкрепления.

Ламздорф торопит с ответом, говоря, что дорог каждый час.

Относительно Маньчжурии я твердо ставил необходимость не соглашаться с предложением Японии, дабы мы обязались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии. Я говорил, что если бы мы такую статью дали, то скоро вынуждены были бы ее нарушить.

Гр. Ламздорф обещался и не допустить обсуждение этой статьи, выработав по Маньчжурии такую редакцию, в которой о территориальных правах Китая в Маньчжурии ничего не говорилось бы.

Все это меня не успокаивает.

20 января.

Вчера на большом бале в Зимнем дворце гр. Ламздорф говорил мне, что у него был японский посол Курино и умолял поспешить ответом на последние предложения Японии. Он говорил, что настроение в Японии дошло до такой степени возбуждения, что дорог каждый час. Просил ради возможности сохранить мир, умерить наши требования, написать ответ в приемлемом

для Японии смысле. Ламздорф ответил, что наше миролюбие Японии известно, что и Японии надо знать, что есть предел и этому миролюбию. Поэтому от Японии будет зависеть умерить свои требования. Согласились обмениваться письмами, как Курино и Ламздорф, но не как министры своих правительств.

Там же на балу долго со мной говорил Витте.

У него все на уме возврат к власти. Он рисовал в мрачном виде финансовое положение России ввиду предстоящих событий. Что рента упала до 98, что у нас финансового плана на случай войны не выработано. Что не думают: как надо поступить? Следует ли задержать золото? Какие произвести финансовые операции? Для него, Витте, важно выяснить: должны ли мы готовиться к войне только с Японией или после войны с Японией нам надо ждать войны европейской. Меры должны быть особые в том и в другом случаях. Говорил, что его надо с объявлением войны призвать к власти. Иначе не справятся и испортят только то, что им сделано.

Спрашивал меня: когда я отправляюсь на Дальний Восток. Говорил, что он, Витте, лучше Алексеева справился бы с задачей командовать сухопутными силами. Говорил, что общественное мнение может вынудить на назначение меня командовать армиею на Дальнем Востоке. [...]

25 января.

Вчера государь выразил первый раз тревогу по поводу возможной войны с Японией. Вместо обычной уверенности, что войны не будет, с некоторым раздражением сказал мне: «Надо скорее выяснить вопрос о войне, воевать так воевать; мир так мир, а эта неизвестность становится томительной».

Предоставил по моему докладу наместнику объявить мобилизацию и другие меры.

Вечером (в 12 часов ночи) получил письмо Ламздорфа с извещением, что им получена нота японского посланника о том, что ему приказано со всей миссией покинуть Петербург. Государь приказал отозвать и нашу миссию из Токио.

Сегодня Ламздорф приложенным к сему тому письмом извещал меня и подтвердил при моем свидании словесно, что отзывание посольств не означает еще, что война неизбежна. Опасается, чтобы, как он пишет, наши герои на Дальнем Востоке не увлеклись внезапно каким-нибудь инцидентом и не вызвали войну.

Кн. Оболенский, с которым я также виделся сегодня, смотрит на дело мрачнее и высказывает мнение, что отзывание посольства есть тревожный признак. Ламздорф и Оболенский полагают, что война может начаться без торжественного объявления ее. [...]

Повидал вчера же Авелана. Считает, что силы наши достаточны, чтобы атаковать японский флот. Броненосных кораблей у них столько же, но есть и старого типа. Крейсеров малых больше, но малые плохи и будут привязаны к берегам. Минный флот у них сильный. Мы технически и по составу сильнее, но Авелан выразил сомнение в способности адмирала Старка вести самостоятельно такую огромную морскую операцию. Говорил, что Старк

исполнителен и знает дело, но лишен инициативы, что хорошо, если бы Алексеев сам повел флот. На мой вопрос: почему же, имея таких адмиралов, как Скрыдлов, Бирилев, Рождественский, Макаров, Дубасов, вверяют почти весь наш флот неспособному Старку, Авелан сказал, что личный состав флота определяет сам Алексеев, что он просил Бирилева, но Бирилев отказался из-за характера Алексева: «По долгу присяги, — говорил он, — завещаю, что через два месяца я вынужден буду уехать». По тем же причинам не могут ехать Рождественский и Дубасов.

Авелан считает, что Алексеев может препятствовать высадке на всем западном побережье и даже противиться несколько высадке в Фузана. Что три крейсера из Владивостока могут при высадке у Фузана принять участие в бою.

Видел вечером и Рождественского. Считает, что наш флот может атаковать японский флот, противясь десанту только на западном берегу Кореи и то с высоты Чемульпо. Что и у Чемульпо неудобная местность (много закрытий для нечаянной атаки) для большого морского боя. Не хвалит Старка. Жалуется, что Вирениус идет слишком медленно со своей эскадрой. Выдумывает предлоги для замедления хода. Собирался возвратиться обратно. Он, Рождественский, с радостью принял бы эту эскадру. [...]

28 января.

26-го в 10¹/₂ час. Вечера на вечеру у ген. Лобко Витте передал мне известие, полученное от комм. агента, что японцы напали неожиданно на наш флот в Порт-Артуре и утопили два броненосца и один крейсер. Поехал к Авелану. В полночь он еще ничего не знал. Утром 27 узнали, что нападение было, но не потоплены, а пробиты «Цесаревич» и крейсер «Паллада», лучшие суда. Впечатление тяжелое. Моряки говорили, что прозевали. Стояли без сетей. У «Цесаревича» их не было.

На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен. Был и Сахаров. Докладывал по юго-западному фронту. Все мои предположения утверждены. После ухода Сахарова государь передавал мне подробности полученных им известий. Возмущался поведением японцев.

В 4 часа был выход во дворец по случаю начавшейся войны и благодарственное служение. После молебна, при проходе государя по залам, гремело «ура!». [...]

Красный архив. 1922. Т. 2. С. 5—112.

Очерк политического положения на Крайнем Востоке, составленный начальником эскадры Тихого океана контр-адмиралом Дубасовым

В начале настоящего донесения мне пришлось уже, для пояснения мотивов, которыми я руководствовался при осмотре корейских портов, коснуться тех политических обстоятельств, из которых складывается современное положение дел на Крайнем Востоке, и там же указать на необходимость возвратиться к этому предмету. Обращаясь теперь к более подробному рас-

смотрению тех же обстоятельств, я должен прежде всего оговориться, что, не считая себя достаточно компетентным в таком вопросе, я не имею притязания воспроизводить здесь такую картину специально политического характера, которая бы обнимала положение во всей его полноте. Задача, вверенная моему попечению, заключается лишь в выборе морской базы на берегах Тихого океана, базы, целесообразной в смысле твердого упрочения на этих берегах русского господства, а потому вопросы, собственно политического характера, входили в область моих исследований лишь настолько, насколько они прямо и непосредственно относились к указанной задаче.

Я точно так же не беру на себя смелости рассматривать в этом очерке историческое происхождение современного политического положения или определить судьбы его в будущем; я беру его таким, каким оно представляется в настоящем и рассматриваю ближайшие по времени фазисы, из которых сложилось это настоящее, или указываю то положение, в которое оно должно перейти в будущем, лишь в тесных рамках той необходимости, которая при исследовании какого бы то ни было вопроса всегда является там, где нужно установить связь между ближайшими по времени событиями, из коих одни — порождают другие, как причины порождают последствия.

Положение, которое создалось теперь на Востоке и которое отличается таким крайним и общим возбуждением, является прежде всего результатом все той же действующей причины: коренного и глубокого антагонизма между европейскими и азиатскими народами. Борьба, порожденная этим антагонизмом, началась с тех пор, как европеец ступил на азиатскую почву и она принимала здесь более или менее напряженный характер, смотря по тому, как далеко простирались, с одной стороны, притязания навязать ненавистные к Востоку формы европейской жизни, с другой — враждебное противодействие таким притязаниям; но равновесие, если можно так выразиться, этой давней борьбы, а вместе с тем и равновесие всего положения, было нарушено совершенно новым и неожиданным обстоятельством, которое и является в настоящее время главным фактором всего совершающегося на Востоке политического движения; обстоятельство это заключается в том беспримерном, по своей смелости или, скорее, легкомыслию, — перевороте, который совершился, в течение последних 25 лет, в жизни одного из наиболее закоренелых прежде ненавистников европейской цивилизации на Востоке, — в жизни Японии.

Япония.

Осудив все то, что составляло коренные основы их оригинальной цивилизации, высшие классы и правительство этой страны быстрым, почти конвульсивным движением сбросили с себя всякую связь со своим историческим прошлым и, не справляясь с законами, которые управляют судьбами народов, устремились вперед на поиски такого будущего, на которое не дает им права ни прошлая роль этой нации в общем мировом движении, ни ее исторические заслуги, ни, наконец, ее расовые свойства. До сих пор, или, скорее, до указанного переворота в жизни Японии, духовным властелином Крайнего Востока признавался Китай, и ни одна из желтых рас не осмеливалась оспаривать этой власти и этого первенства; но с той минуты,

как Япония вступила на путь освобождения от всего, что она с таким легким сердцем осудила и отбросила, она захотела освободиться и от этой зависимости и, как во всем, пошла в этом направлении так далеко, что не только отвергла верховенство Китая, но сама заявила на него притязание и, переходя от слова к делу, решила как можно скорее доказать, что она способна и вправе отстаивать такое притязание. Не останавливаясь на тех стремлениях Японии, которые, на основании общих исторических законов, непременно должны привести ее к реакции, а в связи с нею и к катастрофам, следует отметить, однако же, что в числе многих незаконных желаний, основанных лишь на шовинизме и самонадеянности и представляющих опасность лишь для самой Японии, у нее есть и такие политические стремления, которые следует признать вполне основательными и которые подлежат законному удовлетворению. Эти-то законные стремления главным образом и угрожают общему спокойствию и безопасности на Крайнем Востоке; а потому весьма важно отнестись к ним с полным вниманием и установить их со всевозможною ясностью. Япония, освободившись от своего замкнутого положения и выйдя на общемировой простор, не могла не почувствовать того стремления к распространению, на которое давали ей право: многочисленность или, правильнее, избыток населения, трудолюбие этого населения и та подвижность и предприимчивость, которые несомненно отличают японцев и дают им преимущество над другими желтыми расами. На основании общих исторических законов, по которым такое распространение должно направляться в сторону наименьшего сопротивления. Япония, если бы она справлялась с уроками истории, должна была понять, что законная область ее расширения и распространения находится к югу от занимаемого ею положения; ей следовало бы также уразуметь, что это положение, отличающееся резкими географическими особенностями, а именно, островное, а не континентальное, наложило на цивилизацию страны, ее нравы и народные способности такую глубокую печать, что, в стремлениях своих раздвинуться, японскому народу следовало бы искать тех же условий, которые столь сродни и близки ее населению, а именно, островного, а не континентального положения. В этих видах, Японии следовало бы направить свои завоевания на тот обширный архипелаг, который, почти от самых ее границ, тянется вдоль юго-восточного побережья азиатского материка, и тут ее превосходство над туземным населением дало бы ее влиянию и распространению совершенно законную почву; но поглощенная своим честолюбием, она захотела прежде всего сбросить гнет духовного авторитета властителя востока — Китая, и случайно успев в этом и увлеченная этим успехом, она невольно выдвинулась совершенно в противоположную сторону, где на этот раз встретилась с настоящим и вполне законным властителем Востока, с которым не задумалась, однако, с не менее самоуверенною дерзостью вступить в соперничество. Чтобы яснее представить себе картину этого последнего положения, необходимо в нескольких чертах обрисовать состояние двух других главных участников совершающихся с не- которого времени на востоке событий — Китая и Кореи.

Китай.

Китай принято считать страной векового застоя: но это определение, быть может верное в хронологическом смысле, совсем неприменимо к современному положению Китая, ни в материальном отношении, ни с духовной стороны. Не входя в объяснение причин, которые привели страну в такое положение, я ограничусь указанием на тот общепризнанный, всеми знакомыми с этим положением, факт, что Китай быстро и бесповоротно клонится в настоящее время к полному упадку и разорению. На пути этого быстрого и вполне прогрессивного движения, сказывающегося во всех явлениях как государственной, так и общественной жизни, нет решительно ничего, что могло бы приостановить сказанное разорение, а тем более направить страну к обновлению или хоть сколько-нибудь лучшему будущему; таким образом, судьбы Китая можно считать бесповоротно решенными в смысле расчленения и поглощения его другими более сильными государствами.

Но крушение подобного колосса грозит всему миру такими потрясениями, и с другой стороны, существование этого расслабленного государства, совершенно лишенного всякой силы сопротивления, представляет еще столь богатую ниву для промышленной и всякой другой эксплуатации европейцев, что все участники этой эксплуатации, и в особенности те, которые рассчитывают собрать тут наиболее обильную жатву, в высшей степени заинтересованы в том, чтобы по возможности долее сохранить неделимость и неприкосновенность этого разрушающегося организма. Единственным противником этого принципа является до настоящего времени Япония, которая в своих честолюбивых стремлениях, по-видимому, не перестает мечтать упрочиться на азиатском континенте и даже занять на нем первенствующее положение; но если эти преувеличенные и не совсем определенные мечтания привести к более сознательному и точному выражению, то они все-таки сведутся почти исключительно к стремлению занять Корею, которая ныне сделалась независимой от Китая, и, следовательно, Япония, так же как и все остальные державы, по отношению самого Китая, отныне заинтересована охранять его автономию и нераздельность.

Останавливаясь перед этим фактом, чтобы возвратиться к нему при составлении общих выводов, я перехожу теперь к тому из участников совершающегося политического движения, который в настоящее время занимает самый его фокус, а именно — к Корее.

Корея.

По отношению этого государства и его народа существует, между прочим, мнение, что, по сравнению с другими желтыми расами, корейцы сохранили больше духовных сил, больше способности к обновлению и что, следовательно, они способнее чем другие к усвоению европейской цивилизации. Мнение это главным образом основано на результатах той просветительной деятельности, которой посвящают себя в этой стране проповедники всех христианских исповеданий, и в особенности протестантские миссионеры Северной Америки, занимающиеся не столько, впрочем, религиоз-

ной, сколько политической пропагандой. Но беспристрастное наблюдение над результатами миссионерской деятельности в Корее показывает, что как религиозная, так и политическая проповедь находят здесь почву лишь среди некоторых классов населения, составляющих ничтожную ее часть, и что огромное большинство этого населения, или корейский народ, относится к просветительной деятельности всяких пришельцев в их страну — с глубоким недоверием и даже ненавистью. Вполне трезвое отношение к явлениям жизни корейского народа устанавливает несомненно тот факт, что, в отношении способности восприятия христианского учения, корейцы ничем не отличаются от прочих представителей желтых рас и что душа и сердце корейца, как всякого другого желтого человека, недоступны высоким идеалам и тому свету, которые несет с собою это учение. Быть может, есть некоторое основание допустить, что при том изолированном положении, в котором находилась долгое время Корея, и при той простой отшельнической жизни, которую вел ее народ, тлетворное влияние язычества пустило в эту жизнь не столь глубокие корни и, благодаря этому, корейский народ, быть может, действительно сохранил еще некоторые силы, способные обновить его общественный строй. Не входя в рассмотрение этого вопроса, необходимо прежде всего признать, однако, что настоящее состояние этого общественного строя, равно как и тех основ, на которых зиждется все государственное устройство страны, представляются до такой степени расшатанными и расслабленными, что Корея, как государство, более неспособна к самостоятельному существованию.

Всего более знаменательным представляется в этом отношении тот факт, что в самой Корее, т. е. в ее народе и даже в ее правительстве, существует совершенно сознательное и общее в этом убеждение, и что если там, по отношению этого вопроса, существует какое-либо разделение мнений, то оно относится исключительно лишь к выбору верховного властителя, под защитой и господством которого Корея надеется найти наиболее спокойное и счастливое существование. Этот вопрос властителя собственно и представляет собою тот политический фокус, около которого группируются в последнее время все совершающиеся на Крайнем Востоке события, и поэтому я и позволю себе теперь посвятить ему некоторые более подробные соображения.

Корея, сделавшаяся так недавно и так случайно независимым государством, как известно, прошла через чрезвычайно продолжительную и тяжелую школу рабства, так как бывшая вассальная зависимость ее от Китая всегда имела характер почти абсолютной и даже унижительной подчиненности. Корейцы сжились с этой подчиненностью главным образом потому, что, как было уже выше указано, они всегда признавали духовное верховенство Китая, и освободительная миссия, которую приняла на себя Япония по отношению Кореи, явилась для корейцев неожиданной и непрощеной, так как корейский народ не мог не понимать, что побудительными причинами этой миссии было не участие к судьбам Кореи и не борьба за принцип освобождения, как это бывало в истории Европы, а соперничество с Китаем,

верховенство которого было ненавистно честолюбию прогрессирующей Японии. Для Кореи было понятно также, что за этими мотивами, главным образом побудившими японцев вступить с Китаем в вооруженную борьбу, скрывалось стремление исключительно практического характера. Япония, как известно, уже не в первый раз вступала на корейскую почву с завоевательными намерениями; борьба ее с Кореей имеет свою историю, и задачей этой борьбы было всегда то же желание — распространиться за предел своего островного положения и, поработив Корею, занять прочное положение на континенте. В данном случае, Япония несомненно явилась с теми же задачами, и освобождение ею Кореи из-под китайской зависимости было лишь подготовительным шагом к достижению главной цели. Нельзя не признать, что после того решительного поражения, какое Япония нанесла Китаю в вооруженной с ним борьбе, она на этот раз могла без всякого затруднения достигнуть указанной цели, так как японская армия, удалившаяся из Китая, могла бы занять Корею без всякого с ее стороны сопротивления. Но японцы, чуткие ко всему, что могло бы уронить их в глазах общественного мнения, не решились на это, из боязни потерять якобы уже завоеванное ими равноправное положение среди цивилизованных народов положение, которого они так честолюбиво домогались и домогаются и которое было бы, по их наивному мнению, поколеблено в случае, если бы они воспользовались плодами своей борьбы, объявленной за корейское освобождение.

Сделав эту уступку исключительно из одного честолюбия, Япония ни на минуту не отказалась однако же от дальнейшего преследования своей идеи покорения Кореи. С свойственным ей практическим смыслом, она лишь взяла в руки другое оружие, а именно, обратилась, хотя и к более медленно, но несомненно более верному мирному завоеванию страны, не оставляя, впрочем, подготовки театра и в военном отношении; она постепенно завладела всею отпусковой торговлей страны и наводнила ее произведениями своей промышленности; она заняла для этого все главные торговые пункты Кореи и связала их деятельными морскими сообщениями с главными японскими промышленными центрами; связав кроме того обе страны подводным телеграфным кабелем, она распространила сеть своих телеграфных сообщений в самой Корее, соединив между собою главные ее центры и обеспечив целость этих линий охраною их своими собственными жандармскими командами; наконец, она ввела в страну, хотя и в незначительном составе, свои вооруженные силы, заняв ими главные стратегические пункты Кореи, и тем обеспечила себе совершенно беспрепятственное вторжение в страну в любую минуту, какую она признает удобной для этой цели.

Чтобы приблизиться теперь к решению поставленного выше вопроса, за кем следует признать право законного господства над Кореей, рассмотрим еще раз, какие главнейшие мотивы заставляют Японию так настойчиво преследовать ее завоевательные, по отношению этой страны, стремления; кто именно более всего заинтересован, чтобы противодействовать этим стремлениям, и что могло бы заставить Японию отказаться от осуществления ее намерений.

Самою главною побудительною причиною, заставляющею Японию настойчиво идти в указанном направлении, является, как я уже указывал, желание распространиться на континент и занять на нем возможно прочное положение; но одного этого побуждения, вызываемого главным образом честолюбием и слишком отвлеченного, чтобы увлечь с такою силою практический ум японцев, было бы недостаточно, если бы за этим не скрывалось других расчетов, исключительно материального значения. Корея, по своему географическому положению и по природе своей страны, по ее богатствам, а также по характеру своего населения, которое неспособно к борьбе, представляет слишком заманчивое поле, прежде всего, для прокормления того избытка населения, которое Японии некуда деть, а затем, для широкой промышленной эксплуатации, в которой Япония ощущает такую потребность. Корея, находящаяся с нею в самом ближайшем соседстве, изобилует плодородной и во многих местах еще девственной почвой, сырыми произведениями земледельческой промышленности и неистощимыми минеральными богатствами, т. е. именно всем тем, чего так недостает Японии и что так ей нужно для освобождения ее промышленности от тяжелой зависимости, в которую она вынуждена поставить себя от дальних иностранных рынков.

Вот в чем заключаются, следовательно, те главные и могущественные мотивы, которые руководят политикой Японии по отношению Кореи, и теперь остается лишь рассмотреть, кто мог бы, с достаточным основанием, оспаривать разумную логику этих мотивов и кто имел бы законное право противодействовать основанному на них домогательствам.

Нет надобности доказывать, что прежний властитель Кореи — Китай, после поражения, нанесенного ему Японией, утратил навсегда как юридически, так и фактически это право.

Для европейских государств, имеющих свои интересы в делах Крайнего Востока, притязания Японии на Корею, несколько не затрагивающие этих интересов, имеют лишь отвлеченное значение и являются только поводом, каждый раз, как этот вопрос подает к тому случай, или упрочить свое положение, или приобрести какие-либо выгоды, не имеющие ничего общего с данным вопросом, и потому никто из этих европейских держав, разумеется, не воспротивился бы захватам Японии, столь логически оправдываемым вышеприведенными мотивами. Самое ревнивое, по отношению всякого постороннего влияния, а тем более захвата, государство Англия, вероятно, не восстала бы против такого захвата не только потому, что он направлен против России, но еще и потому, что, по убеждению наиболее дальновидных английских политиков, этот захват породил бы собою политические затруднения между Японией и Россией, из которых Англия извлекла бы только пользу.

Итак, из всех европейских и азиатских государств, по-видимому, одна только Россия является в ином, нежели другие, положении, и потому остается теперь рассмотреть, насколько Россия заинтересована в судьбах Кореи и в какой мере наши интересы соприкасаются или встречаются здесь с японскими интересами.

Россия никогда не делала походов в Корею и ей вовсе не нужно искать места для избытка ее населения; точно также ей не нужны иноземные питомники для обеспечения ее промышленности; так что во всех этих отношениях Япония имеет несомненно более логическое основание стремиться в Корею. Но за Россией есть другое право, перед которым падают всякие доводы и мотивы и которое безусловно исключает собою всякое чужое право. Россия, как юный исполин, растет и этому исполину нужно место. Японии стоило бы лишь заглянуть в страницы недавней истории России, чтобы увидеть, что в этом непреодолимом естественном росте Российское государство в короткое время раскинулось почти во всю ширину двух частей света и из диких азиатских пустынь образовало культурные области, живущие мощной молодой жизнью. Исполин этот еще продолжает расти и ему, как всякому зреющему организму, надо дать все, чем должно обуславливаться полное его развитие и возмужалость, т. е. надо дать простор, соответствующий колоссальному росту, и надо дать основы, на которые могла бы опереться эта колоссальная сила. В нашем движении к Востоку, совершенном лишь за последнюю половину настоящего столетия, и в особенности за последнее время, а именно, с минуты совершенно сознательной и твердой постановки вопроса о великом Сибирском железнодорожном пути и о выходе на берег Тихого океана, вышеуказанные основы обозначились с совершенною ясностью; нам нужно войти в Корею, потому что она лежит на пути нашего распространения и нам нужно пройти через нее от начала и до конца, т. е. до самого южного ее побережья, потому что именно здесь мы выходим на тот берег Великого океана, на котором Россия приобретает подобающее ей господство на восточно-азиатском континенте. Все события последнего времени так красноречиво свидетельствуют о том, что к этому выходу нас влечет неукротимая сила, перед которой, как я позволил уже себе указать, падает всякая логика, всякие доводы и которая исключает всякие препятствия, — что Японии остается только признать, что все ее притязания, все начинания и все работы, сделанные во встречном нашему движению направлении, должны быть бесследно снесены этим неукротимым потоком. Ей следовало бы также сознать, что этим потоком управляет не одна лишь стихийная сила, которая несмотря на ее размеры разбивается иногда о материальные препятствия, но что в нем кроется непобедимая духовная мощь, заключающаяся в великодушном отношении к покоряемым народностям и в высоких идеалах, которые Россия всюду несет в своих культурных завоеваниях.

Но Япония переживает такой фазис своего существования и политического развития, что указанные явления и факты, столь красноречивые для трезвого наблюдения, не убедят ее не только вовсе отказаться от ее притязаний, но хотя бы сколько-нибудь отступить от них; принудить ее к этому могут лишь такие уроки горького опыта, которые бесповоротно докажут ей, что соперничество с Россией есть безумство и что борьба с ней ей совершенно не по силам.

Я хочу этим сказать, что результатом только что представленного политического положения и ближайшим крупным событием на Крайнем Востоке

ке, как я совершенно в том убежден, должна быть неизбежная война России с Японией, война, в которой, с одной стороны, должна разрешиться участь Кореи, а с другой — установиться те правильные отношения между Россией и Японией, которые теперь нарушены ее притязаниями и которые столь необходимы для политического равновесия, а следовательно, и для дальнейшего спокойствия всего Востока.

Останавливаясь перед этим выводом, к которому приводят меня все изложенные выше соображения и факты, я позволю себе коснуться теперь спорного, в глазах некоторых русских людей, вопроса: нужно ли нам, ввиду столь определенно занятого Японией вызывающего положения, идти ей навстречу и принять вызов, или нам следует искать другого исхода и стараться избежать столкновения.

Опираясь на те же соображения, которые приведены выше, а именно, на очевидность того факта, что Япония добровольно ни за что не отступит от занятого ей в Корее положения и не откажется от идеи обладания этой страной, что точно так же и Россия ради этого не может поступиться своими насущными потребностями, роковым образом увлекающими ее в эту сторону, я прихожу к заключению, что война России с Японией, являясь неизбежной, представляется в то же время и желательной, как наилучший выход и самое целесообразное разрешение всех затруднений.

[...] По числу индикаторных сил, а также по соответствующим скоростям, на стороне Японии, как видно, нельзя признать особенно существенного преимущества, несмотря на то, что флот ее несомненно состоит из более современных в этом отношении судов. Более заметное преимущество является на ее стороне по отношению броневой защиты кораблей, и в особенности палубной защиты крейсеров небольшого водоизмещения, которых, кстати сказать, у нас не имеется вовсе.

По боевому вооружению, и в особенности артиллерийскому, преимущество это становится уже весьма ощутительным, так как против общего числа японских 541 орудий мы имеем таковых лишь 453, и преимущество это выражается главным образом в скорострельных орудиях среднего калибра, которых у нас имеется лишь 34 против 104 японских, т. е. более чем недостаточно. Точно так же мы уступаем японскому флоту в скорострельной артиллерии малого калибра, противопоставляя наши 301 скорострельные пушки — их 346, что дает японским судам, при современных условиях морского боя, весьма важное преимущество.

В отношении минного вооружения судов, значение которого стоит, впрочем, в очень тесной связи с искусством маневрирования, искусством, в котором японский флот едва ли может взять над нами верх, их суда имеют преимущество как в числе минных аппаратов, 70 против наших 49, так и в их системе, ибо мы пока не имеем ни одного подводного аппарата, а на японских судах, из числа упомянутых 70, имеется подводных 8 и, кроме того, все их надводные аппараты устроены с совками, тогда как наши, даже на таких новых и современных судах, как «Рюрик» и «Наварин», не имеют этого приспособления.

Наконец, преимущество японцев в том оружии, которое составляет главную силу флота, а именно личном составе, если оценивать это оружие только его численностью, выражается 553 офицерами против наших 333 и 8033 нижними чинами против наших 6035, т. е. избытком 220 офицеров и 1998 нижних чинов.

Но, кроме только что приведенных численных в расчете, относящихся к боевому и личному составу нашего и японского флотов, вопрос преимущества разрешается в зависимости от многих других данных и, главным образом, в зависимости от состояния всего, что должно питать и поддерживать флоты в их борьбе. К сожалению, в этом отношении приходится признать за Японией весьма существенное и даже безусловное преимущество.

В настоящее время японский флот имеет уже в своем распоряжении три вполне надежно укрепленных арсенала, расположенных в главных стратегических пунктах страны, а в самом непродолжительном времени к этим отлично оборудованным трем арсеналам прибавится еще два, которые предполагается укрепить и оборудовать по столь же широкому плану.

В трех вышеупомянутых готовых арсеналах сейчас имеется шесть сухих доков, из коих три могут вмещать японские суда самых больших размеров, а в одном из строящихся арсеналов, а именно в Майдзуру, будет еще один док, тоже самого большого размера. Независимо от этих главных правительственных арсеналов и доков, в Японии имеется множество портов второстепенного военного значения или коммерческих, на которые флот, в случае надобности, всегда может однако опереться и где сейчас имеется общим числом 15 сухих доков (принадлежащих частным обществам), из числа которых два — самых больших размеров. Наконец, путем той же частной предприимчивости в стране устраиваются еще 4 сухих дока для самых больших существующих судов.

Принимая во внимание, что наша главная, в настоящее время, база — Владивосток находится в отдалении от будущего театра военных действий, а именно от юго-восточного побережья Кореи — почти на 550 миль, что промежуточные пункты, на которые мы могли бы опираться, а именно порты корейского восточного побережья нисколько для этого не подготовлены и что в нашем главном арсенале мы имеем лишь один сухой док, а также, что ремонтные средства этого арсенала, в сравнении с потребностями, которые были бы на него возложены в случае войны, почти ничтожны, надо признать, что в совокупности с численным превосходством японских морских сил, на которое было выше указано, это делает уже условия борьбы весьма неравными.

Принимая однако же во внимание другие стороны, которыми обуславливается успех борьбы, а именно: те социальные затруднения, какие Японии приходится переживать в связи с предпринятыми ею реформами, расстроенное состояние финансов этой страны и переходное еще состояние ее вооруженных сил, в особенности же, принимая в соображе-

ние условия, в которые будут поставлены эти вооруженные силы в предстоящей с нами борьбе, я позволю себе думать, что исход этой борьбы все-таки выразился бы тяжелым поражением Японии, и вот на каком основании.

Как я уже имел честь изложить в моем телеграфном донесении от 27 декабря, главные операции этой борьбы должны бы были выразиться весьма обширной со стороны Японии десантной экспедицией, весь успех которой неизбежно поставлен бы был в зависимость от необходимого для японского флота господства на театре действия; но при тех требованиях, которые пришлось бы возложить на этот флот. [...]

Без всякого притязания на авторитет, я позволю себе здесь высказать, что действия наши в этом направлении, быть может, оправдываемые политической осторожностью, нельзя не осудить в некоторой непоследовательности; так: простирая наше влияние в одной сфере столь далеко, как это сделано по отношению финансового управления Кореей, в котором мы стали полными хозяевами, а через то и хозяевами страны, сделавшись также хозяевами обучения, а вместе с тем и организации корейской армии, — мы вместе с этим тщательно избегаем таких шагов, которые должны бы были, с одной стороны, упрочить все эти меры, а с другой — подготовить страну для военных операций и предстоящего занятия.

Мы до сих пор отказываемся ввести в Корею наши войска, несмотря на то, что это право выговорено и обусловлено нами еще два года тому назад договором князя Лобанова с маркизом Ямагато, и мы не пользуемся обусловленной тем же договором равноправностью нашей с Японией по отношению проведения в стране телеграфных линий, за отсутствием которых нам приходится пользоваться телеграфом, принадлежащим нашему будущему противнику, что идет уже гораздо далее пассивного отношения к вопросу военной подготовки театра. Для того чтобы положить основание этой подготовки, нам, как я совершенно убежден, необходимо теперь же ввести в Корею наши войска, в численном составе не меньшем, нежели находящиеся там войска японские; расположить эти войска в тех же главных пунктах страны, а именно: в Сеуле, Мозампо и Гензане и безотлагательно проложить свои телеграфные линии, соединив ими между собою те же и другие важные пункты, а в особенности соединив эти линии с нашим отечественным телеграфом.

Без этих мер, как я позволю себе выразить в том уверенность, мы не только добровольно отдаем важное превосходство своему противнику в предстоящей неизбежной борьбе, но рискуем еще потерять плоды той деятельной и энергичной работы, которая уже дала нам столь крупные и счастливые результаты в делах мирного упрочения России на Корейском полуострове.

Подписал: контр-адмирал Дубасов.

б/д (1897—1898 гг. — *Авт.*)

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1912. Кн. 2. С. 433.

Сэр Ян Гамильтон о Японской армии

С перерывами с 1879 года я сражался в рядах гуркасов (гуркхи. — *Авт.*), я имел честь иметь их под моей командой, я наблюдал их долгими часами во время стрельбы, когда выступает наружу сердце солдата, я знаю их на биваке, на марше, во время войны и мира. Мне также памятливы охоты, в которых мы участвовали вместе, мои посещения Непала... Я должен хорошо знать гуркасов, и если это так, то я так же хорошо знаю японского солдата. Он — мой старый знакомый...

Пока я наблюдал за ротой, она была распушена, и меня обступили со всех сторон только что призванные на службу запасные из разных местностей. Это дало мне возможность направить к ним моего переводчика, и мы обменялись впечатлениями. Тут не было сомнений; сходство между гуркасом и японцем очень глубоко. Та же всегда готовая улыбка; то же веселое, добродушное настроение; те же независимые манеры, показывающие в ясной, но не обидной форме всю солдатскую гордость и его сознательное превосходство над каждым штатским, а в особенности иностранным. Когда я сообщил им, что я тоже военный, они сделались общительными, и у нас начался целый разговор. Это были настоящие гуркасы, но более развитые и цивилизованные. С другой стороны, не такие мощные и плотные. Большая часть роты, быть может две трети, приближалась к типу муггуров Непала: коренастые и широкоплечие; круглоголовые и круглолицые. Остальная часть отличалась от них. Тут попадались люди более слабого сложения, с резким орлиным профилем. Эти произвели на меня впечатление, что и они будут в бою в передних рядах. В целом в Токио я не видал ни одного солдата с тяжелой поступью, неповоротливого и узкогрудого. Офицеры роты производят впечатление деловых людей и хорошо развитых физически; штабные офицеры, в подтверждение общего правила, не таковы. Эта японская армия может служить лучшим примером применения всеобщей воинской повинности: сравнительно незначительное количество людей, выбранных из сотен тысяч за их физическую годность и навык к известному роду профессий. Армия представляет собой сливки нации. Как далеко нам до этого.

Мощь русской армии, в противоположность другим европейским нациям, заключается в ее нижних чинах, крестьянах, до сих пор находящихся в общении с природой, людях крепкого телосложения, коренастых, терпеливых и неразвитых. Но они не только не обладают навыком к войне, но и лишены той жизненной искры военного задора, который так сильно искупает недостатки физической организации. Конечно, если бы русским пришлось оборонять свои собственные жилища, они были бы иными. Менее всего они обладают независимостью характера и способностью действовать по собственному почину. Современная же война отныне предъявляет к этим качествам самые высокие требования.

Японские солдаты такие же мужики, также благонадежны и с цельной нервной системой. Здесь сходство прекращается, ибо наши союзники воинственны по их наклонностям и традициям. К патриотизму, всосанному

ими с молоком матери, правительство озаботилось привить инициативу, быстроту и сообразительность. Это совершается в школах, где воинская доблесть стоит во главе всего курса обучения. Здесь внедряется жизненное правило, преподанное предводителем клана Отоно своим вассалам: «Вы обязаны умереть рядом с вашим великим повелителем и никогда не показывать своей спины врагу. Если вы умрете на море, пусть ваше тело погрузится в воду. Если умрете на склоне холма, пусть ваше тело будет распростерто на горной траве». С тех пор, как шотландские кланы уступили место оленям, ни одной женщине в Великобритании не придет в голову внушать такие идеалы или идеи своему ребенку.

Цивилизация японской и русской армии находится на различном уровне. Помимо внушительной военной силы, спасительная мощь нашего старого западного мира заключается в его образовании и умственном развитии. Но в этом случае представители Востока стоят выше. ...Меня не тревожит мысль, что мы ошибались в наших расчетах, и еще менее того я опасаясь, что я дал неправильную оценку той новой силе, представительницей которой является японская армия. Но европейских государственных людей должно тревожить то обстоятельство, что их народы, казалось, позабыли, что вне заколдованного круга западной цивилизации живут миллионы народов, готовых вырвать скипетр из их нервных рук, коль скоро позволят исчезнуть духу старинной воинской доблести. Странно читать о конференциях, обсуждающих желательность мира и побуждающих к подавлению воинского духа, как будто они полагают, что кроме них нет никого на свете... Как будто бы Азия и Африка уже не волнуются в своем беспокойном сне, мечтая о завоеваниях и войне...

Сэр Ян Гамильтон. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб., 1913. Т. I. С. 8—12.

Глава III

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Первые битвы

Ранним утром 24 января 1904 года японский Соединённый флот по приказу микадо вышел из порта Сасебо и направился на север, по пути захватывая русские торговые пароходы. Днём 25 января, находясь в 300 милях от Квантуна, Х. Того послал вперёд быстроходные крейсера вице-адмирала С. Дева, а контр-адмирал С. Уриу со своим отрядом, усиленным броненосным крейсером «Асама», направился к корейскому порту Чемульпо. Вечером 26 января, подойдя к острову Раунд, что в 45 милях от Порт-Артура, японский главнокомандующий направил в атаку 18 истребителей. Не располагая чёткими данными разведки о дислокации русской эскадры, Х. Того разделил суда на два отряда: десять из них были посланы к Порт-Артуру, восемь — к Талиенвану⁴⁷.

На подходе к Порт-Артуру японские истребители успешно уклонились от дежурных русских эскадренных миноносцев «Бесстрашный» и «Расторопный». Ориентируясь по ярко горящим прожекторам «Ретвизана» и «Паллады» и по освещённым палубам грузивших уголь «Победы» и «Дианы», японские миноносцы сблизились на дистанцию около 4 кабельтовых и выпустили мины. В 23.35. вахтенный начальник броненосца «Ретвизана» лейтенант А. В. Развозов заметил в свете прожектора зловещий силуэт японского истребителя и объявил тревогу. В тот же момент броненосец был подорван и получил пробоину с левого борта. Русские корабли открыли ответный огонь, который хотя и не нанёс особых повреждений японским истребителям, расстроил их боевой порядок и заставил стрелять с большой дистанции.

Всего японцы в тот день выпустили 16 торпед, из которых в цель попали три: кроме «Ретвизана», были подорваны «Цесаревич» и

---

⁴⁷ Три века российского флота. Т. I. СПб., 1996. С. 351.

«Паллада». Опасаясь затопления подорванных кораблей на глубоком месте, командиры направили их к берегу и посадили на мели вблизи входа на внутренний рейд.

Крейсер «Новик» снялся с якоря для преследования вражеских судов через полчаса после начала атаки. Ему на помощь отправились «Аскольд», «Боярин» и миноносцы. Однако время было безвозвратно упущено и противник обнаружен не был.

На следующее утро 27 января на горизонте появились японские крейсера-разведчики вице-адмирала С. Дева, а затем к Порт-Артуру подошел вице-адмирал Х. Того с главными силами. В 11.07 ими был открыт огонь по русским кораблям с дистанции 46 кабельтовых. Построив в кильватерную колонну все свои 6 броненосцев, 5 броненосных и 4 бронепалубных крейсера, Х. Того прошёл вдоль рейда, уменьшив к концу боя дистанцию до 26 кабельтовых.

Командующий российским флотом на Тихом океане вице-адмирал О. В. Старк в тот момент находился у наместника и прибыл на эскадру уже под огнем противника. Русские корабли сначала вели огонь со своих якорных стоянок и лишь спустя 20 минут броненосцы и крейсера «Аскольд» и «Диана» легли на контркурс японской эскадре и ввели в действие всю свою артиллерию. Одновременно с предельной дистанции открыли огонь береговые батареи. Крейсера «Баян» под командованием капитана 2-го ранга Р. Н. Вирена и «Новик», которым командовал капитан 2-го ранга Н. О. Эссен, в начале боя самостоятельно провели торпедную атаку против японских кораблей. Эти крейсера отвлекли на себя огонь японской эскадры, но получили очень серьёзные повреждения.

В тот же день — 27 января 1904 года русская эскадра лишилась сразу двух своих наиболее современных и боеготовых кораблей, находившихся на рейде корейского Чемульпо. Это были крейсер 1-го ранга «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

26 января командир «Варяга» капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев, обеспокоенный перерывом связи с наместником и слухами о разрыве дипломатических отношений с Японией, послал «Кореец» с донесениями в Порт-Артур. При выходе из Чемульпо канонерская лодка встретила с подходившим с моря отрядом японских кораблей и подверглась атаке миноносцев. В этих условиях командир канонерской лодки капитан 2-го ранга Г. П. Беляев был вынужден вернуться на рейд.

Японские корабли беспрепятственно вошли в порт и высадили в нём войска, а на следующее утро командир отряда контр-адмирал С. Уриу, выведя свои крейсера и миноносцы в море, передал В. Ф. Рудневу ультиматум. Русским кораблям предлагалось до полудня покинуть Чемульпо, в противном случае японцы собирались атаковать их в порту. Командир «Варяга», опираясь на мнение офицеров, поступил в духе лучших традиций российского флота: он решил выйти из Чемульпо и принять бой.

Отряд С. Уриу занимал выгодное положение в узком проливе, ведущем с рейда в море. В составе японского отряда было шесть крейсеров, причем по размерам, бронированию и мощности вооружения один «Асама» превосходил оба русских корабля. Обнаружив русские корабли на фарватере, японские крейсера снялись с якоря, и «Асама» открыл огонь по «Варягу». Третьим японским снарядом была снесена дальномерная площадка русского крейсера, что лишило его возможности вести прицельную стрельбу. Поэтому ответный огонь по «Асама», хотя и велся с большой интенсивностью, оказался неэффективным.

Экипаж «Варяга» храбро сражался, многие раненые оставались на своих постах или возвращались в строй после перевязки. Но шансов на прорыв не оставалось, и В. Ф. Руднев, также раненый, решил повернуть обратно. Почти за час боя «Варяг» получил 11 попаданий, десять из двенадцати 152-мм орудий «Варяга» вышли из строя, через четыре подводные пробоины в корпус поступала вода, электрический привод управления рулём не действовал, 33 моряка были убиты или смертельно ранены.

В ходе боя канонерка «Кореец» поддерживала «Варяга» редким огнём своих орудий, но попаданий добиться не удалось. На рейде Чемульпо В. Ф. Руднев, убедившись в невозможности продолжения боя, после краткого совета с офицерами принял решение уничтожить корабли: «Кореец» был взорван, а «Варяг» затоплен⁴⁸.

Командир другой канонерской лодки «Манджур», стоявшей в Шанхае, — капитан 2-го ранга Н. А. Кроун тоже решил с боем прорваться в Порт-Артур сквозь блокаду противника, но прорыв не удался и в феврале «Манджур» был вынужден разоружиться.

Успех внезапного нападения японцев оказал тяжелое моральное воздействие на русских моряков. Броненосцы и крейсера эскадры Тихого океана после боя 27 января расположились на внутреннем рейде и активности не проявляли. Опасаясь высадки японского десанта на Квантунский полуостров, адмиралы Е. И. Алексеев и В. О. Старк решили перейти к пассивной тактике и защитить опасные участки побережья минными заграждениями.

С 27 по 29 января заградитель «Енисей» под командованием капитана 2-го ранга В. А. Степанова впервые в истории выполнил массовую постановку 402 мин в Талиенванском заливе. Но по окончании операции при попытке расстрелять две всплывшие мины заградитель неудачно сманивировал задним ходом, был снесён течением и, подорвавшись на собственной мине, через 15 минут затонул.

На поиски «Енисея» были посланы крейсер 2-го ранга «Боярин» и четыре эскадренных миноносца. «Боярин» вскоре также

---

⁴⁸ Золотарёв В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. Борьба на море. М., 1990. С. 86—89.

подорвался на плавающей мине, вода затопила котельное отделение, но крейсер оставался на плаву. Его командир капитан 2-го ранга В. Ф. Сарычев не принял мер к спасению корабля и преждевременно снял команду. Покинутый крейсер сначала был снесён на мель, а через двое суток на своё же минное заграждение, где ещё раз подорвался и затонул⁴⁹. Таким образом, потери русского флота увеличивались с каждым днём.

На фоне событий этих мрачных дней определённый оптимизм внушали действия Владивостокского отряда крейсеров капитана 1-го ранга Н. К. Рейценштейна. В первом походе к берегам Японии — с 27 января по 1 февраля 1904 года — «Россия», «Громобой», «Рюрик» и «Богатырь» потопили крупный японский транспорт. Второй поход крейсеров с 11 по 17 февраля к северо-восточным берегам Кореи закончился безрезультатно, но вызвал ответные действия японского флота. 22 февраля броненосные крейсера «Идзумо», «Адзума», «Асама», «Якумо», «Ивате», бронепалубные крейсера «Касаги» и «Йосино» бомбардировали Владивосток, выпустили по городу-крепости 200 снарядов. Русские крейсера опять с выходом в море задержались и фактического противодействия японскому флоту не оказали⁵⁰.

24 февраля в Порт-Артур прибыл новый командующий флотом на Тихом океане, один из лучших русских флотоводцев вице-адмирал С. О. Макаров, который заменил О. В. Старка. Штаб командующего флотом возглавил вице-адмирал М. П. Молас.

Оперативный план С. О. Макарова предусматривал подготовку Порт-Артурской эскадры к генеральному сражению с японским флотом. Для этого предполагалось ускорить ремонт «Цесаревича» и «Ретвизана», а также присоединить к Порт-Артурской эскадре Владивостокский отряд крейсеров. Командовать отрядом С. О. Макаров послал контр-адмирала К. П. Иессена, которому поставил задачу отразить попытки противника высадить десант на северо-востоке Корейского полуострова и продемонстрировать активные действия у берегов Японии. При благоприятной обстановке К. П. Иессен должен был прорваться в Порт-Артур.

Важное место в планах С. О. Макарова занимала активизация действий главных сил. При попытке японцев высадить десант на Квантуне командующий флотом собирался вступить с ними в сражение при любом соотношении сил. В других случаях С. О. Макаров планировал вести бой только при благоприятной обстановке и под прикрытием береговых батарей Порт-Артура.

С. О. Макаров настаивал на усилении флота отрядом кораблей контр-адмирала А. А. Вирениуса, которого война застала в Красном

⁴⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Документы. Отдел III. Кн.1. Вып.1. С. 71

⁵⁰ Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М.; Л., 1939. С. 78.

море, а также балтийскими миноносцами: их он предлагал разобратъ и перевезти по железной дороге. С. О. Макарова поддержал и главнокомандующий всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев. Однако их надежды не оправдались: отряд А. А. Вирениуса был возвращен на Балтику, план перевозки и заказов миноносцев, как часто бывает в нашей стране, утонул в бюрократической трясине.

Обстановка в Порт-Артуре между тем оставалась крайне сложной. Против 20 японских броненосцев и крейсеров в составе Порт-Артурской эскадры было всего 9 кораблей подобного класса. «Цесаревич» и «Ретвизан» из-за нехватки доков могли вступить в строй не ранее чем через 3 месяца. Несколько быстрее продвигался ремонт стоявшей в доке «Паллады». Состояние эскадренных миноносцев оставляло желать много лучшего: из 23 единиц в готовности к выходу в море находились не более 7.

Несмотря ни на что, С. О. Макаров активно занялся обороной рейда. Для защиты входа в гавань были затоплены пароходы и уставновлены боны. Со стороны моря порт прикрывали дежурные крейсера, канонерские лодки, миноносцы и паровые катера с больших кораблей. На береговые батареи для организации более надежной связи с кораблями были выделены хорошо подготовленные матросы-сигнальщики.

Ещё более серьезной для нового командующего оказалась кадровая проблема. Многие из капитанов судов были совершенно неготовы для командования кораблями в военное время. Не боясь войти в конфликт с петербургским начальством, командующий флотом заменил около половины командиров эскадренных миноносцев и нескольких командиров крупных кораблей. С другой стороны, отличившегося на «Новике» капитана 2-го ранга Н. О. Эссена С. О. Макаров назначил командиром броненосца «Севастополь».

Как бы то ни было, но после назначения Макарова активность русских морских сил стала расти⁵¹. Особое значение командующий флотом придавал ближнему ночному поиску эскадренными миноносцами. С этой целью вечером 25 февраля к островам Элиот, что в 80 милях от Порт-Артура, были направлены эскадренные миноносцы «Решительный» и «Стерегущий». Но когда на рассвете 26 февраля «Решительный» и «Стерегущий», не обнаружив противника у архипелага Эллиот, возвращались в Порт-Артур, путь к крепости преградили четыре японских истребителя. Старший из русских командиров капитан 2-го ранга Ф. Э. Боссе на «Решительном» решил прорываться с боем и атаковал противника, который имел 24 орудия против 8 на русских эскадренных миноносцах. И хотя в ожесточённом бою на параллельных курсах сам Боссе был ранен, «Ре-

⁵¹ История русско-японской войны 1904—1905 гг. М., 1907. С. 134.

шительному» удалось прорваться в Порт-Артур. На «Стерегушем», получившем попадание в машину и сбавившем ход, экипаж продолжал бой, серьёзно повредив два японских истребителя. Когда на «Стерегушем» погибли командир лейтенант А. С. Сергеев, все офицеры и большинство матросов, а орудия его замолчали, японцы попытались увести корабль на буксире, но его затопили два матроса, открыв кингстоны. Имена этих русских героев так и остались неизвестными. Из 52 человек экипажа в живых остались 4 матроса.

После 27 февраля С. О. Макаров выводил главные силы флота из Порт-Артура шесть раз. Выходили все корабли в течение одного прилива, что до войны считалось невозможным. 13 марта в походе к островам Мяо-Тао крейсер «Новик» и эскадренные миноносцы уничтожили японский пароход «Ханиен-Мару» и взяли в плен его экипаж. Интенсивная подготовка флота, активность и энергия командующего внушали морякам уверенность в успехе.

И всё же 31 марта японскому отряду, в составе которого был минный заградитель и 12 истребителей, удалось скрытно поставить мины на внешнем рейде Порт-Артура напротив входа на его внутренний рейд. Японские заградители были обнаружены дежурным крейсером «Диана», и из Порт-Артура навстречу японцам на «Петропавловске» вышел сам командующий флотом. С присоединением «Полтавы», «Баяна», «Аскольда» и «Новика», не дожидаясь выхода остальных броненосцев, С. О. Макаров атаковал японские крейсера, которые отступили. Но с мостика «Петропавловска» обнаружили главные силы Соединённого флота: шесть броненосцев и два броненосных крейсера. Ввиду явного превосходства противника С. О. Макаров решил отойти на внешний рейд, собираясь продолжать бой под прикрытием береговых батарей. Но случилась непоправимая трагедия. В 9.39 «Петропавловск» наскочил на японскую мину. Мощный взрыв, потрясший корабль, вызвал детонацию. По воспоминаниям очевидцев, броненосец сразу накренился и стал уходить носом в воду. Через полторы-две минуты после первого взрыва «Петропавловск» скрылся под водой, унося с собой жизни 650 человек, среди которых были адмиралы С. О. Макаров, М. П. Молас, а также выдающийся русский художник-баталист В. В. Верещагин. Моряки на шлюпках с «Полтавы», «Аскольда», «Гайдамака» и эскадренных миноносцев спасли из воды 80 человек, в том числе командира броненосца капитана 1-го ранга Н. М. Яковлева, капитана 2-го ранга великого князя Кирилла Владимировича.

В тот же день броненосец «Победа» также подорвался на mine и был уведён на внутренний рейд. Вице-адмирал Х. Того тем не менее не рискнул воспользоваться благоприятной ситуацией, и Соединённый флот скрылся за горизонтом.

Катастрофа 31 марта имела необратимые последствия для российского флота. Гибель флагмана оказала тяжелое воздействие на весь его личный состав — от нижних чинов до старших офицеров и адмиралов.

С гибелью «Петропавловска» и подрывом «Победы» в распоряжении адмирала Е. И. Алексеева, прибывшего 2 апреля в Порт-Артур для непосредственного руководства флотом, оказалось всего 3 эскадренных броненосца против 14 японских броненосцев и броненосных крейсеров. При таком соотношении сил адмирал, подняв флаг на «Севастополе» и назначив флаг-капитаном походного штаба Н. О. Эссена, избрал сугубо оборонительный характер действий, ожидая окончания ремонта повреждённых броненосцев.

Теперь Х. Того получил возможность направить часть сил против Владивостокского отряда, и 3 апреля вице-адмирал Х. Камимура с пятью броненосными, четырьмя бронепалубными крейсерами, посыльным судном, четырьмя истребителями и двумя транспортами покинул базу. Ближайшей его задачей было обеспечение высадки десанта вблизи границы русского Приморья.

8 апреля адмирал Е. И. Алексеев, желая активностью Владивостокского отряда компенсировать бездействие главных сил флота в Порт-Артуре, разрешил контр-адмиралу К. П. Иессену провести операцию силами трёх крейсеров. 10 апреля «Россия», «Громобой», «Богатырь» и миноносцы вышли в море и через два дня, разминувшись в тумане с крейсерами Х. Камимура, подошли к Гензану, потопили японские пароходы «Гой-Мару» и «Хагинура-Мару», после чего адмирал отправил миноносцы во Владивосток. Ночью русские крейсера встретили пароход «Кинсю-Мару» и потопили почти весь находившийся на нем японский десант. Этот успех русского крейсерского отряда был достигнут благодаря скрытности действий и, в частности, полного радиомолчания.

Тем не менее успех Владивостокского отряда и отвлечение броненосных крейсеров Х. Камимура в Японское море в апреле 1904 года не могли быть использованы адмиралом Е. И. Алексеевым под Порт-Артуром: японский флот сохранял превосходство в силах.

Почти одновременно с боевыми действиями на море начались первые сухопутные сражения, однако они поначалу велись ограниченными силами. Обе стороны ставили своей задачей сорвать или хотя бы нарушить развёртывание основных сил, предназначенных для осуществления намеченных стратегических планов.

Главкомандующим всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке являлся наместник царя адмирал Е. И. Алексеев, а командующим сухопутными войсками в Маньчжурии с началом войны был назначен военный министр генерал А. Н. Куропаткин. Он имел право самостоятельно сноситься с царём и правительством. До при-

бытия Куропаткина на театр военных действий 15(28) марта 1904 года должность командующего Маньчжурской армией исполнял генерал Н. П. Линевич.

На 13-й день войны Алексеев отдал приказ генералу Линевичу оттянуть на себя японскую армию, чтобы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур, и задержать её наступление через реку Ялу и далее к линии КВЖД. Цель была ясна — выиграть время для сосредоточения резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России.

Удалённость Маньчжурии от главных экономических и политических центров страны и низкая пропускная способность Транссибирской магистрали не позволили в короткий срок сосредоточить на Дальнем Востоке необходимое количество войск. Поэтому мобилизация и развертывание русской армии осуществлялись крайне медленно: за первые 1,5 месяца среднесуточное увеличение русской армии на Дальнем Востоке составило около батальона, 0,5 сотни конницы и 3 орудия.

Тем не менее к 15 (28) марта развёртывание Маньчжурской армии было завершено. Теперь она состояла из 2 авангардов — Восточного и Южного и общего резерва, который располагался в районе Ляояна на кратчайшем направлении из Кореи, откуда, собственно, и ожидалось наступление главных сил противника.

Южный авангард в составе 18 батальонов пехоты, 6 эскадронов и 54 орудий (22 тыс. человек) под командованием генерала Г. К. Штакельберга располагался в районе Инкоу—Гайчжоу—Сеньючен и имел задачу помешать высадке японцев на побережье Ляодунского полуострова.

Восточный авангард, объединявший 8 батальонов пехоты, 38 орудий и пулеметную роту под командованием генерала Н. А. Кашталинского, был выдвинут к реке Ялу. Ему надлежало укрепить свою позицию в местах, подходящих для наиболее эффективной обороны, и не дать возможности противнику перейти на правый берег.

Что же касается японской армии, то её развертывание в 1904 году почти полностью соответствовало действиям в ходе японо-китайской войны 1894—1895 годов.

В феврале авангард 1-й японской армии — 12-я дивизия Куроки начал высадку в Корее, а во второй половине марта дивизия вошла в Пхеньян. Остальные силы армии — гвардия и 2-я дивизия были высажены в Цинампо. Осуществить развертывание своих сил по заранее намеченному плану японскому командованию позволили разбросанность русских войск и их недостаток на театре военных действий — в Корее и на Ляодунском полуострове.

К 10 (23) апреля 45-тысячная армия Куроки закончила сосредоточение на левом берегу реки Ялу, а конные части генерала П. И. Мищенко после нескольких стычек с дозорами противника отошли за

реку Ялу. Таким образом, теперь в Корее не осталось ни одного русского солдата. Более того, русское командование, ожидая прибытия новых континентов войск из России, отказалось от активной обороны на реке Ялу и приняло решение о проведении обороны только силами Восточного отряда генерала М. И. Засулича. К Восточному отряду был присоединён и конный отряд Мищенко.

Этому отряду ставились пассивные оборонительные задачи: его войска должны были нанести противнику большие потери во время переправы японцев через Ялу, но затем отступить раньше, чем враг успеет перебросить на правый берег крупные силы.

Ялу и её приток Эйхо представляли серьёзные препятствия для переправы. Бродов на Ялу не было, а река дробилась на несколько многоводных рукавов. Только на Эйхо имелись глубокие броды, доступные лишь для конницы. Таким образом, Ялу и её приток Эйхо предоставляли неплохие возможности для организации прочной обороны на этом водном рубеже. Высоты правого берега обеих рек господствовали над высотами левого берега, что обеспечивало выгоды русской артиллерии. Однако позиция русских войск на Ялу по вине командования и легкомысленности офицерского состава фактически не была подготовлена к обороне.

После того как отряд генерала Мищенко отошёл из Кореи, японцы получили возможность беспрепятственно развернуть свою 1-ю армию на левом берегу нижнего течения Ялу. Против примерно 16 батальонов пехоты и 5 батарей русских, находившихся на Саходзской и Тюренченской позициях, японцы развернули 48 батальонов пехоты, 24 батареи дивизионной и 5 батарей армейской гаубичной артиллерии при 174 орудиях.

Создав под Тюренченом пятикратное превосходство в живой силе и трёхкратное превосходство в артиллерии, армия Куроки 13 (26) апреля перешла в наступление. Ночью японцы захватили острова Самалинду и Киури и сразу же приступили к возведению на них окопов и замаскированных позиций для артиллерии. Захват островов позволил японцам приблизить артиллерию на дальность действительного огня, что оказало впоследствии влияние на ход боя.

Утром 17 (30) апреля японцы приступили к наводке моста через реку Ялу. Русские батареи пытались помешать этому и открыли огонь по японским шлюпкам, но оказались быстро подавлены огнём гаубичных и полевых батарей, развёрнутых японцами на острове Самалинду.

Утром 18 апреля (1 мая) 20 осадных и 72 полевых орудия японской артиллерии открыли огонь по всей позиции Тюренченского участка, а вслед за этим началось наступление пехоты густыми цепями одновременно на Тюренчен, Потэтынза и Чингоу. Русские части и батареи, ведущие бой у Тюренчена, не были поддержаны ни резервами, ни частями и батареями, находившимися в районе Саходзы.

Японская пехота, переправившись вброд через Эйхо, захватила Тюренченские позиции. Часом позже, после того как японская гвардия обошла их правый фланг, русские оставили свои позиции у Потэтынза. 23 апреля (6 мая) японцы заняли Фынхуанчен и вышли во фланг русской Маньчжурской армии, развёрнутой на линии Ляоян—Хайчен. Восточный отряд отошел на перевалы Феншуйлинского хребта.

В бою на реке Ялу русские потеряли около 3 тыс. человек, 21 орудие и 8 пулеметов. Потери японцев составили 1036 человек.

В сражении на реке Ялу русская армия потерпела первое поражение. В этом бою обнаружилась неспособность русских генералов ориентироваться в быстро меняющейся боевой обстановке, их неумение управлять войсками. Поражение на реке Ялу произвело гнетущее впечатление на русские войска и оказало существенное влияние на дальнейший ход боевых действий русской армии. Оно подорвало веру солдат в своих военачальников и создало ошибочное мнение о силе и возможностях противника.

Победа на Ялу подняла боевой и моральный дух японской армии⁵². Овладев стратегической инициативой, противник 22 апреля (5 мая) начал высадку 2-й армии в районе Бицзыво на Квантунском полуострове. Вслед за 2-й армией должна была высадиться 3-я армия генерала М. Ноги, предназначавшаяся для осады Порт-Артура. С севера её развертывание, а затем и действия предстояло обеспечить 2-й армии.

В это же время в районе Дагушаня велась подготовка к высадке 4-й армии М. Нодзу. Она имела задачу вместе с 1-й и 2-й армиями действовать против главных сил русской Маньчжурской армии и в последующем обеспечить успех 3-й армии в борьбе за Порт-Артур.

К концу апреля русская Маньчжурская армия была усилена войсками Приамурского военного округа и Забайкальской области. Ожидалось прибытие из Сибири 4-го Сибирского, а из европейской части России 10-го и 17-го армейских корпусов. Но войска по-прежнему были разбросаны на огромном пространстве, и в результате во всех решающих пунктах русские располагали более слабыми силами, чем японцы.

Группировка Маньчжурской армии к 1 (14) мая делилась на Южный и Восточный отряды и общий резерв. Южный отряд (1-й Сибирский армейский корпус) занимал побережье Ляодунского залива. Его войска находились в Инкоу, Гайчжоу, Хайчене и на перевалах Далин и Пхалин.

Восточный отряд (3-й Сибирский армейский корпус) после неудачного сражения под Тюренченом занимал Феншуйлинский и

---

⁵² Кинай М. Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. Т. 1. СПб., 1908. С. 124.

Модулинский перевалы, прикрывая район сосредоточения главных сил от действий 1-й японской армии. В его составе насчитывалось 18,5 батальона пехоты, 14,5 сотни и 32 орудия.

Японцы между тем продолжали наступление в Южной Маньчжурии. 13 (26) мая 2-я армия Я. Оку овладела Цзиньчжоу и тем самым перерезала связь Порт-Артура с Маньчжурской армией.

Неудачи у Цзиньчжоу и угроза обложения Порт-Артура 3-й японской армией обеспокоили правящие круги России. Военный министр В. В. Сахаров, например, полагал, что потеря Порт-Артура будет новым тяжелым ударом, который подорвёт и политический, и военный престиж России не только на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии, и в Европе⁵³.

Однако Куропаткин считал, что положение Порт-Артура не столь критическое, чтобы предпринимать какие-либо действия для оказания помощи ему до окончания сосредоточения армии. Напротив, Е. И. Алексеев и его штаб не ожидали, что Порт-Артур удержится более 2—3 месяцев.

Штаб главкома писал Куропаткину, что назрел вопрос о переходе Маньчжурской армии в наступление, но командующий назвал эти планы «стратегическим приключением... гибелью для армии». Что же касается Алексева, то он боялся отдать конкретный приказ о том, что и когда делать Маньчжурской армии, ибо, во-первых, он не был сведущ в вопросах ведения сухопутных операций, а во-вторых, он был убежден, что Куропаткин умышленно провалит любой его план, а ответственность за поражение возложит на него.

Для выработки ответа штабу главкома Куропаткин созвал военный совет. На этом совете начальник штаба Маньчжурской армии брат военного министра генерал В. В. Сахаров предложил для успокоения русской общественности, встревоженной ходом войны на Дальнем Востоке, предпринять демонстративные действия небольшим отрядом в сторону Порт-Артура.

Для разрешения спора между главкомом и командующим Маньчжурской армией потребовалось вмешательство правительства. Куропаткин написал военному министру Сахарову, Алексеев пожаловался царю. На их жалобы каждому был прислан отдельный ответ.

В ответе наместнику говорилось: «Я одобряю взгляды, выраженные в Вашей телеграмме о переходе в наступление по направлению Порт-Артура». Получив такой ответ, Алексеев отправил командующему Маньчжурской армией следующую телеграмму: «Ввиду высочайше выраженного желания безотлагательно приступить к выполнению операции».

Таким образом, Алексеев на все свои планы получал одобрение царя. Куропаткин шел против штаба главнокомандующего, при-

---

⁵³ Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1936. С. 82.

крываясь авторитетом военного министра, который всегда стремился поддержать своего брата — начальника штаба Маньчжурской армии. Трения и взаимное подсиживание крайне отрицательно влияли на деятельность русского командования в Маньчжурии.

Маньчжурская полевая армия к концу мая по численности была почти равной японской. Расположение её было выгодным: она могла действовать по внутренним операционным линиям против разбросанных и разобщенных группировок противника. Однако русское командование продолжало придерживаться пассивных действий, а Куропаткин главную свою задачу видел в том, чтобы удерживать занимаемые позиции и продолжать усиливаться за счёт резервов, прибывающих из Европейской России.

Тем не менее, сознавая, что падение крепости чревато тяжёлыми последствиями, царское правительство потребовало от дальневосточного командования направить войска на выручку Порт-Артуру.

23 мая (5 июня) Алексеев отдал официальное предписание командующему Маньчжурской армией выделить для Порт-Артура 4 дивизии, придав им необходимую артиллерию и кавалерию. Был вынужден послать из района Дашичао 1-й Сибирский корпус и Куропаткин.

Вопреки предписанию Е. И. Алексеева к Порт-Артуру было послано не 48, а 32 батальона. Против 1-го Сибирского корпуса, располагавшего 32 батальонами и 98 орудиями, японцы выставили целую армию, состоявшую из 48 батальонов пехоты, 3 полков дивизионной и 3 полков армейской артиллерии (216 орудий). Таким образом, соотношение сил явно складывалось в пользу японской стороны.

25 мая (7 июня) Оку получил приказ выступить на север навстречу русским войскам и 31 мая (13 июня) его армия перешла в наступление. 3-я и 5-я дивизии были направлены вдоль железной дороги для атаки расположения русских у Вафангоу. Оттеснив авангард 1-го Сибирского корпуса, японцы овладели станцией Вафандян.

Узнав о переходе противника в наступление, командир корпуса генерал-лейтенант Г. К. Штакельберг решил дать у Вафангоу оборонительный бой, а затем при благоприятной обстановке перейти в наступление. Войска корпуса заняли оборонительные позиции в 5 км к югу от Вафангоу.

Оборонительная позиция русских проходила по гребню высот от деревни Лункоу через Санцзыир до Янцзягоу на фронте протяжённостью до 12 км, а перед позицией расстиралась Янцзятуньская равнина. Всё это создавало большие трудности для фронтальной атаки русских позиций. Однако позиции опять не были достаточно укреплены.

Артиллерия располагалась на открытых позициях. В результате огневые позиции русских батарей легко обнаруживались противником. Взаимная поддержка батарей огнём не была предусмотрена. Наблюдательных пунктов командиры батарей не имели.

1 (14) июня японцы перешли в наступление. В первый день боя генерал Оку не рассчитывал добиться полного успеха, этот бой должен был стать только пробой сил, нащупыванием слабого места и подготовкой к решительному сражению.

Наступление японцев было поддержано ураганным огнём артиллерии. Русские войска, не участвовавшие ещё в боях, не имевшие окопов и укрытий, сразу же стали нести большие потери.

На 2 (15) июня обе стороны имели наступательные планы. Вопрос о переходе в наступление с утра 2 июня возник у Штакельберга после того, как атаки японцев на участке 1-й дивизии были отбиты. О своём намерении командир корпуса сообщил Куропаткину. Но командующий армией был заранее убеждён в неудаче наступления, хотя отменить подготовленную атаку он не посмел, так как боялся очередных упреков со стороны главкома и Петербурга.

Японское командование, разведав боем, состоявшимся 1 (14) июня, обстановку, решило силами 3-й и 5-й дивизий и кавалерийской бригады сковать войска Штакельберга с фронта, а полками 4-й дивизии нанести удар по правому флангу обороны и, перерезав железную дорогу в тылу русского корпуса, поставить его в безвыходное положение.

На рассвете 2 (15) июня вся артиллерия 2-й японской армии начала подготовку атаки. Основной огонь артиллерии был сосредоточен на 1-й дивизии А. А. Гернгросса. Это было сделано с целью отвлечения внимания русских от правого фланга, который обходила 4-я дивизия.

В результате интенсивного огня японской артиллерии дивизия Гернгросса оказалась в тяжелом положении. Войска дивизии, не имевшие укрытий, несли большие потери. В этой ситуации надо было немедленно атаковать противника. Но Гернгросс, как было условлено, ждал прибытия 2-й бригады 35-й дивизии А. Гласко из резерва, которая, однако, не появлялась. Командир дивизии послал Гласко несколько записок, призывавших атаковать и обещавших поддержку. Но бригада почему-то задерживалась.

Между тем положение дивизии Гернгросса становилось все более критическим. Стоять на месте было невозможно, так как позицию буквально засыпало снарядами. Потеряв всякую надежду на подход Гласко, Гернгросс в 8 часов самостоятельно перешел с 2 полками в наступление. Крутые и каменистые подъемы и спуски при 40-градусной жаре чрезвычайно затрудняли движение вперед.

В 8.30 Гернгросс послал последнюю записку командиру 2-й бригады: «Пора перейти в энергичное наступление. Откройте хоть огонь из артиллерийских батарей, так как мои полки гибнут, окружённые

с трёх сторон японцами». В 10.00 он обратился за помощью к командиру корпуса, общий резерв которого всё ещё бесцельно перемещался в тылу.

Несогласованность в действиях русских войск позволила 4-й японской дивизии обойти с фланга 33-й и 36-й полки 9-й дивизии и вынудить их отступить к станции Вафангоу. Части 9-й дивизии были глубоко охвачены с правого фланга, пути отхода отрезаны. Начался отход через тылы 1-й дивизии.

В результате двухдневных боев у Вафангоу русские потеряли около 3500 человек, японцы — 1163 человека.

Неблагоприятный для русских исход боя у Вафангоу был предопределён посылкой одного корпуса против целой армии противника. При этом выдвижение усиленного 1-го Сибирского корпуса к Вафангоу производилось по директиве главнокомандующего Алексеева, вопреки желанию командующего Маньчжурской армией генерала Куропаткина, который выделил на выручку Порт-Артуру меньше сил, чем это планировалось главнокомандующим, и операцию начал тогда, когда японцы значительно усилились в результате высадки новых войск в Китае и Корее.

В бою у Вафангоу, как и под Тюренченом, русское командование оказалось не на высоте. Царские генералы, за малым исключением, проявили нерешительность, неумение использовать войсковые резервы.

В бою у Вафангоу русская артиллерия была введена в действие лишь наполовину и вела огонь с открытых позиций, что позволило японской артиллерии быстро подавить её. Японская же артиллерия располагалась на позициях группами по 2—3 батареи. Каждая группа имела свой наблюдательный пункт, единое управление и, как правило, вела огонь сосредоточенно.

Более активной в этом бою была и японская конница. Охват левого фланга русских позиций создал у русского командования впечатление сосредоточения здесь крупных японских сил. Русская кавалерия бездействовала. Она не смогла своевременно обнаружить движение целой дивизии в обход Вафангоу.

Бой у Вафангоу не был заранее спланирован. Он носил случайный характер. Посланный на выручку Порт-Артуру корпус не получил чёткой и ясной задачи по его деблокаде.

Но хотя первая попытка Маньчжурской армии оказать помощь Порт-Артуру закончилась неудачей, выдвижение 1-го Сибирского корпуса к Вафангоу заставило японское командование направить на север 2-ю армию, предназначавшуюся для действий против Порт-Артура. Для захвата Порт-Артура японцам пришлось сформировать из переброшенных на Ляодунский полуостров 11-й и 9-й дивизий и находившейся здесь 1-й дивизии 3-ю армию численностью до 60 тыс. человек с 400 орудиями.

События, происшедшие с момента внезапного нападения Японии до конца июня, составляют начальный период русско-японской войны 1904—1905 годов. Основным содержанием его было стратегическое развёртывание вооружённых сил.

Решение этой задачи для русских войск затруднялось большой удалённостью театра военных действий и низкой пропускной способностью Транссибирской магистрали. Сосредоточение войск в Маньчжурии производилось недопустимо медленно — лишь в июне удалось образовать там достаточно сильную стратегическую группировку.

Военные действия в этот период носили ограниченный характер, но тем не менее японское командование, выиграв первые сражения на море и на суше, обеспечило себе благоприятные условия для стратегического развертывания. Выполнив эту задачу на месяц раньше русских, оно перешло к осуществлению дальнейших планов. Очередной его целью являлось овладение крепостью Порт-Артур.

Падение Порт-Артура

Отступление русских в Северной Корее создало благоприятные условия для высадки 2-й японской армии. Для её обеспечения вице-адмирал Х. Того перенёс маневренную базу флота поближе к Порт-Артуру к островам Эллиот. 20 апреля вице-адмирал Х. Того появился у Порт-Артура с главными силами флота. Для надёжного прикрытия высадки войск он приказал установить близкую блокаду Порт-Артура. Днём её осуществляли броненосцы и крейсера, ночью их сменяли отряды истребителей и миноносцев. Высадка японских войск 2-й армии началась 22 апреля на Ляодунском полуострове. Непосредственное прикрытие транспортов осуществляли корабли 3-й эскадры под командованием вице-адмирала С. Катаока. Пользуясь пассивностью ослабленного русского флота и сухопутных войск, японцы уже 30 апреля завершили высадку 50 тыс. человек при 216 орудиях и захватили железную дорогу. Крепость оказалась в кольце блокады.

С целью отвлечения японского флота от Порт-Артура было решено провести «экспедицию» крейсеров в южную часть Японского и Жёлтого морей и сделать набег миноносцев на берега Японии. Но сил было мало, а из-за нарушений связи с Порт-Артуром оказалось невозможным добиться желаемого взаимодействия с главными силами флота.

Между тем обстановка под Порт-Артуром осложнялась. 13 мая 2-я японская армия атаковала русские войска на передовой Кинджоуской позиции. Содействие русского флота своим войскам выразилось в благовременном минировании бухт от Кинджоу до Порт-

Артура, а также в усилении их двумя морскими батареями. В Кинд-жоуском бою 13 мая «Бобр» под прикрытием минных заграждений выпустил свыше 300 снарядов по атакующим японским войскам, обеспечив устойчивую оборону русского правого фланга. Однако левый фланг был прорван японской пехотой, и русский командующий генерал А. В. Фок дал приказ к отступлению. Отход русских войск позволил японцам занять порт Дальний, который вскоре был использован ими для выгрузки тяжелого вооружения и снаряжения.

Не зная об оставлении Дальнего, В. К. Витгефт в ночь на 14 мая направил туда десять эскадренных миноносцев для атаки канонерских лодок противника. Этот поход окончился потерей флагманского корабля «Внимательный», который в темноте выскочил на камни. Перед рассветом девять эскадренных миноносцев повернули в Порт-Артур, а «Внимательный» был подорван двумя минами с «Выносливого».

Оставив Кинджоу и Дальний, генерал А. М. Стессель отвел части 4-й и 7-й Восточно-Сибирских стрелковых дивизий вплотную к крепости. Это позволило японцам 16 мая беспрепятственно высадиться в бухту Керр войска 3-й армии генерала М. Ноги, предназначенной для штурма Порт-Артура. В то же время главные силы 2-й армии Я. Оку были направлены на север для отражения попытки Маньчжурской армии деблокировать крепость. Но для деблокады Порт-Артура командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин направил всего 32 батальона 1-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга. Но, как уже отмечалось, в сражении у Вафангоу 1-й Сибирский корпус потерял около 3,5 тыс. человек и был вынужден отступить.

В конце мая — начале июня 1904 года эскадра в Порт-Артуре занималась обороной и тралением внешнего рейда. Выход российской эскадры в море в полном составе, осуществлённый 10 июня 1904 года, несколько охладил наступательный прорыв японцев на сухопутном фронте, но из-за нерешительности В. К. Витгефта, недостаточной боеготовности эскадры изменить обстановку на главном театре военных действий не удалось. Японцы продолжали блокадные действия, а возможность повторного выхода русской эскадры отодвигалась более чем на месяц из-за повреждения «Севастополя».

Главкомандующий адмирал Е. И. Алексеев получил донесение В. К. Витгефта о выходе с большим опозданием и 12 июня распорядился о немедленной посылке крейсерского отряда «для действий в Японском море на сообщениях неприятеля». Руководить операцией было поручено вице-адмиралу П. А. Безобразову, которому командующий флотом поставил задачу атаковать миноносцами порт Гензан, а после этого с тремя броненосными крейсерами идти в Корейский пролив и далее в Жёлтое море с целью не допустить перевозки на

материк 4-й армии противника. План операции строился в расчёте на успех Порт-Артурской эскадры и на оптимистической оценке предыдущего удачного похода крейсеров.

15 июня П. А. Безобразов вывел в море «Россию», «Громобой», «Рюрик», а также вспомогательный крейсер «Лена» и отряд из восьми миноносцев. Ранним утром 17 июня миноносцы тремя группами вошли на рейд Гензана, уничтожили два небольших судна и обстреляли берег. С скромными результатами были омрачены потерей одного миноносца, который, налетев на подводный камень, потерял способность управляться и на обратном пути во Владивосток был затоплен. Через два дня «Лена» и семь миноносцев были уже во Владивостоке.

3-я японская армия генерала М. Ноги, непрерывно получая пополнения через порт Дальний, постепенно активизировала свои действия против передовых позиций русских войск на Квантунском полуострове. И вскоре начался обстрел русских кораблей на внутреннем рейде Порт-Артура.

Японцы пытались помешать действиям русских кораблей минными постановками, атаками миноносцев и кораблей эскадры вице-адмирала С. Катаока. И хотя за полтора месяца на море и произошло несколько боевых столкновений, они не привели к каким-либо результатам. Противников разделяли минные заграждения, которые ни один из них не решился форсировать.

Между тем адмирал Е. И. Алексеев в целях спасения эскадры для дальнейшей борьбы с Японией настаивал на перебазировании её во Владивосток. В середине июля из флагманов и командиров больших кораблей в Порт-Артуре за прорыв во Владивосток выступали только начальник штаба, контр-адмирал Н. А. Матусевич и капитан 1-го ранга Н. О. Эссен. Поэтому Е. И. Алексеев обратился к авторитету императора. 19 июля Николай II ответил главнокомандующему телеграммой: «Вполне разделяю ваше мнение о важности скорейшего выхода эскадры из Порт-Артура и прорыва во Владивосток...»

К этому времени обстановка под Порт-Артуром становилась критической. Части Квантунского флотского экипажа уже сражались на сухопутном фронте, а броненосцы вели «перекидную» стрельбу по японским позициям прямо с внутреннего рейда.

Таким образом, было условлено, что эскадра должна идти во Владивосток во что бы то ни стало, не поджидая оставшие или подбитые корабли. В ночное время решили идти без огней, используя максимальную скрытность.

С утренним приливом 28 июля эскадра начала выходить на внешний рейд. В 8.15 по сигналу с «Цесаревича» корабли снялись с якоря и вслед за тралящим караваном направились в море. Во Владивосток уходили броненосцы «Цесаревич» (флаг командующего эскадрой), «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь»,

«Полтава», крейсера «Аскольд», «Новик», «Паллада» и «Диана». Их сопровождали эскадренные миноносцы «Выносливый», «Властный», «Грозный», «Бойкий», «Бесстрашный», «Беспошадный» и «Бурный». Кроме боевых кораблей В. К. Витгефт взял в поход плавающий госпиталь Красного Креста «Монголия».

Вице-адмирал Х. Того в преддверии штурма крепости ожидал выхода русской эскадры. К утру 28 июля он усилил наблюдение за Порт-Артуром, послав на подкрепление старым крейсерам «Ниссин», «Якумо», «Титосе», «Касаги» и «Такасаго». Сам Х.Того с броненосцами «Миказа», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима» и броненосным крейсером «Асама» держался к северу от о. Раунд. Получив первое донесение о появлении русских кораблей на внешнем рейде, японский главнокомандующий поспешил сосредоточить у Порт-Артура все наличные корабли 1-й и 3-й эскадр.

В целом японский флот имел некоторое превосходство в силах. Кроме 4 броненосцев и 4 крейсеров он насчитывал 3 больших, 5 малых бронепалубных крейсеров, старый броненосец, 3 судна береговой обороны, 18 эскадренных миноносцев и 31 миноносец. Однако перевес в артиллерии среднего калибра и количестве минных аппаратов не мог играть существенной роли в дневном бою главных сил. Поэтому, располагая 6 эскадренными броненосцами, превосходившими 6 кораблей Х. Того по тяжелой артиллерии, В. К. Витгефт имел некоторые шансы на успех. Не было у японцев и таких больших бронепалубных крейсеров, как «Аскольд» и «Диана».

Тактический замысел японского адмирала предусматривал «охват головы» боевого порядка противника и сосредоточение огня на флагманском корабле без сближения на короткую дистанцию.

Около 12.00 «Цесаревич» увеличил ход до 13 узлов, направляясь в промежуток между японскими 1-м и 3-м боевыми отрядами. Х. Того со своим отрядом пересек курс русской эскадры, с целью завлечь противника подальше от Порт-Артура, повернул на 90° влево и попытался выполнить охват головы. С 12.20 с дистанции около 70 кабельтовых японские корабли вслед за крейсером «Ниссин» открыли огонь по «Цесаревичу» из крупных орудий. Им ответил «Пересвет» из носовой 254-мм башни, а по его примеру начали стрелять и другие русские броненосцы. Одновременно В. К. Витгефт для выхода из «охвата» и улучшения условий стрельбы повернул на 4 румба влево, и противники оказались почти на параллельных курсах.

В этом бою, несмотря на невыгодные условия и непривычную обстановку стрельбы (пристрелка из крупных орудий), русским кораблям удалось добиться трёх попаданий тяжёлыми снарядами в «Миказа», двух — в «Ниссин» и одного — в «Асахи». Из русских кораблей более 10 попаданий снарядами разных калибров получил

«Ретвизан», 7 — «Цесаревич», по одному — «Пересвет» и «Севастополь». Однако эти снаряды не нанесли серьёзных повреждений или потерь в людях. Пострадал только броненосец «Полтава», получивший 7 японских снарядов.

Вице-адмирал Х. Того предпринял нерешительную попытку догнать противника, и корабли возобновили огонь из орудий главного калибра. Когда адмирал С. Дева с четырьмя крейсерами, сблизившись с отставшей «Полтавой», попытался поставить русских в два огня, старший артиллерист броненосца лейтенант А. И. Рыков блестяще оправдал довоенную репутацию своего корабля, лучшего по стрельбе на эскадре. Одни из первых снарядов кормовой 305-мм батареи поразил головной крейсер «Якумо» и вывел из строя 22 чело- века. Японский флагман поспешил отвернуть и вскоре отстал, затем и вице-адмирал Х. Того тоже прекратил бой.

Казалось, путь русским во Владивосток был открыт. Но японцы имели превосходство на 1—2 узла в скорости, поэтому следовало ожидать продолжения боя. Командующий эскадрой рассчитывал, что ночью эскадре удастся «ложными поворотами» оторваться от японцев.

Между тем Х. Того тоже оказался в трудном положении, заставившем его изменить первоначальный замысел. Теперь впереди русских в Корейском проливе находилась только эскадра Х. Камимура, слишком слабая, чтобы помешать прорыву. Поэтому Х. Того, присоединив к своему отряду крейсер «Якумо», решил возобновить бой на параллельных курсах, используя выгодное положение относительно заходящего солнца.

Как бы то ни было, но в результате неудачного сражения в Жёлтом море русская эскадра возвратилась в осаждённую крепость, но уже в ослабленном составе. Причинами её поражения явились низкий моральный дух и пассивность высшего командования, примитивное тактическое маневрирование и связанная с ним низкая боевая эффективность артиллерии. Израсходовав 35,5% боевого комплекта главного калибра, русские броненосцы добились всего 1% попаданий из крупных и средних орудий.

Только командир быстроходного «Новика»² проявлял настойчивость в осуществлении прорыва. Вечером 29 июля он зашел в Циндао для погрузки угля (250 т), а утром следующего дня направился во Владивосток, избрав путь вокруг Японских островов.

Первые сведения о результатах сражения в Жёлтом море стали известны адмиралу Е. И. Алексееву уже после того, как он телеграфировал во Владивосток вице-адмиралу Н. И. Скрыдлову приказание выслать навстречу эскадре крейсерский отряд. Командиру отряда контр-адмиралу К. П. Иессену было приказано следовать в Корейский пролив до параллели Фузана «на соединение и на помощь» В. К. Витгефту. «Россия», «Громобой» и «Рюрик» вышли в

море утром 30 июля, когда корабли эскадры уже залечивали раны в Порт-Артуре. В это время вице-адмирал Х. Камимура, выполняя приказание главнокомандующего японским Соединённым флотом, со своими четырьмя большими крейсерами находился у островов Росс в южной части Жёлтого моря. Бронепалубные крейсера контр-адмирала С. Уриу были развёрнуты для несения дозора в Корейском проливе.

Таким образом, отряд К. П. Иессена направлялся прямо в район сосредоточения крейсеров противника. Встреча его с отрядом Х. Камимура произошла на рассвете 1 августа. Японцы имели явное превосходство в силах: по мощности вооружения и броневой защите «Россия», «Громобой» и «Рюрик» оказались примерно в два раза слабее «Идзумо», «Токива», «Адзума» и «Ивате», имевших башенную артиллерию главного калибра. Эскадренная скорость русских крейсеров была на 2 узла ниже.

В момент обнаружения оба противника шли в западном направлении, но японский отряд оказался в 8 милях к северу, преграждая владивостокским крейсерам путь к отступлению. Неравный бой был неизбежен, и вскоре, повернув на обратный курс и подняв стеньговые флаги, русские крейсера ответили 152-мм артиллерией на огонь из 203-мм японских орудий. «Идзумо» и «Ивате» сосредоточили огонь на «Рюрике», «Адзума» стрелял по «России», а «Токива» — по «Громобою». Через 10 минут два 203-мм снаряда разрушили носовую часть «Рюрика». На «России» взрыв тяжёлого снаряда разворотил третью дымовую трубу, а осколки его вывели из строя котёл: флагманский корабль временно сбавил ход до 10 узлов, а «Рюрик» покатился из строя вправо, но так и не возвратился на своё место в кильватер «Громобою», несмотря на сигналы флагмана. Ответный огонь русских кораблей не причинил серьёзных повреждений противнику. Огневое превосходство японцев было слишком велико.

Исключительная стойкость и мужество моряков «Рюрика», матросов и офицеров «России» и «Громобою», несмотря на трагический исход боя 1 августа, получили высокую оценку и были отмечены наградами. Таким образом, вынужденная активизация боевых действий российского Тихоокеанского флота в конце июля 1904 года обернулась серьёзными неудачами. Два крейсера и два эскадренных миноносца были потеряны, три больших корабля и четыре миноносца интернированы в нейтральных портах, а три броненосца и два броненосных крейсера надолго вышли из строя из-за повреждений. Разделение сил между Порт-Артуром и Владивостоком сохранилось: и эскадра, и крейсерский отряд были существенно ослаблены как в материальном, так и в моральном отношениях.

После неудачного прорыва во Владивосток русские корабли вернулись в Порт-Артур, где стали активно поддерживать огнём своей

артиллерии сухопутные войска при обороне крепости. В войска для усиления обороны были переданы не только артиллерия, но и людской состав.

Между тем, сосредоточив под Порт-Артуром внушительный контингент войск, противник 6 (19) августа начал штурм русских позиций. В ожесточённых боях, продолжавшихся до 11 (24) августа, японцам ценой больших потерь (около 15 тыс. человек, в то время как русские потеряли 6 тыс.) удалось лишь в отдельных местах вклиниться в главную линию обвода крепости⁵⁴.

6—9 (19—22) сентября японские войска предприняли второй штурм крепости. Понесё ещё большие потери (7,5 тыс. человек против 1,5 тыс. у русских), враг захватил 3 укрепления — Кумирненский и Водопроводный редуты и высоту Длинную, но главный объект их атаки — господствовавшая над городом гора Высокая — устоял.

С 18 сентября (1 октября) начался обстрел Порт-Артура из 11-дюймовых гаубиц, разрушавших бетонные казематы крепости, не рассчитанные на такой калибр орудий. Во время третьего штурма 17—18 (30—31) октября японские войска смогли занять лишь несколько второстепенных укреплений. Но, получив пополнение, противник 13 (26) ноября возобновил штурм, направив главный удар против горы Высокой, 22 ноября (5 декабря), несмотря на героизм защитников, овладел ею и начал уничтожение артиллерийским огнём уцелевших кораблей эскадры, запертой на внутреннем рейде. Первым погиб броненосец «Полтава», на следующий день — «Ретвизан» и «Пересвет», 24 ноября (7 декабря) — броненосец «Победа» и крейсер «Паллада», на следующий день вышли из строя крейсер «Баян» и транспорт «Амур». Дальше всех сопротивлялся только броненосец «Севастополь».

2 (15) декабря погибли душа защитников крепости и главный организатор обороны Порт-Артура выдающийся русский военачальник генерал Р. И. Кондратенко и его ближайшие помощники. Начальником сухопутной обороны был назначен генерал А. В. Фок — сторонник капитуляции крепости.

16 (29) декабря в Порт-Артуре состоялось заседание военного совета, большинство участников которого высказалось за продолжение обороны. Однако, несмотря на это, Стессель подписал 20 декабря 1904 года (2 января 1905 года) капитуляцию. Это гнусное предательство в народной памяти стало на долгие годы одной из самых чёрных страниц в истории российских вооружённых сил, все его инициаторы впоследствии понесли заслуженное наказание: за измену приговорены к смертной казни, хотя потом и были помилованы императором.

Согласно условиям капитуляции, весь гарнизон крепости попал в плен. Все форты, укрепления, корабли, оружие, боеприпасы,

⁵⁴ Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1952. С. 147—148.

деньги и другое военное имущество передавались в распоряжение японской армии в том виде, в каком они находились к моменту подписания капитуляции. Генералам, адмиралам и офицерам оставались их личное оружие и необходимые личные вещи. Обезоруженные солдаты, матросы и унтер-офицеры русской армии под командованием своих офицеров должны были явиться на сборный пункт, указанный японским командованием. Капитуляция вступала в силу сразу же после её подписания.

Ко дню капитуляции в составе гарнизона Порт-Артура числилось 32 400 человек (в том числе 5809 раненых и больных), около 3 тыс. лошадей, 610 исправных орудий, 9 пулеметов, 207 855 снарядов различных калибров. Еще не были исчерпаны запасы продовольствия. По данным Ведомости состояния гарнизона и снабжения крепости Порт-Артур, к 20 декабря 1904 года (2 января 1905 г.) муки имелось в наличии на 27, крупы на 23, чая на 196, сахара на 40, сухарей на 21, сухих овощей на 88, соли на 175, овса, ячменя и бобов на 34 дня⁵⁵.

Многие укрепления еще держали оборону. Обороняться можно было также на второй и третьей линиях. Однако Стессель, Фок, Рейс и им подобные предали гарнизон Порт-Артура, солдаты и офицеры которого были полны решимости продолжать борьбу.

Гибель эскадры

После боя в Жёлтом море 28 июля (10 августа) 1-я Тихоокеанская эскадра, потеряв командующего, вернулась в осаждённый с суши и блокированный с моря Порт-Артур. В новых условиях запланированная ранее посылка военно-морской эскадры из Балтийского моря на Тихий океан теряла всякий военный смысл. Надежды на снятие блокады крепости и сохранение оставшихся там кораблей уже не оставалось. Тем более что подготовка к походу 2-й Тихоокеанской эскадры, сформированной 17 апреля 1904 года, затянулась на несколько месяцев из-за незавершенности постройки новых эскадренных броненосцев типа «Бородино», которые должны были составить её боевое ядро. Только 1 августа 1904 года командующий эскадрой контр-адмирал З. П. Рожественский поднял флаг на броненосце «Князь Суворов», возглавив объединение из 6 эскадренных броненосцев, 4 крейсеров 1-го ранга, яхты и 10 эскадренных миноносцев.

Несколькими днями позже было созвано Особое совещание для выяснения вопросов об отправке и задачах 2-й эскадры флота Тихого океана. В совещании, состоявшемся в Петергофе 11 августа 1904 года под председательством Николая II, приняли участие управляющий Морским министерством Ф. К. Авелан, контр-адмирал З. П. Рожест-

---

⁵⁵ История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 251.

венский, контр-адмирал великий князь Александр Михайлович, генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, военный министр, министры финансов и иностранных дел и статс-секретарь⁵⁶. Военный министр В. В. Сахаров и вице-адмирал Ф. К. Авелан выразили сомнения в возможности удержать Порт-Артур и сохранить 1-ю эскадру до прибытия подкреплений на Дальний Восток. Но эти сомнения были развеяны заверениями З. П. Рожественского о готовности 2-й эскадры. Участников совещания обнадёживали также расчёты руководителей морского ведомства на усиление эскадры за счёт покупки в Аргентине и Чили семи броненосцев и крейсеров.

В итоге совещание приняло решение послать 2-ю эскадру на соединение с 1-й Тихоокеанской эскадрой для совместных с ней действий с целью завоевания господства на море. 30 августа главные силы 2-й Тихоокеанской эскадры перешли в Ревель, а в Кронштадте осталось только несколько спешно достраивавшихся кораблей. Однако срок выхода с 1 сентября был перенесен на один месяц в надежде на положительное решение вопроса о приобретении кораблей в Южной Америке.

В конце сентября эскадра сосредоточилась в Либаве, усиленная броненосцем «Орёл». Беспрецедентный поход через три океана начался 2 октября 1904 года. В составе четырёх эшелонов из Либавы вышли эскадренные броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орёл», «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин», крейсера 1-го ранга «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Аврора» и «Светлана», крейсера 2-го ранга «Алмаз» и «Жемчуг», эскадренные миноносцы «Быстрый», «Бравый», «Безупречный», «Бедовый», «Буйный», «Блестящий» и «Прозорливый».

Кроме того, семь транспортов, снаряжавшихся в Чёрном море, должны были присоединиться к эскадре в пути. Снабжение эскадры углем взяла на себя по контракту германская Гамбургско-Американская паропроходная компания. Запасы провизии в пути предполагалось пополнять в нейтральных портах.

На переходе Северным морем вечером 8 октября обстановка крайне обострилась под влиянием радиодонесений отставшей от третьего эшелона «Камчатки», командир которой доложил командующему о том, что он отражает атаки неопознанных миноносцев.

Когда броненосцы подошли к Доггер-банке — традиционному району рыбной ловли в Северном море, на носовых курсовых углах были обнаружены затемнённые силуэты небольших кораблей. Броненосец «Князь Суворов», открывший по ним огонь, был поддержан тремя другими броненосцами отряда. Через десять минут, когда разобрались, что под обстрел попали рыболовные суда, огонь

---

⁵⁶Золотарёв В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. Война на море. С. 152.

прекратился. Броненосцы успели выпустить более 500 снарядов, из которых 5 попали в свой крейсер «Аврора». Пострадали и рыболовные траулеры: один из них был потоплен, а четыре повреждены, среди рыбаков имелись человеческие жертвы. Поскольку траулеры были приписаны к английскому порту Гуль, это происшествие вошло в историю под наименованием Гульского инцидента. После этих событий сразу же последовал резкий протест английского правительства.

Конфликт удалось уладить только с помощью международной следственной комиссии, созданной в Париже и снявшей обвинения с З. П. Рождественского и его командиров. Россия выплатила пострадавшим компенсацию в размере 65 тыс. фунтов стерлингов.

В Танжере произошло разделение эскадры: контр-адмирал Д. Г. Фелькерзам с «Сисоем Великим», «Наваринном», «Светланой», «Алмазом», «Жемчугом», миноносцами и большинством транспортов отделился для следования Средиземным морем и Суэцким каналом. Самые крупные броненосцы — четыре корабля типа «Бородино» и «Ослябя», большая осадка которых не позволяла пройти Суэцкий канал без разгрузки, крейсера «Аврора», «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской» — под командованием З. П. Рождественского продолжили путь вокруг Африки.

7 декабря 1904 года, обогнув мыс Доброй Надежды, корабли вошли в Индийский океан и 16 декабря подошли к острову Мадагаскар. Через 11 дней в бухте Носи-Бе на Мадагаскаре эскадра соединилась с отрядом Д. Г. Фелькерзама, который совместно с черноморскими транспортом еще 12—13 ноября прошёл Суэцкий канал.

3 ноября 1904 года из Либавы вдогонку эскадре был направлен отряд капитана 1-го ранга Л. Ф. Добротворского, в состав которого входили крейсер 1-го ранга «Олег», крейсера 2-го ранга «Изумруд», «Рион» и «Днепр», учебное судно «Океан», эскадренные миноносцы «Громкий», «Грозный», «Пронзительный», «Прозорливый» и «Резвый».

Почти весь декабрь отряд Л. Ф. Добротворского провёл на Крите, занимаясь ремонтом. «Океан» за ненадобностью ещё из Танжера отправили в Россию, а сравнительно небольшие миноносцы «Пронзительный», «Прозорливый» и «Резвый» (типа «Сокол») из-за постоянных неисправностей пришлось оставить в Средиземном море. 26 декабря Л. Ф. Добротворский вывел оставшиеся корабли из Суды для следования через Суэцкий канал на Мадагаскар на рандеву с З. П. Рождественским. К этому времени обстановка на Дальнем Востоке резко осложнилась: 20 декабря пал Порт-Артур.

22 ноября 1904 года император Николай II утвердил ассигнование в сумме 2 млн рублей на снаряжение 3-й эскадры флота Тихого океана с готовностью её к выходу 15 мая 1905 года. В состав этой эскадры были назначены балтийские броненосцы «Слава», «Импера-

тор Николай I», «Император Александр III», три броненосца береговой обороны типа «Адмирал Сенявин», крейсера 1-го ранга «Память Азова», «Владимир Мономах», до девяти новых минных крейсеров и восемь эскадренных миноносцев типа «Сокол».

Вице-адмиралы Н. И. Скрыдлов и А. А. Бирилев рассматривали снаряжение новой эскадры на Балтике как и возможность посылки на Дальний Восток Черноморского флота в качестве весомых политических аргументов для заключения выгодного мира с Японией. Однако было решено ограничиться усилением эскадры З. П. Рожественского отдельным отрядом судов из броненосцев «Император Николай I», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков», «Генерал-адмирал Апраксин» и броненосного крейсера 1-го ранга «Владимир Мономах». Снаряжение, а в дальнейшем и командование отрядом было поручено контр-адмиралу Н. И. Небогатову.

Вице-адмирал З. П. Рожественский получил известие о снаряжении отряда Н. И. Небогатова 19 декабря 1904 г. на Мадагаскаре почти одновременно с известием о падении Порт-Артура и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры. Изменение обстановки требовало новых решений и вызвало разногласия между З. П. Рожественским и высшим руководством флота в Санкт-Петербурге. Командующий эскадрой настаивал на быстрейшем её движении к театру военных действий. Ближайшая стратегическая цель эскадры, по его мнению, заключалась в прорыве хотя бы части сил во Владивосток, который мог стать ключевой и единственной базой для дальнейших морских операций. З. П. Рожественский считал устаревшие корабли Н. И. Небогатова дополнительной обузой для эскадры. Реальную возможность достижения превосходства над японцами он видел в присоединении к эскадре трёх новых броненосцев и двух крейсеров Черноморского флота.

Однако Петербург поставил новую стратегическую цель — самостоятельное «завладение господством на море», для чего потребовал ожидать прибытия крейсеров Л. Ф. Добровольского и присоединить в пути отряд Н. И. Небогатова. В результате 2-я Тихоокеанская эскадра провела в Носи-Бе более двух месяцев.

3 марта эскадра в полном составе, не дожидаясь Небогатова, покинула Носи-Бе и направилась на восток. Через 28 дней океанского перехода З. П. Рожественский привел эскадру к берегам Французского Индокитая в бухту Камрань.

У берегов Индокитая 2-я Тихоокеанская эскадра опять задержалась. Первые десять суток ушли на создание необходимых запасов угля, а последующие двадцать дней З. П. Рожественский ждал отряд Н. И. Небогатова. Контр-адмирал Н. И. Небогатов успешно решил поставленную ему задачу. Выйдя Суэцким каналом в Красное море, его отряд 30 марта достиг Марбата — английского владения на юге Аравийского полуострова. 26 апреля 1905 года в торжественной об-

становке отряд присоединился к эскадре З. П. Рожественского вблизи бухты Ван-Фонг. Позади небогатовского отряда осталось около 12 тыс. миль, пройденных в рекордное время, за 83 дня, и при минимальном пользовании услугами портов.

Теперь под флагом командующего 2-й Тихоокеанской эскадры собрался целый флот: 8 эскадренных броненосцев, 3 броненосца береговой обороны, 3 броненосных и 2 больших бронепалубных крейсера, 3 малых бронепалубных и 5 вспомогательных крейсеров, яхта — посыльное судно и 9 эскадренных миноносцев, не считая судов плавучего тыла. Сосредоточение столь крупных сил в 2 тыс. миль от берегов Японии уже само по себе было крупным успехом Российского флота. Моральное состояние и уровень дисциплины экипажей кораблей эскадры были достаточно высокими. Три случая массового выражения недовольства матросов не вышли из-под контроля командования. В походе дезертировал лишь один матрос, который бросился в воду в Малаккском проливе. Но и тот вскоре с попутным парходом возвратился на свой крейсер в Камрани.

После присоединения отряда Н. И. Небогатова вице-адмирал З. П. Рожественский в соответствии с указаниями из Санкт-Петербурга принял решение прорываться во Владивосток. При этом он избрал кратчайший путь — через Корейский пролив, где следовало ожидать сосредоточения всего японского флота. Варианты прорыва через проливы Сангарский (Цугару) и Лаперузов были отвергнуты командующим эскадрой без обсуждения даже с контр-адмиралом Н. И. Небогатовым, который предпочитал более длинный, но относительно безопасный путь вокруг Японских островов.

З. П. Рожественский также не настаивал на выходе крейсеров Владивостокского отряда «России» и «Громобоя» навстречу 2-й эскадре, хотя присоединение к ней этих кораблей с обстрелянными экипажами было вполне возможным.

Как бы то ни было, но 1 мая 1905 года 2-я Тихоокеанская эскадра оставила берега Аннама и направилась во Владивосток.

В это время японский Соединённый флот после завершения Порт-Артурской кампании сосредоточился в портах приписки для ремонта. В середине декабря 1904 года в Токио на совещании адмиралов Х. Того, Ю. Ито и морского министра Г. Ямамото было решено держать главные силы флота в Корейском проливе, а с приближением русской 2-й Тихоокеанской эскадры действовать по обстоятельствам.

20 января 1905 года адмирал Х. Того вновь поднял свой флаг на «Миказа». Ему подчинялись три эскадры: 1-я, под его командованием, 2-я, возглавляемая вице-адмиралом Х. Камимура, и 3-я — вице-адмиралом С. Катаока. Всего в распоряжении адмирала Х. Того в Корейском проливе находились 6 боевых отрядов, 5 отрядов истребителей и 8 отрядов миноносцев, отряд судов особого назначения

(вспомогательные крейсера и транспорты) и 4 портовых отряда миноносцев. Эти силы насчитывали 4 броненосца 1-го класса, 8 броненосных крейсеров, 2 больших и 10 малых бронепалубных крейсеров, 3 авизо, старый броненосец «Тин-Эн», 3 судна береговой обороны типа «Мацусима», 21 истребитель, 43 миноносца и 13 вспомогательных крейсеров — вооруженных торговых судов.

Для обеспечения безопасности границ Северной Кореи в январе и феврале 1905 г. вице-адмирал Х. Камимура с частью своей эскадры перевёз на транспортах и высадил в порту Лазарева и в заливе Пласина (200 миль от Владивостока) значительные силы японских войск.

С получением известия о проходе 2-й Тихоокеанской эскадрой Сингапура японцы 2 апреля скрытно выставили 715 мин на подходах к Владивостоку, от северной оконечности островов Римского-Корсакова до острова Аскольд. После этого все боевые корабли Соединённого флота были отозваны в район Корейского пролива.

Оперативный план адмирала Х. Того был рассчитан на четверо суток и предусматривал выполнение семи последовательных ударов по русской эскадре на всем протяжении пути от о. Квельпарт до Владивостока. Основу тактического замысла японского адмирала составляло окружение противника раздельно маневрирующими боевыми отрядами, при этом отряды броненосцев и броненосных крейсеров должны были стремиться к охвату головы строя русских главных сил. Флагманские корабли русской эскадры Х. Того предполагал вывести из строя сосредоточенным артиллерийским огнём со средних дистанций и ночными минными атаками истребителей.

Накануне сражения адмирал Х. Того собрал своих флагманов и командиров кораблей и ознакомил их со своим замыслом, высказав также общие взгляды на ведение боя.

Вице-адмирал З. П. Рожественский от какого-либо совещания флагманов и капитанов отказался. Не доверявший своим подчинённым З. П. Рожественский стремился лично управлять движением каждого отряда с мостика «Суворова».

В предстоящем сражении японский флот имел некоторое превосходство за счёт большей однородности и быстроходности главных сил, многочисленности крейсеров и миноносцев, приобретённого боевого опыта и близости своих берегов и военных портов. Но это превосходство не было подавляющим, а перевес главных сил русской эскадры в тяжелых орудиях не исключал достижение ею частичного успеха, который мог бы обеспечить решение задачи прорыва.

Вице-адмирал З. П. Рожественский и большинство флагманов и командиров, основываясь на опыте сражения в Жёлтом море, считали, что эскадре ценою потерь тихоходных и более старых кораблей всё же удастся одолеть противника и достичь Владивостока.

Глубокой ночью 14 мая 1905 года в 2.45 на подходах к Корейскому проливу один из японских разведчиков — вспомогательный крейсер «Синано-Мару» — обнаружил яркие огни госпитальных судов «Орёл» и «Кострома», а вскоре различил силуэты боевых кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры. Ещё через два часа адмирал Х. Того, находившийся на борту «Миказа», получил радиограмму «Синано-Мару», которая сообщала место и примерный курс кораблей противника. Убедившись, что русские направляются в восточный проход Корейского пролива, который японцы называют Цусимским, Х. Того в 6.15 вышел из Мозампо с тремя боевыми отрядами и пятью отрядами истребителей⁵⁷.

Когда вскоре в 40 милях от о. Цусима на горизонте был обнаружен крейсер «Идзумо», З. П. Рождественскому стало ясно, что эскадра обнаружена, а уже с 9.45 эскадру сопровождал отряд вице-адмирала С. Катаока — броненосец «Тин-Эн», крейсера «Ицукусима», «Хасидате», «Мацусима» и «Акицусима».

После обнаружения этого отряда З. П. Рождественский приступил к перестроению эскадры из походного в боевой порядок. В полдень, находясь в центре Цусимского пролива и сохраняя 9-узловую скорость, русская эскадра повернула на курс 23° — во Владивосток.

Рождественский перестроил эскадру в две кильватерные колонны, оставив в арьергарде транспорты и прикрывавшие их крейсера. Когда в 13.15 появились главные силы японского флота — броненосцы и броненосные крейсера, стремившиеся пересечь курс русской эскадры, Рождественский стал перестраивать корабли в одну кильватерную колонну, чем задержал открытие огня, который был начат с дистанции свыше 7 километров. Японские корабли открыли огонь через 3 минуты, сосредоточив его на головных русских кораблях. Используя превосходство в скорости — 18—20 узлов против 15—18 у русских, — японский флот держался впереди русской колонны, пересекая её курс и стремясь охватить её головную часть. К 14.00 дистанция уменьшилась до 28 кабельтовых (5,2 км), и Рождественский приказал отвернуть вправо, держась на курсе, параллельном курсу японских главных сил. Японская артиллерия имела большую скорострельность (360 выстрелов в минуту против 134 у русской), а их снаряды по фугасному действию превосходили русские в 10—15 раз, бронирование русских кораблей было слабее (40% площади против 61% у японцев). В 14.25 флагманский броненосец «Князь Суворов» вышел из строя, Рождественский был ранен. Русские корабли продолжали идти в колонне без руководства, дважды меняя курс, чтобы увеличить дистанцию между собой и противником.

---

⁵⁷ Смирнов М. И. Цусима (Сражение в корейском проливе 14 и 15 мая 1905 года). СПб., 1913. С. 63.

Лишь после 18.00 командование было передано контр-адмиралу Н. И. Небогатову. В ходе боя японские корабли, последовательно сосредоточивая огонь по головным кораблям, потопили 4 русских броненосца и нанесли повреждения всем остальным кораблям. Японские корабли имели повреждения, но ни один не был потоплен. Шедшие отдельной колонной русские крейсера отражали атаки японских крейсеров; в бою погибли вспомогательный крейсер и транспорт. Ночью японские миноносцы неоднократно атаковали русские корабли и потопили ещё броненосец и броненосный крейсер, потеряв 3 миноносца. В темноте русские корабли потеряли связь между собой. Часть из них следовала самостоятельно на север; под командованием Небогатова остались лишь 2 эскадренных броненосца, 2 броненосца береговой обороны и 1 крейсер; 3 крейсера ушли на юг в Манилу, где были интернированы. К утру 15 (28) мая эскадра как боевая сила перестала существовать.

Морально подавленный картиной гибели сильнейших кораблей эскадры днем 14 мая и отсутствием видимых повреждений противника, контр-адмирал Н. И. Небогатов поднял белый флаг. Он впоследствии мотивировал своё решение о сдаче стремлением спасти 2000 жизней от неминуемой и бесполезной гибели. Объяснить его поступок гуманными соображениями можно, но оправдать по чести нельзя. Подобная сдача эскадры 15 мая 1905 года была первой и единственной в истории Российского флота, корабли которого всегда достойно несли Андреевский флаг.

В ноябре—декабре 1906 года в Кронштадте состоялся военно-морской суд, признавший виновниками позора бывшего командира отряда и семь офицеров. Н. И. Небогатова и бывших командиров «Императора Николая I», «Генерал-адмирала Апраксина», «Адмирала Сенявина» — В. В. Смирнова, Н. Г. Лишина и С. И. Григорьева приговорили к смертной казни, которую император заменил десятилетним заключением в крепости. По несколько месяцев заключения в крепости получили бывший флаг-капитан В. А. Кросс и старшие офицеры трех упомянутых броненосцев. Командовавший «Орлом» капитан 2-го ранга К. Л. Шведе был освобождён от ответственности ввиду тяжелых повреждений его корабля. Суд оправдал и всех офицеров сдавшихся кораблей, которые не имели реальной возможности помешать намерениям командования⁸⁸.

Только быстроходный крейсер 2-го ранга «Изумруд» не выполнил сигнала своего адмирала: он дерзко прорвался сквозь боевой порядок японских кораблей и ушёл на север. У адмирала Х. Того не было крейсеров, которые могли бы его догнать. К сожалению, командир «Изумруда» капитан 2-ранга В. Н. Ферзен, так успешно оторвавшись от погони японских крейсеров «Титосе» и «Акицусима»,

---

⁸⁸ Три века Российского флота. С. 395—396.

при подходе к берегам Приморья потерял самообладание и неверно оценил обстановку. Не исключая появления японцев у Владивостока, он направил крейсер в бухту Владимир, где 16 мая в темноте посадил его на мель, а потом поспешно взорвал. Экипаж нелепо погибшего «Изумруда» пешком добрался до крепости.

Днем 15 мая почти все русские корабли, пытавшиеся самостоятельно достигнуть Владивостока, к югу от о. Дагелет подверглись атакам японского флота. Их экипажи, предпочитая гибель сдаче противнику, сражались до последней возможности. Так, около 4.00 утра повреждённый эскадренный миноносец «Безупречный» был настигнут японскими крейсером «Титосе» и истребителем «Ариакэ». Экипаж «Безупречного» во главе с командиром капитаном 2-го ранга И. А. Матусевичем более часа вёл неравный бой и погиб вместе с кораблем. Полтора часа сражался с крейсерами «Отова» и «Нийтака» крейсер 1-го ранга «Светлана» под командованием капитана 1-го ранга С. П. Шеина. Когда был расстрелян весь запас снарядов, два из которых попали в «Отова», и продолжать бой стало невозможно, крейсер был затоплен открытием кингстонов. Японцы не прекращали огня даже после ухода корабля под воду, на котором погибли командир, 9 офицеров, священник, четыре кондуктора и 153 нижних чина.

Вместе со «Светланой» во Владивосток шел эскадренный миноносец «Быстрый». Преследуемый крейсером «Нийтака» и истребителем «Муракумо», он выбросился на корейский берег и был взорван экипажем по приказанию командира лейтенанта О. О. Рихтера.

Вскоре после сдачи отряда Н. И. Небогатова японские главные силы обнаружили последний уцелевший русский броненосец «Адмирал Ушаков». Против него были направлены броненосные крейсера «Якумо» и «Ивате» под флагом контр-адмирала Х. Симамура, поднявшего сигнал: «Ваш флагман сдался, предлагаю вам сдаться». В ответ командир «Адмирала Ушакова» капитан 1-го ранга В. Н. Миклухо-Маклай приказал открыть огонь. Исчерпав возможности сопротивления, он приказал затопить корабль. С броненосцем «Адмирал Ушаков» погибли 94 человека.

Севернее о. Цусима японским истребителем «Сирануи» и миноносцем «№ 63» утром 15 мая был перехвачен эскадренный миноносец «Громкий», державшийся ранее вместе с повреждённым крейсером «Владимир Мономах». Командир «Громкого» капитан 2-го ранга Г. Ф. Керн в неравном бою решительно атаковал противника. Увидев, что ему не избежать преследования — японские миноносцы приближались с двух сторон, — Г. Ф. Керн направил «Громкий» на более крупный «Сирануи» и приказал выпустить две мины, которые, к сожалению, не достигли цели. После этого, по признанию японцев, в жестоком бою вплотную (1,5—4 каб.) «неприятель хра-

бро сражался» и буквально изрешетил «Сирануи», в который попал более 20 снарядов. Но превосходство в числе и калибре орудий, а также в качестве снарядов оказалось на стороне японских кораблей. Через 40 минут боя «Громкий» потерял ход и затонул с открытыми кингстонами, 23 его моряка погибли.

В ночь на 14 мая разлучились с главными силами эскадры и самостоятельно шли во Владивосток также крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской», эскадренные миноносцы «Буйный», «Бедовый» и «Грозный». Ранним утром 15 мая командир «Буйного», имевшего повреждения в машине, капитан 2-го ранга Н. Н. Коломейцев передал на исправный «Бедовый» раненого вице-адмирала З. П. Рожественского и его штаб, а на «Дмитрий Донской» спасённых моряков с броненосца «Ослябя».

«Бедовый» и «Грозный» оставили позади тихоходный крейсер и «Буйный» и направились во Владивосток, но на подходах к о. Дагелет они были настигнуты японскими истребителями «Кагеро» и «Сазанами». Раненый флаг-капитан эскадры капитан 1-го ранга К. К. Клапье-де-Колонг, приказав «Грозному» продолжать путь, с согласия командира «Бедового» капитана 2-го ранга Н. В. Баранова распорядился поднять на миноносце белый флаг и флаг Красного Креста. Застопоривший машины «Бедовый» был пленен японскими моряками с истребителя «Сазанами»⁵⁹.

На суде, состоявшемся в Кронштадте в июне 1906 года, ответственные чины штаба и Н. В. Баранов объясняли сдачу тем, что жизнь раненого адмирала ценнее миноносца. Сам вице-адмирал З. П. Рожественский, бывший на «Бедовом» в тяжелом состоянии, в ходе судебного разбирательства мужественно взял на себя ответственность за то, что не предупредил возможность позорной сдачи корабля неприятелю. Адмирала суд оправдал, а инициаторов и участников сдачи К. К. Клапье-де-Колонга, Н. В. Баранова, полковника В. И. Филипповского и лейтенанта Е. В. Леонтьева, подлежавших по закону смертной казни, приговорили «к исключению из службы»⁶⁰.

Командир эскадренного миноносца «Грозный» капитан 2-го ранга К. К. Андржеевский, убедившись в преступных намерениях старших начальников на «Бедовом», приказал дать полный ход и пошёл на прорыв, отбиваясь от истребителя «Кагеро». В бою на дистанциях от 14 до 26 каб. «Кагеро» добился семи попаданий в «Грозный», но не смог его остановить и был вынужден отказаться от погони. Серьезно раненный К. К. Андржеевский утром 16 мая привел свой корабль во Владивосток.

---

⁵⁹ Подробнее см.: Westwood J.N. Witnesses of Tsushima. Tallahassee, 1970.

⁶⁰ Дубровский Е. В. Дела о сдаче японцам миноносца «Бедовый» и эскадры Небогатова. СПб., 1907. С. 1—31.

Кроме «Грозного» достигли Владивостока только яхта «Алмаз» и повреждённый эскадренный миноносец «Бравый». Командиры этих двух кораблей — капитаны 2-го ранга И. И. Чагин и П. П. Дурново независимо друг от друга избрали путь, придерживаясь берегов Японии. Их расчеты оправдались: 16 мая, избежав встречи с противником, «Алмаз» прибыл в бухту Стрелок, а «Бравый» — в бухту Наездник у Владивостока.

Дольше всех кораблей в Цусимском сражении продержался ветеран Дальнего Востока броненосный крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской», принявший на борт моряков с «Ослябя» и «Буйного». Последний из-за выхода из строя главных механизмов пришлось потопить. «Дмитрий Донской» смог продолжить путь только в полдень 15 мая. К вечеру он был настигнут японскими крейсерами «Отова», «Нийтака», 4-м боевым отрядом контр-адмирала С. Уриу (крейсера «Нанива», «Такатихо», «Акаси» и «Цусима») и шестью истребителями. Начав преследование, С. Уриу приказал поднять сигнал «Ваш флагман адмирал Небогатов уже сдался», но ответа не получил. Тогда японцы атаковали «Дмитрий Донской» с обоих бортов. Экипаж крейсера более часа храбро сражался, повредив флагманский крейсер С. Уриу «Нанива» и добившись попадания в крейсер «Отова».

Капитан К. П. Блохин направил «Дмитрий Донской» к о. Дажелет, где корабль успешно отразил атаки четырёх японских истребителей. Японцы направили на помощь С. Уриу броненосный крейсер «Асама», но последний не успел принять участие в бою — с темной стрельба прекратилась. Считая невозможным довести до Владивостока повреждённый корабль, капитан 2-го ранга К. П. Блохин приказал свезти команду на о. Дажелет, и ранним утром 16 мая «Дмитрий Донской» с поднятыми стеньговыми флагами ушел под воду на большой глубине.

Цусимское сражение окончилось почти полным уничтожением русской 2-й Тихоокеанской эскадры: из 17 кораблей 1-го ранга 11 погибли, 2 были интернированы, а 4 попали в руки противника. Из крейсеров 2-го ранга 2 погибли, 1 разоружился и только 1 (яхта «Алмаз») достиг Владивостока, куда пришли также всего 2 эскадренных миноносца из 9. Из 14 334 русских моряков — участников сражения — 5045 человек, в том числе 209 офицеров и 75 кондукторов были убиты, утонули или скончались от ран, 803 человека получили ранения. Многие раненые, включая командующего эскадрой, — всего 6106 человек — попали в плен.

Потери японского Соединённого флота оказались намного скромнее: 3 потопленных миноносца, несколько повреждённых кораблей и 699 убитых и раненых.

Цусимская катастрофа имела масштабы национальной трагедии и оказала огромное влияние на внутреннее положение России. Она

всколыхнула общественное мнение страны и вызвала лавинообразное нарастание революционного процесса, охватившего также армию и флот. В военном отношении Цусима означала окончательное завоевание господства на море японским флотом, получившим полную свободу действий. Вместе с тем Япония к этому времени уже не могла направить полноценных подкреплений своей сухопутной армии на материке, а русская Маньчжурская армия, несмотря на поражение под Мукденом, сохраняла численное превосходство, и к тому же сохранялась возможность получения резервов из европейской части России.

Если японский Соединённый флот летом 1905 года не мог рассчитывать на безнаказанное появление у берегов русского Приморья и в устье Амура, то у Сахалина и Камчатки, почти не располагавших приморской обороной, он пользовался неограниченной свободой выбора направления и времени удара.

Камчатка издавна привлекала внимание японцев. Однако в мае 1904 года, когда на русское побережье высадился их отряд во главе с отставным лейтенантом Гундзи, многочисленные защитники полуострова — казаки и камчадалы — внезапным нападением разгромили японский отряд, а самого Гундзи взяли в плен. Отрядами местной самообороны в 1904 году был отражен ещё ряд попыток высадки десантов противника.

Бесперспективность возможных действий против удалённой Камчатки в 1905 году привела японское командование к мысли о захвате более близкого Сахалина. Оборона этого острова была слабой: в его южной части было сформировано пять партизанских отрядов под командованием армейских офицеров, общая их численность составляла всего 1160 человек, в их числе — 60 матросов команды крейсера «Новик» во главе с лейтенантом Александром Максимовым. В составе четырех армейских отрядов, оборонявших северную часть острова, было около 5 тыс. человек.

Японцы выделили для захвата Сахалина 15-ю пехотную дивизию (около 14 тыс. солдат и офицеров), которая была погружена на транспортные суда и вышла в море под прикрытием 3-й и 4-й эскадр Соединённого флота под общим командованием вице-адмирала С. Катаока. Главные силы эскадр составляли четыре броненосных крейсера и броненосцы «Тин-Эн», «Ики» (б. «Император Николай I»), «Миносима» (б. «Адмирал Сенявин») и «Окиносима» (б. «Генерал-адмирал Апраксин»). Поэтому контр-адмирал К. П. Иессен, располагавший во Владивостоке только одним крейсером («Россия»), яхтой и двумя эскадренными миноносцами, был лишен возможности оказать серьёзное противодействие высадке.

Утром 24 июня 1905 года японский десант без помех высадился на побережье залива Анива (Южный Сахалин), а 11 июля — в районе поста Александровский на Северном Сахалине. Моряки «Нови-

ка» у поста Корсаковский встретили японцев огнём из четырёх 120-мм орудий, но, расстреляв все снаряды, были вынуждены взорвать орудия и отступить в глубь острова. Разрозненные отряды сухопутных сил не смогли оказать серьезного сопротивления регулярной японской пехоте и уже 16 июля капитулировали.

На сопках Маньчжурии Ляоян

В начале июля японские сухопутные войска действовали тремя группами. 1-я армия Куроки (40 тыс. человек и 120 орудий) была развернута на фронте Фанцзяпуцзы—Таканцзы, Дагушаньская группа под командованием генерала Кавамуры в составе 16 тыс. человек и 36 орудий находилась на пути к населённому пункту Симучен, а 2-я армия Оку (50 тыс. человек и 258 орудий) располагалась в районе Гайчжоу. Там же со своим штабом разместился главком И. Ойяма.

К тому времени наша Маньчжурская армия, усиленная 10-м армейским корпусом, располагала боевой силой в 155 батальонов с 483 орудиями против 106 неприятельских батальонов с 414 орудиями. Таким образом, русские войска в Маньчжурии имели превосходство в силах и средствах, однако главнокомандующий Маньчжурской армией по-прежнему придерживался пассивно-выжидательного плана.

В начале июля командующий разделил Маньчжурскую армию на две группы: Южную и Восточную. Главные силы Южной группы состояли из 1-го и 4-го Восточно-Сибирских корпусов общей численностью 42 тыс. человек (43 батальона) и 106 орудий. Командование ими осуществлял командир 4-го корпуса генерал Н. П. Зарубаев. Они располагались на правом фланге на позиции южнее Дашичао, на пути наступления 2-й японской армии. Восточная группа противостояла 1-й японской армии. За рекой Ланхэ располагался Восточный отряд в составе 26 тыс. человек (32 батальона) со 100 орудиями под командованием генерала Ф. Э. Келлера.

На всех операционных направлениях русским войскам ставились оборонительные задачи. Переоценив силы японцев и опасаясь обхода левого фланга Южной группы, А. Н. Куропаткин решил в случае перехода армии Оку в наступление очистить Инкоу и Дашичао и отвести Южную группу к Хайчену, чтобы выиграть время для сосредоточения прибывавшего в Ляоян 17-го корпуса.

С этим планом не был согласен главком Е. И. Алексеев. Он потребовал решительных действий Южной группы в направлении на Порт-Артур. Однако этому наступлению, по его мнению, должно было предшествовать наступление Восточного отряда с целью отбросить 1-ю японскую армию и тем самым устранить угрозу её выхода на глубокие тылы Маньчжурской армии.

Для осуществления плана Алексеева началась переброска войск из Южной группы в Восточную. Из резервов, сосредоточенных у Дашичао, было взято 12 батальонов и 96 орудий как раз в то время, когда армия Оку предприняла наступление на Дашичао.

Оку начал свое наступление 10 (23) июля 4 дивизионными колоннами на 25-километровом фронте. Наступление велось фронтально: болотистая местность затрудняла охват русских позиций с флангов. В этом бою снова сказалось укоренившееся среди царских генералов стремление к пассивной обороне. Командир 2-го корпуса генерал Засулич не ввёл в бой бездействовавшие на левом фланге 18 батальонов. Зарубаев также не сумел поддержать 2-й корпус войсками остальных частей группы.

В это же время потерпела неудачу от войск Куроки и Восточная группа, находившаяся под общим командованием сначала генерала Ф. Э. Келлера, а затем генерала А. А. Бильдерлинга.

Бои на дальних подступах к Ляояну закончились для русских отступлением их Восточной группы к Ляньдясаню, а Южной — к Айсянцзяню. Отступление было предопределено стремлением командования Маньчжурской армии избежать активных действий, чтобы с наименьшими потерями отойти к Ляояну, где намечалось дать японцам решительное сражение.

Отступление русской армии к Ляояну не под давлением превосходящих сил неприятеля, а в силу предвзятого решения принять генеральное сражение под Ляояном надломило у русских войск веру в победу. Они подошли к Ляояну измотанные морально и физически. Японцы же, одержав победы над войсками более сильного государства, прониклись уверенностью в дальнейшем успехе.

Русское командование, решив дать генеральное сражение под Ляояном, подготовило в этом районе три оборонительные позиции.

Первая позиция, так называемая арьергардная, протяжённостью более 70 км находилась в 30 км к югу и юго-востоку от Ляояна. В 17—20 км от арьергардной линии находилась вторая оборонительная позиция, получившая название передовой. Передовая позиция протяжением 22 км была расположена на линии Маेतунь — Цофантунь — Кавлицунь — р. Тайцзыхэ. В 4—6 км от передовой позиции находилась главная 15-километровая позиция. Она состояла из 3 линий, эшелонированных на глубину до 4 километров.

Наиболее прочно была укреплена первая линия. Она имела 8 фортов, расположенных полукругом примерно в 2—3 км один от другого. Между фортами находились участки окопов длиной до 200 м каждый.

Форты всех без исключения ляоянских позиций представляли собой сомкнутые земляные укрепления, подготовленные для круговой обороны. Укрепления состояли из 4—5 фасов с бруствером высотой более 1 м, усиленных мешками с землёй, с заграждениями на

подступах — «волчьи ямы», рвы, фугасы, проволочные сети и другие препятствия. Гарнизон каждого форта насчитывал обычно до 2 рот, вооружённых винтовками, пулемётами и пушками. Окопы представляли собой широкие рвы с бруствером и ступенькой для стрельбы.

Общая глубина трёх позиций составляла 21—26 километров. Недостаток всех оборонительных рубежей заключался в том, что оба фланга обороны не были обеспечены, и противник мог свободно обходить их. Район железнодорожного узла и город Ляоян с располагавшимся в нём резервом находились под обстрелом японской артиллерии.

К 10 (23) августа русская Маньчжурская армия сосредоточилась на арьергардной позиции. Армия состояла из Восточной и Южной групп войск, резерва и отрядов по охране флангов. Промежуток между Южной и Восточной группами в 23 км прикрывали мелкие подразделения.

Японские войска оказались в более выгодном положении. Их тылы были обеспечены двойным базированием на Ялу и на порты Дальний и Инкоу, в то время как русские войска были прикованы к единственной железнодорожной магистрали, которой с востока угрожала армия Куроки.

1-я японская армия была развёрнута против группы Бильдерлинга, а 2-я армия Оку — против группы Зарубаева; 4-я японская армия была нацелена для действий против разрозненных отрядов в направлении Тайгоу—Ляоян. Такое расположение войск позволило японцам развивать операции концентрически, наступая с юга и востока.

Численное превосходство было на стороне русских, однако много сил и средств было сосредоточено в резерве боевой части. Подобное распределение между боевой частью и резервом было вызвано тем, что войскам не ставились решительные наступательные задачи.

План русского командования заключался в том, чтобы, обороняясь сначала на арьергардной позиции, затем на передовой и, наконец, на главной, выиграть время для подхода подкреплений из глубины страны. Словом, русский план преследовал исключительно оборонительные цели, отдавая тем самым инициативу противнику.

Японский план носил наступательный характер. Он предусматривал обход русской армии с обоих флангов и окружение её. Для обхода левого фланга русской армии предназначалась 1-я армия, для обхода правого фланга — 2-я, а 4-я армия должна была наступать в центре, взаимодействуя с 1-й и 2-й армиями. Резервов японцы вообще не создавали.

В целом японское командование ставило задачу окружить и уничтожить русскую армию, несмотря на её численное превосходство. План был нереален. Но японцы не могли поступить иначе.

Осенью к русским должны были подойти значительные подкрепления, что ещё более изменило бы невыгодное для японцев соотношение сил.

Накопление японских сил на Маньчжурском театре военных действий протекало медленно. Задерживалась переброска 8-й дивизии, оставшейся в Японии. Надежды на усиление японской группировки, действовавшей против русской Маньчжурской армии, войсками генерала Ноги не оправдались, так как ожесточённые штурмы японскими войсками Порт-Артура были отбиты гарнизоном крепости.

Убедившись, что Порт-Артур удержится, главнокомандующий маршал Ойяма 10 (23) августа отдал приказ о наступлении 1-й, 2-й и 4-й армий в общем направлении на Ляоян. Чтобы ввести русских в заблуждение относительно направления главного удара, японцы вначале атаковали слабо защищенный правый фланг 3-го Сибирского корпуса.

В ночь на 12 (25) августа передовые части японской гвардейской дивизии, перейдя в наступление, заняли позиции боевого охранения корпуса. Полное затишье в это время в полосе 10-го армейского корпуса ввело русское командование в заблуждение о направлении главного удара противника. Решив, что наступление японцев будет развиваться только в полосе 3-го Сибирского корпуса, Куропаткин в ночь на 13 (26) августа распорядился усилить его 35-й пехотной дивизией и дивизионом 35-й артбригады, которые находились в районе севернее деревни Кофынцы и вместе с 71-м полком составляли резерв правого боевого участка корпуса.

Однако вопреки ожиданиям русского командования в ночь на 13 (26) августа 1-я японская армия перешла в наступление одновременно в полосах 3-го Сибирского и 10-го армейского корпусов. 2-я и 4-я армии атаковали позиции Южной группы войск, состоявшей из 1-го, 2-го и 4-го Сибирских корпусов.

Основные события разыгрались на фронте Восточной группы, в состав которой входили 3-й Сибирский, 10-й и часть 17-го армейского корпуса, насчитывавшие 48 тыс. человек и 182 орудия. Главные силы армии Куроки были брошены против 10-го корпуса генерала К. К. Случевского, занимавшего Анпилинский участок. На этом направлении наступали 12-я и 2-я дивизии, гвардейская резервная бригада и 4 эскадрона с 60 орудиями.

Японские войска, действовавшие на направлении главного удара, имели задачу прорвать растянутый фронт 10-го корпуса, а затем наступать в северо-западном направлении в обход левого фланга. Вспомогательный удар они наносили в полосе 3-го Сибирского корпуса. На направлении главного удара японцы сумели создать превосходство в пехоте и артиллерии в 2 раза, на вспомогательном соответственно в 1,5 и 1,1 раза.

На фронте Южной группы, прикрывавшей кратчайшие пути к Ляояну, японские войска плотную подошли к русским позициям, пытаясь обойти фланги. И здесь, не используя всех возможностей обороны на первом рубеже, русские войска по приказу Куропаткина без боя оставили Айсянцзяньский участок.

Войска Восточной и Южной групп отходили к Ляояну по размытым дождями дорогам и к вечеру 15(28) августа достигли передовой позиции. Район боевых действий переместился из горной местности в равнинную, что давало японцам возможность начать крупные наступательные операции. К тому же отход русских войск к Ляояну сокращал промежутки между японскими армиями и позволял им сомкнуть фланги.

Накануне второго этапа Ляоянской операции численность боевых частей Маньчжурской армии достигала 180 тыс. человек при 644 орудиях против 130 тыс. человек при 484 орудиях у японцев. Соотношение сил было в пользу русских по пехоте 1,4 : 1, по артиллерии 1,3 : 1. Имея превосходство в силах и средствах, Куропаткин предполагал дать решительный бой японской армии на передовых позициях, а затем перейти в наступление правым флангом⁶¹.

Японский план заключался в том, чтобы ударами с обоих флангов окружить Маньчжурскую армию или, по крайней мере, заставить её отойти на главную позицию. В целях обхода правого фланга русских главный удар планировалось нанести по 1-му Сибирскому корпусу в направлении станция Шахэ — Ляоян и вспомогательный — по Цофантуньской и Кавлицуньской позициям.

Расчёт японского командования строился на предположении, что русские не окажут упорного сопротивления в силу пассивности и нерешительности русского командования и отойдут на главную позицию. Поэтому было решено предпринять двусторонний охват русских позиций всеми силами, не выделяя резерва.

Японцы для атаки развернули 91 батальон, 29 эскадронов и 402 орудия без учёта сил 1-й армии. Их командование на главном направлении имело четырехкратное превосходство в артиллерии. На вспомогательных направлениях соотношение в батареях было 1 : 1, а в орудиях 1,3 : 1 в пользу русских войск.

На рассвете 17 (30) августа японцы перешли в наступление на передовые позиции русских. Против 66 батальонов и 200 орудий 3-го Сибирского и 10-го армейского корпусов, растянувшихся на 14 км, японцы выставили 38 батальонов и 96 орудий.

Удар по правому крылу 3-го Сибирского корпуса в направлении Удягоу — Цофантунь был настолько стремительным и сильным, что 2-й батальон 23-го полка, находившийся в боевом охранении, в течение 20 минут потерял 380 человек из 500. В результате этой ата-

---

⁶¹ Шилов М. Ляоянская операция // Военный вестник. 1940. № 4. С. 20.

ки японцы захватили высоты, расположенные южнее и юго-западнее Цофангуня. Внезапности японской атаки способствовали густые заросли гаоляна перед позициями русских войск.

К концу дня 17 (30) августа 1-й, 3-й Сибирские и 10-й армейский корпуса полностью удерживали занимаемые ими позиции.

Сложилась благоприятная обстановка для перехода русских войск в решительное наступление. Однако на следующий день не было дано никаких распоряжений. Корпуса оставались на передовых позициях в том же составе и занимались восстановлением разрушенных окопов.

Главкомандующий японскими войсками Ойяма, несмотря на огромные потери, решил продолжать наступательные действия против русской армии с задачей овладеть передовой позицией к утру 18 (31) августа.

В 22.00 17 (30) августа 1-я японская армия начала переправу через реку Тайцзыхэ. О переправе стало известно в штабе 17-го армейского корпуса лишь в 9.00 18 августа. К тому времени 12-я и 2-я пехотные дивизии находились уже на северном берегу.

После ряда ожесточенных атак 3-я японская дивизия при поддержке почти 200 орудий овладела окопами русской пехоты на восточном скате высоты Кустарная. К участку прорыва японцев подошли из резерва 2 батальона 19-го Восточно-Сибирского полка, которые штыковым ударом обратили врага в бегство. Угроза захвата Маेतуньской позиции была устранена. К 15 часам японцы были отброшены на исходные позиции.

Таким образом, в ходе боев 17—18 (30—31) августа русские войска отразили все атаки японцев и отстояли свои позиции на всём фронте. В результате этих боёв создалась благоприятная обстановка для нанесения поражения японским войскам. Крупные резервы русских, сосредоточенные за правым флангом, могли нанести мощный контрудар по слабому левому флангу японских войск и опрокинуть малочисленные части 1-й японской армии, переправившиеся на правый берег реки Тайцзыхэ.

Однако ещё до получения штабом известия о переправе японцев через Тайцзыхэ Куропаткин издал директиву, в которой говорилось, что, если выяснится переправа значительных сил противника на правый берег Тайцзыхэ для обхода левого фланга, для сокращения фронта обороны на левом берегу Тайцзыхэ надо отвести войска на вторую укрепленную позицию и, собрав резерв, атаковать неприятеля на правом берегу Тайцзыхэ.

Куропаткин остался верен себе. Отказавшись от решительного сражения, он во второй половине дня 18 (31) августа приказал командующим корпусами выполнить директиву. Так, под предлогом сокращения линии фронта на главном направлении и сосредоточения более крупных сил на правом берегу Тайцзыхэ, которые отрази-

ли бы обход, предпринятый частями 1-й японской армии, началось очередное отступление русских войск. Русская Маньчжурская армия, прочно оборонявшаяся на всем фронте, из-за неумелого командования должна была оставить свои позиции лишь потому, что её флангу угрожали незначительные силы японцев.

С наступлением сумерек русские войска, прикрываясь арьергардами, отошли с передовой позиции, которую они успешно защищали в двухдневном бою. Русские потеряли в борьбе за передовые позиции 6540 человек, японцы — 11 900 человек.

19—21 августа (1—3 сентября) разыгрались решающие бои на главной позиции. Русские войска перед началом этого сражения были развёрнуты следующим образом. На позициях, опоясывавших город с запада и юга, находились войска 4-го и 2-го Сибирских корпусов, объединённых под командованием генерала Зарубаева. Этим войскам Куропаткин поставил задачу сражаться за город до последнего человека.

Севернее и восточнее Ляояна в резерве были сосредоточены 1-й и 3-й Сибирские и 10-й армейский корпуса. 17-й армейский корпус был развёрнут на северном берегу Тайцзыхэ против 1-й японской армии. Левый фланг Маньчжурской армии в районе Яльтайских копей охраняли конные отряды Н. А. Орлова и А. В. Самсонова.

Имея превосходство в силах и выгодное расположение войск на главной хорошо укреплённой позиции, Куропаткин решил нанести контрудар по переправившимся японским войскам, прижать их к реке Тайцзыхэ, имевшей незначительное количество бродов. При этом Ляоянская группа должна была упорно оборонять Ляоянский укреплённый район против армий генералов Оку и Нодзу.

Для наступления против прорвавшейся на северный берег Тайцзыхэ японской группы, насчитывавшей 23 500 человек пехоты, 600 человек кавалерии и 60 орудий, была создана превосходящая по силам группировка, в которой было 57 тыс. пехоты, 5 тыс. кавалерии и 352 орудия. Однако инициативой по-прежнему владели японцы.

Они, возобновив наступление, снова заняли Нежинскую сопку и Сыквантунь. В борьбе за Сыквантунь и Нежинскую сопку в течение 19 августа (1 сентября) русские, атаковавшие японцев с фронта, потеряли 3280 человек, японцы — 1291 человека⁶².

В ночь на 21 августа (3 сентября) А. Н. Куропаткину от командующих частями стали поступать донесения, описывавшие обстановку на поле боя в крайне пессимистических тонах. Н. П. Зарубаев доносил из Ляояна, что войска генерала М. И. Засулича, против которых нацеливался удар армий Я. Оку и М. Нодзу, испытывают недостаток в снарядах. Затем Зарубаев в следующем донесении просил бригаду для усиления своего резерва. Последний удар решимости Куропат-

---

⁶² Левцкий Н. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. С. 147.

кина продолжать сражение нанёс генерал А. А. Бильдерлинг, который сообщил, что поздно вечером и ночью русские войска были сбиты из Сыквантуня и очистили даже позади лежащие сопки. Утром 21 августа (3 сентября) Куропаткин отдал приказ об отступлении Маньчжурской армии к Мукдену.

В действительности положение не было таким, как оно рисовалось генералам. Даже в пассивной обороне русские войска нанесли тяжёлые потери всем японским армиям. Японское командование ввело в бой все наличные силы. В то же время резервы Маньчжурской армии израсходованы не были и каждую минуту могли быть использованы для нанесения контрударов по флангу наступавших японских войск.

Японское командование, учитывая создавшееся положение, с утра 21 августа (3 сентября) решило отвести свою 1-ю армию за реку Тайцзыхэ. Однако приказ Куропаткина о дальнейшем отходе русских войск на 2 часа опередил намеченное отступление японских войск. 24 августа русская армия, отойдя на 50—60 км, заняла новые позиции под Мукденом.

С уходом русских из Ляояна в руки японцев перешла весьма важная база русских войск в Маньчжурии с большими запасами вооружения, снаряжения и продовольствия. В ходе боев под Ляояном русские потеряли 541 офицера и 16 493 рядовых, японцы — 600 офицеров и 23 243 рядовых. Русский генералитет в Ляоянской операции не смог использовать превосходство сил и средств и стойкость своих солдат.

Шахэ

После событий под Ляояном, правительство требовало от Куропаткина наступательных действий для оказания помощи осаждённому Порт-Артуру. Генерал, уступая этим требованиям, решил перейти в наступление и овладеть правым берегом реки Тайцзыхэ.

К тому времени русская армия в Маньчжурии имела в своих рядах 194 427 человек пехоты, 18 868 человек кавалерии, 758 орудий и 32 пулемета. Маньчжурская армия была разделена на две группы, получившие название Восточного (левое крыло армии) и Западного (правое крыло армии) отрядов. Японцы имели в своих рядах 170 тыс. человек (8 пехотных дивизий, 9 резервных и 2 кавалерийские бригады).

Подготовка русской армии к наступлению велась вяло и путано, на основе поспешно проведённой рекогносцировки были составлены карты маршрутов, отличавшиеся неточностью, а горный район предстоявшего наступления не был обследован.

Планом предусматривалось охватить правый фланг японских войск, нанести им решительный удар и вытеснить за реку Тайцзыхэ.

Таким образом, железная дорога Дальний—Ляоян и водные коммуникации, питавшие японские войска, оставались вне зоны главного удара и тыл японской армии не нарушался. Главный удар русским войскам приходилось наносить в условиях гористой местности, что осложняло действия наступающей стороны.

Восточный отряд генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга состоял из 1, 2-го и 3-го Сибирских корпусов и отряда П. К. Ренненкампа (всего 86 батальонов, 50 сотен, 198 орудий и 32 пулемета). Он предназначался для нанесения главного удара противнику с фронта и правого фланга и наступал в районе Патядза—Хышинпу—Тайдямяуза.

Западный отряд генерал-лейтенанта А. А. Бильдерлинга, состоявший из 10-го и 17-го армейских корпусов и отряда генерала Л. М. Дембовского (всего 77 батальонов, 56 эскадронов и сотен, 222 орудия), выдвигался на линию реки Шахэ с целью осуществлять наступление вдоль железной дороги Ляоян—Мукден.

Наступление должны были поддерживать только 350 орудий, более 400 орудий оставались в резерве и обрекались на бездействие⁶¹.

Таким образом, силы и средства русских войск были распределены не лучшим образом. Для нанесения главного удара выделялась всего четверть войск, примерно такое же количество сосредоточивалось на вспомогательном направлении. Половина всех войск находилась в резерве на охране тыла и флангов наступавшей группировки.

Японские силы к началу операции распределялись следующим образом. В центре между железной дорогой Ляоян—Мукден и Яньтайскими копями развернулась 4-я армия М. Нодзу (2 дивизии и 3 резервные бригады). На правом фланге, восточнее копей, находилась 1-я армия Куроки (3 дивизии и резервный полк). Левый фланг занимала 2-я армия Я. Оку (3 дивизии). Общий резерв — около 3 дивизий и тяжёлая артиллерия — находился в Ляояне.

Маршал И. Ойяма не ожидал наступления русских войск. С его началом главнокомандующий японскими войсками решил, изматывая русских огневыми боями с укрепленных позиций, перейти в контрнаступление.

22 сентября (5 октября) Маньчжурская армия пришла в движение на фронте Мукден—Фушун. Началось сражение у реки Шахэ.

23 сентября (6 октября) Западный отряд вышел на линию реки Шахэ и укрепился, в тот же день Восточный отряд начал охватывать правый фланг бригады Умесавы у Баньяпузы. На следующий день Восточный отряд производил разведку расположения противника у Баньяпузы, но его главные силы оставались в бездействии, хотя могли атаковать и рассеять бригаду Умесавы.

⁶¹ История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. М.; Л., 1970. С. 268.

Утром 25 сентября (8 октября) русские обнаружили незанятые позиции японцев — бригада Умесавы ушла из-под удара и укрепилась на новых позициях у Бэньсиху, где были сосредоточены большие запасы продовольствия. Перед Восточным отрядом на 20-километровом участке стоял слабый заслон в 7 батальонов.

Генерал Куроки, узнав о выступлении крупных русских сил против Умесавы, в тот же день двинул 12-ю дивизию на помощь; один из её полков ночью достиг Бэньсиху⁶⁴. Чтобы приостановить продвижение русских по левому берегу реки Тайцзыхэ и обезопасить тыл японских войск, кавалерийская дивизия Канина направила к Сихэяну, что в 15 километрах южнее Бэньсиху. Задержка наступления Восточного отряда позволила японским войскам своевременно прибыть на усиление своего правого фланга.

Против Восточного отряда японцы смогли выставить только 19 батальонов, 12 эскадронов и 48 орудий. Эти подразделения прибывали в район боевых действий в разное время, и русские войска могли без особых затруднений разгромить их. Однако генерал Г. К. Штапельберг, командовавший Восточным отрядом, удерживал вверенные ему войска на месте.

Разрозненные действия конницы А. В. Самсонова и авангардов 1-го и 3-го Сибирских корпусов 26 сентября (9 октября) также успеха не имели. Стрелки 24-го Восточно-Сибирского полка 3-го корпуса, сбив японскую заставу, в ночь на 27 сентября (10 октября) заняли вершину горы по соседству со скалой Лаутхалаза (Оленья), стоявшей на пути движения русских войск, но утром были выбиты с горы перекрёстным огнем японцев с соседних высот. Части отряда Ренненкампа, пытавшиеся наступать в направлении Бэньсиху, также были остановлены огнем противника.

Главкомандующий японскими армиями маршал И. Ойяма ещё 26 сентября (9 октября) выяснил, что русские войска появились перед всем фронтом японских армий. Этот факт заставил его отказаться от первоначального замысла — пассивной обороны с последующим переходом в контрнаступление. Оставалась одна возможность — вырвать у русских инициативу. Для этого следовало перейти в наступление на левом фланге, оставив правый фланг без поддержки. Более того, не зная, что на правом фланге русских войск находится 6-й Сибирский корпус и отряд Л. М. Дембовского, маршал Ойяма рассчитывал охватить его только войсками Оку. При этом маршал исходил из того, что русские ослабили свой правый фланг выделением больших сил на восток. Одновременно Ойяма собирался нанести мощный удар и в центре.

---

⁶⁴ Martin C. The Russo-Japanese War. L., 1967. P. 12.

27 сентября (10 октября) по приказу Ойямы 4-я и 2-я японские армии выдвинулись вперед. 1-я армия осталась на месте: общий фронт японских армий зашел левым крылом несколько вперёд. Дальнейшие события у Шахэ развивались при возрастающей активности японских войск.

На восточном направлении действия 3-го Сибирского корпуса и отряда Ренненкамппа нисколько не изменили обстановки. Новая атака, предпринятая 28 сентября (11 октября), из-за неудачной организации была отбита японскими войсками — русские войска в этом направлении поддерживали всего 38 орудий из 198, имевшихся при Восточном отряде. Японцы, укрепившись на крутых скалах и замаскировав 8 орудий, отбили атаки русской пехоты.

Неудачно, и также по причине слабой огневой поддержки, 1-й Сибирский корпус атаковал перевалы Ченгоулин и Гумынлин. Г. К. Штакельберг решил провести общую атаку в ночь на 29 сентября (12 октября). Но эта атака так и не состоялась. Отдельные успехи, достигнутые частями 3-го Сибирского корпуса и отрядом Ренненкамппа в боях за высоты Восточного Тумынлина, не были закреплены основными силами Восточного отряда. Сосредоточенный огонь и контратака японцев заставили русских оставить с трудом захваченные позиции. На этом закончилось наступление Восточного отряда, имевшее целью нанесение решительного удара.

Японские войска с трудом удерживали свои позиции, их части перемешались, потери в личном составе также были весьма ощутимы. Но тем не менее русское командование отказалось от дальнейших активных действий на восточном направлении и перешло к обороне.

28 и 29 сентября (11 и 12 октября) Западный отряд, 4-й Сибирский и 1-й армейский корпуса (два последних вступили в бой в промежутке между Восточным и Западным отрядами) отбивались от наседавших войск 2-й и 4-й японских армий, которые сумели потеснить русские войска. Особенного накала бой достиг 29 сентября (12 октября) у деревни Эндолиулу, которую занимал 33-й полк 2-й японской армии.

Для взятия этой деревни были выделены 139-й Моршанский полк и 2 батальона 140-го Зарайского полка. Не открывая стрельбы, русские войска ворвались в деревню с трёх сторон. Японцы частично были перебиты, частично бежали.

Энергичная атака русских заставила японцев отложить штурм укрепленной деревни Шилихэ. Большая ночная атака японцев состоялась только на Двурогуя сопку. 2 бригады 10-й дивизии 4-й армии, усиленные резервным полком и 4 батальонами, в час ночи по световому сигналу атаковали сопку. Сопку обороняли всего 6 батальонов Новочеркасского, Царицынского и Самарского полков с 16 орудиями. Несмотря на то, что превосходящие силы противника

наступали бесшумно, они не застали защитников Двурогой врасплох. К югу от неё, у деревни Танхайши, завязался ожесточенный рукопашный бой, и, только введя в бой все свои резервы, неприятель сумел вытеснить русских с их позиций.

Развитие атаки на сопку с юго-запада шло более медленно, но и здесь превосходство в силах было на стороне японцев. Потеряв 60 офицеров и 1250 солдат, они захватили Двурогую сопку, но моральный дух японцев был настолько подорван ночным боем, что генералу Нодзу пришлось вывести 10-ю дивизию из боя.

Части 4-й японской армии, натолкнувшись на стойкое сопротивление русских, вынуждены были остановиться, однако они вклинились в центр русского расположения и угрожали прорвать русский фронт.

На правом фланге Западного отряда японцы также имели успех. 4-я японская дивизия 2-й армии заняла Лидиутунь, однако дальше не продвигалась, опасаясь угрозы со стороны 6-го Сибирского корпуса, стоявшего в резерве Куропаткина и оставшегося только зрителем происходившего боя, который вели части 17-го корпуса.

Куропаткин и Соболев, оставив в резерве целый корпус, упустили момент решительного наступления 6-го Сибирского корпуса и отряда Л. М. Дембовского во фланг и тыл 2-й японской армии. Безуспешная атака горных перевалов поколебала веру русского командования в успех наступления, проводимого в незнакомой горной местности. Положение на правом фланге казалось неустойчивым в связи с угрозой обхода его войсками противника. Поэтому Куропаткин окончательно решил перейти к обороне. Тем не менее попытка А. А. Бильдерлинга продвинуть правый фланг Западного отряда, и даже неудачная атака сопки Лаутхалаза частями Восточного отряда вынудили Ойяму 29 сентября (12 октября) отказаться от охватывающего манёвра. Появление русских сил перед всем японским фронтом и дальнейшие фронтальные столкновения в центре могли лишь создать предпосылки для обхода русскими левого фланга японской армии, что угрожало ей потерей железнодорожной коммуникации.

В дальнейшем боевые действия на реке Шахэ протекали с переменным успехом, а 3 (16) октября произошёл упорный бой за Новгородскую и Путиловскую сопки.

В целях обеспечения за собой левого берега Шахэ японцы предприняли атаку Новгородской сопки, занятой 3 батальонами 22-й дивизии 1-го армейского корпуса. С рассветом 3 (16) октября японцы начали сильный артиллерийский и пулемётный огонь и вынудили русских отойти на правый берег. Точно так же из Шаланцзы были выбиты артиллерийским огнём части 10-го корпуса.

Заняв сопку, японцы стали поражать огнём расположенный у

Сихэяна отряд генерала Новикова (3 полка 22-й дивизии), который отошел на Удэтунь. Японцы переправились через Шахэ, заняли Сихэян, но во второй половине дня контратакой были выбиты из этой деревни.

Для поддержки 10-го корпуса из резерва была направлена бригада генерала П. Н. Путилова, входившая в состав 2-го Сибирского корпуса. Кроме того, из деревни Сахэтунь командир 1-го Сибирского корпуса выдвинул для атаки Новгородской сопки 36-й полк, в дальнейшем сюда в качестве подкрепления подошли еще 2 полка. Общее руководство действиями 25 батальонов, предназначенных для атаки сопки, осуществлял Путилов.

Начав артиллерийскую подготовку в 15 часов, русские войска под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнём противника перешли в наступление. В спускавшихся сумерках части начали перемешиваться. Русские несли большие потери. Все три командира полков 22-й дивизии были ранены.

36-й полк, охватывая Новгородскую сопку с юга, ворвался в японские окопы и мощным штыковым ударом выбил из них противника. Но и сам полк понес большие потери. Его пришлось отвести к Сахэтуни.

Более удачно действовала бригада Путилова. Переправившись через реку, Путилов уже в темноте двинул свои подразделения к сопке, находившейся западнее Новгородской сопки. Под сильным огнем противника войска Путилова ворвались в передовые японские окопы и к полуночи после упорного штыкового боя заняли их.

Тем временем 22-я дивизия продолжала атаку. В ночь на 4 (17) октября Новиков занял исходное положение непосредственно у сопки и, направив 2 роты к её вершине, повел остальные войска вслед за ними. После штыковой схватки Новгородской сопкой также овладели русские войска.

Атака сопки стоила русским около 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Отряд Ямады был почти уничтожен. Русские взяли 14 (9 полевых и 5 горных) орудий и пулемет.

4 (17) октября японцы очистили деревню Шаланцза, а на следующий день после неудачной атаки на Новгородскую сопку, принятой вновь прибывшими к полю сражения войсками, японцы вынуждены были очистить Сахэпу.

Успех русских войск в последнем бою за сопки не изменил общего итога Шахэйской операции. Противники остановились на занимаемых рубежах и приступили к укреплению своих позиций, находясь в состоянии позиционной войны до начала Мукденской операции.

Японское командование, не достигнув в операции на реке Шахэ решительных результатов и понеся значительные потери (по некоторым японским источникам, до 20 тыс. человек, из них убитыми 3951 человек), отказалось от активных действий на ближайшее время.

Русская армия, потеряв 41 473 (из них убитыми 4870) человека, также не достигла решающего успеха. Однако даже слабо подготовленное и плохо продуманное наступление русской армии, руководимой весьма нерешительно, сковывало противника и выводило японское командование из равновесия, расстраивало его планы, вынуждая разбрасываться на широком фронте.

Мукден

После завершения Шахэйской операции обе армии до середины января 1905 года не вели активных боевых действий. Начался так называемый период «зимнего сидения» на позициях у реки Шахэ.

За это время моральный дух и солдат русской армии, и её командного состава неуклонно продолжал падать. Военнослужащие в Маньчжурии терпели лишения, а интендантство проявляло мало заботы о своевременном снабжении армии всем необходимым, в том числе продуктами питания и обмундированием. Например, сотни тысяч полушубков и валенок, высланных из центральной части России в сентябре—октябре 1904 года, прибыли в Маньчжурию уже после заключения мира. На поставку продуктов в Маньчжурскую армию сделки заключались по заведомо завышенным ценам, разницу присваивали нечистые на руку подрядчики и интенданты. Бесследно исчезали даже целые поезда с грузом — всего за время войны пропало 6 тыс. вагонов с имуществом. Вагоны загонялись в тупики, на них ставились другие номера, а содержимое беззастенчиво разворовывалось. Точно такая же участь постигла средства, собранные многочисленными российскими и зарубежными гуманитарными организациями⁶⁵. Деморализованная поражениями, русская армия в Маньчжурии все более разлагалась. Непросто складывалась и внутриполитическая ситуация в самой России.

В этих условиях правительство решило предпринять наступление в Маньчжурии. Разработка плана наступления и его осуществление были поручены генералу А. Н. Куропаткину, ставшему после отъезда в октябре 1904 года в Петербург адмирала Е. И. Алексеева главнокомандующим всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке.

Новый главнокомандующий первым делом упорядочил управление русскими войсками в Маньчжурии. Вместо отрядов они были разделены на 3 армии: 1-й армией командовал генерал Н. П. Линевич, 2-й — генерал О. К. Гриппенберг и 3-й армией — генерал А. В. Каульбарс.

Незадолго до начала наступления было решено организовать набег конного отряда генерала П. И. Мищенко на Инкоу. Ему стави-

⁶⁵ Шилов М. Операция под Сандепу // Военный вестник. 1941. № 1. С. 6.

лась задача захватить этот стратегически важный порт и, углубившись в тыл противника, вывести на длительное время из строя железную дорогу на участке Ляоян—Ташичао—Дальний, по которому перебрасывалась из-под Порт-Артура к Шахэ 3-я японская армия генерала М. Ноги.

Отряд Мищенко был сформирован из состава всех 3 армий и насчитывал около 75 эскадронов и сотен с 22 орудиями. 27 декабря (9 января) тремя колоннами в обход левого фланга японцев он двинулся в тыл противника в направлении на Ньючжоуань и Инкоу. Наступление, однако, продвигалось значительно медленнее, чем хотелось бы: фураж и продовольствие транспортировались на мулах, и, таким образом, наличие огромного обоза замедляло движение. К тому же отряд постоянно втягивался в бои со всеми встречавшимися на пути мелкими тыловыми командами неприятеля. Вследствие этого в день в среднем преодолевалось 30—33 километра.

30 декабря 1904 года (12 января 1905 года) отряд Мищенко подошел к станции Инкоу. Однако разрозненные атаки на Инкоу, проведенные ночью, успеха не имели. Зарево пожара, а это горели склады, подожженные огнем русской артиллерии, позволило японцам вести прицельный огонь и отбить нападение. Узнав о приближении к Инкоу отряда противника, высланного из Ташичао, Мищенко тотчас же отступил и, потеряв 408 человек и 158 лошадей, вернулся 3 (16) января в расположение Маньчжурской армии.

За 8 дней отряд прошёл около 270 км. Во время рейда было рассеяно несколько японских тыловых команд, 19 человек захвачено в плен, уничтожено до 600 арб с запасами, сожжено несколько небольших продовольственных складов и прервано сообщение по телеграфным и телефонным линиям, 2 поезда пушены под откос. Однако железнодорожному полотну были причинены незначительные повреждения. Разрушенные участки железной дороги японцы восстановили за 6 часов.

Таким образом, главная цель рейда — разрушить железную дорогу на участке Ляоян—Ташичао—Дальний и тем самым затруднить переброску 3-й японской армии — не была достигнута.

В начале января после долгих и бесплодных споров Куропаткина с командующими армиями был принят план перехода Маньчжурской армии в наступление. Замысел операции состоял в том, чтобы силами 2-й армии при содействии артиллерии 1-й и 3-й армий нанести главный удар на левом фланге противника в направлении на Сандепу, овладеть позициями между реками Хуньхэ и Шахэ, а затем поочередным вводом в сражение остальных армий отбросить противника за реку Тайцзыхэ.

Таким образом, весь успех наступательной операции ставился в зависимость от занятия 2-й армией деревни Сандепу, которую А. Н. Куропаткин считал ключевой позицией во вражеской обороне.

К моменту перехода Маньчжурской армии в наступление в ней насчитывалось 336 батальонов, 152 эскадрона и 1080 орудий, а численность личного состава достигала 285 тыс. человек. Японцы к тому времени имели 13 пехотных дивизий и 13 резервных бригад — всего 200 тыс. человек.

Наступлению предшествовал артиллерийский обстрел опорных пунктов противника перед фронтом всех корпусов 2-й армии. Но началась артиллерийская подготовка с большим опозданием. К тому же из-за плохой организации управления артиллерийским огнем в дивизиях и корпусах она оказалась малоэффективной. Так, огневые точки неприятеля на главном пункте атаки — Сандепу — не были повреждены, ибо обстрел велся в основном лёгкими скорострельными пушками. Из 1761 выстрела, произведенного по району Сандепу, 1448 приходилось на легкие орудия. К стрельбе было привлечено только 60% орудий, имевшихся во 2-й армии, остальные находились в резерве и на охране тыла.

Первым перешёл в наступление 1-й Сибирский корпус генерала Г. К. Штакельберга. В ночь с 11 (24) на 12 (25) января войска корпуса неожиданной быстрой атакой захватили на западном берегу реки Хуньхэ деревню Хуанлотоцзы. Побросав оружие, противник бежал. К 6 часам утра 1-й Сибирский корпус овладел всей линией реки. В 8.00 корпус перешёл в наступление на Хэгоутай и после сильного артиллерийского обстрела Сумапу 1-я Восточно-Сибирская дивизия овладела этим опорным пунктом, а к 22.00 выбила японцев из селения Хэгоутай. Так была выполнена основная задача, поставленная перед корпусом.

Теперь вся 2-я армия получила возможность наступать на деревню Сандепу, не опасаясь за свой правый фланг. Сил для этого было предостаточно — целых 3 корпуса. Однако успехи, достигнутые 1-м Сибирским корпусом за 12 (25) января, вследствие пассивности и нерешительности русского командования не были развиты основными силами 2-й армии. Противнику удалось сосредоточить крупные силы на своем слабом левом фланге, а гарнизоны Сандепу и других опорных пунктов были усилены.

Для взятия Сандепу была выделена 14-я дивизия 8-го корпуса. 13 (26) января эта дивизия, несмотря на то, что уже была измучена тяжёлыми трёхдневными переходами, вызванными необоснованной переброской с одного места на другое, с развернутыми знаменами начала наступление на Сандепу.

Совершенно ровная местность перед Сандепу в тот день была покрыта тонкой коркой льда. Сильный туман затруднял движение наступавших войск. Из-за тумана полки перемешались и вместо восточного взяли юго-восточное направление. В 700 м от противника войска залегли и в течение 6 часов, до самой атаки, находились под убийственным ружейным огнём японцев.

Подтянуть резервы и начать наступление на Сандепу удалось только к 16 часам. Войска двигались без перебежек под сильным огнём противника. Ночью 13 (26) января 2 полка 14-й дивизии ворвались на окраину какой-то деревни.

В 19.00 комдив Русанов донёс командиру 8-го армейского корпуса: «Дивизия поставленную задачу выполнила. Сандепу, вся разрушенная артогнём, в наших руках». Через час об этом стало известно Куропаткину, который на 14 (27) января приказал командующему армией «воздержаться от дальнейшей атаки, ограничиваясь удержанием Сандепу», и телеграммой поспешил уведомить царя об одержанной победе.

Однако вскоре выяснилось, что 14-я дивизия захватила не Сандепу, а деревню Баотайцзы, которая в течение двух дней подвергалась артиллерийскому обстрелу и была совершенно разрушена, тогда как Сандепу, находившаяся в 400 м южнее, вообще не была затронута артиллерийским огнём.

Дальнейшие попытки русских войск захватить Сандепу успеха не имели. 14-я дивизия, потеряв в боях за Сандепу 1122 человека убитыми и замерзшими, отошла на позиции, с которых она утром 13 (26) января начала наступление.

В ночь на 14 (27) января 1-й Сибирский корпус предпринял атаку на Сумапу. Отряд под командованием командира 1-й Сибирской дивизии А. А. Гернгросса в составе 2, 3, 35-го и 36-го пехотных полков в ночной атаке разбил части 3-й японской пехотной дивизии и к 3.00 овладел Сумапу. Затем Гернгросс начал разворачивать свой резерв с целью окружения и последующего уничтожения противника в районе Сандепу.

Это было вполне осуществимо при условии одновременных наступательных действий 8-го и 10-го армейских корпусов и конного отряда П. И. Мищенко, имевшего в своём распоряжении 40 эскадронов. Однако русские войска в районе Сандепу—Эртхаузы бездействовали, что позволило японцам сосредоточить войска для нанесения сильного удара по 1-му Сибирскому корпусу, в результате которого отряд Гернгросса с большими потерями покинул Сумапу. За это был отстранён от командования корпусом Штакельберг.

На 15 (28) января 2-й русской армии был отдан приказ во что бы то ни стало овладеть Сандепу. Но атака не состоялась, так как трёхдневное бездействие русского командования дало возможность японцам сосредоточить на своём левом фланге крупные силы и утром того же 15 (28) января перейти в энергичное наступление, особенно против 1-го Сибирского корпуса, находившегося к утру в районе Гудзядзы.

Тем не менее 15 (28) января в 15.00 полки 10-го корпуса перешли в наступление против 5-й и 3-й японских пехотных дивизий. Наша атака была столь сильной, что противник начал отступать на юго-восток.

Но русское командование преувеличивало силы противника и боялось его обходов. Достаточно было японцам предпринять в тылу небольшое передвижение, как Куропаткин и другие генералы отказывались от активных наступательных действий, отдавая инициативу врагу.

Несмотря на предупреждение не увлекаться наступлением, войска 10-го корпуса продолжали преследовать врага и к 19.00 овладели деревнями Лабатай и Сяотайцзы. Войска корпуса, выйдя в тыл противнику, получили возможность атаковать Сандепу с востока. Но командующий 10-м корпусом получил указание, подтвердившее первое, — не увлекаться наступлением.

В то время части 1-го Сибирского корпуса отразили все атаки японской пехоты, а конный отряд П. И. Мищенко начал успешно продвигаться в тыл противника.

Враг напрягал все силы, чтобы сдержать натиск русских, но безуспешно. Японцы были в критическом положении и подумывали о сдаче, когда вечером 15 (28) января Куропаткин отдал распоряжение о прекращении наступления. Так отходом 2-й армии О. К. Гриппенберга за реку Хунхэ закончилось 4-дневное сражение при Сандепу. Русские войска потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата. Потери противника составили 8901 человек. Вместо победы наступление на Сандепу обернулось новым поражением Маньчжурской армии. Русские войска отошли на позиции, откуда они начали наступление утром 12 (25) января.

Бездействие 2-й армии во многом было следствием разногласий А. Н. Куропаткина с командующим 2-й армией О. К. Гриппенбергом. Последний не соглашался с целым рядом распоряжений Куропаткина, навязывал Куропаткину свои планы. После же провала наступления на Сандепу Гриппенберг самовольно бросил армию и выехал в Петербург для доклада о положении в Маньчжурии.

Провал январского наступления ещё более ухудшил моральное состояние солдат Маньчжурской армии. Длительное, однообразное сидение в окопах, тяжелые работы по устройству позиций действовали на армию деморализующе. Дисциплина заметно падала, участились случаи дезертирства. Русское командование даже создало специальные отряды для задержки и возвращения дезертиров в свои части. Солдаты проявляли повышенный интерес к происходившим на родине бурным событиям, а между тем почта и телеграф не справлялись со своей работой настолько, что на фронте месяцами ожидали корреспонденцию.

Подавленный систематическими неудачами на фронте, Куропаткин всё более склонялся к тому, чтобы вообще отказаться от активных действий. Однако правительство настаивало на быстрейшем переходе Маньчжурской армии в наступление. На Дальний Восток непрерывно шли эшелоны с пополнением, артиллерийским вооружением и боеприпасами.

Обе стороны готовились к решающему сражению, и оно разыгралось под Мукденом на фронте протяженностью 155 км, глубиной более 80 км. Продолжалась эта битва 17 дней. Именно Мукденская операция завершила боевые действия на сухопутном театре войны.

К началу февраля 1905 года с прибытием 16-го армейского корпуса в Маньчжурской армии насчитывалось более 300 тыс. человек, в том числе 7,7 тыс. инженерных войск при 276,6 тыс. штыков и 15,7 тыс. сабель. В составе Маньчжурской армии (25 дивизий) действовали 22 артиллерийские бригады, в которых числилось 1386 орудий (из них 1070 полевых пеших, 132 осадных, 76 горных), 48 конных пушек, 60 полевых мортир и 56 пулеметов. Запасы снарядов были пополнены и составляли в среднем 700 снарядов на орудие⁶⁶.

Силы японцев после прибытия 3-й армии М. Ноги и формирования из резервных пополнений новой 5-й армии Кавамуры составляли 10 дивизий, 12 резервных бригад и 2 кавалерийские бригады, в которых насчитывалось более 270 тыс. человек, 1062 орудия и 200 пулеметов. Одним словом, японская армия в Маньчжурии была почти такой же по численности, как и русская, но имела почти в 4 раза больше пулеметов.

К началу Мукденской операции расположение войск обеих сторон не претерпело больших изменений. Войска занимали в основном те же позиции, что и во время январских боев за Сандепу, но они были растянуты на 100-километровом фронте в одну линию, что затрудняло возможность быстрых перегруппировок. Страх перед возможностью обхода достиг у Куропаткина к этому времени предела. Поэтому, чем больше прибывало из России подкреплений, тем длиннее становился фронт.

Линейным было и расположение артиллерийских средств. В первой линии обороны находились в основном легкие батареи, состоявшие из скорострельных пушек. Тяжелых батарей в первую линию выделялось мало, причём они размещались от переднего края противника на таком расстоянии, что при стрельбе на предельной дальности не могли поражать японскую артиллерию и разрушать прочные сооружения в первой линии вражеской обороны.

К нанесению главного удара привлекалось примерно до четверти всех сил, а остальными силами планировалось оказывать содействие наступающим частям.

Русское правительство требовало от Куропаткина скорейшего перехода Маньчжурской армии в наступление. Однако японцы упреждали наступление русских, намеченное на 12 (25) февраля.

Токийское правительство, встревоженное тяжёлым финансовым положением в стране и продолжавшейся переброской новых рус-

---

⁶⁶ История русско-японской войны. С. 304.

ских войск в Маньчжурию, настаивало на решительных действиях. Ради победы оно готово было поставить на карту всё.

Японцы энергично готовились к наступлению. План японского командования заключался в том, чтобы нанести сильные удары по флангам русских войск, окружить их в районе Мукдена и уничтожить. С этой целью 5-я армия Кавамуры при содействии правофланговых дивизий 1-й армии Куроки должна была нанести удар по 1-й армии Н. П. Линевича, оттеснить её левый фланг к северу и тем самым привлечь сюда резервы русских.

3-я армия М. Ноги имела задачей обойти правый фланг русских войск, выйти севернее Мукдена и прервать железнодорожное сообщение Мукдена с Телином, что на 45 км севернее Мукдена⁶⁷.

2-я и 4-я японские армии при поддержке артиллерии должны были наступлением в центре сковать действовавшие там русские войска, а после выполнения армией М. Ноги своей задачи перейти в наступление и совместно с 5-й и 3-й армиями завершить полное окружение русских армий.

Первоначальные действия японцы направили против левого русского фланга. В ночь на 5 (18) февраля 2 дивизии 5-й японской армии атаковали Цинхэченский отряд П. К. Ренненкампа (8,7 тыс. штыков и сабель при 24 орудиях). 10 (23) февраля в снежную вьюгу уже вся 5-я армия перешла в наступление и к 14 (27) февраля отбросила Цинхэченский отряд на рубеж Тюпентай—Кудяза.

15 (28) февраля основные силы 5-й японской армии снова перешли в наступление на позиции отрядов П. К. Ренненкампа и Ю. Н. Данилова. Против 20 тыс. русских при 50 орудиях японское командование сосредоточило 26 тыс. штыков и сабель при 84 орудиях. Однако при помощи соседнего 23-го Восточно-Сибирского полка продвижение японцев было приостановлено.

Упорные бои шли и на участке отряда Ренненкампа, основные силы которого в составе 71-й пехотной Забайкальской казачьей дивизии, Сводно-Сибирской пехотной и 26-й кавалерийской бригад общей численностью 14,5 тыс. штыков и сабель при 20 орудиях занимали Тюпентайскую позицию. Попытки японцев выбить русских с этих позиций и прорваться в долину реки Хуньхэ не увенчались успехом: атаки японцев на левом фланге 1-й армии были приостановлены.

Однако японскому командованию удалось выполнить основную задачу — отвлечь резервы русской армии от направления главного удара своих войск, который был нанесен по правому русскому флангу. Не разобравшись в обстановке, Куропаткин принял наступление японцев на фронте 1-й армии за главный удар и направил туда из резерва 2-й армии 1-й Сибирский корпус и свой последний резерв — 16-й армейский корпус.

---

⁶⁷ Die Schlacht bei Mukden. Berlin, 1905. S 12.

После того как резервы Куропаткина были переброшены к левому флангу, 3-я армия М. Ноги 14 (27) февраля перешла в наступление с целью захватить правый фланг русских, причём конница под командованием М. И. Грекова, заменившего П. И. Мищенко, обнаружила наступление 3-й японской армии только тогда, когда части 1-й дивизии уже заняли Калиму 15 (28) февраля.

Предполагая глубокий обход, Куропаткин перебросил к Гаулитуньским позициям усиленную бригаду под командованием генерала А. К. Биргера. Бригада была создана из частей 16-го корпуса в составе 2 полков пехоты, 3 батарей и сотни казаков. Перед ней ставилась задача удерживать противника, который, по предположению Куропаткина, только угрожал сообщениям русских. Таким образом, пассивная задача, поставленная Биргеру, привела лишь к ослаблению общего фронта русских, но не способствовала выяснению сил противника и срыву его продвижения. В результате правый фланг русских войск оказался открытым, а японские войска беспрепятственно продвигались в обход Мукдена.

Ожидая, что главный удар японцы нанесут на левом фланге, Куропаткин сосредоточил там 178 батальонов, что более чем вдвое превосходило силы Куроки и Кавамуры. Дальнейшие действия Куропаткина были ошибочны и невольно способствовали осуществлению замысла японского командования. Куропаткину следовало бы не перебрасывать войска обратно на правый фланг, а нанести удар на своём левом фланге, что, очевидно, заставило бы Ноги снизить темп своего выдвижения вперёд. Однако командующий поспешил отказаться от предполагаемого наступления для того, чтобы провести систему оборонительных мероприятий на правом фланге, где противник достиг значительного успеха.

Только 16 февраля (1 марта) отступавший под натиском 3-й японской армии Греков сумел в какой-то мере определить масштаб наступательной операции японцев. Однако быстрые меры противодействия Куропаткин принять не мог: главные силы были растянуты на 100 км, а в резерве оставалась только 25-я пехотная дивизия. Слабые попытки противодействовать успеху Ноги не удались. Русская конница по-прежнему действовала крайне пассивно и не замедлила обходного движения 1-й японской дивизии и конницы Тамура.

В ночь на 18 февраля (3 марта) отряд Биргера, согласно распоряжению главнокомандующего, двигался по Синминтинской дороге на Мукден. После того как голова колонны подошла к Лаобяню, Биргер выслал разведку, которая обнаружила японскую пехоту на участке Мандаринской дороги Баньцзяо—Дафаншэнь. Дорогу перекрыли части спешенной конницы Тамура, подкреплённые 2 батальонами пехоты из состава 1-й дивизии. Биргер решил нанести удар по правому флангу противника, что облегчало прорыв к Мукдену.

К 13.00 между противниками завязалась оживлённая артилле-

рийская и ружейная перестрелка. Бой отряда Биргера с численно более слабыми японцами протекал успешно. К вечеру деревня Дафаншэнь была охвачена русскими войсками с трёх сторон, но Биргер не довёл атаку до конца. Не зная общей обстановки, он приказал обойти японский отряд с севера в направлении на Хушитай. Однако ночью русские войска заблудились в незнакомой местности и 20 февраля (5 марта) в крайнем беспорядке прибыли частью к Хушिताю, частью к Мукдену. Конница Грекова, ведя разведку на Сиселихэ и Дафаншэнь, обнаружив там противника, ушла на север, тем самым лишив пехоту содействия.

Разрозненные и разбросанные отдельные отряды русских войск имели чисто оборонительные задачи. В боевые действия не была введена основная масса русских войск, сосредоточенных против армии Ноги. Куропаткин планировал переход в наступление на этом участке фронта лишь после того, как удастся собрать более 112 батальонов и 366 орудий. Однако сосредоточить эти войска в планируемые сроки так и не удалось.

Перегруппировав свои войска, Куропаткин планировал отеснить войска 3-й японской армии и закрепиться на рубеже Ламуху—Мадяпу. Удар наносился разновременно. Первой переходила в наступление группа Гернгросса (49 батальонов и 115 орудий). Она наносила главный удар по противнику, и в зависимости от успехов этой колонны в наступление переходили колонны Д. А. Топорнина (16 батальонов и 48 орудий) и К. В. Церпицкого (34 батальона и 100 орудий) в направлении Улинпу—Таухуапу.

После того, как войска Гернгросса после артиллерийской подготовки перешли в наступление, отряд В. Запольского при поддержке 2 батарей при 16 орудиях атаковал противника, находившегося в деревне Чисатунь, и выбил оттуда его передовые подразделения. Затем перешли в наступление отряды Л. Э. Витте и Н. А. Васильева, также захватившие несколько населенных пунктов. Однако эти успешные действия не были поддержаны на остальных участках. Бездействовала и значительная часть артиллерии. Японцы воспользовались нерешительностью русского командования и, подтянув пехотные части, приостановили дальнейшее продвижение противника.

На следующий день для развития наступления был выделен отряд полковника Л. В. Леша. 21 февраля (6 марта) его войска перешли в наступление и овладели деревней Цуанванче. Но японцы, подтянув в этот район части 9-й и 1-й пехотных дивизий, отбили дальнейшие атаки отряда.

Не принесли успеха и совместные атаки отрядов Леша, Витте и Запольского: их не поддерживали остальные войска 2-й армии. Наступление русских войск замедлилось из-за отсутствия чёткого руководства: управление временными соединениями было затрудне-

но, не было создано единого штаба, а недостаточное количество разведывательных групп не лучшим образом сказывалось на сведениях, поступавших о силах и направлении движения обходящих колонн Ноги.

Не сумевший наладить взаимодействия своих отрядов Каульбарс, несмотря на предписание Куропаткина о наступлении, к активным действиям не переходил, ограничиваясь загибом угрожаемого фланга.

Японское командование использовало пассивность русских для развития своего наступательного плана. Оку решил сковать русских атакой на фронте Далиантунь—Сухудяпу и одновременно перебросить 2 дивизии на правый берег Хуньхэ.

Положение на правом фланге русской армии становилось всё более тяжёлым. Сосредоточить крупные силы для отпора обходному движению японцев русскому командованию не удалось. Между тем армия Ноги к концу 19 февраля (4 марта) уже приблизилась к железной дороге севернее Мукдена. Примерно на таком же расстоянии от Мукдена, около 12 км, стояли части 2-й армии Оку. Охват японцев ещё не был глубоким, а потому не угрожал катастрофой, однако со стороны русского командования требовались решительные мероприятия, которые приостановили бы обходной манёвр противника.

В сложившейся обстановке русское командование вполне могло рассчитывать на успех, если бы оно на левом фланге предприняло решительное контрнаступление. Однако ни Куропаткин, ни Линевич не использовали имевшейся возможности.

Инициатива в ходе сражения по-прежнему оставалась в руках японского командования и 5-я и 8-я дивизии 3-й японской армии перешли в наступление на участке Мадяпу—Сатхоза—Янсытунь. К концу дня они достигли своей цели: русские были скованы на фронте 2-й армией Оку, а 3-й армии Ноги удалось осуществить манёвр, связанный с более глубоким охватом общего фронта русских войск.

Русское командование держалось пассивно, тогда как решительные действия обещали в тот период наибольший успех, поскольку 2-я японская армия в непрерывных многодневных боях понесла большие потери в личном составе, израсходовала большую часть своих боеприпасов и испытывала существенные трудности в выполнении поставленной ей задачи — сковывая 1-ю русскую армию с фронта, облегчить армии М. Ноги операцию по выходу в тыл русских войск в район Сантайцзы—Императорские могилы.

Учитывая сложившуюся обстановку, А. Н. Куропаткин принял решение сократить фронт. С этой целью к утру 23 февраля (8 марта) 3-я и 1-я русские армии отошли к реке Хуньхэ, что позволяло выделить часть сил на северный участок фронта, где решался исход сражения.

Однако отвод русских войск не изменил обстановки. Спешно

сформированные русским командованием сводные отряды из состава частей и соединений 2-й армии пытались неоднократно переходить в контратаки, которые легко отражали превосходящие силы противника.

24 февраля (9 марта) 1-я японская армия прорвала фронт 1-й русской армии восточнее Мукдена. Наиболее слабым местом в обороне 1-й русской армии был 7-километровый участок Тидяфын — Киузань — Таинтун, где находились только 9 рот. Это направление в достаточной степени разведано не было, а между тем японцы сосредоточили там крупные силы — более 2 дивизий.

Около 12 часов дня японцы приблизились к русским позициям. 12-я японская дивизия, переправившись через реку Хунхэ, при содействии частей 2-й дивизии прорвала в районе Киузань фронт 4-го Сибирского корпуса, ослабленный переброской одной дивизии в армейский резерв. В расположение русских войск в 12-километровую брешь хлынули японцы. Связь между 1-й армией и главнокомандующим прервалась. 2-я и 3-я армии вынуждены были действовать в весьма тяжёлой обстановке.

Не видя перспективы дальнейшей борьбы под Мукденом, Куропаткин, ещё не знавший о прорыве в районе Киузань, отдал приказ начать отход к Телину в ночь на 25 февраля (10 марта).

Утром 26 февраля (11 марта) 3-я и 1-я японские армии сомкнулись у Пухэ, отрезав некоторые части русских войск и обозы, которые не успели пройти. Однако основная масса русских армий была вне опасности.

Отступление 2-й и 3-й русских армий происходило в тяжёлых условиях. Прорыв японцев в районе Киузань вынуждал русские войска менять пути отхода, предусмотренные общим приказом командования. Сбитые японцами со всех путей отступавшие русские обозы загромождали дороги, перегоняя друг друга, перемешиваясь кое-где с отступающей пехотой.

Тем не менее организованное соединившимися армиями Ноги и Куроки преследование не было доведено до конца. Сказались усталость японских войск и недостаток сил, а также сдерживающие бои отдельных частей русских войск. Вечером 26 февраля (11 марта) авангарды отступавших русских колонн начали подходить к Телину, к 28 февраля (13 марта) 2-я и 1-я армии расположились на позициях вдоль реки Чайхэ, 3-я армия была отведена в резерв.

В то время пока русские войска двигались к Сыпингаю, А. Н. Куропаткин был смещён с должности. На его место был назначен Н. П. Линевич. Куропаткин остался на фронте в качестве командующего 1-й армией.

Под Мукденом общие потери русских убитыми, ранеными и пленными выражаются числом около 90 тыс., в то время как японцы потеряли здесь 71 тыс. человек. При этом убитых и раненых в

русской армии насчитывалось 59 тыс., тогда как у японцев — более 70 тысяч.

Если японцы проводили определённый, хотя и неудавшийся план окружения русских под Мукденом, то в действиях русского командования отсутствуют признаки вообще какого бы то ни было плана. Опасаясь охватывающего манёвра, Куропаткин в тот период уже не обнаруживал стремления к сосредоточению своих войск, как, например, в Ляоянской операции. Все его действия сводились лишь к пассивному отражению японских атак, а попытки контрнаступления носили нерешительный характер.

На поражении сказалась и неподготовленность русского командования к ведению операций крупного масштаба, его пассивность позволила армии Ноги продвинуть свои войска в тыл русским.

Мукденская операция не явилась решающей. Несмотря на крупный успех японцев, разгром русской армии не был осуществлён. Отсутствие у японцев свежих сил, главным образом конницы, позволило нашим войскам, остановившимся на Сыпингайских позициях, не только восстановить боеспособность, но и значительно пополнить силы.

Таким образом, общим итогом Ляоянской, Шахэйской и Мукденской операций явилось вытеснение русских армий из Южной Маньчжурии. Война для Японии на сухопутном театре, по сути, была закончена. Никаких шагов к дальнейшему наступлению японская ставка не предпринимала: велись обширные оборонительные работы и укреплялось расположение войск на случай, если русские перейдут в наступление.

Русские же армии, оставаясь на Сыпингайских позициях, продолжали усиливаться за счёт прибывавших резервов. В общей сложности численный состав русских армий на Маньчжурском театре к концу августа 1905 года равнялся 788 тыс. человек, 150 тыс. человек находились в Приморье и в тылу. Точная численность японских армий к тому времени не была установлена. По предположениям русского командования, она достигала 750 тыс. человек, из них 150 тыс. размещались в тылу и в Северной Корее.

После Мукденской операции, в так называемый сыпингайский период войны, крупных столкновений между противниками уже не происходило. Основное внимание уделялось подготовке войск к обороне, а на случай отступления русские войска строили кроме Сыпингайских позиций ещё несколько промежуточных, которые эшелонировались почти до реки Сунгари — на глубину около 300 километров.

Только 4 (17) мая 1905 года русское командование организовало набег конницы П. И. Мищенко в район деревни Факумынь, но он преследовал ограниченные цели: предполагалось нарушить одну из главных коммуникаций японцев Инкоу—Синминтин—Факумынь. В набеге участвовало 54 сотни при 18 орудиях. Отряд Мищенко в течение 5 дней сжёг несколько японских складов, серьёзного значе-

ния этот набег не имел, но всё же он несколько поднял моральное состояние русской армии.

Так закончились сухопутные сражения русско-японской войны.

ДОКУМЕНТЫ

Письмо японского адмирала Уриу

командирам иностранных судов

Рейд Чемульпо, 26 января (8 февраля) 1904 г.

Сэр,

Имею честь уведомить Вас, что ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японскою и Российскою Империями, я должен атаковать военные суда Русского Правительства, стоящие теперь в порту в Чемульпо, силами, состоящими под моей командой, в случае отказа старшего из русских морских офицеров, находящихся в Чемульпо, на мою просьбу покинуть порт Чемульпо до полудня 9 февраля 1904 г., и я почтительно прошу Вас удалиться от места сражения настолько, чтобы для корабля, состоящего под Вашей командой, не представлялось никакой опасности от сражения. Вышеупомянутая атака не будет иметь места до 4 часов пополудни 9 февраля 1904 г., чтобы дать время привести в исполнение вышеупомянутую просьбу. Если в порту Чемульпо находится в настоящее время какой-нибудь транспорт или купеческие суда Вашей нации, то я прошу Вас передать им настоящее уведомление.

Имею честь быть, Сэр, Вашим покорным слугой.

С. Уриу, Контр-адмирал, командующий эскадрой
Императорского Японского флота.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. С. 166.

Письмо японского адмирала Уриу

командиру крейсера 1-го ранга «Варяг»

Рейд Чемульпо, 26 января (8 февраля) 1904 г.

Сэр,

Ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительствами Японии и России, я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, до полдня 9 февраля 1904 г. В противном случае я буду обязан открыть против Вас огонь в порту.

Имею честь быть, Сэр, Вашим покорным слугой

С. Уриу, Контр-адмирал, командующий эскадрой
Императорского Японского флота.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. С. 167.

**Протест, подписанный командирами английского, итальянского
и французского судов и отправленный японскому адмиралу Уриу
Рейд Чемульпо, 9 февраля 1904 г.**

Сэр,

Мы, нижеподписавшиеся, командующие тремя нейтральными военными судами: Англии, Франции и Италии, узнав из полученного от Вас письма от 8 февраля о предполагаемой Вами сегодня в 4 часа дня атаке русских военных судов, стоящих на рейде Чемульпо, имеем честь обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: мы признаем, что так как на основании общепризнанных положений международного права порт Чемульпо является нейтральным, то никакая нация не имеет права атаковать суда других наций, находящихся в этом порту, и держава, которая преступает этот закон, является вполне ответственной за всякий вред, причиненный жизни или собственности в этом порту. Поэтому настоящим письмом мы энергично протестуем против такого нарушения нейтралитета и будем рады слышать Ваше мнение по этому предмету.

Bayly, Captain of H. M. S.

«Talbot».

Bogea, «   »

«Elba».

Senes, «   »

«Pascal».

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. С. 167—168.

**Капитан 1-го ранга Руднев — Николаю II
Донесение**

5 (18) февраля 1904 г.

Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» выдержали сильный бой с эскадрой из 6 больших крейсеров и 8 миноносцев. Крейсер «Варяг», лишенный возможности продолжать бой, вернулся соединенно с «Корейцем» на рейд Чемульпо, где, свежая команды на иностранные крейсера, пустили свои ко дну, чтобы не дать японцам. На «Варяге» убиты: мичман граф Нирод и 33 матроса, контужен в голову командир, ранены: мичманы: Губонин тяжело, Лабода и Балк легко, 70 матросов тяжело, много легко. На «Корейце» потерь нет. Доношу о беззаветной храбрости и отменном исполнении долга офицеров и команд.

Русский инвалид. 1904. 7 февр. № 29.

**Рапорт командира крейсера 1-го ранга «Варяг»
управляющему морским Министерством
5 марта 1905 года**

16 декабря 1903 года, вследствие предписания Начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Старка, крейсер ушел из Порт-Артура и, произ-

ведя на пути стрельбу из орудий, на другой день прибыл в Чемульпо. По постановке на якорь обменялись салютами с береговой корейской батареей. На рейде крейсер застал: мореходную канонерскую лодку «Гиляк», английский крейсер II класса «Sirius», японский крейсер III класса «Chiyoda» и северо-американскую лодку «Vicksburg».

24 декабря крейсер вернулся в Порт-Артур, совершив тяжелый переход в мороз при сильном NW ветре. Весь бак и левый борт были покрыты сплошным льдом.

28 декабря, по получении экстренного приказания, крейсер снова ушел в Чемульпо, чтобы нести там обязанности старшего станционера и состоять в распоряжении нашего посланника в Сеуле, действительного статского советника Павлова.

29 декабря крейсер пришел в Чемульпо и застал на рейде: крейсер II ранга «Боярин», мореходную канонерскую лодку «Гиляк», английские: крейсер I класса «Cressy» и крейсер II класса «Talbot», итальянский крейсер «Elba», японский крейсер III класса «Chiyoda» и северо-американскую лодку «Vicksburg».

Командиры крейсера II ранга «Боярин» и канонерской лодки «Гиляк» доложили о спокойствии на берегу, об отправке десанта в числе 26 человек в Сеул на смену посланного ранее с лодки «Гиляк» и об отправке провианта в запасе для десанта при миссии.

С ближайшим поездом выехал в Сеул к посланнику, с которым было решено ограничить численность десанта до 56 человек, а остальных отправить на крейсер «Боярин» обратно в Порт-Артур. Десант был назначен из состава команды эскадренного броненосца «Севастополь», под командой лейтенанта Климова.

По возвращении на другой день из Сеула отправил крейсер II ранга «Боярин» с частью десанта в Порт-Артур.

1 января 1904 года отправил мореходную канонерскую лодку «Гиляк» в Порт-Артур с бумагами и депешами посланника. В тот же день пришел французский крейсер II ранга «Pascal».

2 января американцы отправили в Сеул десант из 63 солдат, прибывших на транспорте «Zephyr». В тот же день был отправлен французский десант в составе 1 офицера и 39 матросов.

3 января пришел германский крейсер «Hansa», под брейд-вымпелом.

Корея объявила нейтралитет в случае войны России с Японией.

Ушел английский крейсер «Cressy».

5 января пришла мореходная канонерская лодка «Кореец».

6 января ушел немецкий крейсер «Hansa».

7 января пришел из Тонкина французский крейсер «Amiral de Gueydon», но при входе на рейд, взяв неверный курс, коснулся мели, почему 17 января ушел в Нагасаки в док.

21 января японский крейсер «Chiyoda», стоявший в глубине рейда, вышел вперед и стал рядом с английским крейсером, еще более усилив тщательный надзор за рейдами.

Вследствие доходивших тревожных слухов, телеграфировал в Порт-Артур, спрашивая приказание о дальнейших действиях, но ответа не получил; от посланника в Сеуле получил телеграмму, в которой посланник выражает свое желание повидаться со мною и переговорить.

Ввиду усиленной подготовительной деятельности японцев в Корее, я просил д. с. с. Павлова, подняв его флаг на крейсере, идти в Порт-Артур совместно с «Корейцем», который поднял бы консульский флаг. Посланник не нашел возможным оставить свой пост без приказания Министерства.

Почти весь январь стояла суровая погода, лед в большом количестве покрывал рейд, прекращая по временам сообщение или затрудняя его.

25 января японский крейсер «Chiyoda» без огней ночью ушел в море.

За несколько дней до этого японцы обрезали проволоки корейского телеграфа, чем лишили европейцев всякого сношения, причем русские телеграммы принимались, но не отправлялись. Телеграф же Ычжоу — Сеул был перерезан после отъезда из Ычжоу японского консульского агента с чинами японской полиции. Российский посланник д. с. с. Павлов, не получая с 11 января никаких известий, обратился ко МНЕ с предложением послать лодку «Кореец» в Порт-Артур с бумагами, по получении коих, 26 января в 3¹/₂ час. дня лодка пошла по назначению, но дойти до Порт-Артура ей не было суждено.

Перед уходом «Корейца» было получено письмо от посланника:

«Вместе с сим посылаю казака с корреспонденцией для отправки на «Корейце». Желательно, чтобы «Кореец» снялся с якоря и отправился в путь тотчас по получении корреспонденции. Сегодня вечером из секретного источника получено известие о том, что японской эскадре из нескольких военных судов предписано отправиться к устью Ялу и что высадка японских войск в значительном количестве в Чемульпо назначена на 29 января. Телеграмм никаких ниоткуда не получено. Павлов».

По выходе с рейда, у острова Иодольми лодка «Кореец» встретила японскую эскадру, часть коей, в числе 3 крейсеров и 3 транспортов, вошла на рейд, а 4 миноносца, маневрируя около лодки, выпустили 3 мины, не причинившие однако лодке вреда; кроме того, большой крейсер повернул на пересечку пути лодки. Командир «Корейца» не открывал огня (сделано два нечаянных выстрела), не считая себя вправе начать стрелять в пределах нейтрального порта. «Кореец» вернулся и, по сигналу с вверенного мне крейсера, стал за его кормой.

Кроме упомянутых судов, японская эскадра, под начальством контр-адмирала Уриу, ушла в шхеры, не входя на рейд, вследствие чего численность ее осталась для нас неизвестной. Об этом событии немедленно донес рапортом посланнику и одновременно сообщил консулу для телеграфирования д. с. с. Павлову.

Японские крейсера расположились у своих транспортов, а миноносцы против наших судов. Транспорты немедленно начали выгрузку людей и вещей, один же из них ночью с полною водою вошел в гавань, которая освещалась с берега кострами. Высажено было около 3000 человек, распо-

жившихся в Сеуле и Чесмульпо, не встретив никакого сопротивления со стороны корейцев.

Сделав распоряжение о приготовлении к отражению минной атаки (без огласки), я поехал к английскому командиру для выяснения дальнейших действий и мер безопасной стоянки на рейде, причем предложил ему, как старшему, съездить на старшее японское судно, чтобы заставить командира его поручиться за свои суда в смысле непринятия каких-либо враждебных действий на рейде. Командир «Talbot» немедленно уехал и по возвращении на «Варяг» соби́л свой разговор: «Я приехал, как старший из командиров судов, стоящих на рейде, к вам, как старшему из японских командиров, предупредить:

1) Мы стоим на рейде нации, объявившей нейтралитет, следовательно рейд безусловно нейтральный и никто не имеет права ни стрелять, ни пускать мины в кого бы то ни было. Я вам объявляю, что в то судно, которое это сделает, все равно какой нации, я первый начну стрелять. (Японец был крайне удивлен, даже спросил: «Как, вы будете в нас стрелять? — Да, я буду, так как совершенно готов открыть огонь».)

2) Вы должны сделать распоряжение по своему отряду и сделать сказанное известным. (Японец согласился, но спросил: «А вдруг русские начнут стрелять?» Английский командир повторил о своем обязательстве взять на себя ответственность за суда интернациональной эскадры.)

3) Вы должны допускать все шлюпки свободно к берегу, где не должно быть никаких препятствий к высадке.

4) Вы можете высаживать войска, так как это дело ваше и до нас не касается.

5) В случае недоразумения с какой-либо нацией, прошу вас приехать ко мне на судно, я приглашу командира той нации и сам буду разбирать дело».

В заключение, на вопрос командира по поводу стрельбы минами в «Кореец», японец ответил, что не знает о случае, что это недоразумение и, вероятно, даже ничего не было.

Ночь прошла спокойно, хотя на всех судах люди спали у орудий.

На другой день, 27 января, утром в 7 час. 30 минут командиры иностранных судов: английского — «Talbot», французского — «Pascal», итальянского — «Elba» и американского — «Vicksburg» получили извещение с указанием времени сдачи уведомления от японского адмирала о начале враждебных действий между Россией и Японией и что адмирал предложил русским судам уйти с рейда до 12 час. дня, в противном случае они будут атакованы эскадрой на рейде после 4 час. того же дня, причем предложено иностранным судам уйти с рейда на это время, для их безопасности.

Эти сведения были мне доставлены командиром «Pascal» и вслед за ним подтверждены командиром «Elba», с которым я поехал на «Talbot» для разъяснения. Во время заседания на «Talbot» мною было получено письмо (в 9 час. 30 мин. утра) через русского консула от японского адмирала, извещающего о начале враждебных действий между правительствами России и Японии. Контр-адмирал Уриу предлагал мне уйти с вверенными мне судами с рейда до 12 час. дня и в случае отказа обещал атаковать на рейде.

В заседании командиров были разобраны различные комбинации, затем, в секретном от меня совещании, решили: если я останусь на рейде — они уйдут, оставив меня с «Корейцем» и пароходом «Сунгари». Вместе с сим решили послать адмиралу протест против производства нападений на рейде. На запрос командиров о моем мнении я ответил, что сделаю попытку прорваться и приму бой с эскадрой, как бы она велика ни была, но сдаваться никогда не буду, также и сражаться на нейтральном рейде.

Вернувшись на крейсер, я собрал офицеров, объявил им о начале военных действий и каждому дал соответствующую инструкцию. Офицеры единодушно приняли решение: в случае неудачи прорыва — взорваться и ни в каком случае не отдавать крейсер в руки неприятеля. Впоследствии приготавливали в минном погребе запальный патрон со шнуром Бикфорда. Производство взрыва я поручил ревизору мичману Черниловскому-Сокол. Решение идти на прорыв и принять бой вне рейда считал удобнее на следующих основаниях:

- 1) узкий рейд не давал возможности маневрировать;
- 2) исполняя требование адмирала, имелась слабая надежда на то, что японцы выпустят из шхер и дадут сражение в море; последнее было предпочтительнее, так как в шхерах приходится идти определенными курсами и, следовательно, нельзя использовать все средства защиты и нападения;
- 3) уничтожение крейсера на рейде, без попытки прорваться и принятия боя, совершенно не могло иметь места; предполагая возможную гибель крейсера так или иначе, конечно, надо было нанести неприятелю возможный больший вред, не шадя своей жизни.

По окончании обеда команды ее вызвали наверх; в кратких словах, объявив о начале войны, разъяснил обязанности каждого, особенно комендоров.

Обратился приблизительно в таких словах: «Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий и предложение приставить рейд до полдня. Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть; мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя, сражаясь до последней возможности и капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушите его без огласки, давая мне знать. Помолитесь Богу перед походом и с твердой уверенностью на милосердие Божие пойдем смело в бой за Веру, Царя и Отечество. Ура».

Музыка сыграла гимн.

Слова мои были встречены взрывом горячего энтузиазма.

В 11 ч. 20 м. крейсер снялся с якоря, имея в кильватере лодку «Кореец», и с музыкой двинулся вперед. На иностранных судах построились во фронт команды, караулы и офицеры, итальянцы играли русский гимн, и при нашем проходе все кричали «ура».

Японская эскадра, в числе 6 крейсеров: «Asama», «Naniva», «Takashiho», «Chiyoda», «Akashi», «Niitaka» и 8 миноносцев, под общей командой контр-адмирала Уриу, расположилась в строе пеленга от о-ва Риши к северному

проходу, прикрывая оба выхода к морю. Миноносцы держались около своих судов.

Сведения о числе и названии судов были получены после боя с английского крейсера. Адмирал сигналом предложил сдаться, но ответа не получил, что японцы приняли за пренебрежение к ним.

В 11 ч. 45 м. с крейсера «Asama» грянул первый выстрел из 8 д. орудия, вслед за которым вся эскадра открыла огонь.

Произведя пристрелку при выходе с рейда, открыл огонь по «Asama» с расстояния 45 кабельтовых.

Один из первых снарядов японцев попал в крейсер, разрушил верхний мостик, произведя пожар в штурманской рубке, и перебил фок-ванты; при этом был убит младший штурман, определявший расстояние дальномером — мичман граф Нирод, и все дальномерщики станции № 1 убиты или ранены (по окончании боя нашли руку графа Алексея Нирода с дальномером; ребро и внутренности упали на орудие II). После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, причем недолетавшие снаряды разрывались при ударе о воду, осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

В данном случае выказалось преимущество железных шлюпок — они пробивались, но не давали осколков и не загорались.

Последующими выстрелами было подбито 6 д. орудие III; вся прислуга орудия и подачи убита или ранена и одновременно тяжело ранен плутонговый командир — мичман Губонин, продолжавший командование плутонгами и отказавшийся идти на перевязку, пока, обессилев, не упал.

Непрерывно следовавшими снарядами был произведен пожар на шканцах, который потушили стараниями ревизора мичмана Черниловского-Сокко; на нем одежда была разодрана осколками. Пожар был серьезен, так как горели патроны с бездымным порохом, палуба и вельбот № 1 (деревянный). Возгорание произошло от снаряда, разорвавшегося на палубе, причем подбиты: 6 д. орудия — VIII, IX; 75 м/м — № 21; 47 м/м — №№ 27, 28.

Другими снарядами почти снесен боевой грот-марс, уничтожена дальномерная станция № 2, подбиты орудия №№ 31, 32, а также произведен пожар в рундуках броневой палубы, вскоре потушенный. При проходе траверза о-ва Иодольми один снаряд перебил трубу, в которой проходят все рулевые приводы, и одновременно с этим осколками другого снаряда (разорвавшегося у фок-мачты), влетевшими в проход у боевой рубки, был контужен в голову командир крейсера, убиты наповал трое из прислуги пушки Барановского, квартирмейстер для передачи приказаний и стоявшие около командира по обеим сторонам штаб-горнист и барабанщик; ранен в спину тут же стоявший рулевой старшина Снигирев (не заявивший о ране до конца боя, оставаясь при исполнении своей обязанности; рана оказалась впоследствии средней тяжести). Одновременно ранен в руку ординарец командира квартирмейстер Чибисов (отказался идти на перевязку, говоря, что, пока жив, не покинет ни на минуту своего командира).

Управление крейсером было немедленно переведено на ручной штурвал в румпельное отделение, так как паровая труба к рулевой машинке так-

же была перебита. При громе выстрелов приказания в румпельное отделение были плохо слышны, приходилось управляться машинами, и крейсер плохо слушался, будучи, кроме того, на сильном течении.

В 12 час. 15 м., желая выйти на время из сферы огня для исправления по возможности рулевого привода и тушения возникавших в разных местах пожаров, — стали разворачиваться машинами и, так как крейсер плохо слушался руля и ввиду близости острова Иодольми, дали задний ход (крейсер поставило в невыгодное положение относительно острова в то время, когда был перебит рулевой привод при установленном лево руля).

Расстояние до неприятеля уменьшилось, огонь его усилился и попадания увеличилось; приблизительно в это время снаряд большого калибра пробил левый борт под водою, в огромное отверстие хлынула вода и третья кочегарка стала быстро наполняться водой, уровень которой подходил к топкам. Кочегарные квартирмейстеры — Жигарев и Журавлев задраили угловые ямы, которые наполнились водой.

Подвели пластырь, вода все время выкачивалась, уровень стал понижаться, но тем не менее крейсер продолжал крениться на левый борт.

Снарядом, прошедшим через офицерские каюты, которые были разрушены, пробита палуба и зажжена мука в провизионном отделении над броневой палубой.

Вслед за этим пробиты коечные сетки на шкафуте над лазаретом, причем осколки попали в лазарет, а койки в сетках загорелись; пожар был быстро потушен. Серьезные повреждения заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли на рейд, продолжая отстреливаться левым бортом и кормовыми орудиями.

В течение сражения одним из выстрелов 6" орудия XII был разрушен кормовой мостик крейсера «Asama» и произведен на нем пожар, причем «Asama» временно прекратил огонь. Кормовая башня его, по-видимому, повреждена и до конца боя более не действовала.

Один из неприятельских миноносцев утонул на глазах у всех. Впоследствии выяснилось, что крейсер «Takashiho» получил столь серьезные повреждения, что затонул по дороге в Сасебо, имея 200 раненых, взятых после боя с эскадры для доставки в госпиталь. Крейсера «Asama» и «Naniva» ушли в док для исправлений.

Также японцы свезли в бухту А-сан 30 убитых во время боя.

(Сведения эти получены от наблюдавших иностранных офицеров, наших миссий в Японии и Сеуле, из японских и английских источников.)

При подходе крейсера к якорному месту и когда огонь японцев мог быть опасен для иностранных судов, они его прекратили и преследовавшие нас крейсера вернулись к эскадре за остров Иодольми.

Расстояние настолько увеличилось, что продолжать огонь нам было бесполезно, почему прекратили его в 12 час. 45 мин.

В начале 2-го часа, став на якорь на прежнем месте, приступили к осмотру и исправлению повреждений, подвели второй пластырь и развели оставшуюся команду по орудиям, в ожидании возможного нападения неприятельской эскадры в 4 часа на рейде.

По осмотре крейсера, кроме перечисленных выше повреждений, оказались еще следующие:

- 1) все 47 м/м орудия негодны к стрельбе;
- 2) еще пять орудий 6 дюймовых получили различные серьезные повреждения;
- 3) семь 75 м/м орудий повреждены в накатниках и компрессорах;
- 4) разрушено верхнее колено третьей дымовой трубы;
- 5) обращены в решето все вентиляторы и шлюпки;
- 6) верхняя палуба пробита во многих местах и сожжена;
- 7) разрушено командирское помещение;
- 8) поврежден фор-марс;
- 9) найдено еще четыре подводных пробоины, а также много других повреждений.

Машины сохранились, благодаря броневым крышкам, также и шахты подачи, хотя прислуга, стоявшая около них, вся пострадала.

В течение часового боя выпущено снарядов:

6 дюймовых	425
75 м/м	470
47 м/м	210

1105

С момента выхода с рейда мореходная канонерская лодка «Кореец» держалась соединенно, но ее выстрелы вначале не могли быть действительны, вследствие недолета снарядов, и потому стрельба была прекращена. При сближении с эскадрой пушки лодки действовали исправно. «Кореец» не получил никаких повреждений и не имел никакой потери в людях — очевидно, все внимание японцев было обращено на «Варяг», по уничтожении коего предполагали быстро покончить с лодкой.

Подробности действий лодки изложены в рапорте командира.

Иностранные суда, несмотря на готовность к уходу с рейда, прислали немедленно шлюпки под флагом Красного Креста с врачами и санитарями для перевязки раненых.

Действие японских снарядов с лидитом, кроме большого разрушения судна, производит большой урон в личном составе; от дробления снарядов на мелкие куски получались ужасные раны и часто в большом количестве. Некоторые люди были покрыты сплошь впившимися мелкими кусками, доставать которые представлялось трудным и занимало много времени.

Оказалось убитых:

Мичман граф Алексей Нирод
и 30 нижних чинов.

Раненых:

Тяжело в ногу — мичман Губонин.

Легко — Лобода.

« — Балк.

Нижних чинов, более или менее серьезно, — 85.

Легко, не заявивших после боя, — более 100 человек.

Контужен и ранен в голову — командир крейсера.

Убедившись после осмотра крейсера в полной невозможности вновь вступить в бой и не желая дать неприятелю возможность одержать победу над полуразрушенным крейсером, я отправился на крейсер «Talbot», где заявил о намерении уничтожить крейсер, за полной его непригодностью, и получил согласие на перевоз команды. По возвращении на крейсер сообщил собранию офицеров, которые единогласно признали этот выход единственным. После чего приступили к перевозке раненых на присланных с иностранных судов шлюпках при офицерах, за невозможностью пользоваться своими шлюпками.

Командир французского крейсера «Pascal» капитан 2-го ранга Victor Senes прибыл на «Варяг» и лично содействовал перевозке раненых и команды. Когда команда покинула крейсер, старший и трюмный механики с хозяевами отсеков открыли клапана и кингстоны и отвалили с крейсера. Пришлось остановиться на потоплении, вследствие заявления иностранных командиров не взрывать судна, чтобы не подвергнуть опасности на узком рейде их корабли, а также уже потому, что крейсер все более и более погружался в воду.

Командир со старшим боцманом, удостоверившись еще раз в отсутствии людей на судне, последним покинул крейсер в 3 часа 50 минут, сев на французский катер, который ожидал его у трапа вместе с командиром крейсера «Pascal».

«Варяг» постепенно наполнялся водой и, продолжая крениться на левый борт, в 6 часов 10 минут погрузился в воду.

После 4 часов сообщения с крейсером не было, вследствие настояния командиров, ожидавших входа японской эскадры на рейд. Командир мореходной канонерской лодки «Кореец», получив от меня извещение о предполагаемом затоплении крейсера, ввиду безысходного положения, по общему решению, взорвал лодку.

Капитан парохода «Сунгари», испросив мое разрешение, и по соглашению с агентами пароходства, сжег свой пароход.

Команда распределилась так:

На крейсере «Pascal»:

- 1) часть команды «Варяга» с большею частью тяжелораненых;
- 2) вся команда «Корейца»;
- 3) впоследствии охрана миссии, состоявшая из команды броненосца «Севастополь», фельдшера с «Полтавы», 11 казаков и 2 стрелков.

На крейсере «Elba»:

- 1) часть команды крейсера «Варяг»;
- 2) тяжело раненный мичман Губонин.

На крейсере «Talbot»:

- 1) часть команды «Варяга»;
- 2) команда парохода «Сунгари».

Американский авизо «Vicksburg», хотя прислал своего врача для пере-

язки, но принять людей для спасения от кораблекрушения отказался за неимением подлежащего разрешения. Услуги врача были отклонены. Командир не был на заседаниях и отказался подписать протест. Впоследствии командиры судов получили от своих посланников полное одобрение и благодарность за их действия.

Ввиду того, что перевозка раненых заняла очень много времени при участии всего личного состава, с перевозкой остальной команды пришлось слишком спешить, вследствие требования командиров окончить погрузку до 4 часов дня. Были взяты судовые документы и командой малые чемоданы. Офицеры же, занятые отправкой раненых и исполнением своих обязанностей, не успели захватить решительно никаких вещей. Как я, так и офицеры, потеряли решительно все имущество.

С начала сражения — до вступления на чужие суда — офицеры и команда показали стойкость, беззаветную храбрость и безупречное исполнение долга.

Подписал: Капитан 1-го ранга Руднев.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. С. 162—175.

А. Н. Куропаткин — Е. И. Алексееву

Отношение

С.-Петербург, 27 января (9 февраля) 1904 г.

Полагаю, что японцы могут сделать отчаянную попытку после боя с нашим флотом высадить на Квантуне, особенно в Дальнем, четыре-шесть дивизий. Уход 3-й стрелковой бригады ослабил наше положение в Квантуне. Простите за выражаемое мнение, что нам следовало бы прежде всего возможно быстро перевезти в Квантун батальоны 9-й стрелковой бригады, первоначально только с готовым обозом. Генерал-адъютант Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 20.

Е. И. Алексеев — Николаю II

Донесение

Порт-Артур, 28 января (10 февраля) 1904 г.

Всепоподданнейше доношу, что ввиду полного отсутствия сведений из Кореи, вследствие перерыва сообщения, а также открытия военных действий можно считать вне всякого сомнения, что происходит высадка японских войск в Корею, что фактически нарушает нейтралитет этого государства. Считаю совершенно необходимым выдвинуть для разведки конные части как можно далее на левый берег Ялу, а также произвести разведку в Северной Корее, на правом берегу Тумень-Улы.

Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего на приведение означенных мер в исполнение. Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 20.

Ген. Флуг — ген. Попову

Донесение

Порт-Артур, 2 (15) февраля 1904 г.

Доношу, по иностранным известиям, из Сеула 100 тысяч японцев направляются к Ялу. После часового боя у Чемульпо «Варяг» сгорел и затонул, «Кореец» взорвался, команда спасена шлюпками с иностранных судов. Руководство сухопутными операциями японской армии вручено Кодама. В Порт-Артуре перемен нет. Слухи из Цинвандао объясняются появлением японских судов на рейде, вероятно от шторма. Пока там спокойно. Начатая уже нашими агентами разведка Кореи прервана объявлением войны и теперь агентов нет. К Фынхуанчену направляется 3-я бригада; конная бригада с казачьей батареей под начальством Мищенко выдвигается на левый берег Ялу для связи с 3-й бригадой. В тылу ее будет расположена конно-охотничья команда 15-го полка. Побережье Бицзыво — Дагушань охраняется Верхнеудинским полком. На правый берег Ляохэ высылается разведка конными частями пограничной стражи. Сосредоточение пока идет по предположенному плану.

Генерал-майор Флуг.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 21.

Приказ № 8

Маньчжурской армии

Ляоян, 10 (23) февраля 1904 г.

Наместник на Дальнем Востоке приказал: считать границей района наших действий в Маньчжурии границу между Монголией и Маньчжурией до р. Лух, далее на Синьмыньтин и от него по железной дороге на Губаньцзы к Инкоу.

Изложенное объявляю к руководству.

Командующий войсками армии
генерал-лейтенант Линевиц.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 25.

Ген. Куропаткин — ген. Алексееву

Отношение

С.-Петербург, 12 (25) февраля 1904 г.

Важнейшими задачами на Маньчжурском театре действий представля-

ются: 1) усиление обороноспособности Порт-Артура, ибо можно, по моему мнению, ожидать осады и штурма четырьмя-пятью дивизиями, и 2) принятие энергичных мер, дабы наше вынужденное разбросанное расположение между рр. Ялу и Ляохэ не привело к поражениям наших войск по частям. Вам на месте виднее. Простите откровенное высказывание мыслей.

Генерал-адъютант Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 25.

Ген. Алексеев — ген. Линевичу

Предписание

Мукден, 12 (25) февраля 1904 г.

В дополнение № 253 предлагаю вашему превосходительству:

1. Ввиду заявления Китая соблюдать строгий нейтралитет, необходимо подтвердить, чтобы наши войска не переходили железную дорогу Инкоу—Гоубаньцзы—Синьмыньтин.

2. Энергично продолжать конную разведку в Корее.

3. Направить в возможно непродолжительном времени к реке Ялу 10-й Вост.-Сиб. стрелковый полк и 1-ю батарею Вост.-Сиб. стрелкового-артиллерийского дивизиона, а также части, прибывающие в район сосредоточения в намеченные для сего пункты, причем из означенных частей оставить временно, впредь до выяснения обстановки, одну бригаду в Фынхуанчене на случай возможной угрозы противника нашему правому флангу, путем высадки на побережье Корейского залива.

4. Принять меры к преграждению доступа в Инкоу с моря, сильно занят имеющимися уже в районе сосредоточения войсками побережье Ляодунского залива на участке Инкоу — Гайчжоу — Сюнечен, с резервом в Хайчене.

5. Остальные войска, прибывающие с севера, сосредоточивать в Ляояне и Хайчене.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 25

Ген. Викт. Викт. Сахаров — ген. Алексееву

Предписание

С.-Петербург, 15 (28) февраля 1904 г.

Государь император 14 февраля повелел сообщить вам согласно статье 25-й «Положения о полевом управлении» следующие высочайшие указания:

Открытие военных действий японцами застигло наши войска, предназначенные для борьбы с ними, немобилизованными и расположенными в пунктах квартирования на обширном пространстве Приамурского округа и Маньчжурии. При данной обстановке главнейшие усилия наши первоначаль-

чально должны быть обращены на обеспечение сосредоточения войск, как находящихся в пределах наместничества, так и направляемых из Европейской России. В силу этого первою целью наших действий в первый период войны является удержание в своей власти Восточной Китайской железной дороги, служащей единственным путем подвоза подкреплений и запасов, и особенно Харбина, с потерей которого прерывается связь империи с Приамурским округом и войсками, обороняющими Приморскую область.

При открытии японцами наступательных действий удержание неприятеля на возможно большем удалении от линии железной дороги наиболее полно отвечает поставленной цели. Но до сосредоточения сил, достаточных для перехода к решительным операциям, войска, вверяемые вам, должны действовать осмотрительно, дабы не подвергнуться преждевременному поражению по частям, не упуская, однако, благоприятных случаев к ослаблению всеми мерами неприятеля.

Назначение достаточных, по условиям обстановки, сил для обороны Артура представляет вторую по важности задачу. С удержанием в наших руках этой крепости связаны судьбы находящейся здесь эскадры.

В пределах Приморской области надлежит иметь силы, необходимые для обороны Владивостока, охраны побережья и путей от него в глубь территории против возможных покушений японцев. По сосредоточении достаточных сил на Маньчжурском театре надлежит перейти к решительным действиям, стремясь нанести противнику серьезное поражение и по возможности отрезать его от сообщений с его боевыми и транспортными судами.

Генерал-адъютант Сахаров.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 27—28.

Ген. Линеви́ч — ген. Кашталинскому

Предписание

Ляоян, 15 (28) февраля 1904 г.

Прошу вас нарочным отправить генералу Мищенко следующую мою телеграмму: отряд на Ялу имеет только лишь демонстративный характер. Расположения его будут всегда на правом берегу, причем один полк будет находиться в Саходзе и другой в Гулуцзы. Вся кавалерия до вскрытия реки должна находиться в Ычжю, а после вскрытия переходит на правый берег Ялу к пехоте и располагается против Ычжю, имея наблюдение за правым и за левым флангами, а равно разъездами, и по направлению на восток для наблюдения за всеми северными дорогами. Свои разъезды конница отправляет по дорогам в направлении на Пеньян и на Гензан исключительно для наблюдения за движением противника. При появлении же противника перед Ялу в значительных силах пехоте предписываю вовсе не вступать с про-

тивником в бой, а немедленно отступить сначала к Фынхуанчену, а вслед за сим без задержания — к армии, к Ляояну. Коннице, как идущей быстро, разрешаю задержаться на Ялу, но без артиллерии, и затем тоже не вступать в бой, отходить по многим дорогам назад на Ляоян, задерживаясь на перевалах, не вступая в серьезный бой. Таким образом, авангард на Ялу в наступление через Ялу не должен переходить, а только лишь обязан демонстративно держаться на правом берегу Ялу и при появлении противника обязан, не вступая в бой, присоединиться к армии, с той целью, чтобы отнюдь без надобности не подставлять свои части под удары. В настоящее время наша главнейшая обязанность — удержать Артур. Ввиду сего предписываю генералу Мищенко: со всем своим конным отрядом без промедления возвратиться в Ычжоу и затем переходить на правый берег Ялу, оставив на левом берегу одни разъезды.

Линевич.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 28—29.

Ген. Алексеев — ген. Куропаткину

Отношение

16 (29) февраля 1904 г.

По поводу соображений вашего высокопревосходительства считаю необходимым высказать следующее. Удержание Артура действительно имеет для нас первостепенное значение, но усиление его гарнизона за счет полевых войск, сосредоточиваемых в Южной Маньчжурии, по моему мнению, представляет также серьезную опасность и должно иметь предел. Было время, когда считалось возможным десятью батальонами пехоты оборонять Артур вместе с Цзиньжоуской позицией; совещание 24 июня 1903 года признало, что для этого достаточно 19 батальонов; ныне, несмотря на приведение крепости в большую готовность к обороне, ваше высокопревосходительство считаете необходимым пехотный гарнизон довести до 22 батальонов. Между тем до сих пор еще ничто не указывает вполне определенно, что Артур должен стать теперь же объектом неприятельских действий.

Флот наш хотя и ослаблен, но далеко не уничтожен, и одно присутствие его в Артуре является серьезной угрозой по отношению к попыткам противника произвести высадку на берегах Ляодунского полуострова; если бы даже наша эскадра была приведена в невозможность оказать противодействие десанту и последний состоялся, то он представил бы для нас непосредственную опасность только при производстве его в районе Инкоу — Гайчжоу — Сеньючен.

Ввиду данных вами генералу Линевичу указаний, им сделано распоряжение о возвращении отряда генерала Мищенко к Ялу и о приостановке дальнейшого отправления войск на Ялу. Не желая вновь колебать реше-

ния и. д. командующего армией, я не считал возможным отменить сделанные им распоряжения, указав лишь отправить 10-й полк с батареей на присоединение к своей бригаде в Фынхуанчен, а 15-й полк имею в виду отправить на Квантун с заменой обоих двумя полками 9-й бригады из Мукдена и Ляояна. Но вместе с тем я считаю невозможным отказаться от обороны участка побережья Инкоу—Гайчжоу—Сеньючен, потеря которого должна повести к немедленному и спешному отступлению из Южной Маньчжурии, совершенно не совместимому с обаянием нашего имени на Дальнем Востоке. В таком случае было бы лучше прямо отнести дальнейшее сосредоточение к Телину, куда и отвести все войска из ныне занятого района Южной Маньчжурии. В заключение позволяю себе высказать, что признаю весьма важным скорое прибытие вашего высокопревосходительства к армии.

Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 29.

Ген. Кашталинский — ген. Линевичу

Донесение

18 февраля (2 марта) 1904 г.

Генерал Мищенко из Ченчжоу от 16 февраля просит телеграфировать: Прочтя № 228, осмеливаюсь по долгу службы доложить: оставление японцам возможности беспрепятственно [перейти] через Ялу и беспрепятственно же двигаться на линию железной дороги отдаст все шансы в их руки; они явятся к железной дороге одушевленные, без потерь и усталости, в кратчайший срок, в превосходных силах и будут хозяевами положения. По сему докладываю о совершенной необходимости встретить их на Ялу тремя бригадами, с артиллерией, конницей, упорным боем задержать их на переправе, затем замучить боем же на каждом перевале, заставив их за каждый успех платить тысячными потерями. Тогда они дойдут до Ляояна не ранее двух месяцев и встретят там нашу свежую пятидесятитысячную армию. Как можно отдавать грозные позиции Ялу и проходов горных к Ляояну, Мукдену, Хайчену без боя, где один батальон может остановить дивизию. Артур теперь же может быть усилен 2-й стрелковой и Сибирской резервной бригадами, и 30 тысяч достаточно для защиты Артура и Квантуна от двойных сил противника. Необходимо, чтобы Нерчинский полк с первой стрелковой бригадой наблюдал и защищал переправы у Пектона и Чхосана на Ялу; 3-я же и 9-я бригады с моим отрядом — от Чхосана до Саходзы. Докладывая об изложенном, [сообщаю], что все приказания вашего превосходительства относительно отхода в Ычжоу и на дальнейшие действия будут в точности исполнены, если не последует новых распоряжений. Постараюсь, возможно ранее, дать знать о противнике. Все меры осторожности будут соблюдены. Мищенко.

Донося вашему превосходительству об изложенном, с своей стороны,

вполне присоединяюсь к мнению генерала Мищенко, тем более что об этом я имел честь лично доложить по возвращении из поездки на Ялу наместнику.

Генерал Кашталинский.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 30.

Ген. Алексеев — ген. Викт. Викт. Сахарову

Отношение

27 февраля (11 марта) 1904 г.

Во исполнение высочайших указаний, переданных в телеграмме вашего превосходительства от 15 февраля № 1043, в настоящее время отчасти осуществлены, отчасти приводятся в исполнение следующие мероприятия:

1) Непосредственная охрана линии Китайской Восточной железной дороги усилена настолько, насколько позволяют имеющиеся средства и наличный состав чинов Заамурского округа пограничной стражи, причем для обороны наиболее важных сооружений установлены позиционные орудия. Если условия охраны дороги потребуют усиления пограничной стражи, то будут привлечены к этому делу формируемые в полосе отчуждения вольные дружины.

2) Предложено составить проект укрепления Харбина, имея в виду гарнизон около 30 батальонов и назначение коменданта с правами коменданта крепости третьего класса, с соответствующими управлениями для приведения в исполнение проекта укреплений.

3) Для удержания противника вдали от линии дороги направлен в Корею конный отряд генерала Мищенко и выставлен на Ялу и в Фынхуанчен Восточный авангард в составе одной стрелковой бригады. Эти части, не вступая в упорный бой, одним своим присутствием заставят неприятеля быть осторожным и потерять время на сосредоточение достаточных сил.

4) При движении противника от Ялу в глубь Маньчжурии предположено широкое развитие партизанских действий на его сообщениях. Отходящие же от Ялу наши части при благоприятных обстоятельствах могут оказать более упорное сопротивление на перевалах Фэншуйлинского хребта, особенно при условии заблаговременного укрепления их.

5) Для того, чтобы обеспечить наше выдвинутое положение на Ялу, приняты меры к сильному занятию района Инкоу—Гайчжоу—Хайчен, дабы не допустить высадки противника в Ляодунском заливе. Инкоуский форт вооружается крепостными орудиями, высланными из Артура.

6) Район правого берега Ляохэ наблюдается отрядом пограничной стражи.

7) Гарнизон укрепленного района Артур — Цзиньчжоу усилен одним полком пехоты...

Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 34.

Разведывательная сводка штаба Маньчжурской армии

14 (27) марта 1904 г.

Сведения о силах и расположении японских войск в Корее

С 9 февраля появились слухи, что корейцы получили приказание оказывать нам сопротивление. Впоследствии слухи эти не подтвердились; наши разъезды свободно перешли границу и двинулись без сопротивления со стороны корейцев к Пеньяну. Но, благодаря присутствию японцев в Корее, в общем, как видно из всех донесений, отношение к нам жителей недоброжелательное, и при встрече с нашими разъездами и отрядами корейские власти бегут. Начиная с 11 по 16 февраля упорно циркулировали слухи о движении японцев к Пеньяну, причем указывалось, что, кроме Пеньяна, японские войска сосредоточиваются в Гензане (около 5 тысяч), в Сеуле (около 10 тысяч), в Чемульпо (около 5 тысяч). Впоследствии, по слухам, указанные цифры сильно увеличились, причем некоторыми донесениями указывалось, что японцы ставят себе задачей занять Южную Корею, после чего они вряд ли предпримут дальнейшее наступление в Маньчжурию.

В общем до 16 февраля все донесения о силах и передвижении японцев и о занятии ими Пеньяна носят характер слухов, проверить которые, за отсутствием соприкосновений с противником, не было возможности. Достоверно было только, что севернее Пеньяна японцев нет и что они если и двигаются, то с большой осторожностью.

16 февраля наши разъезды вошли в соприкосновение с японцами в 1½ верстах от Пеньяна, причем было обнаружено, что Пеньян занят пехотой, к которой придана небольшая часть кавалерии. Перед городом, кроме старых окопов, спешно возводили новые. Недостаток энергии со стороны японцев при стычке наших разъездов с японцами показал, что кавалерии в Пеньяне очень мало, но точно установить число войск, состав их и принадлежность к частям в этом первом столкновении не удалось.

Во всяком случае это первое столкновение с противником точно установило, что к 16 февраля японцы далее Пеньяна не продвинулись и что Пеньян был занят сравнительно незначительным гарнизоном. В это же время получено было известие, что 13 февраля японцы высадили в Чемульпо 30 тысяч человек и 34 орудия.

Со стороны Южно-Уссурийского отряда получено было известие от 16 февраля, что 6 февраля три партии японцев, по 800 человек каждая, высадились ночью в Шенгджине и тотчас двинулись в Маошань (Мусан); при них было 50 лошадей, артиллерии же не было. Последующие донесения не подтвердили этого известия, но сообщали, что в Северной Корее много японских шпионов, что телеграф в Кенгшенге захвачен японцами и что в этом же городе идет заготовка риса. Наконец, 23 февраля от пограничного комиссара Смирнова получено донесение, что 1) в Кенгшенге высадилось 500 человек японцев, встреченных весьма дружелюбно корейцами, которые доставляют им продовольствие; 2) из Шенгджина в Кенгшенг идет отряд японцев в 2 тысячи человек и 3) от Гензана к северу крейсируют японские военные суда, прикрывая пароходы, доставляющие припасы войскам.

Вследствие этих сведений был выслан из Новокиевского на разведку в Северную Корею есаул Левицкий, который донесением от 27 февраля опроверг все слухи. До Кентшента японцев не обнаружено; корейские власти всюду встречали русских весьма любезно; высадки на всем побережье от Шенгджина произведено не было, а по донесению прибывшего лазутчика в Шенгджине 17 февраля был всего один японский офицер на телеграфе, а в Гензане было очень мало японцев.

Что касается конного отряда генерала Мищенко, то, вследствие отхода его от Пеньяна назад, к р. Ялу, достигнутое соприкосновение с противником было вновь потеряно, и лишь к 24 февраля передовые японские части были обнаружены уже на линии р. Чинчангана, которая была занята по левому берегу японскими сторожевыми постами. Одновременно с этими разведками было подтверждено сведение, что возле Пеньяна действительно производятся земляные работы по укреплению города и на Чинчангане и р. Пакчене заготавливаются материалы для мостовых работ.

С 24 февраля и по настоящее время разведка отряда генерал-майора Мищенко обнаружила, что, кроме Пеньяна, занят город Анчжю гарнизоном около 10 тысяч с артиллерией и начаты работы по укреплению города. Вместе с тем были получены сведения, относящиеся приблизительно к 17 февраля, о расположении японских войск: в Хайчжю более 10 тысяч, в Сеуле около 80 тысяч, в Гензане 6 тысяч и в Пеньяне 7 тысяч, Шунан занят кавалерией, в Чемульпо стоит около 30 больших и малых японских судов.

Ввиду нерешительных действий японской кавалерии генерал Мищенко неоднократно высказывал предположения, что ее мало.

По последним известиям, от 6 марта, генерал Мищенко считает достоверным, что в Анчжю расположена одна дивизия с кавалерией и артиллерией, а в Пеньяне вся первая армия.

Состав ее по частям и численности генерал Мищенко не указывает. По сообщению же барона Розена от 4 февраля (сведения, собранные военным и морским агентами), 1-й японской армией командует маршал Куроки, и она имеет следующий состав: гвардия, 2-я, 4-я и 12-я дивизии, с двумя полками артиллерии и двумя полками кавалерии, не находящимися в составе дивизий. Сведения о нахождении в составе армии гвардейской, 2-й и 12-й дивизий подтверждаются из многих источников, вместо же 4-й называют 6-ю. (Начальниками 2-й и 3-й армий называют маршала Нодзу и генерала Оку.)

Телеграммой из Петербурга генерал-майор Ванновский передает извлечение из полученной из Сеула телеграммы, в котором говорится, что около 11 марта нового стиля Япония сосредоточит в Северной Корее 150 тысяч и Пеньян предполагается сделать базой всех операций на севере.

В той же телеграмме передан и предполагаемый план действий в Корее японцев, состоящий в следующем: сосредоточить у Пеньяна значительную армию с авангардами по р. Чинчангану и здесь выжидать наступления русских; если же это наступление не последует, то в свою очередь начать движение к р. Ялу. Возможно, что одновременно с этим будет двинута от Гензана по побережью на Владивосток особая колонна.

Вместе с тем наш военный агент во Франции, со слов полковника Маршана, сообщает, что одновременно с утверждением 1-й японской армии на берегах Ялу, 2-я армия в пять дивизий, около 60—70 тысяч войск, должна произвести быструю высадку у Ньючжуана (Инкоу) с целью энергичного наступления на Дашичао — Хайчен — Ляоян и далее к Мукдену, где должно произойти соединение ее с 1-й армией, которая одновременно поведет быстрое наступление от р. Ялу к Мукдену. В то же время в направлении к Порт-Артуру и Владивостоку будут высланы заслоны.

И. д. генерал-квартирмейстера генерального штаба
полковник Орановский.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 39—40.

Ген. Алексеев — Николаю II
Донесение

15 (28) марта 1904 г.

В составленном в конце 1903 года и одобренном плане стратегического развертывания наших войск Дальнего Востока в случае войны с Японией принималось, исходя частью из теоретических соображений, частью из имевшихся в то время сведений о боевой готовности японской армии, что к половине второго месяца от начала мобилизации не менее половины японской армии может быть сосредоточено у р. Ялу. Усиленные приготовления к войне, предпринятые Японией в последние месяцы, предшествовавшие действительному разрыву, и в том числе сбор и зафрахтование большого числа транспортов давали основание предполагать, что сосредоточение японской армии к Ялу произойдет еще ранее срока, предусмотренного вышеупомянутым планом. Таким образом, с началом военных действий можно было ожидать, что к 15 марта на Ялу будет сосредоточено от 6 до 8 дивизий японской армии. Поэтому и все наши усилия по сосредоточению армии были направлены к тому, чтобы к 15 марта собрать в Южной Маньчжурии силы, достаточные для отпора неприятельскому вторжению и обеспечения Порт-Артура и укрепленного района от атаки десанта. Начало военных действий застало наши вооруженные силы Дальнего Востока в весьма слабой степени готовности: мобилизована, да и то не вполне, была только одна 3-я стрелковая бригада, остальные войска, разбросанные по всей обширной территории Приамурского округа и Маньчжурии, состояли на мирном положении и, уволив в запас людей старшего срока службы, не успели даже получить всех своих новобранцев.

С соизволения вашего 18 января, за 9 дней до начала военных действий, было приступлено к перевозке 3-й стрелковой бригады в район Ляоян—Хайчен, и в то же время началось образование в Фынхуанчене продовольственного магазина. Благодаря этой мере в 1-й день мобилизации у

нас в Южной Маньчжурии было сосредоточено $7\frac{1}{2}$ батальонов, 4 сотни казаков, 16 пеших и 6 конных орудий. Присутствие этой силы имело для нас благоприятное значение, но дальнейшие условия сосредоточения, по-видимому, складывались не в нашу пользу. Последовавшее распоряжение об экстренном формировании из войск Дальнего Востока новой 9-й бригады, прибытие из Европейской России укомплектования разных наименований, необходимость выдвижения вторых бригад, 31-й и 35-й, из Приморской области в Харбин навстречу своим пополнениям, объявление в сибирских губерниях мобилизации пятью днями позже, сравнительно с областями Дальнего Востока, а главное выяснившаяся в последнее, предшествовавшее войне, время неготовность Китайской Восточной дороги к усиленному воинскому движению — все это настолько нарушило составленные планы перевозок по мобилизации и сосредоточению, что их пришлось в кратчайший срок переработать совершенно заново. По первоначальному плану к 15 марта, т. е. к 43-му дню мобилизации, считая таковую со дня, назначенного для сибирских губерний, в Южной Маньчжурии могло быть сосредоточено не более 40 батальонов, 24 сотен и 136 орудий. С этими силами надлежало дать отпор неприятельской армии, появление коей ожидалось к Ялу в числе 70—90 батальонов при 250—300 орудиях, не теряя из виду, в случае надобности, отражать высадки в Ляодунском заливе и сохранить достаточно сильное ядро для подкрепления того или другого фронта. Однако, благодаря постоянно принимаемым мерам к ускорению передвижения войск, часть коих направляется походным порядком, успех сосредоточения превзошел все ожидания, так как к утру 15 марта в Южной Маньчжурии в полевой армии уже имеется $54\frac{3}{4}$ батальонов, $38\frac{1}{2}$ эскадронов и сотен, 152 орудия и сверх того из района сосредоточения было еще отправлено 4 батальона для усиления гарнизона Квантунского укрепленного района.

Присутствие в Южной Маньчжурии такой серьезной силы действительно обеспечивает как возможность отпора с нашей стороны, так и выручку Артура, если бы неприятель избрал его объектом отдельной операции. Значительное число конницы дает возможность вести энергичную разведку и задерживать дальнейшее наступление неприятеля действиями на его сообщения. Квантунский укрепленный район, усиленный вновь введенными укреплениями и батареями, обороняемый не входящим в состав полевой армии гарнизоном в 25 батальонов пехоты, которые в скором времени усилятся еще пятью третьими батальонами, ныне может быть признан вполне обеспеченным от атаки открытой силой, особенно при наличии минных заграждений у наиболее недоступных мест его побережий. Последовавшее уже усиление, благодаря передаче через Байкал и по Уссурийской дороге, подвижного состава Китайской Восточной дороги значительно увеличивает провозоспособность последней и дает основание рассчитывать на дальнейший непрерывный подвоз подкреплений, которые к 1 апреля доведут силы Маньчжурской армии до 80 батальонов пехоты, не считая войск Квантунского укрепленного района. Такая сила уже вполне обеспечивает

успех действий против японской армии и полное спокойствие Маньчжурии и даст возможность в случае надобности угрожать Китаю...

Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 41—43.

**Телеграмма С. О. Макарова —
управляющему морским Министерством Авелану
18 марта 1904 г.**

Просил бы теперь же напечатать мою книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики» для раздачи ее командирам, дабы они ознакомились со взглядами своего начальника. Книга нужна теперь, а не в будущем году; не допускаю мысли, что Министерство не может теперь же найти 500 рублей, и отказ в напечатании понимаю, как неодобрение моих взглядов на ведение войны, а посему, если моя книга не может быть напечатана теперь, то прошу заменить меня другим адмиралом, который пользуется доверием высшего начальства.

Подписал: Вице-Адмирал Макаров.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2. С. 26.

**Телеграмма наместника Е. И. В. Алексеева —
управляющему морским Министерством Авелану
21 марта 1904 г.**

Из разговоров с адмиралом Макаровым — отказ издать его тактику он считает обидным служебному самолюбию и признаком недоверия. При настоящем положении, признаю необходимым устранить это вероятное недоумение — вашим согласием исполнить его просьбу.

Подписал: Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2. С. 26.

**Телеграмма временно исполняющего делами командующего флотом
Тихого океана — наместнику Е. И. В.
31 марта 1904 г.**

В 10-м часу, во время маневрирования эскадры на порт-артурском рейде в виду неприятельского флота, броненосец «Петропавловск», под флагом Командующего флотом, со взрывом взлетел на воздух; через две минуты броненосец потонул. Погибли: Командующий флотом, Начальник шта-

ба, большинство офицеров и команды. Великий Князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, командир Яковлев, лейтенанты — Унковский, Дукельский, Иениш, мичманы — Владимир Шмидт, Шлиппе, 52 матроса — спасены шлюпками. Подобраны тела: капитана 2 ранга Васильева, мичманов — Акимова, Бурачка, доктора Волковича. Из числа миноносцев, высланных вчера на ночную экспедицию, миноносец «Страшный», за ненастной погодой отделившись от отряда, при возвращении в Порт-Артур был окружен четырьмя неприятельскими миноносцами и в бою с ними погиб в 6 час. 30 мин. утра. Спасены 5 человек. После гибели «Петропавловска» временно вступил в исполнение обязанностей Командующего флотом. При перестроении эскадры в строй кильватера на линию входного створа, наиболее обследованного и протраленного, броненосец «Победа» получил взрыв мины в середину правого борта, как полагают, от поставленной ночью японцами мины или от мины с подводной лодки. Броненосец, имея крен, самостоятельно вошел в гавань; залиты водой две угольных ямы; убитых и раненых нет.

Подписал: Контр-Адмирал Князь Ухтомский.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2. С. 139.

Справка о предполагаемых причинах гибели эскадренного броненосца «Петропавловск»

Согласно запроса Вашего Высокоблагородия, доношу, что вопросы — какие части броненосца «Петропавловск» и какие взрывчатые вещества на нем дали внутренний взрыв, а равно и самые причины внутреннего взрыва, последовавшего тотчас за взрывом неприятельской мины, — были мной уже разобраны в собрании старших минных офицеров броненосцев.

Все присутствовавшие минные офицеры единогласно высказали следующее:

1) По описанию очевидцев первоначального взрыва, он произошел под носовой частью броненосца, у отделения подводных минных аппаратов и находившегося под ним отделения мин заграждения.

2) Взрыв мины у броненосца, вероятно, вызвал непосредственной детонацией взрыв всего минного погреба мин заграждения, хранившихся со вставленными запальными стаканами. Детонационный взрыв произошел вследствие устройства минного погреба, стеллажи которого были расположены у бортов, причем мины, лежащие на них, соприкасались плотно с наружным бортом.

3) Кроме того, возможно, что взрыв минного погреба последовал не тотчас за взрывом неприятельской мины, а после взрыва своей мины в подводном аппарате. Последняя, при взрыве неприятельской мины, могла взорваться непосредственно от действия своего ударника, на который отразился удар взрыва.

Так как от центра зарядного отделения мины, вложенной в аппарат, до мин заграждения, лежащих на верхних стеллажах расположенного внизу погреба, было на броненосце «Петропавловск» всего около 5 футов, то детонация на минный погреб могла быть и от взрыва мины в подводном аппарате, передавшись по железу корпуса броненосца.

4) Прилегающие рядом погреба 12-ти дюймовых снарядов, с сухим пироксилином, могли тоже принять детонацию от столь сильного взрыва, каким был взрыв минного погреба. Разрушив переборки, снаряды зажгли своим взрывом соседние пороховые погреба.

5) Сотрясения и удары при взрывах указанных всех отделений не могли не передаться через изоляционное отделение на близкие к погребам кочегарные помещения, что, вероятно, вызвало взрыв котлов, обусловивши столь быструю гибель броненосца.

Подписал: И. д. Флагманского минера
Лейтенант Савинский.

Русско-японская война. 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2. С. 166.

Описание военных действий 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии 18 апреля (1 мая) 1904 г.

После дневной бомбардировки Тюрненческой позиции 17 апреля чувствовалось, что наступление неприятеля близко. Штаб 3-й дивизии переместился в тыл Тюрненческой позиции и расположился в узле дорог на Тензы, Потэтынзы и Тюрненчен у р. Хантуходзы в поле; телеграф из Тюрненчена переведен на одну версту ближе. Жестокая бомбардировка 17 апреля, продолжавшаяся до 5 часов вечера и вынесшая из строя до 85 человек, доставила много хлопот, принудила очистить д. Тюрненчен и в ожидании боя отправить в тыл обозы. Письменной диспозиции на 18 апреля отдано не было, а распоряжения на случай боя переданы были начальникам участков. Начальнику Тюрненческого участка полковнику Цыбульскому, вызванному в штаб дивизии, отданы следующие приказания: 1) ночью усилить охранение на Матуцео, 2) в окопах держать до утра только дежурные взводы, 3) 2-ю батарею 6-й артиллерийской бригады поставить на новую позицию правее старой китайской импани, 4) обозы 1-го разряда и перевязочный пункт поставить на дороге в Тензы.

Начальник отряда у Потэтынзы полковник Громов в 11 часов 50 минут вечера доносил следующее о сосредоточении японцев у Хусанских высот: с высоты вновь избранной артиллерийской позиции у Потэтынзы можно было наблюдать выше Ичжоуского утеса переправу значительных масс пехоты и примерно трех батарей не на выюках, слышен был стук колес на правом берегу Ялу...

Расположение войск Тюрненческого отряда в ночь на 18 апреля было следующее:

В центре, левее Телеграфной горы, за своими окопами были расположены 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 9-я и 12-я роты полка; ближайшей поддержкой им служили 7-я и 8-я роты того же полка. Правее Тюренчена в передовой линии была расположена 6-я рота 11-го полка и 8-я рота 24-го полка под общей командой подполковника Яблочкина. В частном резерве их находились 5-я и 8-я роты 11-го полка. В общем резерве Тюренченского участка находились 1-я, 5-я, 10-я и 11-я роты 12-го полка и охотничьи команды 10-го и 12-го полков, расположившиеся вблизи штаба. Тут же стала и пулеметная рота. Позиция у Потэтынзы была занята девятью ротами 22-го полка и 7-й ротой 11-го полка, находившейся в береговых окопах у р. Эйхо. Вечером 17 апреля полковник Громов отодвинул батарею на 200 сажен к югу, в горы, дабы предохранить ее от жестокого шрапнельного огня, которым она была обстреляна утром.

У Чингоу стояли три роты 22-го полка и два орудия 3-й батареи 6-й артиллерийской бригады, охраняя переправу и дорогу из д. Цуан-санди. Для связи с Потэтынзским отрядом и сего последнего с Чингоуским были выставлены посты от охотничьей команды 12-го полка.

Около 11 часов вечера в штаб дивизии вновь явился командир 12-го полка полковник Цыбульский и доложил, что есть все данные предполагать завтра штурм позиции; что силы японцев, несомненно, превосходны; что полк понес уже значительные потери от бомбардировки 17-го; что снаряды осадных орудий прямо невыносимы для пехоты и что он не ручается, что спокойно ответит войска с своих позиций, что окопы невозможно занимать, так как завтра японцы специально будут их обстреливать.

После обсуждения этого вопроса с начальником моего штаба я послал следующую телеграмму в Санчен начальнику отряда.

«При сегодняшней (17 апреля) бомбардировке Тюренчена 6 осадными орудиями и по крайней мере 6 батареями полевых орудий, продолжавшейся с 10 часов 20 минут утра, с краткими перерывами, до 5 часов 30 минут вечера, причем выброшено на Тюренченскую позицию не менее 2 000 снарядов, Тюренченский отряд не понес больших потерь благодаря лишь тому, что артиллерийский огонь японцев был исключительно направлен на батареи у Тюренчена и частью на места, где предполагались резервы, которые и понесли значительные потери. Половина отряда занимала береговые окопы, сегодня по окопам не стреляли, вероятно не заметив перехода в окопы. После 3 часов начали стрелять исключительно из осадных орудий, причем забросали положительно огромную площадь тыла позиции, очевидно, предполагая отступление обозов и отряда. Сегодня ночью, очевидно, полевые батареи будут переброшены на острова, и нужно думать, что обстреляют все окопы, которые, вероятно, им хорошо известны. При таких условиях отряд будет играть пассивную роль и нести большие потери, которые даже трудно предугадать. Соглашаясь с мнением начальника участка обороны, я полагал бы своевременным занять следующие за Тюренченом возвышенности этой же ночью, оставив в передовой линии охранение, которое с рассветом отойдет.

Стратегического положения не касаюсь, так как оно вашему превосходительству известно лучше меня.

2-я батарея и сегодня понесла большие потери и через 15 минут замолчала. Подробности о потерях донесу дополнительно. Прошу немедленного указания. Генерал Кашталинский».

В ответ на это я получил следующую телеграмму от начальника штаба Восточного отряда.

«Срочно генералу Кашталинскому.

Начальник отряда приказал людей с занимаемых мест никуда не уводить и только в случае бомбардировки, в начале ее, разрешил, оставив сторожевое охранение, отвести людей сажень на 100, на 200 далее на ближайшие возвышенности с целью скрыть, но не уходить. 220. Полковник Орановский».

Таким образом, бой 18 апреля должен был быть упорным, так как в случае наступления превосходных сил предстояло успеть отодвинуть войска из Шахедзы и, главное, успеть эвакуировать 9-й госпиталь, лазарет, этап № 8 с его запасами и значительные запасы зерна, закупленные в Шахедзах.

Никаких распоряжений из штаба отряда о том, чтобы убирать тыл, я не получил.

В 3 часа ночи я получил донесение из 12-го полка о том, что на островах слышен стук колес, шум переправы и грохот перевозимых по мостам орудий. Видно было, что японцы готовились к штурму.

Ровно в 5 часов утра, с восходом солнца, раздался первый залп неприятеля по Тюренченской позиции. Эта позиция обстреливалась как с фронта, с островов, так и с двурогой горы, на которой была ночью поставлена батарея, место для которой видел еще 16 апреля начальник штаба дивизии подполковник Линда после занятия Хусанских высот.

Ход боя. Вслед затем, около 5 с половиной часов утра, шрапнельный огонь был направлен к стороне Потэтынзы. Ход боя пока по донесениям и опросам командира 12-го полка и оставшихся в живых батальонных и ротных командиров представляется в следующем виде.

Центр

С рассветом сторожевые роты 2-я, 3-я, 4-я и 6-я отошли в свои окопы. В начале 6-го часа утра были замечены на левом берегу Эйхо редкие цепи японцев, за которыми шли густые колонны пехоты. По ним был сначала открыт сильный залповый, а затем и пачечный огонь. Роты в окопах терпели сильный урон от шрапнельного продольного огня. Полковником Цыбульским постепенно были влиты в боевую линию 5-я, 10-я и 11-я роты.

Около 8 часов утра японцы под прикрытием сильного флангового огня вылезли на берег и вскоре роты боевой линии стали, не ожидая штыковой схватки, отходить из окопов на следующие возвышенности.

Увидев отступающие части 12-го полка, я в 9 часов утра приказал занять для поддержки отступающих тыловую позицию, на которой были поставле-

ны 4 орудия в центре, справа пулеметная рота, 7-я и 8-я роты 12-го полка и слева — части рот боевой линии: 2-я, 3-я и 5-я роты 12-го полка.

Для продольного обстреливания долины р. Хантуходзы были поставлены 3 орудия 2-й батареи 6-й артиллерийской бригады (четвертое орудие было подбито 17 апреля и оставлено при зарядных ящиках).

Расстроенные боем 4-я, 6-я, 9-я, 10-я и 12-я роты 12-го полка и 1-я рота, находившаяся при знамени, отошли в резерв за тыловую позицию. Около 4 часов утра на позиции батальона 11-го полка приехал начальник отряда генерал Засулич со штабом и затем в начале 6-го подъехал к штабу дивизии. Узнав о движении сильных японских колонн, начальник отряда послал старшего адъютанта штаба дивизии генерального штаба капитана Кржеминского к резерву в Тензы с приказанием немедленно привести остальные два батальона 11-го полка и 3-ю батарею 3-й артиллерийской бригады, после чего уехал с позиции к резерву. Это было в 7 часов 25 минут утра. Подкрепления эти из резерва могли прибыть не раньше 11 часов утра. Расстановку войск на второй позиции делал я лично в сопровождении моего начальника штаба. К 10 часам к левому флангу подоברались около 4 сборных рот 12-го полка.

Наступление японских колонн с Тюренченских высот было остановлено сильным огнем 2-й батареи и пулеметов. Бой в центре затих. Еще в 9 часов утра для наблюдения была послана охотничья команда 10-го полка на правый фланг к д. Дзиньпао. Не получая донесений от полковника Громова и имея в виду, что у Чингоу стоит целый батальон и 2 орудия с конными охотниками, я не беспокоился за левый фланг; лишь около 10 часов утра, случайно узнав, что 22-й полк отступил, я немедленно двинул к Чингоу охотничью команду 12-го полка, от которой и получил первые донесения об обходе японцев.

Бой на правом фланге Тюренченского участка велся в таком порядке: около 6 часов утра был открыт огонь по наступающим японским колоннам, которые обстреливались в течение часа 5-й и 6-й ротами 11-го полка и пешей охотничьей командой поручика Остапенко. Около 8 часов утра подполковник Яблочкин узнал, что 6-я рота 12-го полка уже отошла с передовых позиций, почему, согласно полученным указаниям полковника Цыбульского, приказал 6-й роте и пешим охотникам отходить, причем сообщил 8-й роте 24-го полка, чтобы она отходила на Тензы.

В это время японцы занимали уже Тюренченские высоты; в 9 часов 15 минут получено личное приказание полковника Цыбульского остановиться и прикрыть отход рот 12-го полка. Отход этот прикрыла 6-я рота 11-го полка, имея в резерве 5-ю. 6-я рота стреляла около 25 минут, находясь сама под сильным огнем японцев. Здесь были ранены командир батальона подполковник Яблочкин, командир роты капитан Булгаков и поручики Бужинский и Сычев.

Остановив наступление японцев и не получая дальнейших приказаний, батальон в 10 часов утра начал отходить в Тензы, кроме 8-й роты, занявшей позиции в тылу.

Бой у Потэтынзы.

Еще 16 апреля расположение 22-го полка и 3-й батареи было осмотрено начальником штаба дивизии и позиция для обороны бродов признана вполне соответствующей своей цели. Вечером 17 апреля войска были отодвинуты к югу, как сказано выше в донесении полковника Громова № 52. Ход боя у Потэтынзы излагаю по показаниям штабс-капитана 7-й роты 11-го полка Антоновича, который участвовал в этом деле. «В береговых окопах у Эйхо находилась только 7-я рота 11-го полка, которая не спала целую ночь. Дальнейшего охранения впереди роты выставлено не было. Около 5 часов утра японцы открыли шрапнельный огонь с батарей на островах по окопу и батарее. Наша батарея стала ей отвечать, но скоро замолчала. В это же время с Хусанских высот двинулась, прикрываясь цепью, японская колонна. Роты на позиции открыли огонь, но уже около 6 часов утра огонь прекратился, и я узнал, что роты уходят в горы. Тогда и 7-я рота 11-го полка, понесшая потери и потерявшая ротного командира, вышла из окопов и отступила через горы в долину Тензы, куда и прибыла только к 5 часам вечера». Донесения об отступлении 22-го полка я утром не получил.

Около 11 часов утра, ожидая подхода 11-го полка, я поехал осмотреть назначенную его позицию на высоте 84,1 и здесь ко мне подсказал лазаретный фельдшер 6-й дивизии на буланой лошади и спросил, куда двигаться лазарету, прибавив, что начальник штаба отряда приказал двигаться на Лошагоу. Я сказал, что туда и двигаться. Фельдшер прибавил, что 22-й полк разбит, что в Лошагоу японцы, что батарея взята и знамя потеряно.

Я немедленно вызвал охотничью команду 12-го полка, занявшую перед тем по моему указанию тыловую позицию для прикрытия отхода 12-го полка, и приказал ей на рысях отправиться на наш левый фланг для выяснения, что там происходит.

Сведения эти я передал подъехавшему вскоре начальнику моего штаба. Вскоре было получено донесение поручика Янчиса, что японская колонна силой около полка движется от Чингоу на Лауфангоу, а за ней видны 3 эскадрона кавалерии. В это время подошел уже 11-й полк и 3-я батарея, ставшие в резервном порядке в долине восточнее высоты 84,1. Немедленно командир полка, командир 3-й батареи, начальник штаба и генерального штаба капитан Кржеминский поехали на указанную мной вершину 84,1. Я, страдая страшной головной болью вследствие полученной накануне контузии, остался внизу. Когда возвратились посланные мной лица, я приказал командиру 11-го полка занять позицию фронтом на северо-запад; командир батареи подполковник Муравский вернулся к своей батарее. Я с капитаном Кржеминским поехал к ущелью по дороге на Чингоу, так как считал этот фланг более угрожающим для всего отряда. Вся эта дорога уже обстреливалась в это время огнем засевших на вершинах японцев. Встретив подполковника Муравского, я приказал ему идти обратно к резерву в Тензы. Отъехав небольшое расстояние, я встретил генерального штаба капитана Ярона, который передал приказание начальника отряда «отступить».

Здесь я встретил роту 22-го полка, которой приказал занять высоту фронтом на север против обходящих колонн, но как только я отъехал, то, как мне доложил капитан Кржеминский, рота с началом огня японцев отступила.

Одновременно я послал начальнику моего штаба, оставшемуся при арьергарде, письменное приказание вывести оставшиеся войска с арьергардной позиции.

Начальник штаба подполковник Линда лично на позиции, обстреливаемой уже шрапнельным огнем от Тюренчена, установил порядок отхода войск. Вначале были отведены стоящие в резерве роты 12-го полка, затем отведены пулеметная рота, батарея штабс-капитана Сапожникова и остальные роты 12-го полка. Последней должна была отойти 5-я рота 12-го полка, которой было отдано приказание стоять до особого распоряжения. Рота эта понесла 75% потерь.

Кроме сего 2 орудия 3-й батареи 3-й бригады с прикрытием полуроты 11-го полка были поставлены на позиции для обстреливания ущелья в долину р. Хантуходзы с приказанием «остаться до конца». Взвод этот под командой храброго поручика Костенко честно выполнил свою задачу и потерял половину людей и всех лошадей. Поручик Костенко убит.

Пулеметная рота, следуя в походной колонне, благополучно миновала гору 84,1, но при выходе в ложину была обстреляна зашедшими в тыл японскими цепями, почему по инициативе командира роты стала на позицию: за ней в походной колонне двинулась батарея подполковника Муравского (6 орудий); пропустив зарядные ящики карьером по обстреливаемой долине, он благополучно их отвел. В орудиях, пушенных также карьером, сразу было перебито несколько лошадей и много прислуги, вследствие чего батарея остановилась. Тогда подполковник Муравский поставил ее на ближайшей позиции и стал обстреливать японцев, но вскоре был убит, а с ним перебита и половина прислуги. На арьергардной позиции фронтом на восток последней осталась 5-я рота 12-го полка, 2 орудия 3-й батареи и в прикрытии к орудиям полурота 3-й роты 11-го полка, которым было приказано стоять на позиции до конца и умереть на орудиях.

О силе нашего ружейного огня свидетельствуют следующие данные о расходе патронов. В 12-м полку уже на первой позиции был расстрелян в ротах первой линии весь боевой комплект и потребовались патронные двуколки. Патронные двуколки направились на позицию в 5 часов утра по моему приказанию. На второй позиции патроны были пополнены уже из двуколок. В 11-м полку в короткий период боя — с 11 часов утра до часу дня — также был расстрелян весь боевой комплект и на позиции были притянуты ротные и батальонные двуколки, совершенно опорожненные к концу боя. Пулеметная рота к концу боя расстреляла почти весь запас своих лент с патронами (до 40 000 патронов). Считая, что дралось не менее 5000 бойцов (в 11-м и 12-м полках) и полагая даже по 150 патронов на винтовку, выйдет, что за бой 18 апреля 2-я бригада 3-й дивизии вместе с пулеметами выпустила до 800 000 патронов.

Тяжкие потери 11-го и 12-го полков и потеря орудий и пулеметов объясняются слишком быстрым обходом левого фланга позиции как от д. Потэтынзы, так и от д. Чингоу. Два батальона 22-го полка, оборонявшие броды у Потэтынзы, слишком быстро очистили позиции, и об уходе их я не имел сведений до 11 часов утра, когда японский обход был уже глубоким. Первое донесение от полковника Громова, посланное неизвестно откуда в 12 часов 15 минут утра, получено вечером, около 4 часов дня, 18 апреля, когда бой кончался. Донесение гласило:

«Согласно полученному распоряжению прошел от Потэтынзы к Чингоу, причем дорога по правому берегу Эйхо была занята, пришлось отходить горами. Подойдя к Чингоу, заметил отступающий взвод артиллерии. Приказал отступить Чингоускому отряду; нахожусь теперь на дороге на Тензы; дорога на Лошагоу оказалась занятой, отступаю на Тензы». Подписал полковник Громов.

Приводя это совершенно неясное и запоздалое донесение, должен сказать, что путь отступления отряда у Потэтынзы на Чингоу—Лошагоу был указан много ранее, согласно указанию штаба отряда. В день же боя я, не получая никаких донесений от полковника Громова, не давал ему уже никаких новых распоряжений. Батальон 22-го полка, оборонявший позицию у Чингоу, почти не защищал ее. Ввиду следования 22-го полка при отступлении от Ялу к Феншуйлинскому перевалу особой колонной, я не имел возможности разобрать подробности дела у Чингоу, но, по рассказу раненого командира взвода 3-й батареи 6-й артиллерийской бригады поручика Шеляпина, стоявшего с двумя орудиями на позиции Чингоу, дело представляется в следующем виде. Два орудия у Чингоу и батальон 22-го полка были поставлены на позиции д. Чингоу, выбранной полковником Громовым весьма неудачно, так как из окопов нельзя было обстреливать долину, по которой на левом берегу Эйхо должен был наступать неприятель. С восходом солнца 18 апреля японские цепи стали обстреливать с левого берега Эйхо орудия, причем были выведены из строя 4 человека прислуги и ранен командир взвода поручик Шеляпин. Батальон, открывший было огонь, стал быстро отступать, а за ним ускакали и два орудия, избрав путь из Чингоу на Тензы в тылу позиции у Потэтынзы; в горах он встретил роты 22-го полка, идущие вразброд, и, вероятно, в это время уже началось общее беспорядочное движение 22-го полка через горы в долину к селению Тензы. Должен также указать, что отряд, стоявший у Амбихэ и отошедший, как я узнал после, еще 16 апреля к д. Хунсилаз в 22 верстах от штаба отряда, видимо, не вел 17 апреля разведки и наблюдения неприятеля и ничего не донес штабу отряда о движении японцев, несмотря на то, что в составе этого отряда, кроме охотничьей команды, возвращенной к полку еще 16 апреля, по моему приказанию, находились еще 1-я и 2-я сотни Уссурийского полка.

Слишком быстрое отступление отрядов от Чингоу и Потэтынзы, о чем не было донесено ни мне, ни в штаб отряда, позволило японской колонне быстро наступать в обход моего левого фланга. С другой стороны, отлично сознавая, что раз японцы утвердились 17 апреля на правом берегу Ялу и что

отступить без боя теперь уже невозможно и быстрое отступление Тюренченского отряда позволило бы японским колоннам, при их огромном превосходстве в силах, проникнуть в долину Тензы и этим поставило бы весь Восточный отряд в опасное положение быть отрезанным от Фынхуанчена и даже быть окруженным, я считал необходимым упорно удерживаться на тыловой позиции, не обращая внимания на обход японцев, дабы, пожертвовав частью отряда, дать возможность отойти спокойно Шахедэскому отряду и дать время убрать наш тыл. Потери Тюренченского отряда 18 апреля и людьми и материальными велики, но они сделаны сознательно ради пользы общего дела. Полагаю, что японцы не могут особенно гордиться этой победой 40-тысячной армии против 8-тысячного отряда, из которых в сущности на позициях дралось только 6 батальонов 12-го и 11-го полков.

В этом тяжелом бою все чины Тюренченского отряда, виденные мной, вели себя согласно долгу и присяге. Пехота и артиллерия соперничали в уменье умирать, и Тюренченский бой имеет целый ряд эпических сцен, которые станут достоянием истории 11-го и 12-го полков и батарей, участвовавших в бою.

Начальник генерального штаба подполковник Линда. Феншуйлинский перевал.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 56—62.

Ген. Алексеев — ген. Куропаткину

Предписание

Ляоян, 29 апреля (12 мая) 1904 г.

Телеграммой от 28 сего апреля государю императору, ввиду последовавшего с переходом японцев через Ялу и высадкой их у Бицзыво изменения нашего стратегического положения, благоугодно было указать мне, что его величество признает необходимым произвести быстрое и возможно полное сосредоточение Маньчжурской армии. Его величество изволит полагать, что, стянув пять стрелковых дивизий, две европейские бригады и 12 батальонов 1-й Сибирской дивизии, мы можем сосредоточить 88 батальонов, что вполне достаточно для борьбы не только с одной, но и с двумя японскими армиями. О таковой высочайшей воле сообщая вашему высокопревосходительству для руководства, прошу, кроме уже отходящей к Аньчанжану 1-й стрелковой дивизии, отозвать немедленно к главным силам армии также и отряд генерал-майора Зыкова, оставив для наблюдения за противником, высадившимся со стороны Бицзыво, лишь кавалерийские части по вашему усмотрению. Что же касается до отрядов, занимающих Инкоу, Гайчжоу и Дашицяо, то о них я не замедлю дать дополнительные указания.

Генерал-адъютант Алексеев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 75.

15 (28) мая — 22 мая (4 июня) 1904 г.

...В начале истекшей недели получены известия о взятии неприятелем после 5-дневного упорного боя и 16-часового кровопролитного штурма Цзиньчжоуской позиции, прикрывавшей доступ на Квантунский полуостров.

Даже японские донесения указывают, что этот успех достигнут ценой огромных потерь. По официальным сведениям, генерал Оку, штурмовавший позицию у Цзиньчжоу, потерял 3—4 тысячи человек. Цифра, конечно, неверная и, быть может, показывающая лишь потери убитыми. Источники неофициального происхождения определяют убыль 2-й японской армии во все время боев у Цзиньчжоу в 12—15 тысяч человек.

Отсутствие подробного донесения от генерала Стесселя не дает возможности определить, вынуждены ли были наши войска сразу же отойти в Порт-Артур, или же они еще замедляют на передовых позициях приближение неприятеля к крепости, действия под которой приобретают в данный период кампании первенствующее значение для обеих сторон.

Квантунский отряд

О событиях, происшедших в районе действий Квантунского отряда и закончившихся занятием японцами Цзиньчжоуской позиции, от генерал-лейтенанта Стесселя получено лишь 20 мая весьма краткое донесение, по которому нельзя составить представления о ходе боя и даже о составе и силе тех войск, которые были сосредоточены нами на позиции. Обильны по числу и обширны донесения командующего 2-ю японскою армиею, но и они касаются более свойств позиции и тех препятствий, которые устроены были русскими впереди нее, чем описаний действий подчиненных ему войск. Последняя сторона донесений представляется отрывочной, умышленно затуманенной.

Из японских донесений видно, что ряд боев, сопровождавших приближение неприятеля к Цзиньчжоуской позиции, начался еще 8 мая, но где происходили эти бои, какие передовые пункты и позиции оборонялись русскими войсками, — сведений не имеется. 9-го, по-видимому, продолжался бой за передовые позиции, которые были избраны японцами для расположения своей артиллерии.

10 и 11 мая производились разведки и установка артиллерии на высотах, тянувшихся к северо-востоку от позиции. Решительный бой начался 12-го числа и продолжался до 8 часов вечера 13-го, причем 12-го же в бухту Цзиньчжоу прибыла флотилия из двух канонерских лодок 1-го класса, двух 2-го класса и шести миноносцев, но сильный ветер и волнение помешали им принять в тот же день участие в сражении.

Сильная с фронта Цзиньчжоуская позиция, укрепленная нашими войсками, усиленная искусственными препятствиями, минами и фугасами, имеет крупный недостаток — поражаемость в тыл и левый фланг с мелкосидящих судов, если атакующий имеет возможность прибегнуть к их содействию. При последнем условии упорная оборона позиции представляется крайне трудной, и задача, которую может принять на себя находящийся на позиции отряд, должна быть ограничена лишь более или менее продолжительным замедлени-

ем наступления противника, избравшего целью своих действий Порт-Артур.

Во всяком случае уже 12 мая японцы произвели атаку, отбитую защитниками.

В полночь 13-го перед позицией развернулись: 4-я дивизия на правом фланге, примыкая к берегу залива, 1-я в центре и 3-я на левом фланге. В бурную погоду японцы начали приближаться к позиции, и в 5 часов утра начался бой за передовой пункт позиции — городок Цзиньчжоу, в скором времени очищенный занимавшими его, по всем признакам, ничтожными силами.

В 6 часов утра открыли огонь свыше 100 орудий, развернутых перед фронтом позиции, и тяжелая артиллерия канонерских лодок, подошедших на дистанцию хорошего выстрела. Этот огонь «совершенно уничтожил наши батареи на позиции», говорит в своем донесении генерал Стессель, и открыл своей пехоте возможность приблизиться на 400—700 шагов к укреплениям. Но, прежде чем настала эта минута, наша артиллерия и орудия канонерки «Бобр», находившейся в бухте Хунуэза, сделали свое дело, «нанеся японцам громадные потери».

Можно предполагать, что, надвинувшись на дистанцию 400—700 шагов ранее 11 часов утра, японская пехота произвела немало попыток к овладению позицией, но была отбиваема с большими потерями.

Ввиду этого до 5 часов вечера японцы продолжали обстреливание позиции с моря и с высот, и только в 7 часов вечера двинули 4-ю дивизию в охват позиции слева по мелкой воде (глубина выше пояса) Цзиньчжоуского залива, обеспечивая это движение огнем флотилии. Этот маневр решил дело. Не имея возможности использовать свои фугасы и мины или отбросить обходящего контратакою, лишившись содействия артиллерии, генерал Стессель «приказал постепенно очищать позицию». Оставшиеся еще целыми орудия взорваны и испорчены.

В 7 часов вечера, по японским сведениям, неприятель достиг центра позиции, очищаемой нашими войсками.

Настойчивость, с которой японцы вели атаку, свойства местности, заблаговременность подготовки позиции — все это говорит за то, что успех куплен атакующими очень дорогою ценою, далеко превышающей ту цифру, которую выставил командующий 2-й армией в своем донесении ($3\frac{1}{2}$ — 4 тысячи).

По донесению генерала Стесселя, из рядов защитников выбыло из строя убитыми и ранеными до 3 офицеров и 800 нижних чинов. Если эта цифра определяет действительные наши потери, то можно сказать, что они невелики и вполне окупаются достигнутыми результатами. По свидетельству самого противника, отступление произведено в полном порядке, и полевая артиллерия, занимая арьергардные позиции, положила предел дальнейшему движению японцев, принужденных отказаться от преследования.

Сведения генерала Стесселя ничего не говорят о событиях 14 и 15 мая, и неизвестно, до каких пунктов достигли японские войска и какие ближайшие задачи ставит себе Квантунский отряд.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 81—83.

Разведывательная сводка штаба Маньчжурской армии

16 (29) августа 1904 г., 2 часа.

1-я армия Куроки

- 1) В окрестностях с. Таампин — 1 дивизия (12 августа).
- 2) У д. Ванбатай — 1 дивизия с горной артиллерией (15 августа).
- 3) У с. Сяолинцзы — от бригады до дивизии (15 августа).
- 4) У Ляндянсаня — 3 полка (13 августа).
- 5) В районе Хэцзяпуза—Липию—Хуанлиган — около дивизии (11 августа).
- 6) У д. Холунгоу — дивизия (11 августа).

4-я армия Нодзу

- 1) У дд. Кофынцы—Катасы — дивизия (13 августа).
- 2) По дороге Катасы—Павшугоу — дивизия (13 августа).
- 3) В окрестностях Титуню — дивизия (12 августа).
- 4) У дд. Тыашентунь—Коуцзяпуцзы — бригада (12 августа).

2-я армия Оку

- 1) У д. Фыцзятырл — 1 дивизия (13 августа).
- 2) У д. Туйдесы — 1 дивизия (14 августа) из числа двух, бывших 13 августа у д. Фыцзятырл.

3) У д. Татунь — 1 дивизия (14 августа).

4) У д. Пандялу — 2 полка (15 августа).

5) Между дд. Куншитай—Вэйдягоу — полк (15 августа).

6) В окрестностях Ньючжуана — бригада (12 августа).

7) У д. Кучиндзы — бригада (12 августа).

8) У д. Сяоцзямяо — 2 полка, переправившиеся 10 августа на правый берег Ляохэ.

Старший адъютант генерального штаба подполковник Люпов.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 167.

Описание подвига фейерверкера 3-й батареи

6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады

в бою 17 августа под Ляояном

В 5 с половиной часов утра 17 августа 1904 года на передовых позициях г. Ляояна, у д. Цофантунь, 3-я батарея 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, занимавшая позицию в окопах на седловине между сопками, выкатила орудия на гребень для поддержки наших стрелков, но была расстреляна японскими пехотными частями, подошедшими к ее позиции еще ночью на 500 шагов. Первым же залпом было убито 4 человека, а потом вскоре выбыла из строя почти вся прислуга. Видя невозможность стрелять, командир батареи подполковник Покотило приказал прикрытию скатить орудия. В это время против японской дивизии оставалась только на позиции $\frac{1}{2}$ роты прикрытия от 11-й роты 22-го полка под командой капитана Гёждеу. Одно орудие, остававшееся на позиции около двух часов, и сделало все дело.

Штабс-капитан Костров начал осыпать шрапнелью, без установки, ложину и иногда переносил огонь, с установкой трубки, на передовую сопку, только что нами оставленную и занятую японцами всего в 400 саженьях от позиции. Орудие и ободрившаяся пехота стреляли безостановочно, и бесчисленные атаки японцев были отбиты. Их густые цепи были отброшены к японским колоннам, которых было очень много. Через долину сюда же двигались большие батальонные колонны. Тревожен был первый час этого отчаянного сопротивления одной роты и орудия; ясно было, что главное направление атаки было избрано именно на эту седловину. Штабс-капитан Костров был ранен, остался в строю и продолжал командовать, пока не был ранен еще раз и не унесен с поля битвы. Орудие осталось без руководителя-офицера, но наши молодцы не потерялись. Взводный фейерверкер Андрей Петров тотчас же вступил в командование орудием, а затем подбежал к генерал-майору Данилову, все время остававшемуся невдалеке от этого орудия, и просил его указаний о целях и о питании орудия патронами. Узнав, что офицеров никого при орудии уже нет, командующий дивизией сказал ему: «Пошлю сейчас же от пехоты за патронами к ящику и в соседнюю 4-ю батарею. А ты сам можешь ли стрелять?» — «Точно так». — «Так продолжай». Орудие опять начало стрелять, по-прежнему поражая врага, то вниз по атакующим, то вверх по передовой сопке. Сам фейерверкер Петров был два раза ранен, но не покинул орудия, а несколько раз обращался к генералу Данилову за помощью. Наконец, около 12 часов дня, он, не имея более патронов, совершенно обессиленный от ран и оглохший от шума выстрелов, с вполне утомившейся и обессиленной прислугой, прекратил огонь. Орудие командующий дивизией приказал убрать, а на его место был поставлен вновь сформированный взвод той же батареи поручика Шеляпина. Но цель была почти уже достигнута этим одним орудием и полуротой его прикрытия. Скоро прибыли два батальона 21-го стрелкового полка, и позиция закрепилась за нами окончательно. Орудие в течение 4 часов времени выпустило 1 000 патронов.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 172—173.

Ген. Куропаткин — Николаю II
Донесение

Ляоян, 19 августа (1 сентября) 1904 г., 12 ч. 15 мин.

Сего числа произведена частями армии Куроки переправа на правый берег Тайцзыхэ, в местности Сакан — Канквантун, где река делает излучину. Уже в 5 часов утра нашими передовыми частями конницы и разъездами установлено, что переправилась дивизия пехоты с артиллерией и конницей; переправилась в брод, каковых ниже еще не открылось. Японцы оттеснили наши кавалерийские части и продвинулись в двух направлениях: в направлении на запад — к передовой позиции 17-го корпуса у Сыквантуна — и в

направлении к Янтайским копиям. Переправившиеся части образовали завесу, скрывавшую переправу дальнейших частей. Боя 17-й корпус сего числа не вел. Ныне армия Куроки настолько многочисленна, что выход ее на сообщения Ляояна с Мукденом может иметь самые тяжелые последствия. Один 17-й корпус не в силах остановить движение Куроки в обход наших позиций у Ляояна. Поэтому потребовалось немедленное усиление войск правого берега Тайцзыхэ в зачет войск левого берега. Такая мера могла быть приведена в исполнение только при оставлении нами передовых позиций под Ляояном и переходе войск на главную позицию, значительно более короткую. Несмотря на настоятельную надобность в усилении наших войск на правом берегу, очищение наших передовых позиций днем представлялось опасным, ввиду вероятных огромных потерь. Я решил держаться до вечера и только с наступлением темноты начал уборку с крутых высот артиллерии и отвод на главную позицию войск; такое решение вело к новому бою за передовые позиции. Бой велся с большим напряжением, с развитием до 8 часов вечера; с 8 часов вечера до 12 часов ночи, когда составляется настоящее донесение, наступило полное затишье. Как и вчерашнего числа, бой окончился для нас вполне успешно, ибо мы сохранили за собой без исключения все свои передовые позиции; особенно упорный бой велся на правом фланге 1-го Сибирского корпуса. В 9-й дивизии генерал-майора Кондратовича артиллерийская борьба велась с огромным расходом патронов, несмотря на предупреждения начальствующих лиц о бережливом их расходовании; мы выпустили за два дня до 100 тысяч орудийных патронов. Японцы выпустили не менее двойного числа.

Осыпаемые целый день шрапнелью, наши войска с редким упорством отстаивали порученные их обороне позиции. Подготовив атаку артиллерийским огнем, японцы несколько раз штурмовали позиции 1-го корпуса. Некоторые из самых передовых наших укреплений после упорной обороны их переходили в руки японцев, но каждый раз мы вновь овладевали ими ударом в штыки, причем японцы оставляли массу убитых после штыковой схватки. Перед некоторыми участками позиции войска успели выкопать в гаоляне большое число волчьих ям; местами эти ямы были завалены японскими трупами доверху. Потери японцев должны быть огромны, но и наши потери, не приведенные еще в известность даже приблизительно, тоже значительны. Наиболее пострадавшие батальоны 1-го Сибирского корпуса продолжали сражаться, уменьшившись в составе до 300 бойцов. Ранен генерал-майор Мрозовский; контужен, но остался в строю, генерал-лейтенант барон Штакельберг; в наши руки досталось значительное количество японского оружия.

Предстоит очень трудная задача отвести ночью по труднопроходимым, размытым от дождя дорогам три с половиной корпуса войск. Если противник перейдет в наступление, то неизбежны еще значительные потери. Общее распределение войск, применяемое мной, будет следующее:

2-й 3-й, 4-й корпуса и бригада 10-го корпуса останутся на левом берегу Тайцзыхэ для упорной обороны главной укреплённой Ляоянской позиции;

начальником этих войск мной назначен генерал Зарубаев; на правый берег переводятся 1-й Сибирский, 10-й армейский корпуса, которые вместе с 17-м корпусом и свободными от охраны флангов и тыла частями 5-го корпуса, а также с начавшими прибывать частями 1-го армейского корпуса, составят силу на правом берегу Тайцзыхэ, достаточную не только для обороны, но и для наступления. Мы устроили через р. Тайцзыхэ шесть мостов, которые и допускают относительно быстрый переход войск с одного берега на другой...

Генерал-адъютант Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 178—179.

Донесение ген. Куроки японскому Главному штабу

Передовая колонна правой армии, вытеснив отряд русских, заняла вечером 15 августа линию от Иншупуцзы на левом берегу Тайцзыхэ до Шанмяоцзы. В этот день Тайцзыхэ вышла из берегов, и мы не имели возможности перейти ее в брод. Мосты были разрушены русскими, и, таким образом, главные силы правого крыла не могли быть переправлены через реку. Наша вторая колонна действовала против неприятеля на высотах севернее Сунчиасая. Левое крыло перешло в наступление против неприятеля на холмах северо-западнее Сунчиасая и заняло линию высот южнее Цзяочао через холмы 240 метров высоты до Сяолинцзы. Здесь наши войска расположились на бивуаках против неприятельских войск, которые занимали возвышенность западнее Цзяочао и Тасиминлина. Третья колонна, выступив в 10 часов утра, оттеснила неприятеля и заняла холмы от Суфантая до Хсиантжанцзы.

16 августа первая колонна, находившаяся на тех же позициях, которые она заняла накануне, начала готовиться к переправе на левый берег Тайцзыхэ. Часть правого крыла второй колонны, отбросив неприятельские разьезды, заняла Шичиадзы после 8 часов утра. Левое крыло той же колонны утром, после 6 часов, утвердилось в Тасиминлине. Третья колонна заняла высоты южнее Сучиагоу и произвела разведки неприятельским силам, расположенным на высотах Яучи и Мындяфань.

17 августа третья колонна атаковала неприятеля на холмах Яучи и Мындяфань. После отчаянного сражения, в конце концов, наши войска заняли высоты севернее Сюдяйгоу, но в продолжение ночи неприятель, значительно увеличив свои силы и пуская в ход полевые прожекторы, открыл жестокий огонь по нашим позициям, вследствие чего сражаться нам пришлось при самых тяжелых условиях. Левое крыло той же колонны заняло в 6 часов вечера высоты восточное Ваньбаотая и затем начало оказывать поддержку другим войскам. Главные силы первой колонны перешли в брод через Тайцзыхэ, близ Лентоуувана, а за ними переправилась и большая часть второй колонны.

18 августа наша колонна у Беньсиху перешла Тайцзыхэ в окрестностях Волунцзуна, вытеснила неприятельскую пехоту из Вейнинена и заняла Беньсиху. Первая колонна и большая часть второй колонны переправились через Тайцзыхэ без сопротивления со стороны неприятеля. Вечером они заняли высоты от Квантуна до Шунчуана, но артиллерии нашей пришлось выждать окончания постройки понтонного моста через реку. Третья колонна и левое крыло второй колонны удерживали прежнюю позицию. Неприятель делал попытки производить контратаки, но без результата. Артиллерийское сражение продолжалось до утра 19 августа.

19 августа с рассветом наша первая колонна и главные силы второй открыли действия против неприятеля, расположившегося на холмах к северу от Хейянтая. Русские войска занимали также местность севернее этих холмов.

В полночь неприятель начал покидать холмы Мындяфана, и наша третья колонна заняла высоты к северу от Яючи и холмы севернее Мындяфана между 7 и 11 часами утра. Часть нашей колонны, занимавшей Пеншифу, оттеснила неприятеля к северу после ожесточенного сражения, начавшегося в 8 часов утра. До 3 часов дня мы заняли высоты севернее Сяньшаоцзы. В 5 часов вечера неприятель снова двинулся к югу, но был отбит.

20 августа с рассветом наша правая колонна атаковала неприятеля, наступая на его правый фланг, и после упорного сражения заняла линию от окрестностей каменноугольных копей до высокого холма западнее Таяо. Тем не менее неприятель постепенно усиливал на этом пункте свои войска и в полдень он располагал приблизительно 60 орудиями. Главные силы второй колонны пытались атаковать неприятеля на высотах Сыквантуня, но наши войска осыпались градом снарядов, а в 10 часов утра большой отряд неприятеля произвел контратаку.

Вследствие этого мы оказались не в состоянии достигнуть своей цели и смогли лишь удержаться на холмах к северо-западу от Хейянтая. Вслед за тем неприятель при поддержке приблизительно 50 орудий атаковал оба фланга позиции, занятой нашей второй колонной.

21 августа неприятель двинулся против нашей армии, но был отбит на всех пунктах. Несмотря на это, русские по-прежнему удерживали значительными силами холм 131 метр высотой и местность, прилегающую к нему с севера. Одновременно значительные силы неприятеля стали концентрироваться к юго-востоку от Янтая и в окрестностях Инченцзы. В этот день первая и вторая колонны ограничивались защитой занятых позиций, так как они ожидали прибытия подкреплений от третьей колонны. В нескольких местах военные действия приостановились.

С рассветом 22 августа третья колонна прибыла к Квантуну форсированным маршем. В 10 часов утра все неприятельские войска, занимавшие 131-метровый холм, отступили, а мы, заняв холм, медленно пустились в преследование.

Наша Пенсихунская колонна заняла окрестности Пинтайцзы и вслед

затем, оставив там часть своих сил для наблюдения за Мукденской дорогой, быстро двинулась по направлению Янтая и достигла в полдень высот к северо-западу от Санцзяцзы, которые расположены севернее Янтайских угольных копей. В 6 часов вечера после сражения мы заняли Ямыньцзуань. После полуночи на 23 августа наша первая колонна в окрестностях Сяоталингоу столкнулась с неприятелем, несколько превосходившим ее силами; последовала ожесточенная рукопашная битва. В 6 часов утра мы отбили неприятеля, заняли линию от Таянгоу до Лилинтао, где мы оказали поддержку нашей колонне Пеншиху, которая сражалась уже с рассвета. В 1 час 30 минут дня мы окончательно заняли Юменьшань. Наша вторая колонна заняла Сантаопу.

.....

Главные силы третьей колонны достигли окрестностей Лотатая в 8 часов утра и вступили в сражение с неприятелем. Неприятельские войска, с которыми нам пришлось сражаться на левом берегу Тайцзыхэ, состояли главным образом из тех отрядов, которые отошли после сражения 13 и 14 августа. Против нашей второй колонны русские выставили приблизительно одну дивизию, а против третьей колонны — по крайней мере полторы дивизии. Неприятель, сражавшийся с нами на правом берегу реки с 19 августа, состоял из 3-й, 9-й, 35-й и 54-й дивизий и по крайней мере еще трех с половиной дивизий; кроме того, участвовали 2-я и 22-я бригады, отличающиеся от других войск; пехота же из числа московских войск была распределена в арьергарде и против нашего правого крыла. Этих войск было также не менее трех дивизий.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 198—200.

Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II

Отчет № 30

20—27 августа (2—9 сентября) 1904 г.

...Большая часть войск правого берега (р. Тайцзыхэ) располагалась в окрестностях Ляояна; 17-й корпус занимал позиции у Сыквантуня; отряд из 13 батальонов, под начальством генерал-майора Орлова, был расположен в верстах 9 к северу от Сыквантуня для обеспечения армии слева и для прикрытия Янтайских каменноугольных копей.

Отряд генерала Любавина, из трех полков конницы и одного полка пехоты, находился к северу от Беньсиху, на дороге к Мукдену через перевал Тунцзяфынлин. Неприятель не тревожил днем 19 августа наши войска, совершавшие передвижения, указанные командующим армией. Уже в этот день, по-видимому, было принято решение парировать обход Куроки переходом против него в наступление и выработана диспозиция, сущность которой изложена ниже.

С наступлением же темноты японцы атаковали позицию 17-го корпуса

у Сыквантуня, но после горячего боя были отбиты. Ночью они повторили атаку, направив главный удар на участок, занятый 137-м пехотным Нежинским полком. Стремительность атаки и силы, введенные в бой, обеспечили им на этот раз успех; нежинцы были сбиты и отброшены в направлении к Сахутуню. Отступление этого полка вызвало очищение позиции другими частями 35-й дивизии, бывшей в боевой линии, отошедшими на линию Сахутунь — высота с отметкой 131.

В течение ночи с 19 на 20 августа японцы сильно обстреливали внутренность Ляоянской позиции, город и железнодорожную станцию. Потери наши во время ночного боя были незначительны, но суматохи, как выражается командующий армией, было много.

Успех, одержанный японцами у Сыквантуня, в связи с продвижением части их к северу в направлении к Янтайским копиям ухудшил условия перехода в наступление нашей армии, но не мог, конечно, повлиять на решение генерал-адъютанта Куропаткина.

Напротив, этот успех требовал скорейшей контратаки. Изменившаяся несколько обстановка в общем не вызвала необходимости перемены в намеченном направлении удара, но, казалось бы, требовала усиления войск ударного крыла за счет войск, выполнявших задачи оборонительного характера.

.....
Ляоянская операция была проиграна нами; возможность оказать содействие осажденному Порт-Артуру отдалилась, противник получил право торжествовать победу, хотя и купленную им, по собственному сознанию, ценой тяжких жертв.

Потерянное сражение вызвало к жизни новую операцию, крайне трудную и опасную: вывод войск из боя и сосредоточение их в руках командующего армией при условиях исключительных. Фронт армии тянулся почти параллельно железной дороге на протяжении 20 верст, имея путь отступления на продолжении своего фронта; треть армии занимала еще Ляоян с переправами в тылу через Тайцзыхэ; распустившиеся, вследствие сильных дождей последних дней, дороги крайне замедляли движение обозов и артиллерии; 12 000 раненых ожидали эвакуации; грозные силы неприятеля, занявшего позиции между р. Тайцзыхэ и Янтайскими копиями, смелым ударом в западном направлении могли разрезать армию на две части и поставить отряд генерала Зарубаева в безвыходное положение и крайне затруднить отступление войск, находившихся в непосредственном распоряжении командующего армией.

В ночь на 23 августа войска, расположенные в Ляояне (2-й и 4-й Сибирские корпуса), под прикрытием темноты перешли на правый берег р. Тайцзыхэ, причем им было приказано упорно оборонять правый берег р. Тайцзыхэ, с целью замедлить дальнейшее наступление противника с юга и выиграть время для отвода обозов к северу.

Обеспечение тыла и левого фланга отряда генерала Зарубаева приняли на себя 1-й, 3-й Сибирские, 17-й и 10-й корпуса, которые 21 августа за-

няли позиции к югу от железнодорожной ветки, от станции Янтай к Янтайским копям.

21 августа японцы хотя и находились в непосредственной близости нашим войскам, но вся их деятельность в столь трудные для нашей армии минуты, к счастью, выразилась только стрельбой из гаоляна. Видимо, противник был ослаблен и крайне утомлен боями предыдущих дней. Маршал Ояма в своем донесении говорит: «Громадных усилий стоила нашим войскам борьба против неприятеля, занявшего несколько линий, сильных укреплений и сражавшегося с отчаянным мужеством».

Отход наших войск из Ляояна на правый берег р. Тайцзыхэ был совершен в полном порядке. Японцами были сделаны только незначительные попытки преследовать, которые были остановлены нашими арьергардами.

В течение 22 августа неприятель усиливал свое расположение против нашего левого фланга, распространяясь от Янтайских копей к северу.

В этот же день было обнаружено движение частей противника, переправившихся через Тайцзыхэ, западнее Беньсиху, к Мукдену, и находившийся на этом направлении отряд генерала Любавина отошел к перевалу Тунцзяфынлин.

Вместе с тем днем 22 августа японцы перешли на правый берег Тайцзыхэ и со стороны Ляояна и его окрестностей.

Наши же войска в ночь на 23 августа начали отступательное движение к Мукдену. Для прикрытия этого движения Маньчжурской армии 22 августа были заняты арьергардные позиции: одна у д. Манютун и другая южнее — у Талиенгоу.

У д. Манютун был оставлен 4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, и 19 сотен Сибирской казачьей дивизии были расположены левее.

С наступлением темноты японцы перешли в наступление против этой позиции.

На подкрепление было послано два полка 9-й стрелковой дивизии при двух батареях (состав этой бригады был всего 3 000 человек). При содействии конницы, действовавшей частью в пешем строю, позиция была нами удержана.

Ввиду важности позиции у д. Манютун, которую нужно было занимать, пока не пройдут арьергарды всех корпусов, генерал Штакельберг направил туда остальные два полка 9-й стрелковой дивизии.

Другая арьергардная позиция у села Талиенгоу занималась тремя полками 1-й стрелковой дивизии до тех пор, пока арьергарды всех корпусов не перешли через железнодорожную ветку Янтай — Янтайские копи, после чего эта позиция была оставлена.

С юга противник мало тревожил отступавшие войска, и движение их было совершено в порядке, несмотря на испортившиеся от новых дождей дороги. Местность, почти сплошь покрытая гаолянном, тоже представила немало затруднений. Каждая колонна двигалась как бы в закрытом дефиле, и войска быстро теряли между собой связь. Обозы сильно замедляли движе-

ние арьергардов, особенно 4-го Сибирского корпуса, арьергард коего при-
был на станцию Янтай только в 10 часов утра.

23 августа миновал для Маньчжурской армии кризис, явившийся ре-
зультатом событий 20 и 21 августа.

Деятельностью командующего армией и энергией выполнения войска-
ми его распоряжений армия, хотя и с большими затруднениями, искусно
вышла из опасного положения, в котором находилась, угрожаемая против-
ником как с фронта, так и левого фланга, двигаясь притом очень узким
фронтом.

Общие потери наши в период Ляоянской операции не приведены еще в
известность.

Принимая во внимание, что до 12 000 раненых эвакуировано по желез-
ной дороге, что большая часть раненых в отряде генерала Орлова осталась
на поле сражения, можно предположить, что убыль армии убитыми и ране-
нными достигает 18 000 человек. Относительно утраты в материальной части
сведений не получено.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941.
С. 203—205.

Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II
Доклад об операциях Маньчжурской армии
22 сентября (5 октября) — 3 (16) октября 1904 г.

По сведениям штаба Маньчжурской армии к половине сентября силы
трех японских армий, действующих в Маньчжурии, состояли из 180 баталь-
онов, 53 эскадронов и 648 орудий (144 000 штыков, 6360 сабель и 648 ору-
дий), считая и войска, находящиеся в тылу и на охране сообщений.

Согласно телеграмме командующего Маньчжурской армией 19 сентяб-
ря № 1277, японские войска были расположены к северу от линии р. Тайц-
зыхэ между Сяобейхэ (к западу от Ляояна) и Санцзяцзы (к востоку от Ляо-
яна), еще восточнее японцами были заняты Цзянчан и Сяосыр. Главные си-
лы японцев находились на правом берегу р. Тайцзыхэ, к северу от линии Ля-
оян — Беньсиху, причем особенно сильно была занята местность у Янтай-
ских копей и в узле дорог у д. Бяньюпуза. Противник укреплял позиции:
у д. Бяньюпуза, у Янтайских копей, южнее ветки к этим копиям и у ст. Янтай.

В частности, согласно приказу войскам Маньчжурской армии 15 сентяб-
ря № 8, до двух дивизий японских войск находилось между дд. Сандепу и
Хоуцанпу на западе, до четырех дивизий в окрестностях г. Ляояна, до двух
дивизий у Янтайских копей и до двух дивизий между дд. Бяньюпуза и Бень-
сиху.

Согласно тому же приказу, генерал-адъютант Куропаткин к половине
сентября имел в своем распоряжении 257 батальонов, 143 эскадрона и сот-
ни и 760 орудий, не считая войска для охраны сообщений и тыла.

В телеграмме 16 сентября № 9574 генерал-адъютант Куропаткин счита-

ет боевую силу Маньчжурской армии, без 6-го Сибирского корпуса, в 150 000 штыков, а считая и этот последний, можно полагать общее число штыков в 175 000.

Принимая же в расчет, что вышеприведенная боевая сила трех японских армий в 144 000 штыков исчислена в том предположении, что японцы успели пополнить весьма значительный некомплект после ляоянских боев, что вряд ли могло иметь место, вернее будет считать, что у японцев к этому времени было всего не более 120 000—125 000 штыков.

Таким образом, мы имели перевес над противником в 77 батальонов (около 50 000 штыков), 90 эскадронов и 112 орудий.

Телеграммой 19 сентября № 1217 командующий армией признавал свои силы, увеличенные 6-м Сибирским корпусом, отданным в его распоряжение, достаточными для перехода в наступление, которое он предполагал начать 22 сентября.

19 сентября генерал-адъютант Куропаткин отдал приказ по армии, объявляя о своем намерении перейти в наступление.

Диспозиция для наступления была отдана в приказе по армии 15 сентября № 8, сущность коего состояла в следующем: Западный отряд, под начальством генерала Бильдерлинга, в составе 10-го и 17-го корпусов, — всего 64 батальона, 40 эскадронов и сотен, 190 орудий, — должен был наступать на юг от Мукдена по обеим сторонам железной дороги. Восточный отряд, под начальством генерала Штакельберга, в составе 1-го, 2-го, 3-го и 1-й бригады 4-го Сибирских корпусов, — всего 73 батальона, 34 эскадрона и сотни и 164 орудия, — должен был наступать от Фушуна и Фулина частью на фронт, частью на правый фланг армии Куроки. Общий резерв: 4-й Сибирский и 1-й армейский корпуса, — всего 56 батальонов, 20 сотен и 230 орудий, — должен был следовать за серединой общего фронта наступления, в одном переходе за передовыми корпусами. Для охраны флангов были выделены особые отряды из состава 5-го Сибирского корпуса: на правый фланг 18 батальонов, 25 сотен и 64 орудия и на левый — 14 батальонов, 18 сотен и 32 орудия. Для охраны тыла был оставлен 6-й Сибирский корпус, в составе 32 батальонов, 8 сотен и 96 орудий.

Таким образом, из общего числа 257 батальонов, 143 эскадронов и сотен и 760 орудий непосредственно для атаки противника и в общий резерв было назначено лишь 193 батальона, 94 эскадрона и сотни и 584 орудия, в тылу же и на флангах оставлено 64 батальона, 49 сотен и 176 орудий, т. е. $\frac{1}{4}$ всех сил. Вследствие чего не было использовано превосходство наших сил как пехоты, так и артиллерии. Охрана тыла оставлением у Мукдена целого корпуса не вызывалась обстоятельствами; назначение же на фланги значительных сил объясняется недостаточностью разведки расположения противника и чрезмерным опасением обходов.

Первоначально целью действий Маньчжурской армии, как то видно из приказа по армии 15 сентября № 8, ставилось: атаковать расположение противника и овладеть правым берегом р. Тайцзыхэ. К 20 сентября корпуса Маньчжурской армии были расположены: 1-й, 2-й и 3-й Сибирские — от

Фулина до Фушуна; 10-й армейский — на левом берегу р. Хунхэ, к югу от Мукдена, на укрепленной позиции; за ним на правом берегу реки, между железной и Мандаринской дорогами, стоял 17-й корпус; 4-й Сибирский — у г. Мукдена; 1-й армейский — к северу от г. Мукдена, и 6-й Сибирский подходил к Мукдену. На флангах расположения находились отряды: генерала Дембовского, генерала Коссаговского — на правом и генерала Ренненкампа и полковника Мадритова — на левом.

Наступление началось 22 сентября.

В течение 22 и 23 сентября армия переправилась на левый берег р. Хунхэ и продвинулась вперед главными силами: на правом берегу фланге до р. Шахэ, а на левом — верст на 25 к югу от р. Хунхэ. Авангарды были выдвинуты верст на 6—7 вперед. Отряд генерала Дембовского, обеспечивавший правый фланг, прошел верст 30 на юг от Мукдена по правому берегу р. Хунхэ; отряд генерала Ренненкампа, обеспечивавший левый фланг, занял д. Санцзяцзы. 1-й армейский и 4-й Сибирский корпуса, составлявшие общий резерв армии, переправились 23 сентября через р. Хунхэ и расположились восточнее Мандаринской дороги, верстах в 6 от реки. В то же время командующий армией решил 24 сентября перевести три бригады 6-го Сибирского корпуса на левый берег р. Хунхэ и поставить их за правым флангом Западного отряда, оставив одну бригаду этого корпуса для обеспечения тыла на линии Телин—Мукден.

22 и 23 сентября боевых столкновений не было. На 24-е предположено было главными силами сохранять занятое расположение, укрепляя выбранные позиции, авангардами же и конницей производить разведки расположения противника.

24 сентября на фронте армии значительных столкновений не произошло. Наши войска сблизились с неприятельскими позициями на расстояние 6—12 верст.

3-й Сибирский корпус (левофланговый) вошел в связь с отрядом генерала Ренненкампа, занимавшим д. Санцзяцзы. Авангарды всех трех корпусов Восточного отряда находились на высоте д. Тунгоу. Подготавливался обход позиции у д. Бяньюпуза с востока. Рекогносцировки этой позиции выяснили, что она трудно доступна с фронта, но сходится с востока. На правом фланге армии рекогносцировками выяснено отсутствие значительных сил противника на правом берегу р. Хунхэ, поэтому главные силы отряда генерала Дембовского были переправлены на левый берег р. Хунхэ и расположены на высоте главных сил всего Западного отряда, верстах в 10 к северо-востоку от Чжантана. Занятые нашими войсками позиции укреплялись.

В расположении корпусов командующий армией нашел нужным сделать некоторое изменение, а именно: 4-й Сибирский корпус, бывший в резерве, продвинул вперед и эшелонировал его к юго-западу от Эрдагоу, расположив главные силы за левым авангардом 10-го корпуса. Изменение это вызвано было желанием оказать в случае надобности содействие частями этого корпуса как Западному, так и Восточному отрядам.

25 сентября, вследствие движения 3-го Сибирского корпуса в обход позиций противника у д. Бяньюпуза, неприятель без боя очистил эту деревню, и она была занята нами. Войска 1-го и 2-го Сибирских корпусов укрепляли позиции против фронта противника. На фронте и на флангах были небольшие стычки с передовыми частями противника. По Мандаринской дороге замечено было движение к северу 5 батальонов японцев. 1-й армейский корпус из резерва продвинул несколько вперед, так что голова его вышла на высоту д. Эрдагоу.

На 26 сентября предполагалось было продолжать наступление, для чего Восточному отряду продвинуться на юг, и если не будет встречено серьезного сопротивления, то остановиться в 6—10 верстах к северу от д. Бенсиху. Корпусам Западного отряда было предписано продвинуться к югу на линию их авангарда (на 8—10 верст), выдвинув последние соответственно вперед; 4-й Сибирский корпус приказано выдвинуть к югу от д. Фындяпу для связи с Восточным отрядом и обеспечения его действий.

Части 1-го армейского и 6-го Сибирского корпусов командующий армией приказал продвинуть вперед за главными силами 10-го и 17-го корпусов. Отряд генерала Дембовского оставался на занятой им позиции в 12 верстах к северо-востоку от д. Сандепу.

К вечеру 26 сентября положение нашей армии было следующее: отряд генерала Ренненкампа, продвигаясь вперед вдоль р. Тайцзыхэ, имел удачное дело у перевала Уйнянин, но при дальнейшем движении к Бенсиху, не доходя до этого пункта верст 8, встретил превосходные силы противника, остановившие его наступление. 3-й Сибирский корпус вышел на дорогу Бяньюпуза — Санцзяцзы; головные части этого корпуса пошли на подкрепление отряда генерала Ренненкампа. 2-й Сибирский корпус, составляя общий резерв Восточного отряда, сосредоточился у д. Бяньюпуза. Главные силы 1-го Сибирского корпуса дошли до д. Сяшичауа. Конный отряд генерала Самсонова имел бой у Тумынлинского перевала.

В центре нашего расположения отряд генерала Мищенко, поддержанный пехотой авангарда 4-го Сибирского корпуса, занял высоты к востоку от д. Панлясанцзы; авангард 4-го корпуса занял высоты к востоку от д. Сяолиухецзы; главные силы этого корпуса расположились у д. Хаматань. Левый авангард 10-го корпуса занял высоты к северу д. Санцзяцзы (авангард этот командующий армией подчинил командиру 4-го Сибирского корпуса). В Западном отряде после довольно горячего боя авангарды расположились: 10-го корпуса — восточное и в д. Фендиятунь, 17-го корпуса у дд. Кедегоу — Елтхайцзы и Таду-сампу. Отряд генерала Дембовского оставался на прежней позиции. На 27 сентября предписано было укрепляться на занятых Западным отрядом позициях и разведывать о противнике для дальнейшего наступления.

27 сентября, около трех часов пополудни, обнаружилось наступление значительных сил противника (около дивизии) между Мандаринской дорогой и д. Тумынцзы. Встреченный огнем авангардов 10-го и 17-го корпусов, противник остановился и до вечера ограничивался артиллерийской кан-

надой. В Восточном отряде положение оставалось без перемен; отряд полковника Мадритова оттеснил противника и преследовал его в направлении на Цзянчан. Отряд генерала Коссаговского обнаружил присутствие японских войск с артиллерией у д. Сяобейхэ на крайнем нашем правом фланге.

На 28 сентября предполагалось было атаковать Восточным отрядом позиции противника на перевалах Тумынлин и Хоелин. Равным образом предполагалось и наступление Западного отряда, но 28 числа японцы перешли сами в наступление.

Таким образом, к вечеру 27 сентября расположение нашей армии представляло линию в 40 верст, занятую 17-м, 10-м армейскими, 1-м, 3-м и 4-м Сибирскими корпусами, за ними во второй линии стояли 6-й Сибирский, 1-й армейский и 2-й Сибирский корпуса. Хотя на 28 сентября и предполагалось было наступление, но в сущности оно уже было невозможно, так как войска наши растянулись в тонкую линию, равномерно по всему фронту; противник же, решив сам перейти в наступление, сосредоточил свои силы против нашего центра, усилив в то же время части, оборонявшие горные перевалы на пути наступления нашего Восточного отряда.

28 сентября с рассветом обнаружилось наступление японцев в значительных силах на авангарды 4-го Сибирского и 10-го армейского корпусов. Горячий бой шел целый день. Нам удалось отчасти удержать занятые позиции. В Восточном отряде 3-й Сибирский корпус атаковал Хоелинский перевал; часть позиций противника осталась в наших руках, но мы не могли овладеть командующей высотой. 1-й Сибирский корпус потерпел неудачу при атаке Тумынлинского перевала.

Идея наступления была оставлена, приходилось думать только об отражении атак противника, который с прежним упорством наступал и 29 сентября.

Ночь на 29 сентября и весь день 29-го наша армия вела упорные бои в центре и на левом фланге. Понесся большие потери, войска Западного отряда отошли сперва на позицию за р. Шилихэ, а потом за р. Шахэ. В Восточном отряде шел горячий бой за перевалы, успехом для нас не увенчавшийся. На 30 сентября была поставлена задача: вследствие отступления Западного отряда всей армии отойти на линию р. Шахэ, где и принять бой.

30 сентября бой продолжался. Противник настойчиво атаковал наши фланги и 4-й Сибирский корпус. Атаки были отбиты. Ввиду обнаружившегося обхода нашего правого фланга 6-й Сибирский корпус был притянут к правому флангу 17-го.

На 1 октября всем корпусам было приказано оставаться на занятых позициях и принять на них бой. В ночь на 1 октября японцы атаковали 10-й корпус, но с помощью 1-го корпуса нам удалось отстоять позиции, а войсками 6-го Сибирского корпуса парализовать обход правого фланга Западного отряда.

1 октября упорный бой шел на всем фронте; часть сил Восточного отряда была передвинута в общий резерв. 2 октября японцы прекратили свои атаки и весь день прошел в перестрелках, но на рассвете 3 октября вновь возобновился яростный бой за так называемую «сопку с деревом» (Путиловскую).

Высота эта после ряда упорных боев осталась за нами.

Дальнейшие действия противника не имели серьезного значения и ограничивались авангардными делами.

В результате, потеряв, по подсчету командующего армией, около 45 000 человек, мы должны были прекратить наступление и, продвинувшись вперед только на несколько верст, заняли позиции менее выгодные, чем занимали раньше. Японцы же, вызванные нами к переходу в наступление, создали еще новый ряд укрепленных позиций на пути к Ляояну, чем затруднили наши будущие действия.

Причинами постигшей нас неудачи надо считать:

1. Недостаточную разведку сил и расположения противника. Начав наступление 22 сентября, мы до 27-го ничего не знали, что делает противник, и его переход в наступление был для нас совершенной неожиданностью. В то же время против нашего Восточного отряда оказались силы значительно большие, чем то предполагалось ранее.

2. Чрезвычайную нерешительность и медленность наших действий, что дало возможность японцам сосредоточиться против нашего центра, выдвинув против нашего левого фланга сильный заслон, остановивший его наступление.

3. Оставление без всякой надобности $\frac{1}{4}$ наших сил в тылу и на флангах. Впоследствии 6-й Сибирский корпус был притянут в боевую линию, но войска, охранявшие правый фланг, никакого участия в деле не принимали. Весь 5-й Сибирский корпус был израсходован непроизводительно.

4. Преждевременное израсходование общего резерва, отчасти вызванное обстоятельствами, отчасти происшедшее вследствие неверного распределения наших сил в самом начале (слабость центра и большой промежуток между Восточным и Западным отрядами).

5. Отсутствие сосредоточения с нашей стороны; расположение войск к вечеру 27 сентября в одну линию длиной 40 верст, за которой в трех разных местах стояли три корпуса.

6. Отсутствие управления и руководства боем, вследствие чего корпуса действовали каждый самостоятельно, без связи с другими, поэтому подвергались поражению по частям.

7. Бездеятельность нашей конницы (143 эскадрона), как до боя, так и в бою, что доказывается незначительностью понесенных ею потерь (всего 200 человек).

8. Уменьше японцев чрезвычайно искусно пользоваться выгодами горной местности, которые мы игнорировали.

9. Отсутствие с нашей стороны маневрирования и фронтальные атаки.

10. Недостаток твердого и решительного намерения наступать, атаковать и разбить неприятеля, что проявилось как в распоряжениях, так и в исполнении. Потерпев частную неудачу, мы легко отказываемся от наступления и переходим к обороне.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 269—274.

Приказ № 54

17-му армейскому корпусу

24 ноября (7 декабря) 1904 г.

При атаке села Линшинпу 3 минувшего октября несколько нижних чинов из числа принимавших в ней участие, будучи ранены, заползли в артиллерийский окоп, в котором и засели, полагая выждать наступления наших войск или отступления японцев. Среди этих нижних чинов оказались рядовые 7-й роты 12-го пехотного Великолуцкого полка Иван Ищенко и Ахтем Харзаматов и один из рядовых 6-й роты (по имени Матвей), фамилия коего осталась неизвестной.

Первый из нижних чинов был ранен в шею, бедро и колено, второй был ранен сравнительно легко — в мягкие части левого бедра. Кроме них в окопе было около 10—12 нижних чинов, многие из них, тяжелораненные, умирали.

Когда раненые собрались в окопе, Харзаматов, как легко раненный, оказал им посильную помощь; он собрал с находящихся вблизи убитых шинели и накрыл ими раненых, страдавших от стужи, затем сделал перевязку своему рядовому товарищу Ищенко, собрав для этого с убитых перевязочные пакеты; он же вырыл колодец, откуда находящиеся в окопах доставали воду.

Впоследствии, когда приходили японцы, снимали с раненых шинели и зарывали колодец, Харзаматов опять доставал шинели и возобновлял колодец.

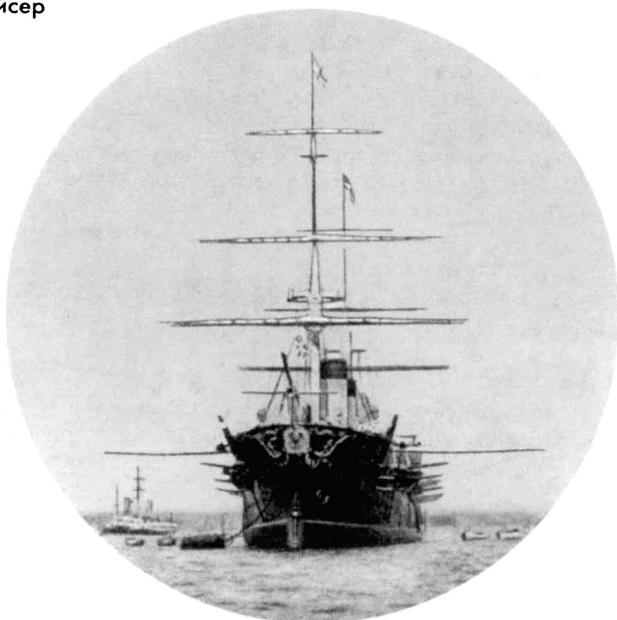
Такая совместная жизнь в окопе продолжалась 43 дня, с 3 октября по 15 ноября включительно. В это время к окопам несколько раз подходили японцы, не обращавшие на наших раненых никакого внимания и не подававшие им никакой помощи. Впоследствии у оставшихся в живых явилось опасение плена, и при посещении японцами окопа они притворялись мертвыми. Питались раненые сухарями, отбираемыми с убитых, а после одного ночного дела, когда японцы были отбиты, рядовой Ищенко дважды вылез из окопа и нашел японские мешки с запасом риса и галет, которых товарищеской артели хватило на несколько дней. Когда эти запасы истощились, пришлось питаться сырым гаоляном, собираемым с полей.

Неоднократные попытки бросить окопы и подползти к своим пришлось оставить: слабость и страдания от ран препятствовали этому. Предприятие это затруднялось также постоянной стрельбой между нашими и японскими позициями.

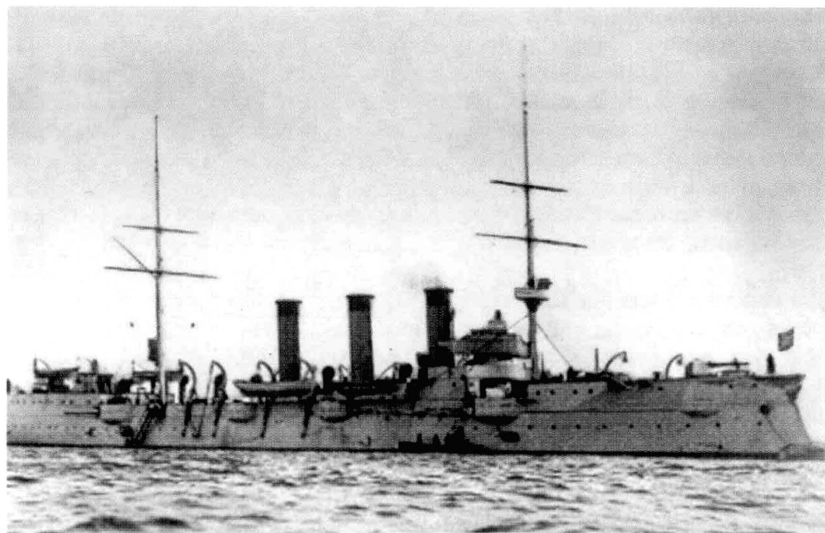
Такая мученическая жизнь продолжалась до 14 ноября. В живых к этому времени осталось только трое. В ночь с 14 на 15 ноября к окопу подобралось 8 японцев, один из них нечаянно наступил на ногу рядовому 6-й роты (по имени Матвею), который от боли застонал. Обнаружив раненого, японцы потащили его с собой. Несмотря на его мольбу, товарищи были бессильны помочь ему, а рядовой Ищенко был даже подозрительно осмотрен одним из японцев, оттащившим его за ногу в сторону. Тем не менее он был оставлен на месте.

Происшествие это встревожило рядовых Харзаматова и Ищенко, и они,

Броненосный крейсер
«Рюрик»

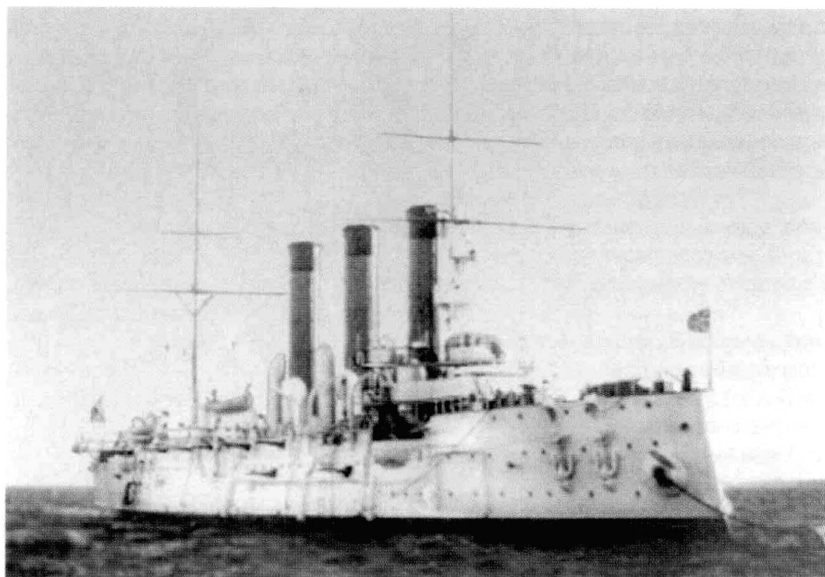

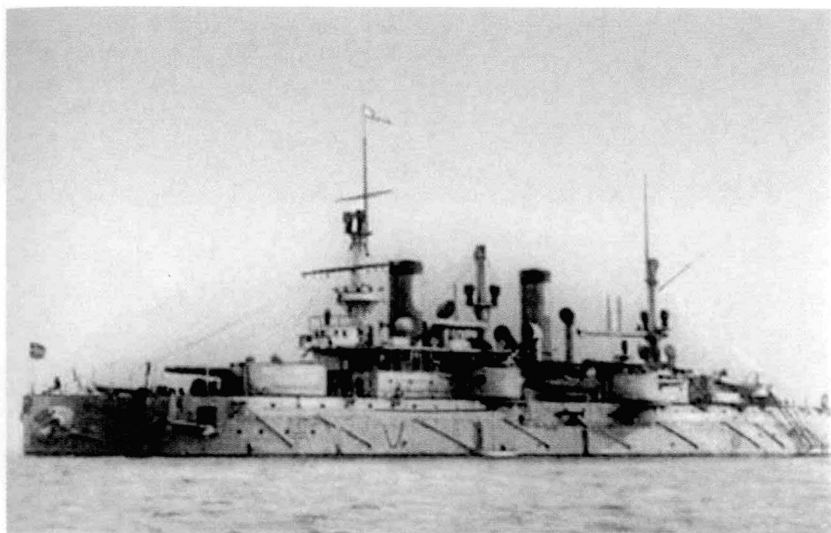
Командир
крейсера «Рюрик»
капитан 1-го ранга
Е. А. Трусов

Крейсер 2-го ранга «Боярин»

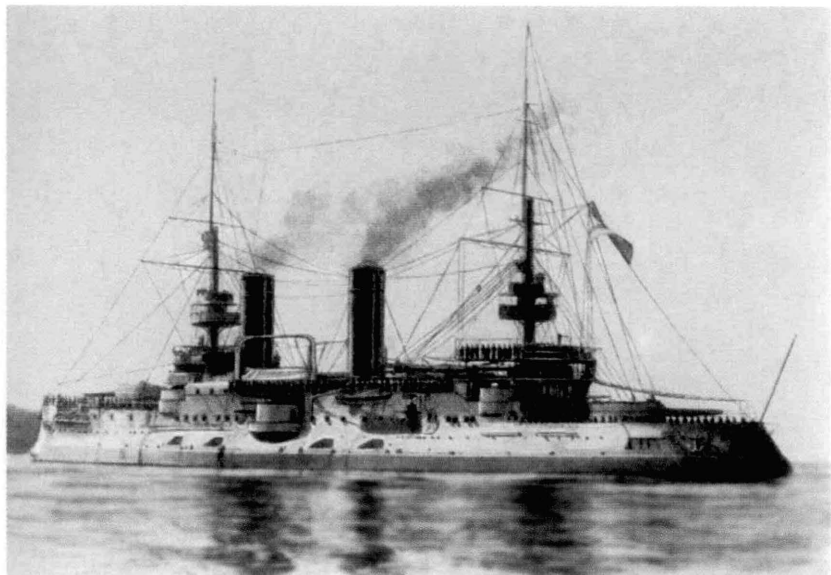
Крейсер 1-го ранга «Диана»

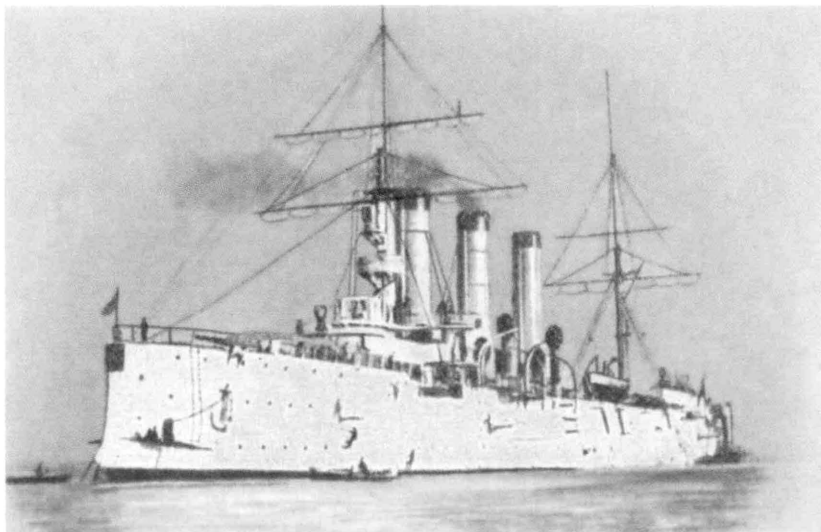

Эскадренный броненосец «Севастополь»

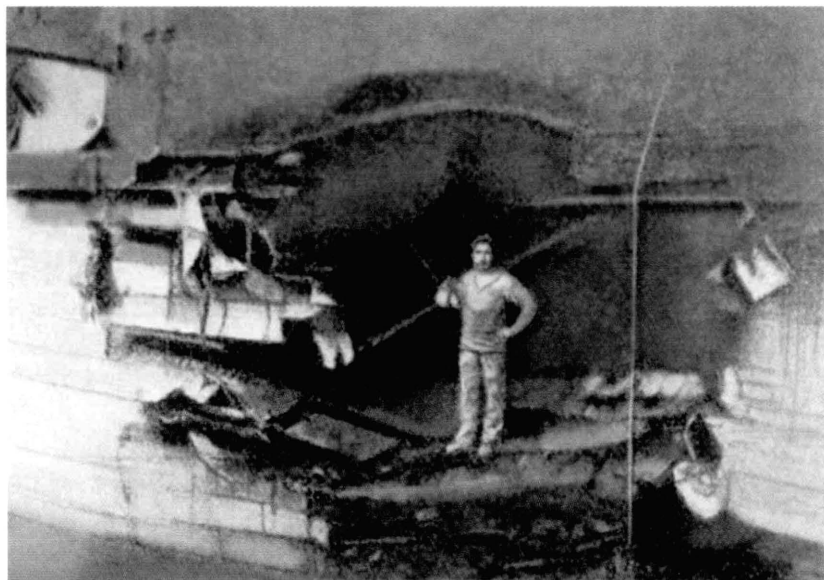
Броненосец «Цесаревич»

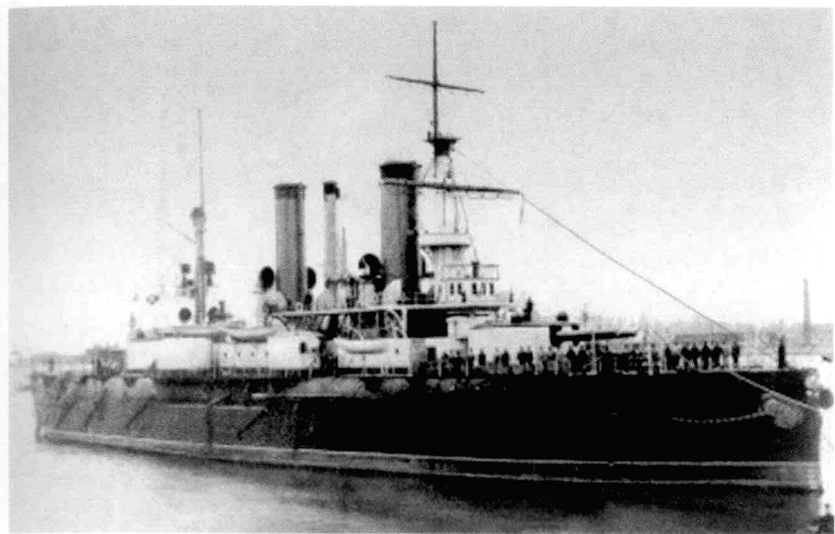

Крейсер 1-го ранга «Паллада»

Пробоина на крейсере «Паллада»

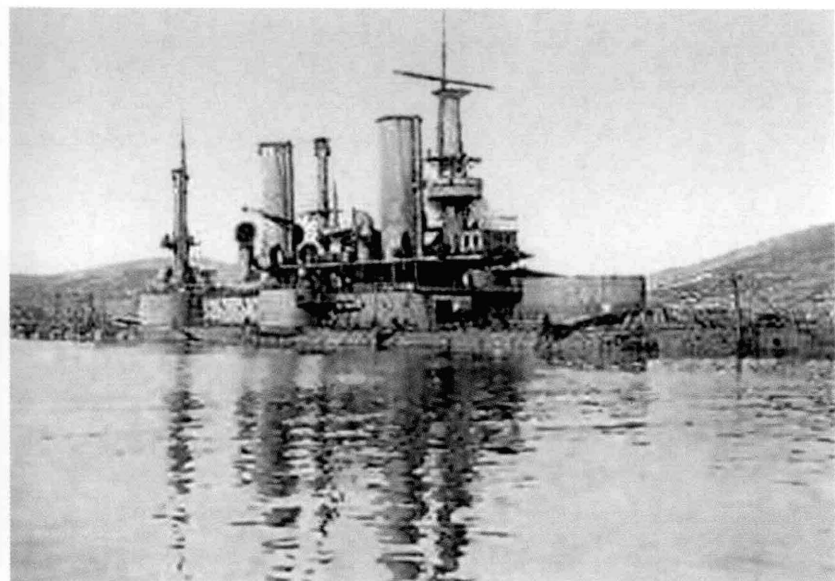

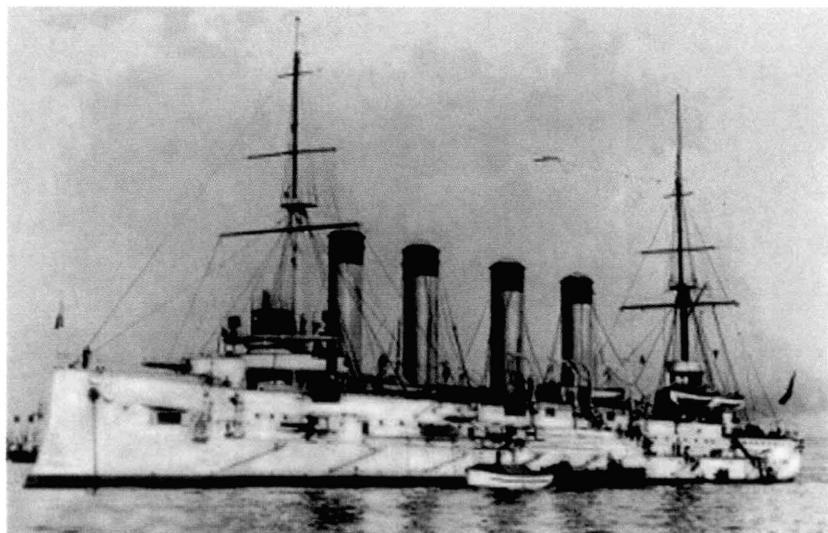

Эскадренный броненосец «Полтава»

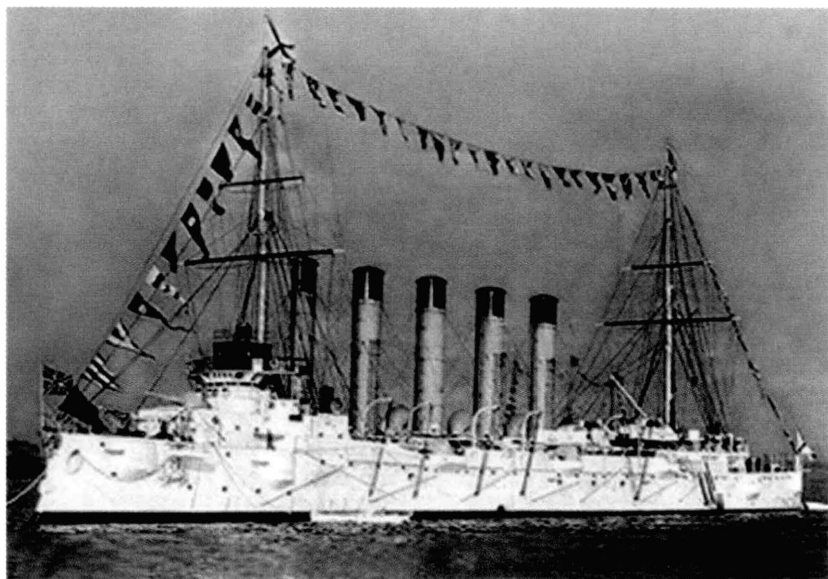
Затопленная «Полтава»

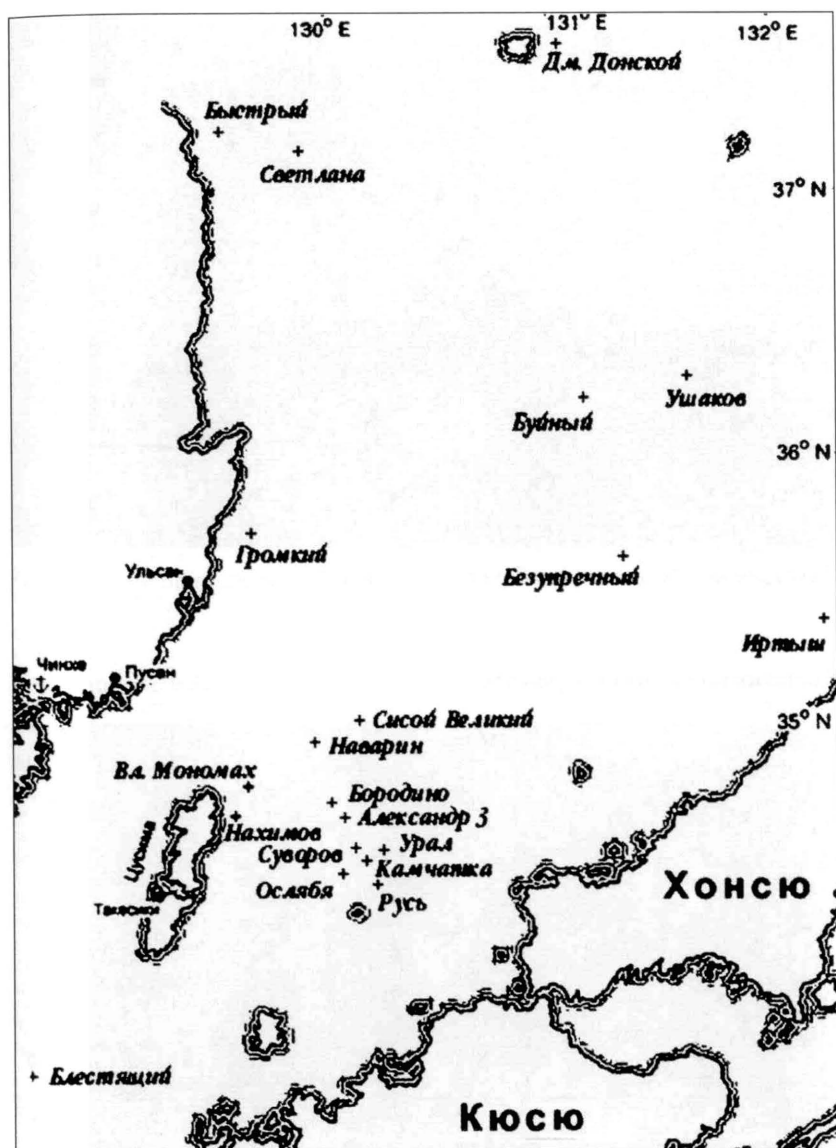

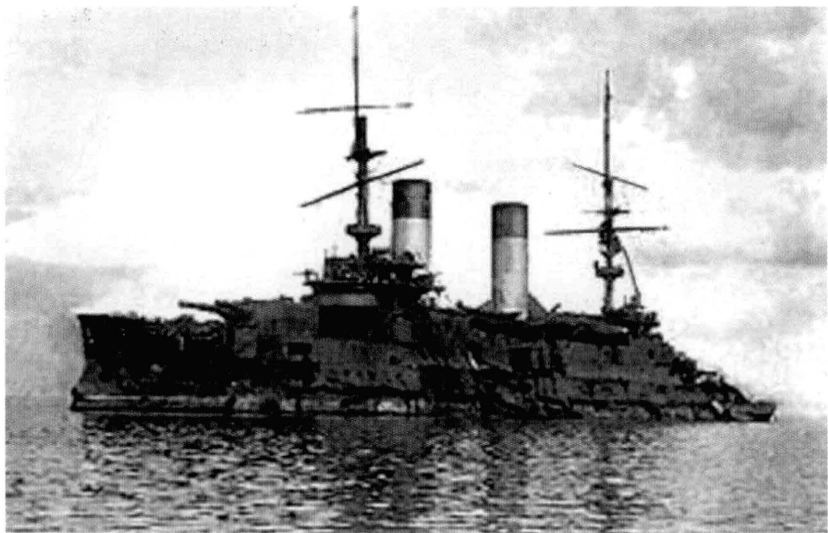
Броненосный крейсер «Баян»

Крейсер 1-го ранга «Аскольд»

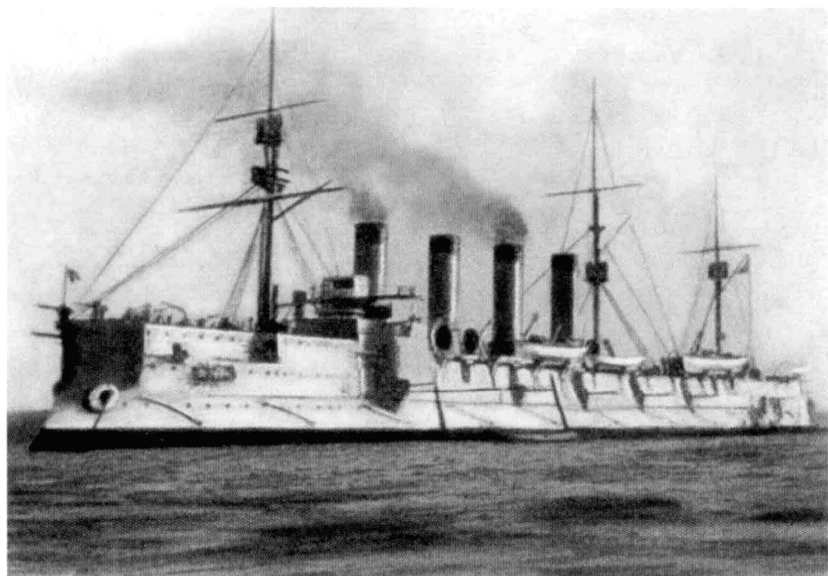

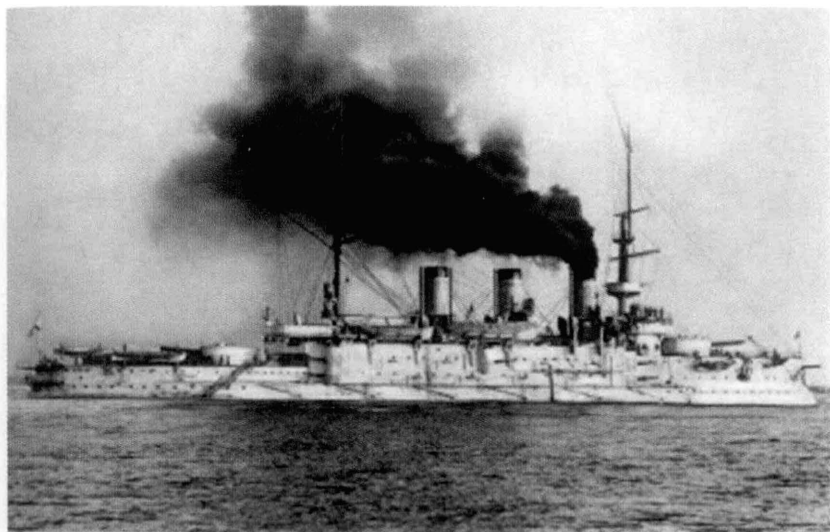
Карта мест гибели русских кораблей в Цусимском бою

Эскадренный броненосец «Орел» после боя

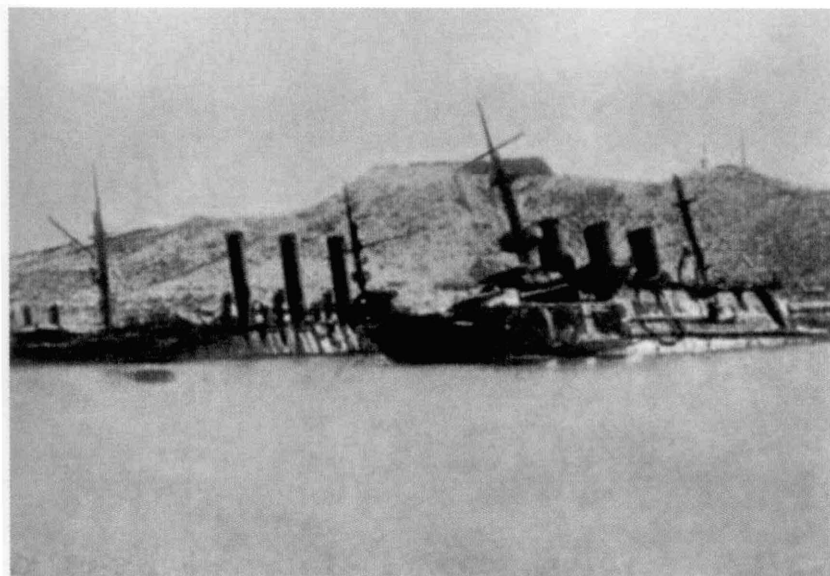
Броненосный крейсер «Громобой»

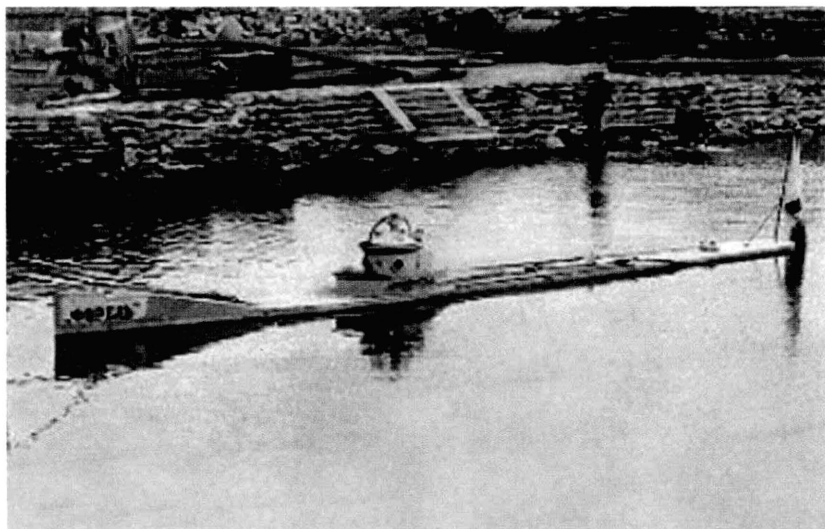

Эскадренный броненосец «Победа»

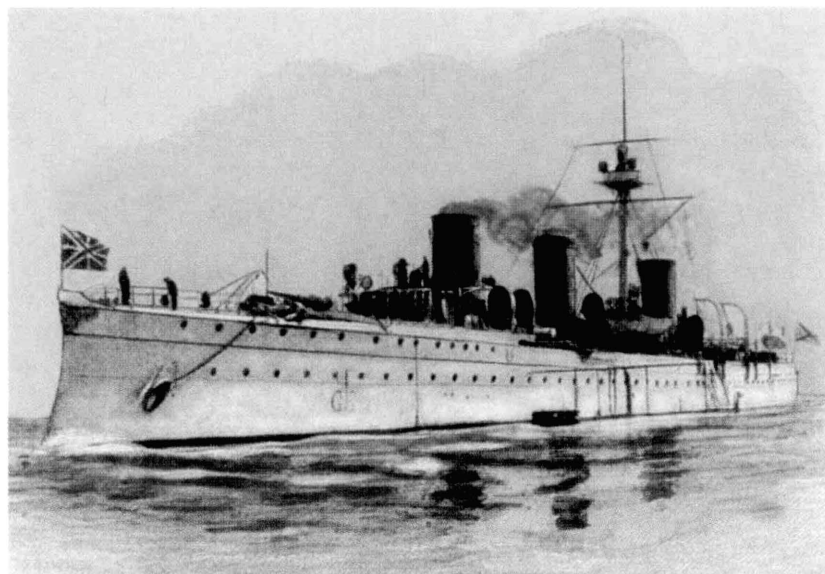
Затонувшая «Победа»

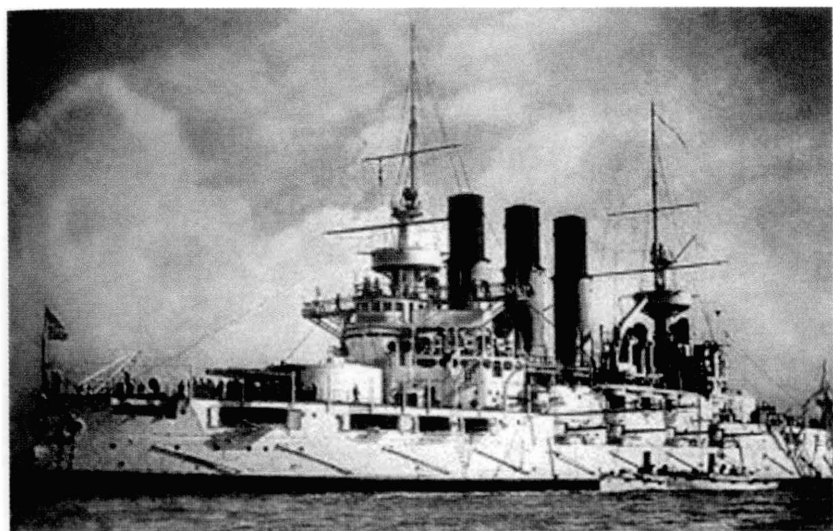

Подводная лодка «Форель»

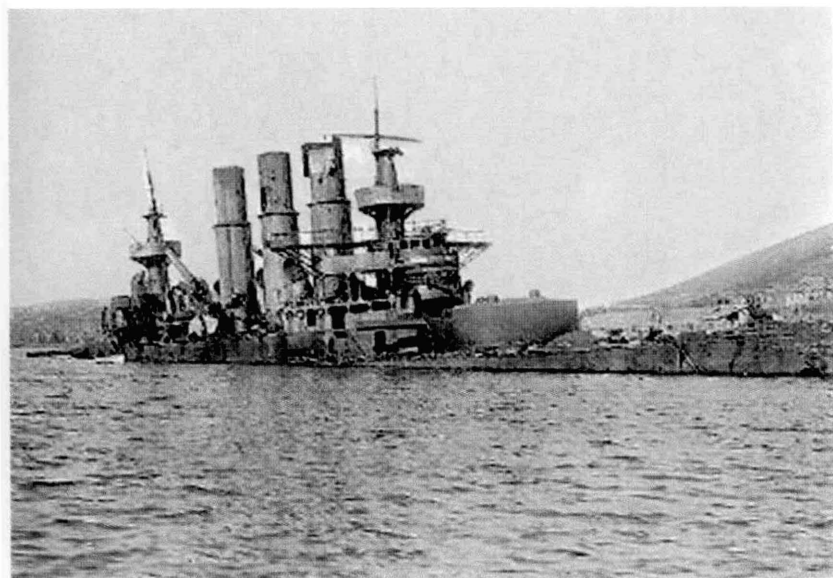
Крейсер 2-го ранга «Новик»

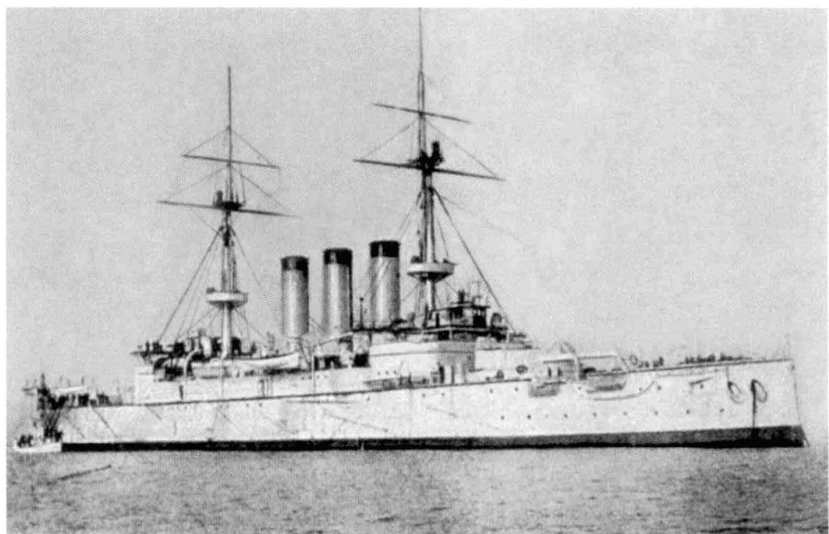

Эскадренный броненосец «Ретвизан»

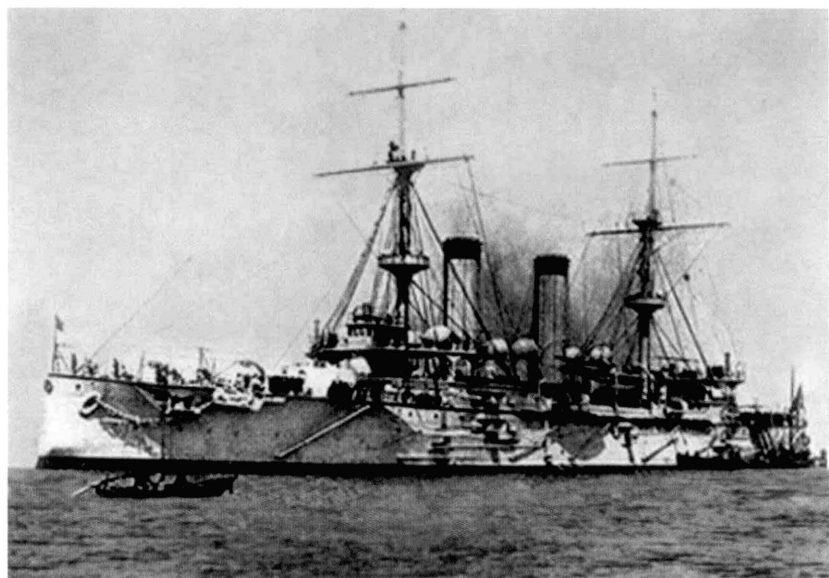
Затопленный «Ретвизан»

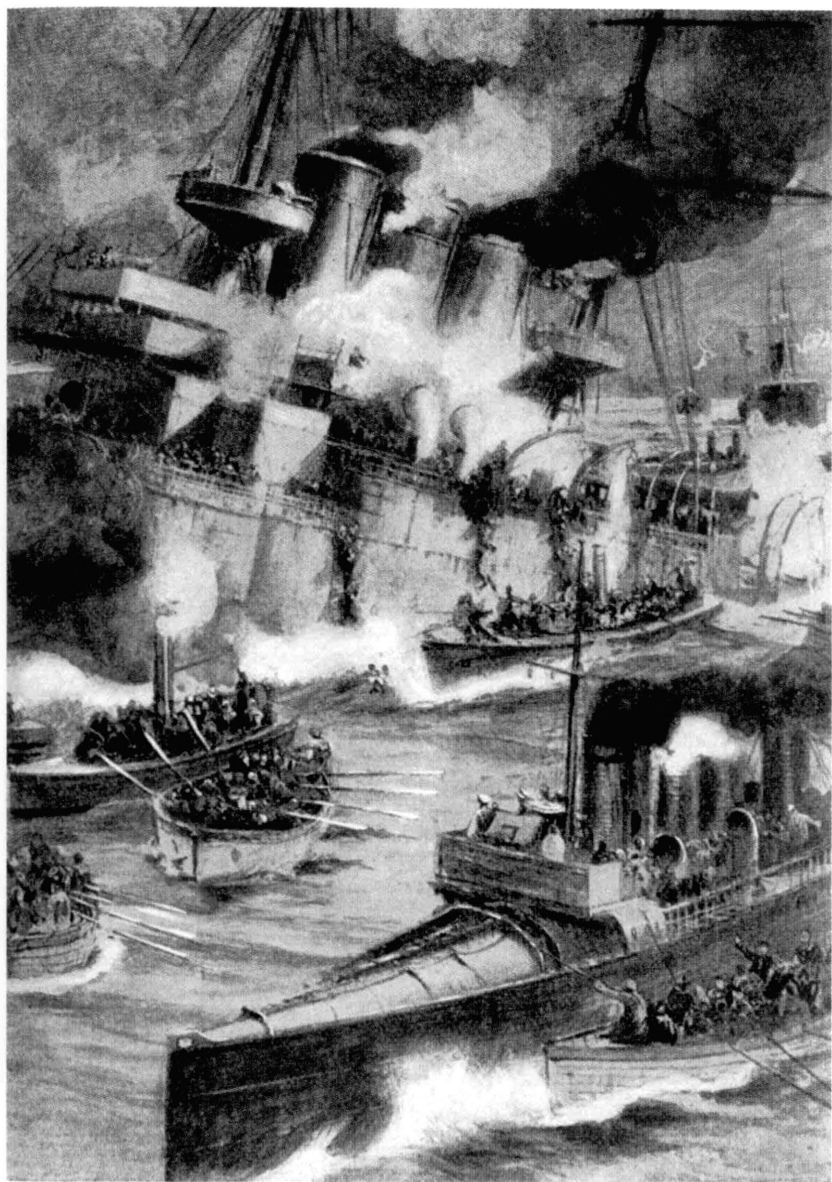

Японский броненосец «Хатцуза»,
погибший от нашей мины под Порт-Артуром

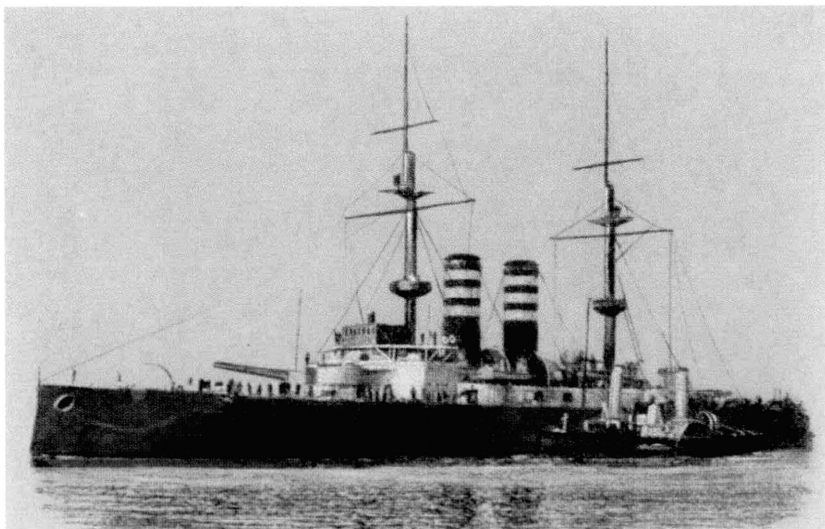
Эскадренный броненосец «Токива»

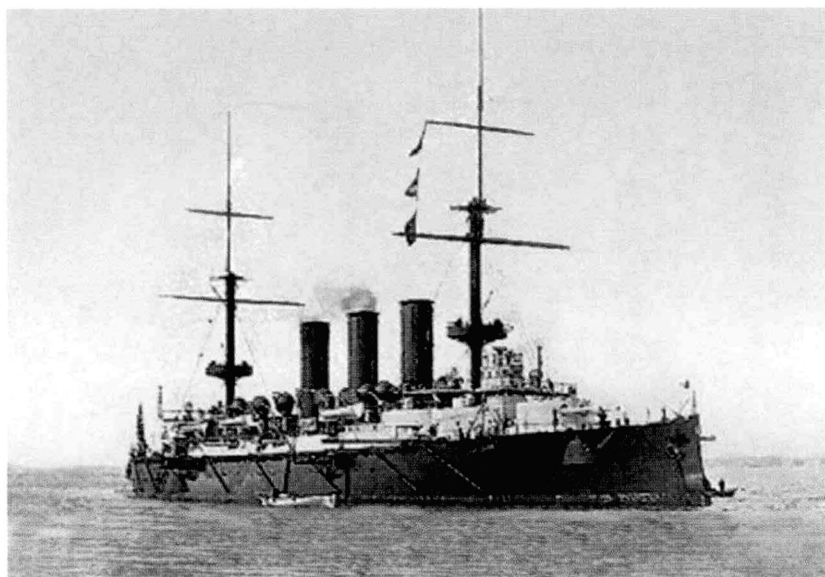

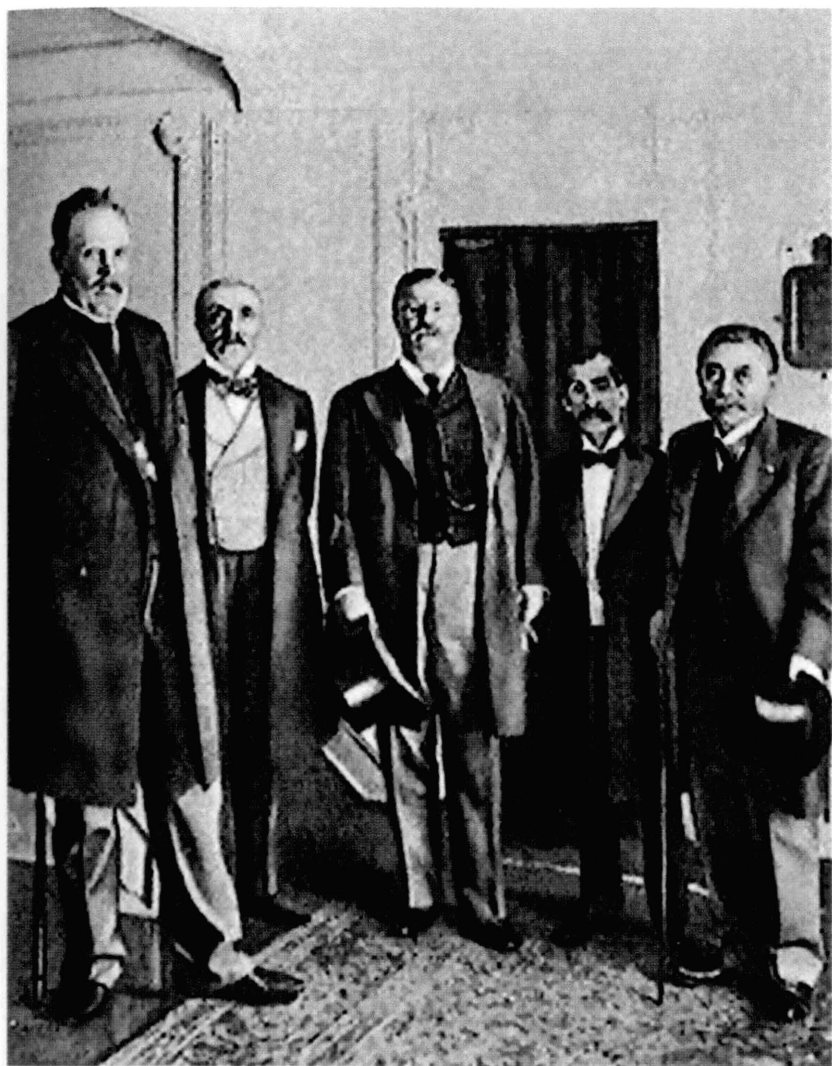
Гибель «Хатцуза»

Эскадренный броненосный крейсер «Микаса»

Эскадренный броненосный крейсер «Якумо»

Переговоры в Портсмуте

Глава делегации России
на мирных переговорах С. Ю. Витте

Министр иностранных дел России
граф В. Н. Ламздорф

Глава делегации Японии
на мирных переговорах г-н Комура

Чрезвычайный посланник
и полномочный министр императора
Японии г-н Курино

опасаясь быть открытыми, в следующую же ночь решили ползти к своим. Зажившие раны мало этому препятствовали, но истощение от долгой голодовки и крайняя слабость делали это предприятие трудным. Проползти надо было 300—400 шагов.

В ночь с 15 на 16 ноября рядовые Харзаматов и Ищенко приступили к осуществлению своего замысла. Когда они после долгих усилий уже приближались к своим, их обнаружил секрет, давший по ним несколько выстрелов. Затем началась залповая стрельба с нашей стороны. Рядовые Харзаматов и Ищенко прилегли между грядками гаоляна, а когда стрельба стихла, продолжали ползти дальше и скоро благополучно добрались до передовых окопов, занятых 9-м пехотным Ингерманландским полком. Там их пригнали, накормили, а затем доставили в санитарный поезд.

Объявляю по войскам корпуса об этом беспримерном подвиге рядовых Харзаматова и Ищенко. Оба они предпочли страдать от ран, холода и голода, лишь бы не попасть японцам в плен; оба они до последней минуты не покидали друг друга и оказывали взаимную помощь в тяжелом положении; наконец, оба они, не расставаясь, пошли на явную опасность, когда возможность попасть в плен стала почти очевидной. Особенно отмечаю подвиг рядового Харзаматова, который, как легко раненный, мог много раньше присоединиться к своим; он предпочел, однако, остаться с товарищами, которым нужна была помощь, может быть, и бесхитростное, простое, но сердечное слово последнего утешения. Харзаматов, говорит об этом просто, почти не сознавая всей высоты своего подвига, но да будут всем ведомы его доблесть и самоотвержение, и да гордится им та часть, которая числит его в своих рядах.

Приказ этот предлагаю прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах временно командуемого мною корпуса.

Временно командующий корпусом
генерал-лейтенант Волков.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 262—263.

Ген. Стессель — ген. Алексееву

Доклад

1 (14) декабря 1903 г.

С 1 января 1903 года по 1 декабря 1903 года, т. е. за небольшой период в 11 месяцев, резко изменилась вся физиономия крепости, а главным образом изменилась ее боевая готовность.

К 1 января 1903 года только приморский фронт имел крепостной характер, а на сухопутном фронте было несколько незначительных укреплений старой китайской постройки, совершенно не подходящих к типу современной крепости и мало пригодных для обороны. В настоящее время на сухопутном фронте воздвигнут целый ряд долговременных укреплений, даю-

ших полное право считать Порт-Артур крепостью не только приморской, но и сухопутной.

Боевая готовность крепости по части инженерной.

По высочайше утвержденному плану обороны Порт-Артура его укрепления должны состоять:

а) на приморском фронте протяжением около 8 верст — из 22 долговременных батарей;

б) на сухопутном фронте протяжением около 21 версты — из центральной ограды, 8 фортов, 8 укреплений, 7 долговременных батарей, 4 редутов и 1 тылового капонира; к этим сооружениям в период мобилизации должно быть прибавлено еще 23 промежуточных батареи.

По указаниям военного министра, посетившего Порт-Артур в 1903 году, в системе укреплений предполагено сделать следующие главнейшие изменения:

1) Не распространять оборону далее форта лит. П, почему форт лит. Д, батарея лит. Е, временное укрепление Угловое не будут сооружаться в ближайшем будущем.

2) Батарею № 22 обратить в опорный пункт, вооружив его 9-дм. пушками и устроить открытую батарею на 10 противотанковых орудий между батареями № 20 и № 21.

3) Прикрыть укреплениями голову водопровода и ложину между фортом III и укреплением № 3.

4) Возвести укрепления у кумирни и на высоте с леском, между временным укреплением № 5 и фортом VI.

А. Приморский фронт

На Приморском фронте в настоящее время имеется 21 батарея. 9 батарей — №№ 2, 6, 7, 9, 13, 15, 16, 19, 21 — долговременного типа, вооружены по нормальной табели.

9 батарей — №№ 1, 3, 4, 5, 12, 14, 17, 18, 20 — временного типа, подлежат переделке в долговременные и вооружены по переходной табели.

3 батареи — Артиллерийская, Тигрового хвоста и Нижняя Золотой горы — временного типа, подлежат упразднению, но оставлены до окончания постройки долговременных батарей и вооружены по переходной табели.

4 батареи — №№ 8, 10, 11 и 22 — пока не существуют, так как постройка их не начата.

Постройка долговременных батарей (девяти) окончена, и они находятся в полной боевой готовности, хотя оборудование этих батарей не совсем закончено; часть помещений для боевого комплекта остается без ставен и броневых дверей, что препятствует перенесению боевого комплекта в эти помещения; для дальномеров не построены павильоны.

Временные батареи (одиннадцать) построены весьма солидно и находятся в полной боевой готовности. Помещений для боевого комплекта в этих батареях недостаточно, и число их должно быть увеличено.

На приморском фронте окончены постройкой два питательных погреба для боевых припасов долговременного типа (бетон), на Тигровом полуострове и за батареей № 17.

Таким образом, на приморском фронте почти половина всех долговременных сооружений закончена, а временные сооружения, если и не могут вполне заменить долговременные по силе сопротивления неприятельским выстрелам, то весьма мало отличаются от них по степени боевой готовности. Однако временные батареи обладают всеми недостатками, присущими такого рода постройкам: вооружение на деревянных основаниях; прислуга мало укрыта и не имеет помещений для жилья; помещения для снарядов недостаточно прочны и легко могут быть разрушены снарядами крупного калибра морской артиллерии; одежда внутренней отлогости батарей сильно страдает от выстрелов из собственных орудий, от влияния погоды и времени.

Замена этих батарей долговременными является поэтому насущной потребностью.

Б. Сухопутный фронт

Все вооружения сухопутного фронта по степени боевой готовности можно сгруппировать следующим образом:

1) Сооружения, постройка которых окончена: укрепление № 3, форт IV, укрепления № 4 и № 5, батареи лит. А, лит. Б, лит. В, лит. Г и 2 питательных погреба для боевых припасов.

Все эти сооружения долговременные, кроме батареи лит. Г временного типа, которая подлежит переделке в долговременную.

2) Сооружения, постройка которых не окончена, но которые могут уже иметь серьезное значение при обороне крепости: форты I, II, III, батарея лит. Д и центральная ограда.

Все эти сооружения долговременные, кроме центральной ограды, которая — временного типа.

Форт II хотя и не окончен, но легко может быть приспособлен к обороне и будет иметь значение форта.

Форты I и III тоже могут быть приспособлены к обороне и представляют весьма серьезные преграды, но останутся открытыми с горки.

Для увеличения обороноспособности этих укреплений необходимо приготовить материалы для устройства искусственных препятствий, чтобы в период мобилизации поставить их.

Батарея лит. Д готова вчерне и в случае необходимости может быть вооружена; вооружение подвозится, и производится подготовка к постановке его.

Центральная ограда готова вчерне, т. е. вырыт ров и насыпан вал; в местах проездов через ограды ров не прокопан; одежда контрэскарпа рва состоит из каменной кладки, сложенной насухо, в некоторых местах уже в настоящее время обвалившейся. Необходимо теперь же совершенно закончить центральную ограду, так как в период мобилизации для этого может не хватить рук, а в том виде, как она есть, центральная ограда не может выполнить своего главного назначения — предохранить внутреннее пространство крепости от проникновения мелких партий противника.

3) Сооружения, постройка которых еще не окончена и которые при обороне не могут иметь серьезного значения: форт V.

Этот форт представляет собою груду камней, и для приспособления его к обороне потребуется не менее 2 недель.

4) Сооружения (долговременного типа), к постройке которых только что приступлено: форт VI, батарея Соляная, редут № 4 и форт лит. П.

5) Сооружения (долговременного типа), к постройке которых еще не приступали: укрепления № 1 и № 2, редуты № 1, № 2 и № 3.

На местах, где должны быть укрепления № 1 и № 2 и редуты № 1 и № 2, имеются старые китайские укрепления временного типа, которые могут быть приспособлены для обороны и заняты войсками.

Таким образом, на сухопутном фронте крепости в настоящее время уже имеются весьма солидные сооружения, составляющие остов будущей крепости, а именно:

а) На восточном фронте — форт I, батарея лит. А, батарея лит. Б и форт II.

б) На северном фронте — форт III, укрепление № 3, батарея лит. В и форт IV.

в) На западном фронте — форт IV, батарея лит. Г, укрепление № 4, батарея лит. Д и укрепление № 5.

Все это дает полное право уже в настоящее время считать Порт-Артур не только приморской, но и сухопутной крепостью, овладение которой открытой силой едва ли возможно.

Наиболее слабые места сухопутной оборонительной линии — крайний правый фланг, центр (долина р. Лунхэ) и крайний левый фланг.

Для усиления правого фланга необходимо ускорить окончание постройки форта I и возвести опорный пункт на месте, предназначенном для батареи № 22.

Для усиления центра — ускорить работы по постройке форта II и укреплений у кумирни Мяошань и у головы водопровода. Для усиления левого фланга ускорить постройку форта VI, Соляной батареи и редута № 4, не менее важно привести форт V в состояние, более пригодное для обороны.

На основании всего изложенного можно предполагать, что при благоприятных условиях и при достаточных денежных отпусках к концу будущего 1904 г. все строящиеся укрепления будут совершенно закончены, а те, постройка которых только теперь начинается, будут окончены вчерне; все это в значительной степени увеличит обороноспособность и боевую готовность крепости...

И. д. коменданта крепости генерал-лейтенант Стессель.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 277—280.

Из журнала № 4 заседания Совета обороны крепости Порт-Артур 9 (22) августа 1904 г.

...2) По предложению начальника укрепленного района всесторонне был рассмотрен вопрос о недостатках крепости Порт-Артур, затрудняющих

ее оборону. По обсуждении этого вопроса совет обороны пришел к следующим выводам:

I. К началу военных действий лишь незначительная часть фортификационных сооружений крепости была закончена. В наиболее законченном виде находился приморский фронт, но и здесь только часть батарей была долговременного типа, а остальные батареи — временные. На сухопутном фронте из долговременных сооружений были закончены: батарея лит. А, батарея лит. Б, форт IV, батарея лит. В, укрепление 4-е, остальные сооружения не были закончены, а некоторые даже не были начаты. Таким образом, крепость пришлось создавать уже после объявления войны, возводя во многих пунктах, вместо долговременных, укрепления временного и даже полевого типа.

II. Форты расположены слишком близко к порту и городу, почему не защищают их от бомбардирования даже полевыми орудиями. Казематированных помещений внутри крепости совершенно не имеется.

III. Крепость подвержена обстрелу как с суши, так и с моря. Лишь небольшая часть морского фронта защищена береговыми батареями.

IV. Впереди крепости находятся высоты, дающие возможность противнику скрыто ставить батареи и передвигать войска.

V. Голова водопровода находится впереди линии фортов (на 1 версту) и прикрыта только полевым укреплением, возведенным во время войны. Опреснитель не защищен тоже от неприятельских выстрелов с суши.

VI. Благодаря условиям местности, форты поставлены в одну линию, и вся оборонительная линия слишком тонка и легко может быть прорвана; крепостные позиции совершенно не имеют тыла.

VII. Все орудия на сухопутном фронте крепости поставлены открыто, противника же все орудия укрыты, почему определение мест расположения неприятельских батарей весьма затруднительно, а наши орудия легко подбиваются противником; таким образом, борьба выходит неравная и очень для нас тяжелая.

VIII. К началу войны батареи сухопутного фронта не были вооружены, результатом чего явилось большое количество утомительных и сложных работ по вооружению крепостной артиллерией.

IX. Оборона рвов очень слабая, исключительно ружейная.

X. Большинство фортов плохо применены к местности, будучи лишены обстрела ближних подступов.

XI. Число орудий, определенное для крепости нормальной табелью, совершенно недостаточно, а калибры и системы орудий совершенно не отвечают условиям современного боя. У флота взято и поставлено на верки крепости около 110 орудий, но и при этих условиях весьма трудно бороться даже со слабой осадной артиллерией противника.

Боевыми припасами крепость снабжена недостаточно: для производства более интенсивной стрельбы приходится для некоторых орудий просить снаряды у флота, который сам в них нуждается.

XII. Воздухоплавательного парка нет, что сильно затрудняет определе-

ние расположения батарей противника и корректирование стрельбы по закрытой цели; у противника имеются воздушные шары.

XIII. Крепостной железной дороги нет; грунтовые дороги очень кружны; круговой дороги нет. Все это сильно затрудняет сообщение между фортами и доставку грузов на форты.

XIV. Телеграфного сообщения между фортами нет; телефонная сеть проводилась во время войны, почему имеет воздушные провода, которые рвутся при каждой бомбардировке. Часто в самый критический момент телефоны перестают действовать, и экстренные приказания приходится посылать с конными посыльными.

XV. При длине сухопутного фронта в 21 версту, а морского в $8\frac{1}{2}$ верст, и при той слабости фортификационных сооружений крепости, о которой было упомянуто выше, гарнизон в две дивизии надо считать для обороны крепости совершенно недостаточным. Почти полное отсутствие общего резерва не дает возможности действовать активно, чем сильно облегчается борьба противника с крепостью и ослабляется обороноспособность крепости.

[Подписи членов совета.]

Особое мнение генерал-майора Фока

По пункту XI:

Можно бы было прибавить, что для вооружения крепости был взят весь арсенал, который образовался из старых крепостных орудий, а также из китайских орудий, взятых нами за последнюю кампанию. Поэтому на крепостных верхах можно видеть орудия всех систем и калибров, какие только существуют в целом мире; они поставлены без всякой системы по мере их открытия. На каждой батарее и форте можно видеть орудия самых разнообразных систем и калибров; при таких условиях управлять огнем чрезвычайно трудно. Крепостные артиллеристы не могли из несуществующих укреплений производить какую-либо учебную стрельбу, поэтому многие из них познакомились со своими орудиями только при производстве первых выстрелов против неприятеля. Кроме того, крепостные артиллеристы не могли успешно бороться с неприятелем, так как плохо были ознакомлены со впереди лежащей местностью, а карты местности в 100-саж. масштабе не существовало, так как это почему-то признавалось излишним, а между тем без этой карты при нынешней стрельбе по невидимой цели обойтись совершенно невозможно.

По пункту XIII:

Крепостная ограда разделяется на две части долиной р. Лунхэ, через которую построен только один плохой деревянный мост, который находится под продольным обстреливанием с горы Высокой; таким образом, необходимо занимать войсками эту гору, что ослабляет оборону главной ограды и заставляет нести чувствительные потери в людях. Не занимать этой горы невозможно, потому что с потерей горы Высокой флот и город будут безнаказанно обстреливаться не только орудийным, но даже и ружейным огнем. Существующие сообщения пригодны только для мирного времени, потому что они совсем не укрыты не только от огня, но даже от взоров неприятеля. Некоторые из военных дорог проведены даже по скатам гор, обращенным к неприятелю.

Главный недостаток крепостной ограды, делающий ее совершенно непригодной для обороны, это то — что не только батареи на виду, но и все траншеи лепятся около батарей (как бы ласточкины гнезда), опоясывая вершины сопок. Подошвы сопок свободны от траншей, поэтому обстрела из них нет никакого, а противник, пользуясь готовым мертвым пространством, подступает к самым укреплениям и, устраивая наскоро траншеи, обстреливает их ружейным огнем и делает невозможным какие-либо исправления по ночам; тем более что для противодействия противнику и обстреливания подступов к крутым скатам у нас не имеется полевых гладкостенных мортир, которые в данном случае могли бы оказаться очень полезными. Если бы не было случайно выстроенного Водопроводного редута, хотя и весьма слабой профили, то форты № 2 и № 3 едва ли могли бы удержаться.

Траншеи широки, а главное мелки и сделаны для стрельбы с колена, так как грунт каменистый, поэтому это не укрытие, а западня для стрелков.

Генерал-майор Фок.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 311—313.

Разведывательная сводка штаба крепости Порт-Артур 24 августа (6 сентября) 1904 г.

Японцы передавали китайцам, что у них за неделю выбыло под Артуром из строя 30 000 человек, теперь наступать они не могут, так как осталось мало людей и они боятся. Англичане очень недовольны, что японцы не взяли до сих пор Порт-Артура. Солдаты не хотят воевать, многие начальники уехали в Дальний и, говорят, поедут потом в Японию. Через пять дней, говорят, придет подкрепление.

Переводил прапорщик Малченко.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 315.

Мичман Романов — ген. Стесселю Донесение

Форт № 5, 10 (23) сентября 1904 г., 5 час.

Японцы выбиты из всех окопов Высокой горы штыками и пироксилином. Среди японцев поднялась страшная паника, они бросали все оружие и бежали, оставили массу трофеев, их преследовали и били штыками до самой ложины. Очень мало кому из японцев досталось дойти живыми. Почти всех перебили. Комендант горы Высокой полагает, что потери одними убитыми у японцев более 3 тысяч. Трусами японцев покрыта вся Высокая гора. Теперь не слышно там ни одного ружейного выстрела со стороны японцев. Наши стреляют по убегающим залпами. На форт № 5 целый день

держались под шрапнельным огнем. Из нашей команды ранен один комендор и остался в строю, а из прочих команд около 15 человек. Орудия не повреждены. Сейчас на предгорье Высокой горы опять, по-видимому, собираются японцы идти на штурм Высокой горы.

Мичман Романов.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 318.

Ген. Стессель — Николаю II

Донесение

10 (23) сентября 1904 г.

...Имею счастье всеподданнейше донести, что 4-дневные штурмы японцев геройскими войсками вашего величества отбиты с громадной потерей. До 5 часов утра 10 числа японцы производили сильную бомбардировку и штурмовали северный и северо-западный фронты крепости и передовые полевые укрепления. 6-го числа все штурмы их, повторяемые один за другим, были отбиты; в их руках остались два полевых редута у кумирни и водопровода, совершенно разрушенные бризантными бомбами; самый водопровод они разрушили. Последний штурм на Высокую гору, лежащую перед фортом № 4, отбит сегодня в 5 часов утра. На Высокой горе они уже заняли блиндажи, втащили туда пулеметы и поражали наших. Распоряжением генерала Кондратенко туда был командирован лейтенант флота Подгурский, который вместе с минерами и охотниками, по указанию полковника Ирмана, бросил в блиндажи бомбы, заряженные 18 фунтами пироксилина, и взорвал. Японцы в паническом страхе бежали. 5-го полка штабс-капитан Сычев с охотниками преследовал их. Полковник Ирман указывает на лейтенанта Подгурского, как главного виновника совершенного очищения от неприятеля Высокой горы. Потери японцев свыше 10 тысяч...

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 318.

Разведывательная сводка штаба крепости Порт-Артур

23 ноября (6 декабря) 1904 г.

Перевод японского письма

8 (21) ноября получил ваше письмо. Вчера во время исполнения мною служебных обязанностей на станции Чжанлинцзы, откуда отправляют больных и раненых в полевой госпиталь Цинни, из центра было принесено 7 раненых нижних чинов 19-го полка 9-й дивизии. По словам одного из них, наша передовая линия подходит очень близко к неприятельской — самое близкое 20 метров и дальше — 50 метров, так что даже слышим разговор неприятеля. Днем тихо, но ночью идет бой. Действительно — ужасно!

Если наша пехота приближается, то неприятель осыпает градом снарядов, которые причиняют нам большой ущерб, выводя из строя много убитых и раненых. Во всяком случае русские солдаты, действительно, сражаются мужественно, забывая о смерти. У неприятеля пехоты 8—9 тысяч и 10 000 матросов. Все матросы свезены на берег и пополняют артиллерию. Поэтому силы неприятеля около 20 000 человек. 8 (21) ноября ночью неприятель освещал прожектором и очень много нам мешал. Благодаря тому, что неприятель в минуту выпускает до 600 пуль, и особенно благодаря их скорострельным орудиям, потери наши большие. Например, в одной из рот 19-го полка из 200 человек осталось 15—16 человек. Ввиду того, что рота несет страшные потери, ее пополняют в 8-й раз, и в настоящее время она состоит почти из 100 человек, весь же 19-й полк имеет приблизительно около 1 000 человек. В настоящее время наш 25-й полк отправился к Порт-Артуру. 7-я дивизия готовится к сражению.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 340.

Журнал военного совета крепости Порт-Артур 16 (29) декабря 1904 г.

Председательствовал ген.-лейт. Стессель, присутствовали: комендант крепости ген.-лейт. Смирнов, начальник 4-й Вост. Сиб. Стрелк. Дивизии ген.-лейт. Фок, начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса ген.-майор Никитин, командующий 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизией ген.-майор Надеин, командир Квантунской крепостной артиллерии ген.-майор Белый, командир 1-й бригады 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии ген.-майор Горбатовский, командующий отрядом броненосцев и крейсеров контр-адмирал Вирен, начальник береговой обороны контр-адмирал Лощинский, начальник штаба 3-го Сибирского армейского корпуса полк. Рейс, командир 4-й Вост.-Сиб. стрелк. арт. бригады полк. Ирман, начальник инженеров крепости полк. Григоренко, командир 7-го Вост.-Сиб. стрелк. арт. дивизиона полк. Мехмандаров, начальник штаба крепости подполк. Хвостов, командиры полков: 13-го подполк. Гандурин, 14-го полк. Савицкий, 15-го полк. Грязнов, 25-го подполк. Поклад, 26-го полк. Семенов, 27-го полк. Петруша, начальник штаба 4-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии подполк. Дмитриевский и и. д. начальника штаба 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии кап. Головань.

Ген. Стессель обратился к присутствующим с предложением высказать свое мнение о возможности и способах дальнейшей обороны крепости в зависимости от изменившейся с падением форта № 3 обстановки и действительного состояния крепости. На это было высказано следующее:

Кап. Головань. При обычном способе действия японцев, после каждого достигнутого успеха употребляющих довольно продолжительное время, чтобы прочно устроиться на занятой позиции, и действующих вообще методически, нам держаться еще возможно.

Подполк. Дмитриевский. Пехоты на позиции остается не более 12 тысяч, из коих значительный процент больных. Вполне здоровых, считая все роды оружия, на позиции наберется едва ли больше 10 тысяч. Санитарное состояние гарнизона весьма плохое. Опыт указывает, что на слабосильных, находящихся в полковых околотках, даже в крайности рассчитывать нельзя. Японцы ведут правильную осаду, бороться с которой можно только при помощи артиллерии больших калибров, а снарядов таких калибров у нас мало, и, следовательно, противодействовать работам нельзя. Борьба с артиллерией противника также невозможна. Орудия изнашивались. Таким образом, шансы неравны. Задача была отстаивать крепость до выручки. Крепость долго держалась, но теперь она по частям отмирает. Обороняться можно еще, но сколько времени — неизвестно и зависит от японцев. Они энергично подвозят снаряды и даже подводят войска, хотя и не очень много. Медленной инженерной атаки они могут и не вести, а если есть достаточно сил, то могут прорвать 2-ю линию. Средств для отбития штурма у нас почти нет.

Подполк. Поклад. Если мы держимся, то только переводя силы с одного места на другое. Нравственный дух, к сожалению, расшатан даже среди гарнизона, но держаться необходимо на 1-й позиции, так как на 2-й линии держаться невозможно, ибо на ней нет ни окопов, ни мест для жилья, а на устройство их нет людей.

Подполк. Хвостов. Согласен с картиной положения крепости, нарисованной подполк. Дмитриевским; держаться же нужно до последней крайности. Самое страшное — это вымирание гарнизона. Люди идут в госпитали, а из госпиталей прибывающих нет. Но, чтобы исполнить долг, нужно держаться до последней крайности. Сколько времени удастся — зависит от японцев и их сил.

Подполк. Гандурин. Согласен с высказанным подполк. Дмитриевским и Хвостовым. У нас сил не хватает для занятия линии. На позиции много больных, которые почти не могут двигаться. Все люди готовы умереть, но едва ли это принесет пользу. Это может только ожесточить врага и вызвать резню.

Подполк. Григоренко. К активным действиям мы уже не способны. Ввиду характера противника, следует обороняться, постепенно отходя сначала на 2-ю, а затем на 3-ю линию.

Полк. Петруша. Положение тяжело, но только относительно. Едва ли мы вполне зависим от японцев; если нам тяжело, то им не легче; если нас мало, то и их мало. Они понесли очень тяжелые потери, и дух их также подорван. Безусловно, отказаться от дальнейшей обороны еще несвоевременно.

Полк. Савицкий. Для нас самый опасный враг не японцы, а цинга, которая, постоянно похищая людей из строя, может заставить прекратить оборону.

Полк. Мехмандаров. Средств состязаться с артиллерией противника у нас нет, орудий большого калибра тоже почти нет, но обороняться возможно. Форт № 3 не устоял благодаря оплошности гарнизона, не занявшего гребень после взрыва. Японцев гнали на штурм шашками, и им также тяжело.

Мы еще можем защищаться противощтурмовыми орудиями.

Полк. Грязнов. Настроение людей хорошее, но состав слабый. Никому не известно, сколько крепости придется держаться. Содействие артиллерии слишком слабое. Солдат сумеет умереть, если будет какая-нибудь надежда на выручку.

Полк. Семенов. Следует продолжать оборону. Мы растянуты, но сократить линию обороны не можем. Безусловно, продолжать оборону, стараясь вернуть в строй цинготных. Большую помощь окажут пулеметы, которые делает Моллер и чертежи которых уже готовы. Дух полка хорош, но замечается переутомление. Желательно не переводить роты с одного места на другое, так как это уменьшает стойкость.

Полк. Ирман. Мы имеем 10 тысяч штыков, и, следовательно, нужно обороняться, но при этом необходимо сократить линию обороны. Как это выполнить, нужно обсудить особо.

Полк. Рейс. Основное назначение крепости Порт-Артур служить убежищем и базой для Тихоокеанского флота. Роль эту, насколько зависело от гарнизона, Артур выполнял, пока существовал флот, теперь, по разным причинам, флота более нет, и, следовательно, значение Артура как убежища падает само собой. Значение Артура как сухопутной крепости совершенно ничтожно, так как лежит далеко от всех операционных направлений, но, благодаря своему значению убежища флота, он блистательно выполнил и назначение сухопутной крепости, притянув к себе в то время, когда северная армия наша сосредоточивалась, до 150 тысяч японцев, из коих выведено из строя не менее 100 тысяч.

Теперь сосредоточение армии, конечно, уже закончено, да и Артур не может уже отвлекать на себя значительных сил, так как для борьбы с остатками его гарнизона японцам достаточно держать лишь небольшой отряд. Таким образом, падший Артур в настоящее время на общее положение дела на театре войны никакого влияния оказать не может и является вопросом самолюбия, как национального, так в частности Артурского гарнизона.

Положение крепости таково: из 35 тысяч пехоты осталось около 11 тысяч, из коих значительный процент переутомленных и недомогающих; большое число орудий подбито; снарядов крупных и средних калибров осталось мало. Занятие японцами редутов 1-го и 2-го, капониров и даже форта № 2 не имело особого значения, так как сзади их мы имели оборонительную линию Китайской стены, за которой и держались целые месяцы. С падением форта № 3, если японцам удастся поставить орудия на форту № 3, то Китайская стена будет обстреливаться продольно, а отчасти и с тыла, и держаться за ней едва ли будет возможно; с оставлением же ее в руках японцев окажется участок полигона от Курмашинского манежа до укрепления № 3, то есть около 2 верст, да и положение 3-го укрепления и Курганной батареи становится весьма трудным.

Правда, сзади есть еще так называемая 2-я линия, но она представляет собой в сущности тыловую артиллерийскую позицию, для упорной же обороны пехотой непригодна, так как состоит из системы отдельных горок, не

имеющих никаких приспособлений как для жилья, так и для боя. Конечно, если неприятель, как полагают некоторые, пойдет на 2-ю линию сапой, то на ней можно держаться довольно долго, столько, сколько потребуется времени для ведения сапы; но если, что более вероятно, японцы поведут на эту линию более или менее энергичную атаку, подготовив ее сильным артиллерийским огнем, то линия эта может быть прорвана очень скоро.

За 2-й линией у нас уже нет ничего, за что можно было бы уцепиться, а между тем очень важно не допустить неприятеля после штурма ворваться в город и перенести бой на улицы, так как это может повести к резне, жертвами которой сделаются, кроме мирного населения, еще 15 тысяч больных и раненых, которые своей прежней геройской службой и сверхчеловеческой выносливостью заслужили внимание к своей участи.

Если бы было какое-нибудь основание надеяться, что крепость будет в состоянии продержаться до прибытия выручки, то, конечно, следовало бы стоять до последней возможности, но, к сожалению, на близость выручки нет никаких указаний, — скорее есть признаки, что она еще очень далека. Таким признаком является то, что мы уже два месяца не имели никаких известий из армии. Блокада держится только с юга, к стороне Чифу; следовательно, если бы хоть кусочек западного побережья Ляодуна был в наших руках, то шаланды могли бы беспрепятственно прийти, если же этого нет, то, значит, наша армия еще далеко.

При таких условиях вопрос состоит лишь в том, что лучше — оттянуть ли сдачу крепости на несколько дней или даже часов или спасти жизнь двух десятков тысяч безоружных людей. То или другое решение вопроса, конечно, есть дело личного взгляда, но казалось бы, что последнее важнее, и потому, раз 2-й линии будет угрожать серьезная опасность, этой линией следует воспользоваться как средством для возможности начать переговоры о капитуляции на возможно почетных и выгодных условиях.

Ген. Горбатовский. Время сдачи не может повлиять на условия сдачи, но держаться необходимо. Мы очень слабы, резервов нет, но держаться необходимо, и притом держаться на передовой линии. Было бы обидно после сдачи узнать, что помощь близка. Защищать 2-ю линию с данным числом войск трудно, так как она слишком длинна и не имеет закрытий.

Ген. Надеин. Держаться на 1-й линии возможно дольше. На 2-й линии, не имея резервов, держаться нельзя.

Ген. Белый. Если в полевой армии сила измеряется числом штыков и шашек, а артиллерия является вспомогательным родом орудия, то здесь артиллерия приобретает преобладающее значение. В крепости и материальное и нравственное значение артиллерии громадно. Положение артиллерии таково: если действия ее кажутся многим недостаточно энергичными, то это потому, что артиллерия наступающего всегда должна быть сильнее, иначе он бы и не атаковал. Атакующий может концентрировать свою артиллерию, а мы нет. Цели для стрельбы теперь представляются все реже и реже. В числе артиллеристов очень много больных и калек, а пополнять некому. Убыль в каждом бою продолжается. Специалистов-наводчиков почти

не осталось, что отражается на качестве стрельбы. Орудий крепостных осталось мало, и они износились. Снарядов еще хватает для обороны. Придавать особое значение падению форта № 3 нельзя, пока там не поставлены орудия. При имеющихся средствах держаться еще можно на 1-й линии.

Ген. Никитин. Преждевременно заключать, что крепость отмирает. После ряда грандиозных штурмов неприятель отказался от них и начал вести правильную осаду. Правильную, но медленную, иногда даже слишком медленную. Еще 17 октября они подошли вплотную к некоторым фортам и сидят там до настоящего времени, поэтому можно ожидать, что и на 2-ю линию они не пойдут открытой силой. Они уже не способны на штурм и дальше не пойдут без траншей. На 2-й линии мы можем держаться еще месяц, но только не нужно набивать людей в траншеи. Артур не выполнил своего назначения, потому что суда в нем еще есть, хотя они и затоплены и не могут действовать, и мы должны их охранять. Если Куропаткин не двинется вперед, то значит, сосредоточение еще не кончено, и мы должны отвлекать от него силы японцев, а если он идет, то тем более. Снаряды еще есть. Нужно усилить выделку вспомогательных средств обороны — бомбочек и метательных мин. Личный состав количеством не слаб и, вероятно, не слабее японцев. Надо обратить внимание не на больных, а на здоровых, улучшив их питание. Переходить на 2-ю линию преждевременно и до последней возможности следует держаться на 1-й линии. Мы должны бороться потому, что по принципу, по идее, выручка будет. Сократить фронт обороны нельзя.

Адм. Вирен. Присоединяется к мнению, что можно и должно продолжать защиту.

Адм. Лошинский. Тоже. Нужно сосредоточить огонь, чтобы мешать противнику ставить орудия на занятых им пунктах.

Ген. Фок. Японцы будут продолжать правильную инженерную осаду, и теперь время атак их всегда совпадает только с успехом их минных работ. Поэтому полагаю, что первый удар их направлен будет на укрепление № 3. Особенно беспокоит теперь то обстоятельство, что японцы ведут мину против редута № 1 к люнету у исходящего угла Китайской стены и, кажется, уже закончили работу. Было бы весьма желательно помешать им контрминой, потому что если они захватят эту часть Китайской стены, то положение сделается очень трудным.

У нас две задачи: японцы могут одновременно атаковать укрепление № 3 и угол Китайской стены, а что для нас важнее—вопрос. С потерей укрепления № 3 у нас есть еще Курганная батарея, которую нужно штурмовать, так как идти ходами сообщения слишком долго; но возможно, что Курганную батарею заставят очистить огнем с 3-го укрепления. С падением же Курганной батареи придется бросить и большую часть 2-й линии, а весь Старый город окажется под обстрелом. Китайская стена еще важнее, но если японцы поставят орудия на форту № 3, то вся она будет лишена всякого подвоза и гарнизон ее будет нуждаться во всем, начиная с воды. Весь вопрос в том, удастся ли помешать японцам поставить орудие на форту № 3, и для этого нужно употребить все усилия. Существенно важно держаться Китай-

ской стены, остальные позиции ничего не стоят; с потерей ее — сопротивление можно считать только часами. Успех обороны фортов зависит от успеха наших контрминных работ. Оборонять форты пехотой собственно нельзя.

Ген. Смирнов. Каждая крепость создается для известной потребности, и этим определяются возлагаемые на них задачи. Сообразно этим задачам вырабатывается инструкция коменданту, получающая высочайшее утверждение и определяющая способ и предел обороны крепости. Вообще признается, что крепость можно сдать тогда, когда исчерпаны все средства обороны, и вопрос о средствах обсуждается в совете обороны, но окончательное решение принадлежит коменданту. Для Порт-Артура особой инструкции не существует, и задачи его определяются самим положением вещей. Задачи эти — прикрытие флота и отвлечение сил. Сосредоточение армии, вероятно, еще не кончилось, и мы еще выполняем 2-ю задачу; поэтому относительно сдачи и речи не может быть. Средства, которыми мы располагаем, сильно уменьшились.

Когда устраивают крепости, то их делают на большой или на малый гарнизон; тип крепости второго рода — крепость-форт, первого — крепость-плацдарм, причем большие крепости обыкновенно состоят из ряда концентрических линий обороны, которые последовательно будут соответствовать уменьшающейся численности гарнизона. Если число защитников уменьшилось втрое и число орудий наполовину, а продовольствие с года на месяц, то это нужно считать положением нормальным для крепости малой. Сейчас, относя больных и раненых к населению, численность последнего достигает до 20 тысяч, а продовольствия осталось на 1½ месяца. Полигон остается прежний. Гарнизон не отвечает протяжению линии фортов, хотя еще есть две запасные полевые позиции, которые в крайности можно очистить, — это Лаотешань и Сигнальная горка. Если защитников останется еще меньше, то следует перейти к внутренним линиям. Китайская стена очень важна, так как имеет приспособления для жилья и укрытия и дает возможность пользоваться бомбочками, чего мы лишаемся с ее потерей, поэтому ее лучше держать до последней возможности, ослабив оборону остальных участков.

План обороны должен стремиться к сокращению полигона. На 2-й линии мы можем держаться еще неделю. Затем мы можем держаться на 3-й линии, которую составляют внутренняя ограда позиции Хоменка, Большая и Опасная гора; наконец, если гарнизон сократится хотя до 3 тысяч, то с ними можно оборонять внутренность Старого города. Я не буду утомлять внимания подробностями организации такого переноса обороны, но сдача может быть вызвана только истощением продовольствия.

Ген. Фок. Практически этого выполнить нельзя. Став на 3-ю линию, мы отдаем госпитали и город на полное истребление. Тогда уж лучше сдать город, и тем, которые не желают сдаваться, с охотниками идти на Лаотешань и там обороняться.

Ген. Стессель. Держаться нужно на 1-й линии, пока это будет возможно. Жить на 2-й линии, где нет помещений, в теперешнее морозное время

нельзя: люди не выдержат и начнут уходить в казармы, и проверить это очень трудно. Если сумеем удержать Китайскую стену, укрепление № 3 и Курганную батарею, то держаться можно; если же сойдут с этой линии, то следует переходить прямо на линию позиции Хоменка, где есть поблизости помещения для жилья, держа наверху только часовых. Если от 1-й линии японцы пойдут сапой, то, конечно, продержаться долго. Оборудование нескольких линий теперь совершенно невозможно. Артиллерия должна употребить все усилия, чтобы помешать поставить орудия на форт № 3, иначе на Китайской стене держаться нельзя. На 2-й линии нужно держаться пока возможно, отнюдь не допуская неприятеля в город и не перенося борьбу на улицы, чтобы не вызвать резни раненых, которые заслужили внимание к своей участи.

Верно: ген.-майор Рейс.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 345—351.

Приказ

Войскам Квантунского укрепленного района Порт-Артур

20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)

Так как условия капитуляции заключены, то для передачи фортвов японцам предписываю исполнить следующее:

1) Завтра к 9 часам утра должны быть выведены гарнизоны всех фортвов, батарей и укреплений, между Лунхэ и укреплением № 5, т. е. пехота, скорострельная артиллерия в запряжке, прислуга крепостных и прочих орудий.

2) Остается для передачи комендант форта с двумя нижними чинами.

3) По очищении указанных фортвов морские команды выделить от сухопутных и тотчас передать в ведение их морского начальства по принадлежности.

4) Начальникам участков и фронтов обязывается наблюдать за полнейшим порядком всего изложенного.

5) Казачья сотня, а затем охотничьи, конные команды под общим начальством ген. штаба кап. Романовского тотчас занимают позади в Новом и Старом городах заставы для наблюдения за исполнением всех установлений, за полным порядком и благочинием в городе и не допускают безобразий, памятуя, что всякий безобразный поступок какого-либо негодяя может вызвать резню на улицах и истребление больных и раненых.

6) Приведение всего этого в исполнение возлагаю на коменданта крепости, в помощь ему назначается начальник 7-й дивизии ген.-майор Надеин.

7) Прошу адмиралов и командиров экипажа усилить всю наблюдение за морскими командами, назначая для сего офицеров с патрулями; необходимо не допускать производства беспорядков.

8) Коменданту города и полицеймейстеру иметь за порядком самый строгий надзор.

9) Гарнизоны очищаемых фортов отвести в казармы и никуда не расхотятся.

Ген. Стессель.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 354.

**Адм. Вирен, адм. Григорович, адм. Лошинский —
Вел. князю Алексею Александровичу Романову (генерал-адмиралу)**

Донесение

Порт-Артур, 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)

Хотя в заседании всех старших начальников под председательством генерал-адъютанта Стесселя, бывшем 16 декабря, было решено огромным большинством голосов продолжать защиту крепости елико возможно, ввиду имеемого еще запаса снарядов на некоторое сопротивление и провизии более чем на месяц, тем не менее вчера, 19 декабря, генерал-адъютант Стессель послал письмо с парламентом командующему японской армией относительно капитуляции крепости, не предупредив об этом ни коменданта, ни нас — морских начальников, сообщив только лишь о совершившемся факте для уничтожения судов, орудий и прочего, дав для этой цели в наше распоряжение одну ночь. Ввиду этого, не имея другого выхода, вынуждены были немедленно уничтожить все, что не должно было достаться трофеями неприятелю. Шесть исправных эскадренных миноносцев отправлены в нейтральные порты, один из них к консулу в Чифу, согласно желанию генерал-адъютанта Стесселя, со знаменами сухопутных войск, флагом Квантунского экипажа, георгиевскими рожками с канонерских лодок «Бобр» и «Гиляк» и секретными бумагами.

Вирен, Григорович, Лошинский.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 354—355.

Приказ

Войскам Квантунского укрепленного района

Порт-Артур, 21 декабря 1904 г. (3 января 1905 г.)

Предписываю сегодня же сдать все оружие в Новую тюрьму, счетом от каждого полка, начиная 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 5-й полки, затем 7-я дивизия, три запасных батальона, креп. артиллерия, саперная, ж.-д., минные роты, пограничная стража, полевая артиллерия. Все это должно быть сложено к 12 часам дня 22-го числа. С 12 часов 22-го числа туда сложить оружие, взятое у японцев. Морякам сдавать оружие по распоряжению командира порта в порт сегодня же. Дружинникам в арсенал сегодня же. Для казаков будет назначено время. Подтверждаю строжайше, чтобы ни единого ружья

не оставалось в казармах. Каждый полк доносит тотчас по начальству о сдаче. Караул поставить 20 чел. от казаков.

Сегодня в 2 часа дня очистить все форты и перейти в казармы. Остаются для сдачи указанные в приказе № 984, т. е. коменданты и 2 нижних чина.

Генерал Стессель.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 355.

Ген. Куропаткин — ген. Викт. Викт. Сахарову

Донесение

Д. Сахетунь, 18 (31) января 1905 г.

Сообщаю дословно на мое имя депешу генерал-лейтенанта Смирнова из Порт-Артура от 20 декабря: «Генерал-адъютант Стессель вступил в переговоры о сдаче крепости без предупреждения и вопреки моему и большинства начальников заключению. Генерал-лейтенант Смирнов». Ввиду такой депеши, прошу не отказать уведомлением: полагается ли по выяснении условий сдачи Порт-Артура и обстоятельств, сопровождающих эту сдачу, принять какие-либо меры к привлечению генерал-адъютанта Стесселя к указанной в законе ответственности за сдачу крепости.

Генерал-адъютант Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 355.

Официальные донесения японских главнокомандующих

*Донесение от войск гарнизона Ляодунского полуострова
ночью 13-го января (31-го декабря).*

Неприятельские войска, отброшенные из района Инкоу 12-го января (30 декабря), бежали в беспорядке на север от Такаокан.

Судя по числу убитых и раненых, 62 и 6, оставленных противником и разбросанных по полю сражения, а также по количеству оружия, потери русских были не менее чем 200 человек.

Отряд наших войск отбросил противника 13-го января (31 декабря) от Ньючванга и принудил его отойти в замешательстве.

*Донесение из главной квартиры Маньчжурских армий
Токио, утро 18-го января (5 января) 1905 года*

14-го января (1-го января) один из наших отрядов окружил часть неприятельских войск у Санчахе, к западу от Ньючванга и обратил их в бегство. Противник потерял свыше 300 убитых и раненых. Военная добыча, в том числе оружие, досталась нам в большом количестве.

Со слов штабного офицера вышеупомянутого отряда в рядах противни-

ка, ввязавшегося с нами в бой, находилось много солдат китайской регулярной армии.

16 января (3 января) отряд от 500 до 600 человек неприятельской конницы при 10 орудиях, который был обращен в бегство со стороны Ньючанга, направился на северо-восток через Ляотунгу. Вечером того же дня наш кавалерийский отряд имел у Ляохеше столкновение с казаками. Отряд доносит, что некоторые солдаты этих русских частей были одеты в китайское платье, другие имели кроме того еще китайские шапочки, а большое число людей были одеты совершенно по-китайски, причем имели косы. Войска эти, по-видимому, очень утомлены.

Положение в районе Хеиенчанга.

23 января (10 января).

Получено в Токио после полудня 24-го января (11-го января).

23-го января (10 января) часть наших войск вытеснили около одного эскадрона неприятельской кавалерии из пункта к северо-западу от Вейц-зыю (северо-восточное Хеиенчанга) и заняла его; нам досталось несколько лошадей и оружие.

Другой отряд наших войск атаковал и обратил в бегство противника в районе Чанг-ченга. Неприятель потерял свыше 20 человек, а пять русских, в том числе есть офицеры, взяты в плен. Мы овладели некоторым количеством оружия и лошадьми.

Положение на Шахэ.

25 января (12 января)

Донесение от главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио после полудня 27-го января (14-го января).

25-го января (12-го января) противник, расположенный на правом берегу Хуньхе, приступил к военным действиям, причем из района к югу от Чангтара, на Хейгоутай и Чандзепао двинулись силы, численностью не менее армейского корпуса. 26-го января (13-го января) наши войска перешли в наступление и оттеснили в направлении на Лиутяокоу из района Чандзепао отряд противника, силою около одной дивизии. С 26-го января (13-го января) другая часть наших войск ввязалась в ожесточенный бой в районе Хейгоутая, с противником, численностью свыше одной дивизии.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб, 1909. Т. 2. С. 44—47.

Ген. Куропаткин — Николаю II

Донесение

Д. Сахетунь, 18 (31) января 1905 г., 15 ч 35 мин.

Командующий 2-й Маньчжурской армией донес мне, что «вчерашнего

числа он заболел и службу исполнять не может и просил указать, кому сдать командование армией. Мною сделано распоряжение вступить во временное командование 2-й армией командиру 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Мылову, сдав командование 8-м корпусом начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Иванову.

Генерал-адъютант Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 397.

Ген. Гриппенберг — Николаю II

Донесение

Д. Матурань, 18 (31) января 1905 г., 18 ч. 35 м.

Истинная причина, кроме болезни, заставившая меня просить об отчислении меня от командования 2-ой Маньчжурской армией, заключается в полном лишении меня предоставленной мне законом самостоятельности и инициативы и в тяжелом сознании невозможности принести пользу делу, которое находится в безотрадном положении. Благоволите, государь, разрешить мне приехать в Петербург для полного и откровенного доклада о положении дел здесь.

Генерал-адъютант Гриппенберг.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 398

Ген. Куропаткин — ген. Бильдерлингу

Циркулярное письмо № 1723

7 (20) февраля 1905 г.

Предварительно решения, какое развитие должны получить наши начинаемые наступательные действия, я считаю необходимым еще раз очертить общую обстановку предстоящих действий, в настоящее время отличающуюся от той, в которой мы находились в начале минувшего месяца. В то время наши намерения для противника были неизвестны; фронт Уанчжуанцзы — Сандепу был почти не укреплен, за исключением опорных пунктов Сандепу и Лидиутунь; к укреплению его японцы приступили лишь после перевода на этот фронт 10-го и 8-го корпусов. Армия Ноги, хотя и свободная после взятия Порт-Артура, могла подойти только своими головными частями и то не укомплектованными. Наша железная дорога в тылу была в безопасности.

После же неудачного наступления к Сандепу намерения наши, надо предположить, обрисовались противнику более чем с достаточною ясностью. Японцы в значительной мере укрепили не только фронт Уанчжуанцзы — Сандепу — Хегоутай, но и против фронта 1-й и 3-й армий, а по некоторым

сведениям ими получены и поставлены на позиции осадные орудия. По сведениям от пленных около половины января прибыли 1-я и 9-я дивизии.

Произведенные японцами вместе с хунхузами нападения на наши железнодорожные мосты вынудили меня принять обширные меры, дабы обезопасить от нападений железную дорогу; для сего выделены из наших сил бригада пехоты с тремя батареями и Донская казачья дивизия с двумя казачьими батареями, а также передано в охрану дороги 10 эшелонов пополнений, которые большею своею частью должны были поступить на пополнение рядов армий.

Группировка японских войск на фронте после нашего наступления в общем не изменилась; против 1-й армии по-прежнему остаются, по-видимому, 12-я, гвардейская, 2-я и 10-я дивизии и 2-я, 5-я и сводная гвардейская резервные бригады; против 3-й армии — 3-я и 4-я полевые дивизии и 3-я и 6-я резервные бригады; против 2-й армии в настоящее время вероятно, находится 8-я дивизия, части 1-й, 8-й, 4-й и 11-й резервных бригад. В резерве, в районе Шилихэ — Янтайские копи — Ляоян — Тадусампу, — 5-я, 6-я и 9-я дивизии, а по некоторым сведениям также и 7-я полевая дивизия. Куда японцами будут направлены остальные дивизии армии Ноги, а равно какое назначение получат вновь сформированные дивизии, — неизвестно.

Они могут быть направлены немедленно для усиления армий Ойямы; могут быть сосредоточены на среднем Ялу для действий на наш крайний левый фланг или в направлении на Гирин, или, наконец, часть сил их может быть высажена в бухте Гашкевича для движения в тыл, в направлении на Нингуту — Гирин или же в направлении на Владивосток.

Прибытие этих подкреплений к армиям Ойямы настолько уравновесит их силы с нашими, что японцы, может быть, окажутся в силах перейти к наступательным операциям, пользуясь при этом растянутостью наших позиций. Группировка их вполне способствует переходу в наступление в любом направлении даже и в настоящее время.

Направление этих подкреплений на наш левый фланг заставит значительную часть наших резервов направить к Фушуну или Инпани, и мы будем вынуждены к пассивным действиям. Наконец, направление на Гирин — Нингуту заставит нас часть подходящих резервов задержать у Харбина и направить в угрожаемый район.

Принимая во внимание проявленную японцами энергию, можно ожидать, что прибытие этих подкреплений в том или ином направлении не замедлится.

В настоящее время мы имеем в 1-й армии, не включая Цинхэченский отряд, 104 батальона, в общем 89 200 штыков; в 3-й армии — 72 батальона, 64 358 штыков; во 2-й армии — 126 батальонов, 99 900 штыков; 13 в общем резерве — 50 батальонов, 41 795 штыков.

Против нас, если считать, что к армиям Ойямы прибыли все 4 дивизии армии Ноги, японцы могут выставить: против 1-й армии для оборонительных действий — 2-ю, 10-ю и 12-ю дивизии, сводную гвардейскую, 5-ю и 2-ю резервные бригады — 60 батальонов, 54 000 штыков; против 3-й ар-

мии — 3-ю и 4-ю дивизии, 3-ю и 6-ю резервные бригады — 40 батальонов, 36 000 штыков; против 2-й армии к концу второго дня могут быть сосредоточены 8-я, 1-я и 9-я дивизии, 1-я, 8-я и 11-я резервные бригады — всего 68 батальонов, 61 000 штыков; кроме того в резерве на линии Шилихэ — Янтайские копи — гвардейская, 5-я, 6-я, 7-я, 11-я дивизии — 60 батальонов, 54 000 штыков.

Резерв этот может поддержать или войска, действующие против 2-й армии, составив силу в 128 батальонов — 115 000 штыков, или же, удерживая наступление 2-й армии, японцы могут направить главный удар на наш центр, образовав группу в 100 батальонов — 90 000 штыков.

Дальнейшие подкрепления японцев будут состоять в указанных выше 3 вновь сформированных дивизиях, которые могут быть направлены или для усиления армии Ойямы, или в направлении на наш левый фланг и тыл, в направлении на Нингуту — Гирин или на Владивосток.

В подкрепление к нам ожидаются: 3-я стрелк. бригада, прибывающая в Мукден полностью к 25 февраля; 4-я стрелк. бригада — к 5 марта; к 10 марта — пластунская бригада, а всего 22 батальона. К 10 марта заканчивается прибытие 47 000 маршевых команд. 2 марта начинают прибывать в Харбин части 4-го арм. корпуса. К 10 же марта во Владивостоке и Никольске будут закончены формирование 4-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии и развертывание 2-й и 8-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизий, что в общем, вместе с развернутым в полк Хабаровским батальоном, даст в этом районе 44 батальона. Но с нашим усилением равномерно усиливается и противник. Имея охватывающую базу, владея морем, он имеет большую свободу маневрирования.

Наконец, по отношении времени года в конце февраля наступят в занимаемом нами районе теплые дни, реки вскроются, почва размякнет, сделается тяжелой для передвижения артиллерии и обозов, но вместе с тем явится возможность быстро окапываться.

Кроме того следует также иметь в виду, что победа, даже частная, поднимет дух наших войск и отнимет уверенность у японцев; победа нам крайне необходима для улучшения внутренних дел России, и в этих видах переход ныне же к решительному бою представляет известные выгоды.

Приступая при очерченной, с полной откровенностью, обстановке к наступательным действиям, оставляя без изменений данные мною армиям в предписании от 6 января за № 32 директивы, я желал бы выслушать мнение вашего высокопревосходительства, признаете ли вы возможным при данной обстановке обратить наше наступление в решительное сражение и с этой целью после взятия Сандепу немедленно продолжать дальнейшее наступление 2-й армией к Лидиутуню и далее совместно с 3-й армией в направлении к Шахэ, с целью овладения этою позицией, а затем и Хоутхайской сопкой, отбрасывая вместе с тем японцев от Ляояна, или вы сочтете необходимым действовать более осторожно, т. е. заняв Сандепу и Лидиутунь, укрепив их, пополнить убыль, получить в подкрепление 3-ю, а быть может, и 4-ю стрелковые бригады и только затем приступить к дальнейшим, но уже решительным операциям.

Мнение ваше благоволите прислать в самом непродолжительном времени, дабы я мог его иметь в виду при предстоящих операциях.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Генерал Куропаткин.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 399—401.

**Сводка мнений командующих 1-й, 2-й и 3-й армиями,
присланных ими в ответ на циркулярное письмо**

ген. Куропаткина № 1723

13 (26) февраля 1905 г.

В вопросе о времени перехода в наступление командующие 1-й и 2-й армиями стоят за немедленное начало активных действий; общим мотивом при этом, главным образом, является скорое наступление теплого времени и связанное с ним вскрытие р. Хунхэ и оттаивание прилежащих к ней болот. Вместе с тем «всякое промедление в наступлении может невыгодно отразиться на численном перевесе нашем», — пишет командующий 1-й армией. Такого же мнения держится и барон Каульбарс, который находит, что при настоящем положении японцам наиболее выгодно, отказавшись от трудных операций на Владивосток и Нингуту, ограничиться лишь легкими приобретениями (Сахалин, Командорские острова, Камчатка) и прибывающие подкрепления направлять в армию Ойямы, положение которой при нашем превосходстве сил не может считаться вполне обеспеченным. Ввиду этого выигрыш во времени, замедление в начале наступления, не принесет никакой пользы, так как подкрепления, прибывающие из Европейской России, еще долго будут уравниваться быстрым усилением противника.

Временно командующий 3-й армией имеет основную идею: неуклонное, безостановочное и непрерывное приведение раз выработанного плана в исполнение, что требует всесторонней подготовки и принятия во внимание целой совокупности данных. «Можно отсрочить, — пишет генерал Бильдерлинг, — начало самой операции, но затем, обеспечив успех значительным превосходством сил, ломить безостановочно». Вот основание его мнения, что «время для перехода в наступление должно зависеть от воли главнокомандующего».

В вопросе о развитии наступательных действий командующий 1-й армией и временно командующий 3-й армией стоят за самое решительное продолжение операции по занятию Сандепу и даже Лидиутуня. При этом генерал Линевич имеет в виду опасность в замедлении активных действий и отсрочке «решительного сражения»; генерал Бильдерлинг идет дальше и находит, что занятие Сандепу и Лидиутуня «как отдельная операция, без непосредственной и непрерывной связи с дальнейшим наступательным планом, не имеет даже значения». «Широко задуманный и по возможности хорошо предусмотренный план», по мнению генерала Бильдерлинга, «дол-

жен сам по себе развиваться при твердом намерении всех исполнителей довести его до конца». Командующий 2-й армией хотя и не касается в своем письме вопроса о характере действий после взятия Сандепу, однако мнение его о необходимости «возможно усилить 2-ю армию» указывает, по всей вероятности, на желание вести наступление самостоятельно в самых широких размерах.

Генерального штаба капитан граф Игнатьев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 401—402.

**Описание военных действий частей 2-го Сибирского армейского корпуса
31 января—27 февраля (13 февраля—12 марта) 1905 г.**

...С 13 по 22 февраля, в течение десяти дней, войска вверенного мне корпуса вели упорный бой с японцами на р. Шахэ. Доблесть всех родов войск была выше всякой похвалы. Не только стрелки, уже неоднократно доказавшие свою непоколебимую стойкость при обороне вверенных им позиций, но и полки 1-й Сибирской пехотной дивизии, дравшиеся в составе корпуса впервые, показали себя с самой лучшей стороны. Артиллерия наша, выдержав четырехдневный бой с превосходящей по численности и по калибрам артиллерией противника, принимала самое деятельное участие в отражении всех атак стрельбой на картечный выстрел.

Служба казаков телеграфной роты, обслуживавших до 50 телефонных, телеграфных и гелиографных станций, саперных рот, принимавших, помимо специальных работ, участие в отражении неприятельских атак, служба медицинского персонала и парков заслуживают полного одобрения.

Общий успех на всей позиции был в течение 10 дней упорного боя. Ни одно из укреплений главной позиции не было уступлено японцам, несмотря на их яростные атаки. При начале последних в корпусном резерве было всего два батальона Сретенского полка. Все остальное было отдано в помощь соседям на Гаутулинскую позицию и позицию 11-го Вост.-Сиб. стрелкового полка.

Несмотря, однако, на столь малый резерв, быстрое перебрасывание частей войск с неатакованных участков на атакуемые и накопление резервов днем дали возможность парировать все попытки японцев ворваться на позицию в разных местах.

.....
Всего на правый участок позиции в подкрепление было послано $10\frac{1}{2}$ батальонов и снято для образования резерва 7 батальонов; на левый боевой участок послано $6\frac{3}{4}$ батальона, снято 4 батальона.

Таким образом, вместо 18 батальонов, которыми я располагал при начале атак, всего к 22 февраля одновременно приняло участие в бою до 38 батальонов, а общее число батальонов, принимавших участие в жонглировании, простирается до 65 батальонов.

Потери наши были велики, но противник, безусловно, понес в 2—3 раза больше.

Всего у нас убито офицеров и зауряд-прапорщиков 16; ранено офицеров и зауряд-прапорщиков 34; контужено 14; всего выбыло из строя 64.

Нижних чинов: убито 350, ранено 1 334, контужено 59, не вернулось 11. Всего выбыло 1 754 человека. В том числе: частей 2-го Сибирского корпуса: выбыло 60 офицеров и 1 581 нижний чин; частей 4-го Сибирского корпуса: выбыло офицеров 4 и нижних чинов 173. Кроме того не показано число убитых и раненых Читинского, Нерчинского полков и 6-й Вост.-Сиб. стрелковой артиллерийской бригады.

Эти потери на укрепленной позиции ясно свидетельствуют об упорстве боя.

Все 27 атак японцев на нашу позицию были отбиты. Насколько настойчивы и яростны были атаки противника, насколько горяч был бой на позиции у Кандолисана, свидетельствует показание одного раненого, что горные орудия, поставленные японцами на берегу р. Шахэ, открывали огонь по своим же солдатам, чтобы остановить отходящие после отбитых атак части и чтобы огнем своих орудий поднять измученные войска на новые и новые атаки.

Телеграмма из Токио в газете «Новое время» от 2 (15) марта описывает этот бой в следующих выражениях: «Офицер гвардии Микадо описывает начало великого боя, состоявшее из ряда ожесточенных ночных атак. Один раз русские с изумительным мужеством произвели три контратаки; бились врукопашную. Русские, получив значительные подкрепления, открыли фланговый огонь по японцам, которые понесли большие потери и должны были отступить. Затем русские, в составе 10 батальонов, произвели атаку. Завязался ужасный бой. Были пущены в ход штыки и шашки. Один японский капитан убил трех русских, но затем был сам заколот штыком, пронизавшим ему горло. В конце концов, русские были отражены».

Весть об отходе была тяжела для всех. Войскам приходилось теперь расстаться со своими неприступными позициями, обильно политыми кровью, и покинуть свои горные землянки, в которых они провели более 4¹/₂ месяцев с твердой верой в победу над врагом. И этой победы — частной в общем ходе дел — они, безусловно, достигли.

Одно слово — и войска двинулись бы стремительным потоком вперед, добивая уставшего и разбившегося о нашу позицию врага. Но было отдано приказание, — войска повиновались и отошли в полном порядке.

.....

После 10-дневного упорного боя на р. Шахэ войскам вверенного мне корпуса пришлось совершить 14-дневный отступательный марш до д. Сяозантай. С 22 февраля по 1 марта марш совершался при непосредственном соприкосновении с противником. Уже 23 февраля после небольшого арьергардного дела у д. Тундятунь выяснилось, что японцы на этот раз будут не отступно нас преследовать. Действительно, на следующий же день по занятии нами позиции на р. Хунхэ корпус был атакован японцами. После полуночного отпора 25 февраля японцы в этот день нас не преследовали. Но уже

26 наш арьергард на перевале южнее д. Лацзыгоу снова вошел в соприкосновение с противником.

Точно так же 27 февраля корпус занял позицию на р. Фанхэ у д. Суятунь, а 1 марта было горячее дело у этой деревни. И на этот раз после отбитых нами атак японцев на нашу передовую позицию они не рискнули в течение остального дня повторить свои атаки на главную позицию.

Потери наши — до 600 человек на р. Хунхэ и до 850 человек на р. Фанхэ лучше всего свидетельствуют о большом напряжении этих кратковременных, но горячих боев, и после каждого боя японцы временно приостанавливали свое преследование.

На марше войска сохраняли полный порядок.

Не только все обозы 2-го корпуса были своевременно отведены назад без всяких потерь, но и обозы чужих корпусов, как-то: 3-го, 4-го и 6-го Сибирских, 1-го и 17-го армейских, парки, транспорты и повозки тыловых учреждений — всего до 5 000 повозок получили возможность уйти по нашей корпусной дороге, несмотря на три труднопроходимых перевала у дд. Сандагоу, Лацзыгоу и Фэнсуйлин...

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 449—450.

Ген. Соболев — ген. Сахарову

Из письма

29 марта (11 апреля) 1905 г.

...Как на одну из главных причин (поражения под Мукденом) можно указать на страшную запутанность в командном отношении, господствовавшую в армии. Все было так перепутано, что до сих пор еще не все распутано. Ген. Церпицкий в последних боях не имел под своей командой ни одной части своего корпуса. Это он сам говорил. То же и многие другие. Когда выяснилось, что мукденские операции окончились и все перемешалось, корпусные командиры 2-й и 3-й армий искали свои войска, бывшие в разных отрядах. Многие начальники ездили с одним конвоем, ибо части их были рассыпаны по полкам, батальонами и даже ротами по разным отрядам. Шли толпы, составленные из разных армий, корпусов и дивизий.

За все время войны я одни сутки, и то не полные, имел в своих руках корпус в полном составе. В бою 25 февраля под Хоулином у меня было 14 батальонов...

Л. Соболев.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 471.

Официальные донесения японских главнокомандующих

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий

Токио, 31 января (18-го января)

[...] Вчера 30-го января (17-го января) после полудня, две роты непри-

ательской пехоты, которые двинулись со стороны Чангтана на Яцупао (около 21½ миль к северо-западу от Чентанпао), еще другие войска, в составе двух батальонов пехоты и одного полка кавалерии, пытались совместно атаковать Тутайцзы, но были отбиты нашими войсками. По словам пленных, кавалерийский генерал Мищенко, который отличился своими отважными действиями на наш левый фланг, ранен в ногу 27-го января (14-го января) в районе Эрпао.

*Донесение о сражении у Хейгоутай, полученное в Токио
от главнокомандующего Маньчжурскими армиями
1-го февраля (19-го января).*

Недавнее сражение на Хуньхе, которое продолжалось от 25-го по 29-е января (12-го по 16-е января) названо сражением у Хейгоутая.

Армия, организованная с целью атаковать противника, наступавшего в окрестности Хейгоутая, сосредоточилась в районе Татая около полудня 25-го января (12-го января). В этот день отряд наших войск, расположенный в Хейгоутаяе, был окружен войсками противника, силою приблизительно в одну дивизию, и после упорного сопротивления отошел под прикрытием темноты в сторону Кученцзы.

26-го января (13-го января) командующий вышеупомянутой армией приступил к операциям против Хейгоутая; он приказал своей правой колонне занять позицию по линии Сумапао — Тоупао, левой колонне расположиться влево от нее; весь артиллерийский корпус развернулся на западной окраине Лоукяя. Шел сильный снег и было очень холодно; вследствие этого кругозор был весьма ограничен, и наши операции значительно замедлились. Атака была в действительности начата не раньше полудня. Вскоре после этого получилось сведение, что со стороны Чангтана подходят еще неприятельские силы, численностью около одной дивизии; они окружили Чентанпао и выделили против нас один или два батальона. Тогда одному отряду наших войск, расположенных в районе Кученцзы, было немедленно приказано оттеснить эти войска противника.

Левая колонна нашей армии развернулась по линии Сумапао—Вукяцзы, а противник занял линию Хейгоутай — Тоупао. Неприятельская позиция в Тоупао почти представляла собою вид крепости, так сильно она защищена была пулеметами. Таким образом, было очевидно, что успех атаки Хейгоутая зависит от предварительного овладения Тоупао; поэтому наши силы были направлены, главным образом, на этот пункт. Правая колонна, тесня перед собой около двух батальонов противника на восточной окраине Ляокяо, развернулась по линии Лаокяо — Сумапао и стала энергично теснить противника, наступая по обнаженной местности, совершенно открытой для неприятельского огня. Неприятельские батареи в 30 орудий были расположены вокруг Хейгоутая, умело обстреливали косвенным огнем наши войска и наносили нам тяжелые потери. Наши попытки к атаке не дали успешных результатов даже и при наступлении ночи.

27-го января (14-го января) противник, теснивший нашу правую колонну, отошел, после чего отряд, в районе Кученцзы, был двинут в атаку на Хейгоутай: таким образом он составил центральную колонну армии, левый фланг которой упирался в Сумапао.

В то же время части войск, расположенной около Лангтунгоу, было приказано занять линию Лиутяокоу — Ликявопенг и охранять, таким образом, тыл правого фланга и дер. Чентанпао. Другие войска были посланы в Хсиуерпао, имея задачей очистить этот пункт от противника и охранять тыл нашей армии.

Вышеназванная часть в районе Лангтунгоу выступила в 10 час. 45 мин. утра и энергично наступала вперед на восток от дер. Татай под жестоким огнем неприятеля, который силою около дивизии занимал линию дер. Лиутяокоу — Ликявопенг. Таким образом, оказалось возможным обеспечить тыл правой колонны нашей армии.

Наша армия сражалась весьма храбро при атаке Хейгоутая, но вследствие постоянного подхода подкреплений, в особенности орудий, получаемых противником, мы несли большие потери и наши действия очень медленно продвигались вперед. Нас, однако, ничто не устрасило, войска были настойчивы и постепенно, шаг за шагом, одолевали противника.

Наша левая колонна была атакована во фланге и с тылу русскими войсками, силою около дивизии, которые подошли со стороны Неучу и Хунанлашедцзы; ее также обстреляли с тыла неприятельская пехота и конная артиллерия, проникшая в район Пахуангти. Левый фланг колонны понес большие потери в офицерах и нижних чинах и был вынужден временно отойти к Санчиенпао.

В течение ночи армия наша была атакована со всех сторон. В особенности сильно наши войска были атакованы с фронта и с тыла неприятельскими частями, силою каждая в один полк в районе Сумапао. После жестокого рукопашного боя нам повсюду удалось отбросить неприятеля.

Наш отряд, который двинулся по направлению на Хсиуерпао, встретив сопротивление превосходных сил противника, остановился по линии Чукявопенг — Хсиешао. Другой отряд, который 28-го января (15-го января) двинулся из района Лангтунгоу, произвел умелую атаку на противника, причем правый фланг нашего корпуса занял Лиутяокоу в 9 час. 30 мин. утра, а левый фланг овладел Ликявопенгом в 3 часа дня. Тем временем атаку продолжали различные части нашей армии, высланные против Хейгоутая. В стороне центральной колонны, однако, остатки неприятельских сил, которые производили атаку нашей позиции в течение предыдущей ночи, все еще оставались в деревне Сумапао и обстреливали наши войска с тыла. Вследствие этого, часть наших войск была отряжена, чтобы атаковать эти неприятельские силы, которые и были, наконец, уничтожены нашими войсками. В этом бою мы захватили свыше 200 пленных.

Вместе с тем наша левая колонна, видя свой фланг и тыл обеспеченными тем, что один из наших отрядов появился в тылу и на фланг ее по направлению на Хсиуерпао, отважно двинулась в атаку на Вукяцзы и овладела этим

пунктом. В то же время отряд, двинувшийся в сторону Хсиуерпао атаковал и разбил неприятельские силы; он овладел этой деревней в 3 часа утра.

Согласно первоначальным распоряжениям, наши войска в Лангтунгкоу должны были выступить оттуда в 11 час. утра и поддержать атаку на противника в Хейгоутае, которую надлежало произвести крайнему левому флангу нашей армии. Но так как тылу этих войск угрожали большие силы противника, стоящие по линии Пахуанги и Хаерпао, то упомянутые войска вынуждены были прежде всего ввязаться в бой с этими неприятельскими силами. Часть наших войск и была поэтому отправлена для этой цели и наконец им удалось, действуя совместно с отрядом в Хсиуерпао, отогнать от Пахуанги противника, который и отступил по направлению на Хункиявопенг. Эти неприятельские силы состояли приблизительно из одного полка пехоты, одной бригады кавалерии, 12 полевых орудий и двух или трех пулеметов.

До 29-го января (16-го января) все наши силы производили в течение трех дней и ночей, ожесточенные атаки на противника, но не могли достигнуть желанного результата. Тогда было решено произвести новую ночную атаку, причем всем войскам было внушено напрячь все силы для достижения поставленной задачи.

Различные отряды в состав армии, направленной для атаки Хейгоутая, сделали несколько попыток продвинуться вперед, даже рискуя быть уничтоженными, но понесли только тяжелые потери от неприятельского артиллерийского огня, в особенности от пулеметов. Но наши войска, неустрашимые ничем, горячо продолжали атаки и в 5 час. 30 мин. утра, противник стал поддаваться назад перед нашими бешеными атаками. Тогда один отряд за другим из числа наших войск ринулись в Хейгоутай и в 9 час. 30 мин. утра мы окончательно завладели этим пунктом. Наши войска пустились преследовать противника и дошли до Тутайцзы через Янтайцзы. Часть левого отряда заняла Хунанлашедцзы. Отряд в Хсиуерпао также отбросил находившегося против него противника и ему удалось занять линию вдоль Хуньхе, связывающую Читайцзы и деревню в пяти километрах к северу от нее.

В 5 час. утра того же дня отряд, находившийся в районе Татай, действуя совместно с другим отрядом, расположенным в окрестностях Ликявопенг, отогнал небольшие силы противника и занял район Фейдзяхедцзы. Главные силы этого отряда немедленно стали преследовать отступающего противника, перешли на правый берег Хуньхе и дошли до пункта в 1000 метрах расстояния к югу от дер. Чантан.

Таким образом на правый берег Хуньхе были отброшены все силы противника.

Части неприятельских войск, участвовавших в бою с нашими войсками, состояли из 1-го сибирского корпуса, сводного армейского корпуса, 2-й и 5-й стрелковых бригад, частей 8-го армейского корпуса, 61-й сибирской резервной дивизии и нескольких охотничьих команд; общее число войск составляло не менее 7 дивизий пехоты и дивизии кавалерии. Все эти силы отступили в окрестности Сыфантая и Ниеньюпао.

Общее число наших потерь доходит до 7000 человек, а потери русских огромны. По словам пленных, 4 пехотных полка русских, которые действовали против нашего левого фланга, почти уничтожены и в некоторых русских ротах осталось от 20 до 30 человек. Мы оцениваем потери русских не менее чем в 10 000 человек.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 52—58.

Положение на Шахэ

С 31-го января по 2-е февраля (с 18-го по 20-е января).

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио 1-го февраля (19-го января).

В расположении нашего правого фланга незначительные силы противника атаковали наши позиции 31-го января (18-го января), но были сразу же отбиты. Вечером 31-го января (18-го января) наш левый фланг был также атакован неприятельской пехотой, численностью около одного полка, но и эти войска неприятеля были отбиты. Главные силы противника в этом направлении были расположены в Ниеньюпао и в окрестностях Сыфантая, а один отряд находился в Чантан.

1-го февраля (19-го января) противник занят был возведением окопов в Сыфанта, Чангкия-вопенг и Чантан. Неприятельская кавалерия расположена в Цзыюше, Пиенпаоцзы и Юепаоцзы.

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио 3-го февраля (21-го января).

1-го февраля (19-го января) незначительные силы противника атаковали наши передовые посты в различных пунктах правого фланга нашей армии, но были все отбиты.

2-го февраля (20-го января) около 6 час. утра противник открыл огонь с северной окраины дер. Ташан и с запада от дер. Лиучянгутунь по близлежащим позициям у Фансина и Путсаово (около 2 километров к югу от Лиучянгутуна) и вскоре после того около 3-х рот неприятельской пехоты окружили и атаковали нашу позицию у Фансина, но были отбиты нашими войсками.

Потери противника неизвестны, но один убитый был оставлен на месте боя, а 2 человека захвачено в плен.

По направлению центра нашей армии, неприятельская артиллерия, расположенная на позиции около 2 километров к северо-востоку от Шахепу, обстреляла 2-го февраля (20-го января) высоты к югу от этого пункта, а другие силы артиллерии вблизи высот к западу от Манпушана стреляли по Пейчанлинцзы и Яотунь. С ночи 1-го февраля (19-го января) непрерывно происходят стычки между разъездами обеих враждующих армий.

Противник, расположенный против левого фланга нашей армии, сего-дня с утра поддерживает ожесточенный огонь по окрестностям Чентанпу, а наша находящаяся там артиллерия отвечает на огонь противника.

По сведениям из достоверного источника, противник проложил линию железной дороги от Суятуня (около 5 миль к северу от Ламатуня) до Сухупу и по ней вращается несколько поездов.

Около 8 час. утра, того же дня, тяжелые и полевые орудия противника сосредоточили свой огонь по району Ятцзыпу и вскоре после этого около одной дивизии неприятельских войск двинулись на Вангкявопенг (деревня к юго-востоку от Чантаня). Одна бригада пыталась произвести атаку на нас, но была отбита.

Войска противника, отброшенные 1-го февраля (19-го января) по направлению на Лиутяокоу оставили на поле сражения около 160 или 170 убитых. Захвачено также некоторое количество винтовок и других предметов.

По словам пленных, в бою ранены командиры 2-го и 4-го пехотных полков. По достоверным сведениям, 26-го января (13-го января) один из наших выдвинутых пикетов, в составе 1 офицера и 28 нижних чинов, в том числе и унтер-офицеры, были окружены неприятелем. Наши солдаты сражались отчаянно, но так как большая часть из них была ранена, то они были захвачены русскими и зверски умерщвлены.

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио после полудня 3-го февраля (21-го января).

В течение дня 2-го февраля (20-го января) в стороне нашей правой армии не происходило ничего замечательного, за исключением того, что артиллерия противника обстреливала некоторые из наших позиций.

В стороне центральной армии, около одной роты неприятельской пехоты двинулась приблизительно в 12 час. 30 мин. ночи на наши передовые посты со стороны Мукденской дороги и с местности к западу от этой дороги. Часть неприятельских войск двинулась в атаку около 5 час. 40 мин. утра в районе Манкияюенцзы. Но оба отряда противника были нами отброшены. Прошлою ночью нам сдались в плен 4 человека русских.

По направлению левой армии неприятельские войска, в составе 1-й и 5-й стрелковых бригад, вели со вчерашнего утра атаки в районе Лиутяокоу, но в результате были совершенно отброшены к Чангтоу. Потери противника в этом бою должны быть сравнительно велики и составляют не менее чем 700 человек, так как наблюдалось, что убитых было вынесено свыше 300 человек.

Из числа убитых русских, оставленных ими на месте боя после сражения у Хейгоутая, нами до сих пор, только в окрестностях Сумапао, предано земле свыше 900 трупов.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 58—61.

Потери японцев

Получено 12 марта (27-го февраля)

Сводка всех донесений, начиная с 26-го февраля (13-го февраля) по сегодняшний день, представленных главным врачом в каждой армии, показывает, что общее число наших убитых и раненых доходит до 41.222 человек.

Потери противника

Военнопленные

Получено вечером 11 марта (26 февраля)

Число военнопленных, установленное приблизительно, дошло вчерашнего дня 10-го марта (25-го февраля) до 20 000 человек. Но это число все еще возрастает и мы ожидаем, что оно дойдет до 30 000 чел. Мы доносим о вышеизложенном в видах выяснения способов передвижения и для принятия иных мер.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 123.

В районе Хсинкинга

Получено 13 марта (28 февраля)

Потери противника еще не точно установлены, но ими на поле сражения оставлено свыше 800 трупов. По словам военнопленных 71-я дивизия почти совершенно уничтожена.

Что касается военной добычи, то расследование еще не закончено. Но уже известно, что в это число входит каменноугольная копь, свыше 400 вагонов для узкоколейной дороги и около 2000 винтовок. Русские предали огню свои запасные магазины в Мачунтане, Маниулупу и в других пунктах; но несмотря на это мы захватили несколько тысяч коку фуража и большое количество боевых припасов и другого военного материала.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 125.

Преследование после Мукденского сражения

11 марта (26 февраля)

Донесение главной квартиры наших Маньчжурских армий, полученное в Токио 11 марта (26 февраля).

По всей линии.

Почти все войска наши, наступавшие на правый берег Хуньхе, энергично преследовали противника по всем направлениям и нанесли ему огромные потери; мы вчера 10-го марта (25-го февраля) после полудня заняли ли-

нию приблизительно в 12 ¹/₂ милях к северу от реки, а сегодня 11-го марта (26 февраля) все еще продолжаем преследовать неприятеля.

Наш отряд, который выступил на север сегодня утром из района Пухе, встретил большую колонну отступающих русских, окружил ее и вынудил сдаться после рукопашного боя.

В районе Мукдена все еще находится много русских войск, одни оказывают сопротивление, другие сдаются нашим войскам. Мы теперь усиленно заняты рассеиванием этих войск.

Убитые русские лежат горами на каждом поле сражения, но мы еще не имели досуга, чтобы похоронить убитых.

Пока мы не имеем возможности дать точные сведения о цифре потерь, понесенных противником в различных местах, но число убитых и раненых, а также военнопленных чрезвычайно велико, а количество военной добычи необыкновенно грандиозно. Мундирная одежда, припасы, фураж и т. д. лежат целыми горами и нелегко сделать всему оценку.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 127—128.

Положение в районе Хайлуна

28 марта (15 марта)

Положение на фронте

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио после полудня 1 апреля (19 марта)

Наша разведочная партия, которая под начальством офицеров наступала к Хайлуну, встретила неприятельскую кавалерию, численностью около 300 человек, в 2 часа ночи 28-го марта (15-го марта) в Шанченцзу (около 30 миль с юго-запада от Хайлуна). Противник, отступивший к Хайлуну, состоял из 4000 чел. пехоты и кавалерии, и, кроме того, в названном пункте было еще около 2000 чел. русской кавалерии. Между Ингеченом (около 37 ¹/₂ миль к северу от Хинкина) и Шанченцзу, в различных пунктах, собраны большие запасы зерна и фуража. В районе Гирина и Чанчуня в положении противника больших перемен не произошло.

Занятие Миенхванчиена

31 марта (18 марта)

Донесение главной квартиры Маньчжурской армии, полученное в Токио после полудня 2 апреля (20 марта).

31-го марта (18-го марта) часть наших войск, которые занимают Каюян, оттеснили противника, расположенного в Миенхванчиене, и заняли этот пункт, а также и высоты к северу от него.

В остальных районах заметных перемен не наблюдается.

**Противник в Айшинкао и освобождение русского
госпитального персонала.**

2 апреля (20 марта).

*Донесение главной квартиры Маньчжурских армий,
полученное после полудня 3 апреля (21 марта).*

2-го апреля (20-го марта) в 2 часа дня часть наших войск, занимающих Каюян, оттеснила противника, расположенного в Айшинкао (около 32¹/₂ миль к северо-востоку от Каюяна) и его окрестностях.

Кроме вышеизложенного, в других районах в положении противника заметных перемен нет.

1-го апреля (19-го марта) в 5 час. дня 101 человек русского госпитального персонала были препровождены к русским войскам на фронт нашей передовой линии. Они выражали глубокую благодарность за обращение с ними наших войск.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 135—136.

Положение на фронте

с 1 по 4 мая (с 18 по 21 апреля).

*Донесение главной квартиры Маньчжурских армий,
полученное в Токио после полудня 6 мая (23 апреля).*

Наши войска, наступающие на север со стороны Тунгуа, отогнали постепенно неприятельскую кавалерию и дошли до Тиныютая (около 27¹/₂ миль к северу от Тунгуа) 1-го мая (18-го апреля).

В районе Чантуфу, неприятельская кавалерия, силою около 2 эскадронов, в сопровождении китайских конных разбойников, атаковала утром 4-го мая (21-го апреля) окрестность Сыфантая и Ершилипу (около 7¹/₂ миль к северу от Чантуфу), но была отбита нашими войсками и бежала в беспорядке на север, оставив 2 убитых и 2 раненых, а равно и 4 лошади.

Наши войска, наступавшие со стороны Факумына на Фенгуа, оттеснили противника в район Ерсютуня и Тасяютуня (около 20 миль к северо-востоку от Факумена) 4-го мая (21-го апреля), и в тот же день в 7 час. вечера заняли Папаотунь.

Положение вблизи Ингечена

9 мая (27 апреля)

*Донесение главной квартиры Маньчжурских армий,
полученное после полудня 11 мая (29 апреля).*

9-го мая (27 апреля) около 10 час. утра отряд русских войск в составе 2 полков пехоты, 5 эскадронов кавалерии и одной батареи артиллерии, наступал на окрестности Наушанченцзы, в 15 милях к востоку от Ингечена.

Противник, под прикрытием артиллерии, начал с 2 час. дня приблизительно, теснить наши позиции; он подошел к нам, наконец, на расстояние 100 метров. Тогда наши войска, занимающие Ингечен, произвели контратаку и после нанесения тяжелых потерь противнику окончательно отбросили его по направлению на Наушанченцы. В этом бою противник оставил на поле сражения около 60 убитых и 160 раненых. Очень много русских солдат одеты в китайское платье; кроме того раненые и убитые были унесены также и русскими на носилках. Общее число потерь, понесенных противником, на наш взгляд, не менее 400 человек.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 144—145.

Положение на фронте

16 июня (3 июня)

Получено после полудня 17 июня (4 июня).

На фронте Вейюан—Пиенмын.

16-го июня (3-го июня) в 9 час. утра около 300 человек русской кавалерии перешли в наступление из Шванмяцзы и двинулись в район Куюшу, но были отброшены нашими войсками.

На фронте Чантуфу.

Наш авангард отогнал отряд противника из Сымиенчена и овладел этим пунктом.

На фронте Таисяютуня.

Отряд наших войск отбросил русский кавалерийский отряд из Шуантацзы (7¹/₂ миль к западу от Сымиенчена), и занял этот пункт.

На фронте Канпина.

Наша центральная колонна проникла на позиции неприятельской кавалерии в Тиенкявопенге (6 миль к северо-востоку от Канпина) в 1 час. 40 м. ночи и овладела этой позицией. Затем наши войска пустились энергично преследовать русских и произвели атаку на неприятельские позиции, простирающиеся от южной окраины и на восток от дер. Ляоянвопенг; атака продолжалась с 4 час. утра до 8 час. 30 мин. утра, а в 9 час. утра Ляоянвопенг был окончательно занят нами.

Наша правая колонна также наступала, тесня противника перед собой, а в 8 час. утра заняла Лочуанкоу (9 миль к востоку от Ляоянвопенга) и Макяпао (5 миль к востоку от Ляоянвопенга). Затем наша артиллерия открыла огонь по отступающему на север противнику и нанесла ему тяжелые потери; противник бежал в замешательстве.

Наша левая колонна обстреляла около 1000 человек русской кавалерии, отступавших в северо-западном направлении, и причинила ему тяжелые потери.

По рассказам пленных силы неприятеля в Ляоянвопэнге составляли 5000 чел. кавалерии при 20 орудиях, под начальством генерала Мищенко. Главные силы бежали на север, а остальные на северо-восток и на северо-запад. В этом бою противник оставил следы того замешательства, которому он подвергся во время бегства. Судя по складам продовольствия и обмундирования, оставленными русскими на поле, запасы противника, по-видимому, весьма скудны. Мы захватили несколько сот коку зерна.

До начала отступления противник поджег один дом на южном конце дер. Ляоянвопэнг. Имеются безошибочные доказательства тому, что поджигая дом, русские имели в виду предать огню своих убитых.

Мы потеряли 30 офицеров и нижних чинов убитыми и 185 ранеными. Потери противника еще не установлены точно, но число русских убитых или сожженных на фронте только нашей центральной колонны доходит до 80 человек. Кроме того, оставлено на месте более 10 лошадей убитых. Общая потеря противника на всем протяжении фронта, вероятно, весьма значительна.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 159—161.

Положение в Северной Корее

1 сентября (19 августа)

Получено 2 сентября (20 августа).

1-го сентября (19-го августа) наши войска атаковали неприятельские позиции, простирающиеся от Чيونгтыонг (10 миль к юго-востоку от Хоирионг) до Опонгионг (10 миль к юго-западу от Хоирионг). Противник состоял из 4 приблизительно батальонов пехоты и несколько сот человек кавалерии при 6 орудиях и оказывал упорное сопротивление, искусно пользуясь естественными преимуществами местности, бывшими на стороне обороняющегося. Горы в этой местности имеют дикий и пересеченный характер, нам пришлось действовать при крайне тяжелых условиях. Но наш артиллерийский огонь с высот к востоку от Ильнандонг (2¹/₂ мили к югу от Чيونгтыонг) оказался в высшей степени действительным. Под прикрытием этого огня наши войска отчаянно атаковали высоты на левом фланге противника и заняли цепь гор в районе Чيونгтыонг в 9 час. 10 мин. утра. Противник в страшном замешательстве бежал на север. Наши войска преследуют его в данное время.

Противник, который находится на высотах в 3-х километрах к западу от Чيونгтыонг и в Опонгионге, оказывал упорное сопротивление до утра, когда, наконец, нашим преследованием он был разбит и обращен в бегство.

Другой отряд нашей армии отогнал несколько сот человек русских войск из Пайкиона (17¹/₂ мили к западу от Опонгионг) и теперь преследует их.

В районе Судонг наши войска наступают, тесня перед собой неприятеля.

В этом деле мы потеряли 3 офицера и 60 нижних чинов. Потери противника значительны, хотя не точно известны, он оставил на месте боя 60 трупов. Нам досталось очень большое количество военной добычи.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб, 1909. Т. 2. С. 171—172.

Сражение в Японском море

27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая)

Общие донесения.

(Донесения адмирала Того).

(1).

Получено в Токио 27-го мая (14-го мая), до полудня.

Получив донесение, что показались неприятельские боевые суда, Соединенный флот немедленно вышел, чтобы атаковать и уничтожить эти суда. Погода хорошая и ясная, но волнение на море большое.

Получено 27-го мая (14-го мая), ночью.

Соединенный флот сегодня встретил и дал сражение неприятельскому флоту по близости Окиношима и нанес ему поражение. Мы потопили не менее четырех из его судов и серьезно повредили остальные. Наши минные истребители и миноносцы произвели смелые атаки на противника после наступления ночи.

Получено 29-го мая (16-го мая), утром.

С 27-го мая (14-го мая) главные силы нашего Соединенного флота продолжали преследование оставшихся судов неприятеля. Встретив 28-го мая (15-го мая) в районе Скал Лианкорта группу русских судов, состоящую из броненосцев «Николай I» и «Орел» и судов береговой обороны «Адмирал Синявин» и «Адмирал Апраксин» и крейсера «Изумруд», мы немедленно атаковали их. «Изумруд» отделился от остальных и бежал. Другие же 4 судна скоро сдались. Наш флот потерь не имел.

Со слов пленных, русские боевые суда, потопленные в сражении 27-го мая (14-го мая), были броненосцы «Бородино» и «Александр III», крейсер «Жемчуг» и еще три других судна. В плен взято около 2000 ч. русских, в том числе контр-адмирал Небогатов.

Дополнительная записка.

В дополнение к упомянутым в предшествовавших донесениях потерям неприятеля, о следующем уроне противника доносят офицеры, не стоящие в прямом подчинении Главнокомандующего, а также с наблюдательных вышек:

«Адмирал Нахимов» (крейс., 8524 тон.) потоплен.

«Дмитрий Донской» (крейс., 6200 тон.)

«Владимир Мономах» (крейс., 5593 тон.) взят в плен и потоплен.

«Светлана» (крейс., 3727 тон.) потоплен.

«Адмирал Ушаков» (судно береговой обороны) потоплено.

«Камчатка» (суд. имеющ. спец. наз. 7207 тон.) потоплено.

«Иртыш» (7507 тонн).

Большое (название неиз.) взято в плен.

Три минных истребителя — потоплены.

Один истребитель — взят в плен.

Таким образом, общую потерю противника можно классифицировать так:

	Потоплено	Взято в плен	Всего
Броненосцев	2	2	4
Судов вооруженной обороны	1	2	3
Крейсеров	5	0	5
Судов специального назначения	2	1	3
Истребителей	3	1	4

Не выяснено, включены ли в это число потопленные три судна, о которых говорили русские пленные.

Кроме 2000 чел., взятых в плен главными силами Соединенного флота, в других направлениях захвачено еще свыше 1000 ч. пленных.

(2).

Получено 30-го мая (17-го мая), после полудня.

Морское сражение, происшедшее после полудня 27-го мая (14-го мая) до 28-го мая (15-го мая) включительно, будет именоваться «морское сражение в Японском море».

Получено 30-го мая (17-го мая) после полудня.

Главные силы Соединенного флота, как уже донесено было в предшествовавших телеграммах, окружили и обстреляли после полудня 28-го мая (15-го мая) у Скал Лианкорта главные силы остатков неприятельского флота. Ввиду того, что противник сдался, мы прекратили стрельбу и занялись распоряжениями по поводу этих судов, когда около 3-х часов дня мы заметили, что к юго-западу от нас «Адмирал Ушаков» уходит на север. Я немедленно отдал приказание преследовать его нашими судами «Ивате» и «Якумо». Они предложили «Адмиралу Ушакову» сдаться, но так как этот совет был отвергнут, то они атаковали его и пустили ко дну вскоре после 6 часов вечера. Из команды спасено было свыше 300 человек.

Около 5 часов дня неприятельское судно «Дмитрий Донской» было обнаружено к северо-западу от нас. Тогда 4-й боевой отряд и 2-й отряд миноносцев догнали это судно и повели на него бешеную атаку до наступления ночи. Но так как судно все еще держалось на воде, то отряд миноносцев атаковал его и ночью, минами, но результат атаки неизвестен. На следующее утро 2-й отряд миноносцев обнаружил, что судно выброшено на юго-восточном берегу острова Уллондо. Выше названный отряд вместе с «Касугой» занялись в настоящее время этим поврежденным русским судном.

К вечеру 28-го мая (15-го мая) миноносец «Сазанами» захватил в плен неприятельский миноносец «Бедовый» к югу от Уллондо. На нем находился, как оказалось, вице-адмирал Рожественский, главнокомандующий русской эскадры, контр-адмирал Энkvист, офицеры их штабов и другие,

всего свыше 80 человек. Они перешли на «Бедовый» после того, как флагманское судно «Князь Суворов» было пушено ко дну в бою 27-го мая (14-го мая).

Все эти лица взяты в плен. Оба адмирала тяжело ранены.

«Читозе», направляясь утром 28-го мая (15-го мая) на север, обнаружил русский миноносец и потопил его.

Многочисленно получено донесение с «Ниитака» и «Муракумо», что они нанесли поражение одному минному истребителю противника, вследствие чего он выбросился на берег в районе бухты Чукпиэн (Уллондо) около полудня 28-го мая (15-го мая).

Подводя итоги полученным до сего времени донесениям и показаниям военнопленных, выяснилось, что пушены ко дну в бою 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая) русские боевые суда «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино», «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах», «Жемчуг», «Адмирал Ушаков», один вспомогательный крейсер и два миноносца. Захвачено в плен 5 судов, а именно:

«Николай I», «Орел», «Адмирал Апраксин», «Адмирал Синявин» и «Бедовый». По словам военнопленных, неприятельский броненосец «Ослябя» пошел ко дну, получив серьезные повреждения, 27-го мая (14-го мая) между 3-м и 5-ю часами дня. Они говорят еще, что потоплен и броненосец «Наварин».

В дополнение вышеизложенного сообщаю: 3-й боевой отряд доносит, что он наблюдал, как поврежденный неприятельский крейсер «Алмаз» почти тонул при закате солнца 27-го мая (14-го мая). Но ввиду того, что на этот счет существует еще некоторое сомнение, о судьбе крейсера будет донесено впоследствии после производства расследования, одновременно с донесением о результатах атак наших миноносцев и миноносок, от которых еще не поступало донесений.

Что касается повреждений, полученных различными судами нашего флота, то ко мне еще не поступало никаких подробных донесений, но в сфере моего личного наблюдения ни одно из наших судов не получило сколько-нибудь серьезных повреждений, так как все продолжают производить боевые операции. Не было также еще достаточно времени для выяснения размера наших потерь. Могу лишь сказать, что только в 1-м боевом отряде убито и ранено свыше 400 человек офицеров и нижних чинов.

Его Императорское высочество лейтенант принц Хигаши-Фушими не вредим, но в бою 27-го мая (14-го мая) легко ранен вице-адмирал Мизу...

(3).

Получено 30-го мая (17-го мая), после полудня.

Сообщаю, что донесение о потоплении броненосцев «Ослябя» и «Наварин» имело полное основание.

Дополнительная записка.

Поступило окончательно достоверное донесение, что утром 28-го мая (15-го мая) пушен ко дну броненосец «Сысой Великий». Следовательно, общие потери противника выражаются так:

Пушено ко дну

Броненосцы:

«Князь Суворов» ..... 13,516 тонн
«Император Александр III»..... 13,516 тонн
«Бородино»..... 13,516 тонн
«Ослябя»..... 12,674 тонн.
«Сысой Великий»..... 10,400 тонн
«Наварин»..... 10,206 тонн

Крейсера:

«Адмирал Нахимов»..... 8,524 тонн
«Дмитрий Донской»..... 6,200 »
«Владимир Мономах».... 5,593 »
«Светлана»..... 3,727 »
«Жемчуг»..... 3,103 »

Суда береговой обороны:

«Адмирал Ушаков»..... 4,126 тонн

Суда специального назначения:

«Камчатка» ..... 7,207 »
«Иртыш»..... 7,507 »

Миноносцы:

Три миноносца.

Захвачено в плен

Броненосцы:

«Орел»..... 13,516 тонн
«Император Николай I» ..... 9,594 »

Суда береговой обороны:

«Генерал-адмирал Апраксин»..... 4,126 »
«Адмирал Синявин» ..... 4,960 »

Миноносцы:

«Бедовый»..... 350 »

Таким образом, мы можем так классифицировать общие потери противника:

	Пушено ко дну	Захвачено	Всего
Броненосцев	6	2	8
Крейсеров	5	—	5
Судов береговой обороны	1	2	3
Судов специального назначения	2	—	2
Миноносцев	3	1	4
Всего:	17	5	22

Общее количество тонн водоизмещения 153 411 тонн.

В дополнение к вышесказанному есть основание предполагать, что и крейсер «Алмаз» (3285 тонн) пущен ко дну.

Число пленных доходит до свыше 3000 ч., в том числе вице-адмирал Рожественский, контр-адмирал Небогатов и контр-адмирал Энквист.

(4).

Получено 31-го мая (18-го мая).

Захваченные боевые суда, отправленные на морскую станцию Сасебо, закончили высадку своих команд вчера, 30-го мая (17-го мая), к вечеру, и теперь перешли в нашу полную собственность.

Вице-адмирал Рожественский перевезен в морской госпиталь. В моем прежнем донесении было сказано, что контр-адмирал Энkvист находится в числе пленных с захваченного военного судна «Бедовый». Но впоследствии выяснилось, что это донесение ошибочно; ошибка вызвана беспроволочным телеграфом. Поэтому прошу вычеркнуть из донесения все, что касается пленения контр-адмирала Энkvиста.

Получено 31-го мая (18 мая), после полудня.

[...] «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах», кроме тяжелых повреждений, полученных ими днем, они так серьезно пострадали ночью вследствие минных атак, что потеряли всякую дальнейшую способность к бою и к плаванью, так как руль уже не слушался. Когда они носились волнами в районе Цусимы, на следующее утро они были обнаружены нашими превращенными в крейсера судами «Шинано-Мару», «Явата-Мару», «Тайнан-Мару», «Садо-Мару» и т. д. Когда наши суда собирались уже захватить суда противника, они все пошли ко дну. Оставшиеся в живых люди с русских боевых судов были спасены в числе 95 человек и приняты на борт наших судов или в частные дома на берегу. Установлено, со слов оставшихся в живых с броненосца «Наварин», что это судно затонуло вследствие 4 мин, пущенных нашими миноносками после сумерек 27-го мая (14-го мая).

Согласно донесению командира «Ниитака» неприятельский крейсер «Светлана» был обнаружен судами «Ниитака» и «Отова» на высоте бухты Чукпиэн 28-го мая (15-го мая) около 9-ти час. утра и пущен ко дну нашими судами.

Есть основание предполагать, что «Аврора» и «Алмаз» потоплены нашими миноносками ночью 27-го мая (14-го мая). В прежнем донесении «Жемчуг» был включен в число судов, пущенных ко дну, но так как на этот счет существует некоторое сомнение, я беру назад свое донесение до окончания более точного расследования. Сведя вместе все, о чем я доносил в прежних телеграммах и что пока изложено в настоящем сообщении, я могу сказать, что 8 броненосцев, 3 броненосных крейсера и 3 вооруженных судна береговой обороны, составлявших главные силы противника — все пущены ко дну или захвачены в плен; что же касается крейсеров 2-го ранга и других судов, которые служили флоту в виде судов вспомогательного характера, то и они большей частью уничтожены. Таким образом флот неприятеля как бы на деле уничтожен этим единственным сражением.

Что касается потерь, понесенных нами, я имею возможность донести, что согласно последним сведениям мы не потеряли судов, за исключением миноносок №№ 34, 35 и 69, пущенных ко дну неприятельским огнем во время ночной атаки 27-го мая (14-го мая). Большая часть команды этих миноносок подобрана экипажем соседних судов. А ушиб, нанесенный мино-

носцам и другим большим судам, сверх ожидания, так незначителен, что ни одно из этих судов не выведено из строя и вполне годно для военных действий на будущее время.

По отношению потерь наших офицеров и нижних чинов, то судя по началу, я ожидал, что списки потерь будут очень длинные. Но в действительности последние сведения обнаружили, что наши потери сравнительно малы. Я теперь считаю их не свыше 800 человек. Донесения об убитых и раненых будут безотлагательно переданы по телеграфу, по мере поступления; так что заинтересованные семейства могут утешаться тем, что замедление в доставлении сведений будет по возможности непродолжительным.

В настоящем бою, который велся обеими сторонами почти всеми силами их флотов, не только район действий был чрезвычайно обширен, но и погода стояла туманная, так что даже там, где не мешал дым орудий или угля, видеть можно было не далее 5 ри (12 $\frac{1}{2}$ миль). Не было возможности даже днем удерживать в поле зрения все операции вверенных мне эскадр. К тому же сражение продолжалось 2 дня и две ночи и наши эскадры стали преследовать рассеянного противника по всем направлениям, имея специальные задачи в связи с окончанием боя. Относительно подробностей о действиях всех сил я буду иметь возможность представить детальные донесения не ранее истечения нескольких дней.

.....

В «Нанива», флагманское судно отряда Уриу, тоже попал снаряд ниже ватерлинии у кормы, так что около 5 час. 10 мин. вечера судно было вынуждено уйти чиниться.

К этому времени противник был приведен в полное замешательство, как на юге, так и на севере. В 5 час. 30 мин. дня наша эскадра броненосных крейсеров, отделившись от наших главных сил, атаковала неприятельские крейсера с юга. Тогда неприятельские боевые суда стали группами уходить на север. Для преследования их двинулись отряды Уриу и Того и крейсерская эскадра. Во время этого преследования были обнаружены русские броненосцы «Князь Суворов» и чинившееся судно «Камчатка», которое было выведено из строя. Крейсерская эскадра и отряд Того сейчас же атаковали их и в 7 час. 10 мин. вечера «Камчатка» была пушена ко дну. Минный отряд Фуджимото, входивший в состав крейсерской эскадры, атаковал тогда «Князя Суворова». Он оборонялся до крайности, стрелял из небольшого орудия на корме, но в него попали две мины и он окончательно затонул в 7 час. 20 мин. вечера. Закончив эту задачу, наши отряды и крейсерская эскадра получили по беспроволочному телеграфу распоряжение сосредоточиться у Уллондо, поэтому все суда ушли на всех парах в северо-восточном направлении.

Действия отрядов миноносцев и миноносок.

Ночная атака, произведенная ими 27-го мая (14-го мая), была начата яростно и отважно всеми отрядами наших миноносцев и миноносок, как только закончился дневной бой. С самого утра этого дня господствовал сильный юго-западный ветер, производивший большое волнение. Видя,

что управление небольшими судами вследствие этого было чрезвычайно затруднено, я приказал всем вверенным мне отрядам миноносок укрыться в бухте Миура еще до начала дневного боя. К вечеру, однако, ветер значительно стих, но волна в море была еще велика и миноноски, действующие в открытом море, подвергались большой опасности. Но все отряды миноносцев и миноносок, опасаясь упустить этот редкий боевой случай, собрались для действий до заката солнца, невзирая на сильный ветер и волнение. Они соперничали друг с другом в атаках на противника. Минный отряд Фуджимото сильно теснил авангард противника с севера; отряд миноносцев Яджима и миноноски отряда Кавазе теснили — с северо-восточного направления; отряд миноносцев Иошиджима атаковал неприятельский тыл с востока, а отряд миноносцев Хироэ (Джунтаро) — с юго-востока. Отряды миноносок под командой начальников Фукуда (Мазатеру), Отаки, Кондо (Тсунематсу), Аояма и Кавада с юга стали преследовать главную эскадру противника, а равно и группу крейсеров, шедших в тылу главной эскадры с левой ее стороны.

На закате мы поспешно развернули наши эскадры с целью окружить неприятеля с трех сторон. Желая, очевидно, избегнуть грозившей ему опасности, противник, с наступлением ночи, бежал в замешательстве на юго-запад, но затем как будто переменил курс на восток. После первой атаки отряда миноносцев Яджима на голову противника в 8 час. 15 мин. вечера, все минные отряды одновременно бросились на противника, окружили его как рой и продолжали свои атаки с близких дистанций. С заката солнца противник до крайности оборонялся артиллерийским и ружейным огнем и прожекторами, но наконец не выдержал нашей атаки. Суда противника потеряли друг друга из виду и пытались уйти в одиночку, но наши атакующие суда пустились их преследовать. Это повело к полному расстройству и смятению противника и в результате поврежденные минами неприятельский броненосец «Сысой Великий», броненосные крейсера «Адмирал Нахимов» и «Мономах» были совершенно выведены из строя. С нашей стороны миноноска № 69 (головная) из минного отряда Фукуда, миноноска № 34 (головная) отряда Аояма и миноноска № 35 отряда Кавада были пущены ко дну артиллерийским огнем противника во время ночной атаки. Миноносцы «Харусаме», «Акутсуки», «Иказучи» и «Югири» и миноноски «Саги», № 68 и № 33 получили повреждения вследствие неприятельского огня или столкновений и некоторое время были лишены возможности принимать участие в деле.

Потери личного состава сравнительно велики, в особенности в отрядах миноносок Фукуда, Аояма и Кавада. Но команды 3 затопленных миноносок спасены соседними судами «Каригане», № 31, № 61 и другими.

По рассказам пленных, ожесточенность минной атаки этой ночи почти не поддается описанию. Наши миноносцы и миноноски пошли с такой поспешностью в атаку друг за другом, что неприятель не имел времени приготовиться к обороне, а дистанция между атакующими и обороняющимися была так мала, что наши суда вошли даже в мертвое пространство неприятельской артиллерии, которая поэтому и не могла в них стрелять.

В дополнение к изложенному, неупомянутые выше отряд миноносцев Сузуки (Кантаро) и отряды миноносков отправились в разные стороны в поисках противника. 28-го (15-го) мая в 2 часа ночи отряд миноносцев Сузуки обнаружил два неприятельских судна, идущих на север, в расстоянии 27 морских миль на северо-восток от Карасаки, выпустил мину и затопил одно из этих судов. По словам пленных, это судно был броненосец «Наварин»; в него последовательно попали две мины в обе стороны корпуса. Другие отряды всю ночь искали противника по всем направлениям, но им не удалось найти неприятельских судов.

Общее описание действий 28-го мая (15-го мая).

На рассвете 28-го мая (15-го мая) туман предыдущего дня совершенно рассеялся. К этому времени наши эскадры броненосцев и броненосных крейсеров достигли пункта в расстоянии 20 морских миль к югу от Уллондо. Другие боевые отряды и отряды миноносцев, производившие ночную минную атаку, шли различными путями к условленному месту встречи. В 5 час. 20 мин. утра, в то время когда я собирался отдать приказание нашей крейсерской эскадре построиться на восток и запад на широких интервалах, с целью отрезать неприятелю путь отступления, крейсерская эскадра, следовавшая позади в расстоянии 60 морских миль, обнаружила русские суда и донесла, что в восточном направлении наблюдается несколько дымков. Вскоре после этого эскадра приблизилась к противнику и донесла, что неприятельская эскадра состоит из четырех броненосцев (два впоследствии оказались судами береговой обороны) и двух крейсеров и что она идет на северо-восток.

Было очевидно, что эта эскадра составляет остатки главных сил противника. Поэтому наши эскадры броненосцев и броненосных крейсеров переменили курс, постепенно повернули на восток и стали сильно напирать на путь движения противника. Боевые отряды Того и Уриу также присоединились к крейсерской эскадре наблюдая за тылом противника. В 10 час. 30 мин. утра неприятельские суда были совершенно окружены в 18 морских милях к югу от Такешима. Эти суда русских были броненосцы «Николай I» и «Орел», суда береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Синявин» и крейсер «Изумруд». Другой крейсер отстал далеко на юг и, наконец, совсем скрылся.

Неприятельские суда получили серьезные повреждения и не могли состязаться с нашими превосходными силами; так что вслед за открытием артиллерийского огня с наших броненосцев и крейсеров контр-адмирал Небогатов, командующий неприятельской эскадрой, и подчиненные ему офицеры выразили желание сдаться. Я принял это предложение и предоставил офицерам сохранить оружие. Но неприятельский крейсер «Изумруд», пользуясь своей быстротходностью, еще до сдачи скрылся на юг, но когда ему преградил путь боевой отряд Того, ушел на восток. «Читозе», придя из бухты Абуратани, после того как он по пути в то же утро затопил один русский миноносец, сейчас же пустился преследовать «Изумруд», который, однако, успел уйти на север.

Еще раньше этого события отряд Уриу, идя в северном направлении, обнаружил в 7 час. утра в западном направлении русское боевое судно. Тогда отряду в составе «Отова» и «Ниитака», под начальством капитана Арима, командира первого из этих судов, было приказано атаковать русское судно. Наши суда подошли к противнику в 9 час. утра и убедились, что это «Светлана», которую сопровождает миноносец. Немедленно стали преследовать противника и атаковали его, причем бой продолжался около часу времени. В 11 час. 6 мин. «Светлана» была пущена ко дну у бухты Чукпиэн. Второе же судно, «Ниитака», действуя совместно с нашим миноносцем «Муракумо», подошедшим к месту боя, преследовали неприятельский миноносец «Быстрый», который сел на мель и разбился в безымянной бухте около 5 морских миль к северу от бухты Чукпиэн. Оставшиеся в живых с обоих русских судов команды были подобраны на борт наших судов особого назначения «Америка-Мару» и «Касуга-Мару».

Главные силы нашего Соединенного флота, получив предложение противника о сдаче, все еще находились в районе места сдачи, занятые распоряжениями относительно четырех сдавшихся русских судов. В это время около 3 час. дня мы заметили «Адмирала Ушакова», идущего с юга. «Ивате» и «Якумо» ринулись вперед навстречу русскому судну. Тогда оно попыталось укрыться на юге, но после 5 час. дня его догнали и предложили сдаться. Противник не ответил, но сразу открыл огонь. Тогда мы стали отвечать огнем же и в конце концов потопили судно. Около 300 человек оставшихся в живых спасены нами.

Наши миноносцы «Сазанами» и «Кагеро» открыли около 3 час. 30 мин. дня в пункте, лежащем около 40 морских миль к юго-западу от острова Уллондо, два русских миноносца, идущих с востока. Наши суда стали преследовать противника на всех парах, догнали его в 4 час. 45 мин. и открыли по нем огонь. Второй броненосец противника поднял белый флаг в знак сдачи. «Сазанами» овладел миноносцем, который оказался «Бедовый», и нашел на нем адмирала Рождественского с его штабом, все эти лица, вместе с командой миноносца, были взяты в плен миноносцем «Сазанами». «Кагеро» продолжал преследование до 6 час. 30 мин. вечера другого русского миноносца, которому, однако, удалось уйти на север. Отряд Уриу и отряд миноносцев Яджима, находясь в поисках противника на западе, усмотрел в 5 час. дня идущий на всех парах в северном направлении «Дмитрий Донской». Отряды стали немедленно преследовать русское судно, и, дойдя в 7 час. вечера до 30 приблизительно морских миль к югу от острова Уллондо «Отова» и «Ниитака» вместе с миноносцами «Асагири», «Ширакумо» и «Фубуки», которые шли со стороны бухты Чукпиэн, очутились впереди противника. Они стали теснить русский крейсер с запада и обстреляли его, взяв его под перекрестный огонь. Стрельба продолжалась до наступления ночи. Судно противника, хотя сильно поврежденное, не было, однако, пущено ко дну; с наступлением ночи мы потеряли его из виду. По окончании стрельбы «Фубуки» и отряд миноносцев Яджима несколько раз снова атаковали русское судно. Хотя результат атаки и не был тогда известен, но на следующее

утро «Дмитрий Донской» был усмотрен затопленным у юго-восточного берега острова Уллондо. Оставшиеся в живых на «Дмитрии Донском» высадились на этот остров и впоследствии были взяты на борт судов «Касуга» и «Фубуки».

В то время как главная часть Соединенного флота была занята преследованием противника на севере, на юге — на месте боя предыдущего дня — тоже происходило несколько захватов. Рано утром суда особого назначения «Шинано-Мару», «Тайнан-Мару» и «Явата-Мару», посланные для освещения места боя, обнаружили приблизительно в 30 морских милях к северо-востоку от Карасаки неприятельский броненосец «Сысой Великий», который начал погружаться в воду, вследствие повреждений, полученных во время минной атаки предшествовавшей ночи. Безотлагательно были приняты необходимые меры для захвата судна и с него сняты оставшиеся в живых. Судно затонуло в 11 час. 5 мин. утра.

Миноносец «Ширануи» и судно особого назначения «Садо-Мару» встретили около 5 час. 30 мин. дня приблизительно в расстоянии 5 морских миль восточнее Котосаки на о. Цусима «Адмирала Нахимова», который начал тонуть, и одновременно усмотрели «Владимира Мономаха», имевшего значительный крен, приближавшегося к этому же месту. «Садо-Мару» приняла меры к захвату обоих судов. Но оба уже наполовину погрузились в воду и после снятия команд на наше судно затонули, одно за другим, около 10 час. утра.

В это же приблизительно время русский миноносец «Громкий» тоже появился у этого пункта, но внезапно переменял курс на север, желая скрыться. «Ширануи» стал его преследовать и, действуя совместно с миноноской № 63, заставил замолчать орудия противника и овладеть миноносцем на высоте Ульзана около 11 час. 30 мин. дня, захватив в плен всю команду. Это судно также было сильно повреждено и затонуло впоследствии в 12 час. 43 мин. дня.

После сражения наши канонерки и суда специального назначения произвели осмотр берегов вблизи места сражения и спасли много людей из экипажа неприятельских судов, пущенных ко дну. Число пленных вместе с командами 5 захваченных в этом сражении судов доходит почти до 6000 человек.

Вышеизложенное представляет собою лишь схематический очерк морского сражения за время с полудни 27 мая (14 мая) до полудни 28-го мая (15-го мая). Позже часть нашего флота направились далеко на юг в поисках противника, но не находила ни одного неприятельского судна.

Неприятельский флот, пытавшийся пройти Японским морем, составлял 38 судов; лишь несколько крейсеров, миноносцев и судов особого назначения избегли участи быть захваченными нами или пущенными ко дну. За этот двухдневный бой наш флот потерял лишь три миноноски. Есть суда, получившие более или менее значительные повреждения, но ни одно из них не выведено из строя для дальнейшей службы.

В этом бою силы противника были более или менее одинаковы с нами,

и русские офицеры и нижние чины — нужно отдать им справедливость — сражались с крайней энергией в интересах своей родины. Тот факт, что, несмотря на упорство боя со стороны противника, наш Соединенный флот мог одержать победу и добиться такого чудесного успеха, как описано выше, следует приписать славным добродетелям Его Величества нашего Императора, а никаким человеческим силам. В особенности я не могу не вознести благодарности за незримое покровительство духов наших императорских предков, благодаря которому у нас получились такие незначительные потери, постигшие наш флот, в отношении судов и людей. Даже наши офицеры и нижние чины, которые шли так отважно на врага и сражались так яростно, теперь, когда стали известны результаты сражения, затрудняются, по-видимому, как выразить свои чувства по поводу этой удивительной победы.

Дополнительная записка.

Неприятельские суда, появившиеся на месте боя, были следующие:

8 броненосцев:

6 пушено ко дну: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Сысой Великий», «Наварин».

2 захвачено: «Орел», «Император Николай I».

9 крейсеров:

4 пушено ко дну: «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Светлана».

3 ушли в Манилу и разоружены: «Аврора», «Олег», «Жемчуг».

и ушел во Владивосток: «Алмаз».

и ушел в бухту Владимир, выбросился на берег и разбился: «Изумруд».

3 судна береговой обороны:

2 захвачено в плен: «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Синявин».

и пушено ко дну: «Адмирал Ушаков».

9 миноносцев:

и взят в плен: «Бедовый».

4 пушено ко дну: «Видный», «Быстрый», «Громкий» и неизвестный.

и ушел в Шанхай и разоружился: «Бодрый».

и затонул по пути в Шанхай: «Блестящий».

и пропал без вести:

и ушел в Владивосток: «Бравый».

и вспомогательный крейсер:

и пушен ко дну: «Урал».

6 судов особого назначения:

4 затоплено: «Камчатка», «Иртыш», «Анадырь», «Рузиу» (?) («Русь». — *Авт.*)

2 ушли в Шанхай и разоружились: «Корея», «Суверн» (?) («Свирь». — *Авт.*)

2 госпитальных судна:

2 задержано («Орел» и «Кострома», последнее из них впоследствии было отпущено).

Всего 38 судов:

Пушено ко дну 20. Захвачено в плен 5.

Уничтожено или затонуло после того, как были захвачены, 2.

Задержаны или разоружились 6.

Задержано 2 (одно отпущено).

Спаслись 2.

III.

Японские потери

Список потерь японцев в недавнем морском бою, о которых поступили донесения до полудня 31-го мая (18-го мая).

[...]

Вышеприведенное может быть суммировано:

113 убито, 424 ранено, итого 537. Не было вовсе потерь на судах: «Итсукушима», «Чиньен», в 7-м боевом отряде, 9-м, 15-м, 16-м, 19-м и 20-м отрядах миноносков, на «Муракумо», «Араре», «Кумано-Мару» и «Маншу-Мару».

IV.

Различные сведения.

Императорское благоволение.

По приказанию Его Величества Императора, адмирал виконт Ито, начальник главного морского штаба, прислал следующий приказ адмиралу Того, главнокомандующему Соединенного флота:

Его Величеству Императору угодно было уполномочить адмирала Того, главнокомандующего Соединенного флота предоставить следующие льготы контр-адмиралу Небогатову и другим офицерам, которые сдались с броненосцами «Император Николай I» и «Орел» и судами береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Синявин»:

1) Контр-адмиралу Небогатову разрешается отправить Царю донесение о морском сражении, вместе со списком потери судов и людей.

2) Русским офицерам, захваченным в плен с упомянутых выше судов, разрешается вернуться на родину на «честное слово».

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 4—14, 26—38.

Получено 31-го мая (18 мая) ночью.

Согласно рапорту командира крейсера «Кассуга», сегодня после полудня присоединившегося к флоту с людьми, оставшимися в живых с «Дмитрия Донского», на этом последнем судне утром 29-го мая (16-го мая) прекратили работы по откачиванию воды и затопили судно, открыв кингстоны. Команда высадилась на остров Улландо. Среди нее были оставшиеся в живых с затопленного неприятельского боевого судна «Ослябя» и с миноносца «Видный»; этот миноносец принял на борт вице-адмирала Рожественского, главнокомандующего русского флота и весь его штаб с

неприятельского флагманского корабля, незадолго до того времени как он пошел ко дну, после полудня 27-го мая (14-го мая). Снимая этих офицеров, «Видный» был поражен снарядом с одного из наших судов. Он затем подобрал еще свыше 200 оставшихся в живых с броненосца «Ослябя». Это обстоятельство и затруднило ему дальнейшее плавание, поэтому он передал вице-адмирала Рожественского и его штаб на миноносец «Бедовый», а сам бежал на север. Встретив утром 28-го (12-го мая) «Дмитрий Донской», он передал на крейсер всю команду и был затоплен. Со слов оставшихся в живых с «Ослябя», снаряд попал в башню судна в начале боя 27-го мая (14-го мая). Этим снарядом был убит адмирал Фелькерзам. Вследствие жестокого и сконцентрированного огня наших боевых судов «Ослябя» затонул среди своих судов после 3-х часов того же дня. Со слов оставшихся в живых с «Дмитрия Донского», наблюдалось, как пошли ко дну в самый разгар боя в полдень 27-го мая (14-го мая) два русских миноносца. Если это сведение верно, то число неприятельских потопленных миноносцев, о которых поступили донесения, доходит до 6.

НВ. Есть слух, что русское правительство официально обнародовало, что «Видный» прибыл во Владивосток, имея на борту вице-адмирала Рожественского.

Подробное официальное донесение.

(Донесение адмирала Того).

Обнародовано после полудня 14 (1) июня.

Милостью неба и с помощью богов нашему Соединенному флоту удалось почти уничтожить 2-ю и 3-ю эскадры противника в сражении, имевшем место в Японском море 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая).

Как только противник появился в южных водах, наш флот, исполняя приказание свыше, остановился на плане атаковать неприятеля в смежных наших водах и, сосредоточив свои силы в Корейском проливе, стал спокойно выжидать приближения противника. Когда противник после временной стоянки у берегов Аннама постепенно стал подходить на север, я расставил несколько разведывательных судов вдоль нашего южного кордона за несколько дней до ожидаемого прихода противника в смежные с нами воды. Тем временем различные боевые отряды нашего флота оставались на своих базах, делая окончательные приготовления для боя, готовые выйти в любой момент. В 5 часов утра 27-го мая (14-го мая) «Шинано-Мару» — одно из наших южных разведочных судов, донесло по беспроволочному телеграфу, что противник появился в пункте, обозначенном цифрой 203 и что он, по видимому, направляет курс к восточному протоку пролива. Эта новость была встречена всем флотом с энтузиазмом и различные отряды флота немедленно приступили к враждебным действиям вдоль линий, отведенных каждому из них по заранее составленному плану. В 7 часов утра «Изуми», который был расположен разведчиком на левом фланге внутреннего кордона, также донес, что противник уже достиг пункта в 25 милях к северо-западу

от Укушима и продолжает путь в северо-восточном направлении. Между 10-ю и 11-ю часами утра крейсерская эскадра (под начальством вице-адмирала Катаока), отряд Того (контр-адмирал Того) и отряд Дева (вице-адмирал Дева) вошли в соприкосновение с неприятелем между Ики и Цусимой; невзирая на повторную стрельбу русских, наш флот поддерживал непрерывную связь с противником до Окиношима, донося мне постоянно и ежеминутно по телеграфу о положении неприятеля. Несмотря на густой туман, ограничивавший поле зрения до 5 морских миль, полученные таким путем сведения давали мне возможность на расстоянии нескольких десятков миль составить в своем уме ясную картину положения врага. Таким образом, я, не видя еще противника собственными глазами, уже знал, что боевые силы его состоят из всей 2-й и 3-й эскадр, что их сопровождает 7 судов специального назначения, что неприятельские суда построены в две колонны; что его главные силы находятся в голове правой колонны, имея в тылу суда специального назначения, что противник идет со скоростью около 12 узлов, что он продолжает путь на северо-восток и т. д.

Благодаря этой осведомленности я был в состоянии принять в своем уме решение, встретить противника с главными силами моего флота у Окиношима около 2-х часов дня и атаковать голову неприятельской левой колонны.

Главные силы моего флота (т. е. эскадра броненосцев под командой адмирала Того и эскадра броненосных крейсеров вице-адмирала Камимурэ), отряд Уриу (вице-адмирал Уриу) и различные отряды миноносцев прибыли около полудня к пункту приблизительно в 10 милях севернее Окиношима; для того, чтобы появиться слева от противника, они переменили курс на запад. Около 1 час. 30 мин. дня к нам подошли один за другим отряд Дева и эскадра крейсеров, продолжая все время оставаться в соприкосновении с противником.

В 1 час. 45 мин. дня я обнаружил противника с левого нашего борта в нескольких милях к югу. Как я и ожидал, противник шел главными силами из 4 броненосцев, типа «Бородино», в голове своей правой колонны; а за авангардом левой колонны, состоящей из «Ослябя», «Сыся Великого», «Наварина» и «Адмирала Нахимова», шли «Николай I» и 3 судна береговой обороны. Между этими двумя колоннами и охраняя фронт шли «Жемчуг» и «Изумруд». В тылу можно было едва различить в тумане, на протяжении нескольких миль, длинную линию судов: «Олег», «Аврора», крейсеров 2-го и 3-го ранга «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», судов специального назначения и т. д.

Тогда я отдал приказ изготoвиться к бою, а в 1 час. 55 мин. дня я подал судам, находившимся в поле моего зрения, такой сигнал:

«От исхода этого сражения зависит участь империи. Пусть каждый сделает все от него зависящее до последней возможности».

Эскадра броненосцев повернула временно в юго-западном направлении, чтобы противник подумал, что она собирается пройти мимо него в противоположном направлении. Но в 2 час. 5 мин. дня она неожиданно повернула на восток и, переменив фронт, стала косвенно напирать на голову

противника. Вскоре к тылу нашей эскадры броненосцев подошла эскадра броненосных крейсеров; а отряды Дева, Уриу, крейсерская эскадра и отряд Того, согласно заранее составленному плану, пошли на всех парах на юг и двинулись на тыл неприятеля. Такова была обстановка в начале сражения.

Действия наших главных сил.

Авангард противника, вследствие того, что на него сильно напирала наша эскадра броненосцев, слегка изменил свой курс вправо и в 2 часа 8 мин. неприятель первый открыл стрельбу. Мы некоторое время выдерживали огонь, не отвечая на него, а затем, подойдя на расстояние 6.000 метров, сосредоточили ожесточенный огонь на двух судах, бывших головными в неприятельских колоннах. Противник был, по-видимому постепенно оттеснен к юго-востоку и обе линии, правая и левая, постепенно повернули на восток, вследствие чего неприятельский флот очутился построенным в неправильную одиночную колонну, идущую параллельно с нашим флотом. «Ослябя», бывший в голове левой колонны, вскоре потерпел поражение и вышел из боевой линии в виду начавшегося на нем пожара. К этому времени, к тылу эскадры броненосцев, подошла вся наша эскадра броненосных крейсеров и сосредоточенный огонь всего нашего флота стал все более действенным по мере уменьшения дистанции. Неприятельское флагманское судно «Князь Суворов» и «Император Александр III», второй в линии, также вышли из строя, так как на борту этих броненосцев вспыхнул большой пожар. Смятение в построении противника стало все более и более очевидным и на нескольких судах, которые составляли резерв неприятеля, вспыхнули пожары. Дым, разносимый западным ветром, покрыл всю поверхность моря и вместе с туманом окутал совершенно неприятельский флот, так что наша броненосная эскадра вынуждена была временно прекратить огонь. Наш флот также пострадал более или менее тяжело. В «Азама» у ватерлинии на корме попало три снаряда. На этом судне был поврежден руль и открылась серьезная течь. Вследствие этого судно временно должно было оставить боевую линию, но вскоре, после производства временного исправления, снова стало в линию.

Таково было в общих чертах положение боя между главными силами враждующих сторон около 2 час. 45 мин. дня, но к этому времени уже был решен исход боя этого дня. Наши главные силы напирали на противника с севера, направляя временами огонь на неприятельские суда, как только мы могли обнаружить их в дыму и тумане. Около 3 часов дня наши суда были уже впереди неприятельского флота и шли в юго-восточном направлении, когда противник внезапно переменял курс на север; казалось, что он намеревается обойти наш тыл и уйти на север. Поэтому суда нашей эскадры броненосцев безотлагательно повернули на 16° влево и на всех парах двинулись на северо-запад, имея головным «Ниссин». Эскадра броненосных крейсеров также переменяла фронт и, быстро повернув, пошла следом за нашими броненосцами. Таким образом мы снова отделили неприятеля на юг и подвергли его ожесточенному огню. В 3 час. 7 мин.

неприятельское судно «Жемчуг» подошло к тылу нашей эскадры крейсеров, но нашим губительным огнем оно было повреждено очень сильно. «Ослябя», выведенный уже из строя, затонул в 3 час. 10 мин. «Князь Суворов», который был оставлен экипажем, потерял одну мачту и две трубы, кроме иных тяжелых повреждений; он был уже негоден для дальнейшей службы, так как дым окутал все судно. Между прочими судами противника возникло смятение, они повернули на восток и несли при этом огромные потери. Суда нашей эскадры броненосцев поэтому одновременно повернули на 16° вправо и в сопровождении крейсерской эскадры энергично пустились преследовать противника, произведя по временам минные атаки на его суда. Таким образом, бомбардировка нашими главными силами продолжалась до 4 час. 45 мин. дня, причем мы все время теснили противника на юг без сколько-нибудь стоящих упоминания особых событий.

Особого упоминания заслуживает впрочем, интересный инцидент, происшедший в этот именно период боя; это были отважные минные атаки на поврежденное судно «Суворов» нашего судна «Читозе» и минного отряда Хироze (под начальством капитана Хироze) приблизительно в 3 час. 40 мин. дня и минного отряда Сузуки в 4 час. 45 мин. дня. Хотя результат первой атаки не был известен, но мы наблюдали, что одна из мин, выпущенная во время второй атаки, попала в заднюю левую сторону корабля, вследствие чего получился крен в 10°. Во время этих минных атак соседние неприятельские суда обстреливали ожесточенным огнем «Ширануи» отряда Хироze и «Асачиво» отряда Сузуки; в оба миноносца попало по одному снаряду. Некоторое время их положение было опасное, но к счастью эти миноносцы имели возможность спастись.

Около 4 час. 40 мин. дня, противник, потеряв, по-видимому, надежду пробиться на север, стал постепенно уходить на юг. Тогда главные силы нашего флота, имея впереди эскадру броненосных крейсеров, стали преследовать отступающего противника. Вскоре он скрылся из виду в дыму и тумане. Мы прошли на всех парах на юг более 8 миль, спокойно обстреливая неприятельские крейсера 2-го ранга, суда особого назначения и другие, которые выжидали исхода боя вправо от нас.

В 5 час. 30 мин. наша эскадра броненосцев снова переменяла свой курс на север в поисках главных сил противника, а крейсерская эскадра атаковала неприятельские крейсера, взяв курс на северо-запад. Обе эскадры, имея различные задачи, не видели друг друга до вечера.

Приблизительно в 5 час. 40 мин. вечера наши броненосцы атаковали неприятельское судно особого назначения «Урал», которое находилось близ левого борта, и затопили его. Направляясь далее на север в поисках противника, наша эскадра обнаружила группу из 6 приблизительно судов, остатки сил русских, которая пыталась укрыться в северо-восточном направлении. Наша эскадра немедленно приблизилась к противнику и повела бой, идя параллельно с ним, а затем, опередив русских, преградила им путь. Противник, взявший курс на северо-восток, постепенно повернул на запад

и наконец двинулся на северо-запад. Бой в параллельном построении продолжался с 6 час. вечера до заката солнца, и в то время, когда сила неприятельского артиллерийского огня стала немного ослабевать, все более очевидным становилось действие наших орудий, из которых стрельба производилась чрезвычайно спокойно. Один броненосец, по нашему предположению «Александр III», первый вышел из строя и отстал. Приблизительно с 6 час. 40 мин. вечера на одном броненосце, типа «Бородино», мы наблюдали серьезный пожар, а в 7 ч. 23 м. судно внезапно было окутано дымом взрыва и моментально затонуло. По всей вероятности огонь охватил пороховые погреба. Тем временем суда нашей эскадры броненосных крейсеров, которые преследовали в северном направлении неприятельские крейсера, были очевидцами, как броненосец, типа «Бородино», выведенный из строя и с большим креном, подошел к «Нахимову» и затем перевернулся и пошел ко дну в 7 час. 7 мин. вечера. Со слов пленных — это и был «Александр III», а броненосец, за которым наблюдала эскадра наших броненосцев, был «Бородино».

Время подходило уже к закату солнца. Тогда наши отряды миноносцев и миноносок подошли к противнику с трех сторон, готовые произвести атаки. Поэтому наши броненосцы постепенно ослабили натиск на противника и затем (в 7 ч. 28 мин. вечера) переменили курс в восточном направлении. В это же время я приказал «Татсута» передать всему флоту мое распоряжение идти на север и собраться у Уллондо к следующему утру. Дневной бой был закончен.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 14—23.

Сахалин

Устройство военной администрации.

30 июля (17 июля).

Обнародовано в Токио 1-го августа (19-го июля).

Генерал-лейтенант Харагучи, командующий войсками на Карафуто (Сахалине) объявил 30-го июля (17-го июля) введение военного управления на всем острове Карафуто (Сахалин).

Покорение всего острова.

С 28 июля по 1 августа (с 15 по 19 июля).

Получено 1 августа (19 июля).

Отдельный кавалерийский отряд войск, действующий на Карафуто (Сахалин), атаковал противника после полудня 28-го июля (15-го июля) к югу от Палео и отбросил его на юг, захватив 2 полевых орудия, 5 парковых повозок и большое количество винтовок и боевых припасов.

29-го июля (16-го июля) отдельный кавалерийский отряд, действуя сов-

местно с отрядом, посланным ему на поддержку, энергично стал преследовать противника к югу от Таурана (25 миль южнее Рыкова). В этот день русские задержались у Оула, в 25 милях приблизительно к югу от Таурана.

30-го июля (17-го июля) в 5 час. утра уполномоченный неприятеля привез в Тауран письмо от генерал-лейтенанта Ляпунова, военного губернатора на Карафуту (Сахалин); сущность письма заключалась в следующем:

«Недостаток перевязочных средств и медикаментов и невозможность оказать врачебную помощь раненым вынудили меня, с точки зрения чело-веколюбия, предложить Вашему Превосходительству прекращение дальнейших военных действий».

Командующий нашей армией ответил по существу следующее:

«Все боевые припасы и имущество русского правительства, движимое и недвижимое, должно быть передано нам в неприкосновенном настоящем виде;

Все карты, документы и т. д., касающиеся администрации и военных дел, должны быть переданы нам.

Ответ на вышеупомянутое должен быть дан в 1-м Хамдаса (около 5 миль к северу от Онор) в 10 час. утра 31-го июля (18-го июля).

Если ответ не будет дан в указанное время, то немедленно будут возобновлены военные действия».

31-го июля (18-го июля) полковник Тарасенко, уполномоченный противника, прибыл в 1-ю Хамдаса, где был встречен генерал-майором Конзуми, нашим уполномоченным и начальником штаба. Все наши предложения были приняты неприятелем. Таким образом, состоялась сдача в плен генерал-лейтенанта Ляпунова, военного губернатора, 70 офицеров и 3200 чел. войск, которые и были объявлены военнопленными.

Нами захвачено большое количество оружия, боевых припасов, обмундирования, продовольствия, фуража и т. д. В настоящее время ведется выяснение количества добычи и трофеев.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 199—200.

Русские пленные на Карафуту (Сахалин)

6 августа (24 июля).

Донесение из отряда Карафуту (Сахалин), полученное в Токио

7 августа (25 июля).

1-го августа (19-го июля) генерал-лейтенант Ляпунов и 5 русских штабных офицеров были препровождены под конвоем в Рыков и встречены командующим нашей армией в церкви. Русский генерал сказал, что 2 русских офицера и 100 чел. нижних чинов посланы в сторону Наиро и что он телеграфировал отряду направиться в Онор и сдаться японцам.

Со времени последнего донесения число русских пленных значительно возросло.

Каторжники на Карафуте (Сахалин) либо бежали из тюрем, или же были освобождены из них властями, до овладения тюрьмами нашей армией. Вследствие этого существует опасение, что эти отбросы человеческие могут нарушить мир в этих местах.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 201.

Последний бой на Карафуте (Сахалин).

30 августа (7 августа).

Донесение войск, действующих на Карафуте (Сахалин), полученное в Токио 2 сентября (20 августа).

Отряд под командой капитана Отава, пройдя несколько дней по суровым горам и густым лесам, оттеснил противника к устью реки Найябучи и обратил его в бегство после ожесточенного боя, длившегося 5 часов, начиная с полудня 30-го августа (17-го августа). Мы потеряли 7 чел., в том числе убитым поручика Киотеру Каваи. У русских убито около 130 чел. Нам досталось много военной добычи. Этим боем окончательно умиротворен южный Карафуте (Сахалин).

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 201.

Перемирие

13 сентября (31 августа).

Донесение Маньчжурской армии, полученное в Токио 14 сентября (1 сентября).

Главнокомандующий Маньчжурской армией отдал сегодня 14-го сентября (1-го сентября) приказ о перемирии между японской и русской армиями, который в главных чертах заключается в следующем:

Приказ.

1. Уполномоченные для заключения условий перемирия между японской и русской армиями в Маньчжурии встретились в Шахецзы (около 5 миль к северу от станции Чантуфу) вчера 13-го сентября (31-го августа) в 10 час. утра, и в 6 час. 20 мин. вечера того же дня подписали протокол перемирия. В протокол включены следующие 5 статей.

Ст. I. Враждебные действия прекращаются во всей Маньчжурии.

Ст. II. Местность между передовыми линиями японской и русской армий, указанными на карте, которой обмениваются стороны вместе с протоколом, объявляется нейтральной зоной.

Ст. III. Никому не разрешается, ни под каким предлогом, доступ на нейтральную полосу.

Ст. IV. Дорога из Шахецзы в Шуанмяоцзы открыта для общего пользования обеих армий.

Ст. V. Этот протокол входит в силу с полудня 16-го сентября (3-го сентября) 38 года Мейджи (1905 г.), или 3-го сентября по русскому стилю.

2. Обе воюющие армии обязаны подчиниться условиям перемирия, согласно протоколу, начиная с полудня 16-го сентября (3-го сентября).

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 172—173.

Глава IV

ПОРТСМУТСКИЙ МИР

Накануне переговоров

Оккупировав на начальном этапе войны Ляодунский полуостров, Корею и южную часть Маньчжурии, Япония начала предпринимать меры, чтобы закрепить свои успехи в договорном порядке. Война стоила Стране восходящего солнца колоссального напряжения сил и оплачивалась огромными потерями.

Перспектива долгой войны не на шутку пугала японское правительство, а потому уже в ходе войны японская дипломатия неоднократно пыталась нащупать почву для начала мирного процесса. Первая такая попытка была сделана японским посланником в Лондоне Хаяси в июле 1904 года⁶⁸ а уже августе того же года правительство Японии даже выработало конкретную программу мирных условий: Россия признает право Японии на свободу действий в Корее; её войска выводятся из Маньчжурии; КВЖД используется «исключительно для торгово-промышленных целей», Япония получает железную дорогу Харбин — Порт-Артур и Ляодунский полуостров. В «зависимости от ситуации» было решено настаивать на покрытии Россией военных расходов, уступке о. Сахалина и предоставлении прав Японии на рыбную ловлю в водах Приморья. Эта программа-максимум с небольшими изменениями сохранилась вплоть до мирной конференции⁶⁹.

После сражения под Мукденом и морской битвы при Цусиме вопрос о мире между Россией и Японией встал уже реально не только с японской, но и российской стороны. Над царским правительством тяжёлым грузом довели унижительные поражения на фронте и невиданный доселе подъём революционного движения в стране.

С военной точки зрения правительство, используя неисчерпае-

---

⁶⁸ Красный архив. 1924. Т.VI. С. 6—7.

⁶⁹ Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961. С.11.

мые людские резервы России, имело полную возможность создать на маньчжурском театре значительный перевес сил. Собственно, так уже и произошло после того, как, отступив от Мукдена, русская армия успешно закрепились на хорошо укрепленных Сыпингайских позициях. Таким образом, наша армия имела прекрасные шансы на достижение успехов в Маньчжурии и на существенное улучшение обстановки на этом решающем участке театра военных действий.

Но даже и в подобном случае Россия не смогла бы развить достигнутого успеха. Потеряв флот, она не могла надеяться отвоевать Порт-Артур, не говоря уже о перенесении войны на Японские острова. Даже на узком Корейском полуострове с флангами, открытыми с моря, вести наступательные действия без флота было бы в высшей степени трудно.

Непросто для России складывалась обстановка в других районах: японцы уже непосредственно угрожали устью реки Амур, Камчатке, Владивостоку, Приморью, острову Сахалин. Более того, всё огромное русское побережье морей Японского, Охотского и Берингова оказалось открытым для ударов противника. Для обороны побережья необходимы были военно-морские силы, а они покоились в морской пучине. В случае если бы противник высадил десант на этом побережье с его гигантской протяжённостью, то подвезти силы, достаточные для отпора, при бездорожье этих мест оказывалось делом почти невозможным. Итак, стране грозило появление японцев на русской земле, и помешать этому было нелегко. Такова была стратегическая обстановка после Цусимского боя, то есть к концу мая 1905 года.

Плачевно складывалась для царизма и общеполитическая обстановка: в России началась революция. Повсеместно происходили забастовки, развёртывалось крестьянское движение. Радикальные революционные настроения проникли даже в армию и на флот. Финансовое положение правительства было также незавидно. В этой ситуации, с одной стороны, в Санкт-Петербурге побаивались заключить мир, ибо признание поражения могло бы ещё сильнее подорвать престиж страны, но, с другой — продолжение войны было ещё более опасным, особенно в случае удара японцев по Владивостоку и Приморью.

Но, как уже отмечалось, и победоносной Японии мир стал необходим в не меньшей степени. Выражаясь боксёрским языком, летом 1905 года Япония выигрывала войну у России «по очкам», но никак не «нокдауном» или за явным преимуществом. В то время как Россия методически наращивала своё преимущество на Маньчжурском театре военных действий и к концу августа здесь уже имела 446 тыс. штыков против 337 тыс. японских, мобилизационные способности Токио подходили к неизбежному концу.

У Российской империи имелись огромные, практически беспре-

дельные резервы и проблема заключалась только в их своевременной доставке на театр войны, Японии же вполне реально грозило абсолютное истощение сил — катастрофически не хватало офицеров, а в японской армии уже имели место первые случаи, когда солдаты отказывались идти в атаку.

Если русское командование опасалось за Приморье, то у японского командования были свои страхи и заботы. Что, если русские, обеспечив себе значительный численный перевес, сумеют перейти в Маньчжурии в наступление? В этом случае Япония могла бы лишиться многих плодов своей победы.

Финансовая нужда, так же как в России, в Японии давила на правительство тяжелым прессом. К лету 1905 года, только по самым скромным подсчётам, Японская империя потратила на военные нужды около двух миллиардов иен. Государственный долг возрос с 600 млн иен до 2,4 млрд иен с перспективой уплачивать ежегодно до 110 млн иен одних только процентов⁷⁰. Без финансовой помощи Англии и США и снабжения вооружением, продовольствием и снаряжением, без их дипломатической поддержки Япония при слабости её военно-экономических ресурсов не сумела бы выдержать длительной и изнурительной войны — она получила четыре иностранных займа, которые были размещены на лондонской и нью-йоркской биржах. Чистая выручка от займов, за вычетом комиссионных и прочих расходов, достигла цифры 698 млн иен. В середине 1905 года Япония вынуждена была прибегнуть к новому займу.

В стране появились первые признаки недовольства войной в армии: солдаты уже не обнаруживали прежнего фанатизма, постепенно иссякали и людские ресурсы. Первоначальный контингент бойцов численностью в 425 тыс. оказался недостаточным, и с большим напряжением Япония мобилизовала ещё 185 тыс. человек. В армию были взяты молодежь призыва 1906 года, а также пожилые люди, уже отслужившие свой срок. Отвлечение в армию и на военные работы до 10 млн человек грозило серьёзно расстроить экономику страны.

Все эти причины заставили японское правительство просить Рузвельта предпринять активные меры для открытия мирных переговоров. 8 марта 1905 года японский военный министр Терауци, встретив на обеде американского посланника, обратился к нему с просьбой передать президенту Соединённых Штатов его, Терауци, мнение «как частного лица»: войну необходимо заканчивать⁷¹.

Но японское правительство, так же как и русское, отказывалось официально поставить вопрос о мире, дабы не ослабить свои пози-

---

⁷⁰ Ogawa Gotaro. The Expenditures of the Russo-Japanese War, New York, 1923. P. 248.

⁷¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 368.

ции в предстоящем торге относительно его условий, оно выжидало, пока побеждённая сторона запросит мира. После выступления Терауци министр иностранных дел Комура говорил американскому послу о желательности добиться с помощью Рузвельта русского предложения о мире.

Какова была позиция других держав в вопросах войны и мира между Россией и Японией? Так, американцы были заинтересованы прежде всего в том, чтобы Россия и Япония максимально ослабили друг друга. Взаимное ослабление воюющих сторон должно было усилить влияние Соединённых Штатов в Восточной Азии и на Тихом океане. Это было главной целью Америки.

Победа России сделала бы достижение этой цели невозможным, и Белый дом стремился к поражению России — именно для этого банкиры Уолл-стрита и финансировали Японию. Но после падения Порт-Артура и начавшегося подъёма революционной волны победа России стала менее вероятной, а Мукден и Цусима такую перспективу вообще исключили.

Но и чрезмерное усиление Японии также не входило в расчёты правительства США. В начале войны, в марте 1904 года, Рузвельт откровенно говорил германскому послу, что интересы США требуют затяжки войны между Россией и Японией. Надо, «чтобы обе державы возможно сильнее потрепали друг друга и чтобы после заключения мира не исчезли такие географические районы, в которых между ними имеются трения, так, чтобы в отношении границ сфер их интересов они противостояли бы друг другу приблизительно так же, как и до войны. Это сохранит их в состоянии военной готовности и умерит их аппетиты в других районах. Япония в таком случае не будет угрожать Германии в Цзяочжоу, а Америке на Филиппинах»⁷². То же самое говорил Рузвельт и англичанам, а именно своему личному другу секретарю английского посольства в Петербурге Спринг-Райсу. В письме к нему от 19 марта 1904 года президент высказывал опасения перед чрезмерным усилением Японии. «Может статься, — продолжал Рузвельт, — что обе державы будут драться до тех пор, пока обе не будут полностью истощены, и тогда мир придёт на условиях, которые не создадут ни жёлтой, ни славянской опасности»⁷³.

В декабре 1904 года Рузвельту рисовались следующие условия будущего мира между Россией и Японией: «Возвращение Маньчжурии Китаю и при этом провозглашение её нейтрализации заинтересованными державами». Корею президент готов был отдать Японии. «На оккупацию же Кореи Россией США никогда не согласятся. Укрепления Порт-Артура президент предпочёл бы видеть скрытыми»⁷⁴.

⁷² Die Grosse Politik, Bd. XIX. T. I. S. 112—113.

⁷³ Letters and friendships of C. Spring Rice. Vol. I. P. 398.

⁷⁴ Die Grosse Politik, Bd. XIX, T. II. S. 551.

После падения Порт-Артура Рузвельт готов был оставить крепость за Японией — «если она будет продолжать противостоять России»⁷⁵.

Но более всего президент США опасался, как бы после войны не установился русско-японский союз. Не раз Рузвельт зондировал английское правительство по неофициальному каналу — через Спринг-Райса — относительно возможности англо-американского сотрудничества для предотвращения такой опасности⁷⁶.

По мере нарастания успехов Японии в войне Рузвельт всё больше начинал страшиться усиления японской мощи, и его позиция изменилась почти кардинально. В июне 1905 года, в разгар своей посреднической деятельности по подготовке русско-японского мира, он писал своему другу сенатору Лоджу, выражая опасение, как бы переговоры о мире не сорвались и Япония не одержала новых военных успехов: «Для нашего покоя уничтожение России как восточноазиатской державы было бы... несчастьем»⁷⁷.

Но это не значит, что во время переговоров о мире президент прекратил поддержку Японии, которую оказывал ей против России в ходе войны. Рузвельт считал, что пока Япония остаётся заинтересованной в Корее, Маньчжурии и вообще в Китае, Россия будет её «естественным врагом». Если же Япония потеряет влияние на континенте Азии, тогда она объединится с Россией и обратится против американских, нидерландских и английских владений на Тихом океане⁷⁸. Потому-то Рузвельт и не видел никакого смысла умерять захватнические аппетиты японской военщины против России.

Исходя из всех изложенных соображений, Рузвельт признавал целесообразным выступить посредником между воюющими ради ускорения переговоров о мире. Президент даже оставил мысль о срыве укреплений Порт-Артура и нейтрализации Маньчжурии, хотя это казалось более выгодным с точки зрения американских интересов.

Как бы то ни было, но Рузвельт решил поддержать большую часть японских требований, дабы в дальнейшем Россия и Япония остались врагами. Попытка Соединённых Штатов отобрать у Японии плоды её победы могла бы толкнуть её на сближение с побеждённым врагом, как это, собственно, и в самом деле случилось несколькими годами позже, перед лицом попыток американского капитала поглубже проникнуть в Маньчжурию и вернуться к программе её нейтрализации.

Во время войны, и особенно после Мукденского сражения, Рузвельт неоднократно зондировал обе стороны, предлагая им свои

⁷⁵ British Documents. Vol. IV. P. 156.

⁷⁶ Letters and friendships of C. Spring Rice. Vol. I. P. 442(446; Die Grosse Politik, Bd. XIX. T. II. S. 567—568.

⁷⁷ Цит по: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 425.

⁷⁸ Letters and friendships of C. Spring Rice. Vol. I. P. 445.

«добрые услуги» для организации непосредственных переговоров между ними. После обращения к нему Терауци, а затем Комура Рузвельт в марте 1905 года говорил с русским послом в Вашингтоне Кассини и пытался вызвать мирную инициативу со стороны царского правительства. Но последнее не желало проявить публично признаков слабости и действовало очень осторожно. Оно, естественно, предпочло обратиться сначала к своему союзнику — Франции и ответило Рузвельту уклончиво.

21 марта 1905 года российский министр иностранных дел Ламздорф поручил послу в Париже Нелидову уведомить своего французского коллегу Делькассе о готовности заключить мир. Однако русское правительство, писал Ламздорф, может сделать это только при условии «исключения нижеследующих требований: 1. Уступки какой-либо части русской территории; 2. Уплаты военной контрибуции; 3. Изъятия из нашего владения железнодорожных линий по направлению к Владивостоку и, наконец 4. Уничтожения военного флота на Тихом океане». Выслушав всё это, Делькассе 5 апреля обратился к японскому послу в Париже Мотоно. Он сказал послу, что мог бы содействовать началу мирных переговоров при условии, что Япония не будет настаивать на некоторых пунктах, неприемлемых для России.

Со своей стороны, японское правительство ответило согласием начать переговоры, но при этом заявило, что не считает себя связанным относительно условий мира, которые ему предъявит противная сторона.

Из Токио предложение Делькассе было сообщено правительству США. Японского посланника, явившегося 18 апреля с этим сообщением, принял военный министр Тафт: сам президент Рузвельт проводил отпуск в походах по горам Колорадо. Японцы просили теперь уже не о том, чтобы вызвать инициативу России, а прямо о посредничестве президента.

Но раньше чем предоставить свои посреднические услуги, Рузвельт указал японскому правительству на то, что оно должно дать обязательство придерживаться в Маньчжурии принципа «открытых дверей». 25 апреля 1905 года японское правительство изъявило на это согласие, а 27 апреля Рузвельт решил прервать отпуск и возвратился в столицу. Японское же правительство, со своей стороны, сообщило президенту об условиях мира⁷⁹.

Рузвельт одобрил эти условия, за исключением, однако, захвата Сахалина и уплаты контрибуции. Он не отверг ни того ни другого, но заявил, что еще «не готов» высказать своё мнение, да пока ещё и не чувствует в этом необходимости. Рузвельту были известны те русские условия, которые были сообщены из Петербурга французско-

---

⁷⁹ Добров А. Дальневосточная политика США. С. 257—291; Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961. С. 13—27.

му правительству, и президент был осведомлен, что Россия не согласна на уступку Сахалина и уплату контрибуции. Он не торопился связывать себя в этих вопросах, дабы не затруднить себе посредничества и не позволить Делькассе перехватить инициативу в деле подготовки русско-японского мира.

В это время эскадра Рожественского приближалась к японским водам. Невозможно было предвидеть, чем кончится её столкновение с флотом противника. Одно время японское правительство, видимо, склонялось закончить войну до решающего морского сражения, однако затем оно изменило свою тактику и начало затягивать переговоры с Соединёнными Штатами относительно их дипломатического выступления.

Что же касается позиции по дальневосточным проблемам Германии и Англии, то они существенно отличались от американской. Немцам затяжка войны в Восточной Азии была выгодна, так как она позволяла развить до максимальной напряжённости нажим на Францию в вопросе о Марокко. В условиях, когда в Европе свирепствовал очередной политический кризис — первый марокканский — и, казалось, вот-вот вспыхнет война между Германией и Францией, «возвращение» России в Европу немцам было ни к чему. С другой стороны, наивно лелея далеко идущие планы сотрудничества с Белым домом, немецкий кайзер не мог себе позволить открыто выступить против миротворческой инициативы Рузвельта.

Позиция Англии была сложнее: в Лондоне считали целесообразным дополнить «сердечное согласие» с Францией соглашением с ослабленной на Дальнем Востоке Россией. Британцы не были заинтересованы в затягивании войны, ибо их партнер — Франция — крайне нуждался в возвращении всей мощи русской армии в Европу — на германскую границу.

И тем не менее английское правительство не желало вмешиваться в вопросы войны и мира или поощрять свою союзницу Японию к умеренности, ибо не хотело затруднять себе этим переговоры, которые вело в то время с Японией по поводу изменении условий англо-японского союзного договора.

И хотя Рузвельт хотел, чтобы Англия делала в отношении Японии то же самое, что Франция действительно осуществляла в отношении России — толкала свою союзницу к миру и к некоторым уступкам, в Лондоне безмолвствовали. Английское правительство решительно отказывалось от всякого воздействия на Японию, чем вызвало большое недовольство американского президента.

Французское правительство, наоборот, желало скорейшего мира на Дальнем Востоке⁸⁰. Оно хотело этого по той же самой причине,

---

⁸⁰ Розенталь Э. М. Дипломатическая история франко-русского союза в начале XX века. М., 1960. С. 91.

по которой германское стремилось затянуть войну: мир означал возвращение России и её армии в Европу. Париж страстно стремился к этому, в то время как в Берлине всеми силами старались этот процесс оттянуть.

Однако, несмотря на активизацию деятельности дипломатических ведомств России и Японии, практически до Цусимского сражения дело ограничивалось лишь взаимными зондированиями со стороны японского, русского, французского и американского правительств, а мирные переговоры так и не начались.

После Цусимского боя и гибели практически всего Российского флота Японии продолжать войну стало незачем, ибо её цели были уже достигнуты, а, кроме того, не оставалось и ресурсов на дальнейшее ведение военных действий. Вот почему 31 мая 1905 года японский министр иностранных дел Комура телеграфировал послу в Вашингтоне Такахире и поручил ему попросить Рузвельта выступить как бы «всецело по своей инициативе» и пригласить обе воюющие стороны для переговоров о мире непосредственно друг с другом.

Со своей стороны, 5 июня Рузвельт поручил послу США в Петербурге Лангерке-Мейеру испросить аудиенцию у царя и передать ему предложение президента Соединённых Штатов о встрече представителей России и Японии для обсуждения вопроса о заключении мира.

6 июня 1905 года под председательством царя в Петербурге состоялось военное совещание.

Тон задал дядя Николай, великий князь Владимир Александрович. Он решительно высказался за скорейшее начало переговоров о мире. Его поддержали и другие члены правящего дома Романовых. «В случае продолжения войны, — заявил великий князь Алексей, — положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное». «Пока нам не нанесён решительный удар, надо зондировать почву относительно мира» — таков был его вывод. Князь готов был даже отдать японцам южную часть Сахалина.

Когда адмирал Дубасов и некоторые другие участники совещания высказались за продолжение борьбы, дядя царя вновь решительно им возразил. «Мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру, — заявил он. — Не зная броду, мы сунулись в воду», — продолжал Владимир.

Кроме того над участниками совещания довлела угроза надвигающейся революции. И Владимир полагал, что «нам нужнее внутреннее благосостояние страны, чем победы». «Из двух бед, — заключил он, — надо выбирать меньшую». «Необходимо вернуть внутренний покой России», иначе говоря, подавить революцию. Николай согласился со своим дядей⁸¹.

---

⁸¹ Красный архив. 1928. Т. 3 (28). С. 200—201.

Но было решено послать в Маньчжурию подкрепления, которые прислал главнокомандующий генерал Линеви́ч, заменивший после Мукдена Куропаткина.

7 июня Николай принял американского посла. Тот передал настоятельный совет президента начать переговоры и скорее заключить мир. Царь сначала ответил, что он над этим подумает и вскоре же даст ответ. Но посол настаивал на немедленном решении, и Николай II, передумав, выразил послу согласие на предложение президента. Ламздорф пытался было изменить положение и обратиться к посредничеству Франции. Но после того как у Рузвельта оказалось в руках согласие царя, президент не собирался отступать. 8 июня он опубликовал официальное обращение к воюющим сторонам с предложением начать переговоры о мире и принять для этой цели его «добрые услуги».

При этом Рузвельт солидаризировался с японским правительством, которое возражало против участия Китая в портсмутских переговорах. Правительство Соединённых Штатов тем более стремилось отстранить Китай: там снова нарастало недовольство Америкой, вызванное притеснениями китайских эмигрантов в Соединённых Штатах. 1 мая 1905 года начался массовый бойкот американских товаров в открытых портах Китая.

Выступая в качестве посредника в мирных переговорах России и Японии, правительство США старалось соблюсти и свои интересы в отношении нового опасного соперника, Японии. Целесообразно это было сделать, пока силы Японии ещё оставались скованными войной против России.

В июле 1905 года Японию посетил Тафт — военный министр и один из руководящих деятелей республиканской партии, будущий президент Соединённых Штатов. 29 июля состоялась встреча Тафта с премьер-министром Кацуры. Последний заверил своего гостя, что Япония не будет покушаться на Филиппинские острова. На это американский министр сделал встречное заявление. Установление японского протектората над Кореей и лишение Кореи права самостоятельно заключать договоры с другими государствами будут содействовать установлению прочного мира на Дальнем Востоке. Таким образом, было заключено соглашение двух держав, взаимно гарантировавших друг другу своё согласие на установления полного контроля их соответственно в Корее и на Филиппинах. Так соглашение Тафта—Кацуры на долгие годы лишило независимости корейский народ.

12 августа 1905 года этот договор получил подтверждение со стороны Англии. В тот день состоялось возобновление англо-японского союза. Новый союзный договор существенно отличался от договора 1902 года: целями союза теперь объявлялось поддержание мира, а также территориальных прав обеих договаривающихся сторон в

районах Восточной Азии и Индии, защита их специальных интересов в этих районах, а также обеспечение «совместных интересов всех держав в Китае». Основное постановление нового договора гласило: если бы в результате «неспровоцированного нападения» одна из договаривающихся сторон, «защищая упомянутые выше... территориальные права и специальные интересы, оказалась вовлечённой в войну с какой-либо державой или державами, другая договаривающаяся сторона незамедлительно придёт на помощь своему союзнику, будет вести войну совместно с ним и заключит мир по взаимному с ним соглашению»⁸².

Отличие от договора 1902 года заключалось не только в том, что совместное ведение войны предусматривалось и в случае войны любой из союзниц с одной державой, а не с двумя, как это было раньше. Важное отличие заключалось также и в том, что исполнялось давнее пожелание английского правительства о распространении союза на Индию. За эту уступку, сделанную Японией, Англия уплатила ей безоговорочным признанием японского протектората над Кореей.

Прямое обращение корейского императора к Рузвельту с мольбой о посредничестве ради защиты независимости Кореи не имело успеха. Президент и государственный секретарь упорно уклонялись от встречи с посланцем корейского императора до тех пор, пока японцы силой не заставили императора и его правительство отдать себя под протекторат Японии.

Таким образом, 17 ноября 1905 года был заключен японо-корейский договор, согласно которому Японии предоставлялось право руководить внешними сношениями Кореи и контроль над ними. Ночью японские офицеры и жандармы ворвались во дворец и предъявили императору проект договора, который означал конец всякой ещё сохранявшейся независимости его страны. Японцы требовали от императора и доставленных ими во дворец министров немедленной подписи этого документа. Император и все министры ответили отказом. Тогда японцы отвели премьер-министра в другую комнату. Там уже посол Хаяси и маршал Хасегава вновь потребовали от премьера его подписи. Он не струсил и отказался вторично. Японский маршал обнажил саблю, но и это не помогло.

Оставив премьера в отдельной комнате под охраной, оба японца — генерал и посол — вернулись в зал, требуя подписей от других членов кабинета. Полагая, что премьер убит, и не желая разделить его участь, трое из числа министров капитулировали и предательски подписали договор, который должен был положить конец независимости их страны. Император этого не сделал, так же как и премьер. Таким образом, насильственно навязанный договор и с точки

---

⁸² British Documents. Vol. IV. № 155. P. 166.

зрения стоявших под ним подписей юридической силы не имел. По некоторым данным, японцы выкрали государственную печать Кореи в министерстве иностранных дел и сами приложили её к договору⁸³.

Японское правительство назначило своими уполномоченными на предстоявшей русско-японской мирной конференции министра иностранных дел Комуру и посланника в США Такахиру.

Инструкция, данная японским представителям, различала три категории условий мира. Первую составляли «безусловно обязательные». Сюда входила вся сумма японских претензий, за исключением тех, которые были выделены в две другие категории. Ко второй относились такие, удовлетворение которых должно было быть обеспечено делегацией в зависимости от обстановки. Сюда относились уплата контрибуции, выдача русских военных кораблей, интернированных в нейтральных портах, захват Сахалина, получение рыболовных прав у русского дальневосточного побережья. Всецело на усмотрение делегации предоставлялись требования о разоружении Владивостока и его превращении в чисто коммерческий порт, а также об ограничении военно-морских сил России на Тихом океане⁸⁴.

Царь, перебрав несколько кандидатур, назначил своими уполномоченными Витте и посла в Соединённых Штатах Розена. Инструкции, полученные русской делегацией, запрещали ей соглашаться на уже известные четыре требования японцев. В остальном же они предоставляли делегации значительную свободу инициативы. 26 июля 1905 года русская делегация отплыла из Шербурга в Нью-Йорк.

Рузвельт принял обе делегации — русскую и японскую — на борту президентской яхты. Президент тщательно убеждал Витте, что России необходимо согласиться на уплату контрибуции. Японским делегатам он советовал не предъявлять требование о разоружении Владивостока и японцы послушались этого совета.

Портсмут

9 августа 1905 года в курортном городке Портсмут, на Атлантическом побережье США, открылась мирная конференция.

На первом заседании были согласованы только некоторые вопросы процедуры. В качестве официальных языков были приняты два — французский для русской делегации и английский для японской. Это было новшеством в дипломатической практике того вре-

⁸³ Chung H. The Oriental Policy of the United States. N. Y. Chicago, 1919. P. 250—251.

⁸⁴ A k a g i R.H. Japan's foreign relations. 1542—1936. Tokio, 1936. P. 252; о Портсмутской конференции см.: Д о б р о в А. Дальневосточная политика США. С. 292—347; К у т а к о в Л. Н. Портсмутский мирный договор. С. 28—86.

мени: до того в ней обычно применялся один французский язык. Фактически Витте говорил по-французски, иногда восполняя порусски недостававшие ему французские слова. Комура изъяснялся по-японски.

На следующий день, на втором заседании, японские представители вручили русской делегации текст японских условий мира. Эти условия состояли из следующих 12 пунктов:

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не препятствовать тем мерам руководства, покровительства или надзора, кои Япония считает нужным принять в Корее.

2. Россия обязуется совершенно эвакуировать Маньчжурию в течение определённого срока и отказаться от всех территориальных выгод и преимущественных исключительных концессий и прав в этой местности, нарушающих китайский суверенитет и несовместимых с принципом одинакового благоприятствования.

3. Япония обязуется возвратить Китаю под условием проведения им реформ и улучшения управления все те части Маньчжурии, кои находятся в её оккупации, исключая те, на кои распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать общим мерам, кои Китай признает нужным принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. Сахалин и все прилегающие острова и все общественные сооружения и имущества уступаются Японии.

6. Аренда Порт-Артура, Талиена (Дальнего) и прилегающие местности и территориальные воды, а равно все права, привилегии, концессии и имущества, приобретенные Россией у Китая в связи или как часть этой аренды, и все общественные сооружения и имущества передаются и закрепляются за Японией.

7. Россия предоставляет и передает Японии свободную от всех претензий и обязательств на железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром и все её разветвления вместе с правами, привилегиями, преимуществами и всеми угольными копиями, принадлежащими или разрабатываемыми в пользу железной дороги.

8. Россия удерживает и эксплуатирует трансманьчурскую железную дорогу на условиях и в зависимости от концессии на её сооружение, а также под условием, что дорога будет эксплуатироваться исключительно для коммерческих и промышленных целей.

9. Россия возмещает Японии действительные издержки за войну. Размер, а равно время и способ этого возмещения будут определены впоследствии.

10. Все русские военные суда, получившие повреждения и интернированные в нейтральных портах, будут выданы Японии как законные призы.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в дальневосточных водах.

12. Русское правительство предоставит японским подданным полные права рыбной ловли вдоль побережья, в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений и Японском, Охотском и Беринговом морях.

Передав условия мира, Комура заявил русским уполномоченным, что условия даны без обоснований и поэтому целесообразно обсуждать их в том же порядке, в каком они изложены, то есть по-статейно. Витте согласился с предложением японской делегации. Он заметил, что русский ответ также будет изложен по пунктам, без мотивировки. После обмена мнениями было решено, что по ходу переговоров японская делегация будет обосновывать каждую статью своих условий, а русские представители выскажут свои возражения и замечания.

30 июля (12 августа) русская делегация вручила свой ответ на японские требования, составленный на основе правительственной инструкции. Он отвергал четыре японских требования, а именно: пятое — об уступке Сахалина, девятое — об уплате военных издержек, десятое — о передаче русских военных судов, находившихся в нейтральных портах, одиннадцатое — об ограничении военно-морских сил России на Дальнем Востоке. В принципе принимался пункт о передаче южноманьчжурской железной дороги, но с оговоркой, что Россия согласна уступить только ту часть дороги, которая была оккупирована японскими войсками. Принятие остальных пунктов также обуславливалось рядом оговорок.

Первые восемь заседаний (из двенадцати) были посвящены обсуждению японских требований и возражений русской стороны. Эти восемь заседаний и составляют первый этап конференции.

После этого заседание было прервано, дабы японская делегация смогла внимательнее ознакомиться с русскими условиями. По вопросу о Корее японцы приняли предложение Витте о безопасности границы, оговорив только, что обязательство на этот счёт будет взаимным. Но они решительно отказались упомянуть о суверенитете императора. Сошлись на том, что в протоколе конференции будет записано, что меры, ограничивающие суверенитет Кореи, будут Японией приниматься не иначе, как с согласия корейского правительства. Впрочем, судьба Кореи уже была предрешена ранее соглашениями, заключёнными Японией с Англией и США, — вторым англо-японским договором о союзе и соглашением Тафта — Кацуры.

Последующие условия были согласованы без большого труда. Русская делегация настояла на своём в вопросе о конечном пункте передаваемой железнодорожной линии: она была уступлена японцам не до Харбина, а только до Чанчуня.

Трудности начались 15 августа, когда конференция перешла к рассмотрению судьбы Сахалина. Следует учитывать, что конференция работала в обстановке продолжавшихся военных действий: японцы отказались заключить перемирие. В июле они высадили войска на Сахалине. Витте заявил, что Россия не уступит этого острова. Решено было отложить этот спорный вопрос и перейти сначала к таким, по которым соглашение легко может быть достигнуто.

Такое решение было весьма удачным дипломатическим ходом Витте: если бы договориться о мире не удалось, то России было выгоднее, чтобы переговоры сорвались именно из-за наиболее агрессивных и наглых требований Японии при наличии уже достигнутого согласия по возможно большему числу статей.

Без особых трудностей были согласованы постановления о передаче Японии Порт-Артура и Дальнего — с формальной оговоркой о необходимости получить на это согласие Китая, о КВЖД, о рыболовных правах японских подданных. Русская делегация легко согласилась на последнее требование, даже не попытавшись придать этим правам характер взаимности, то есть обеспечить и для русских аналогичные возможности рыбной ловли в японских водах.

Остались спорные вопросы: о Сахалине, о контрибуции (именуемой «возмещением»), об ограничении военно-морских сил России, о выдаче интернированных кораблей. В этих вопросах русская делегация не уступала.

Глава русской делегации ловко использовал американские средства массовой информации, с которыми сумел завязать интенсивные связи. Витте сделал многое, чтобы возложить на Японию всю ответственность за срыв переговоров перед мировой общественностью, например он инспирировал сообщения о том, что конференции грозит срыв из-за притязаний Японии на чужую территорию и на грабительскую контрибуцию.

Во время конференции общественное мнение США заметно охладело к Японии. Это было вызвано не столько распространившимся сознанием агрессивной природы её требований, сколько страхом перед усилением нового и опасного империалистического конкурента Америки на Дальнем Востоке. Поворот в общественном мнении начался в тихоокеанских штатах и быстро распространился с запада на восток. Этот поворот создал, конечно, не Витте, однако русский дипломат очень умело его использовал и содействовал его усилению. Витте искусно разыгрывал роль человека демократических взглядов и манер: он жал руку паровозному машинисту, который его вёз, охотно и много общался с журналистами и т. д. Напротив, японские делегаты держали себя чопорно и замкнуто.

На заседании 18 августа 1905 года Комура предложил компромисс: Япония откажется от притязаний на ограничение морских сил России и на выдачу интернированных кораблей. Но за это рус-

ские должны выразить готовность решить «в примирительном духе» вопросы о Сахалине и о денежном возмещении⁸⁵.

Выслушав это, Витте удалил секретарей, и около часу четверо уполномоченных проговорили одни. Результаты этого секретного совещания были отрицательные: японская делегация выразила, правда, готовность «отказаться» от уплаты военных издержек, но при условии, что Японии будет уступлена южная половина Сахалина и что за сохранение северной части острова Россия выплатит Японии колоссальную сумму — один миллиард двести миллионов иен, что по курсу составляло приблизительно такое же количество рублей. Нетрудно видеть, что японцы теперь протаскивали требование контрибуции под видом уплаты за Северный Сахалин. Предложение Комуры было продиктовано финансовой нуждой — Японии остро необходимы были деньги и она вознамерилась получить их с России. Но Витте платить отказался наотрез и конференция зашла в тупик.

В тот же день, 18 августа 1905 года, американский президент предпринял вмешательство в русско-японские переговоры. Он пригласил в свою летнюю резиденцию Ойстер-бэй посла Розена — второго русского уполномоченного на мирной конференции. Рузвельт принялся убеждать его в необходимости отдать Японии Сахалин. Вопрос же о денежном возмещении он советовал передать на предварительное заключение двух лиц, из которых одно было бы представителем страны, дружественной России, а другое — страны, дружественной Японии. Мотивированное совместное заключение этих двух персон было бы потом рассмотрено обоими правительствами — тоже совместно. Все это заняло бы много времени; по мнению Рузвельта, было маловероятным, чтобы Япония решилась на возобновление войны явно из-за одних только денег.

Иначе говоря, Рузвельт хотел, чтобы Россия отдала весь Сахалин в обмен всего лишь за отсрочку решения вопроса о контрибуции. При этом русская делегация должна была бы отказаться от своей принципиальной позиции — не платить ни за что, кроме возмещения за содержание военнопленных.

Оба предложения, и Комуры и Рузвельта, были переданы русской делегацией в Петербург по телеграфу. 22 августа 1905 года откуда пришло в Портсмут указание о прекращении переговоров ввиду безнадёжности довести их до удовлетворительного завершения.

Японское правительство тоже стояло перед трудным вопросом: продолжать ли войну ради контрибуции и захвата острова Сахалин? 22 и 23 августа Рузвельт направил одно за другим два письма барону Канэко, японскому финансовому агенту и руководителю японского бюро печати в Соединённых Штатах. Барон руководил японской пропагандой в США и пользовался в Токио значительным влияни-

---

⁸⁵ Протоколы Портсмутской мирной конференции. СПб., 1906. С. 61.

ем. Президент настаивал, чтобы Япония отказалась от контрибуции. «По поводу продолжения войны из-за удержания Сахалина, — писал Рузвельт Канэко 23 августа, — я не говорю. Это, мне кажется, было бы правильным. Но я говорю о продолжении войны ради получения от России крупной суммы денег, что было бы, по моему мнению, неправильным». Президент просил Канэко передать его мнение японскому правительству.

В США имелись опасения по поводу того, что Япония затратит полученные с России деньги на усиление своего флота, которого в Америке стали побаиваться. «В Америке, — сообщал Витте 17 августа 1905 года, — серьезные люди и газеты признают требование уплаты расходов войны неправильным. Что же касается Сахалина, то, по-видимому, общественное мнение склонно признавать... что Японии... трудно будет отказаться от того, что приобретено успехами её флота».

Сами японцы, видимо, предпочитали обратное — лучше отказаться от Сахалина, чем от денег, если уже не удавалось получить и то и другое. Об этом говорил премьер Кацура английскому послу в Токио⁸⁶.

Двумя днями позже, 25 августа, на Японию было оказано и другое воздействие, ещё более эффективное, чем демарш американского президента. Банкир Якоб Шифф направил Такахире многозначительное письмо. Шифф предупреждал, что в случае, если война будет продолжаться, Россия сможет использовать свой огромный золотой запас. С другой стороны, банкир выражал опасение, что денежные рынки Америки, Англии и Германии не склонны будут дальше финансировать Японию в сколько-нибудь значительном размере⁸⁷.

В те же дни Рузвельт ещё раз оказал давление на русское правительство, стараясь склонить его к уступкам. 22 августа, в тот же день, когда президент отправил письмо Канэко, он передал Витте послание Николаю II. Одновременно он сообщил текст своего послания по телеграфу послу Мейеру, поручив ему лично вручить текст царю. Президент настойчиво советовал Николаю принять японское предложение — уступить половину Сахалина и уплатить возмещение за сохранение другой половины. Без флота, доказывал Рузвельт, Южного Сахалина все равно не вернуть. Затяжка войны, уверял он, может стоить России потери Восточной Сибири. Так запугивал Рузвельт царя. Вслед за этой телеграммой 24 августа президент направил Витте вторую: он разъяснял, что в его предложении речь идёт не о возмещении военных издержек, а о выкупе территории.

---

⁸⁶ British Documents, Vol. IV. № 95, 96. P. 102—104; Романов Б. А. Портсмутская мирная конференция // Исторические записки. 1954. № 46. С. 107.

⁸⁷ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 566—567.

Всей этой бурной деятельности Рузвельту показалось недостаточно. Он в тот же день ещё раз телеграфировал Мейеру, поручая сообщить царю, что согласно американскому предложению размер возмещения пока остается неопределённым. Мир может быть заключен при наличии одного лишь принципиального согласия России что-то уплатить. Определение «разумной» суммы будет делом уже последующих переговоров.

Рузвельт и на этом не успокоился. 26 августа Мейер получил новую телеграмму — всё о том же. Следуя велению президента, посол потребовал новой аудиенции у царя. На этот раз Ламздорф не вытерпел и отказал назойливому американцу.

Таким образом, советуя японцам отказаться от своих денежных домогательств, Рузвельт одновременно с необычной настойчивостью требовал от царского правительства согласия на уплату денег Японии.

Эта противоречивая деятельность президента свидетельствовала о том, что дальнейшая затяжка войны с точки зрения правительства США стала нежелательной и что соображения престижа заставляли Рузвельта заботиться об успехе его посредничества.

В результате давления, оказанного Рузвельтом, 23 августа 1905 года Николай II принял американского посла — дело было, следовательно, еще до получения второй телеграммы президента. Сначала царь в беседе с наседавшим на него послом занял непримиримую позицию. Николай заявил, что он публично обязался не платить контрибуции и не уступать земли. Около двух часов собеседники горячо спорили. И в конце концов Николай сдался по вопросу о Сахалине. Царь дал согласие американскому послу отдать врагу русскую землю.

На уплату японцам каких-либо денег, кроме содержания военнопленных, согласия с русской стороны не последовало. Поток рузвельтовских телеграмм в этом смысле оказался безрезультатным.

В инструкциях японским уполномоченным Сахалин не значился в числе требований, абсолютно обязательных. Его поручалось добиваться лишь в зависимости от обстановки. Ясно, что если бы царь и его дипломаты проявили должную выдержку, то можно было бы Сахалин отстоять.

Теперь основная интрига состояла в том, согласятся ли японцы заключить мир без контрибуции. Конференция приступила к обсуждению требования о возмещении Россией военных расходов Японии ещё 4 (17) августа 1905 года. Именно вокруг этого вопроса завязалась ожесточённая борьба, грозившая срывом конференции. Контрибуция, по мнению правящих кругов Японии, должна была явиться основой для осуществления планов дальнейшей экспансии японских милитаристов. Японское правительство не скрывало, что вопрос о деньгах — самый важный. Английскому послу в Токио

Макдональду премьер Кацура заявил, что «ст. 9, касающаяся возмещения издержек, наиболее серьёзная из всех... Что же касается Сахалина, то, в связи с тем, что Япония им уже владеет, японское правительство не ожидает больших трудностей в оставлении его в таком состоянии...» В другой беседе, 7 (20) августа, Кацура вновь заявил Макдональду, что «Япония должна получить свои действительные военные издержки, но что касается Сахалина, Япония готова смягчить свои требования». Это смягчение требований в отношении Сахалина Кацура ставил в зависимость от того, в какой мере русское правительство примет статью 9⁸⁸.

В русском ответе говорилось: «Военные издержки уплачиваются только странами побеждёнными, а Россия не побеждена. Не может считать себя побеждённой страна, территория которой почти не подвергалась нападению со стороны неприятеля... Только в том случае, если бы японские войска победоносно заняли внутренние области России, страна могла бы понять возбуждение вопроса о возмещении военных издержек...» Россия соглашалась только на возмещение расходов Японии, «послуживших не к ущербу, а к пользе подданных России...», то есть за содержание военнопленных, лечение больных и т. д.

Переговоры по этому пункту японских требований, как отмечал секретарь конференции Плансон, походили на «настоящий поединок, в котором собеседники перебрасывались весьма острыми и резкими замечаниями». Комура посоветовал Витте «принести жертву для спасения более важных интересов», на что Витте ответил: «Если бы Россия была окончательно разбита, что было бы лишь в том случае, если бы японские войска пришли в Москву, тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции». Комура возразил: «В этом случае уже не было бы никаких переговоров, а мы просто продиктовали бы условия мира». Витте напомнил: «История говорит иное. Наполеон был в Москве, однако не диктовал нам условий мира».

Исчерпав все доводы, уполномоченные решили занести в протокол, что, не будучи в состоянии достигнуть соглашения по девятому пункту, решили перейти к обсуждению очередных вопросов.

Десятый пункт японских предложений требовал передачи Японии всех русских военных судов, получивших повреждения и интернированных в нейтральных портах, и он также вызвал немало острых словесных баталий. В русском ответе говорилось, что «едва ли можно найти в практике международных отношений прецеденты, которые оправдывали бы такую требовательность». Резонно указывалось на то, что «подобное требование трудно вяжется с миролюбивыми намерениями, которыми должны быть воодушевлены обе

---

⁸⁸ British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P. 103—104.

договаривающиеся стороны...» и что «согласие России на такое требование противоречило бы её достоинству».

Позиция японских уполномоченных противоречила сложившимся к тому времени нормам международного права, признанным большинством стран мира.

На заседании 4 (17) августа Витте заявил, что в соответствии с общепризнанным положением международного права военный отряд или судно, которые ищут убежища на нейтральной территории или в нейтральном порту, подлежат разоружению, но никак не выдаче противнику.

Таким образом, переговоры продвигались очень туго. 26 августа утром Витте приказал секретарю делегации расплатиться за гостиницу в предвидении отказа японцев. Возможно, что это было со стороны Витте рассчитанным дипломатическим жестом в целях демонстрации решимости покинуть Портсмут, более ни в чём не уступая. На заседании этого дня Витте объявил японским уполномоченным об отказе от дальнейших уступок. Японцы попросили отложить дальнейшие переговоры на два дня.

В Токио вследствие разницы во времени телеграмма Комуры с сообщением о последнем слове русской делегации прибыла уже 27 августа. Тотчас же было созвано заседание правительства и совета генро. Оно затянулось до поздней ночи. Принято было решение не настаивать на уплате контрибуции. На следующий день в присутствии императора собралось объединённое совещание совета генро, правительства и высшего командования. Это высокое собрание согласилось с решением правительства. Соответствующая инструкция была тотчас же послана Кацура в Портсмут⁸⁹.

Утром 29 августа возобновилась работа конференции. Этого заседания с напряжением ожидали во всём мире. Печать была полна самых разнообразных прогнозов. Едва открылось заседание, как японская делегация сообщила о принятии последних русских предложений: уступка половины Сахалина и полный отказ от выплаты денег, за исключением только обоюдного возмещения за содержание военнопленных, на что было дано согласие с самого начала переговоров.

После этого стороны договорились о взаимной гарантии свободы плавания в Лаперузовом и Татарском проливах. Несколько дней ушло на работу экспертов по редактированию договорного текста.

Итоги войны

5 сентября 1905 года Портсмутский мирный договор был подписан уполномоченными России и Японии.

Его содержание уже ясно из изложения тех переговоров, резуль-

---

⁸⁹ Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961. С. 72—73, 76.

татом которых он явился. Россия признавала Корею сферой исключительного влияния Японии. Ст. 2 Портсмутского договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтить необходимым принять в Корее».

Ст. 3 содержала взаимное обязательство о полной и одновременной эвакуации Маньчжурии обеими сторонами и её возвращения в «исключительное управление Китая» — кроме Ляодунского полуострова.

Согласно ст. 5 Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по ст. 6 — Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чанчуня до Порт-Артура. Тем самым Южная Маньчжурия фактически оказывалась сферой влияния Японии. Ст. 7 Портсмутского мирного договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических». Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель (ст. 9). На Сахалине обе стороны обязывались не возводить укреплений и не препятствовать свободному плаванью по обоим омывающим остров проливам. Согласно ст. 11 Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях».

Расплачиваться за победу японских милитаристов пришлось не только русскому, но и китайскому народу, не говоря уже о корейском. Цинское правительство признало все постановления грабительского Портсмутского договора, включая переход к Японии аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Южно-Маньчжурской железной дороги. Правительство сделало это по договору с Японией от 22 декабря 1905 года. По дополнительному соглашению, подписанному в тот же день, цинское правительство соглашалось на постройку Японией железной дороги от устья реки Ялу до Мукдена. Оно обязывалось открыть в Маньчжурии 16 городов для международной торговли, включая Гирин, Харбин, Хайлар и Айгун.

Это постановление широко «открывало двери» в Маньчжурию для иностранного капитала. Сразу же была создана компания Южно-Маньчжурской железной дороги для эксплуатации перешедших к Японии русских железных дорог, угольных копей и других пред-

приятий в Южной Маньчжурии. Компания обладала широкими правами в полосе отчуждения. Акции её могли находиться только в руках либо японского, либо китайского правительств или граждан этих же стран. Роль Китая на деле была номинальной. Японское правительство предоставляло компании половину акционерного капитала и обладало широкими правами по контролю над её деятельностью. Позиции Российской империи на Дальнем Востоке, таким образом, значительно ослабли.

И хотя Витте в ходе переговоров неоднократно публично говорил о том, что на войне не было «ни победителей, ни побежденных», поражение было наиболее очевидно именно в самой России. За всю войну армия, ещё, казалось, не так давно разгромившая Османскую империю и принёсшая освобождение балканским народам, не выиграла ни одного сражения, а потеря Порт-Артура и гибель эскадры в Цусимском проливе были усугублены ещё невиданным в истории российской армии массовыми позорными сдачами в плен на милость победителя. Российская империя потеряла в ходе этой войны большую часть военно-морского флота, и никогда за многие последние десятилетия престиж нашей страны на международной арене не был столь низок.

90 тысяч высших знаков различия — Георгиевских крестов получили в награду солдаты — участники боёв на сопках Маньчжурии, но возвращение их на родину было бесславным и тягостным — в стране бушевала революция и России было не до своих потерпевших поражение героев.

А война стоила обоим народам огромных жертв — Россия потеряла около 270 тыс. человек, в том числе 50 тыс. убитыми, а безвозвратные потери Японии были ещё больше — более 86 тыс. убитыми.

Пройдёт ещё долгих сорок лет после Портсмута, прежде чем российским морякам и солдатам удастся в 1945 году смыть позор удручающих поражений их отцов на сопках Маньчжурии и в водах Цусимского пролива, вернув утерянные в ходе трагической русско-японской войны дальневосточные земли в состав нашего государства.

ДОКУМЕНТЫ

Письмо В. Н. Коковцова графу Ламздорфу
13 февраля 1905 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич!

Агент министерства финансов в Лондоне телеграммой от 12 сего февраля уведомил меня, что японский посланник при Великобританском дворе сообщил ему, через третье лицо, о своем желании обменяться взглядами по вопросу о восстановлении между Россией и Японией мирных отношений.

Считая долгом препроводить вашему сиятельству копию как упомянутой телеграммы д. с. с. Рутковского, так и ответной телеграммы, посланной мною сегодня последнему, позволяя себе обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой не отказать почтить меня уведомлением о том, не встретится ли с вашей стороны по содержанию упомянутого ответа моего каких-либо возражений.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

В. Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 8.

**Телеграмма агента Министерства финансов А. Рафаловича
В. Н. Коковцову
13 февраля 1905 г. из Парижа.**

Банкиры рассказывают, что торговый дом, хорошо осведомленный в военных делах, получил от своего японского корреспондента известия, указывающие на расположение японцев к миру.

Рафалович.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 8

Отношение графа Ламздорфа В. Н. Коковцову

Весьма секретно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

Принося искреннюю признательность мою за сообщенные при письме от 13 сего февраля № 87 документы, поспешаю уведомить ваше превосходительство, что я не только не встречаю никаких возражений по содержанию телеграммы вашей к агенту министерства финансов в Лондоне, но всецело присоединяюсь к тем указаниям, которыми вы снабдили д. с. с. Рутковского.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ламздорф.

Февраля 14 дня 1905 г. № 345.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 8.

**Журнал военного совещания под личным председательством
его императорского величества
24 мая 1905 г. в Царском Селе.**

Присутствовали: е. и. в. великий князь Владимир Александрович, е. и. в. великий князь Алексей Александрович, генерал от инфантерии Рооп, генерал от инфантерии Лобко, генерал-адъютант Гриппенберг, генерал от инфантерии Гродеков, генерал-адъютант барон Фредерикс 1-й, генерал-адъю-

тант Алексеев, генерал-адъютант Авелан, генерал-адъютант Сахаров, генерал-адъютант Дубасов⁹⁰.

Государь император открыл заседание и сообщил членам совещания, что им сделан был запрос главнокомандующему о том, как отразилась на настроении армии потеря нашего флота и какие изменения она должна вызвать в дальнейших действиях армии. От главнокомандующего получены по сему поводу две телеграммы, которые и разосланы членам совещания накануне.

Его величество предложил на обсуждение следующие четыре вопроса:

1. Возможно ли удовлетворить, при нынешнем внутреннем положении России, тем требованиям, которые ставит главнокомандующий для успеха действий нашей армии против японцев?

2. Имеемые боевые средства дают ли возможность воспрепятствовать японцам занять в ближайшем будущем Сахалин, устье Амура и Камчатку?

3. Какой результат может дать при заключении мира успех нашей армии в северной Маньчжурии, если Сахалин, устье Амура и Камчатка будут заняты японцами?

4. Следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира?

Военный министр прочел следующий доклад о мерах, принятых военным министерством для дальнейшего усиления действующей армии:

Генерал от инфантерии Линевиц в телеграмме от 21 сего мая на высочайшее вашего императорского величества имя ходатайствует о скорейшем отправлении на Дальний Восток молодых солдат, назначенных для укомплектования действующих армий и для развертывания стрелковых частей, об отправке затем не только 2 назначенных уже для сего корпусов (19 и 9), но и еще 2 корпусов по возможности по три дивизии в каждом, и, наконец, о высылке для образования в тылу армии резерва укомплектований, в числе 80 000 человек, которые должны состоять из молодых солдат или на половину из молодых солдат и из запасных, последних из младших сроков службы.

По поводу изложенного ходатайства имею счастье доложить вашему императорскому величеству нижеследующее:

Всего назначено для отправления на Дальний Восток для вышеозначенных целей молодых солдат пехоты 135 000 человек (кроме того 15 000 артиллеристов, 1 100 кавалеристов и 3 200 сапер), из коих 80 000 для пополнения убыли в действующих армиях и 55 000 для развертывания стрелковых частей. Отправка их из Европейской России начата 16 мая и оканчивается

---

⁹⁰ Великий князь Владимир Александрович — главнокомандующий Петербургским военным округом и войсками гвардии; великий князь Алексей Александрович — генерал-адмирал; Рооп — член Государственного совета, командующий войсками Одесского военного округа; генерал Лобко — государственный контролер; генерал Гриппенберг — бывший командующий 2-й Маньчжурской армией; генерал Гродеков — командующий войсками Приамурского военного округа; генерал Фредерикс — министр императорского двора; генерал-адъютант Алексеев — наместник на Дальнем Востоке; генерал-адъютант адмирал Авелан — управляющий морским министерством; генерал Сахаров — военный министр; генерал-адъютант адмирал Дубасов — член Государственного совета.

11 июня, а прибывают они в Харбин с 18 июня и по 14 июля. Таким образом, ежедневно прибывает в среднем по 5 000 человек.

В настоящее время приводится на военное положение предназначенный для отправления на Дальний Восток в первую очередь 19-й армейский корпус. Для укомплектования его назначены в войсках Варшавского военного округа люди срока службы 1901 года; главным же образом призванные из запаса нижние чины младших сроков службы из запасных частей. Конечным сроком прибытия этих укомплектований, по планам перевозки, назначено 20 мая; поставка лошадей для частей этого корпуса началась от населения также 20 мая. Таким образом, приведение его в военный состав можно считать в настоящее время законченным. Снабжение же корпуса всею материальною частью еще не закончилось.

Отpravку 19-го корпуса на Дальний Восток предполагено начать с половины июня.

Приведение в военный состав следующего по очереди отправления на Дальний Восток 9-го армейского корпуса предполагено начать в середине июня, когда для этой цели придется объявить 8-ю частную мобилизацию, так как, за истощением запасных частей, этот корпус необходимо укомплектовать призывом нижних чинов запаса.

Отправка 9-го корпуса на Дальний Восток может начаться примерно 10 июля.

При 8-й частной мобилизации будут призваны из запаса и люди для укомплектования 13-го и 21-го корпусов. По составленным уже и вводимым ныне в действие мобилизационным расписаниям и маршрутам укомплектования они поступают пока в запасные части. Если же последует ныне окончательное указание о назначении поименованных корпусов на Дальний Восток, то главным штабом будут даны военным округам все необходимые указания о присоединении сих корпусов к частям, приводимым на военное положение путем передачи в них означенных укомплектований.

К отправке последних двух корпусов можно приступить в начале августа.

Одновременно с мобилизацией 13-го и 21-го корпусов необходимо будет приступить к развертыванию двух бригад Казанского военного округа, 58-й и 59-й, для замены выбывших частей.

Так как 13-й и 21-й корпуса состоят из 2 дивизий каждый, то с отправкой их, для удовлетворения ходатайства генерала Линеви́ча в полной мере, будет еще недоставать 2 дивизий. Назначить для сего еще один армейский корпус нормального состава не представляется возможным, так как все остающиеся в Европейской России корпуса предназначены по планам сосредоточения на западной границе в первую линию. Из резервных частей останутся в Европейской России только 50-я бригада Петербургского округа и 57-я Казанского округа. Первая из них имеет только три полка и назначена в число войск, обороняющих Балтийское побережье, а последняя предназначена для усиления войск Туркестанского округа, которым нельзя уже будет придать полевых войск из Европейской России за назначением последних двух корпусов на Дальний Восток. К тому же посылка войск, разверну-

тых из слабых по кадровому составу резервных частей, очевидно, не удовлетворяет запросу главнокомандующего.

Дабы хотя отчасти пополнить последний пробел, можно было развернуть л.-гв. Стрелковый полк, согласно действующему мобилизационному расписанию, в 8-батальонную бригаду. Хотя и при этом два батальона мирного состава были бы развернуты в 8 батальонов военного состава, но зато в данном случае представилось бы возможным укомплектовать эту бригаду людьми гвардейских частей, подлежащими очередному увольнению в запас осенью сего года. Таких людей имеется до 6 1/2 тысяч, и к ним пришлось бы добавить всего 1 1/2 тысячи человек, призванных из запаса гвардейской пехоты. К этой бригаде мог бы быть придан гвардейский стрелковый артиллерийский дивизион с добавлением к нему 3-й батареи к имеющимся двум.

Приведенные выше мероприятия по мобилизации 9-го, 13-го и 21-го корпусов по развертыванию двух резервных бригад в четыре пехотные дивизии исчерпывают весь запас людей, которые будут призваны по 8-й частной мобилизации, и, таким образом, не разрешен будет вопрос об отправке на Дальний Восток 40 000 нижних чинов запаса, т. е. половины требуемых главнокомандующим 80 000 человек для укомплектования армий. Что же касается другой половины, т. е. 40 000 молодых солдат, то выделение их встречает крайние затруднения ввиду ограниченности в войсках остающегося числа этих людей. В настоящее время, за исключением показанных выше 135 000 молодых солдат, уже назначенных для отправки на Дальний Восток, остается в пехотных частях:

а) в Европейской России:

в полевых войсках (без 9, 19, 13 и 21

корпусов) ..... 27 000 молодых солдат

в резервных частях, развернутых и неразвернутых 16 000

в крепостных войсках 10 400

Итого ..... 53 400 молодых солдат

б) во всех пехотных войсках Кавказа ..... 16 600 молодых солдат

в) « Туркестана 8400

Итого всего ..... 78 400 молодых солдат

Из полевых войск Европейской России уже выделены наиболее способные к походу люди, а остающиеся принадлежат к наиболее слабым; части, развернутые из резервов, имеют весьма слабые кадры, и выделение из них молодых солдат еще более ослабит их; задача крепостных войск, с уменьшением числа наших армейских корпусов в Европейской России, становится особо важною, а потому ослаблять состав крепостных войск крайне нежелательно; наконец, нежелательно трогать и войска Кавказа и Туркестана ввиду невыясненности политического положения.

Ввиду только что изложенного образование резерва укомплектований в тылу действующих армий могло бы быть исполнено только посредством нового призыва людей из запаса, т. е. объявлением 9-й частной мобилиза-

ции. При этом взамен недостающего числа дивизий, которое генерал Линевич просит выслать лишь если возможно, можно было бы увеличить размер собственно укомплектований, доводя его вместо 80 000 человек до 100 000 или 120 000 человек.

Значение последней меры усматривается из того, что японцы, имея, в общем, на театре войны меньшее, чем у нас, число батальонов, имеют больше штыков. Так, по сведениям к 20 мая в наших 3 маньчжурских армиях состояло 433 батальона с 320 000 штыков; у японцев же, по имеющимся сведениям, насчитывается 296 батальонов с 333 000 штыков; давая нашим армиям возможность иметь постоянно налицо штатное число людей, а, может быть, и несколько более того, мы скорее достигнем перевеса в силах, чем посылая новые части со всеми их обозами и учреждениями.

Дабы при 9-й частной мобилизации получить преимущественно людей младших сроков службы, необходимо будет поднять главным образом уезды, в которых мобилизации еще не было. Эти уезды имеются только в следующих трех районах: а) на северо-востоке Казанского округа, б) на Кавказе с областью войска Донского и в) на западе Европейской России, в Варшавском и отчасти в Виленском округах. Первый из этих районов предназначен для укомплектования войск Туркестана, а второй для войск Кавказа, почему эти районы крайне нежелательно трогать. Что же касается западного района, то призыв запасных в нем признается министерством внутренних дел невозможным при современном внутреннем положении дел в губерниях этого района. Между тем призыв именно в западном районе представляется необходимым, так как в прочих местностях Европейской России все уезды уже подняты, притом многие по два и даже по три раза, и в них остались преимущественно люди старших сроков службы, а также многосемейные, освобожденные от назначения в войска при бывших частных мобилизациях.

Затем, однако, и призыв запаса при 9-й мобилизации не решает окончательно вопроса об укомплектовании армий в предвидении энергичного продолжения войны. Дабы обеспечить действующим армиям достаточно многочисленный контингент молодых и сильных людей, военное министерство возбудило вопрос о возможно раннем призыве новобранцев срока сего года. Если бы этот призыв удалось пополнить в начале лета, то в октябре месяце, когда по установленному порядку призыв только начинается, мы имели бы уже около полумиллиона вполне обученных молодых людей, а кроме того, можно было бы и до осени выделить вновь некоторое число нижних чинов из войск без опасения крайнего расстройств последних. Однако изложенное предложение встретило также самое категорическое возражение министра внутренних дел, который не признал возможным произвести призыв даже в конце лета, т. е. в августе месяце, ввиду производимых населением в это время полевых работ. А между тем призыв новобранцев хотя бы на один или два месяца ранее срока имел бы очень большое значение для разрешения крайне серьезного вопроса об укомплектовании действующих армий.

Этими мерами, по мнению военного министра, исчерпывается источник дальнейшего усиления армии, если признается невозможным более ранний призыв новобранцев и призыв запасных из западного района. При этом военный министр указал на возможность для охранения государства от внутренних беспорядков мобилизовать остальную половину второочередных казачьих полков, еще не призванных на службу.

В общем, при сравнении наших сил с японскими можно сказать, что пехоты у нас в трех маньчжурских армиях около 320 000 в 433 батальонах. Через неделю начнет прибывать 53-я пехотная дивизия, что даст еще около 14 тысяч. В июле у нас может быть сосредоточено до 500 000 штыков; у японцев теперь, по доставленным сведениям штабом главнокомандующего, против наших армий сосредоточено 288 батальонов. Численность батальонов больше наших, почему можно считать, что у них — около 300 000 штыков. В кавалерии мы в три раза сильнее японцев. В артиллерии мы им уступаем теперь лишь в количестве пулеметов, которые посылаются по мере изготовления, равно как и артиллерийские запасы.

Что касается Владивостока и Приморской области, то главнокомандующий усилил там войска до 60 батальонов, из которых 40 составляют гарнизон Владивостока. Мелкие части он не принимает в расчет в своих сообщениях. Из общего числа 385 000 японцев, о которых говорит главнокомандующий, надо считать, что около 300 000 расположены против трех маньчжурских армий, а следовательно, против Владивостока они могут отрядить корейскую армию в составе около 80 тысяч. Таким образом, по мнению военного министра, нельзя признать, чтобы мы были слабее японцев, а вернее, что в общей численности мы в настоящее время почти сравнялись с ними по силам.

Великий князь Владимир Александрович высказал, что он убежден, что главнокомандующий генерал Линевич доложил его величеству свое мнение с полной откровенностью и со знанием дела. Но, несмотря на это, нельзя быть уверенным в безусловном успехе с нашей стороны. Если же нам суждено вынести еще удар, то условия мира могут тогда оказаться настолько тяжелыми, что ни один русский не захочет их принять. Переговоры о мире могут — и даже, вероятно, должны будут — затянуться, поэтому в это время необходимо, если и нельзя удовлетворить желаний генерала Линевича полностью, отправить ему скорее еще два просимых им лишних корпуса. На Сыпингайской позиции, он говорит, что может удержаться; по его словам, Владивосток обеспечен продовольствием на 15 месяцев; по всей вероятности, он может продержаться долгое время, как наместник говорил, около 3 месяцев. Великий князь прибавил: «Если вашему величеству угодно начать переговоры о мире, то я считаю, что тем не менее все-таки надо дать главнокомандующему просимые им два корпуса и еще два корпуса добавочных, чтобы он был во всеоружии в ожидании окончательных переговоров».

Государь император подтвердил безусловную необходимость такой отправки на подмогу действующей армии.

Великий князь, продолжая, сказал: «Мы не знаем, какие условия могут

быть нам поставлены для мира; может быть, самые тяжелые, на которые нельзя будет согласиться. Но Россия сгинуť не может, ее стереть с лица земли нельзя; она всегда останется незыблемою; Россия всегда будет Россией, я в это верю, глубоко верю, что она выйдет из этого тяжелого положения, в котором она находится, — может быть, с новою жертвою, но это нас пугать не должно. Россия всегда останется великою державою».

Военный министр заявил, что он получил от нашего военного агента в Лондоне письмо со сведениями, полученными им от сведущего лица в Токио, и прочел следующее извлечение:

«Лицо, сообщившее мне эти сведения, показало мне письмо от 24 марта с. г., полученное им из Токио. Привожу нижеследующие наиболее интересные справки и отрывки из этого письма: «Получить какие-либо сведения о мирных условиях, к которым стремятся японцы, очень трудно. В возможность близкого мира здесь не верят, причем утверждают, что и в Петербурге к миру совершенно не склонны. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что Япония не начнет первая говорить о мире и что она не пожелает посредничества, решив ожидать первых предложений непосредственно от России.

Не следует ли России сделать эти предложения, хотя бы только с тем, чтобы они были отвергнуты? Тогда ответственность за продолжение войны падет всецело на Японию... Вероятно, притязания Японии, само собой разумеется, очень возросли после Мукденского боя. Вот в чем, как можно думать, заключаются эти притязания:

1. Уступка Японии всей русской области на Ляодунском полуострове, причем, однако, сильно побаиваются протеста держав по этому поводу.

2. Водворение китайской администрации во всей остальной Маньчжурии, открываемой для всемирной торговли при условии: а) оставления в некоторых пунктах японского гарнизона, содержимого за счет Китая, б) отдачи в пользование Японии всех минеральных богатств края и в) предоставления Японии права продолжить в Маньчжурии железную дорогу из Кореи.

3. Уплата денежной контрибуции, равной сумме всех внешних и внутренних займов, заключенных за время войны, что составит к маю сего года около 600—700 миллионов иен. В Японии очень распространено, однако, мнение, что Россия ни в каком случае не согласится на уплату контрибуции, а потому весьма многие рекомендуют правительству быть очень сдержанными в этом смысле и постараться найти нужные выгоды в новом торговом договоре. Мелькнула также мысль о том, что Россия может уступить Японии свои права на получение уплаты по китайскому займу, заключенному после боксерского восстания...

Что же касается собственно Маньчжурской железной дороги, то японцы считают ее безусловно собственностью российского правительства и потому полагают себя вправе распорядиться ею по своему усмотрению. Некоторые требуют отобрания от России всей Маньчжурской дороги, другие же считают возможным ограничиться одною южною веткою от Харбина. Вероятнее всего, что решение этого вопроса будет зависеть, главным образом, от

того, какая часть линии окажется во власти маршала Оямы. Вероятно, также и то, что японцы, установив на занятой дороге свое управление, постараются вернуть ее Китаю за приличное вознаграждение.

Слух о том, что Маньчжурскую железную дорогу предполагают нейтрализовать, отдав ее в международное управление, представляется совершенно невероятным: дорога эта потребует еще больших расходов на постройку и на эксплуатацию; кто же даст эти деньги?.. Весною японцы предпримут, вероятно, экспедицию против Сахалина, так как общественное мнение и депутаты требуют возвращения этого острова Японии. Непривычные и несклонные к колонизации в холодном климате японцы, можно думать, ограничатся захватом там только необходимых им рыбных промыслов... В отношении Владивостока японцы, вероятно, потребуют обращения его в коммерческий порт, со срытием укреплений, с закрытием военного адмиралтейства и с передачею всех военных судов Японии. Надо, однако, полагать, что это требование вряд ли будет предъявлено Японией, если мирные переговоры будут начаты ранее, чем действия против Владивостока дадут какие-либо осязательные результаты.

Наконец, Япония может согласиться на перемирие, но, вероятно, требует для этого возвращения в Европу 2-й эскадры и отхода сухопутной армии за Харбин, быть может даже в Забайкалье...

Очень многое из изложенного в этом письме из Токио теперь уже потеряло свое значение; тем не менее некоторые соображения, мне кажется, не лишены интереса, так как исходят от лица, стоявшего очень близко к японцам и до известной степени пользовавшегося их доверием».

Генерал Рооп, признавая требования главнокомандующего относительно усиления армий правильными, но трудноисполнимыми, заметил, что утешительно все-таки, что генерал Линевич настаивает на необходимости, предварительно посылки новых войсковых частей, сплотить их подготовительными упражнениями и обучением, так как это показывает, что есть время выждать эти подкрепления. В общем уже отправлено на Дальний Восток 13 корпусов, и требуется еще 5, так что всего останется для охраны государства 6 корпусов, но если надо воевать, то следует удовлетворить требования Линевича. Он просит молодых солдат, а не стариков. Военный министр сказал, что для 2 корпусов потребуется 8-я частная мобилизация, а еще для 2 корпусов — 9-я частная мобилизация. Не лучше ли перейти прямо на общую мобилизацию, вместо частных, которые в глазах населения являются несправедливыми?

Генерал Рооп добавил: «Думаю, что общая мобилизация даст понять Японии, что Россия ставит вопрос о войне ребром и не пойдет на уступки, не согласные с достоинством России. Но может ли внутреннее положение России позволить это? Военный министр указал на опасения министра внутренних дел в случае мобилизации в западных губерниях, но он же указал на прекрасную меру — призыв, для сохранения внутреннего порядка, второочередных казачьих полков. Главный вопрос — в своевременном доставлении войск по железным дорогам. Военный министр доложил вашему

величеству, что в настоящее время имеется возможность отправлять ежедневно 10 поездов, но из них могут быть отданы под войска только 6 сквозных; следует подробно выяснить этот вопрос».

Военный министр доложил, что сейчас действительно имеется в распоряжении военного ведомства 10 поездов ежедневно, и притом сквозных; но что из них выделить 8 под войска нельзя, а лишь при крайнем напряжении можно для этой исключительной цели дать по 6 поездов в сутки.

Генерал Рооп сказал, что если Сыпингайские позиции могут быть удержаны, то они могут быть тем не менее обойдены движением неприятеля на Цицикар или Нингуту. Чем сильнее позиция, тем упорнее желание врага ее обойти. Ляоян и Мукден доказали, как неосторожно весь успех основывать на силе позиции. В заключение генерал Рооп признал почти все требования генерала от инфантерии Линевица удовлетворимыми, но при крайнем напряжении.

Генерал-адъютант Алексеев сказал: «Не может быть сомнения в том, что увеличение действующей армии возможно; весь вопрос в сроке доставки войск. Главнокомандующий находит необходимым иметь 550 000 человек и второй железнодорожный путь. У нас теперь существуют недочеты в провозоспособности Забайкальской ж. д., на которой легко может образоваться пробка. Нельзя забывать, что наша база на расстоянии 10 000 верст, а у японцев — 48 часов. Посему мы не можем соперничать с ними ни в сроке сосредоточения войск, ни в присылке пополнений. Генерал Линевиц требует четыре корпуса по 3 дивизии каждый, т. е. 12 дивизий. Такое количество Забайкальская дорога не может перевезти своевременно; после 16 месяцев весьма напряженной работы масса паровозов может сдать сразу, и мы окажемся в трудном положении. Россия может выставить и два миллиона войск, никто этого не оспаривает, но, самое важное, срочность — не обеспечена. Отстоять позиции мы можем, но перейти в наступление будем не в силах. Сыпингайским позициям придается слишком большое значение, но одним удержанием их не исчерпывается нужный для нас успех. Не следует забывать о Владивостоке, о значении коего для общего хода кампании ничего не упоминается в телеграмме главнокомандующего. В августе я докладывал о неготовности его к обороне. От овладения с моря Русским островом, при отсутствии флота, этим ключом Владивостока, он не обеспечен; положение его в смысле обороны будет очень тяжелое. Сахалина удержать мы никоим образом не можем, а также устью Амура угрожает опасность. Лучше готовиться к продолжению войны до последнего напряжения, но все же необходимо предвидеть, что предстоит нам в случае новых неудач, и узнать, на какие условия мира мы можем теперь рассчитывать. Я был свидетелем наших неудач при Ляояне и Шахе и должен высказать с полной откровенностью вашему величеству свое мнение, что дух войск, под влиянием постоянных отступлений и тяжелых потерь, нравственно подорван, и едва ли удержимся мы на Сыпингайской позиции».

Генерал Гродеков сказал: «Доставить четыре корпуса мы могли бы к 1 октября, но японцы не будут этого ожидать. Имея теперь большую армию

в порядке, мы имеем большой козырь в наших руках при решении вопроса о мире. Генерал Линевиц и армия, как явствует из телеграммы главнокомандующего, в подавленном настроении; после потери флота положение для них тяжелое. Я согласен с мнением великого князя Владимира Александровича, что пока армия цела, надо торопиться выяснить условия мира. Не надо забывать, что на Сахалине и в Николаевске продовольствия очень мало, а при предполагаемом усилении местных частей (Сахалина на 6 000 и Николаевска на 5 000) продовольственный вопрос станет еще тяжелее.

Сахалин находится в критическом положении, море во власти Японии. В китайских портах были заготовлены запасы муки для Сахалина, которые должны были быть доставлены по приходе эскадры адмирала Рожественского, но теперь на них рассчитывать нельзя. Гражданское население Владивостока, числом до 15 000, обеспечено хлебом лишь до июня. Хотя военное ведомство ассигновало огромную сумму на заготовку довольствия для владивостокского гражданского населения, но это довольствие придется доставлять из Европейской России и из Сибири, так как в Приамурском крае лишнего хлеба нет, а вывоз продовольствия из пределов Маньчжурии воспрещен. С большою вероятностью можно сказать, что довольствие во Владивосток своевременно не дойдет. Теперь, пока у нас в кулаке есть сила, следует этим воспользоваться и приступить к зондированию мирных условий».

Великий князь Алексей Александрович сказал: «Я не позволю себе входить в соображения касательно сухопутных войск, но должен сказать, что в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнения, что японцы обратят туда все свое внимание, и положение армии будет тяжелое, так как она не в состоянии будет помочь. Миноноски нельзя принимать в соображение. Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира. Южная часть Сахалина с рыбными промыслами могла бы быть уступлена в случае необходимости».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Конечно, условия мира могут быть и слишком тяжелы, неприемлемы; поэтому, не теряя времени, надо сейчас начать прощупывать почву для переговоров и тем временем непременно продолжать усиливать армию. Это — следует, ибо армия будет нам сильной опорной точкой в вопросе мира и для внутреннего успокоения государства».

Генерал-адъютант барон Фредерикс сказал: «По моему глубокому убеждению, переговоры надо вести открыто, так как если условия мира нельзя будет нам принять и они всем будут известны, то последует реакция, война станет национальной. Немедленное начатие переговоров о мире должно благоприятно отозваться на внутреннем положении страны и безусловно облегчит мобилизацию».

Генерал Рооп заявил, что по второму предложенному совещанию вопросу следует иметь в виду, что Владивосток не может удерживаться долго вследствие недостатка также и запаса снарядов.

Генерал-адъютант Алексеев возразил, что расход снарядов в эту войну

превзошел всякие расчеты. Что же касается отправки войск на Сахалин, то это окажется невозможным, так как устье Амура, вероятно, будет блокировано японским флотом.

Генерал Гродеков сказал: «В прошлом году, по моим сведениям, в Охотск, в Камчатку и для Колымского округа не было доставлено вовсе ни пороха, ни свинца, без чего невозможна добыча пушнины. В нынешнем году повторится то же. Населению этих местностей может угрожать голодная смерть».

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить своего врага. Наше движение на восток есть движение стихийное — к естественным границам; мы не можем здесь отступить, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен. Для достижения этого надо посылать на театр действия самые лучшие войска. Что касается Владивостока, то его нетрудно взять с моря, и он более трех месяцев, вероятно, не продержится; но, несмотря на это, войну следует продолжать, так как мы в конце концов можем и должны возвратить обратно все взятое противником. Финансовое положение Японии, конечно, хуже нашего: она делает последние усилия; наши же средства борьбы далеко не исчерпаны. Для обеспечения успеха нашей армии нам необходимо начать немедленно укладку второго пути и упорядочить наши водные сообщения. Я уверен, что после последних поражений условия мира, предложенные Японией, будут чрезвычайно тягостны, и потому, по моему глубокому убеждению, для того, чтобы изменить эти условия в нашу пользу, необходимо продолжать борьбу до полного поражения противника».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Всем сердцем разделяю сокровенные чувства, высказанные адмиралом Дубасовым, но я полагаю, что мы в таком положении, что мы все сбьются с толку; так продолжать жить мы не можем. Мы все будем охотно и с радостью умирать, но нужно, чтобы от этого была польза для России. Мы должны сознаться, что мы завалились в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантунг; мы поторопились; не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться; со временем мы дойдем, но теперь мы находимся в таком, если не отчаянном, то затруднительном, положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира. С глубоким убеждением, всем сердцем преданный вашему величеству и России, я повторяю, что надо теперь же приступить к переговорам о мире, и, если условия будут неприемлемы, то мы пойдем все в ряды войск умирать за ваше величество и за Россию. Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России».

Государь император выразил свое полное согласие с высказанным великим князем мнением.

Генерал Рооп сказал: «Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные условия есть уже сознание бес-

силія. Ответ будет слишком тягостный. Заключение мира было бы великим счастьем для России, он необходим, но нельзя его просить. Надо показать врагам нашу готовность продолжать войну, и, когда японцы увидят это, условия мира будут легче».

Государь император изволил сказать: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее».

Генерал-адъютант Алексеев заметил на возражение генерала Роопа, что осведомиться о почве для переговоров о мире и узнать возможные условия — не значит просить мира. Япония понимает, что с Россией надо ей считаться и в будущем, и она сама пойдет навстречу; Сипингайские же позиции не обеспечивают нас, а если суждено еще испытание, если мы их не удержим, — тогда что будет?

Великий князь Владимир Александрович добавил: «Не на посрамление, не на обиду или унижение могу я предлагать идти, а на попытку узнать, на каких условиях мы могли бы говорить о прекращении кровопролитной войны. Если они окажутся неприемлемыми, мы будем продолжать драться, а не продолжать начатую попытку».

Генерал Рооп возразил: «В вопросе о мире и войне необходимо считаться с мнением народа. Кроме того, по статье 6-й положения о Государственном совете, он может привлекаться к суждению о мире и войне. Война может быть только тогда успешна, когда существует единодушие национальное, как в данном случае теперь у японцев. С другой стороны, если 135 миллионов будут противиться желанию мира, то положение будет хуже еще, чем оно есть. В этих вопросах надо считаться с общественным мнением. Переговоры о мире, если их начать сейчас, не улучшат внутреннего положения. Недовольство возрастет. Начать переговоры без уяснения, готов ли народ на все жертвы для продолжения войны или жаждет мира, — весьма рискованно. Если Япония будет знать, что Россия ищет мира, то, конечно, условия ее будут для России настолько тягостными, что они окажутся неприемлемыми, и мы потерпим лишь унижение».

Военный министр сказал: «При нынешних условиях кончать войну — невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это — позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России».

Генерал-адъютант барон Фредерикс сказал: «Я всею душою разделяю

мнение военного министра, что мира теперь заключать нельзя, но узнать, на каких условиях японцы готовы бы теперь прекратить войну, по моему глубокому убеждению, — следует».

Великий князь Владимир Александрович прибавил: «Я вполне, — как и всякий военный, я в этом уверен, — понимаю военного министра. Нам нужен успех. Но до сих пор мы все время ошибались в наших расчетах и надеждах, и в самые критические моменты эти надежды рвались, и мы не имели ни одного успеха».

Генерал-адъютант Гриппенберг возразил: «Ваше императорское величество, под Сандепу успех был, но нам приказали отступить, а японцы были в критическом положении: они считали сражение проигранным и были крайне удивлены, что мы отступили».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Мы еще не отдали врагу ни одной пяди русской земли. Мы должны продолжать посылать войска. Переговоры о мире ни к чему нас не обязывают, а для войны оборонительной у нас вполне достаточно сил».

Великий князь Алексей Александрович заметил, что переговоры о возможности мира должны вестись в тайне.

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Каковы бы ни были условия мира, они все-таки будут слишком тяжелы для престижа России. Это будет поражение, которое отзовется на будущем России как тяжелая болезнь».

Генерал Лобко сказал: «Я далек от полного знакомства с военным положением и с нашими шансами на успех, но все-таки я должен сказать, что, по-моему, удовлетворить требованиям главнокомандующего, несмотря на внутреннее положение страны, безусловно следует. Что же касается до заключения мира, то возвращение в Россию армии, угнетенной и не одержавшей ни одной победы, ухудшит, а не улучшит внутреннее положение страны. Это положение может стать настолько серьезным и тревожным, что с ним нельзя будет совладать. Население, в состав которого вольются чины этой армии, неудовлетворенной, без славы и без почета, нельзя будет удерживать от мысли, что государственный режим недостаточно тверд. Я думаю, что успех войны возможен, только когда есть полное народное воодушевление, когда силы и мысли всего народа сосредоточены на одном предмете и организованы вокруг одной воли, как мы видим это теперь в Японии. Есть ли в настоящий момент это воодушевление в России, мы не знаем, и пока мы не получим убеждения, что Россия готова вести войну со всякими жертвами, что она этого действительно желает, до тех пор мы не можем решить, должны ли мы продолжать войну. Главное в том, чтобы поддержать бодрость духа в народе. Правительство сейчас через свои органы и сотрудников не имеет для сего средств. Если народ чувствует упадок духа и тяготится продолжением войны, если дух армии потрясен, то нужен мир, но мир этот, повторяю, ухудшит внутреннее положение страны».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Легко сказать: узнать мнение России, ее населения, но как это сделать? Земским Собором, который будет состоять в большинстве из болтунов?»

Генерал Рооп заметил: «Если Земский Собор будет состоять из болтунов, то толку из него, конечно не будет. Но семилетнее управление краем с 10-миллионным населением дало мне уверенность, что в среде его имеются люди, высоко понимающие интересы государства и истинно преданные России. Именно через таких людей узнать можно, нужна ли война или мир. Такое единодушие, как у японцев, нужно и нам для примирения, а теперь у нас этого-то и нет».

Генерал Лобко сказал: «Мнение великого князя Владимира Александровича, сколько я понимаю, сводится не к тому, чтобы, прекратить войну теперь же, а чтобы не вести ее с завязанными глазами, не пытаться узнать об условиях заключения мира; и против этого мнения я ничего не имею возразить. Добавлю только, что в истории России уже бывали примеры, когда вопросы войны и мира решались мнением народа».

Великий князь Владимир Александрович в заключение сказал: «Возвращаясь еще раз к тому же вопросу — если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну».

Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 191—204.

**Письмо Нижегородского губернатора П. Унтербергера
при докладной записке министру финансов
27 мая 1905 г.**

Конфиденциально.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В печати появились предполагаемые условия мира с Японией. Так как значение их для России неразрывно связано с нашими владениями на Дальнем Востоке и с государственной обороной наших окраин, то я, основываясь на опыте многолетней службы в Восточной Сибири и знании местных условий края, составил краткую записку, касающуюся этого предмета, которую и позволяю себе представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга П. Унтербергер.

Записка о предполагаемых условиях мира с Японией

Япония, по сведениям, проникавшим в печать, намерена предъявить следующие главные условия мира: 1) уступку ей острова Сахалина, 2) разоружение крепости Владивостока и лишение России права держать в Тихом океане военный флот, 3) уплату контрибуции в 2 миллиарда рублей, 4) уступку Японии железной дороги от Порт-Артура до Харбина и 5) признание протектората Японии над Кореей.

Я остановлюсь пока на разборе первых трех пунктов, которые имеют для России прямое и первенствующее значение.

Уступка о. Сахалина, независимо от лишения нас его естественных бо-

гатств, имела бы главным последствием, что последний свободный пролив — Лаперуза — из северной части Японского моря в океан очутился бы в руках японцев и что близость о. Сахалина к устью реки Амура всегда будет парализующим образом действовать на наши судоходство и торговлю по названной реке. Ввиду же той громадной важности, какую играет в жизни Приамурского края Амурская речная система, обстоятельство это имеет для нас огромное значение, ибо мы всецело подпадаем под экономическую зависимость от Японии.

Переходя к вопросу о разоружении Владивостока и лишению России права содержать в Тихом океане военный флот, то очевидно, что исполнение этого требования равносильно полной парализации нашего развития, значения и силы на берегах Тихого океана, чем завершится только полное подчинение интересов нашего населения Приамурского края интересам Японии. Мы не в состоянии будем бороться ни с какими притязаниями этой нации, как бы они ни были для нас тяжелы.

Уплата, наконец, контрибуции в 2 миллиарда, не говоря о том тяжелом бремени, которым она ляжет на народное благосостояние, будет иметь последствием, что Япония не только покроет ею все свои долги, но будет еще иметь миллиард для создания еще более сильного флота и более сильной армии, и тогда борьба с ней, для восстановления нашего потерянного самостоятельного положения на берегах Тихого океана, может оказаться делом непосильным.

Теперь является вопрос: находимся ли мы в таком положении, из которого не было бы другого выхода, как заключение подобного, разоряющего нас во всех отношениях мира? Ответ на это совершенно определенный: нет. Не нужно смущаться заграничной прессой, да и частью нашей, которые твердят, что мы находимся в положении безусловной необходимости заключить мир, хотя бы на условиях вышеизложенных. Для финансовых кругов, ссудивших Японию деньгами на ведение войны, несравненно удобнее, чтобы займы эти заплатила Россия, против которой в Европе есть возможность принятия репрессивных мер, если бы она отказалась платить свой долг; наоборот, при желании Японии уклониться от исполнения своих денежных обязательств, заставить ее к этому будет несравненно труднее.

Переходя к разбору вопроса по существу, оказывается, что, если последующими военными действиями в руки японцев перешли бы Владивосток, Южно-Уссурийский край, Николаевск и Хабаровск, и наша маньчжурская армия должна была бы отступать к Забайкалью, то и тогда мы не находились бы в положении необходимости заключить мир во что бы то ни стало. Для того чтобы нас принудить к этому — неприятель должен был бы зайти в сердце России или занять прочно территорию, потеря которой нам была бы более тяжела, чем условия предложенного мира. Приморская и Амурская области еще не представляют такой территории. Области эти пока не только не приносят нам дохода, но, напротив того, требуют на свое содержание ежегодной доплаты не одного десятка миллионов. Если мы с таким

положением пока миримся, то делаем это в расчете, что затраченные средства будут возвращаться, когда там окрепнут и разовьются поселения и явится возможность в широкой степени эксплуатировать естественные богатства страны; но это еще вопрос более или менее отдаленного будущего. Ввиду этого оставление этих областей временно в руках неприятеля не влечет за собою для государства каких-либо особо серьезных последствий. Впрочем, занявши их, неприятель не достигает еще какой-либо конечной цели войны, и тогда явится вопрос: что же он будет делать дальше? Направляясь за нами в Забайкалье и далее, это идти на верную неудачу, держать же неопределенное время полумиллионную армию будет тяжелым финансовым бременем, разоряющим страну. Тогда может случиться, что японцы выведут свою армию обратно, заняв лишь некоторые 13 более важных прибрежных пунктов. Но в таком случае мы вновь займем оставленные нами местности и постараемся вытеснить неприятеля из занятых им пунктов, дабы тем обеспечить себе более благоприятную почву для переговоров о мире. Если это, по каким-либо обстоятельствам, нам не удастся, то и тогда выгоднее для нас оставить эти области, впредь до более благоприятного будущего, в руках неприятеля, но без санкционирования этого миром, да еще с уплатою двух миллиардов контрибуции. Не подлежит сомнению, что, если мы и заключим с Японией мир на условиях, приведенных выше, то это будет лишь временное перемирие и не пройдет нескольких лет, как Япония новыми набегами постарается отнять у нас Приамурские области, причем уплаченные ей два миллиарда только облегчат ей этот захват.

Из всего вышеизложенного вытекает по моему мнению:

1. В настоящей войне с Японией мы не находимся, и вряд ли когда-либо будем находиться в необходимости заключить мир во что бы то ни стало, так как для этого неприятелю нужно занять жизненные центры государства, которые слишком отдалены от театра военных действий.

2. Условия мира, приведенные в начале записки, неприемлемы, как в высшей степени невыгодные и разорительные для России, в особенности первые три пункта.

3. Неприемлемость таких условий остается в полной силе и в том случае если нам, по обстоятельствам, пришлось бы отступить в Забайкалье и временно оставить в руках японцев Приамурские области.

4. Если бы нам не удалось затем вернуть Приамурские области, то это не изменило бы по существу положения, так как мир, на приведенных выше условиях, до такой степени парализовал бы наши действия на Дальнем Востоке, что мы не могли бы рассчитывать на успешное сопротивление какому-либо новому нашествию японцев. Разница была бы лишь в том, что в последнем случае временное затишье мы окупили бы ужасающей суммою в два миллиарда рублей, которой японцы заплатили бы свои долги, улучшили бы материальное положение наиболее пострадавшей от войны части населения, подняли бы промышленность и вооружились бы как на суше, так и на море еще сильнее, чем в настоящую войну.

Поэтому нужно ясно сознавать, что задолженность Японии, все больше и больше увеличивающаяся, есть наш главный союзник в войне, причем финансовую тяжесть последней мы при двухмиллиардном бюджете легче вынесем, чем Япония при 360-миллионном.

При дальнейшем энергичном продолжении войны наши усилия должны быть впереди всего и направлены на увеличение провозоспособности железной дороги и на скорейшую прокладку по ней второго пути, а также на развитие всех остальных путей в тылу, дабы иметь возможность в кратчайший срок подвозить для армии все необходимое и в то же время не останавливать и снабжение нужнейшими предметами населения Сибири. Организация для этого дальнего тыла, с объединением в данном деле всех ведомств, самая насущная и самая неотложная потребность и к ней следует приступить немедленно, не теряя ни одного дня.

Генерал-лейтенант Унтербергер.

25 мая 1905 г.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 9—12.

Письмо Вильгельма II Николаю II

3 июня 1905 г.

Берлин

Милейший Ники.

[...] Я следил за каждым движением эскадры адмирала Рожественского. Это была с твоей стороны крупная ставка, с честью проигранная. Он (Рожественский) сделал все, от него зависящее, чтобы исполнить твои желания, но провидение судило иначе, и он храбро встретил поражение, оставаясь верным до конца своему повелителю. Я глубоко сочувствую и ему, и тебе. С чисто военно-стратегической точки зрения поражение в Корейском проливе отнимает всякую надежду на то, чтобы счастье повернулось в твою сторону; японцы теперь могут беспрепятственно перебрасывать в Маньчжурию сколько угодно резервов, свежих войск, военных припасов и т. д. для осады Владивостока, который едва ли будет в состоянии долго сопротивляться без поддержки флота. Для того чтобы вернуть армии Линевича ее прежнюю боевую силу, нужно, по крайней мере, 3 или 4 свежих армейских корпуса, но даже и при этом условии было бы трудно предсказать, каков будет результат, и будет ли новое крупное сражение успешнее прежних. Конечно, формально можно даже при таких неблагоприятных обстоятельствах продолжать войну еще некоторое время, но нельзя упускать из вида человеческую сторону дела. Твоя страна послала тысячи своих сынов на фронт, где они умерли или заболели и на всю жизнь остались калеками. Как я писал тебе в своем последнем письме от 6-го февраля, война очень непопулярна, и народ видит, что его сыны и отцы против воли оставляют свои дома, чтобы идти сражаться за дело, которому они не только не сочувству-

ют, но даже чувствуют отвращение! Совместимо ли с ответственностью правителя упорствовать и против ясно выраженной воли нации продолжать посылать ее сынов на смерть тысячами только ради своего личного дела? Только потому, что он так понимает национальную честь? После того как народ своим поведением ясно показал, что он не одобряет дальнейшее ведение войны? Не падет ли со временем на правителя ответственность за все бесполезно принесенные в жертву тысячи жизней и за всю пролитую кровь, и не потребует ли он — владыка и царь всех царей — у земного правителя ответа за тех, власть над кем ему была дана творцом, вверившим ему заботу об их благополучии. Национальная честь сама по себе вещь прекрасная, но только в том случае, если вся нация сама решила защищать ее всеми силами. Но когда нация своим поведением показывает, что терпение ее истощено и она убеждена, что «tout est perdu hors l'honneur» (все потеряно, кроме чести), то не требует ли разум, чтобы и правитель сделал отсюда соответствующие выводы и, хотя бы, несомненно, с тяжелым сердцем, заключил мир? Даже если бы последний оказался тяжким? Не лучше ли это, чем, продолжая непопулярную войну, рисковать создать такое отчаянное настроение в стране, при котором народ не остановился бы перед серьезными мерами, чтобы заставить в конце концов правителя покориться его желанию и сообразоваться с его волею? Конечно, надо здесь принять в расчет армию. Она сражалась, и сражалась храбро, в жар и в холод в течение 1 1/2 лет стараясь одержать победу для тебя и для твоей страны, но до сих пор провидение отказывало ей в успехе. Вместо него бедной армии были ниспосланы поражения, страшные потери, неописуемые страдания, и твои прекрасные храбрые, спокойные, самоотверженные солдаты переносили все безропотно. Вполне естественно, что они горят мщением и готовы сражаться во всякую минуту. Но разве есть среди предводителей ее новый вождь или генерал, способный настолько обеспечить успех, чтобы можно было оправдать новые неслыханные усилия и принесение в жертву тысяч солдатских жизней? Убеждена ли армия вполне, что на этот раз ей удастся склонить чашу весов в свою пользу? Ответ на этот вопрос знаешь, конечно, один ты. Если твои генералы от имени твоих солдат, ручаясь их честью, дают отрицательный ответ, заявляя, что они готовы умереть за своего императора, то едва ли могут рассчитывать одержать для него решительную победу, тогда, я полагаю, совесть твоя может без колебаний решить вопрос, должен ли ты сражаться или нет, и ты можешь начать мирные переговоры, которые все твои верноподданные встретят ликованием после кровавой дани, добровольно принесенной ими для своего императора. Ты можешь сказать тогда то же, что поет старый французский гренадер Бомбардон: «Das Glück des Kriegs hat wieder uns entschieden, doch die Armee hat ihre Pflicht gethan, die Hälfte fiel, der Rest ward Invaliden! Je nun man trägt, was man nicht ändern kann». «Военное счастье нам опять изменило, но армия исполнила свой долг; половина пала, остальные стали калеками! Но чего не можешь изменить, то приходится переносить!» — *Авт.*)

Наполеон I и Фридрих Великий тоже терпели поражения.

На то, что дела приняли такой оборот, надо смотреть, как на волю божью. Бог возложил на тебя это бремя, и его надо нести. Но, может быть, по его воле и с его помощью все это приведет еще в конце концов к хорошим последствиям; в результате всех этих испытаний может родиться новая жизнь и новый порядок вещей в России, что было бы для твоих подданных вполне ими заслуженной наградой.

Прости за длинное письмо, но, как твой друг и коллега, я считаю своим долгом сказать тебе всю правду. Ты знаешь мои побуждения и можешь делать с этими строками все, что тебе угодно.

Если же ты разделяешь изложенные в этом письме мысли и думаешь, что я могу тебе хоть сколько-нибудь быть полезным в деле подготовки почвы для мира, располагай мною по своему усмотрению. Может быть, мне следует обратить твое внимание на то обстоятельство, что из всех наций японцы, несомненно, наиболее чтут Америку, потому что эта могущественная, развивающаяся держава с ее страшным флотом находится к ним ближе всех. Если есть кто-нибудь на свете, кто может повлиять на японцев и побудить их быть благоразумными в их требованиях, то это президент Рузвельт. Если бы ты этого пожелал, я мог бы частным образом снестись с ним, потому что мы с ним большие приятели; посол мой тоже с ним очень дружен. Кроме того, у тебя есть г. Мейер, которого я знаю уже много лет и который пользуется полным моим доверием; ты можешь послать за ним, поговорить с ним откровенно, — он очень скромный и заслуживающий доверия человек, очаровательный собеседник с приятными манерами.[...]

Вилли.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг., М.; Пг., 1923. С. 102—105.

Телеграмма Николая II Вильгельму II В Вильгельмхёе.

[...] За последние три месяца я много размышлял о войне и о мире. Я ежедневно получаю телеграммы, письма, адреса и пр. с просьбой не подписывать мира на тяжелых условиях. Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же ничто не заставит согласиться на эти два требования. Поэтому нет надежды на мир в настоящее время. Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но все же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в свое отечество была бы окончательно разбита.

Ники.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг., М.; Пг., 1923. С. 111.

Отношение графа Ламздорфа В. Н. Коковцову

Доверительно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В первых числах августа месяца нового ст. предстоит в Вашингтоне свидание русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира.

Вследствие сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою сообщить мне в непродолжительном времени соображения ваши по этому вопросу, а равно те данные по вверенному вам ведомству, кои могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Примите и проч.

Ламздорф.

16 июня 1905 г. № 1061.

На подлинном пометка синим карандашом рукою Коковцова: «пр. переговорить в понедельник. 16.VI»

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 13.

Письмо В. Н. Коковцова графу Ламздорфу

20 июня 1905 г.

Письмом от 16 сего июня за № 1061 ваше сиятельство уведомили меня о предстоящем свидании русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира, прося меня сообщить мои по этому вопросу соображения, а равно те данные по вверенному мне ведомству, которые могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Вследствие сего считаю своим долгом высказать вашему сиятельству, что при настоящем положении дела изложение соображений моих по предмету предстоящих переговоров представляется чрезвычайно затруднительным. Проектирование министерством финансов тех или иных условий мира по относящимся к ведомству его предметам по необходимости находится в коренной зависимости от тех руководящих предположений политического свойства, которые лягут в основу предстоящих переговоров с Япониею и которые по существу дела могут быть намечены только вашим сиятельством на основании непосредственных предубеждений е. и. в. и всесторонней осведомленности о настоящем политическом положении. Если бы вашему сиятельству угодно было сообщить мне эти предположения, то министерство финансов могло бы с большим успехом выполнить свойственную ему при решении данного вопроса задачу, могущую заключаться лишь в разработке собственно финансовой его стороны и других подробностей, имеющих отношение к компетенции финансового ведомства. При настоящих же условиях, когда эти основные предположения мне неизвестны, всякие мои соображения по предмету предстоящих переговоров, очевидно, не могут не

отличаться значительною гадательностью. Тем не менее, принимая во внимание, что вы изволили признать необходимым ознакомиться с моим мнением, имею честь сообщить вам нижеследующее.

Прежде всего я должен оговориться, что изложенные мною ниже взгляды я высказываю в том предположении, что в настоящее время для России не признается необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало. Я не имею данных для суждения о том, действительно ли дело стоит так, но в указанном предположении меня не может не убеждать то соображение, что в противном случае едва ли было бы целесообразно снабдить наших уполномоченных особо подробными инструкциями, затребовав предварительно отзывы подлежащих ведомств. Кроме того, за то же говорят, по видимому, и энергичные меры, которые принимаются военным ведомством к усилению состава наших сухопутных армий в Маньчжурии, и которые, насколько знаю, выразились в том, что после Мукденского боя армии наши уже получают поддержку в количестве 135 тысяч человек, 15 июня должен был двинуться 19 корпус, а затем еще и 9 и некоторые другие войсковые части. Я не могу, конечно, не иметь в виду, что с чисто финансовой точки зрения продолжение войны становится для нас все более и более затруднительным. Об этом я по долгу службы неоднократно доводил до высочайшего его императорского величества сведения, представив его величеству после Мукденского отступления подробную записку, рассмотренную в особом совещании под председательством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и доложив затем еще раз кратко после Цусимского боя. Вообще, как министр финансов, не могу не признать, что продолжение войны при нынешнем положении дел на театре войны и в особенности внутри страны представляется весьма трудным, и что с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно. Но само собой разумеется, решение вопроса о войне или мире, от которого должны зависеть жизненные интересы и достоинство России, не может быть поставлено в зависимость исключительно от соображений финансового характера. А при таких условиях нельзя не видеть в предполагаемом свидании с японскими уполномоченными великодушную попытку с. и. в. узнать требования японского правительства в тех целях, чтобы скорее даровать мир своему народу, — однако отнюдь не ценою каких угодно политических и экономических уступок Японии, а лишь на условиях, не нарушающих чрезмерно насущных интересов России.

Переходя к существу дела, имею честь сообщить, что, по моему мнению, при предстоящих переговорах главной целью должно быть заключение с Японией такого соглашения, чтобы устанавливаемый этим соглашением мир был искренним и как можно более продолжительным. Для этого в условиях мирного договора не должно быть поставлено чрезмерных требований той стороне, против которой повернулось военное счастье, т. е. требований такого характера, которые заставили бы эту сторону в силу жизненных ее интересов стремиться к новой войне в будущем. Кроме того, в мирном договоре не должно, конечно, заключаться постановлений, по су-

шеству или по форме унижительных для чести или достоинства той или другой стороны.

Для того чтобы нам добиться мира на условиях, соответствующих указанным основаниям, необходимо взвесить, в чем заключались причины, не внешние, а внутренние, нынешнего вооруженного столкновения между Россией и Японией. С русской точки зрения, они заключались главным образом в опасении нападения Японии после ее утверждения на азиатском материке и вообще враждебных действий последней по отношению к России. Стремление наше воспрепятствовать Японии стать твердой ногой на материке Азии было основано именно на этом опасении. Отсюда—вытеснение нами Японии после победы ее над Китаем с завоеванного ею Ляодунского полуострова, преждевременный захват Порт-Артура, неудачное устройство, под видом лесной концессии, заслона в северной Корее и т. п.

В настоящее время нападение на нас Японии и утверждение на азиатском материке ее вооруженных сил и политического престижа представляются однако совершившимися фактами. При таком положении дальнейшие взаимные отношения между обеими державами будут зависеть от того, как намерена Япония использовать достигнутые успехи. Имеет ли она в виду ограничиться закреплением результатов войны или намерена посягнуть на жизненные, собственно русские интересы на Дальнем Востоке. Заключенный при последних условиях мир, очевидно, прочностью отличаться не будет. Если же русские интересы, понимая их в смысле нашего отказа от поступательной политики на Дальнем Востоке при сохранении непрерывной связи Сибири с Тихим океаном, будут соблюдены, то, казалось бы, не должно быть препятствий к тому, чтобы достигнуть искреннего мирного соглашения на продолжительный, если не безгранично-долгий срок.

С экономической и культурной точек зрения к жизненным интересам России на Дальнем Востоке необходимо, по моему мнению, в настоящее время причислить, независимо от неприкосновенности русских границ и державных прав России относительно Владивостока, Уссурийского края и других местностей, а равно отсутствия ограничений для содержания флота на Дальнем Востоке, — сохранение в нашем полном распоряжении или в крайнем случае под нашим исключительным влиянием рельсовой линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железной дорогой, а равно пароходные сообщения, связывающие эту линию с русскими владениями по Сунгари. Если бы, по условиям мирного соглашения, эти сообщения, и в особенности указанный рельсовый путь, были изъяты из нашего распоряжения, то, на мой взгляд, такое соглашение не могло бы служить залогом прочного мира, а, напротив, заставило бы каждую из сторон по-прежнему относиться к намерениям другой с недоверием и опасением и истощать свои экономические силы на приготовления к новому вооруженному столкновению. То же самое имело бы место и в том случае, если бы мирный договор предоставил японскому правительству право держать в течение продолжительного времени свои военные силы после заключения мира в районе Китайской Восточной железной дороги, т. е. в пределах двух север-

ных провинций Маньчжурии, ибо присутствие здесь японских войск не могло бы не служить постоянным поводом к возникновению между нами и Японией нежелательных недоразумений.

Но если, таким образом, удержание за нами сообщений Сибирской железной дороги с Приморским краем имеет первостепенное для наших интересов значение, то, с другой стороны, нельзя не признать, что и здравый смысл, и результаты военных действий требовали бы отказа от наших прав на арендуемую нами у китайского правительства часть Ляодунского полуострова и участок южной ветви Китайской Восточной железной дороги, от Порт-Артура и Дальнего примерно до южной границы Гиринской провинции или в крайности до пересечения этой ветви с верхним течением Сунгари. При этом необходимо было бы, однако, настоять на том, чтобы означенный участок Южно-Маньчжурской ветви перешел в собственность Китая путем досрочного выкупа, ибо оккупация японцами территории, по которой проходит эта железная дорога, или передача ими этой территории Китаю по принципам международного права отнюдь не создает еще для Японии или для Китая права собственности на это частное акционерное предприятие. Само собою разумеется, что при установлении подлежащей уплате Китаем выкупной суммы за железную дорогу стоимость последней могла бы быть сокращена в виду разрушений, произведенных на ней военными действиями; сокращение это, однако, не могло бы быть особенно значительным, так как главнейшие сооружения, как-то: земляное полотно, выемки, устои мостов и т. п., несомненно, в общем пострадали не особенно сильно.

Из полученной от Китая выкупной суммы могло бы быть нами уплачено Японии вознаграждение за содержание наших пленных. Эта уплата, по существу справедливая, по моему мнению, безусловно не имела бы обидного для достоинства России значения. Вместе с тем я считал бы, однако, совершенно недопустимым уплату нами контрибуции в виде вознаграждения за расходы Японии по ведению войны и полагал бы, что включение в мирный договор подобного рода условия, не соответствующего достоинству России и не оправдываемого достигнутыми Японией успехами, крайне затруднило бы, к ущербу для обеих сторон, сохранение между ними сносных отношений в будущем.

Что касается Корейского полуострова, то мне представляется, что и по существу дела, ввиду фактического занятия этой страны японцами, и по форме ввиду выраженного нами еще до войны согласия признать преимущественное положение японцев в этой стране, — нам будет крайне трудно ставить в настоящее время какие-либо препятствия установлению здесь преобладающего влияния Японии. Но если японское правительство действительно искренне желает возобновить с нами добрососедские отношения, то оно могло бы — в целях возможного устранения всяких поводов к недоразумениям — принять на себя обязательство не вводить в смежные с нашим Приморским краем области северной Кореи своих военных сил и не возводить здесь никаких укреплений.

Далее, считаю долгом обратить внимание на частные интересы русских подданных, потерпевших вследствие настоящей войны. Для возможного ограждения этих интересов я признавал бы, во-первых, необходимым оговорить, буде это не разумеется само собою, что собственность русских подданных и предприятий в Дальнем и Порт-Артуре, в том числе и собственность Общества Китайской Восточной железной дороги, по окончании войны должна быть немедленно возвращена по принадлежности. Затем подобную же оговорку надлежало бы сделать также и относительно горнопромышленных концессий, принадлежащих русским подданным в районе Маньчжурии, занятом японскими войсками, а именно было бы необходимо установить: в случае, если бы после войны за японцами остались какие-либо полномочия по управлению этой частью Маньчжурии, — что права русских подданных будут восстановлены немедленно по окончании войны, и во всяком случае, — что если бы японцы за время оккупации страны эксплуатировали какую-либо принадлежащую русским подданным концессию, то за это собственникам должно быть уплачено соответственное вознаграждение.

В заключение позволяю себе сообщить вашему сиятельству, что с внешней стороны разработки инструкции для наших уполномоченных я считал бы особенно полезным преподание этим уполномоченным определенных указаний относительно того, на какие требования Японии им ни в каком случае невозможно согласиться.

Донесение агента министерства финансов в Вашингтоне

Г. Виленкина В. Н. Коковцову

Ваше высокопревосходительство, Владимир Николаевич!

За последние десять дней общественное мнение Соединенных Штатов всецело поглощено переговорами президента Рузвельта с графом Кассини и японским посланником Такагирой относительно заключения мирного договора, и третьего дня Рузвельт официально заявил, что Россия и Япония изъявили согласие на его предложение и что местом конференции избран Вашингтон. Американская печать не скрывает своего удовольствия по поводу того, что этим выбором американское национальное чувство польщено и газеты полны панегириками по адресу президента Рузвельта.

Здесь полагают, что уполномоченные соберутся не ранее половины августа и что самые переговоры затянутся не менее двух месяцев; так, по окончании испанско-американской войны в 1898 году уполномоченные обеих стран собрались в Париже 1 октября, переговоры же закончились лишь 10 декабря, а между тем главные пункты соглашения между Соединенными Штатами и Испанией были уже улажены предварительным протоколом; задачи же, которые пришлось им разрешить, не были так сложны, как те, которые придется урегулировать России и Японии.

Весьма характерно, что с момента вмешательства Рузвельта здешняя

печать, а вместе с нею и общественное мнение сразу переменяли свои взгляды и стараются повлиять на Японию не настаивать на большом денежном вознаграждении; еще две недели тому назад здешняя пресса находила, что если Япония потребует 2 миллиарда долларов, то требования ее вполне нормальны; теперь же та же пресса убеждает Японию быть скромной в своих требованиях и ограничиться суммой, составляющей действительный размер произведенных ею военных расходов, что, по словам газет, не должно превышать 500 млн. долларов и из этой суммы вычесть стоимость тех приобретений, которые достанутся ей от России, как-то Дальний, Порт-Артур.

Не поддежит сомнению, что столь разительная перемена в настроении здешней печати объясняется главным образом влиянием президента Рузвельта, который в данном случае может оказать веское давление на Японию; по словам здешних дипломатов, ни один из монархов или государственных людей Европы, включая сюда Англию, не пользуется таким влиянием на Японию, как Рузвельт, и если бы нам удалось заручиться его полным содействием, то требования Японии могли бы быть низведены до минимума. С другой стороны, американцы поняли, что если бы Японии удалось достичь своей цели, то это сразу оказало бы влияние на европейский денежный рынок, что, в свою очередь, отразилось бы и на американских ценностях, так как Франция, а за нею и Англия прежде всего начали бы реализовывать американские бумаги, чтобы запастись наличными деньгами.

Согласие России на предложение Рузвельта и, с другой стороны, назначение сюда послом барона Розена, пользующегося особыми симпатиями американцев, служат самыми лучшими факторами для восстановления дружественных отношений между Россией и Соединенными Штатами и с наступлением осеннего сезона, когда финансовый мир вернется в Нью-Йорк из европейских курортов или летних резиденций, наступит благоприятный момент для привлечения нью-йоркского денежного рынка в Россию, и этого момента мы не должны упустить.

Ввиду того, что в настоящую минуту на здешнем рынке полное затишье, которое продолжится до половины сентября, к какому времени было бы весьма важно приготовить план действий, то я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня, не найдете ли вы полезным разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить вашему высокопревосходительству о беседах, которые я имел за последнее время с здешними банкирами, и их взглядах на возможность помещения русских ценностей на нью-йоркской бирже и привлечения американских капиталов в русские предприятия.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Григорий Виленкин.

Июнь 1905 г.

Телеграмма А. И. Распопова А. И. Путилову
2 (15) июля 1905 г.
Шанхай

Здесь получена телеграмма о назначении С. Ю. Витте главным уполномоченным для мирных переговоров. Если может интересовать С. Ю. Витте, покорнейше прошу доложить следующие сведения о главном японском уполномоченном бароне Комура. Он выдвинут благомыслящею, наиболее умеренною частью оппозиции; до сих пор очень удачно служил связующим звеном между нею и кабинетом. Обе стороны считают это тайной одна от другой. Знаю это случайно, благодаря широкому участию в событиях в Корею, куда Комура был послан улаживать дело об убийстве королевы, но безусловно ручаюсь за точность. Очень не блестящий на вид, Комура обладает, однако, громадным умом, знанием, — с одной стороны, всей подноготной японской прогрессивной оппозиционной партии и ее отношений к правительству и народу, с другой стороны — тех мелких интриг иностранных представителей, умелая игра которых позволила японцам блестяще достигнуть самых трудно осуществимых целей. Вместе с тем Комура известен как весьма сдержанный, рассудительный человек, далеко не шовинист по убеждению, и удовлетворяет выдвинувшую его партию лишь настолько, чтобы не поставить ее открыто против правительства. Кто бы ни были прочие делегаты, Комура будет, несомненно, играть руководящую роль, хотя бы и стушевываясь для виду. Сообщил Покотилкову.

Распопов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 20.

Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
19 июля 1905 г.

Приветствую со вступлением на американскую землю. Дай бог в добрый час. [...] С театра войны ничего нет, кроме дальнейшего занятия японцами среднего Сахалина и высадки малых отрядов на материке против Сахалина. Из внутренних событий упоминаю стачку и перерыв движения на Владикавказской ж. д. В Иваново-Вознесенске стачка, длящаяся уже два месяца, кажется, скоро кончится. По точным сведениям, встреча императоров произошла по инициативе императора Вильгельма. Государь крайне доволен свиданием, видимо, верит искренности отношений соседа. Сейчас еду на заседание под председательством государя по вопросу о Думе.

Результат сообщу. Усерднейше прошу вас на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства. На днях выпущу внутренний заем до 200 миллионов рублей, одинаковый с мартовским. По сообщению лондонского корреспондента «Матин» Рафаловича, Гаяши надеется на заключение мира, рассчитывает на контрибуцию для покрытия военных расходов;

японцы в случае надобности намерены продолжать войну, разбить Линевича, взять Владивосток, оккупировать Маньчжурию, затем ожидать нашего наступления.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 22—23.

Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

23 июля 1905 г.

Нью-Йорк

По заслуживающим доверия сведениям, секретное сообщение Розена Ламздорфу, если действительно такое имело место, о слухах, будто американские банкиры заинтересованы в получении Японией контрибуции для уплаты долгов, неправильно: в контрибуции кредиторы Японии не нуждаются, платежи по займам обеспечены реальными залогами. Единственная возможная забота избежать затруднений в случае необходимости прибегнуть к обеспечениям устранена передачею части займов европейским странам. Таким образом в подобном случае на исполнении обязательств будут настаивать не одни американцы, а все страны. Сильно сомневаюсь признавать кредит Японии исчерпанным; ходят частные слухи о новом займе в 20 млн. ф. Очень многое, впрочем, не зависит от кредитоспособности или заключения выгодных условий мира, а от общественного мнения. Телеграфирую вам глубокое мое убеждение, основанное, кроме личного чувства, на разговорах со многими авторитетными и влиятельными лицами, местными и русскими. Приезд Витте безусловно произвел во враждебном, даже злорадном, к нам отношении американского общества как будто перемену; в части публики замечаются признаки симпатии к России; независимо от прекрасной — пока в общем — прессы мы окружены, благодаря уменью и такту Сергея Юльевича, всеобщим вниманием. Многие деловые люди, например: из банкиров — представитель Моргана Вандерлип, из печати — Стон, из русских — барон Розен и многие другие влиятельные лица считают необходимым воспользоваться переменою настроения и стараться раздуть тлеющий огонек симпатии к нам. Это может иметь в будущем значение в смысле затруднения японцам заключать здесь займы, ибо здешние крупные дельцы и учреждения должны считаться с общественным мнением. От этого мнения, значит, зависит отчасти, в особенности в случае продолжения войны, затруднение денежной ее стороны для японцев. Думаю, что в будущем, если общественное мнение Америки повернется в нашу пользу, возможны для нас благоприятные экономические и финансовые результаты. Для этого поворота желательно воспользоваться пребыванием С. Ю. Витте. Крупные и мелкие банкиры, печать, страховые и разные другие общества, конгрегации, влиятельные лица, корпорации наперерыв стараются устраивать в честь его обеды, представиться, заручиться его автографом и пр. Какой бы оборот мирные переговоры ни приняли, крайне важно

было бы, чтобы подобные обеды и общественные начинания осуществились и сверх того чтобы С. Ю. Витте предпринял поездку по некоторым главнейшим городам Соединенных Штатов, ибо Нью-Йорк — лишь первый этап Америки. Однако С. Ю. Витте очень уклончиво относится ко всем таким знакам внимания и также к поездке, ибо, кроме личного нерасположения к подобным чествованиям, он, по-видимому, сомневается в отношении к этому С.-Петербурга и после переговоров о мире собирается скорее в С.-Петербург. Необходимо упросить его или даже настаивать на том, qu'il fasse les frais de sa personn. Обращаюсь к вашему высокопревосходительству без ведома С. Ю. Витте, потому что вы приказали мне откровенно писать вам и потому что для министерства финансов всего важнее воспользоваться настоящим случаем. Если упустить этот момент, то сочувствующие нам круги потеряют почву. Потом этого не вернуть. Моя крайняя осторожность вам известна. Повторяю — считаю безусловно необходимым повлиять в указанном смысле на С. Ю. Витте. Опасаюсь, что без указания свыше он затруднится сделать это (не решится предпринять эту кампанию в американском духе, для которой почва, по-видимому, подготовлена).

Шипов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 24—26.

Телеграмма В. Н. Коковцова И. П. Шипову
26 июля 1905 г.

В том же смысле, как вы телеграфировали мне, барон Розен телеграфировал графу Ламздорфу и получил от него уведомление, что государь император не видит для Сергея Юльевича оснований торопиться выездом из Америки и не встречает препятствий к посещению им разных центров Америки. О том же буду завтра докладывать его величеству в более определенной форме и затем буду телеграфировать Сергею Юльевичу.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 26—27.

Телеграмма И. П. Шипова В. Н. Коковцову
27 июля 1905 г.
Нью-Кастл

О депеше барона Розена не знал ни С. Ю. Витте, ни я. Ответную телеграмму графа Ламздорфа барон Розен показал С. Ю. Витте. Она едва ли подвинет дело по своей неопределенности. Мирить общественное мнение Америки с нами тяжелая, неблагодарная задача. Поэтому указание, что нет препятствий к посещению центров, произвело впечатление, будто в Петербурге думают, что это желательно для С. Ю. Витте. Напротив, он измучен,

удручен и склонен по окончании порученного ему дела махнуть рукой на все. Необходимо, чтобы он знал, что дело, о котором я вам телеграфировал, государю угодно и что свыше настаивают на осуществлении попытки повернуть в нашу пользу настроение Америки. Японцы, сделавшие в этом отношении многое, продолжают свою ловкую работу. Необходимо воздействовать на С. Ю. Витте, pour qu'il paie de sa personne, зная, что служит этим государю и благу России и что это сознают в Петербурге. Телеграфирую об этом, укрепившись рядом фактов в справедливости того, что первоначально телеграфировал, и испытавши сам тяжесть американских приемов.

Шипов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 27—28.

**Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову
28 июля 1905 г.**

Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Маньчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы в морских промыслах. Ответ понятный вам по существу скоро последует.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 28.

**Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову
30 июля 1905 г.**

Субботу утром передается наш ответ. Согласие на преимущества Кореи, но военные мероприятия не должны угрожать нашим соседним областям. Параллельная эвакуация Маньчжурии обеими сторонами; уступка Квантуна, части южной ветви, фактически захваченной японцами, с выкупом этой части Китаем передачей выкупной суммы Японии; предоставление льгот морских промыслах; сильно мотивированный категорический отказ уплате контрибуции, но согласие возместить расходы лечению, содержанию пленных; отказ выдаче судов нейтральных портах, уступке Сахалина, вместо которой предлагается предоставить эксплуатацию промыслов острова; отказ ограничить морские силы по воле Японии с заявлением, что ближайшем будущем Россия сама не предполагает держать значительного флота. Полный текст сообщается министру и. д.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 29.

Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
2 августа 1905 г.

[...] Общее настроение по-прежнему беспокойное, усиливаются попытки отвечать на революционные демонстрации патриотическими, не свободными от грубых насилий. Японские требования решительно признаются неприемлемыми; склонности к миру не вижу. От близкого вам человека слышал фразу: велико будет искусство Витте, если он заставит японцев предложить то, что мы примем.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 30—31.

Телеграмма С. Ю. Витте графу Ламздорфу
1 (14) августа 1905 г.

Прошу передать нижеследующую телеграмму министру финансов. Соглашения, ввиду громадной разницы условий сторон, не будет достигнуто. Нужно готовиться к продолжительной, тяжелой войне, для чего необходимо прежде всего озаботиться доставлением нам иностранных денежных рынков. Без этого война будет вдвойне тягостной и совершенно подорвет наши финансы. Японцы рассчитывают, что мы денег за границей не получим. Действительно, со всеми, с кем приходилось говорить за границей, чувствовалось, что при настоящем настроении достать деньги за границей более чем трудно. Это настроение основано не только на внешнем, но, пожалуй, еще более на внутреннем положении. Уничтожить это настроение может только перемена по существу, но видоизменить его возможно посредством более деятельного воздействия на умы и посредством личных объяснений. Нужно следовать примеру японцев. Систематически и планомерно действовать на прессу, привлекать к себе влиятельных людей. Прошло то время, когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры, хотя, думаю, ныне серьезные операции возможны лишь в Америке и особенно Франции. Германия много дать не может, даже если бы была к тому склонна. Мой приезд в Америку создал надлежащее настроение. Если оно будет культивироваться, то, полагаю, через несколько месяцев наступит возможность сделать операцию. Но особенно нужно заняться Францией. Необходимо серьезно объясниться с французским правительством, преимущественно с Рувье, который, как мне кажется, держится двусмысленно. Необходимо лично объясниться со всеми крупными финансистами обеих партий: Ротшильда и Лионского кредита.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 31—32.

Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
3 августа 1905 г.

Министр иностранных дел передал мне вашу телеграмму от 1 августа о необходимости подготовить почву для новых займов в Америке и Франции.

Лично я могу только повторить вашу точку зрения и с ведома его величества покорнейше прошу вас взять на себя труд постараться достигнуть этой цели в Америке, равно как и в Париже. Только личное воздействие может достигнуть цели. Печать не в нашей власти и завладеть ею, по крайней мере я, не можем. Ваше влияние в Америке уже имеется. Париж вам отлично знаком. Объяснение с Рувье и Лубе безусловно необходимо, чтобы заставить их высказаться начистоту. Я готов даже сам ехать в Париж, но думаю, что вы сделаете лучше, едучи обратно. Если усматриваете какие-либо ошибки в моих действиях, укажите их откровенно. Вам известен мой взгляд на вещи. Моя поездка и непосредственное объяснение едва ли желательны. Впрочем, я жду вашего вполне откровенного ответа и совета, представляя вам заранее располагать мною даже в самом крайнем смысле, — тем более что с учреждением Думы вам предстоит общее руководство и объединение деятельности отдельных министерств.

Если сочтете полезным, я войду безотлагательно в объяснение с французским послом, чтобы изложить нашу точку зрения, но ничего не сделаю, не получивши вашего ответа.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 32—33.

Телеграмма С. Ю. Витте графу Ламздорфу

2 (15) августа 1905 г.

Нью-Кастль

1-го я, в течение целого вечера, имел беседу с главными вождями американского еврейства, которые имеют существенное влияние на здешнее общественное мнение, располагают огромными капиталами и помогают японскому правительству в денежных операциях. Результатом этой беседы, которую я вел в присутствии посла, было убеждение, что они знакомы с еврейским вопросом по крайне односторонним сведениям, которые черпаются ими из враждебных нам источников и по рассказам прибывающих сюда ежедневно в большом количестве эмигрантов; потому-то действительное положение, в котором у нас пребывают евреи, представляется им в таких размерах и форме, которые успешно могут сделать врагом России каждого человека. Я им выяснил настоящее положение дела и теперешний фазис обсуждения этого вопроса нашим правительством, при чем фактически доказал, что в царствование его императорского величества были принимаемы меры, только клонящиеся к облегчению положения евреев, что они сами признали. Беседа моя, по мнению барона Розена, может иметь серьезное влияние на здешнее общественное мнение и во всяком случае не может не тревожить японцев, так как бывшие у меня лица являются банкирами Японии. Прошу сообщить министру финансов эту телеграмму.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 32—33.

Телеграмма И. П. Шипова В. Н. Коковцову
3 августа 1905 г.

[...] Пройдены восемь пунктов. Разногласий, кроме Сахалина, нет. Сегодня шла Кит.-Вост. д. Намечена уступка южной линии от Куань-Ченц. Зато выговорено сохранение всех прав на магистраль и остальную часть южной линии. Завтра и, вероятно, послезавтра обсуждение самых жгучих вопросов контрибуции, выдачи судов, ограничения морских сил, равно прав рыбным промыслам. С. Ю. имеет очень измученный вид, но бодрится.

Шипов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 33—34.

Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову
4 (17) августа 1905 г.

Соглашение не достигнуто по контрибуции, ограничению морских сил и, по-видимому, не будет достигнуто по выдаче судов. Остаются рыбные ловли. Завтра все вопросы будут пройдены. Затем вероятно во вторник окончательное заседание для подписания протокола. Затем Нью-Йорк, где может быть останусь около недели и оттуда домой.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 34.

Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову
5 (18) августа 1905 г.
Нью-Кастль

[...] Вопрос о займе будет существенно зависеть от того, достигнем ли мира или нас вынудят продолжать войну. В Америке расположение склонилось в нашу сторону, но нужно, чтобы правительство продолжало стремиться к той же цели; тогда можно будет при нужде поместить заем. Во всяком случае Америка уже не так охотно, как прежде, будет давать деньги японцам. Согласно высочайшему соизволению, сообщенному вами, и ввиду вашего заявления, быть может, буду иметь возможность совершать небольшую поездку в Америке и во всяком случае остановлюсь в Париже, чтобы переговорить с Рувье, министром финансов и банкирами, но по-моему при первой возможности ваша заграничная поездка весьма желательна. С французским послом говорить не стоит. Крепко жму вашу руку.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 35.

**Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову
6 (19) августа 1905 г.**

Совершенно личное.

Настоящий момент Петербург должен решить вопрос войны или мира. Необходимо экстренное, но мудрое, твердое решение, ввиду громадной ответственности пред потомством. Усердно прошу вас употребить все усилия, чтобы решение последовало экстренно, но по совещании с нашими мудрейшими государственными деятелями, главным образом графом Сольским и Победоносцевым. Телеграмму эту можете показать только Сольскому. Надеюсь вашу энергию и молчание.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 36—37.

**Телеграмма С. Ю. Витте Николаю II
Петергоф**

Е. и. в.

Всеподданнейше доношу в. и. в., что, к прискорбию, мирные переговоры не увенчались успехом. Докладываю об этом с болью в сердце, так как глубоко сознаю, как важен и желателен мир для России и для всего света, с каким облегчением вздохнуло бы все человечество без различия государств, народов и рас, если бы ужасы войны сменились благословенною тишиною. Помыслы мои в продолжении всей моей службы направлены были к миру. Поэтому, как по званию лица, облеченного в. в. чрезвычайными полномочиями, и как человек, я искренно стремился достигнуть мирного соглашения. Тяжесть сознания в неуспехе моих стараний усиливается горькою мыслью, что быть может мои способности оказались недостаточны для достижения желанной цели. Но по совести свидетельствую пред вами, государь, перед Россией, пред народом дружественного государства, гостеприимно открывшего свои пределы для мирной конференции, и пред всем человечеством, что все силы разума моего я положил на прекращение ужасной войны. Однако каждому человеку, который достоин называться человеком, присуще чувство любви к отечеству. Это чувство не позволило мне принять на себя ответственность за мирные условия, не соответствующие достоинству народа, к которому я имею счастье принадлежать. В скорбной мысли о неуспехе возложенной на меня гуманной задачи я утешаюсь надеждой, что провидение, зная искренность мирных побуждений России, поможет нашей родине прекратить войну, не роняя своей чести.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 37.

**Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
8 (21) августа 1905 г.**

Ваши телеграммы 15, 19, 22 мне стали известными только вчера днем. Старания мои склонить на совещание при участии Сольского и обер-про-

курора св. синода едва ли увенчаются успехом. На телеграммах ваших была положена резолюция: «Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения». Министру иностранных дел стоило немало труда испросить у государя послать письменные запросы мне, военному министру, великому князю Николаю. Я дал отзыв подробный, высказываясь против денежной уплаты в пользу уступки южной половины Сахалина, привел резкие соображения о гибельности дальнейшего ведения войны для наших финансов. Настроение государя упорное в смысле вышеупомянутой резолюции. Оно поддерживается, по-видимому, сведениями, доходящими из армии. Окончательные указания министра иностранных дел только во вторник.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 37—38.

Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову

11 (24) августа 1905 г.

Передайте совершенно лично графу Сольскому и Трепову следующее: думая всегда о пользе моего государя, не считаю себя вправе скрыть от вас, что, по моему убеждению, для пользы государя было бы весьма важно, чтобы окончательные решения его величества относительно мирных условий были приняты в совещании под председательством государя, с участием хотя бы некоторого числа видных представителей сословий.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 38.

Письмо графа Ламздорфа В. Н. Коковцову

Вторник 9 августа 1905 г. 10¹/₂ ч. веч.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Мой доклад состоялся сегодня в 7 часов вечера, и я только что вернулся сюда. С. Ю. Витте поручено заявить японским уполномоченным, что, если они не могут отказаться от своих чрезмерных притязаний, то нам, к сожалению, невозможно будет продолжать переговоры. При этом следует прервать переговоры на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как в первом — общественное мнение в Америке и сам Рузвельт за нас, а во втором, находят, что японцы, заняв Сахалин, имеют право требовать его уступки. Государь остается твердо при своем решении, известном вам из высочайших помет. Завтра в 4 ч. пополудни его величество примет американского посла, имеющего передать государю личное сообщение от президента Рузвельта. Простите это маранье, я страшно устал.

До свиданья. Вам искренно преданный

Ламздорф.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 38—39.

Письмо графа Ламздорфа В. Н. Коковцову
Четверг веч. 11 августа 1905 г.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Сергею Юльевичу сегодня только сообщено, для сведения, содержание вчерашнего разговора государя императора с американским послом.

Следует выждать, как отнесется президент Рузвельт к тому, что его величество поручил г. фон-Ленгерке Мейеру ему передать. Следующее заседание конференции в Портсмуте отложено до субботы. Сергея Юльевича мы просим не слишком торопиться, так как ход столь важного дела нельзя ставить в зависимость от общего нетерпения знать, чем закончатся переговоры: nous sommes encore dans l'incertain!

Если позволите, то мы соберемся завтра совсем запросто, в сюртуках.
Вам совершенно преданный

Ламздорф.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 39.

Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
12 августа 1905 г.

Поручение ваше в телеграмме 11 августа мною исполнено. Председателю департамента экономии послано на виллу письмо с экстренным курьером. С генерал-губернатором переговорил лично. Он просит, чтобы мною было сообщено вам, что решительно не считает себя вправе передать его величеству вашу мысль, думает, что последнее слово государя сказано уже в 2-часовой беседе с американским послом 10 августа и весьма опасается, что его вмешательство может вызвать крайне неблагоприятные последствия. В частности Трепов просит передать вам, ввиду того, что он не вполне усваивает себе, каких видных представителей сословий вы разумеете и насколько возможно по ходу переговоров отсрочить передачу окончательного решения на то время, которое потребовалось бы его величеству на совещание с представителями сословными. Ввиду такого ответа генерал-губернатора прошу телеграфировать мне, уполномочивает ли вы меня представить вашу телеграмму вместе с копией этой моей телеграммы государю императору. Для личного сведения вашего сообщаю, что вчера на всеподданнейшем моем докладе государь император прямо мне сказал, что готов уступить южную половину Сахалина, но ни в каком случае не согласен на выкуп северной, ибо, по словам его, всякий молодец поймет, что это — контрибуция. На замечание мое, допустит ли государь уплату содержания пленных и передачу Японии суммы, которая может быть уплачена Китаем за уступаемую часть жел. дороги, государь ответил, что на это, конечно, согласится, если уплата за пленных будет заявлена добросовестная и будет отвечать действительным расходам по их содержанию и лечению. Относительно же суммы, причитающейся за уступаемую часть южной ветви жел. дороги, — что он никаких претензий на получение этих денег Россией не имеет и готов пре-

доставить их Японии. Жду ваш ответ, не смею, конечно, высказывать вам совета, но, видя здешнее настроение, не ожидаю, чтобы ваша мысль о советании представителей сословий встретила здесь сочувствие.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 40.

**Письмо графа Ламздорфа В. Н. Коковцову
13 августа 1905 г.**

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Вследствие полученного мною вчера вечером от государя императора письма, я ночью протелеграфировал Сергею Юльевичу высочайшее повеление объявить сегодня же японским уполномоченным, что его величество не признает возможным делать какие-либо новые уступки. Мы можем а la rigueur согласиться на предоставление Японии занятой ею южной части Сахалина, но за остающуюся в нашей власти северную часть не заплатим ни гроша и вообще не отступим от сделанного уже нами категорического заявления, что Россия военной контрибуции ни под каким видом не заплатит.

Это наше последнее слово.

Посмотрим, что на это ответят японцы и как отнесутся к этому их эгоисты, американцы и С-ие?

До свидания. Вам совершенно преданный

Ламздорф.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 40.

**Телеграмма И. П. Шипова В. Н. Коковцову
16 (29) августа 1905 г.**

Условия: отказ Японии контрибуции, судов, ограничения морских сил, уступка нами Сахалина по 50-ю параллель, остальные, как известно. Телеграфировано правительствам прекращения военных действий и поручении главнокомандующим заключить перемирие. Полное согласие японцев для всех здесь совершенная неожиданность. Все было готово нашему отъезду. Ожидали условного телефонного сообщения для окончательных сборов. Интересно сравнить условия вашим письмом Ламздорфу начале июня, на котором милостивая резолюция государя. Точно этим письмом продиктованы основания мира. Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением. Сейчас идет заседание всеми делегатами.

Шипов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 41.

Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте
17 (30) августа 1905 г.

Приветствую с довершением порученного вам великого дела. Какие бы ни были взгляды на условия мира, мы получили возможность вернуться к мирным, хотя тяжелым, трудам. Потомство оценит ваши усилия; для меня лично, среди моих давних разочарований, служит великим утешением мысль, что, приняв финансы, поставленные вами, я возвращаю их не поколебленными войной и что господь поможет не сходить с пути ни из-за личных увлечений, ни под давлением роковых невзгод.

Коковцов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 41—42.

Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову
19 августа (1 сентября) 1905 г.

О настроении провинции печати сообщено С.-Петербургским агентством. Радостные сообщения из провинции продолжают поступать; печать, кроме «Гражданина», «Биржевых Ведомостей», высказывается очень сдержанно, даже либеральные газеты, приветствуя мир, считают его тяжелым. Промышленные сферы превозносят мир. К Витте в публике отношение различное, газеты признают заслуги С. Ю. Витте. Многих смущает своим размером сообщаемая цифра 150 миллионов за содержание пленных, чем и был вызван вчерашний запрос. Государь во время разговора с министром финансов сказал, что не дал еще себе отчета совершившемся. В первую минуту, когда пришла весть о мире на условиях не кем иным, как им установленным, он испытал тяжелое чувство, но когда запр. (так в подлиннике. — *Авт.*) стал получать массу приветственных телеграмм, из которых особенно трогательны телеграммы императоров Германии и Австрии, то подумал, что поступил хорошо, согласившись на мир с уступкой половины Сахалина. Ведь потоков крови, которая пролилась бы, государь опасается, только как примет мир армия, когда, обесславленная, вернется назад? Из других источников знаю, что государь, по-видимому, доволен С. Ю. Витте. Императрица не находит слов для похвал ему. Даже великий князь Александр Мих. сказал: «Какой молодец Витте!».

Путилов.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 43—44.

Письмо А. П. Извольского В. Н. Коковцову
19 августа 1906 г.

Милостивый государь Владимир Николаевич,
Японский посланник в С.-Петербурге обратился ко мне, по поручению своего правительства, с ходатайством о передаче последнему в дар нижесле-

дующих шести подлинных договоров, заключенных между Россией и Китаем:

- 1) Конвенция, заключенная 15 марта 1898 года, об отдаче в арендное пользование Порт-Артура, Талиенвана и прилегающей территории,
- 2) Дополнительный протокол по тому же предмету, подписанный 25 апреля 1898 года,
- 3) Соглашение относительно разграничения арендованной территории,
- 4) Концессия, заключенная 16 августа 1896 года на постройку и эксплуатацию Китайской Восточной железной дороги,
- 5) Дополнительный договор от 24 июня 1898 года о сооружении и эксплуатации южно-маньчжурской ветви.
- 6) Соглашение и правила относительно железных дорог в провинциях Финтянской, Гиринской и Хэйлунцзянской.

Принимая во внимание, что первые три договора не имеют для нас в настоящее время какого-либо практического интереса, так как относятся всецело до аренды территории, отошедшей по Портсмутскому договору в пользование Японии, я не находил бы препятствий к передаче подлинных текстов договоров японскому правительству, тем более что со стороны правительства богдыхана уже последовало официальное уведомление о согласии на передачу японцам арендованной в 1898 году территории.

Напротив того, я полагал бы, согласно с мнением посланника в Пекине, с коим было сделано сношение по этому поводу, нежелательным передать японскому правительству договоры, перечисленные в остальных трех статьях и касающиеся железнодорожных предприятий в Маньчжурии, так как в них заключаются обязательства, поныне еще связывающие китайское правительство по отношению к нам.

Предварительно, однако окончательного решения этого вопроса имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне ваше заключение по сему предмету.

Примите, и проч.

Извольский.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 29—30.

Письмо В. Н. Коковцова А. П. Извольскому

Секретно.

Милостивый государь Александр Петрович,

Письмом от 19 сего августа ваше превосходительство изволили просить моего заключения по вопросу о передаче Японии некоторых подлинных договоров, заключенных нами с Китаем.

Вследствие сего, имею честь сообщить вам, милостивый государь, что я присоединяюсь к мнению вашему о том, что договоры, касающиеся аренды нами Квантунской области, не представляют для них никакого практического значения и могли бы быть переданы японскому правитель-

ству. При этом я, однако, затрудняюсь высказаться о том, насколько удобно произвести такую передачу непосредственно японцам, и не представлялось ли бы более корректным по отношению к китайскому правительству предварительно снестись с ним по данному предмету.

Что же касается договоров о железных дорогах в Маньчжурии, которые содержат обязательства, донныне связывающие китайское правительство по отношению к нам, то на мой взгляд означенные договоры следует признать не подлежащими передаче японскому правительству.

Примите, м. г., и пр.

В. Коковцов.

30 августа 1906 г.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 30.

Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову

27 августа (9 сентября) 1905 г.

Сегодня в первый раз имел деловой разговор с Морганом, который, по общему мнению, самая солидная денежная сила в Америке, таковой признается в высших финансовых сферах Европы и к тому же, во все время войны не принимал и не желал принимать никакого участия в делах Японии. Он находит, что Америка в последнее пятилетие начала делаться мировым банкиром, каковыми операциями прежде не занималась, что при том огромном росте свободных капиталов, который будет еще увеличиваться, скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира. Полагая, что это мнение имеет некоторое основание, я, со своей стороны, во всяком случае, нахожу, что России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу в действиях. Прежде мне это не удавалось — теперь наступило время, когда это возможно достигнуть. Для этого, по основательному мнению Моргана, нужно прежде всего приучить публику к русским фондам. Для сего было бы неудобно на первый раз делать специальный заем в Америке. Сначала она должна лишь принять серьезное участие в русском интернациональном займе. Когда таким путем русские фонды войдут в оборот, то легко будет, по мнению Моргана, делать большие специальные русские займы в Америке. Поэтому предлагает принять широкое участие в займе вместе с французами или с немцами, или одновременно и с теми и другими, последнее по моему мнению едва ли достижимо, и, со своей стороны, привлечь к операции и Лондон, где он имеет прямые связи. Он находит, что при первой операции нужно дать специальные выгоды американскому рынку. Затем он мне сказал, что, впрочем, мне было хорошо известно, если пожелаем его участия, то он в отношении Америки никаких других банкиров не допускает, желая все принять на свою ответственность и, конечно, рассчитывает, что раз начинаю переговоры с ним, то не будут в Америке вести переговоры с другими — покуда будут делать операции с ним, не будут иметь дела с другими. Он полагает, что операцию в Аме-

рике удобно делать в начале следующего года, когда деньги дешевеют, но, если нужно, то готов принять участие и ранее. Для этой цели он готов сам лично приехать в Европу для переговоров с банкирами и вашими уполномоченными или прислать Перкинса. Во всяком случае он готов вступить по этому предмету в предварительные переговоры с вами. Все изложенное я приму во внимание при предварительных переговорах согласно вашему желанию в Париже. Ввиду такого положения дела Шипов выедет со мною во вторник.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6. С. 46—47.

Донесение А. И. Распопова В. Н. Коковцову

27 августа 1905 г.

Шанхай

Его высокопревосходительству господину министру финансов.

В дополнение к секретным телеграммам моим от 18 и 27 сего августа, о крайнем негодовании, с которым встречены в Японии условия мира, спешу довести до сведения вашего высокопревосходительства, что волнения принимают все более серьезный и повсеместный характер. Насколько можно судить по отрывочным сообщениям из Японии, по тону прессы и по отзывам американцев и англичан, бегущих сюда из Японии, общее озлобление действительно очень сильно и направлено не только против японских делегатов, подписавших договор, но и еще более — против Америки и Англии. Обеим этим державам ставится в вину то, что они в свое время много потрудились для создания войны, а теперь будто бы оказали давление, дав Японии понять, что дальнейшие займы ее не пройдут, если не будет заключен мир, хотя бы этот последний и отнимал у Японии самые заветные ее мечты.

Как я осмелился предположить в телеграмме от 18 сего августа, дело сразу же вступило в ту область правонарушений, насилия и крайностей, которая так свойственна японской природе и которая лучше всяких рассуждений обрисовывает истинный характер ее пресловутой цивилизации. Еще до объявления условий мира уже ходили очень недвусмысленные слухи о готовящихся демонстрациях и угрозы по адресу делегатов, в случае, если те не сумеют отстоять «законные права» Японии на всесветное унижение России. В день опубликования столица, а за нею и главные центры украсились флагами, приспущенными на полмачты. Многие были повязаны черным крепом. Повсюду — прокламации, призывающие к патриотическому протесту. Громадное большинство газет, а также протоколов партий и мелких политических и торговых корпораций, требовали достойного наказания «виновных» делегатов, подачи петиций императору об уничтожении позорного мира, спешной и усиленной мобилизации новых армий, возобновления самых решительных военных действий. Редакция газеты «Кокумин», попытавшаяся влиять на массу в несколько более умеренном тоне,

была разгромлена. В парке Хибия, между дворцом и парламентом, произошла многотысячная сходка. Ни предупредить ее, ни рассеять толпы полиции не удалось. В происшедшем побоище было много жертв, и разъяренная толпа, сделав министра внутренних дел ответственным за поведение полиции, разрушила (по другим сведениям — сожгла) его дом. В Шанхае получено известие, будто нападению подверглась и английская миссия в Токио, а сам посланник убит. Хотя по сие время подтверждения этого насилия не получено, но возможность появления подобного известия в закупленных японцами английских газетах красноречиво говорит о серьезности создавшегося положения. Среди англосаксонских обитателей Японии и случайных туристов произошла паника; все гостиницы Шанхая получили по телеграфу требования удержать для них все свободные номера.

Японское правительство, по-видимому, еще не остановилось на определенном плане действий; но имеются сведения, которые позволяют предполагать, что оно как будто предвидит неизбежность уступки перед оппозицией: так, например, 17-ая дивизия спешно сформирована, доставлена к месту посадки и головные ее части чуть ли не высаживаются уже на материке. [...]

Распопов.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 3—5.

Телеграмма Н. П. Линевича В. Н. Коковцову

2 сентября 1905 г.

Годзядян

Вместе с сим прошу генерала Палицына по докладу государю императору безусловно настаивать на присоединении к нашему участку жел.-дор. станции и города Куанчэнцзы ввиду того, что этот пункт составляет главный складочный и торговый пункт и узел дорог Гиринской провинции. Прошу также и вас поддержать мое представление об удержании за нами Куанчэнцзы, необходимого для нас по военным соображениям, столь же необходимого и в торговом отношении и тем более что, кажется, нами выговорено у китайского правительства согласие на проведение нами ветки от Куанчэнцзы до Гирина. По изложенному не откажите меня уведомить.

Главнокомандующий Линевич.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 7.

Сопроводительное письмо к записке

П. Унтербергера В. Н. Коковцову

Конфиденциально.

Милостивый государь Владимир Николаевич!

В газетах появилось известие, что дальнейшая отправка войск на Дальний Восток, ввиду подписания мирного договора в Портсмуте и заключе-

ния перемирия приостановлена. Так как степень достоверности этих сведений не установлена, а равно не приведены побудительные к тому причины, если этот факт действительно имеет место, то я позволяю себе представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства записку, касающуюся могущих быть последствий перемирия с Японией.

В основу записки положен нравственный облик того народа, с которым нам пришлось вести войну и с которым мне близко приходилось знакомиться во время моей многолетней службы на Дальнем Востоке.

Покорнейше прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

П. Унтербергер.

4 сентября 1905 г.

Записка по поводу могущих быть последствий перемирия с Японией

Характерной чертой политики Японии за последнее время являлись непомерное самомнение и стремление во что бы то ни стало занять первое место на Дальнем Востоке.

Для этого впереди всего, независимо от территориальных приобретений, требовались крупные средства, но ждать таковых от постепенного нормального развития сил страны, Японии, по-видимому, показалось слишком медленным и в то же время опасным, ввиду быстрого роста сил России на берегах Тихого океана, а потому она и решилась вступить на путь военных предприятий.

В этих видах, надо полагать, была начата Китайская война, которая не обманула Японию в своих расчетах, дав ей возможность создать сильные армию и флот, необходимые для борьбы с Россией.

За счет последней, вероятно, предполагалось довершить здание великой японской державы.

На этот раз Япония ошиблась. Хотя и военные успехи были на ее стороне, но того именно, что ей требовалось — денежных средств в виде контрибуции, — она не получила. Неудача эта ясно сознается японским правительством и народом, не скрывающими свое глубокое разочарование и недовольство по поводу исхода войны. Мало того, правительству и народу должно быть также ясно, что если в настоящую войну, которая велась при наиболее выгодных условиях для них и наиболее невыгодных для нас, японцы не достигли намеченной главной цели, то, очевидно, шансы на успех при будущем столкновении должны перейти на сторону России, раз она проложит второй железнодорожный путь до Владивостока и примет заблаговременно другие необходимые меры для усиления там своего положения. Но тогда и мечты Японии вершить судьбы народов на крайнем востоке будут лишены реальной почвы.

Трудно верить, что Япония помирится с таким нежелательным для нее

положением и не приложит все старания к изменению его, насколько возможно, в свою пользу. Поэтому нам следует быть особенно осторожными, помня, что мы имеем дело с народом, среди которого шпионство, в разных его видах, доведено до совершенства и считается гражданскою доблестью, с народом чрезвычайно хитрым, настойчивым и неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей.

Ближайшей же целью его, как нужно полагать, будет стремление ослабить значение для нас намеченных мирных условий.

Для этого Японии прежде всего нужно выиграть время, т. е. оттянуть вопрос о ратификации мирного договора, дабы, пользуясь неопределенностью положения во время перемирия, увеличить, насколько возможно, свою боевую готовность на театре военных действий, причем мы даже не будем знать о полученных неприятелем подкреплениях, так как высадка войск в многочисленных портах Ляодуна и Кореи не поддается никакому с нашей стороны контролю.

Последний период сухопутной войны доказал, что японский главнокомандующий не считает себя достаточно сильным, чтобы атаковать нашу армию с верным расчетом на успех.

Если же ныне, по заключении перемирия, усиление армии нами будет приостановлено, а японцами будет продолжаться, то в скором времени на их стороне может оказаться решительный перевес, и они не замедлят этим воспользоваться. Относительно предлогов к предъявлению к нам новых требований и в случае отказа к возобновлению военных действий, Япония тогда едва ли будет стесняться; достаточно уже правительству выставить основанием отказ народа принять выработанные портсмутской конференцией условия.

Выигрыш времени выгоден для Японии также и по следующей психологической причине. Русская публика уже свыклась с мыслью о мире и когда, вследствие новых домогательств Японии, вновь возникнет опасность возобновления войны, то опять начнутся радикальной партией газетная кампания и пропаганда в пользу мира во что бы то ни стало, хотя бы при условии новых уступок Японии.

Поэтому я глубоко убежден, что нам следует, не покладая рук, продолжать с прежней энергией все военные приготовления и исполнение нашей действующей армии до тех пор, пока у нас не будет прочных гарантий, что японцы не могут получить над нами перевеса.

Те лишние средства, которые могут на это потребоваться, окупятся стоицей укреплением нашей силы на Дальнем Востоке, в тот момент, когда от нее может зависеть многое.

Не следует также забывать, что если мы ныне, в расчете на мир, приостановим военные приготовления, а затем война все-таки вновь разразится при неблагоприятных для нас условиях, или нам по тем же причинам придется сделать новые уступки Японии, то, несомненно, неблагоприятные элементы воспользуются этим, дабы вызвать взрыв негодования по всей Рос-

сии, что может в свою очередь иметь в особенности для внутреннего ее состояния самые тяжелые последствия.

Генерал-лейтенант Унтербергер.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 7—10.

**Телеграмма В. Н. Коковцова Н. П. Линевичу
6 сентября 1905 г.**

Вполне согласен с мнением вашим о желательности присоединения к нашему участку железной дороги станции и города Куанчэнцзы, сделаю для достижения этого все от меня зависящее, лишь только по возвращении статс-секретаря Витте ознакомлюсь с постановлением мирного договора по этому предмету.

Коковцов.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 10.

**Телеграмма статского советника Давыдова
на имя директора канцелярии министра финансов
9 (22) сентября 1905 г.
Пекин**

Ввиду предстоящих переговоров между Японией и Китаем по вопросам, из условий мира вытекающим, японцы уже ныне путем устного распространения слухов и печатания тенденциозных статей в китайских газетах начинают инспирировать здешнее общественное мнение в свою пользу. В этом смысле обращают на себя внимание, между прочим, стремления японцев касательно наилучшего способа улажения вопроса о южно-маньчжурской ветви Китайской Восточной ж. д. Судя по сведениям издаваемой японцами в Пекине газеты «Шунь-тянь-ши-бас», таковым способом является, конечно, выкуп этой линии Китаем. Так как, однако, для этого Китаю, по вычислениям газеты, потребовалось бы до 34 000 000 лан, каковой суммой он в настоящее время не располагает, то ему по необходимости пришлось бы прибегнуть к внешнему займу под залог линий. Заключение же такого займа угрожало бы опасностью негласного участия в нем посторонней державы, под которой разумеется, конечно, Россия, и Китай предоставил бы ей таким образом снова возможность вмешательства в его дела с последствиями, тождественными с настоящими. Но, конечно, никакой опасностью не угрожает улажение денежных дел по выкупу линии непосредственно между Японией и Китаем. Другим способом был бы выкуп вообще всех линий Китайской Восточной железной дороги, причем в таком случае не было бы и опасности заключения внешнего займа, так как, возвратив себе Китайскую Восточную железную дорогу, Китай тем же самым лишил бы Россию средств вмешательства. Действительно, как сообщают из других ис-

точников, решение вопроса также в этой форме составляет будто бы один из предметов обсуждения возложенных китайским правительством на Юань-шикая в связи с поручением ему выработки программы будущих переговоров с Японией. Не имея возможности основательно удостовериться в справедливости этого слуха, я счел тем не менее необходимым своевременно сообщить о нем нашему поверенному в делах, до сведения которого довел также крайне тенденциозное сообщение о разговорах между китайцами касательно заключения союза между Японией и Китаем и о приглашении сим последним маршала Ямагата стать во главе реорганизации китайской армии.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 10—11.

Телеграмма В. Н. Коковцова Н. П. Линевицу

По возбужденному вашим высокопревосходительством вопросу о настоянии перед японским правительством об оставлении за нами станции Куанчэнцзы, главным образом в виду возможности соединения рельсовым путем с Гирином, особое совещание, по высочайшему повелению образованное, признало, что сама по себе станция Куанчэнцзы особого значения не представляет, хотя нам и надлежит настаивать на сохранении ее за нами, как находящейся в нашем владении. По вопросу же о соединении с Гирином совещание пришло к заключению, что уступка Японии южной ветви побуждает нас стремиться соединить Гирин с железной дорогой не в Куанчэнцзы, а в направлении к северу для устранения излишнего протяжения пути. Китайской дороге предлагается негласным путем сообразить этот вопрос, и посланнику в Пекине будет указано в удобную минуту приобрести концессию от китайского правительства, которое не утвердило ранее составленного об этом соглашения. Заключения совещания на сих днях представляются государю императору. Настоящая телеграмма посылается по соглашению с военным министром и начальником генерального штаба.

Министр финансов статс-секретарь Коковцов.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 12.

Журнал совещания

21 сентября 1905 г.

для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Присутствовали: председатель комитета государственной обороны е. и. в. в. кн. Николай Николаевич; председатель комитета министров д. т. с. статс-секретарь гр. Витте; министр финансов статс-секретарь Коковцов; военный министр генерал-лейтенант Редигер; морской министр вице-адмирал Бирилев; начальник генерального штаба генерал-лейтенант Палицын и

товарищ министра иностранных дел шталмейстер выс. двора князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Статс-секретарь граф Витте заявил, что заключенный в Портсмуте договор составлен был в общих выражениях, причем многих вопросов упоминенные вовсе не касались, чтобы не усложнять дела. Это дает повод к различному пониманию некоторых постановлений договора. Поэтому государь император повелел, во избежание недоразумений и переписки между ведомствами, собраться представителям заинтересованных в исполнении договора министерств и условиться о том, как понимать различные постановления договора. — Ввиду сего граф Витте предлагает членам совещания заявить, есть ли у них какие-либо сомнения относительно статей договора.

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что во второй статье договора, где постановлено ограничение военных мероприятий на корейской границе, не обозначено, какого района касается это ограничение, например, распространяется ли оно на Ново-Киевский район или только на берег реки Тумена.

Статс-секретарь граф Витте пояснил, что во время переговоров район этот в точности не определялся, имелась в виду ближайшая к границе местность. Поэтому казалось бы желательным, в особенности в первое время по вступлении договора в силу, не возводить укреплений в полосе, прилегающей к самой границе, на расстоянии от нее приблизительно верст десяти.

Великий князь Николай Николаевич выразил эту мысль таким образом, что, следовательно, мы не должны принимать таких мер, при которых корейская граница оказалась бы «под обстрелом наших батарей».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, каково будет на основании Портсмутского договора положение Кореи относительно Японии и положение русско-подданных в Корее?

Статс-секретарь граф Витте высказал следующее: «во исполнение высочайших указаний, я во время переговоров исходил из того положения, что наши права в Корее должны быть одинаковы с правами других держав. И в инструкции, которою я был снабжен от министерства иностранных дел, проводится та мысль, что вопрос о положении Кореи есть вопрос международный, который может быть решен только в зависимости от того, как к нему отнесутся другие державы. Взгляд Англии мы теперь знаем из текста нового англо-японского договора, но казалось бы желательным, чтобы министерство иностранных дел запросило по сему предмету и другие правительства, в особенности североамериканское».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий сообщил, что министерство иностранных дел имеет в виду назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратиться к державам с запросом тотчас по ратификации договора.

Статс-секретарь граф Витте: «Во всяком случае суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен и, если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать. Окончательное выяснение этого вопроса не может замедлиться. Он по необходимости будет возбужден самим

корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелдинский-Мелецкий: «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание с тем, чтобы впоследствии взыскать его с корейского правительства».

Статс-секретарь граф Витте: «Независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россией и Японией, так как это вопрос международный».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, насколько англо-японский договор может касаться дальнейшей политики России и был ли он принят во внимание при портсмутских переговорах.

Статс-секретарь граф Витте: «Из частных источников мне было известно в Портсмуте, что между Англией и Японией идут переговоры. Опасаясь каких-либо неожиданностей с этой стороны, я тогда же запросил министра иностранных дел. Он ответил, что сносился уже с послом нашим в Лондоне, но что получить точных сведений о переговорах не оказалось возможным. В бытность мою во Франции, а затем и в Германии я убедился, что и французская, и германская дипломатия столь же мало осведомлена о ходе лондонских переговоров. Самый текст договора я получил от графа Бенкендорфа перед отъездом из Парижа. Что касается влияния англо-японского договора на русскую политику, то это слишком большой и сложный вопрос, чтобы говорить о нем здесь».

Генерал-лейтенант Палицын: «Согласно договору русские и японские войска должны тотчас по ратификации начать эвакуацию Маньчжурии, но о Корее ничего не сказано. Это может вызвать недоразумения. Я уже телеграфировал главнокомандующему, что наши войска должны быть выведены из Кореи на левый берег Тумына, но японские войска могут ли остаться?»

Статс-секретарь граф Витте: «Ход переговоров по этому вопросу был следующий: японские уполномоченные представили план эвакуации и требовали, чтобы подробные правила по сему предмету были приложены к самому договору. Этот проект я отверг на том основании, что ни я, ни мои сотрудники по военной части окончательного заключения в Портсмуте дать не могли, требовалось сношение с военным министерством и с главнокомандующим, что затянуло бы дело. Соответственно этому японцы взяли свой проект обратно и предложили нам представить план эвакуации. Я счел возможным высказать им только главные основания, а именно общий срок эвакуации и равномерность отвода войск, требуя, чтобы подробности были выработаны на месте командующими армиями. Тогда японцы представили свой проект, в котором было прямо сказано, что все японские войска из Маньчжурии отходят на арендованную территорию и в Корею. В переговорах с бароном Комурой я высказал, что не могу согласиться на такое постановление в договоре, так как отвод японской армии в Корею может встре-

вожить все державы и служить угрозой миру на Дальнем Востоке. Барон Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено. Я более не настаивал, потому что это общий международный вопрос, в котором одинаково заинтересованы другие державы. И вот объяснение того, что в договоре об этом не упомянуто. Перед отъездом из Америки, когда отношения наши с японцами приняли более спокойный характер, я спросил барона Комуру в частной беседе, предполагают ли японцы держать в Корее большое количество войск, на что он ответил, что на это у них нет средств и что там, конечно, будет оставлено возможно меньшее количество вооруженных сил. В заключение считаю долгом высказать свое мнение, что нам надлежит, до выяснения обстоятельств, держать в южноуссурийском крае возможно большее количество войск».

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что для наших войск, расположенных в южноуссурийском крае, будет весьма неудобно присутствие японских войск в северной Корее, не только в стратегическом, но и в хозяйственном отношении. Дело в том, что весь скот для продовольствия войск южноуссурийского района идет из Кореи. Подвоз его будет до крайности затруднен, если там будут находиться японские войска. Поэтому было бы желательно путем дипломатических сношений повлиять, чтобы японцы отвели свои войска из северных районов Кореи в более южные, тем более что и топографические и климатические условия северной Кореи являются для квартирования войск крайне неудобными.

Статс-секретарь граф Витте разъяснил, что возбуждение теперь подобного вопроса несвоевременно, но что когда будет назначен в Японию наш посланник, и если он сумеет установить с японским правительством хорошие отношения и внушить к нам доверие, тогда, вероятно, все подобные вопросы будут улаживаться без особых затруднений.

Генерал-лейтенант Палицын, обращаясь к вопросу об уступке Японии, по ст. 6 договора, южноманьчжурской железнодорожной ветки от Куанчэнцзы до Порт-Артура, просит разъяснения, кому будет принадлежать самая станция Куанчэнцзы, каковой вопрос уже поднят был и главнокомандующим.

Статс-секретарь граф Витте: «Вопрос о принадлежности станции на Портсмутской конференции не обсуждался. С точки зрения технической очень трудно решить теперь, насколько эта станция необходима или возможно построить другую; об этом придется говорить в связи с обсуждением вопроса об установлении прямого сообщения между японскими и нашими линиями. Но из того, что о принадлежности станции Куанчэнцзы на конференции не возбуждалось вопроса, логический вывод тот, что станция эта остается за теми, кто ею владеет, т. е. за нами. Самый факт владения ею дает нам некоторые права. Главнокомандующему надлежало бы ответить на его запрос, что когда он приступит к передаче японцам железнодорожной линии, то такая передача должна быть произведена только до станции,

судьба коей будет выяснена в зависимости от технических и других соображений».

Вещание вполне соглашается с таким мнением и предлагает министру финансов ответить генералу Линевицу по соглашению с военным министром.

Статс-секретарь Коковцов обращает внимание на другую сторону этого вопроса. Станция Куанчэнцзы, по его мнению, не представляет большого значения для дороги, потому и принадлежность ее японцам или нам не имеет решающего значения; она может быть перенесена к северу или к югу в зависимости от технических соображений. Гораздо больше значения имеет город Куанчэнцзы, но о нем не может быть речи, так как он должен быть передан Китаю. Центром тяжести всего вопроса надо признать то, что от станции Куанчэнцзы идет торговый тракт на Гирин. Главнокомандующий упоминал об этом, а также о праве нашем на железнодорожную ветку между Куанчэнцзы и Гирином. По этому поводу статс-секретарь Коковцов считает долгом напомнить, что договор на постройку этой ветки действительно был заключен, но не утвержден китайским правительством. Вопрос о том, кому будет принадлежать эта ветка, является самым существенным, вот почему и японцы обратили на него серьезное внимание. Казалось бы поэтому, что, не придавая решающего значения вопросу собственно о станции Куанчэнцзы, нам следует безотлагательно озаботиться ограждением наших интересов в смысле принятия мер к обеспечению за нами возможности соединить с Восточно-Китайскою железнодорожною магистралью город Гирин, как центр целой огромной области, представляющей выдающееся экономическое и политическое значение.

Статс-секретарь граф Витте соглашается с этим мнением и излагает ход переговоров по сему предмету в следующих выражениях: «Японцы предъявили требование об уступке им всей линии до Харбина и твердо стояли на этом во все время переговоров. Я доказывал, что наиболее справедливым пунктом раздела линии был бы тот, который отделяет фактическое владение японцев от нашего, и указывал на Гунчжулин, как на более подходящий пункт. После долгих споров японцы предложили взять реку Сунгари в том месте, где она второй раз пересекается железною дорогою к югу от Харбина, как самый естественный раздельный пункт. Когда же я предложил Куанчэнцзы, они сейчас возбудили вопрос о том, кто будет строить железнодорожную ветку на Гирин. Я ответил, что не знаю, есть ли там ветка. Барон Комура заявил, что нет. Тем не менее я запросил по телеграфу и после получения отрицательного ответа продолжал переговоры по этому предмету. Японцы настаивали, чтобы мы им предоставили постройку ветки, соглашаясь на этом условии признать Куанчэнцзы раздельною станцією. Я ответил, что это—дело Китая. Если Китай разрешит им строить ветку, то мы не встретим к тому возражений, но давать такого разрешения не можем. Особенного значения этой ветке при переговорах я не придавал, во-первых, потому что если японцы будут ее строить, то и за нами сохраняется право строить всякую другую ветку на соединение нашей дороги с Гирином, во-

вторых, потому что с переходом южно-маньчжурской линии к японцам наш путь в Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера. В отыскании такого пути и постройке соответствующей железнодорожной ветки заключается главная наша задача в этом вопросе».

Совещание единогласно признало правильность такого взгляда, причем было, между прочим, высказано мнение, что наиболее естественный путь в Гирин лежит через город Нингуту или же по реке Сунгари и что выяснение этого вопроса надлежит поручить Китайской Восточной железной дороге, а затем уже обратиться по сему предмету к министру иностранных дел, для сношения с китайским правительством.

Генерал-лейтенант Палицын обращает внимание совещания на ст. 7 договора о том, что железные дороги в Маньчжурии должны эксплуатироваться исключительно с экономической, а не стратегической целью, и что изъятие из этого правила, сделанное для линии, проходящей по Ляодунскому полуострову, дает Японии более выгодное стратегическое положение, чем России.

Статс-секретарь граф Витте: «При переговорах мы исходили из того положения, что концессия наша относительно способа эксплуатации Маньчжурской железной дороги находится в полной силе. Уже по этой концессии мы обязаны пользоваться дорогою в коммерческих, а не военных целях, а в случае необходимости перевозить и военные запасы во Владивосток, везти их транзитом, не выгружая в Маньчжурии. Но это обстоятельство касается наших отношений с Китаем, а не с Япониею. Японцы сначала очень настаивали на всевозможных ограничениях наших прав пользования дорог, подозревая, что когда пойдет речь об участке, который отходит, я потребую тех же ограничений для них, на основании строгой взаимности. Такое требование было им очень неприятно, но им пришлось уступить; и тогда они прежнюю более резкую редакцию этой статьи смягчили. — Что касается права их пользоваться для военных южным участком дороги, пролегающим по арендованной территории, и устраивать там стратегическую базу, то я на это указывал при переговорах. Японцы мне на это ответили, что мы имеем возможность устроить такую же базу в южно-уссурийском крае, лежащем ближе к Харбину и другим центральным пунктам, чем Ляодунский полуостров. Вообще новое положение вещей вызывает необходимость постепенно оборудовать двойной путь на наших дорогах окраины и вообще принять необходимые меры в пределах империи. Что касается запасов и складов, имеющих в Харбине и других пунктах вдоль железной дороги, то казалось бы, что они могут остаться. Подвозить же новые запасы, имеющие чисто военный характер, надлежит с большою осторожностью и даже в первое время вовсе таковых не подвозить, а затем руководствоваться обстоятельствами и тем, как будут действовать сами японцы». Вице-адмирал Бирилев указывает на то, что редакция 9 статьи о свободе Лаперузова и Татарского проливов не вполне и возбуждает сомнение в том, могут ли японцы, а также можем ли мы строить какие-либо укрепления по берегам этих проливов?

Статс-секретарь граф Витте разъясняет, что ограничение права относи-

тельно острова Сахалина совершенно ясно и несомненно. «Что же касается воспреещения японцам строить укрепления на южном берегу Лаперузова пролива, т. е. на острове Иезо, то редакцию этого ограничения по необходимости пришлось оставить несколько неясною, потому что если бы мы возбудили вопрос о более точном ее изложении, то японцы тотчас потребовали бы категорического ограничения нашего права относительно территории Приморской области, омываемой Татарским проливом. Между тем для нас, по заключению моих сотрудников по военно-морской части, гораздо важнее сохранить свободу действий на нашей территории, чем добиться воспреещения японцам строить укрепления на Иезо ценою отказа от такой свободы действий. Поэтому я и решил оставить редакцию этой статьи, поскольку она не касается Сахалина, несколько неопределенной».

Вице-адмирал Бирилев возбуждает вопрос — имеем ли мы право занимать и устраивать другие базы по Тихоокеанскому побережью, кроме Владивостока?

Статс-секретарь граф Витте поясняет, что никакого ограничения в этом отношении в Портсмутском договоре нет.

По вопросам о захвате японцами до войны нескольких коммерческих судов, а равно о желательности для нас устройства вдоль реки Тумына, на корейской территории, нейтральной полосы, возбужденных вице-адмиралом Бирилевым, статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что обсуждение их подлежало бы отложить до тех пор, когда в Японии будет наш посланник.

Статс-секретарь Коковцов, обращая внимание совещания на первую дополнительную статью, а именно на ту часть ее, где говорится о праве обеих договаривающихся держав иметь стражу для охраны их железных дорог в Маньчжурии, возбуждает вопрос о том, из каких войсковых частей будет состоять эта стража; будет ли эта обязанность возложена по-прежнему на замурский округ пограничной стражи или же на какие-либо другие войска?

Статс-секретарь граф Витте: «С точки зрения переговоров с Япониею этот вопрос не имеет значения; мы можем содержать на линии железной дороги войска какого угодно оружия, лишь бы количество их соответствовало договору, причем я высказываюсь за то, чтобы была оставлена по-прежнему пограничная стража. Но с точки зрения нашего внутреннего управления этот вопрос имеет существенное значение, и я намерен поставить его гораздо шире. Независимо от 15 человек на километр, нам необходимо иметь целый штат военных в качестве служащих на железной дороге — начальников станций, стрелочников, кондукторов и проч., которые носили бы партикулярное платье, но представляли бы стройную организацию и могли бы при первой необходимости составить определенную воинскую часть. Японцы давно пользуются этим средством. До войны было в Маньчжурии и Сибири множество японских офицеров, которые не гнушались различными промыслами для достижения военных задач. То же самое было на Мадагаскаре, когда там стояла эскадра адмирала Рождественского. Я считал бы очень важным выработать и у нас соответствующую систему».

Великий князь Николай Николаевич замечает, что мысль эта бесспорно представляет громадное значение и что ее следует иметь в виду, так как при надлежащей постановке и правильном развитии подобная система может дать большие результаты. Но в настоящий момент едва ли своевременно возбуждать этот вопрос, так как он зависит от того, какую общую директиву благоугодно будет его императорскому величеству преподать для дальнейшего направления нашей политики на Дальнем Востоке.

По вопросу о том, кому должна быть подчинена железнодорожная стража, военный министр высказал следующую мысль: «Возложение охраны дороги, по-прежнему, на пограничную стражу представляется весьма желательным. Она привыкла к этому делу, приспособилась к местности и обстоятельствам, притом же зарекомендовала себя во время войны очень хорошо в боевом отношении. Но не будет ли правильнее и удобнее передать пограничную стражу в ведение военного министерства. Командование военной частью затруднительно и несвойственно министерству финансов. Высшая организация отдельного корпуса пограничной стражи в настоящее время приспособлена для задач, имеющихся преимущественно на западной границе. Гораздо правильнее было бы подчинить заамурский отдел высшему начальнику — генералу, который, в свою очередь, был бы подчинен ближайшему генерал-губернатору. В противном случае хорошие боевые качества этой части войск, приобретенные во время войны, могут в мирное время утратиться. По этим соображениям я полагал бы, оставив охрану железной дороги по-прежнему на обязанности пограничной стражи, заведывание этой стражей передать в военное министерство».

Статс-секретарь граф Витте: «Хотя я теперь не министр финансов и пограничная стража мне не подчинена, но я должен заметить, что передача ее в военное ведомство представляла бы большие неудобства. Все стороны жизни пограничной стражи тесно связаны с железною дорогою. Начальник дороги — военный; надо стремиться к тому, чтобы и остальные служащие были по преимуществу военные, хотя бы и не носили военного платья, и чтобы весь штат был объединен под одною сильною властью. Необходимо иметь в виду, что вся материальная часть, касающаяся обмундирования, расквартирования, пайка и др. — зависит ныне от железной дороги и происходит на совершенно иных основаниях, чем в остальных воинских частях. Здесь приходится считаться с особенностями службы пограничной стражи, разбросанной на большом пространстве по два, три человека. Поэтому насколько справедливо предложение военного министра с точки зрения командной, настолько неудобно в хозяйственном отношении; пришлось бы все переделывать, что едва ли желательно. Притом, если пограничная стража будет подчинена военному ведомству, а состав железнодорожных служащих останется в подчинении железнодорожной администрации, то это создаст повод для бесконечных недоразумений и пререканий между отдельными лицами в ущерб общему делу. Во избежание такого положения необходимо было бы принять ныне одну из схем, предлагавшихся до войны, и установить, что пограничная стража во всем, что касается ее хо-

жизнь (жизнь-быть), должна оставаться по-прежнему в заведывании железнодорожной администрации и министерства финансов, что же касается военной части, то в этом отношении она должна быть в известной мере подчинена местной высшей военной власти — генерал-губернатору или наместнику».

Статс-секретарь Коковцов заявил по этому поводу следующее: в экономическом отношении пограничная стража находится в полной зависимости от железной дороги, которая доставляет ей квартиры и отопление. Если она перейдет в военное заведывание, то всю заботу об этом должно будет взять на себя военное министерство. Другое, не лишенное важности, соображение состоит в том, что железная дорога руководствуется уставом на основании договора с Китаем. Не будет ли передача стражи в военное ведомство истолкована как нарушение этого договора? Наконец, как показал опыт войны, военное ведомство имеет и ныне сильное влияние на боевую подготовку пограничной стражи и на ее военно-учебную часть, несмотря на то, что во всех остальных отношениях она подчиняется министерству финансов. Вопросу о подготовке всего корпуса пограничной стражи и в особенности заамурского ее округа в боевом отношении всегда придавалось особое значение, и принятые в этом отношении до настоящего времени по министерству финансов меры обеспечивают за военным ведомством всю необходимую сферу влияния. По соглашению бывшего министра финансов статс-секретаря Витте с бывшим военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным установлен по этому предмету особый порядок, который и дал уже благие результаты. Хотя строевое обучение чинов пограничной стражи и боевая подготовка корпуса, как передового авангарда нашей армии, занимающего нашу границу, и отражается некоторым ущербом на непосредственных задачах пограничного надзора по предупреждению контрабанды, тем не менее собственно на военную подготовку стражи до сего времени никаких жалоб со стороны военного ведомства не поступало. В частности же боевая организация заамурского округа на виду у всех. Этот округ выполнил с честью выпавшую на его долю задачу: целый ряд оказанных государем императором этому округу милостей служит наглядным доказательством того, что подведомственность округа министерству финансов не отразилась каким-либо ущербом на его службе, как на охране дороги, так и на полях сражения.

Ввиду высказанных соображений, статс-секретарь Коковцов, оставаясь при убеждении о необходимости сохранить нынешнюю организацию пограничной стражи, просил совещание решить этот вопрос окончательно в ту или другую сторону, так как для министерства финансов важно знать в точности, какие у него будут в этом отношении впредь права и обязанности.

Генерал-лейтенант Редигер высказал по этому вопросу еще следующие соображения: если мы имеем право содержать по 15 человек на километр, то не все эти люди будут расставлены по километрам, а возможно большую часть их необходимо будет собрать в Харбин в виде его гарнизона и вместе с тем в виде резерва всей обороны железной дороги. Можно надеяться, что

в Харбине удастся иметь примерно 6—8 тысяч человек, что составит почти дивизию. Неудобно и ненормально, чтобы такая большая воинская часть находилась вне ведения военного начальства. В случае какой-либо опасности, когда прежде всего мосты будут разрушены и другие пути сообщения затруднены, этот гарнизон или отряд должен будет самостоятельно отстаиваться до прихода подкреплений. Это будет авангард. Поэтому необходима возможно большая милитаризация пограничной стражи, что невозможно без подчинения сильной военной власти. Будет ли она целиком передана в военное министерство или будет принято какое-нибудь среднее решение, зависит, конечно, от дальнейшего обсуждения.

Великий князь Николай Николаевич высказывает предположение о том, не найдут ли возможным министерства военное и финансов войти между собою в соглашение, чтобы то количество войск, которое нужно фактически для охраны железной дороги от нападения хунхузов и т. п. (охрана пути), было поставлено в ведение министерства финансов, а весь излишек войск, который предназначен для других военных задач, был бы подчинен военному министерству.

Статс-секретарь Коковцов высказывает по сему предмету, что выделение большого резерва будет затруднительно. С уходом войск пограничной страже придется нести тяжелую службу. Опыт последнего времени доказал необходимость постепенного увеличения состава пограничной стражи, который со времени постройки железной дороги доведен до 25 тысяч. Притом, если железная дорога в опасности, то достижение других стратегических задач затруднено. Охрана железной дороги является первою стратегическою задачей, которая требует достаточного контингента. Из-за нескольких тысяч человек, которых возможно было бы выделить, едва ли представляется целесообразным заводить отдельное хозяйство и отдельное командование.

Совещание постановляет оставить пограничную стражу в нынешнем положении, но предложить министрам финансов и военному войти между собою в соглашение относительно усиления влияния военного начальства на пограничную стражу в командном отношении, если в этом встречается действительная надобность.

Шталмейстер князь Оболенский заметил в виде справки, что количество стражи в 15 человек на километр является максимальным, что необходимо иметь в виду при расчетах. Китайское правительство уже обращалось к нам с протестом против такого количества стражи, указывая на то, что самое назначение ее, нарушая права и обязанности Китая по охране дороги и противореча духу железнодорожных соглашений, может дать повод к недоразумениям.

Придавая вопросу объединения власти при положении нашем в северной Маньчжурии, созданном Портсмутским договором, весьма важное значение, генерал-лейтенант Палицын высказался: не следует ли вообще дорогу и пограничную стражу подчинить военному ведомству, тем более что кроме пограничной стражи на дороге в настоящее время имеется 6 баталь-

онов железнодорожных войск. Если это неудобно, то и тогда ради сохранения указанного выше не только дорога, но и все на ней находящееся должно быть объединено в министерстве финансов.

Статс-секретарь Коковцов высказывает мнение, что вопрос о войсках заамурского округа, в виду самого положения железной дороги, которую они призваны охранять, представляется крайне щекотливым и что при разрешении его необходимо соблюдать большую осторожность.

Затем статс-секретарь Коковцов обращает внимание совещания на статью 6 договора, в силу коей Россия уступает Японии южно-маньчжурскую железную дорогу «со всеми правами, привилегиями, имущественною собственностью и угольными копями, принадлежащими железной дороге или разрабатываемыми в ее пользу (...)», и проект определенных указаний о том, как министерству финансов поступать впредь относительно затрагиваемых этою статьею концессий, и в частности относительно Фушунских копей. История этих копей такова. Еще до войны было образовано для их разработки китайское общество Хуан-Син-Ли, которое выпустило паи. Поэтому концессия на разработку Фушунских копей принадлежит частной китайской компании. $\frac{3}{4}$ акций этой компании были приобретены русско-китайским банком. Но так как банк по уставу не имеет права заведывать концессией, то бывший тогда министром финансов статс-секретарь Витте образовал маньчжурское горно-промышленное общество, которое и является почти полным собственником Фушунских копей. Дело усложняется еще тем, что в составе товарищества есть иностранные капиталисты. Во время войны Фушунские копи снабжали всю армию углем. Теперь они находятся в японских руках. Является весьма важным выяснить, как должно министерству финансов отнестись к этому вопросу: надлежит ли добиваться восстановления прав маньчжурского горно-промышленного общества или же надо поставить крест на все это дело.

Статс-секретарь граф Витте высказывает мнение, что вопрос этот должен быть рассмотрен юристами при участии представителей от министерств финансов и иностранных дел. А затем, если такая комиссия придет к заключению, что имеются достаточные основания для восстановления прав общества, то весь материал, выработанный комиссиею, мог бы быть передан министерству иностранных дел для надлежащего сношения с японским правительством через посредство посланника в Японии.

Статс-секретарь Коковцов, возбуждая вопрос о положении Китайской Восточной железной дороги, высказывает следующие соображения: «С самого начала войны возникал вопрос о том, правильно ли нахождение железной дороги в руках частного общества и не следует ли изменить такой порядок. Я в то время разъяснял невозможность и несвоевременность какого-либо изменения. Во время войны дорога вполне оправдала себя, находясь в заведывании частного общества. Между тем вопрос о судьбе дороги возник и до войны и во время ее и теперь вновь возбуждается. В виду сего весьма важно для руководства министерства финансов выяснить, каково должно быть административное положение дороги. Вопрос возникал с двух

сторон: не передать ли дорогу министерству путей сообщения или же в военное министерство. Проект передачи дороги в министерство путей сообщения объясняется тем, что министерство уже заведывает дорогами, прилегающими с двух сторон к Китайской дороге. Но если обратить внимание на особенности казенной эксплуатации железных дорог вообще, то станет ясным нежелательность передачи Китайской дороги министерству путей сообщения и возникает даже вопрос о желательности присоединения к Китайской железной дороге Уссурийской ветви, состоящей в ведении министерства путей сообщения. Что касается передачи ее военному министерству, то к этому нет решительно никаких оснований. Не касаясь тех всем известных обстоятельств, что находившаяся некогда и притом в течение многих лет в эксплуатации военного министерства Закаспийская железная дорога оказалась столь неудовлетворительно оборудованною и управляемою, что ее пришлось изъять из ведения военного министерства и передать в управление путей сообщения; справедливость побуждает заявить, что нахождение Китайской Восточной железной дороги в заведывании министерства финансов ни в чем не затруднило военного министерства; дорога провезла все поезда, какие требовались, всех людей и грузы, какие отправлялись, и приспособилась во всех отношениях к военным потребностям. Поэтому требование передачи дороги в военное ведомство является непонятным. Между тем самое возбуждение подобных вопросов мешает правильному ходу дела и притом вопрос этот затрагивает отношения с Китаем. Поэтому если мы дорожим соблюдением договоров и экономическим положением дороги, то казалось бы необходимым оставить ее в нынешнем положении, тем более что дороге суждено в ближайшем будущем осуществить важные экономические задачи в северном Китае, если только мы не станем нарушать правильного течения дел возбуждением вопросов, выдвигаемых действительно жизнью».

Статс-секретарь граф Витте: «В настоящее время нельзя и думать о передаче дороги в другое ведомство. Об этом сейчас же узнают за границею и выведут заключение, что мы имеем какие-либо особые замыслы. Тот факт, что железная дорога находится в руках частного общества, значительно облегчал переговоры в Портсмуте. Когда японцы указывали на то, что в Харбине у нас учреждена правительственная власть, я возражал, что это не правительственная власть, а законные распоряжения частного общества, действующего на основании концессии, полученной от китайского правительства, и что подобные же права может приобрести всякая другая компания, насколько они будут ей даны Китаем. Поэтому возбуждать теперь вопрос о передаче дороги в другое ведомство неудобно с точки зрения международной. Но необходимо принять меры, чтобы дорога, хотя и находящаяся в руках частного общества, соответствовала всем военным целям, потому что не подлежит сомнению, что эта дорога наиболее стратегическая из всех наших дорог. Так, например, можно назначить от военного ведомства второго члена правления дороги, можно также назначить на линии особых офицеров для заведывания передвижением войск».

В заключение вице-адмирал Бирилев заявил, что предстоит послать транспорт для доставления в разные порты Японии комиссаров по приему пленных и просил совещание высказать мнение, надлежит ли послать военное судно, придав этому первому после войны появлению русского флага известную торжественность или же это является неудобным.

Совещание признало более осторожным ограничиться на первый раз посылкою коммерческого судна под коммерческим флагом, если одно из таких успеет прибыть из Шанхая, в противном же случае послать посылное судно или транспорт под военным флагом.

Таким образом, особое совещание пришло к следующим заключениям:

1. Ограничение военных мероприятий на корейской границе, упомянутое в статье 2 договора, не распространяется на весь Южно-Уссурийский район, а касается лишь ближайшей к границе полосы, с таким соображением, чтобы граница не оказалась под обстрелом наших батарей.

2. Независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством; но взгляд других держав на этот вопрос желательно проверить путем зависящих сношений министерства иностранных дел.

Русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, какие там принадлежат другим иностранцам.

3. Новый англо-японский договор был обнародован после Портсмутского договора, поэтому при переговорах наших с японцами не мог быть принят в соображение.

4. Японское правительство отказалось включить в договор обязательства относительно количества своих войск в Корее. Поэтому, впредь до выяснения обстоятельств, нам надлежит держать в южноуссурийском крае достаточное количество войск.

5. Неудобство для нас нахождения, в особенности в северной части Кореи, японских войск может быть устранено только путем переговоров будущего нашего посланника с японским правительством, если между нами установятся доверчивые отношения.

6. Вопрос о том, кому будет принадлежать раздельная станция Куанчэнцзы на южно-маньчжурской железной дороге, при переговорах не возбуждался. Станция эта находится в наших руках, и вопрос о ней подлежит решению последующими переговорами.

7. Вопрос о праве сооружения железнодорожной ветки от Куанчэнцзы на Гири́н не имеет для нас существенного значения в виду того, что, с переходом южно-маньчжурской линии в руки японцев, наш путь на Гири́н будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера через Нингуту или по реке Сунгари.

8. Допуская некоторую неопределенность в редакции части статьи 9 договора о воспрещении укреплять берега Лаперузова и Татарского проливов, имелось в виду оставить за нами известную свободу действий относительно мероприятий на материке. Что же касается Сахалина, то возведение на его побережье каких бы то ни было укреплений для обеих сторон воспрещено.

9. Право императорского правительства устраивать базы на всем нашем Тихоокеанском побережье вне вод Татарского пролива договором не затроуто и не ограничено.

10. Вопрос о захваченных японцами до объявления войны коммерческих судах надлежит отложить до восстановления с Японией правильных дипломатических сношений.

11. Охрана Китайской Восточной железной дороги должна быть по-прежнему возложена на заамурский округ пограничной стражи, с оставлением его на прежних основаниях в заведывании министерства финансов, но с предоставлением военному начальству необходимой доли участия в надзоре за строевым обучением чинов округа и их боевою подготовкою.

12. Необходимо выработать и ввести у нас систему замещения некоторых должностей на Китайской Восточной железной дороге военными чинами, не носящими военной формы, но составляющими строго организованные кадры на случай мобилизации.

13. Для выяснения прав маньчжурского горно-промышленного общества на Фушунские угольные копи, захваченные японцами, надлежит поручить рассмотрение этого вопроса опытным юристам при участии представителей министерств финансов и иностранных дел, и в случае благоприятного их отзыва передать выработанный ими материал в министерство иностранных дел для сношений с японским правительством.

14. Возбуждение вопроса о передаче Китайской Восточной железной дороги из ведения министерства финансов в другое министерство ныне несвоевременно. Но необходимо принять меры, чтобы дорога соответствовала всем военным целям, как дорога стратегическая, для чего в случае надобности можно было бы усилить в правлении дороги представительство от военного министерства и назначить на линии офицеров для заведывания передвижением войск.

15. Для доставления в порта Японии русских комиссаров по приему военнопленных послать, в видах предосторожности, не военное судно, а транспорт или посыльное судно под военным флагом.

Журнал этот подлежит представлению через министра иностранных дел на высочайшее благовоззрение.

Подлинный подписан: граф С. Витте, В. Коковцов, А. Редигер, А. Бирелев, Ф. Палицын, князь В. Оболенский.

С подлинным верно: Делопроизводитель совещания ст. сов. Плансон.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 12—27.

Телеграмма Д. С. Покотилова графу Ламздорфу

18 (31) октября 1905 г.

Пекин

Вчера генералы Орановский и Фукушима подписали соглашение, в силу которого эвакуация войск начинается с флангов; войска отводятся в

25—30 верстные полосы по обе стороны железной дороги, к 18 декабря наши фланги должны быть введены в эту полосу до станции Шуан-мяо-цзы, японские — до Чантуфу; к 19 мая будущего года русские отходят до Гунчжулина, японцы до Телина; к 19 июля русские до города Куанчэнцзы, японцы до Мукдена; кроме того, обе стороны обязаны иметь ко 2 апреля не более 250 000 строевых, ко 2 октября не более 75 000 и ко 2 апреля будущего года закончить эвакуацию. Уступленная железная дорога передается соответственно — к 19 мая до Гунчжулина, к 19 июля остальная часть. Точное определение конечного северного пункта уступленной железной дороги следует дипломатическим путем. Пропуск лиц не китайцев, едущих в районы, занятые русскими и японскими армиями, решается с предварительного каждого раз сношения штабов обеих сторон.

Верно. За Делопроизводителя кн. Маврокордато.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 27.

**Телеграмма Н. П. Линевича В. Н. Коковцову
22 октября 1905 г.**

Семнадцатого октября уполномоченными армий с моей стороны генерал-майором Орановским и со стороны маршала Ойямы генерал-майором Фукушима подписан протокол соглашения о порядке эвакуации из Маньчжурии и о порядке передачи железной дороги:

Статья первая: «На основании добавочной статьи к статье третьей мирного договора между Россией и Японией, подписанного пятого сентября нового стиля — двадцать третьего августа старого стиля сего года в Портсмуте, заключено следующее соглашение: «Пункт а) К 31(2) декабря нового стиля — восемнадцатому декабря старого стиля 1905 года, русские войска в Маньчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Итунчжо — Ихечен — Уицгоу — Баmienчен — Суанченза и к северу; к 31(2) декабря нового стиля 18(2) декабря старого стиля 1905 года японские войска в Маньчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Факумынь — Цзинцзятунь — Чантуфу — Вейпумынь — Фушун и к югу. Пункт б) К первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, русские войска должны отойти на линию Суанченза — станция Гунчжулин — Итунчжоу и к северу от этой линии; японские войска на линию Фукумынь — Телин — Фушун и к югу от этой линии. Пункт в) К первому августа нового стиля, девятнадцатому июля старого стиля 1906 года, русские войска должны быть отведены на линию Санхотунь — город Куанчэнцзы — Палипу и к северу от нее; японские войска на линию — Синминтин — город Мукден — Фушун и к югу от нее. Пункт г) Каждая из договаривающихся сторон обязуется иметь в Маньчжурии к пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1906 года, не более двухсот пятидесяти тысяч строевых, а к пятнадцатому октября нового стиля, второму октября старого стиля 1906 года, не более семидесяти пя-

тысяч строевых. К пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1907 года, эвакуация войск обеих сторон из Маньчжурии должна быть закончена. Пункт д) Средняя численность стражи, которую обе договаривающиеся стороны могут содержать для охраны своих железнодорожных линий в Маньчжурии согласно первой добавочной статьи к Портсмутскому договору определяется по пятнадцать человек на километр.

Статья вторая, пункт а) Для передачи железнодорожной линии каждая из договаривающихся сторон назначает комиссию в числе трех членов из числа офицеров управления военных сообщений и инженеров. Комиссии должны начать работу около середины апреля нового стиля 1906 года, точное время и место встречи комиссий определяется отдельным соглашением. Пункт б) Сдача и прием железнодорожной линии к югу от станции Гунчжулина должна быть исполнена к первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, а станция Гунчжулин и участок к северу от нее — к первому августа нового стиля, девятнадцатому июлю старого стиля 1906 года. Пункт в) Точное определение конечного северного пункта железнодорожной линии, передаваемой Японии, будет решено дипломатическим путем».

Последнее решение принято вследствие того, что уполномоченные не могли прийти к взаимному соглашению относительно станции Куанчэнцзы. Кроме того, заключено особое соглашение о порядке допуска посторонних армий лиц в районы их расположения, согласно которому пропуск лиц, кроме местного населения, из района одной армии в район другой должен исполняться лишь по взаимному соглашению обеих сторон, об изложенном мною донесено его императорскому величеству.

Подписал: Главнокомандующий генерал-адъютант Линевиц.

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924). С. 27—29.

Письмо Н. П. Линевица Николаю II 6 декабря 1905 г.

Ваше императорское величество все милостивейший государь!

Ввиду прекращения телеграфного сообщения между Харбином, Читой, Иркутском, Омском и Европейской Россией, я не имел никакой возможности доносить вашему императорскому величеству о положении дел в армии и в областях Дальнего Востока. Ныне же, не ожидая открытия телеграфного сообщения, я представляю вашему императорскому величеству настоящее донесение с курьером.

Настроение в войсках владивостокского гарнизона и среди матросов сибирских экипажей в настоящее время не внушает опасения. Этому в значительной мере способствовала эвакуация некоторой части запасных из гарнизона морем.

Бывшие во Владивостоке 30-го октября беспорядки возникли, как выяснило производящееся следствие, главным образом на почве неудовольст-

вия запасных нижних чинов, рассчитывавших с окончанием войны на немедленное увольнение со службы. Этим неудовольствием запасных и матросов воспользовались для своих преступных целей прибывшие во Владивосток под видом рабочих агитаторы и натолкнули недовольных на погромы, грабежи и поджоги.

Следствие продолжается особой комиссией в составе представителей от всех ведомств и от города.

В армиях в настоящее время, хотя поддерживается спокойствие, но спокойствие это относительное. Крайне медленное отправление запасных нижних чинов на родину, делая их нетерпеливыми и нервными, порождает среди них брожение, доходящее иногда до открытого требования скорейшего их увольнения в запас.

Тем не менее при помощи моих ближайших сотрудников, командующих армиями и командиров корпусов, удастся до сего времени сдержать брожение в армиях и настолько, что со стороны запасных открытого неповиновения пока еще нигде не проявлялось, хотя не скрою, что брожение с каждым днем все более и более усиливается.

По имеющимся у меня сведениям, служащие на железных дорогах — Самарской, Сибирской, Забайкальской, Восточно-Китайской и Уссурийской забастовали по всем отраслям. К ним примкнули все служащие правительственного почтово-телеграфного ведомства. Забастовщики получают указания из Самарского центрального комитета. С 15-го ноября задерживаются все телеграммы, идущие из России, и я с того времени не получил ни одной телеграммы. На каждой из названных дорог образовался стачечный комитет, который и руководит своею дорогою.

В настоящее время Харбин вовсе не имеет телеграфного сообщения с Россией, а также и с Читою, но с Владивостоком и с Хабаровском сообщение имеется при посредстве войскового телеграфа.

Вместе с тем докладываю, что забастовка не распространяется на отправление войск с театра войны на родину, на подвоз продовольствия для армии и теплой одежды тоже для армии. При таких условиях мы имеем возможность отправлять войска на запад в среднем 4—5 поездов в сутки, именно: два эшелона 4-го Сибирского корпуса в Западную Сибирь, для охраны Сибирской железной дороги, один эшелон 1-й Сибирской дивизии в Забайкалье, для охраны Забайкальской железной дороги, и только один или два эшелона сквозных в Россию с запасными нижними чинами.

Столь малое число поездов, отправляемых в сутки, увеличивает неудовольствие среди нижних чинов.

Это обстоятельство заставило меня настаивать на отправлении ежедневно большего числа поездов. На это мне сообщили, что до заключения мира на Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской железных дорогах находились паровозы и подвижной состав, командированные с Российских железных дорог, и что в настоящее время, в виду возвращения таковых обратно в Россию, увеличить число поездов в сутки не представляется возможным.

Ввиду крайней необходимости ускорить эвакуацию запасных ходатайствую перед вашим императорским величеством о повелении вновь безотлагательно командировать паровозы и подвижной состав на Сибирскую, Забайкальскую и Восточно-Китайскую железные дороги. Также ходатайствую и о скорейшем доставлении в Харбин теплушек, о которых я просил генерала Палицына. Только этими мерами можно надеяться достигнуть ускорения эвакуации запасных и полного успокоения армии.

Как только придут на сибирские железные дороги паровозы и в Харбин 2800 теплушек, тотчас же начнется массовое отправление запасных в Россию.

В настоящее время на правильность движения по сибирским железным дорогам, ввиду частых забастовок и недостатка паровозов, рассчитывать совершенно невозможно, а посему для ускорения эвакуации запасных полагаю необходимым теперь же зафрахтовать такое число пароходов, которым можно было бы вывезти из армии 200 тысяч человек.

Кажущийся на первый взгляд громадный расход на эту операцию окупится тем, что не придется несколько месяцев держать в рядах войск действующей армии на довольствии лишних двести тысяч запасных нижних чинов, чем будут соблюдены и интересы казны. Кроме сего, скорая эвакуация запасных из армии принесет той же армии неоценимые выгоды в нравственном отношении. Я уже не говорю о том, что эти двести тысяч рабочих рук, в большинстве хлебопашцев, при условии эвакуации морем, вернутся на родину к весенним полевым работам.

Повергая вышеизложенное на благовоззрение вашего императорского величества, приемлю долгом доложить, что предлагаемые мною меры в настоящее время необходимы для спокойствия армии, иначе медленная эвакуация запасных может вызвать крайне нежелательные последствия.

Я неоднократно просил военного и морского министров о том, чтобы пленных не привозили во Владивосток, а прямо отправляли в Одессу. Но несмотря на мои неоднократные настойчивые просьбы, все же продолжают подвозить пленных во Владивосток. Просьба моя основывается на том, что перевозка пленных по железным дорогам в значительной мере задерживает эвакуацию запасных из действующей армии и тем самым еще более порождает неудовольствие среди нижних чинов запаса.

Испрашиваю по сему повеления вашего императорского величества.

Город Харбин в настоящее время представляет из себя гнездо всякого рода революционеров и агитаторов, которые, пользуясь тем, что запасные нижние чины в Харбине находятся в возбужденном состоянии, в виду их не увольнения в запас, стараются породить среди них смуту и неудовольствие против начальников, убеждая запасных, что их не отправляют на родину благодаря нежеланию начальства.

Почти ежедневно рабочими в Харбине устраиваются митинги, на которые приглашаются и нижние чины.

Несмотря на строгое воспреещение военнотружущим участвовать на каких-либо сходках, под угрозой предания ослушников суду по законам воен-

ного времени, все же замечалось, что нижние чины своевольно стараются их посещать. Последние главным образом принадлежали к составу железнодорожных батальонов, в виду близкого их соотношения к железнодорожным машинистам и мастеровым, с которыми они ежедневно работают в мастерских.

К сожалению, в Чите нижние чины и казаки приняли активное участие в действиях толпы, вместе с которою ходили к забайкальскому губернатору и демонстративно требовали от него освобождения из тюрьмы одного из арестованных за разбрасывание прокламаций и еще другого политического преступника, психически больного. Губернатор для поддержания спокойствия в городе вынужден был выполнить требование толпы.

Разного рода прокламации раздаются нижним чинам в большом количестве и даже выбрасываются с поездов, уберечь от них нижних чинов нет никакой возможности.

Рядом решительных мер мне удастся до сего времени поддержать дисциплину и удержать армию в строгом повиновении и, если есть брожение и неудовольствие, то все это происходит из-за медленного увольнения запасных на родину. В виду сего я позволяю себе всеподданнейше просить повеления вашего императорского величества спешно зафрахтовать пароходы для отправления нижних чинов на родину, и не на сто тысяч человек, как я доносил в моей телеграмме № 2100, а на двести тысяч человек.

Хотя в Харбине я имею надежного и распорядительного главного начальника тыла в лице генерала Надарова, который до сего времени удерживает Харбин в должном порядке и повиновении, тем не менее я предполагаю к 10-му декабря перевести в этот город самую надежную 1-ю Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию и командира 1-го Сибирского корпуса генерала Гернгросса, который будет достойным помощником генералу Надарову.

К огорчению, командующие 2-й и 3-й армиями генералы Бильдерлинг и Батянов стали за последнее время жаловаться на свое нездоровье и просят уехать в отпуск в Россию. Как ни грустно мне с ними расставаться в настоящее тяжелое время, тем не менее я вынужден буду их отпустить и вместо них назначить следующих по старшинству до расформирования штаба армий, каковое предполагаю назначить не позже 1-го января будущего года.

Кроме всего изложенного, я позволяю себе всеподданнейше просить ваше императорское величество даровать милость восточносибирским войскам, именно: в награду за их отличную боевую службу нижним чинам, принимавшим участие в военных действиях, уменьшить срок действительной службы на один год. Все строевые нижние чины срока службы 1903 года, внутренних округов, находящиеся ныне на Дальнем Востоке, на основании существующего закона будут в этом же году уволены в запас армии, тогда как восточносибирские войска будут служить еще один год. Ввиду сего я ходатайствую, чтобы восточносибирские войска в виде награды за их боевую службу на этот раз были бы уволены в запас наравне со своими сверстниками.

По сему вопросу я буду ожидать указания вашего императорского величества.

Независимо сего считаю долгом просить ваше императорское величество повелеть по следующим двум существенным вопросам:

1. Ходатайствую разрешить продлить выдачу чинам армии полевых порционных после 1-го января 1906 года до дня отправления каждой части с театра войны. В переживаемое тревожное время, а также вследствие увеличившейся, под влиянием забастовок, дороговизны жизни означенное разрешение продолжить выдачу усиленного довольствия было бы не только актом величайшей милости вашего императорского величества к чинам армии, но и вполне отвечало бы настоящей обстановке, оставшейся столь же тяжелою, как и в прошедшее военное время.

2. Ходатайствую о выдаче офицерам запаса, прапорщикам запаса, классным чиновникам и врачам при возвращении в Европейскую Россию путевого довольствия согласно основного положения ст. 122 кн. VI св. военн. пост. 1869 г., изд. 1891 г.

По указанному закону прапорщики запаса, офицеры запаса, классные чиновники и врачи, призванные на действительную службу, имели право на получение прогонных денег в оба пути, как при следовании в армию, так и при отъезде, и рассчитывали таковые получить. Между тем по окончании войны по военному ведомству последовало совершенно неожиданно распоряжение о прекращении выдачи прогонных денег лицам указанных категорий при возвращении из армии и назначено взамен их выдавать предложения и несоответствующие действительному расходу в пути суточные деньги.

Такое несвоевременно изданное мероприятие являлось несправедливым и вызывало естественное неудовольствие и брожение среди запасных офицеров, прапорщиков и врачей, особенно тех из них, кои рассчитывали на прогонные деньги, как на единственное подспорье до присылки места, и лишились его почти перед самым отправлением в Россию.

Опасаясь, что несправедливая отмена существовавшего до войны закона прибавит значительный элемент недовольных.

Несколько дней тому назад, именно 30-го ноября, я отправил к вашему императорскому величеству через японский полевой телеграф и через Шанхай телеграмму № 2100. Ввиду того, что телеграмма моя может не дойти до вашего императорского величества, я настоящее письмо, которое лишь служит дополнением посланной телеграммы, посылаю с офицером-курьером.

О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Главнокомандующий генерал-адъютант Линевиц.
Ст. Лешагоу. 6 декабря 1905 г. № 211.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевица. Л., 1925. С. 175—179.

**Мирный договор между Россией и Японией
Портсмут, 23 августа (5 сентября) 1905 г.**

Е. в. император всероссийский, с одной стороны, и е. в. император Японии — с другой, будучи одушевлены желанием восстановить пользование благами мира для их стран и народов, решили заключить мирный договор и назначили для сего своими уполномоченными, а именно:

е. в. император всероссийский — его высокопревосходительство г. Сергея Витте, своего статс-секретаря и председателя Комитета министров Российской империи, и его превосходительство барона Романа Розена, ...своего чрезвычайного и полномочного посла при Американских Соединенных Штатах; и

е. в. император Японии — его превосходительство барона Комура Ютаро, Юсамми, ...своего министра иностранных дел, и его превосходительство г. Такахира Когоро, Юсамми, ...своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при Американских Соединенных Штатах, каковые по размене своих полномочий, найденных в надлежащей форме, постановили следующие статьи.

Статья I

Мир и дружба пребудут отныне между их величествами императором всероссийским и императором Японии, равно как между их государствами и обоюдными подданными.

Статья II

Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, попечительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почитать необходимым принять в Корее.

Условлено, что русскоподданные в Корее будут пользоваться совершенным таким же положением, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что, во избежание всякого повода к недоразумениям, обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории.

Статья III

Россия и Япония взаимно обязуются:

1) эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I статьи, приложенной к сему договору, и

2) возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории.

Российское императорское правительство объявляет, что оно не обладает в Маньчжурии земельными преимуществами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая или несовместимыми с принципом равноправности.

Статья IV

Россия и Япония взаимно обязуются не ставить никаких препятствий общим мерам, которые применяются равно ко всем народам и которые Китай мог бы принять в видах развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

Статья V

Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству, с согласия китайского правительства, аренду Порт-Артура, Талиевана и прилегающих территорий и территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, связанные с этой арендой или составляющие ее часть, и уступает равным образом императорскому японскому правительству все общественные сооружения и имущества на территории, на которую распространяется вышеупомянутая аренда.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в вышеуказанном постановлении согласия китайского правительства.

Императорское японское правительство заверяет со своей стороны, что права собственности русскоподданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены.

Статья VI

Российское императорское правительство обязуется уступить императорскому японскому правительству, без вознаграждения, с согласия китайского правительства, железную дорогу между Чан-чунь (Куан-ченцзы) и Порт-Артуром и все ее разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в приведенном постановлении согласия китайского правительства.

Статья VII

Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических.

Установлено, что это ограничение не касается железных дорог на территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова.

Статья VIII

Императорские правительства российское и японское, в видах поощрения и облегчения сношений и торговли, заключат, в скорейшем по возможности времени, отдельную конвенцию для определения условий обслуживания соединенных железнодорожных линий в Маньчжурии.

Статья IX

Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной II статьи, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском.

Статья X

Русским подданным, жителям уступленной Японии территории, предоставляется право продавать свое недвижимое имущество и удаляться в свою страну, но, если они предпочтут остаться в пределах уступленной территории, за ними будут сохранены и обеспечены покровительством, в полной мере, их промышленная деятельность и права собственности, при условии подчинения японским законам и юрисдикции. Япония будет вполне свободна лишить права пребывания в этой территории всех жителей, не обладающих политической или административной правоспособностью, или же выселить их из этой территории. Она обязуется, однако, вполне обеспечить за этими жителями их имущественные права.

Статья XI

Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом.

Условлено, что таковое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях.

Статья XII

Так как действие договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией упразднено было войной, императорские правительства российское и японское обязуются принять в основание своих коммерческих сношений, впредь до заключения нового договора о торговле и мореплавании на началах договора, действовавшего перед настоящей войной, систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного государства в пределах другого.

Статья XIII

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего договора все военнопленные будут взаимно возвращены. Императорские пра-

ительства российское и японское назначат каждое со своей стороны особого комиссара, который примет на свое попечение пленных. Все пленные, находящиеся во власти одного из правительств, будут переданы комиссару другого правительства или его представителю, надлежащим образом на то уполномоченному, который примет их в том числе и в тех удобных портах передающего государства, кои будут заблаговременно указаны последним комиссару принимающего государства.

Российское и японское правительства представляют друг другу в скорейшем по возможности времени, после окончания передачи пленных, документами оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения. Россия обязуется возместить Японии, в возможно скорейший срок по обмену этих счетов, как выше установлено, разницу между действительным размером произведенных таким образом Японией расходов и действительным размером равным образом произведенных Россией издержек.

Статья XIV

Настоящий договор будет ратифицирован их величествами императором всероссийским и императором Японии. О таковой ратификации, в возможно короткий срок и во всяком случае не позднее, как через пятьдесят дней со дня подписания договора, будет взаимно сообщено императорским правительствам российскому и японскому через посредство посла Американских Соединенных Штатов в С.-Петербурге и французского посланника в Токио, и со дня последнего из таковых оповещений этот договор вступит, во всех своих частях, в полную силу.

Формальный обмен ратификаций последует в Вашингтоне в возможно скорейшем времени.

Статья XV

Настоящий договор будет подписан в двух экземплярах на французском и английском языках. Оба текста совершенно сходны; но, в случае разногласия в толковании, французский текст будет обязательным.

В удостоверение чего, обоюдные уполномоченные подписали настоящий мирный договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Портсмуте (Ньюгэмпшир) двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

Подписали: Ютаро Комура, Сергей Витте, К. Такахира, Розен.

Дополнительные статьи

Согласно постановлениям статей III и IX мирного договора между Россией и Японией от сего числа, нижеподписавшиеся уполномоченные постановили следующие дополнительные статьи:

I. К статье III

Императорские правительства российское и японское взаимно обязу-

ются начать вывод своих военных сил из территории Маньчжурии одновременно и немедленно по введении в действие мирного договора; и в течение восемнадцати месяцев с того дня войска обеих держав будут совершенно выведены из Маньчжурии, за исключением арендной территории Ляодунского полуострова.

Войска обеих держав, занимающие фронтальные позиции, будут отведены первыми.

Высокие договаривающиеся стороны предоставляют себе право сохранить стражу для охраны своих железнодорожных линий в Маньчжурии. Количество этой стражи не будет превышать пятнадцати человек на километр; и, в пределах этого максимального количества, командующие русскими и японскими войсками установят, по обоюдному соглашению, число стражников, которые будут назначены в возможно меньшем количестве, согласно действительным потребностям.

Командующие русскими и японскими войсками в Маньчжурии условятся обо всех подробностях относительно выполнения эвакуации, согласно вышеуказанным началам, и примут, по обоюдному соглашению, меры, необходимые для осуществления эвакуации в возможно скорейший срок и во всяком случае не позднее как в течение восемнадцати месяцев.

II. К статье IX

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего договора, Разграничительная комиссия, составленная из равного числа членов, назначенных каждой из высоких договаривающихся сторон, обозначит на месте постоянными знаками точную линию между владениями русскими и японскими на острове Сахалине. Комиссия будет обязана, поскольку топографические условия позволят, придерживаться 50-й параллели северной широты для проведения разграничительной линии, и, в случае если отклонения от таковой линии на некоторых пунктах будут найдены необходимыми, должные компенсации будут установлены соответственными отклонениями в других местах. Упомянутая комиссия обязана будет также изготовить перечень и описание прилегающих островов, входящих в состав уступленного, а в заключение комиссия изготовит и подпишет карты, устанавливающие пределы уступленной территории. Работы комиссии будут представлены на утверждение высоких договаривающихся сторон.

Вышеупомянутые дополнительные статьи будут считаться ратифицированными путем ратификации мирного договора, к которому они приложены.

Портсмут, двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

Подписали: Ютаро Комура, Сергей Витте, К. Такахира, Розен.

Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952. С. 337—344.

Манифест царя о заключении мира **Обнародован в Петербурге в октябре 1905 г.**

В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности Наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. Ныне эта столь тяжкая для всех борьба прекращена, и Восток Державы Нашей снова обращается к мирному преуспеянию в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам Империею Японскою.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, Мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящие Нам, совместно с избранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства России.

Рескрипт японского императора о заключении мира **Обнародовано в Токио 16 (3) октября 1905 г.**

Мы всегда считали основным принципом нашей международной политики поддержание мира на Востоке и обеспечение безопасности нашей Империи. Достижение этой главнейшей цели служило всегда предметом наших постоянных стремлений. Тем не менее по причинам, вызванным условиями самообороны, мы вынуждены были, к несчастью, начать враждебные действия против России. С самого начала войны наши сухопутные и морские вооруженные силы приступили к осуществлению всех мер, необходимых для защиты родины и для ведения военных действий. Войска перенесли всякого рода лишения во время военного похода в чужой стране и достигли блестящих успехов. Точно так же и все гражданские чины, согласно нашим предначертаниям, исполняли добросовестно свои обязанности для выполнения нашего желания. Были приняты все соответствующие положения вещей меры, необходимые как для ведения войны, так и для управления внутренними и иностранными делами. Наш бережливый и мудрый народ бодро нес тяжесть национального расхода и великодушно приносил свою лепту в военную казну, оказывая единодушно общую поддержку для нашего престижа и достижения величия государства. Результатами мы в значительной степени обязаны Благословенным духам наших предков, равно как и преданности своему долгу наших гражданских и военных служащих и патриотизму, граничащему с самоотвержением, присущему всему нашему народу. После 20 месяцев войны положение Империи упрочилось, а интересы государства обеспечены. Так как наше желание поддержать мир было всегда важнейшей целью, то продолжение военных действий противоречило бы нашему сокровенному желанию — не подвергать наш народ ужасам войны, без крайней необходимости.

Поэтому, когда президент Соединенных Штатов во имя мира и человеко-

любия напомнил, что правительства Японии и России могли бы выработать условия мира, мы, вполне ценя его доброе намерение, приняли его посредничество и в надлежащее время назначили уполномоченных для переговоров с уполномоченными России. Уполномоченные обеих держав съехались вместе и часто совещались совместно. Русские уполномоченные согласились на предложения наших уполномоченных, которые главным образом имели в виду цель, для которой начата была война и упрочение мира на Востоке, выказывая, таким образом, искренность своего желания заключить мир. Мы рассмотрели условия мира, выработанные уполномоченными, и, найдя их в полном согласии с нашим желанием, приняли эти условия и ратификовали их. Так как мы этим договором обеспечили мир и славу, то мы счастливы призвать благословение милосердных духов наших предков и завещать плоды этих великих дел нашим потомкам.

Наше искреннее желание разделить славу с нашим народом и долго наслаждаться благами мирных отношений со всеми народами. Россия снова находится в дружественных отношениях к Японии и мы искренно желаем, чтобы восстановленная дружба между добрыми соседями стала бы тесной и сердечной.

В настоящее время при всеобщем мировом прогрессе всех народов необходимо стремиться к тому, чтобы совершенствование государственного устройства не встречало препятствий как в отношении внутреннего, так и внешнего развития. Поддерживая боевую готовность и во время мира, необходимо стремиться к тому, чтобы внутреннее преуспевание было вполне обеспечено. Мы строжайше предупреждаем наших подданных воздержаться от манифестаций, вызываемых лишь тщеславной гордостью. Предлагаем им предоставить это их законным защитникам и со своей стороны сделать все, что в их силах, для усиления Империи.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 204—206.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 годов

1904 год

- 25 января (7 февраля)* — отправка транспортов с японскими войсками в Корею; выход японского флота к Порт-Артуру и Чемульпо.
- В ночь на 27 января (9 февраля)* — нападение японского флота на 1-ю Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре без объявления войны.
- 27 января (9 февраля)* — нападение японской эскадры на стоявшие в Чемульпо русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец»; мобилизация войск наместничества Дальнего Востока и Сибирского военного округа.
- 28 января (10 февраля)* — официальное объявление Японией войны России.
- 2 (15) февраля* — отправка конного отряда генерала Мищенко в Корею.
- 4 (17)—8 (21) февраля* — высадка в Чемульпо 12-й японской дивизии.
- 9 (22) февраля* — бомбардировка Владивостока японской эскадрой.
- В ночь на 11 (24) февраля* — первая безрезультатная попытка японцев заградить вход в Порт-Артур; японцы потеряли 5 кораблей.
- 29 февраля (13 марта)—16 (29) марта* — высадка у Чинампо 2-й пехотной и гвардейской японских дивизий, составлявших 1-ю армию генерала Куроки.
- 1 (14) — 2 (15) марта* — бой у Анчжю.
- В ночь на 14 (27) марта* — вторая безрезультатная попытка японцев заградить вход в Порт-Артур.
- 15 (28) марта* — бой у Ченчжю.
- 20 марта (2 апреля)* — уход конного отряда генерала Мищенко из Кореи.
- 31 марта (13 апреля)* — гибель адмирала Макарова на броненосце «Петропавловск».
- В ночь на 18 (26) апреля* — начало переправы японцев через реку Ялу.
- 18 апреля (1 мая)* — сражение на реке Ялу (Тюренченский бой).
- В ночь на 20 апреля (8 мая)* — отражение третьей японской попытки заградить вход в Порт-Артур.
- 22 апреля (5 мая)—30 апреля (13 мая)* — высадка 2-й японской армии генерала Оку (3-я и 4-я дивизии) у Бицзыво.
- 29 апреля (12 мая)* — окончательный перерыв железнодорожного сообщения с Порт-Артуром.
- 1 (13)—5 (18) мая* — гибель у Порт-Артура 2 японских броненосцев, 1 крейсера, 1 канонерской лодки, 1 авизо, 1 истребителя и 1 миноносца.
- 13 (26) мая* — Цзинчжоуский бой.
- Конец мая* — образование 3-й японской армии генерала Ноги и начало обложения Порт-Артура.
- 10 (23)—18 июня (1 июля)* — бои у Ташичао, Кангуалина, Янзелина и на Юшулинском и Пьелинском перевалах.
- 16 (29) июля* — образование 4-й японской армии генерала Нодзу из войск, высадившихся у Дагушаня.
- 28 июля (10 августа)* — попытка 1-й Тихоокеанской эскадры прорваться во Владивосток; морской бой у полуострова Шандуна и возвращение разбитой русской эскадры в Порт-Артур.

1 (13) августа — бой Владивостокской крейсерской эскадры с японской эскадрой адмирала Камимура; гибель крейсера «Рюрик».

6 (19)—11 (24) августа — первый общий штурм Порт-Артура.

17 (30) августа — 21 августа (3 сентября) — Ляоянское сражение и отход русской армии к Мукдену.

6 (19) — 9 (22) сентября — второй общий штурм Порт-Артура.

22 сентября (5 октября)—3 (16) октября — Шахэйская операция.

13 (26)—22 ноября (5 декабря) — третий общий штурм Порт-Артура и занятие японцами горы Высокой.

23 ноября (6 декабря) — реорганизация русских войск в три маньчжурские армии.

23 ноября (6 декабря) — 27 ноября (10 декабря) — гибель 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре.

20 декабря (2 января 1905 г.) — сдача Порт-Артура.

26 декабря 1904 г. (8 января 1905 г.) — 2 (15) января 1905 г. — набег русской конницы на Инкоу.

1905 год

12 (25) — 16 (29) января — наступление 2-й Маньчжурской армии и сражение у Сандепу.

Конец января — формирование 5-й японской армии генерала Кавамура.

6 (19) февраля — 27 февраля (12 марта) — Мукденское сражение и отход русских армий к Телину.

16 (29) марта — отход русских войск на Сыпингайские позиции.

4 (17)—11 (24) мая — набег русской конницы на Факумынь.

14 (27)—15 (28) мая — морской бой у острова Цусима и гибель 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр.

28 августа (5 сентября) — заключение Портсмутского мирного договора.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Международная ситуация на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны	7
Документы	46
Глава II. Российская и японская империи на рубеже XIX—XX веков	97
Документы	141
Глава III. На полях сражений	213
Документы	271
Глава IV. Портсмутский мир	374
Документы	394
Хронология важнейших событий русско-японской войны 1904—1905 годов ...	466

Шацилло В. К., Шацилло Л. А.
Ш 31 Русско-японская война. 1904—1905. Факты. Документы. —
М.: Мол. гвардия, 2004. — 470[10] с.: ил. — (Россия и мир).

ISBN 5-235-02665-9

В 2004 году исполняется 100 лет со дня начала русско-японской войны. Это событие сыграло важную роль в истории России начала XX века, повлияло не только на состояние российских вооруженных сил, но и резко ослабило авторитет страны на международной арене, вызвало рост внутриполитической напряженности. Слово «Цусима» стало символом неспособности самодержавия ответить на внешне- и внутриполитические вызовы, которые возникали в те годы перед страной.

Основанная на уникальных архивных документах, книга дает возможность взглянуть на события 100-летней давности как с политической, так и с экономической точки зрения и будет интересна не только специалистам, но и любителям истории, а также студентам исторических факультетов.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)53

Шацилло Вячеслав Корнельевич
Шацилло Лариса Александровна

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
1904—1905

Факты, документы

Главный редактор А. В. Петров
Редактор М. А. Щепетова
Художественный редактор И. И. Суслов
Технический редактор Н. И. Михайлова
Корректор Л. М. Логунова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 09.01.2004. Подписано в печать 11.05.2004. Формат 60х84/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон». Усл. печ. л. 27,9+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 43026.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.
Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02665-9

Книга посвящена
100-летию со дня начала
русско-японской войны.
Это событие сыграло
важную роль в истории
России начала XX века.
Слово «Цусима» стало
символом неспособности
самодержавия ответить
на внешне-
и внутриполитические
вызовы, которые возникали
в то время перед страной.

